
Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

- Геннадий БОРДЮГОВ Руководитель
 Андрей МАКАРОВ Генеральный директор
 Сергей ЩЕРБИНА Арт-директор
- Карл АЙМЕРМАХЕР Рурский университет в Бохуме
 Дмитрий АНДРЕЕВ МГУ им. М. В. Ломоносова
 Дитрих БАЙРАУ Тюбингенский университет
 Дьердь БЕБЕШИ Печский университет
- Владимир БЕРЕЛОВИЧ Высшая школа по социальным наукам, Париж
 Бернд БОНВЕЧ Рурский университет в Бохуме
 Ричард БУРГЕР INTAS, Брюссель
 Харуки ВАДА Фонд японских историков
- Людмила ГАТАГОВА Институт российской истории РАН
 Пол ГОБЛ Фонд Потомак
- Габриэла ГОРЦКА Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
 Андреа ГРАЦИОЗИ Университет Неаполя
 Никита ДЕДКОВ Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
 Ричард ДЭВИС Бирмингемский университет
 Стивен КОЭН Принстонский, Нью-йоркский университеты
 Алан КАСАЕВ РИА «Новости»
 Джон МОРИСОН Лидский университет
- Василий МОЛОДЯКОВ Университет Такусёку, Токио
 Игорь НАРСКИЙ Южно-Уральский государственный университет
 Норман НЕЙМАРК Стэнфордский университет
 Дональд РЕЙЛИ Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
 Борис СОКОЛОВ Русский Пен-центр
 Такеси ТОМИТА Сейкей университет, Токио
- Татьяна ФИЛИППОВА Российский исторический журнал «Родина»
 Ютта ШЕРРЕП Высшая школа по социальным наукам, Париж

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО
ИСТОРИКОВ РОССИИ:
20 ЛЕТ ПЕРЕМЕН

Под редакцией
Геннадия Бордюгова

Москва
2011

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*.

Корректурa: *Елена Зарайская*.

Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 520 с. – ISBN 978-5-91022-168-4.

В книге прослеживаются основные тенденции изменений в научном сообществе историков за последние два десятилетия и предшествующее им столетие. Авторы анализируют мировоззренческие и культурные ценности, которые доминируют в сообществе историков современной России, новые модели и формы объединения историков, новые вызовы, волнующие сообщество, нравы современных историков.

Книга рассчитана на специалистов и аспирантов.

СОДЕРЖАНИЕ

СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ РОССИИ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ ВВЕДЕНИЕ.....	7
<i>Геннадий БОРДЮГОВ</i>	

I. ПРОЛОГ

ИСТОРИКИ В ЭПОХУ ВОЙН, РЕВОЛЮЦИЙ И СОВЕТСКОГО СТРОЯ.....	17
<i>Владимир ЕСАКОВ</i>	
Идея науки у А.С. Лаппо-Данилевского.....	17
Советская власть и научное сообщество.....	19
Москва – центр академической науки.....	29
Новый идеологический прессинг.....	34
Историки в «оттепели» и «новом направлении».....	40
«ПРОФЕССИОНАЛЫ ИСТОРИИ» В ЭРУ ПУБЛИЦИСТИЧНОСТИ: 1985–1991 гг.....	55
<i>Ирина ЧЕЧЕЛЬ</i>	
Самоопределение исторической корпорации по отношению к предшествующей традиции.....	56
Самоопределение исторической науки 1985–1991 гг. по отношению к исторической публицистике.....	69
Историографическая культура отечественного сообщества историков 1985–2010 гг.....	95

II. ТРАНЗИТ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СООБЩЕСТВА

<i>Геннадий БОРДЮГОВ, Сергей ЩЕРБИНА</i>	
1. Анализ общих демографических параметров.....	122
2. Возрастные и территориальные характеристики.....	127
3. Профессиональные интересы.....	141
4. Смена приоритетов в научных и научно-популярных публикациях.....	167
5. Портрет российского историка.....	171

III. НОВЫЕ ФОРМЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ УЧЕНЫХ

СООБЩЕСТВА «НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИКОВ».....	177
<i>Дмитрий ЛЮКШИН</i>	
Национальные истории в отечественной историографической традиции.....	177
Сообщества «национальных историков»: жизнь после суверенного парада.....	180
Время переосмысления... отменяется.....	183
«Национальные историки» о периоде «собирания русских земель» на рубеже XX–XXI вв.: поиски места в российской историографии.....	185
РОССИЙСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ: ТРИ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗНАНИЯ И СООБЩЕСТВА.....	191
<i>Наталья ПОТАПОВА</i>	
Журнал как наследие: опыт реконструкции академических журналов.....	195
Журнал как бизнес: принципы маркетинга на примере «Нового литературного обозрения».....	215
Журнал как медиа-проект: стратегические принципы на примере журнала «Родина».....	220

ИСТОРИКИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ СООБЩЕСТВЕ	234
<i>Антон СВЕШНИКОВ, Борис СТЕПАНОВ</i>	
«Советское, значит отличное»: междисциплинарность в одной отдельно взятой стране	236
Романтика междисциплинарности: «Одиссей» и «THESIS»	239
«Лихие 90-е»: знание о прошлом между дисциплинами и институтами	242
Академическая периодика между 1990-ми и 2000-ми.	247

IV. ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ РУБЕЖА ВЕКОВ

КАНУН НОВОЙ ОРТОДОКСИИ. ИСТОРИК И ВЛАСТЬ В ПЕРЕСТРОЕЧНОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ	261
<i>Василий МОЛОДЯКОВ</i>	
Новая ортодоксия – 1: «социализм» против «сталинизма»	262
Новая ортодоксия – 2: «демократия» против «советчины»	266
Новая ортодоксия – 3: «путинисты» против «придурков»	271
ИСТОРИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И ТВОРЦЫ СЕНСАЦИЙ	281
<i>Никита ДЕДКОВ</i>	
На обломках империи	282
Предыстория	283
Вдали от шума городского	286
Успех	288
А что же историки?	289
МЕЖДУ КОНКУРЕНЦИЕЙ И ПАТЕРНАЛИЗМОМ: «ГРАНТОВЫЙ» ИСТОРИК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	301
<i>Игорь НАРСКИЙ, Юлия ХМЕЛЕВСКАЯ</i>	
«Грантовое пространство»	302
«Правила применения правил»: реалии грантовой политики	306
Эскиз к портрету современного грантополучателя-историка	310
Postscriptum	317
НРАВЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ К ПАДЕНИЮ И НАДЕЖДЫ НА ВОЗРОЖДЕНИЕ	321
<i>Борис СОКОЛОВ</i>	
Социальные корни нравов	322
Написание диссертаций за других лиц: стыдно или не стыдно?	323
Научное единомыслие по-постсоветски и борьба за власть в исторической науке	325
Государственная борьба с «фальсификациями, наносящими ущерб России», и нравы историков	329
Гносеологические корни нынешних нравов российских историков	331
Существует ли сообщество российских историков	334
Необходимость хартии историков	338

V. Российское научно-историческое сообщество в конце XIX – начале XXI вв.: публикации и исследования 1940-х – 2010-х гг.

<i>Иосиф БЕЛЕНЬКИЙ</i>	
1. Институты. Коммуникации. Традиции	344
2. Научные школы в отечественной исторической науке	371
3. Сборники в честь и памяти отечественных ученых-историков	389
4. Мемуары, дневники и письма отечественных историков	445
5. Биобиблиография ученых-историков	460
6. Биографические и биобиблиографические словари историков	468
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	479
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	511

СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ РОССИИ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ.

Введение

Геннадий БОРДЮГОВ

В последнее время заметно возросло внимание к истории историков и их объединений в составе гуманитарной элиты страны (1), их способам репрезентации, содержанию и самовосприятию собственной миссии, отношениям с властью и способам воздействия на общество (2). Этот факт можно объяснить тем, что историческое сознание и память, знание о прошлом являются одним из важных каналов формирования идентичности. Однако процесс перехода от «советского» к «российскому» или «русскому» не завершен, ценностно-символическое наполнение этой модели неочевидно. Понятно, что и сами историки непосредственным образом вовлечены в процесс масштабной рефлексии по этому поводу, хотя их корпоративная идентичность находится в зачаточном состоянии.

При подготовке предлагаемой книги её авторы на рабочем семинаре (2007 г.) практически в один голос утверждали, что единого профессионального сообщества историков в России нет, можно говорить лишь о разрозненных его фрагментах в разных местах и с разными функциями. Одновременно назывались такие корпорации, как Институты российской и всеобщей истории РАН, Исторические факультеты МГУ и СПбГУ. Когда речь шла о локальных исторических сообществах, разговор сразу переходил к научным школам, которые, однако, повсюду пережили кризис или вообще исчезли. В числе же внеинституциональных неформальных сообществ наиболее часто назывались Ассоциация «Историк и компьютер» (1986, 1992 гг.), Российская ассоциация историков Первой мировой войны (1989, 1991 гг.), Российское общество историков-архивистов (1990, 1991 гг.), Ассоциация исследователей российского общества (1991 г.), Российское общество интеллектуальной истории (2001 г.).

Национальной профессиональной ассоциации, как известно, у историков нет. «Серьёзен не столько теоретико-методологический раскол (плюрализм и многоголосие – норма научной жизни), – сетовал на международном круглом столе академик В.А. Тишков, – сколько жёсткая нетерпимость представителей разных групп и межпоколенческий раскол, вызванный почти закрытой возможностью карьерного продвижения для историков молодого и даже среднего поколения, желающих, например, возглавить кафедры, научные отделы и центры, журналы, институты. Представители старшего поколения и сторонники старых версий зачастую излишне болезненно воспринимают процесс пересмотра исторических версий как некое отрицание их собственной прожитой жизни» (3). Полагая, что эти проблемы можно все-таки решить, академик обратился к президенту РФ с предложением создать Общество историков России (4).

Известно, что в расширительном толковании научное сообщество связано с профессией, с одной научной дисциплиной (5). В классической для второй половины XX в. теории научных революций Томаса Куна понятие «научного сообщества» сопряжено с центральным для его концепции понятием «парадигма». Именно парадигма, которую разделяет научное сообщество, определяет критерии для выбора научных проблем, которые могут считаться в принципе разрешимыми и важными для исследования определённым научным сообществом. Однако парадигма может изолировать сообщество от тех социально важных проблем, которые нельзя представить в терминах концептуального и инструментального аппарата, предполагаемого парадигмой. С точки зрения Куна, зрелое научное сообщество в гораздо большей степени, чем любое другое профессиональное сообщество, изолировано от запросов непрофессионалов и повседневной жизни. Нет ни одного другого профессионального сообщества, где индивидуальная творческая работа столь непосредственно была бы адресована другим членам данной профессиональной группы и зависела бы от их оценки (6).

В отличие от Куна, идентифицировавшего научное сообщество и научную дисциплину, Пьер Бурдьё противопоставляет эти понятия. Он считает, что понятие «научное сообщество» выполняет функцию понятия «научное поле», представляющее собой пространство конкуренции между учеными за монополию научного авторитета, за власть, за легитимацию научной работы (7).

Одна из главных задач научного сообщества – производство нового знания. Решение этой задачи невозможно без подготовки научных кадров и бесцельно без практического использования полученного знания. Одним из особых видов научного сообщества, отражающих высокую стадию его развития, является «невидимый колледж» – организационная структура, основывающаяся на преимущественно неформальных коммуникациях ученых. Концепцию и термин «невидимый колледж» в западной социологии науки выдвинул Дирек де Солла Прайс. Он показал, что некоторые, хотя и не все, ученые в определенной области исследования поддерживают высокий уровень неформальной коммуникации и что информация, полученная таким путем, имеет важное значение для эффективного развития данного научного направления и получения новых результатов. «Невидимый колледж» – это коммуникативная структура науки, обладающая высокой степенью разнородности; она «неуловима» и относительно не структурирована. Ученые имеют множество контактов с коллегами не только в своих собственных областях исследования, но и в других сферах; некоторые из этих контактов носят случайный и мимолетный характер, другие оказываются продолжительными (8).

Когда возникает речь о сообществах историков в советское время, то обычно им противопоставляются научные сообщества, основанные на самоорганизации и самоуправлении, научные ассоциации и неформальные объединения, которые не были санкционированы формально-бюрократическими структурами управления. Некоторые историки науки считают, что такие объединения, как и вообще подлинное научное сообщество, существовало в России только до 1917 года, а затем было разрушено: «Стагнация советской науки в значительной степени была порождена именно невозможностью её функционирования по модели граж-

данского общества» (9). Какая же модель возникла в сталинское время, какие черты старой идентичности остаются устойчивыми до сих пор?

К одной из важных характеристик научных сообществ в советское время можно отнести их клановую замкнутость. Она проявлялась, прежде всего, в парадигматическом контроле (официальном и коллективном) за соблюдением внешних признаков научности, в ритуализации исследовательского процесса. И этот контроль являлся одновременно формой социального контроля за поведением подчиненных в зоне принуждения – лиц, вовсе не защищенных своей «творческой избранностью» (10). В 1930-е годы советское правительство (решениями 1932 и 1934 гг.) ввело иерархию научного сообщества: две ученые степени (доктор–кандидат) и три звания (профессор–доцент–ассистент); кафедры возглавляли заведующие, о былой свободе приват-доцентов в противовес власти профессоров не могло быть и речи. Одновременно наблюдается поляризация научной жизни, связанная с перемещением ведущих ученых из университетов в Академию наук, отделением науки от образования. В университетах действовал партийный контроль за подготовкой кадров для социалистической науки, немало было преподавателей, которые лишь косвенно были причастны к научной работе. Сами историки начали подразделяться на «всеобщих» и «отечественных».

Важно понять, однако, что новый статус ученых и сложная иерархия в научном сообществе складывались после Гражданской войны и культурной революции, в условиях чисток и показательных процессов над «вредителями» и «врагами народов», а затем – под угрозой попасть в целевые группы Большого террора из-за происхождения или политического прошлого. Однако политическая несвобода, подчиненность историков канонам сталинского «Краткого курса» и постановлениям ЦК компенсировались условиями работы, общим престижем науки, отношением государства к ней. Выгодность позиции, которая была обеспечена ученым социальным контрактом с государством, Вера Данэм объясняла «большой сделкой», способствовавшей формированию «нового сталинского среднего класса» (11).

Д.А. Александров сравнил советскую академическую элиту с «мандаринами кайзеровской Германии» – так, по примеру образованной элиты китайских чиновников, Фритц Рингер определил уникальную социальную группу немецких ученых, которые были одновременно и свободными, и государственными служащими с высоким статусом. До революции 1917 г. трудно было говорить о социальном контракте государства и российской профессуры – контракте, который позволял бы последней не только стать мандаринами в узком рингеровском смысле, но хотя бы выработать стиль мышления и привычки мандаринов. В советской системе это стало возможно – «профессора не просто получили жалованье от государства, они чувствовали, что служат своей стране и её культуре, а сам их тесный симбиоз с государством был выведен за пределы их сознания». Как и в Германии, в Советской России на передний план были поставлены ценности культуры, которые мандарины сохраняли и воспроизводили (12).

В послесталинский период была сделана попытка трансформировать «научный истеблишмент» в один из ключевых компонентов советской элиты, куда уже входили партийный аппарат, управленческая бюрократия и военно-промыш-

ленный комплекс (13). Заметная часть историков в партийном, статусном и даже родственном отношениях переплеталась с политическим классом, нередко стремилась использовать свои административные позиции для получения ученых и общественных званий. В научном сообществе, в котором критика и признание не имели смысла отдельно от административной карьеры, не имело особого смысла международное признание. Особенно, если речь шла об истории КПСС и других общественных науках (14).

В определенном смысле для получения признания существовал другой канал – научные школы. Однако они определяли не только определенный стиль исследования. Как пишет историк науки А.Б. Кожевников, «это социальная структура, построенная по принципу мафии, члены которой объединены личной преданностью к лидеру и пользуются его протекционистской поддержкой», она «типична для островков организации патриархального типа внутри цивилизации». Авторитетный ученый, пока он занимал прочные позиции, «создавал вокруг себя защитную зону для учеников и имел возможность продвигать их» (15). К числу же издержек подобных общностей относится то, что все замыкается на личности лидера, прочности его позиции, специфике научных пристрастий, которые со временем устаревают, потому что лидер слишком долго находился во главе школы.

И тем не менее именно через научные школы в позднесоветскую эпоху, когда государство теряло монополию на легитимацию работы интеллектуалов, возникала совершенно другая сфера, где легитимность устанавливалась как раз обратным порядком, в противовес этой официальной системе. Неформальные структуры внутри научного сообщества были еретическими по отношению к внешнему большому обществу, и несогласные, отторгнутые этими еретиками, в свою очередь, тяготели к официозу (16).

Дифференцированность сообщества историков на тех, которые были вовлечены в обслуживание идеологических установок власти по поводу прошлого, и так называемый «еретический», «отстраненный» сегмент, создавала повышенную конфликтность внутри профессиональной среды. Среди «отстраненных» понятия «карьера», «успех», «доход» были если не бранными, то во всяком случае неприличными и могли относиться только к «чужим». Доминировали стремление к самореализации, интерес к «проклятым» вопросам и идеализируемое будущее (17). Именно последние качества особенно манифестировались в годы перестройки. И в то же время еще сильнее усилилась неоднородность академической и университетской среды историков. Стал очевиден раскол на «ортодоксов», отказавшихся «поступаться принципами», и «модернистов», понимавших неизбежность перемен и объяснявших читателю, что «никого не дано». В то же время среди «модернистов» раздались призывы строго следовать «тоталитаристскому», «доктринальному» подходу в освещении советского прошлого – на том лишь основании, что он якобы победил на Западе так называемых «ревизионистов».

Последующие двадцать лет стали временем трудного перехода от старого к новому. Произошел крах государственной монополии на занятие наукой, возникла новая проблематика исследований, открылся доступ к ранее секретным

архивам, кончилась цензура, наступило освобождение от партийности, сложились новые отношения внутри сообщества. Одним из новых маркеров «элитности» в 1990-е годы стала «признанность» на Западе. Репрезентанты «западных» ценностей быстро создавали себе репутацию в сообществе историков (18). Новые имена возникали и в результате скандальных, шумных публикаций, провокационных заявлений или разоблачений (19).

Однако самое главное было связано со сменой парадигм, которые определяют исследование прошлого и его представления. Вместо господствующей нарративной истории распространение получала когнитивная (познавательная, аналитическая) история. Модернизм с его универсальными, все объясняющими теориями общественного развития стал уступать место постмодернизму (и главному течению в нем – постструктурализму) с его моделями многонаправленности и неравномерности изменений, с его дистанцированием от политических зависимостей, метода, идеологии, стратегии, авторитарной парадигмы, с его ставкой на самостоятельную роль слов и текстов, когда действительность произвольно структурируется в зависимости от слов и текстуальных «значений», произвольно выбираемых исследователями. И главное – с его тотальным, всеохватывающим и всепроникающим релятивизмом, оказавшимся полной противоположностью прежнему (не менее всеобъемлющему) оценочному монизму. Правда, этот модный метод не оправдал надежд в исторической среде, потому что не пожелал оставаться в рамках одного из методов и стал претендовать на абсолютность, из инструмента интеллектуального анализа начал превращаться в орудие контроля над мыслью. Постмодернисты заявляли, что поскольку ничто в мире не повторяется, то вообще нет необходимости знать историю, от «времени истории» надо освободиться.

В обретении профессиональной идентичности историка потребовалось заново пережить падение престижа истории, резкое ухудшение материального положения, необходимо было овладеть новыми практиками деятельности – умением работать в профессиональных сетях, с электронными ресурсами и информационными технологиями. К сожалению, освоение новых возможностей для коммуникации происходит медленно, традиционные формы обмена результатами исследований – через научную периодику, конференции и семинары – преобладают.

В целом же определяющими в исторической среде до сих пор остаются карьера и статус. И вновь вспоминается П. Бурдьё с его предупреждениями о том, что единственным «капиталом в научном мире является иерархическая позиция, а не исключительные качества произведения или исследователя», что в условиях рыночных отношений эти устремления лишь усиливаются (20). Добавим к этому, что сегодня защищенность от администрации у историков снижается, значение референтной группы (своей и мировых авторитетов) – падает. Перемена места работы грозит потерей статуса и выслуг, связанных со стажем работы. Реанимируется известный по недавним временам способ компенсации профессиональной несостоятельности ссылками на зажим со стороны начальства, недоступность нужной литературы или архивов. Кое-где возрождается знакомая групповая терапия – мы провинциальны, у наших университетов ограниченные

возможности и т. п. (21). К числу серьезных проблем научного сообщества историков России Алексей Берелович отнес исчезновение общей и общепризнанной инстанции (круг «великих личностей»), следствием чего стало «опасное для ученого ощущение самодостаточности, своеобразной оукленности». Научная легитимность получается внутри собственной группы – неважно, если она не признана более широко. Как преодолеть эту взаимоизоляцию? Автор не предлагает никаких рецептов – важно, чтобы разные инстанции и разные группы хотя бы знали о существовании друг друга (22).

Настоящая книга подготовлена группой исследователей из разных научных и образовательных центров России. Её основная идея заключается в том, чтобы проследить основные тенденции изменений в научном сообществе историков за последние два десятилетия и предшествующее им столетие. Авторы анализируют мировоззренческие и культурные ценности, которые доминируют в сообществе историков современной России, новые модели и формы объединения историков, новые вызовы, волнующие сообщество, нравы современных историков. Завершает книгу фундаментальный раздел, связанный с публикациями и исследованиями 1940-х – 2010-х гг. о научном историческом сообществе России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О дореволюционных исторических обществах см.: *Степанский А.Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 г. – М., 1975. С. 33–55; *Хартанович М.Ф.* Научные общества России // Вестник РАН. 1966. Т. 66. № 12. С. 1120–1126; *Её же.* Санкт-Петербург – центр российской гуманитарной науки XIX столетия // Там же. 2002. Т. 72. № 5. С. 422–425 и др. О проблемах сообществ советского и постсоветского времен см.: *Бурдей Г.Д.* Историк и война. – Саратов, 1991; *Историки России. Послевоенное поколение.* Сост. Л.В. Максакова. – М., 2000; *Корзун В.П.* Локальные научные сообщества в интеллектуальном ландшафте провинции // Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара. – СПб., 2000. С. 47–49; *Копсов Н.* Как думают историки. – М., 2001; *Сидорова Л.А.* Генерация историков как историографическая проблема // Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда. В 2-х т. Т. 2. – Омск, 2000. С. 69–72; *Она же.* Межличностные коммуникации историков: проблема отцов и детей // Историк на пути к открытому обществу. – Омск, 2002. С. 110–111; *Она же.* Проблемы «отцов и детей» в историческом сообществе // История и историки: Историографический вестник. – М., 2002. С. 29–42; *Она же.* Поколение как смена субкультур историков // Мир историка. XX век. – М., 2002. С. 38–53; *Кузнецова О.В.* Локальное научное сообщество историков в 90-е годы XX века (на материалах города Омска) // Мир историка. XX век. – М., 2002. С. 179–199; *Бобкова М.С.* Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 215–217; *Сидорова Л.А.* Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки: Историографический вестник. 2004. – М., 2005. С. 208–223; *Историк и власть: советские историки сталинской эпохи.* – Саратов, 2006; *Кефнер Н.В.* Научная повседневность послевоенного поколения советских историков [Рукопись]: автореферат дис.... канд. истор. наук. – Омск, 2006; *Мамонтова М.А.* Формы контроля общественно-популяризаторской деятельности провинциального историка в первое послевоенное десятилетие // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 3. – Омск, 2007. С. 137–156; *Дмитриев Александр.* Время историков // Неприкосновенный запас. 2007. № 5 (55); *Руткевич А.М.* Прошлое историка // Философский журнал. 2008. № 1 – URL: http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_1/5383-proshloe-istorika.html; *Культура Глянцевго века. Итоги первого десятилетия* // Политический класс. 2009. № 9 (57). С. 7–23 и др.

2. О повышенном внимании к проблеме свидетельствуют: Заседание секции «Производство, репрезентация и борьба “истин”: экспертные и интеллектуальные сообщества в России XIX–XX вв.» в рамках 16-го Международного симпозиума «Пути России. Современное интеллектуальное пространство» (январь 2009 г.); Всероссийская научная конференция «Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия» (Казань, октябрь 2009 г.); круглый стол Центра истории исторического знания ИВИ РАН «Трансформации исторических сообществ» (2009 г.); Международная научная конференция «Историки в России: между прошлым и будущим. Пятые Зиминские чтения» (Москва, февраль 2010 г.); круглый стол Франко-российского центра и РАН «История, историки и власть» (февраль 2010 г.); конференция Национального комитета российских историков «История, историки и современное общество: в поисках взаимопонимания» (Москва, ноябрь 2010 г.).

3. *Тишков В.А.* История и историки в современном мире // Выступление на международном круглом столе «История, историки и власть». Москва, 2 февраля 2010 г. См.: URL: <http://www.historia.ru/2010/01/tishkov.htm>

4. Правда, как соотносит это предложение и уже существующую, но мало известную Всероссийскую общественную организацию «Общество историков России»? См.: URL: www.oiros.org

5. Понятие научного сообщества как общности (коллектива) было введено в западной социологии науки в 1940-х гг. Майклом Поляни. В 1950-х гг. его развил Эдвард Шилз. Впоследствии оно стало фундаментальным представлением философии, социологии науки и науковедения. См. также: Социальные науки в постсоветской России. Памяти Г.С. Батыгина. – М., 2005; *Попова Татьяна*. К проблеме формирования научного сообщества историков исторической науки: размышления на заданную тему: URL: www.history.org.ua; Тенденции развития научных школ в современной России. – М., 2005 и др.

6. *Кун Т.* Структура научных революций. – М., 2002. С. 225–229, 265–268.

7. *Бурдые П.* Клиническая социология поля науки // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М. – СПб., 2001. С. 52–76; *Цыганков Д.Б.* Введение в социологию Пьера Бурдые // Журнал социологии и социальной антропологии / J. of sociology and social anthropology. – СПб., 1998. Т. 1. № 3. С. 148–155; *Шматко Н.А.* Анализ культурного производства Пьера Бурдые // СоцИс: Социологические исследования. – М., 2003. № 8. С. 113–120.

8. *Price D.J. de Sola.* Little science, big science. New York: Columbia University Press, 1986.

9. *Левин А.* Наука в России на пути к формированию гражданского общества // Философские исследования. 1993. № 4. С. 451.

10. *Рапопорт С.С.* Социокультурная компетенция интеллигента и здравый смысл // Социальные науки в постсоветской России. – М., 2005. С. 157–179.

11. *Dunham Vera.* In Stalin's Time. Middle Class Values in Soviet Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

12. *Александров Д.А.* Фритц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // Новое литературное обозрение. 2002. № 1 (53). С. 104. Автор рекомендует читателям также исследование: *Сорокина М.Ю.* Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. Материалы научной конференции. – СПб., 1997. В центр своего анализа автор поставила выдержку из письма В.И. Вернадского к сыну в 1929 г.: «Я хочу и могу жить в России, только будучи поставлен в особое положение, и пока это именем». К концу 1930-х гг. особый статус приобрело все большее и большее число ученых, включая историков, преимущественно в Академии наук, которая стала ведущим и привилегированным научным учреждением страны.

13. Один из примеров превращения научных сообществ в «политическую элиту» – история новосибирского Академгородка. См.: *Водичев Е.Г., Куперитох Н.А.* Первое десятилетие истории Новосибирского научного центра: институциональные коллизии и судьбы научных лидеров // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 58–75.

14. Научные концепции, открыто провозглашавшие связь с советской идеологией, всерьез не рассматривались западными учеными. В то же время известны примеры неидеологического влияния марксизма – к примеру, концепция Л.Н. Гумилева, которая не вызывала реакции отторжения и, напротив, активно обсуждалась зарубежными коллегами. См.: *Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. – М., 1991. Глава VII.

15. *Кожевников А.Б.* О науке пролетарской, партийной, марксистской // *Метафизика и идеология в истории естествознания*. Отв. ред. А.А. Печенкин. – М., 1994. С. 236.
16. См.: *Берелович Алексей.* О культе личности и его последствиях (заметки о позднесоветском интеллектуальном сообществе) // *Новое литературное обозрение*. 2005. № 6 (76) – URL: <http://www.polit.ru/article/2006/03/10/berelovich/>
17. См.: *Дубин Б.* Интеллигенция и профессионализация // *Свободная мысль*. 1996. № 10. С. 41–49.
18. Об этом подробнее см.: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Раздвоение ножа, или Диалектика желания // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 3 (49).
19. *Гудков Л., Дубин Б.* Молодые «культурологи» на подступах к современности // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 4 (50). С. 158–159.
20. См.: Тенденции развития научных школ в современной России. С. 12.
21. Подробнее см.: *Рапопорт С.С.* Социокультурная компетенция интеллигента и здравый смысл. С. 168–170.
22. *Берелович Алексей.* О культе личности и его последствиях (заметки о позднесоветском интеллектуальном сообществе).

I

ПРОЛОГ

ИСТОРИКИ В ЭПОХУ ВОЙН, РЕВОЛЮЦИЙ И СОВЕТСКОГО СТРОЯ

Владимир ЕСАКОВ

К началу XX века сформировалось научное сообщество историков России. Его представители находились в системе российских университетов – на историко-филологических факультетах, в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, её Отделении исторических наук и филологии. В профессиональной исторической среде и в первое пятнадцатилетие нового века складывались научные школы, определенные традиции и нравы¹. Однако Первая мировая война и российские революции 1917 г. вызвали радикальные изменения в науке и образовании, в сообществе ученых. Война привела к кризису еще недавно казавшегося незыблемым принципа единства мировой науки, переориентации основных направлений международных научных связей. Поскольку немецкая наука стала терять свое лидирующее положение в мировом научном сообществе, перед русскими учеными встала задача более тесного научного сотрудничества с союзниками.

С этой целью в Академии наук была создана Комиссия по культурному сотрудничеству с союзниками. В число разработанных ею в 1916 г. мер входила подготовка сборника «Русская наука». «Эта книга, – как отмечалось в отчете Императорской Академии наук, – могла бы послужить прочною основой для ознакомления наших союзников с тем, как сами русские ученые смотрят на то, что внесено русскою наукою в общую сокровищницу знаний»².

Идея науки А.С. Лаппо-Данилевского

Первое заседание авторов состоялось 25 февраля 1917 г., в дни нарастания массовых волнений, приведших к падению российского самодержавия. Академик А.С. Лаппо-Данилевский изложил свои соображения о разработке проблем истории науки, о характере и общем плане сборника «Русская Наука». Эти соображения явились, по существу, первой попыткой обоснования принципов подхода к проблемам изучения процессов развития науки в одной стране, хотя к этому времени уже был издан двухтомный сборник «Наука Франции».

Лаппо-Данилевский писал: «В смысле абсолютно-значимого систематического единства знания наука, разумеется, стоит вне пространства и времени, национальных особенностей и т. п. В смысле “движения научной мысли”, постепенного ее объединения – она имеет свою историю, которая происходит в данных условиях пространства и времени, в сознании. Движение научной мысли данного народа обнаруживается 1) в возрастающей самостоятельности его мысли, не-

зависимости от чужих образцов, и т. п. имманентное развитие, 2) в тех условиях места и времени, народного характера, культурных влияний, политического строя и проч., при наличии которых данный народ выбирает известные проблемы, ставит их так, а не иначе, употребляет известные способы их решения, подыскивает известные формы их выражения и проч. Под «идеей науки» можно разуметь то общее понятие о научном знании, которое, в сущности, формально обуславливает всякое специальное научное исследование, хотя и зависит в своем содержании от их результатов.

В различные периоды развития человеческой мысли такое общее понятие само, конечно, меняется: лишь мало помалу сознание его становится более ясным и более свободным от ошибок, затемняющих понимание науки, ее требования и запросы, ее искания и выводы, что соответственно отражается на общем ходе ее дальнейшего развития. С такой точки зрения возможно ставить проблему исторической эволюции самой идеи науки и в целой совокупности цивилизованных стран, и в одной из них»³.

Эти общие положения об исторической эволюции развития человеческой мысли А.С. Лаппо-Данилевский положил в основу концепции зарождения и развития русской науки и предложил научному сообществу утвердить её, что и случилось в июне 1917 г. К этому времени две трети членов Академии наук являлись представителями гуманитарного знания. Однако разработанный проект создания сборника «Русская наука» остался нереализованным, поскольку не был востребован новой советской властью. Она делала упор на разработку плана научно-технических работ, на связь науки с практикой. Вообще, непосредственное влияние Октябрьской революции на развитие отечественной науки и Академии наук в течение длительного времени явно преувеличивалось. Замалчивалось, в частности, резкое осуждение произошедших перемен научным сообществом. Это произошло на двух экстраординарных Общих собраниях Российской Академии наук в ноябре 1917 г. и на ее Годичном собрании 29 декабря 1917 г. Чрезмерно преувеличивалось значение ленинского «наброска плана научно-технических работ» для поддержки деятельности Академии наук в первые послереволюционные годы. Заметим в связи с этим, что набросок был обнаружен и опубликован Н.П. Горбуновым лишь в марте 1924 г.

Именно этот набросок плана использовался сначала как аргумент в проведении на рубеже 1920–30-х годов политики поддержки только учреждений отделения математических и естественных наук, всяческого ущемления ученых гуманитарных отделений Академии, а в хрущевские времена служил одним из важных аргументов в обосновании политики «восстановления ленинских норм партийной жизни».

Социальный эксперимент, начатый после октября 1917 г., коснулся всех сторон жизни российского общества. Провозгласив лозунги равенства и справедливости, советская власть приняла 11 (24) ноября 1917 г. Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов. Этим декретом были ликвидированы звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина), титулы (княжеские, графские и прочие, чины тайных, статских и иных советников). Если звания и титулы были, как правило, наследственными, то чины присваивались за выслугу лет и успехи

в военном деле и на государственной службе. Ими удостаивались и ученые. Так, в канун нового 1917 г. историк академик П.Г. Виноградов и востоковед профессор Ф.И. Щербатский «за отличие» были переведены из статских в действительные статские советники, многие другие профессора и преподаватели были удостоены перевода на следующую ступень российской Табели о рангах. Образованные слои русского общества спокойно отнеслись к этой ликвидации, явившейся для подавляющего большинства населения страны свидетельством демократизации общественной жизни.

Составной частью реформы системы образования в стране явилось постановление Совета Народных Комиссаров от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных научных и высших учебных заведениях Российской Республики». Этим актом устранялись ученые степени (доктора и магистра), звания (адъюнкта и приват-доцента), подразделение академиков и профессоров на ординарных и экстраординарных и т. п. Отмена степеней и званий привела к отмене имевшихся прав и привилегий. В вузах для лиц, ведущих самостоятельные курсы, устанавливалось единое звание профессора. К ним присоединялись приват-доценты, пробывшие в этом звании не менее трех лет. Для остальных работников вузов устанавливалось общее звание – преподаватель. Более того, все профессора и преподаватели, проработавшие в данном вузе 10 лет и имевшие 15-летний стаж учено-учебной деятельности, освобождались от должности и могли продолжить преподавательскую деятельность только после участия во всесоюзных конкурсах по замещению вакантных должностей на вузовских кафедрах. В результате этих мер усилилась политизация высшей школы и её преподавательского корпуса. В дальнейшем нарушения условий конкурса привели к забастовкам в вузах.

Советская власть и научное сообщество

Перелом во взаимоотношениях ученого сообщества с органами советской власти произошел после переписки с Народным комиссариатом по делам просвещения о проекте мобилизации науки для нужд государственного строительства. 19 февраля 1918 г. было принято решение о том, что «Академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром»⁴. В исторической литературе это постановление связывается, прежде всего, с перспективами деятельности академической Комиссии по изучению естественных производительных сил России, но значение его гораздо шире. Сформулировавший это постановление академик А.С. Лаппо-Данилевский включил в него и необходимость расширения работ таких комиссий РАН, как Комиссия для составления диалектологических карт русского языка, Комиссия по изданию «Академической библиотеки русских писателей», Комиссия по сборнику «Русская наука», Комиссия по изучению племенного состава населения России⁵.

После недолгого перерыва продолжили свою культурно-просветительную деятельность Общество истории и древностей российских (1804–1929), Общество любителей российской словесности (1811–1929), Общество любителей старины (1914–1920) и другие⁶. 2 августа 1918 г. были приняты государственные акты, значительно облегчившие получение высшего образования всеми гражданами республики. Это – декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения» и постановление «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР». Каждому гражданину, достигшему 16 лет, предоставлялось право стать слушателем вуза без предоставления аттестата или свидетельства об окончании какой-либо школы. Экзамены и плата за обучение отменялись. Представители молодежи сразу же воспользовались открывшимися возможностями. Однако, вскоре выяснилось, что многие из них оказались не готовыми к учебе в вузе. Это привело к идее создания особых учебных подразделений для подготовки к обучению в высшей школе – рабочих факультетов.

Сложное положение было с преподавательскими кадрами. Профессура получила возможность продолжать свою работу на университетских кафедрах. Основу же учебного плана составляли лекционные курсы, созданные еще до революции и сохранявшие основы официальной идеологии, неприемлемой в советских условиях. Чтение курсов по теории государства и права, истории религии, истории первобытной культуры, древней и средневековой истории занимало основное лекционное время и составляло основу преподавания. Понадобилось значительное время, а также упорная идеологическая и организационная работа большевистской партии и советского государства для перестройки гуманитарного образования. Первым шагом стала ликвидация исторических отделений на историко-филологических и юридических факультетах университетов. На их месте в марте 1919 г. в Московском и Петроградском университетах были созданы факультеты общественных наук (ФОНы) с экономическим, политико-юридическим и историческим отделениями. Произошли перемены и в профессорско-преподавательском составе. Вместе с известными историками – А.Е. Пресняковым, В.А. Городцовым, Ю.В. Герье, В.И. Пичетой и другими, выразившими желание сотрудничать с советской властью, на исторических отделениях получили возможность преподавать историки-марксисты М.Н. Покровский, В.П. Волгин, В.В. Адоратский, М.П. Павлович, А.Д. Удальцов. В учебный процесс были введены марксистские курсы: история социализма, Карл Маркс и марксизм, учение о происхождении общественных форм. Стали читаться лекции по истории рабочего класса, истории колониальной политики⁷.

В 1923 г. Наркомпрос мог уверенно заявить: «Мы перестроили управление высшей школой так, что мы можем уже диктовать ей ее задачи, наблюдать за их выполнением и принимать меры против их искажения»⁸. Движение за университетскую автономию потерпело поражение, восторжествовала система назначений. Однако программы преподавания социальных предметов, несмотря на отстранение наиболее ненадежных преподавателей и упразднение старых факультетов, осуществлялась медленно на протяжении всего десятилетия. Пролетаризация студенческого корпуса также наталкивалась на препятствия, несмотря на многочисленные чистки, призванные устранить чуждые элементы и постепенно уве-

личить долю студентов-коммунистов. Сосредоточив внимание прежде всего на административном контроле, большевистское руководство достигло главной цели – вырвало высшее образование из рук коллективной профессуры и подчинило его общегосударственной политике. Другие преобразования встретили гораздо меньшее сопротивление, преодолеть которое было гораздо легче. Независимые профессорские коллективы прекратили существование. Открытая критика политики в сфере высшего образования практически стала невозможной⁹.

В 1918 г. заместителем народного комиссара по просвещению был назначен М.Н. Покровский. Он осуществлял руководство, во-первых, как заместитель наркома, во-вторых, как обязательный советник (и руководитель) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще. Он серьезно повлиял на формирование советского сообщества историков, на организацию высшего и среднего исторического образования, научных учреждений, архивного и музейного дела в стране. Наряду с переизданием написанных еще до революции работ «Русская история с древнейших времен» и «Очерки истории русской культуры», а также сборников статей по внешней политике России в XIX – начале XX в., он подготовил новый труд – «Русская история в самом сжатом очерке», вышедшем в свет в двух частях в 1920 г. Первое десятилетие явилось временем внедрения в историческую науку марксизма-ленинизма и превращения его в методологическую основу всех отраслей исторического знания. М.Н. Покровский и юрист М.А. Рейснер выступили инициаторами создания первого марксистского научного центра – Социалистической академии общественных наук. Ее задачей должна была стать «разработка общественных наук с социалистической точки зрения»¹⁰.

Гражданская война привела к тому, что историки, как и все слои российского общества, оказались по обе стороны фронта – у белых и у красных. Наиболее квалифицированные ученые отбыли в эмиграцию или заняли выжидательную позицию. Особенно велики были потери во всех областях гуманитарного знания, представители которых не вписывались во вновь утверждавшуюся систему. Проводя классовую политику, органы советской власти практически всех деятелей науки, кроме небольшой группы, принимавшей участие в рабочем движении и революционной борьбе, относили к буржуазным специалистам. Положение обострилась к осени 1919 г., во время наступления Деникина на Москву. Прекратилось финансирование научных учреждений, были произведены массовые аресты ученых и профессоров. Хотя вскоре ученые благодаря активным протестам были освобождены, эта «превентивная» мера большевистской власти запомнилась надолго и оказала устрашающее воздействие на деятелей науки и культуры.

Введенные в это время трудовые повинности, карточная система, уравниловка в оплате труда и т. п. крайне отрицательно отразились на положении научных работников и их семей, что потребовало введения так называемых «академических» пайков. Созданная в октябре Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) и организованная при ней Экспертная комиссия провели значительную работу по классификации научных работников, ибо государство не имело возможности обеспечивать всю массу научных работников.

Экспертную комиссию возглавлял М.Н. Покровский, в ее состав входило два представителя от Российской академии наук – академики геолог А.П. Павлов и историк М.М. Богословский – и по одному представителю от Социалистической академии (последовательно ее представляли А.Д. Удальцов, В.А. Базаров, А.А. Богданов и Ф.А. Ротштейн), от ВСНХ, Наркоматов просвещения и здравоохранения. Было введено пять разрядов по научной квалификации работников, получающих «академическое обеспечение». При всем несовершенстве принятой схемы, ее политизированности и неполноте, вызывавших раздражения и уязвленные самолюбия, итоги работы Экспертной комиссии дают представление о кадровом составе деятелей науки и искусства на декабрь 1922 г.¹¹

	Москва	Петроград	Провинция	Деятели искусств		ВСЕГО
				Москва	Петроград	
5 разряд (ученые мирового значения и крупнейшие представители данной специальности в России)	25	25	5	2	1	58
4 разряд (виднейшие представители различных направлений в науке)	118	83	37	18	5	256
3 разряд (самостоятельные исследователи)	422	459	266	57	14	1218
2 разряд (преподаватели высшей школы со стажем и учеными трудами)	1218	1272	639	131	110	3370
1 разряд (начинающие ученые)	1101	637	767	100	17	2622
ВСЕГО	2884	2476	1714	303	147	7524

По данным Экспертной комиссии, научные работники в Москве распределялись по научным дисциплинам следующим образом: гуманитарные науки – 835 человек, точные – 729, прикладные – 500, медицина – 726 человек¹². В 1922 г. ЦЕКУБУ организовала в Москве на Пречистенке в особняке Коншиных Центральный Дом ученых. Его задачей являлось духовное общение деятелей науки и искусства на почве различных форм культурного общения, а также содействие к распространению научных знаний среди широких кругов населения. В ЦДУ устраивались лекции по наиболее актуальным проблемам науки и общественной жизни и литературно-художественные, музыкальные и семейные вечера. При Доме были открыты библиотека и два общежития для ученых, приезжающих в Москву для продолжительных научных занятий. Проживание в них было бесплатным.

В начале 1920-х годов резко возросла потребность в подготовке кадров советских и партийных работников. Вслед за созданным еще в 1918 г. Коммунистическим университетом имени Я.М. Свердлова в начале 1921 г. был организован Петроградский Коммунистический университет. В том же году для подготовки советских и партийных кадров восточных республик и областей был создан специальный Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), а следом – Коммунистический университет национальных меньшинств Запада

(КУНМЗ), готовивший национальные кадры для РСФСР. В коммунистические университеты был преобразован и ряд областных партийных школ в Казани (Комуниверситет Татарии) и Омске (Комуниверситет Сибири). В них читались общие курсы по русской, всеобщей истории и истории РКП(б), а также специальные курсы по истории внешней политики, истории войн, истории профсоюзного движения и т. п. Наряду с педагогической деятельностью в коммунистических университетах велась научная работа, организовывались научные дискуссии.

Одновременно шел процесс формирования научных центров в области обществоведения. В 1921 г. был создан Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, в 1923 г. – Институт В.И. Ленина; они были объединены в мае 1928 г. Созданная в 1924 г. на базе Социалистической академии общественных наук Коммунистическая академия объединяла целый ряд научно-исследовательских институтов – истории, экономики, философии и др.

Рост интереса к проблемам истории привел к возникновению научных обществ. В Петрограде возникло Научное общество марксистов, в которое входили историки, решившие изучать историю России с марксистских позиций. На изучение проблем революционного движения в России важное внимание оказывали Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и Общество старых большевиков. Они устраивали лекции, проводили вечера воспоминаний. Общество старых большевиков стало всесоюзным, имело более 50 филиалов, в 1928 г. оно состояло из 2381 человек¹³. Издавался журнал «Каторга и ссылка».

Декретом Совнаркома от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук» впервые в России создавались научно-исследовательские курсы или обществоведческие институты при факультетах общественных наук. Перед ними ставились две задачи – подготовить научных работников и осуществить исследования в области истории, политэкономии, философии и литературы. В научно-исследовательских институтах предполагалось использовать в основном опыт и знания старой университетской профессуры. Наркомпросом на основе этого декрета было выработано «Положение о научно-исследовательских институтах при вузах», которое решительно отвергало принцип их автономии и подчиняло советскому руководству ФОНы, но Положение сохранило определяющую роль советов, избираемых профессурой, в жизни институтов.

Однако реализация идеи создания этих институтов была нелегким делом, практическое руководство оставалось в руках старой профессуры. При обсуждении устава Исторического института МГУ, разработанного М.М. Богословским, профессора исторического отделения настаивали на «автономности» института. Единственный среди историков ФОНа коммунист В.П. Волгин тщетно пытался убедить их в необходимости контроля за работой института со стороны органов советской власти, но не нашел сторонников. В Петроградском университете профессура отказалась принять в качестве действительного члена Исторического института М.К. Лемке. Потребовалось вмешательство Наркомпроса, который назначил его профессором по кафедре истории России XIX–XX вв.

Вторым центром формирования кадров историков в 1920-е годы стал Институт красной профессуры. Он был создан декретом Совнаркома от 11 февраля 1921 г. Декретом предписывалось «учредить в Москве и Петрограде институты

по подготовке красной профессуры для преподавания в высших школах Республики теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства»¹⁴. По решению ЦК РКП(б) к созданию института в Москве были привлечены видные коммунисты М.Н. Покровский (председатель комиссии по организации ИКП), В.П. Волгин, В.В. Адоратский, А.Д. Удальцов, Н.М. Лукин, Ю. Мархлевский и Ш.М. Двойлацкий.

Наряду с разработкой проектов создания государственных центров по подготовке научных кадров Наркомпрос добился ликвидации Московского союза научных деятелей. Это союз, созданный в 1917 г., принимал меры для улучшения материального положения ученых, боролся за автономность высшей школы и научных учреждений. Обострение отношений между правительственным органом и общественной организацией было вызвано позицией союза по вопросам улучшения жилищных условий ученых и отношения к назначению, а не избранию, профессоров вузов. Это было вынесено на обсуждение Политбюро ЦК РКП(б), которое 8 апреля 1921 г. постановило:

а) Союз научных деятелей распустить, мотивируя это несоответствием с профессиональным уставом и противосоветской политической тенденцией, выразившейся в исключении так называемых «назначенцев», то есть профессоров, назначаемых Рабоче-Крестьянским правительством.

Распоряжение о роспуске должно быть произведено ВЦСПС и Компросом.

б) В том же постановлении о роспуске заявить с совершенной определенностью, что научное общество в целях пропаганды научных знаний, устройства лекций – советской властью приветствуется и поощряется и в том случае, если члены общества пожелают реорганизоваться на таких началах, то советская власть будет поддерживать это предприятие.

в) Дать директиву Компросу и МОНО, чтобы как отдельным лицам, так и научным обществам оказывать всяческое содействие для устройства научных лекций, популярных чтений в Москве и т. д. и обратить на это самое серьезное внимание...

г) Вопрос о домах для профессоров считать исчерпанным соглашением, достигнутым в комиссии ЦК РКП¹⁵.

Борьба с тенденциями, которые могут привести к политическим (расцениваемым только как антисоветские) выступлениям становится одним из важнейших направлений деятельности партии и органов советской власти по отношению к научным работникам за все время ее господства. Да и сами ученые уяснили это после печально знаменитой высылки представителей научной интеллигенции в 1922 г. Среди них были историк А.Ф. Изюмов, работавший старшим инспектором Главного управления архивным делом и преподававший на университетском отделении Московских курсов для рабочих, историк и политический деятель А.А. Кизеветтер – профессор Московского университета и член-корреспондент Российской Академии наук с декабря 1917 г., философ, психолог и экономист С.Л. Франк – профессор Московского университета, инженер В.И. Ясинский, бывший в 1922 г. председателем правления Центрального Дома ученых

в Москве, и другие¹⁶. Массовая эмиграция деятелей науки и техники и высылка профессуры привели к тому, что в стране стала испытываться острая нехватка квалифицированных и исследовательских кадров, в том числе историков. Она охватывала все стороны жизни и деятельности строящегося общества. На рубеже 1921 и 1922 г. состоялась дискуссия о судьбе научно-исследовательских институтов при вузах. Она исходила из того, что научно-политическая секция Государственного ученого совета Наркомпроса признала недопустимым оставлять подготовку преподавателей по общественным наукам в руках буржуазных профессоров.

В результате проведенной реорганизации число институтов сократилось – были закрыты Исторический институт при Петроградском университете, а также Социологический и Психологический институты при Московском университете, сохранившиеся институты при МГУ были объединены в Ассоциацию научно-исследовательских институтов во главе с президиумом, в который вошли коммунисты М.Н. Покровский, И.И. Скворцов-Степанов, Ф.А. Ротштейн, Д.В. Кузовков, В.П. Волгин. Коллегию Исторического института составили известный медиовист Д.М. Петрушевский (директор), М.Н. Петровский и А.Д. Удальцов. В коллегию Института археологии и искусствознания наряду с беспартийными учеными В.А. Городцовым и А.А. Сидоровым вошли коммунисты А.В. Луначарский, В.М. Фриче и П.С. Коган.

В мае 1924 г. Ассоциации научно-исследовательских институтов ФОНа МГУ было решено придать «всероссийский характер». К шести московским институтам были подключены ленинградский Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока и Кабинет по изучению марксизма при Восточном педагогическом институте в Казани – возникла Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), которая использовала творческий потенциал ученых старшего поколения. Подготовка научных кадров в РАНИОН осуществлялось на основе новой методологии с учетом дореволюционной практики. Подготовленные в институтах РАНИОН А.В. Арциховский, Р.А. Авербух, В.Д. Блаватский, Б.Г. Вебер, А.С. Ерусалимский, А.В. Ефимов, Я.Я. Зутис, С.В. Киселев, В.М. Лавровский, А.З. Манфред, Н.А. Машкин, А.И. Неусыхин, И.С. Нифонтов, С.А. Никитин, Б.Ф. Поршнев, М.К. Рожкова, М.М. Смирин, А.Н. Смирнов, С.А. Токарев, Н.П. Фрейнберг, В.М. Хвостов, Л.В. Черепнин, В.И. Шунков и многие другие оставили заметный след в советской исторической науке. В 1929 г. РАНИОН был включен в состав Коммунистической академии. В 1930 г. в ней работало 800 сотрудников и обучалось 700 аспирантов.

В 1930 г. в связи с реорганизацией университетов в МГУ на базе Этнологического факультета был создан Историко-филологический факультет, а в ЛГУ – Историко-лингвистический институт. В 1931 г. они были выделены в самостоятельные – Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ) и Ленинградский институт философии, истории, литературы и лингвистики (ЛИФЛИ). В результате, в 1931–1934 гг. университеты (в том числе Московский и Ленинградский) не имели исторических факультетов, что отрицательно сказывалось на их работе и на подготовке специалистов-историков.

С середины 1920-х годов Коммунистическая академия стала крупнейшим в стране центром советской науки, игравшим видную роль в развитии марксистской историографии. В ней 1 июня 1925 г. открылось научное Общество историков-марксистов. Вначале в него входило 40 человек, а к 1 января 1929 г. – 345. Общество сплотило марксистские кадры для ведения исследовательской работы в области истории и пропаганды исторических знаний, для борьбы с буржуазной идеологией. Его работой руководили М.Н. Покровский (председатель), Н.М. Лукин, А.В. Шестаков, П.О. Горин, Г.С. Фридлянд, В.Г. Кнорин и др. В Обществе историки-марксисты сотрудничали с беспартийными историками и педагогами, стоявшими на марксистских позициях. Основной формой деятельности Общества являлась постановка и обсуждение научных докладов и сообщений по различным проблемам истории. В составе Общества работами также Комиссия по истории революционных войн и вооруженных восстаний, Комиссия по истории пролетариата в России и Комиссия по разработке истории империалистической войны 1914–1918 гг. С мая 1926 г. Общество стало издавать журнал «Историк-марксист», а с 1931 – популярный исторический журнал «Борьба классов».

Важнейшим событием в жизни Коммунистической академии и ее учреждений явилась Всесоюзная конференция историков-марксистов, проходившая с 28 декабря 1928 г. по 4 января 1929 г. На ней были заслушаны доклады о деятельности ведущих исторических учреждений, обсуждены перспективы развития исследовательской работы в области истории. В конференции участвовало 300 делегатов и 300 гостей, представлявших 28 московских научных и учебных заведений и 73 – провинциальных. В их числе были ученые Москвы, Ленинграда, Белоруссии, Украины, Закавказья, Средней Азии. Всесоюзная конференция приняла решения о создании Института истории Коммунистической академии, о превращении Общества во всесоюзную организацию, об усилении внимания к вопросам преподавания исторических дисциплин и активизации борьбы с идейными противниками. В результате определился и подход историков-марксистов к историческому прошлому – отрицание каких-либо достижений предшествующей дворянской и буржуазной историографии, негативное изображение истории царской России, за исключением некоторых ее революционных страниц, разрыв в преемственности ее дореволюционной и послеоктябрьских эпох. В середине 1930-х гг. Общество историков-марксистов прекратило свою работу, хотя оно и не было ликвидировано¹⁷.

К началу 1930-х годов активизировалась деятельность Института Маркса–Энгельса–Ленина. Однако именно с его деятельностью связано начало проявления того, что будет названо позднее культом личности Сталина. Наряду с планировавшимися работами по подготовке научных биографий Маркса, Энгельса и Ленина, а также разработкой многотомной истории ВКП(б) увеличивалось количество изданий, посвященных Сталину, который уже входил в число основоположников марксизма-ленинизма. В ИМЭЛ замерли дискуссии, прекратились научные заседания с привлечением широких кругов историков-марксистов. Особенно резко эти тенденции проявились после публикации письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» – «О некоторых вопросах истории большевизма» (№ 6 за 1931 г.). Поэтому произошли изменения в руководстве журнала,

уменьшились публикация исследовательских статей и информация о деятельности института. Публикация письма, как писал академик П.В. Волобуев, послужила «сигналом к проработочной кампании не только в исторической, но и в других общественных науках. С этого времени утверждается диктат Сталина в области идеологии и причастных к ней наук. “Сталинская школа фальсификации”, выражаясь словами Троцкого, легла в основу развития советской исторической науки, прежде всего истории большевизма и российских революций»¹⁸.

При росте ведомственно-отраслевой и вузовской систем научных и научно-технических учреждений несомненным авторитетнейшим и наиболее значительным научным центром страны оставалась Российская академия наук. Это особенно проявилось в связи с подготовкой и проведением ее 200-летнего юбилея в 1925 г. Именно в связи с этим юбилеем политическое руководство СССР осознало значение Академии наук как влиятельной научной организации как внутри страны, так и вне ее. В дни юбилея АН была переименована в Академию наук СССР, выведена из ведомства Наркомпроса и передана в непосредственное подчинение Совнаркома СССР.

В условиях революционного слома старой государственной машины и создания новых органов власти и управления, выработки новых форм государственной и общественной жизни Российская академия наук была, пожалуй, единственным учреждением, сохранившим свою традиционную организацию. Практически ежегодно проходили общие отчетные собрания РАН и академические выборы, не прекращавшиеся даже в период гражданской войны. В 1918–1925 гг. было избрано 23 новых действительных члена и 12 из них были гуманитариями. В 1918 г. были избраны востоковеды египтолог Б.А. Тураев и индолог Ф.И. Щербатский; в 1920 г. – историк С.Ф. Платонов; в 1921 г. – литературовед М.Н. Розанов, историк М.М. Богословский, славист М.Н. Сперанский, арабист И.Ю. Крачковский и славяновед В.А. Францев; в 1922 г. – историк В.П. Бузескул; в 1923 г. – славист П.А. Лавров и языковед Б.М. Ляпунов; в 1925 г. – историк Н.П. Лихачев. Кроме того, на следующих выборах в 1927 г. академиками стали историки С.А. Жебелев и Е.В. Тарле¹⁹.

В 1927 г. был принят новый (первый советский) устав Академии наук СССР.

При утверждении его Политбюро ЦК ВКП(б) внесло в него две правки принципиального характера. Первая – исключила имевшийся в проекте устава пункт об утверждении членов Академии правительством, а вторая – предложила пункт устава о лишении академиков звания дать в следующей редакции: «Академик лишается своего звания, если он не выполняет заданий, возлагаемых на него этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред СССР»²⁰. Заметим, что в связи с этим по политическим мотивам из состава Академии наук СССР были исключены 78 ее членов²¹.

Выборы 1929 г. стали важным рубежом в истории Академии наук. Впервые в состав Академии баллотировались 7 ученых-коммунистов (Н.И. Бухарин, Г.М. Кржижановский, М.Н. Покровский, Д.Б. Рязанов, И.М. Губкин, Н.М. Лукин и В.М. Фриче), вокруг избрания которых и разгорелась основная борьба, когда на заключительном этапе выборов в результате тайного голосования Н.М. Лукин, В.М. Фриче и А.М. Деборин не получили необходимого количества голосов

и потребовалось дополнительное голосование для проведения их в состав Академии. Эта «неузязка», как тогда ее называли, вызвала резкую критику Академии наук и научного сообщества. Последовавшая следом реорганизация была навязана Академии наук партийными и контрольными органами в 1929 г. после обнаружения в Библиотеке и Архиве АН актуальных политических документов, среди которых особое внимание было уделено подлинникам отречений Николая II и Михаила и документам Департамента полиции, которые в свое время были официально переданы Временным правительством на хранение в Академию наук. Тогда и был разгромлен академический Архив мира и революции и практически и все гуманитарное отделение.

Только что назначенный вице-президентом коммунист Г.М. Кржижановский писал 11 декабря 1929 г. в Политбюро:

Считать целесообразным произвести постепенную ликвидацию 2-го отделения Академии наук (отделения гуманитарных наук) путем: а) незамещения впредь освобождающихся за смертью академиков вакансий; б) организационного слияния с другими научными организациями тех учреждений этого отделения, которые за смертью соответствующих академиков лишаются руководства и, наконец, в немедленной ликвидации в порядке реорганизации структуры и научной работы академии тех его учреждений, которые вообще не представляют собой значительной научной ценности²².

Против Академии был принят ряд репрессивных мер – снятие по телеграмме председателя СНК СССР А.И. Рыкова с выборных академических должностей неперменного секретаря Академии наук академика С.Ф. Ольденбурга и академика-секретаря Отделения гуманитарных наук АН СССР С.Ф. Платонова; реорганизация аппарата Академии; изъятие из академического архива и библиотеки ценнейших исторических документов; организация «академического дела» или «дела историков». Были арестованы и осуждены по сфальсифицированному обвинению в создании «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» академики С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, члены-корреспонденты АН СССР Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, С.В. Рождественский, А.И. Яковлев, профессора С.В. Бахрушин, В.И. Пичета, ученый секретарь Археографической комиссии А.И. Андреев, главный библиотекарь рукописного отделения Государственной публичной библиотеки В.Н. Бенешевич, ученый хранитель Пушкинского дома Н.В. Измайлов и др. Всего были обвинены 29 человек²³.

1 февраля 1930 г. в состав Академии были избраны члены партии А.В. Луначарский и В.П. Волгин, который через два месяца стал неперменным секретарем АН СССР и сыграл определяющую роль в «советизации» Академии наук. Большинство действительных членов Академии наук, избранных в 1929 г. и удвоивших состав академиков, были москвичами (60 %). Ими стали все названные коммунисты, а также историки М.С. Грушевский, М.К. Любавский, Д.М. Петрушевский, востоковеды китаевед В.М. Алексеев и монголовед Б.Я. Владимирцов, экономисты П.П. Маслов и С.И. Солнцев, языковед М.М. Покровский, литературовед П.Н. Сакулин.

В АН СССР была реорганизована система научных учреждений. Азиатский музей, Институт буддийской культуры, Туркологический кабинет и Коллегия востоковедов были в 1930 г. объединены в Институт востоковедения с историко-экономическим и литературоведческими секторами. На базе Историко-археографической комиссии, созданной в 1926 г., возник в 1931 г. Историко-археографический институт, преобразованный позднее в Институт истории. Специальные и вспомогательные исторические дисциплины изучались в организованных Институте антропологии, археологии и этнографии и в Институте книги, документа и письма. В 1929 г. в Академии была создана аспирантура для подготовки квалифицированных кадров научных работников. С 1931 г. был внедрен принцип планирования работ академических институтов.

В 1931 г. была нарушена более чем двухвековая традиция проведения общих собраний Академии наук только в ее конференц-зале на Университетской набережной в С.-Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Реорганизуемая Академия наук пришла к необходимости проведения выездных сессий, на которых бы обсуждались актуальные вопросы социалистического строительства. Первая чрезвычайная выездная сессия АН СССР состоялась 21–27 июня 1931 г. в Москве и была посвящена теме: «Что может дать наука для осуществления лозунга “Догнать и перегнать капиталистические страны”?».

Москва – центр академической науки

Середина 1930-х годов стала важнейшим этапом формирования Москвы как крупнейшего центра советской науки и одного из влиятельнейших очагов науки мировой. Консолидация в Москве всего наиболее ценного, что было в самых различных областях научной мысли, отражало претензии утвердившегося тоталитарного строя на лидирующее положение в мире, на пропагандистское приписывание провозглашенному социализму роли подлинного носителя мирового прогресса.

25 апреля 1934 г. Совнарком СССР принял историческое для судеб отечественной науки постановление о переводе Академии наук в Москву. Вместе с научными учреждениями туда переехало около 300 высококвалифицированных специалистов, в том числе такие крупные ученые, как академики А.А. Борисяк, С.И. Вавилов, В.И. Вернадский, И.М. Виноградов, В.А. Кистяковский, Н.С. Курнаков, Г.А. Надсон, В.А. Обручев, А.А. Рихтер, А.Е. Ферсман и др. Первое заседание Президиума Академии наук СССР в Москве состоялось 26 июня 1934 г. Его открыл президент АН СССР академик А.П. Карпинский, которому шел 88-й год. Он осмотрел новое помещение президиума, здания для институтов, 28 июня был принят председателем ЦИК СССР М.И. Калининым. В опубликованной на следующий день в «Правде» статье А.П. Карпинского отмечалось: «Академия наук переводится туда, где находится само правительство. Это логически правильно, последовательно и вытекает из самого существа Советской власти, относящейся к науке как к своему непосредственному помощнику и сотруднику в строительстве новой жизни».

Развитие научного творчества требовало не простого увеличения количества научных работников, а создания нормальных условий для деятельности выдающихся ученых. Вместе с тем, проведение жесткой классово-политической политики, усиление репрессивной политики государства на рубеже 20–30-х годов, «шахтинское дело», «процесс Промпартии», разгром аграрников-экономистов, «академическое дело» и т. п. оказало парализующее воздействие на научное сообщество историков, особенно на тех его представителей, которые были связаны с дореволюционной подготовкой, на тех, кого числили «буржуазными специалистами».

С переездом Академии наук СССР в Москву резко возросло непосредственное вмешательство партийно-государственного аппарата в ее деятельность. После XVII съезда партии Сталин при распределении обязанностей между секретарями ЦК взял на себя наблюдение за Культпропом ЦК ВКП(б), в структуре которого был создан и Отдел науки, научно-технических изобретений и открытий (заведующий К.Я. Бауман). Политбюро утверждало устав Академии, проводившиеся изменения в ее структуре, персональный состав руководства президиума и отделений, не только санкционировало проведение академических выборов, но и принимало постановления об утверждении действительными членами отдельных ученых, определяло финансирование Академии и ее импортные поставки, утвердило решение правительства об установлении с 1 января 1937 г. повышенных окладов действительным членам, членам-корреспондентам и научным сотрудникам АН СССР.

В годы «большого террора» Академия наук понесла существенный урон: на общем собрании АН СССР 29 апреля 1938 г. за деятельность, направленную «во вред СССР», были исключены 5 академиков, в том числе и Н.П. Горбунов, в 1935–1937 гг. исполнявший обязанности неперменного секретаря АН СССР, и 16 членов-корреспондентов.

Общественно-научные институты и кафедры всё более превращались в учреждения по разработке идеологии нового строя. По мере внедрения сталинских представлений о теории и практике усиливалась критика деятельности Коммунистической академии и ее руководства, научных обществ и общественно-научных журналов. В 1936 г. Коммунистическая академия была ликвидирована, а ее учреждения переданы в Академию наук СССР.

В 1930-е годы была развернута подготовка официальной многотомной «Истории гражданской войны в СССР». Для ее подготовки был создан секретариат главной редакции, развернуты комиссии содействия изданию во всех республиках, краях и областях. Центральное место в ней отводилось «выдающейся» роли Сталина в Октябрьской революции и Гражданской войне. Первый том этого труда вышел в 1935 г., второй – в 1941 г., завершающий пятый том увидел свет в 1960 г., уже в условиях борьбы с культом личности Сталина.

Важнейшей задачей в условиях возрастания значения истории в жизни общества явилось создание учебников по истории СССР и всеобщей истории для средней школы и для высших учебных заведений. В 1934 г. И.В. Сталин, А.А. Жданов и С.М. Киров выступили со своими замечаниями по поводу проекта учебника по истории для школы. Первоначально был объявлен конкурс на лучший учебник по истории СССР для 3-х и 4-х классов начальной школы. К ав-

густу 1937 г. Правительственная комиссия по конкурсу рассмотрела 46 учебников, подготовленных, как правило, специальными бригадами историков. Было решено первой премии не присуждать, а второй премии удостоился учебник, подготовленный кафедрой истории СССР Московского государственного педагогического института им. А.С. Бубнова, под редакцией А.В. Шестакова. В 1940 г. вышел учебник по истории СССР для 8–10-х классов средней школы, написанный К.В. Базилевичем, С.В. Бахрушиным, А.М. Панкратовой, А.В. Фохт, который неоднократно переиздавался. В том же 1940 г. были изданы учебники по истории древнего мира, средних веков, нового времени, отразившие достижение исторической науки и выработанную общую концепцию всемирной истории.

В середине 1930-х гг. развернулась работа по подготовке учебника по истории партии. Её возглавила комиссия, образованная Центральным Комитетом ВКП(б). Авторский коллектив при участии В.Г. Кнорина, П.Н. Поспелова, Е.М. Ярославского и др. подготовил несколько вариантов учебного пособия, но они не были приняты. В 1937 г. к составителям учебника обратился И.В. Сталин. В письме «Об учебнике истории ВКП(б)» он отметил недостатки подготовленных текстов, обратил внимание на то, что историю партии следует излагать в тесной связи с историей страны, освещая факты внутривластной борьбы, и предложил схему периодизации истории партии, доведя её до 1937 г. Сталин принял непосредственное участие в подготовке и редактировании текста учебника, написал для него философский раздел – «О диалектическом и историческом материализме». Во второй половине 1938 г. работа над учебником была завершена, он был сначала опубликован в периодической печати и вышел отдельным изданием под названием «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» говорилось, что эта книга представляет собой «энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма»²⁴.

Наряду с подготовкой учебников историки приступили к разработке проспектов и созданию многотомных трудов «История СССР» и «Всемирная история». Первый из них планировался в пяти томах, а второй – как 26-томное издание. В 1941 г. вышел в свет первый том коллективного трехтомного труда «История дипломатии». В конце 1930-х годов была критически пересмотрена историческая концепция М.Н. Покровского. Институт истории АН СССР выпустил два сборника – «Против исторической концепции М.Н. Покровского (1939 г.)» и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» (1940 г.). В них наряду с критикой ошибочных представлений Покровского об условиях формирования централизованных государств, становления самодержавия, восстаний С. Разина и Е. Пугачева и др. был допущен необъективный подход к работам Покровского, не учитывалась эволюция его взглядов, приписывалось положение об исторической науке как политике, опрокинутой в прошлое.

«Подлинным бичом исторической науки, – писал академик П.В. Волобуев, – как впрочем и других общественных наук, стали догматизм, конъюнктурщина, субъективный социологизм. Возведенный на пьедестал принцип партийности был примитивизирован, также как и его “собрат” в марксистской методологии –

принцип классового подхода. Марксистская методология и теория были предельно обеднены и вульгаризованы. И это выдавалось за развитие марксизма-ленинизма!»²⁵.

С началом Великой Отечественной войны многие историки ушли на фронт. Оставшиеся в тылу сосредоточили свое внимание на идейно-патриотической работе. На передний план вышла тематика исторического военного прошлого, борьбы народов СССР за независимость в годы вражеских нашествий. С осени 1941 г. до осени 1943 г. основная научно-исследовательская работа в связи с эвакуацией велась в глубоком тылу, хотя Москва сохранила оперативное руководство жизнью страны. Общественно-научные учреждения Академии наук СССР были эвакуированы в среднеазиатские республики.

В январе 1942 г. была создана Комиссия по составлению хроники обороны Москвы, которая занималась сбором материалов в боевых частях и районах Московской области, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. На ее базе была организована Комиссия по истории Великой Отечественной войны (во главе с И.И. Минцем), собравшая материалы по истории действующей армии, партизанских соединений, о героической труде советских людей. Усилиями ученых в годы войны закладывалась основа будущих научных трудов о выдающемся подвиге советского народа. Эти материалы были переданы в архив Института истории АН СССР.

Возвращение научных учреждений и вузов из эвакуации шло одновременно с дальнейшим расширением лидирующего положения столицы в развертывании и организации исследовательских работ. В октябре 1943 г. была создана Академия педагогических наук РСФСР для разработки и распространения педагогических проблем и содействия развитию народного образования. АПН РСФСР находилась в ведении Наркомпроса РСФСР, ее первым президентом был академик В.П. Потемкин. Важнейшее значение для развития исторической науки на заключительном этапе войны и в первый послевоенный период, а также для деятельности историков имело совещание в Центральном Комитете ВКП(б), проведенное летом 1944 г. Оно было направлено на усиление контроля и непосредственного влияния идеологического аппарата партии в сфере общественных наук. В работе совещания участвовали известные советские историки (как члены ВКП(б), так и беспартийные), в основном, исследовавшие историю СССР, секретари ЦК ВКП(б) А.А. Андреев, Г.М. Маленков, А.С. Щербаков, группа ответственных работников аппарата ЦК ВКП(б), ведавших идеологической, организационно-партийной и кадровой работой, – всего более 50 человек. Председательствовал на заседаниях А.С. Щербаков. Напомним, что кроме поста секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков в период совещания являлся секретарем Московского областного и городского комитетов ВКП(б), начальником Главного политического управления Красной армии, председателем Советского информационного бюро. Постановлением Политбюро ЦК от 18 мая 1944 г. ему дополнительно поручался контроль и наблюдение за работой государственных комитетов по делам искусств, кинематографии, радиофикации и радиовещания, Управления по охране военных тайн в печати²⁶.

Совещание открылось 29 мая 1944 г. выступлением Г.М. Маленкова. Стенографическая запись этого заседания пока не разыскана (возможно, она не сохранилась или вовсе не велась), но участница совещания А.М. Панкратова в письме своим ученикам, отправленном в Саратов 15 июня 1944 г., сообщала о выступлении Маленкова следующее: «Он сказал, что ЦК обсудил этот вопрос (очевидно, положение в исторической науке. – *В.Е.*) и счел необходимым встретиться с историками, чтобы обсудить спорные вопросы и выработать принципиальные установки для всех историков. Такова цель нашего совещания»²⁷. Какие другие темы затрагивал в своем выступлении Маленков и кто еще выступал в день открытия совещания, установить не удалось. Последующие заседания, целиком посвященные выступлениям приглашенных историков, состоялись 1, 5, 10, 22 июня и 8 июля 1944 года. Этот год считался некоторыми участниками совещания юбилейным. Прошло 10 лет с момента появления ряда постановлений Советского правительства и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах и вузах, замечаний И.В. Сталина, С.М. Кирова и А.А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории, писем Сталина в Политбюро ЦК с оценкой статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма», оказавших большое влияние на советскую историческую науку и преподавание исторических дисциплин.

На совещании утверждались интересы тоталитарного режима, ставилась задача направить внимание как старшего, так и нового поколения историков в нужное сталинскому режиму идеологическое русло. На совещании подверглись критике требования пересмотра историографии, шедшие от представителей «школы Ключевского», которые продолжали гордиться своей принадлежностью к этой школе. На совещании острой и необоснованной критике были подвергнуты Б.Д. Греков, М.Н. Дружинин, А.М. Панкратова, А.И. Яковлев и другие крупные ученые, предпринявшие первую в советской историографии попытку создания историй национальных республик и процесса объединения других народов вокруг России.

Наибольшей идеологической проработке подвергся доклад академика Е.В. Тарле «О роли территориального расширения России в XIX–XX веках», написанный в конце 1943 – начале 1944 г. Критика в адрес академика Тарле по ряду вопросов была научно обоснованной (например, по книге «Крымская война»). В то же время справедливые замечания Е.В. Тарле против шаблонного применения исследователями известных положений «царская Россия – жандарм Европы», «царская Россия – тюрьма народов», о большом значении обширной территории страны как важном факторе обороны против гитлеровского фашизма и некоторые другие были охарактеризованы на совещании как отступление от сталинских идеологических установок, как «оправдание» колониальной политики царизма, как преувеличение значения обширности территории страны для отражения фашистской агрессии, как преуменьшение роли социально-политического фактора (организаторской функции советской власти и партии) в победах Красной армии.

В ходе Великой Отечественной войны, вызвавшей гигантский подъем национального и патриотического самосознания народа, обозначились определенные

изменения в стиле и методах работы партийного и государственного аппарата: реальное свертывания бюрократизма, некоторое уменьшение репрессий, ослабление идейно-политического прессы в отношении творческой интеллигенции, религиозных организаций и т. п. Появились надежды на более существенные перемены в общественном и государственном устройстве. Некоторые представители научной, творческой интеллигенции почувствовали и использовали возможность более свободного выражения своих взглядов и мнений (в том числе и критических) по поводу советской действительности, по проблемам истории, философии, литературы и искусства²⁸.

Но надеждам научного сообщества не было суждено сбыться. Уже в первом значительном послевоенном выступлении – 24 мая 1945 г. на приеме в Кремле командующих войсками Красной армии – И.В. Сталин своей краткой речью о русском народе достиг решительного воздействия на ближайшие направления деятельности всех представителей общественных наук, в том числе и историков. От них потребовалось всестороннее рассмотрение вклада русского народа в прогресс человечества и в мировую культуру, решительная критика «теории заимствований», расширенный показа самостоятельности и внутренней обусловленности духовной жизни русской нации.

Усиление идеологического наступления под видом обеспечения условий для подъема общественных наук шло по линии укрепления историко-партийной науки. 8 октября 1945 г. Политбюро ЦК признало необходимым издание книги «Краткий курс истории ВКП(б)» тиражом в 10 млн. экземпляров²⁹. В январе 1946 г. было принято решение об издании собрания сочинений И.В. Сталина. Выступая 18 апреля 1946 г. на совещании в Агитпропе ЦК по вопросам пропаганды, секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов говорил об указании Сталина, что «лечение недостатков на идеологическом фронте должно идти отсюда сверху, из аппарата ЦК. Отсюда необходимость усиления *руководящего влияния партии на все отрасли идеологической работы*».

Новый идеологический прессинг

Постановлением ЦК ВКП(б) от 2 августа 1946 г. «О подготовке и переподготовке партийных и советских работников» были организованы Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б) и Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). В них были созданы кафедры истории ВКП(б), истории СССР и всеобщей истории, а в АОН и аспирантура по этим специальностям, выпускавшая кадры теоретических работников и преподавателей вузов.

Немаловажную роль для расширения направлений исторической науки имела организация в 1946 г. в системе Академии наук СССР Института истории естествознания и техники и Комиссии по истории исторической науки, а в 1947 г. Института славяноведения.

Ярким примером воздействия «сверху» стали знаменитые постановления ЦК партии по идеологическим вопросам, принятые в августе 1946 г., – «О журналах

“Звезда” и “Ленинград”», «О кинофильме “Большая жизнь”» и «О репертуаре драматических театров и мерах по их улучшению». Именно при рассмотрении на заседании Оргбюро ЦК вопроса о второй серии кинофильма «Большая жизнь» 9 августа 1946 г., Сталин подверг резкой критике вторую серию фильма Эйзенштейна «Иван Грозный», прямо вторгаясь в трактовку исторических событий. Сказав, что фильм – «омерзительная штука!», Сталин говорил об Эйзенштейне:

Человек совершенно отрекся от истории. Изобразил опричников как последних паршивцев, дегенератов, что-то вроде американского Ку-Клукс-Клана. Эйзенштейн не понял того, что войска опричнины были прогрессивными войсками, на которые опирался Иван Грозный, чтобы собрать Россию в одно централизованное государство, против феодальных князей, которые хотели раздробить и ослабить его. У Эйзенштейна старое отношение к опричнине. Отношение старых историков к опричнине было грубо отрицательным, потому что репрессии Грозного они расценивали, как репрессии Николая Второго и совершенно отвлекались от исторической обстановки, в которой это происходило.

В наше время другой взгляд на опричнину. Россия, раздробленная на феодальные княжества, т. е. на несколько государств, должна была объединиться, если не хотела попасть под татарское иго второй раз. Это ясно для каждого и для Эйзенштейна должно было быть ясно³⁰.

В 1946 г. цензура запретила «Книгу для чтения по истории СССР» М.Н. Тихомирова, изданную еще в 1941 г. Тихомиров, историк древней Руси, великолепный знаток документов того времени, сообщал читателям о Кевско-Печерском патерике и «Вопрошании Кириковым», других исторических документах церковного происхождения. Этих в общем невинных сведений оказалось достаточно, чтобы изъять книгу из библиотек³¹. Это свидетельствовало, что отныне не русский, а советский патриотизм стал господствующим в идеологии.

В насаждении идеологического диктата важную роль сыграли и исторические воззрения, провозглашенные властью в ходе судов чести – самой закрытой партийно-политической кампании, проведенной в 1947–1948 гг. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» было принято 28 марта 1947 г. Первый процесс был проведен в июне того же года в Министерстве здравоохранения СССР. Профессора Н.Г. Ключева и Г.И. Роскин были осуждены за антипатриотическую и антигосударственную деятельность на том основании, что рукопись подготовленной ими книги «Биотерапия злокачественных заболеваний» была направлена в американский Национальный раковый центр для ознакомления коллег и возможного перевода на английский язык. Передававший эту рукопись главный ученый секретарь Академии медицинских наук СССР В.В. Парин был объявлен американским шпионом и осужден.

Политические итоги этого процесса по поручению Сталина были сформулированы М.А. Суловым и стали «Закрытым письмом ЦК ВКП(б) по делу профессоров Ключевой и Роскина». Оно было зачитано и обсуждено во всех союзных министерствах и центральных ведомствах, зачитано на закрытых собраниях

партийных организаций страны. В нем Ключева и Роскин были названы «сомнительными гражданами СССР», руководствовавшимися «соображениями личной славы и дешевой популярности за границей». ЦК партии считал, что дело Ключевой и Роскина не является единичным, что оно не случайное явление, а «свидетельствует о серьезном неблагополучии в морально-политическом состоянии некоторых слоев нашей интеллигенции, особенно работающей в области культуры». «В нашем советском обществе», говорилось в закрытом письме, нашлись «люди, способные пойти на национальное самоуничтожение, на потерю сознания собственного достоинства, на коленопреклонение перед самыми ничтожными и продажными слугами иностранных капиталистов». Такая логика, ставшая политикой и практикой идеологической пропаганды, утверждала изоляцию советской науки и культуры, политизировала любые действия творческих людей, нивелировала позиции всех деятелей зарубежной культуры и науки, каких бы личных воззрений они не придерживались, как прислужников мирового капитализма.

«Как же, – вопрошалось в письме, – перед лицом всемирно-исторической роли, которую играет Советский Союз, могут сохраняться еще в порах могучего советского организма позорные явления пресмыкательства и неверие в силы своего народа? Как могли иметь место в таких условиях настроенная раболепия и преклонения перед иностранщиной?». Корни такого рода антипатриотических настроений и поступков, – следовал ответ, – заключаются в том, что «некоторая часть нашей интеллигенции еще находится в плену пережитков проклятого прошлого царской России. Господствующие классы царской России в силу зависимости от заграницы, отражая ее многовековую отсталость, вбивали в головы русской интеллигенции сознание неполноценности нашего народа и убеждение, что русские всегда-де должны играть роль “учеников” у западноевропейских “учителей”. Тем более это относилось к другим национальностям, населявшим царскую Россию, с наукой и культурой которых вовсе не считались. Оторванные от народа и чуждые ему правящие классы царской России не верили в творческие силы русского народа и не допускали возможности, чтобы Россия собственными силами выбралась из отсталости. Начиная с XVIII века Россия была наводнена иностранцами, которые вели себя как представители высшей расы и высшей культуры. Не случайно поэтому, что в XVIII – XIX вв. русское дворянство до того растеряло свой национальный облик и традиции, что забыло русский язык и рабски копировало все французское. Позднее преклонение перед французскими нравами и культурой сменилось у господствующих классов России низкопоклонством перед немцами. И ничего светлого и самостоятельного не было за последние два века в истории российского государства. Столь же зависимое положение было и у отечественной науки».

В закрытом письме ЦК сталинское руководство преподнесло, по существу, извращенную концепцию истории нашей страны, спекулятивную историю отечественной науки, которые стали основой теории и практики послевоенного сталинизма. Именно отказ от них и был провозглашен «оттепелью», а борьба с ними стала основным направлением движения диссидентов. Суды чести, практиковавшиеся в 1947–1948 гг. стали инструментом, придуманным сталинским руководством для подавления вспыхнувшего в послевоенном обществе естественного чувства раскрепощения, вызванного Победой.

Составной частью идеологического воздействия (особенно на обществоведов страны) стала философская дискуссия при ЦК ВКП(б), прошедшая в июне 1947 г. В критике философов и в призывах к развитию самокритики, прозвучавших в речи А.А. Жданова, проглядывали методические установки для анализа состояния научно-исследовательской деятельности. Философы, говорил Жданов, «не замечают беспринципности и безыдейности в философской работе, фактов пренебрежения современной тематикой, фактов раболепия, низкопоклонства перед буржуазной философией. Они, видимо, считают, что поворот в идеологической работе их не касается», а «этот поворот необходим»³². «Идет, – провозглашал он, – развернутое наступление на пережитки капитализма в сознании людей». Именно тогда были сформулированы основные сталинско-ждановские принципы перехода к «борьбе с космополитизмом», как к новому этапу идеологической работы в условиях «холодной войны». Для пропаганды нового идеологического курса, направленного на утверждение советского патриотизма и перевоспитание интеллигенции, был создан мощный пропагандистский центр – Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний.

Политико-идеологическая кампания оказала заметное влияние на деятельность исторических учреждений. В них на партийных собраниях и на заседаниях ученых советов прошел широкий обмен мнениями по вопросам теории и идеологии, по поводу идейного уровня исторических трудов.

Если организация и деятельность «судов чести» в 1947–1948 гг. осуществлялись в условиях строжайшей секретности, то в открытом виде борьба с космополитизмом развернулась после публикации в «Правде» 28 января 1949 г. статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Она положила начало массированному наступлению Сталина на интеллигенцию, на ученых, лишенных, как многократно повторялось тогда, чувства национальной гордости. Всем обвинениям придавался политический характер. Почин борьбы с безродным космополитизмом в области истории, как отмечал академик Ю.А. Поляков, был положен на расширенном объединенном заседании кафедр истории СССР, всеобщей истории и истории международных отношений Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) 11 марта 1949 г. На заседании, продолжавшемся три дня (11, 14 и 16 марта), в буржуазном космополитизме были обвинены «пробравшиеся в советскую историческую науку деятели» – О.Л. Вайнштейн, Г.А. Деборин, А.М. Деборин, Л.И. Зубок, В. Лан, И.И. Минц, И.М. Разгон, Н.Л. Рубинштейн. В качестве наиболее активных критиков были М.П. Ким, А.Л. Сидоров, Д.А. Чугаев. Выступили и более 10 аспирантов АОН. Вслед за этим критика буржуазных перерожденцев прокатилась по вузам и академическим институтам³³. Антисемитская направленность борьбы с космополитизмом была очевидной.

Критическое отношение к исторической науке наглядно проявилось в результате проверки Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) работы единственного в то время исторического журнала «Вопросы истории», издававшегося с 1945 г. Институтом истории АН СССР. Д.Т. Шепилов и Ю.А. Жданов в докладной записке, направленной Г.М. Маленкову и критикующие ошибки и недостатки в работе журнала, писали в марте 1949 г.:

Журнал не ведет последовательной борьбы против антимарксистских извращений в области истории. В журнале были опубликованы хвалебные рецензии на книги Р.Ю. Виппера «История средних веков» (№ 5, 1948 г.) и Е.А. Косминского «Исследование по аграрной истории Англии XIII в.» (№ 2, 1948 г.), в которых феодализм рассматривается не как социально-экономическая формация, а как правовое устройство. Р.Ю. Виппер игнорирует классовую борьбу крестьянства, считает движущей силой исторического процесса деятельность христианской церкви.

Редакция опубликовала ошибочные статьи Горянова по византиноведению (№ 4, 1946 г.), Косминского, Семенова, Мосиной по истории средних веков (№ 1, 1947 г.), восхваляющие представителей русской либерально-кадетской историографии – Петрушевского, Виноградова, Савина, Успенского и др., и отождествляющие буржуазную историографию и советскую историческую науку. Журнал не развернул борьбы против зарубежных фальсификаторов истории и поместил ряд статей, проникнутых духом буржуазного космополитизма и преклонения перед англо-американской реакционной историографией... Редколлегия журнала отказалась от критики порочной книги проф. Рубинштейна Н.Л. «Русская историография», осужденной советской научной общественностью за космополитические извращения и низкопоклонство перед наукой и культурой Запада. Журнал не организовал творческого обсуждения важнейших вопросов истории СССР и всеобщей истории, объявленные журналом научные дискуссии проводятся неудовлетворительно. Так, в основу дискуссии об образовании русского централизованного государства была положена явно ошибочная статья проф. Смирнова П.П., который считает, что решающим фактором возвышения Москвы и образования централизованного государства явился прогресс в области сельского хозяйства. Ввиду этого отклики на статью явились, в сущности, защитой общепринятых взглядов и, в итоге, дискуссия не дала ничего нового по вопросу о возникновении русского централизованного государства.

Указывалось, что

Редакционная коллегия не справляется со своими обязанностями. Из 13 членов редколлегии 10 являются руководящими работниками Института истории, которые всячески ограждают институт от критики на страницах журнала. Ввиду этого антимарксистские извращения, допущенные в ряде работ Института истории, не были подвергнуты критике на страницах журнала. Поступающие в редакцию критические рецензии на работы, выпущенные Институтом истории, или не печатаются вовсе, или переделываются в угодном для руководителей Института направлении. Редколлекцией была отклонена критическая статья об ошибочной книге по истории СССР академика И. Минца, изданной Высшей партийной школой. Коренной переработке с целью смягчения критики подверглась статья т. Кудрявцева о сборниках Института истории «Исторические записки».

По мнению ЦК, Редакционная коллегия в значительной мере состоит из людей, допустивших серьезные методологические и политические ошибки и извращения в своих научных работах. Член редколлегии академик Косминский в своей

работе «Исследование аграрной истории Англии в XIII в.» и в статье Д.М. Петрушевский, опубликованной в сборнике «Средние века» (т. II, 1946 г.),

... ставит знак равенства между либерально-буржуазной и советской историографией, подменяя марксизм экономическим материализмом. Член редколлегии журнала «Вопросы истории» профессор Тихомиров в учебнике по истории СССР для педучилищ допустил ряд серьезных антимарксистских извращений. В учебнике отсутствует классовый поход к оценке исторических событий, игнорируется прогрессивная роль революционно-демократической мысли, превозносится значение церкви, религии и т. д. Член редколлегии академик Минц опубликовал в журнале «Вопросы истории» (№ 1 за 1949 г.) статью «Ленин и развитие советской исторической науки», в которой дано ложное изображение советской исторической науки, дезориентирующее советских историков. По мнению Минца, «начало изучения советского периода истории нашей страны» положили его ближайшие ученики Городецкий, Генкина, Разгон и др., в действительности не имеющие серьезных научных работ». Члены редколлегии – профессора Панкратова, Хвостов ...перегружены работой в других учреждениях и обязанности членов редколлегии не выполняют.

Рассмотрев вопрос «О мерах по улучшению работы журнала “Вопросы истории”» Политбюро ЦК ВКП(б) 4 апреля 1949 г. постановило:

ЦК ВКП(б) отмечает, что журнал «Вопросы истории» за последнее время ухудшил свою работу, ведется неудовлетворительно и редакционная коллегия журнала не справляется со своими обязанностями. Страницы журнала «Вопросы истории» заполняются статьями на случайные и узкие темы, не имеющие серьезного научного значения. Журнал не организовал творческого обсуждения важнейших вопросов истории СССР и всеобщей истории. Журнал «Вопросы истории» не ведет последовательной борьбы против антимарксистских извращений в исторической науке.

1. Утвердить следующий новый состав редакционной коллегии журнала «Вопросы истории»: т.т. Удальцов А.Д. (главный редактор), Андреев В.А., Беглов И.И., Волков И.М., Греков Б.Д., Дружинин Н.М., Каммари М.Д., Ковалевский А.И., Найда С.Ф., Рубцов Б.К., Сидоров А.Л.

2. Обязать редакционную коллегия журнала «Вопросы истории» принять меры к устранению указанных в настоящем постановлении ошибок и недостатков журнала, обеспечить высокий идейный и научный уровень публикуемых статей, превратить журнал в руководящий орган советской исторической науки»³⁴.

Через год с небольшим партийному воздействию подверглись и исследования историков в области востоковедения. 28 июня 1950 г. Суслов писал Сталину:

В результате проверки состояния научной работы в области востоковедения установлено, что научная разработка актуальных вопросов истории, экономики, политики и культуры советского и зарубежного Востока серьезно отстает от потребностей развития науки и нужд высшей школы нашей страны. Одной из главных причин неудовле-

творительного состояния научной работы в области востоковедения является то, что Институт востоковедения Академии Наук СССР (директор академик В.В. Струве) не справляется с возложенными на него задачами. Дирекция Института не обеспечивает правильного ведения научной работы и разрешения актуальных проблем в области востоковедения. Институт востоковедения, находящийся в г. Ленинграде, оторван от центральных партийных и советских учреждений и не получает должного руководства. Неудовлетворительно поставлена научно-исследовательская работа в области востоковедения также в Тихоокеанском институте Академии Наук (директор т. Жуков Е.М.). В целях коренного улучшения научной работы в области востоковедения считать возможным принять предложение Академии Наук о переводе Института востоковедения из г. Ленинграда в г. Москву и слияние его с Тихоокеанским институтом и Московской группой Института востоковедения Академии Наук СССР. Считаю целесообразным принять также предложение президиума Академии Наук об утверждении директором Института востоковедения видного советского ученого, профессора, доктора исторических наук т. Толстова С.П. Заместителем директора Института востоковедения целесообразно было бы утвердить крупного специалиста по истории древнего Востока, профессора, доктора исторических наук т. Авдиева В.И.³⁵

3 июля 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) в резолюции, персонально одобренной Сталиным, постановило:

Принять следующие предложения Президиума Академии Наук СССР: Президиум Академии Наук СССР устанавливает, что научная работа в области востоковедения, ведущаяся в институтах Академии Наук, находится в неудовлетворительном состоянии. Институт востоковедения Академии Наук и Тихоокеанский институт за последние годы не подготовили и не издали научных трудов по актуальным вопросам востоковедения. Научная разработка истории, в особенности новой и новейшей истории, языка и литературы, экономики и политики стран современного Востока, а также национально-колониальных проблем в настоящее время не координируется и не направляется каким-либо научным центром³⁶.

Историки в «оттепели» и «новом направлении»

В условиях послесталинской оттепели произошло некоторое смягчение партийно-государственного диктата в области науки. Начались реабилитации заключенных. Появились новые издания (доклады, труды, ученые записки, краткие сообщения) исторических учреждений, а с 1955 г. начали выходить журналы «Исторический архив» и «Советское востоковедение». Рост самосознания ученых активно проявился в проведении общеакадемических активов деятелей науки и техники, в возросшем числе научных совещаний и конференций по актуальным вопросам развития науки. В 1954 г. в Институте истории АН СССР был создан Отдел истории социализма.

Огромное значение для сообщества историков имели решения XX съезда партии. Они были восприняты как провозглашение научной и творческой свободы. Были предприняты попытки углубить критику «культы личности» и перенести ее на критику существующей системы. На собрании парторганизации Института востоковедения АН СССР говорилось, что члены Политбюро несут ответственность за положение, сложившееся в партии, и выдвигалось предложение о проведении дискуссии по докладу Хрущева³⁷. На партийном собрании Института права АН СССР резкой и развернутой критике подверглись работы академика А.Я. Вышинского. Было возбуждено ходатайство о снятии из названия института его имени³⁸.

Основой дальнейшей разработки проблем истории советского общества и деятельности И.В. Сталина стало постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. Однако противоречием ему являлось постановление ЦК КПСС от 9 марта 1957 г. «О журнале “Вопросы истории”». Главный редактор А.М. Панкратова и ее заместитель Э.Н. Бурджалов подверглись резкой критике за публикацию нескольких дискуссионных и проблемных статей, по-новому оценивавших Октябрьскую революцию и ее руководителей. «Это постановление ЦК, – писал П.В. Волобуев, работавший в то время в Отделе науки ЦК КПСС, – было воспринято прогрессивной частью научного сообщества неодобрительно, но, на мой взгляд, в отличие от прошлого, оно не стало непреодолимой преградой на пути развития исторической науки. Процесс ее поступательного развития продолжался по многим направлениям»³⁹.

О состоянии научного сообщества историков и создаваемых ими трудов в новых условиях шла речь и на знаменитом Всесоюзном совещании историков, созванном по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР в декабре 1962 г. На совещании было отмечено, что к 1 октября 1961 г. в высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях страны работает свыше 17 тысяч историков, среди которых немало крупных ученых. В работе совещания участвовало около двух тысяч человек⁴⁰. На пленарном заседании выступил академик Б.Н. Пономарев с докладом «Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории». На совещании работали три секции – истории КПСС, истории СССР и всеобщей истории. Выпущенная стенограмма совещания, писал академик Ю.А. Поляков, «является книгой уникальной»: «получилась фотография, отразившая широкий спектр мнений, возникший тогда среди историков; и элементы растерянности, и привычку следовать генеральному курсу. Отвыкшие от масштабных дискуссий, обрадованные возможностью поговорить о насущном историки всех республик выступали в большинстве горячо, взволнованно, искренне»⁴¹.

В то же время совещание проходило в условиях отката оттепели и возвращения к грубым формам идеологического нажима со стороны партийных организаций. Проявлением этого стало постановление Секретариата ЦК КПСС от 13 ноября 1962 г. о прекращении издания журнала «Исторический архив». В качестве формального повода считалось, что редколлегия «допустила серьезную ошибку, опубликовав тенденциозно подобранные материалы “Из переписки К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко (1902–1917 гг.)” и вступительную ста-

тью т. Подольского к этим материалам, в которой искажается дореволюционная история Московского художественного театра». Председательствовавший на заседании секретарь ЦК Ф.Р. Козлов вместо обсуждения подготовленного вопроса заявил, что предлагает «вопрос по существу не обсуждать, а журнал закрыть». Последовавшие ходатайства историков, архивистов, деятелей культуры против закрытия единственного журнала, публиковавшего новые архивные материалы, воспоминания старых большевиков, ветеранов войны и социалистического строительства, успеха не имели⁴². Отвечая на критику о закрытии журнала «Исторический архив», прозвучавшую в ряде выступлений на совещании историков, Б.Н. Пономарев в своем заключительном слове свел проблему только к качеству журналов и их рентабельности.

Вскоре после совещания историков при Академии наук были окончательно сформированы научные советы по крупным научным проблемам, которые все более становились организационными центрами исторических исследований. Их функцией являлась координация исследовательской работы в масштабе всей страны. Возникли и развернули свою деятельность научные советы по таким проблемам как закономерности исторического развития общества и переход от одной социально-экономической формации к другой, основные закономерности и особенности развития России в период империализма (исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции), история Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, история социалистического и коммунистического строительства в СССР, история внешней политики СССР и международных отношений, история международного рабочего и национально-освободительного движений, история исторической науки. Возникли научные советы по славяноведению и востоковедению и др. С 1958 г. существовал Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. Научные советы составляли сводные планы исследовательских работ и научных конференций, участвовали в подготовке коллективных трудов, представляли ежегодные отчеты, включавшиеся в отчеты Академии наук СССР.

Проблемы научной повседневности послевоенного поколения советских историков всесторонне изучила Н.В. Кефнер, которая считает, что именно сравнительное изучение генераций дает новый угол зрения на многие общие проблемы исторической науки, в частности, на преемственность и разрыв научной традиции. Многие историки, процесс профессионального становления которых пришелся на 1940–1950-е годы, уже в 1960–1970-е гг. становятся знаковыми фигурами советской исторической науки, продолжая выдерживать высокий научный уровень и в постперестроечное время⁴³. Безусловно, для советской историографической традиции был характерен гипертрофированный классовый подход, в том числе и к истории исторической науки, что сказывалось и на оценке 1940–1970-х гг. Большинство исследований той поры сосредоточивали свое внимание почти исключительно на достижениях советской исторической науки. В качестве отрицательного социального фактора многими авторами называлось влияние культа личности Сталина. Хотя в целом модель взаимоотношения между учеными обществоведами и властью, когда власть выступала в качестве организатора и контролера научного знания, принималась и оценивалась как естественная⁴⁴.

По мнению Л.А. Сидоровой, сложность развития исторической науки заключалась в том, что она находилась в противоречивых условиях: некоторая трансформация государственной идеологии совмещалась со стремлением власти сохранить идеологический контроль. Такой феномен был назван «санкционированной свободой»⁴⁵.

В 1964 г. на заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР обсуждался вопрос о разработке методологических вопросов истории. В принятом постановлении подчеркивалась важность изучения узловых проблем методологии. В Институте истории АН СССР был создан соответствующий сектор, специально этими вопросами стал заниматься Исторический факультет Томского университета. В секторе Института истории, который возглавил М.Я. Гефтер, говорили об отставании методологии от конкретных исследований, шел поиск новых подходов⁴⁶. Он нашел отражение в книге «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (1969; ответственный редактор М.Я. Гефтер, члены редколлегии А.Я. Грунт, В.Л. Мальков и Л.Н. Чернова). Кроме 8 исследовательских статей в книге были опубликованы результаты обсуждений докладов Я.С. Драбкина «Нерешенные проблемы изучения социальных революций», Б.Ф. Поршнева «Мыслима ли история одной страны?», А.С. Арсеньева «Историзм и логика в марксистской теории», И.В. Бестужева «К анализу характера внешней политики и войн. Критерии прогрессивности и справедливости». Сама постановка этих проблем в опубликованном издании вызвала резкую критику в печати и была осуждена на заседании Бюро Отделения истории АН СССР. В рецензии, опубликованной в журнале «Вопросы истории», говорилось, что авторы книги «направили свои усилия в сторону от магистральных путей марксистско-ленинской исторической науки, от тех оценок и выводов по рассматриваемым проблемам, которые содержатся в документах КПСС. Авторы ушли в сторону от действительно насущных вопросов, диктуемых современностью, выдвигаемых партией. Сделанное на первых страницах книги заявление о “новом прочтении” классического марксистско-ленинского наследия оказалось на деле большой, но совершенно не оправданной претензией»⁴⁷.

Вся кампания борьбы против «новопрочтенцев» противоречила самому курсу партийного руководства на последовательное соблюдение ленинского принципа партийности в исторической науке. Позиция историков являлась, по существу, логической реакцией профессионалов на тенденции реанимации сталинского идеологического диктата. Эти тенденции усилились после снятия Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. Они активно проводились в жизнь Отделом науки ЦК КПСС во главе с С.П. Трапезниковым (заведующим сектором истории был С.С. Хромов), Очагом сопротивления стал коллектив Института истории АН СССР. Работая надписанием многотомной «Истории СССР», его сотрудники вновь столкнулись с директивой о пересмотре событий, в которых принимал участие Хрущев, вновь в полной мере встала «фигура умолчания» в освещении тех страниц истории страны, к которым он имел отношение. В результате в середине 1960-х годов возникло идейное противостояние партийной организации Института истории АН СССР с партийными инстанциями⁴⁸.

Коллектив Института истории и его партийная организация были самым высококвалифицированным отрядом в научном сообществе историков СССР. На начало ноября 1967 г. в нем работало 665 научных работников (вместе с Ленинградским отделением). Среди работающих – 5 академиков, 2 члена-корреспондента АН СССР, 108 докторов наук, 242 кандидата наук и 215 младших научных и научно-технических сотрудников. На учете в партийной организации состояли 371 член КПСС и 7 кандидатов в члены партии. Среди коммунистов – 3 академика, 2 члена-корреспондента, 70 докторов наук, 178 кандидатов наук, 120 специалистов с высшим образованием⁴⁹.

На обсуждение парткома, партийных собраний секторов выносились важные вопросы работы института и партийных организаций. Партийная организация Института истории, секретарем которой был В.П. Данилов, для закрытого партийного собрания 19 февраля 1966 г. подготовила специальный доклад, в котором был поднят ряд принципиальных теоретических и методологических вопросов – о роли исторической науки в нашем обществе, о необходимости снятия запретов в исследовании отдельных проблем, событий и целых исторических этапов, о создании демократической, свободной обстановки в науке. Как это ни парадоксально, партком, который в своей практической деятельности опирался на решения высших партийных органов, оказался в конфронтации со Старой площадью, ибо там лишь формально провозглашали борьбу с последствиями культа личности, а на деле (особенно после партийно-государственного переворота 14 октября 1964 г.) пытались свести ее на нет. В аппарате ЦК партии (особенно в Отделе науки) задавали тон чиновники, стремившиеся к восстановлению режима сталинского времени. Эта позиция особенно укрепилась после чехословацких событий 1968 г.

Вместе с тем сотрудники института истории внимательно следили за событиями, происходившими в стране и в науке. Немалую роль сыграли и сами историки из числа бывших заключенных – И.Ф. Гиндин, А.В. Снегов, С.М. Дубровский, В.М. Далин и другие. Историки часто беседовали с бывшим в то время аспирантом академика И.И. Минца Петром Якиром. Принимали участие в диспутах, проходивших в других научных институтах, особенно в Институтах востоковедения и философии АН СССР и Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Сотрудники Института истории присутствовали на концертах А. Галича и Ю. Кима, постоянно посещали спектакли «Современника» и «Таганки», бывали в мастерских художников. В институте неоднократно проходили встречи историков с литераторами. Историки Института одними из первых выступили в защиту журнала «Новый мир» и его главного редактора А.Т. Твардовского. М.Я.Гефтеру вместе с Я.С. Драбкиным и В.Л. Мальковым в 1965 г. удалось опубликовать там статью «Мир за двадцать лет» (№ 1). В 1966 г. Е.Г. Плимак поместил статью «Радищев и Робеспьер». Но его следующая статья «Чернышевский и Шлоссер» была пресечена Главлитом, как до этого и статья В.П. Данилова и С.И. Якубовской «О фигуре умолчания в исторической науке». Партком Института истории откликнулся на различные события общественной жизни, такие, в частности, как статья скульптора Е.В. Вучетича в газете «Известия» (14 апреля 1965 г.), в которой, по сути, оправдывалась сложившаяся в период культа

личности теория двух правд – «правды факта» и «правды жизни», разделявшую объективность и партийность. Протестная статья историков – членов парткома, защищавших демократические перемены в стране, не была опубликована газетой.

Новые по духу произведения писателей и поэтов, полотна художников, кинофильмы и театральные постановки привлекали к себе внимание широкой аудитории, но демократическое движение в академическом Институте истории партийные власти сочли более опасным. Благодаря своему профессионализму историки могли квалифицированно анализировать прошлое и настоящее положение в стране, выявить роль власти как причины бедствий, наметить путь действительного изживания тяжелейших последствий недавнего прошлого. Между тем оберегая свои привилегии бюрократия, прикрываясь словами о демократии, в конечном счете стремилась восстановить командно-управленческую систему, хотя и без крайностей, существовавших при Сталине. Так выглядела обстановка, в которой развертывалась деятельность парткома Института истории АН СССР в 1966–1967 гг.

Ставший знаковым доклад парткома, оглашенный на закрытом партийном собрании 19 февраля 1966 г., был в основном написан В.П. Даниловым, Я.С. Драбкиным и К.Н. Тарновским. Краткие замечания или редакционные вставки внесли А.М. Некрич, Е.Г. Плимак, С.Л. Утченко, Е.Н. Городецкий, В.Т. Пашуто. Доклад состоял из 4-х разделов: 1) Советская историческая наука после XX съезда. 2) Некоторые новые черты в развитии нашей науки. 3) О падении престижа исторической науки и его причинах. 4) О некоторых вопросах развертывания исследовательской работы в Институте. В прениях выступили И.В. Бестужев, М.П. Ким, Н.А. Ерофеев, Э.Б. Генкина, А.А. Губер, К.Ф. Мизиано, П.А. Лисовский, С.И. Якубовская, В.Д. Мочалов. А.Я. Аврех, С.О. Шмидт, Е.Г. Плимак, Я.И. Линков, М.С. Альперович, И.Е. Зеленин, В.Ф. Зыбковец, А.М. Анфимов, М.С. Волин, Я.Н. Щапов, В.М. Растяпин, И.С. Смирнов, Ю.М. Игрицкий. Участники прений дали докладу самую высокую оценку. Атмосфера собрания была взволнованной и напряженной. В конце заседания, к примеру, А.Я. Авреху стало плохо, и «скорая помощь» отвезла его в больницу с инфарктом. В своем выступлении В.Д. Мочалов, один из авторов официальной биографии Сталина, не отказывался от концепции «Краткого курса истории ВКП(б)» и негативно оценивал доклад. Возражая ему, В.П. Данилов в заключительном слове сказал, что выступление Мочалова

...показало, что он стоит на позиции отрицания объективной истины. В этом суть его позиции. Этим определяется и ее несостоятельность. Вряд ли нужно доказывать возможность объективной истины и ее существование. Василий Дмитриевич приводил пример ленинского диалектического понимания такой вещи, как стакан. Но этот пример как раз и опровергает ход его суждений. Стакан, это, конечно, и прибор для питья, и сосуд, куда можно поставить цветы, и приспособление для ловли мух и т. д. Однако, если стакан берется как прибор для питья, то он, естественно, не берется в тот же момент в качестве приспособления для ловли мух. Точно так же слово «правда» в русском языке – а он богат оттенками – используется для обозначения ряда сторон явлений. Но в докладе парткома и в том споре, который ведется у литераторов, стакан бе-

рется в одном определенном опосредствовании, в одном определенном смысле: правда как понятие, равнозначное понятию объективной истины. Поэтому возражения В.Д. Мочалова по этому поводу не представляются сколько-нибудь убедительными⁵⁰.

Двойственное впечатление оставило выступление М.П. Кима, который при общей положительной оценке доклада призывал быть объективным в оценке Сталина и времени его правления. В целом, 19 февраля 1966 г. коллектив Института истории АН СССР впервые открыто выступил против позиции, навязываемой руководящими органами партии.

Доклад и прения сразу стали предметом обсуждения не только в академической среде, но и среди широких кругов интеллигенции. Единогласное голосование за программу доклада отнюдь не означало, что в институте не было консерваторов и конформистов. Просто они еще не сориентировались в обстановке и ждали реакции «сверху», которая вскоре и последовала. На многих состоявшихся после собраниях, где поднимались принципиальные проблемы, на заседаниях парткома П.Г. Жогов, С.М. Кляцкин, Д.А. Коваленко, В.Д. Кульбакин, Б.Я. Михайлов, Н.И. Салехов, Н.И. Саморуков, А.М. Синицын. П.Н. Соболев, С.П. Сурат, И.Г. Хлопова, А.И. Штрахов не жалели черных красок для характеристики деятельности парткома⁵¹.

В заключительном слове В.П. Данилов сказал:

Творческая атмосфера, сложившаяся после XX съезда, изменила нас самих. Лучшее свидетельство этому – сегодняшнее собрание, как и предыдущие два партийных собрания нашей организации. На этих партсобраниях со всей наглядностью проявилось вполне понятное и обоснованное беспокойство, которое испытывают коммунисты в связи с тем явлением, которое в последнее время называют падением престижа общественных наук. Естественно, что разговор у нас шел именно вокруг причин этого явления, что главное внимание было сосредоточено на вопросе о том, как устранить преграды на пути развития нашей исторической науки. В этом следует видеть главное условие того, что эти преграды будут преодолены. Произошло ли чудо? – спрашивает тов. Бестужев. Нет. Чуда не произойдет. Если мы сами не будем смелее, инициативнее, настойчивее добиваться решения этих задач, если мы не окажемся в состоянии противостоять давлению конъюнктуры и других подобных явлений. Выступления наших товарищей на этом партсобрании показывают понимание ответственности каждого коммуниста за общее состояние нашей науки, за ее будущее. Это является главным условием и главной гарантией дальнейших успехов нашей науки⁵².

Отвечая на замечание Ю.А. Полякова («Просьба привести пример концентрации административных должностей в одних руках»), В.П. Данилов сказал:

Необходимость разъяснений по этому вопросу вызывается также и тем, что в своем выступлении Владимир Михайлович [Хвостов] сказал, что у нас фактов такого рода не было. Может даже сложиться впечатление, что ни с того, ни с сего партком вдруг собрался и принял решение, принципиально осуждающее концентрацию руководящих должностей в одних руках. Чтобы ответить на этот вопрос, я дам короткую фактиче-

скую справку. Была идея назначения заместителем директора Института тов. Нарочницкого с сохранением за ним должности ответственного редактора журнала «Новая и новейшая история». Партком возражал против этого, в этой именно связи принял то решение, о котором зашла речь. Должен сказать, что руководство Института и Отделения с пониманием отнеслись к позиции парткома. Она была учтена, серьезных прений или каких-то осложняющих моментов во взаимоотношениях дирекции и парткома не возникло. На парткоме был обмен мнений и по вопросу о предстоящем назначении Ю.А. Полякова редактором журнала при сохранении за ним должности заведующего отделом. Партком не счел возможным возражать, поскольку кандидатура Ю.А. Полякова была выдвинута еще при старом составе парткома, и вопрос этот практически был уже согласован в ряде инстанций. Вместе с тем партком выразил надежду, что если Юрий Александрович будет назначен главным редактором журнала, он окажется в состоянии обеспечить и в журнале, и в работе отдела соблюдение правил научной демократии⁵³.

Ввиду исключительной значимости доклада парткома для всего сообщества историков закрытое партсоборание коллектива Института истории АН СССР 19 февраля 1966 г. единодушно высказалось за его опубликование. Авторы доработали его с учетом решений только что прошедшего XXIII съезда КПСС (апрель 1966 г.) и, утвердив на Ученом совете, сдали как статью в очередной том сборника «История и историки». В конечном счете, сборник был подписан к печати, но без статьи о задачах исторической науки. Ее изъял Главлит несмотря на то, что перед сдачей в производство с ее содержанием были ознакомлены отделы науки и идеологии ЦК партии, были учтены их замечания, как и замечания директора института академика В.М. Хвостова, подписавшего статью в печать.

Последовала продолжительная борьба парткома за отстаивание своей принципиальной позиции, за право публикации статьи. Дело заключалось не только в конкретных замечаниях и их исправлениях. На расширенном заседании Государственного комитета по делам печати при Совете Министров СССР начальник Главлита А.И. Охотников заявил, что статья парткома Института истории АН СССР протаскивает чуждые партии взгляды по вопросам строительства социализма. Опровержения В.П. Данилова, присутствовавшего на этом заседании, не были приняты во внимание. В связи с таким заявлением Охотникова партком направил секретарю ЦК П.Н. Демичеву⁵⁴, а также в Отдел науки ЦК КПСС текст доклада, стенограмму выступлений и единогласно принятую резолюцию партийного собрания.

Попытку преодолеть цензурный запрет предприняла и главный редактор сборника «История и историки» академик М.В. Нечкина. Она обратилась к председателю Госкомпечати Н.И. Михайлову с просьбой объяснить причины изъятия статьи Главлитом и разрешить ее публикацию, но получила формальный ответ. Статья в печати так и не появилась. Текст доклада вызвал переполох в Отделе науки ЦК партии, был предпринят ряд карательных мер. Публикация доклада была запрещена. По личному указанию Трапезникова был рассыпан набор двухтомного труда по истории коллективизации в СССР, подготовленного авторским коллективом под руководством В.П. Данилова, и т. п.

Громкий резонанс получило в 1965–1966 гг. так называемое «дело Некрича». В 1965 г., к 20-летию Победы, в издательстве «Наука» вышла книга старшего научного сотрудника Института истории АН СССР А.М. Некрича «1941. 22 июня». В ней в концентрированном виде содержались факты, далеко не всегда новые, о предыстории и начальном этапе Великой Отечественной войны, о грубых ошибках и просчетах Сталина, недооценившем степень угрозы, нависшей над Советским Союзом со стороны гитлеровской Германии. Книга А.М. Некрича стала предметом дискуссии в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Несмотря на положительную оценку книги Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС признала ее вредной в научном и политическом отношении. После решения КПК в журнале «Вопросы истории КПСС» была опубликована отрицательная рецензия Г.А. Деборина и Б.С. Тельпуховского.

Тем же решением КПК отстранил от должности директора Издательства «Наука» члена-корреспондента АН СССР А.М. Самсонова и поручил МГК образовать комиссию по проверке деятельности партийной организации Института истории. Партком института решительно возражал против стиля работы и выводов комиссии МГК⁵⁵. А.М. Некрич, не признавший своих «ошибок», был исключен из партии. Его перестали печатать, и через 10 лет он эмигрировал из СССР. Примером усиливавшегося партийного диктата стал вопрос о публикации отрывка из воспоминаний В.В. Шульгина в журнале «История СССР». «Эпизод с критикой публикации Шульгина, – писал Ю.А. Поляков, бывший в то время главным редактором журнала, – стал существенной вехой в процессе словеско-брежневского отхода от любых идеологических послаблений, прежде всего в области истории»⁵⁶.

Напомним, что В.В. Шульгин был одним из крупнейших российских политиков накануне революции 1917 г. Именно он вместе с Гучковым принимал отречение последнего императора. После борьбы против Советов в годы Гражданской войны он оказался в эмиграции, жил в Югославии, где в 1945 г. был арестован, отправлен в Москву и приговорен к длительному тюремному заключению за многолетнюю антисоветскую деятельность. В 1956 г. Шульгин был досрочно освобожден и жил во Владимире. Он написал книгу воспоминаний «Годы», фрагменты из которой и были опубликованы в последнем номере за 1966 г. и в первом номере за 1967 г. журнала «История СССР». На заседании Секретариата ЦК КПСС 7 апреля 1967 г. эта публикация была признана политической ошибкой.

Во второй половине 1960-х годов был образован ряд новых институтов в системе Академии наук СССР – Институт социологических исследований, Институт США и Канады, Институт Дальнего Востока, Институт научной информации по общественным наукам и др. Важнейшим событием в исторической науке стало разделение Института истории на два – Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Это произошло осенью 1968 г. Партийный комитет Института истории АН СССР был изначально против подобного разделения. В.П. Данилов еще в мае 1967 г. излагал возражения парткома в записке, направленной в Президиум АН СССР и в Отделение истории АН СССР. Там говорилось: «В связи с периодически возникающим вопросом о разделении Института истории АН СССР партийный комитет Института считает необходимым вновь

высказать свою точку зрения. Она отражает мнение коллектива Института, выявленные в ходе обсуждения перспектив развития исторической науки на общих партийных собраниях»⁵⁷.

Партийный комитет считал нецелесообразным разделение Института по следующим причинам:

Структура научно-исследовательского института должна определяться состоянием, потребностями развития и задачами науки, ее местом в коммунистическом строительстве и ролью в современной идеологической борьбе. Специфика исторической науки, в основе которой лежит единство мирового исторического процесса, требует комплексных исторических исследований. В процессе развития исторической науки, как и всякой другой, происходит все более глубокая дифференциация. Определенную самостоятельность приобретают некоторые разделы и отрасли науки, создается сравнительно узкая специализация по странам и периодам, выделяются новые направления в связи с расширением круга изучаемых проблем и разработкой современных методов исторического исследования. Это естественно и закономерно. Но это лишь одна сторона двуединого процесса движения науки, которое невозможно без одновременной интеграции научных знаний. Такая интеграция вырастает на основе разработки проблем, находящихся на стыке смежных отраслей исторической науки, учета достижений других общественных наук и кооперации с ними, внедрения новейших, в том числе математических методов в научное исследование, наконец, в связи с необходимостью более широких обобщений, постановки и решения ряда методологических и социологических проблем. Историческая наука находится сейчас на таком этапе своего развития, когда создание комплексных синтезирующих исследований становится особенно настоятельным и необходимым.

Процессы дифференциации нашли определенное отражение в организационных формах развития исторической науки за последние 15–20 лет. В комплексных институтах Славяноведения, Народов Азии, Африки, Международного рабочего движения представлены соответствующие разделы исторической науки. Однако продуманной системы учреждений, разрабатывающих исторические проблемы, не сложилось. Существующая структура институтов порождает несогласованность, дублирование и другие недостатки. В этих условиях изолированное рассмотрение вопроса об Институте истории нецелесообразно и практически сыграет отрицательную роль.

Функцию интегрирования исторических знаний все эти годы более или менее успешно выполнял Институт истории АН СССР. Наличие этого института позволяет обеспечить правильное сочетание разработки конкретно-исторических проблем в рамках национальных историй и сравнительно-исторических исследований для выявления общих закономерностей и особенностей всемирно-исторического процесса, для квалифицированной и эффективной борьбы с реакционной буржуазной историографией. Такая работа, по сути дела, еще только начинается. О ее перспективности свидетельствует, в частности, опыт подготовки Институтом «Всемирной истории», «Очерков истории исторической науки» и других синтезирующих трудов.

Перед Институтом стоит задача завершения таких комплексных изданий, как «История СССР с древнейших времен», «Ленин и историческая наука», «Революции в мировой истории» и ряд других работ обобщающего характера.

1. Существование такого научного центра в области исторической науки как Институт истории, позволило начать углубленное исследование методологических проблем, без интенсивной разработки которых дальнейшее развитие исторической науки представляется немислимым. Комплексный характер Института создает условия для решения такой назревшей задачи, как применение достижений современной социологии и математических методов в исторической науке.

Развитие этого и других перспективных направлений возможно только при сохранении крупного научного учреждения, в котором происходит постоянное взаимодействие историков разных профилей и специальностей, комплексное изучение исторического процесса, выявление его общих закономерностей и специфических черт, что особенно важно для изучения современности и перспектив исторического развития человечества.

2. Преимущества, которые дает комплексность исследований, очевидны. К ним относятся прежде всего постоянная информация о работе в смежных областях, повседневное общение исследователей, специализирующихся на разработке разных проблем. Крупный комплексный Институт всегда имеет возможность выделить достаточные силы для квалифицированного и своевременного решения новых проблем, выдвигаемых развитием науки.

3. Необходимость усовершенствования научной организации труда и планирования в области общественных наук в целом, несомненно, назрела. Следует улучшить условия для разработки стыковых проблем, совершенствовать методику исследований, обеспечить пропорциональное развитие различных областей общественных наук, устранить дублирование научных исследований, улучшить подготовку и расстановку научных кадров, а также научную информацию, обеспечить Институт современным научно-техническим оборудованием. Однако эти задачи в значительной своей части могут быть решены только в общей системе Секции общественных наук Президиума АН СССР. Совершенствование существующей организации общественных наук в рамках АН ССР требует, конечно, тщательной и всесторонней подготовки.

4. В существующих условиях разделение Института истории было бы чрезвычайно опасным, так как лишило бы историческую науку крупнейшего в стране учреждения, разрабатывающего проблемы истории комплексно. Лишь при условии изучения исторического процесса в целом может быть выяснено и показано место России и СССР в развитии человечества. Особенно отрицательно механическое разделение Института сказалось бы на разработке проблем истории советского общества, где и без того имеющаяся в настоящее время локальность отрицательно сказывается на научном уровне исследований.

Вот почему в настоящее время представляется целесообразным сосредоточить усилия на совершенствовании внутренней структуры Института истории, научной организации труда, расширении фронта научно-исследовательских работ в области изучения коренных проблем исторического процесса, активизации деятельности Ученых советов. В частности, назрела необходимость частичной перестройки отделов по истории СССР, создания отдела зарубежных стран, а в перспективе и отдела общих проблем всемирной истории. Этот последний мог бы стать в будущем интегрирующим центром исторической науки.

Исходя из вышеизложенного, партийный комитет Института истории считает своим долгом высказаться против поспешных административных решений, которые могут иметь тяжелые последствия для исторической науки⁵⁸.

Однако позиция парткома не рассматривалась ни в партийных, ни в академических органах, а раздел Института был произведен.

Показательным примером партийного диктата стало утверждение концепции развитого социализма, которая стала одной из основ партийной пропаганды и деятельности советских обществоведов, в том числе и историков. А.П. Бутенко, участвовавший в подготовке концепции и текста Отчетного доклада ЦК XXIV съезду партии, вспоминал, как на даче в Завидово ожидали задерживающегося к обеду Л.И. Брежнева.

«Читал Отчетный доклад, репетировал перед завтрашним заседанием съезда. Так оказывается, мы теперь отказываемся от коммунизма?!, – сказал он, и в комнате нависла зловещая тишина. – Заменяем его развитым социализмом, но и его, оказывается, у нас нет? Так получается...». Зловещая тишина стала звенящей. И вдруг Брежнев, разряжая обстановку, предлагает: «Я думаю, давайте запишем, что мы развитой социализм все-таки построили!»⁵⁹.

После съезда от Института истории и других исторических научных центров требовали сосредоточить основные силы сотрудников на изучении этой надуманной проблемы – истории «реального социализма», его достижений и преимуществ перед капитализмом. Однако комплексный подход к изучению отечественной истории привел к рождению в начале 1970-х годов «нового направления» в исторической науке. Группа историков, работавшая преимущественно в области истории российского капитализма и империализма, а также трех русских революций и участвовавшая в подготовке 6-го тома многотомной «Истории СССР», пришла к выводу о необходимости пересмотреть прежние взгляды и найти новые подходы к изучению ключевых проблем. Сторонниками «нового направления» стали К.Н. Тарновский, И.Ф. Гиндин, В.В. Адамов, А.Я. Аврех, Л.М. Иванов, П.Г. Галузо, М.Я. Гефтер, К.Ф. Шацко, В.П. Данилов и П.В. Волобуев.

Новое направление, – вспоминал позднее П.В. Волобуев, – стремилось покончить с односторонностью в исследовании социально-экономических предпосылок Октябрьской революции, не подвергая сомнению ни ее закономерность, ни социалистическое содержание. В борьбе с догматизмом Сталина его сторонники звали «Вперед к Ленину!» и подкрепляли свои позиции ссылками на исторические реалии и прямые высказывания Ленина. В ответ им было поставлено в вину «новое прочтение» Ленина, равносильное ревизионизму, и отступление от ленинского анализа движущих сил в Октябрьской революции. Попытка руководства Института истории СССР (я был тогда его директором) провести дискуссию по перечисленным сюжетам закончилась неудачей. С итогами этой последней в советской исторической науке дискуссии, на которой традиционалисты потерпели поражение, в ЦК КПСС не захотели считаться. Отдел науки ЦК КПСС предпочел в обход научной общественности добиться осуждения «нового направления» привычными методами прямого вмешательства в научные дела. Он заручился поддержкой некоторых своих клеветников (В.И. Бовыкина, В.Я. Лаврычева, Е.Д. Чесменского, П.Н. Соболева, Г.В. Шарапова, И.Ф. Петрова), отстаивавших традиционные взгляды по указанным проблемам и ставших яростными противниками «нового направления». В марте 1972 г. Бюро Отделения истории АН СССР, руково-

димое академиком П.Н. Пospelовым, широко известным среди общественности как сталинист и закоренелый догматик, приняло постановление (с научной точки зрения несостоятельное), в котором «новое направление» в соответствии с поручением Отдела науки ЦК КПСС было осуждено⁶⁰.

Через год, в марте 1973 г., на совещании по вопросам исторической науки в Отделе науки ЦК «новое направление» и изданные его сторонниками книги и статьи были решительно осуждены за отход от принципа партийности и ревизию общепринятых в советской исторической науке положений о предпосылках Октябрьской революции, ее движущих классовых силах и т. д. П.В. Волобуев был вскоре снят с поста директора Института истории СССР АН СССР и переведен на работу в Институт истории естествознания и техники АН СССР. Сектор империализма был ликвидирован, а его сотрудники переведены в другие сектора.

Новый директор института академик А.П. Нарочницкий, поддерживаемый работниками Отдела науки ЦК, открыто вел борьбу против «волобуевщины». К примеру, в ходе подготовки к защите кандидатской диссертации Л.В. Бадя был разослан ее автореферат, посвященный взглядам академика А.М. Панкратовой. Однако он был возвращен из Отдела науки ЦК, поскольку на первой же странице была ссылка на работу П.В. Волобуева. Автореферат перепечатывался, и защита состоялась несколько позднее.

Кризис советской исторической науки и исторического образования выявился еще до перестройки. Он назревал с середины 60-х годов и был признан даже генеральным секретарем ЦК КПСС Ю.В. Андроповым в его статье 1983 г. в журнале «Коммунист», где было неожиданно для всех заявлено, что мы не знаем своей истории. Партийный аппарат пытался приуменьшить воздействие этого заявления, но влияние его на профессиональных историков и особенно на молодые кадры было несомненным. Историки были уже и психологически, и фактически (на базе тогдашних архивных возможностей) подготовлены к восприятию перемен, когда в условиях перестройки утвердилась гласность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., к примеру: *Кольцов Н. К университетскому вопросу.* – М., 1909; *Он же.* Академическая молодежь // *Русское богатство.* 1909. № 3. С. 159–178; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. – М., 1991; *Он же.* Ученые степени в Российской империи XVIII – 1917 г. – М., 1994 и др.

² Отчет о деятельности Императорской Академии наук в 1916 году. – Пг., 1917. С. 9–10.

³ *Есаков В.Д.* «Русская наука», 1917 год. (Нереализованный проект) // *Крайности истории и крайности историков. Сборник статей [к 60-летию А.П. Ненарокова].* – М., 1997. С. 99.

⁴ *Документы по истории Академии наук СССР 1917–1925 гг.* – Л., 1986. С. 29.

⁵ Там же.

⁶ *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! – М., 1997. С. 30–31.

⁷ *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки. – М., 1968. С. 12–13.

⁸ *Яковлева В.Н.* Организация высшей школы // *Высшая школа в РСФСР и новое студенчество: Альбом.* – М., 1923. С. 22.

⁹ См.: *Финкель Стюарт.* Организованная профессура и университетская реформа в Советской России (1918–1922) // *Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов.* – СПб., 2003. С. 173–184.

- ¹⁰ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. – Л., 1968. С. 211.
- ¹¹ Год работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров (ЦЕКУБУ). Декабрь 1921 г. – Декабрь 1922 г. – М., 1922. С. 19.
- ¹² Год работы ЦЕКУБУ. С. 48.
- ¹³ Очерки истории исторической науки в СССР. Том IV. – М., 1966. С. 251.
- ¹⁴ СУ РСФСР. 1921. № 12. Ст. 79.
- ¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 148. Л. 2–3.
- ¹⁶ См.: Хрестоматия по истории России. 1917–1940. – М., 1994. С. 251–256.
- ¹⁷ См. также: *Робинсон Михаил*. Русская академическая элита: советский опыт (1910-е – 1920-е годы) // Новое литературное обозрение. 2002. № 1(53). С. 159–198.
- ¹⁸ *Волубуев П.В.* История отвечает не на все вопросы // Наука и власть. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов. – М., 2001. С. 115.
- ¹⁹ Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 2. 1918–1973. – М., 1999. С. 2–10.
- ²⁰ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. – М., 2000. С. 48.
- ²¹ Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 2. С. IX.
- ²² Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1952. С. 81.
- ²³ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1 – Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. – СПб., 1993. С. 3–8.
- ²⁴ «Правда». 1938. 15 ноября. За 10 лет, как отмечала газета «Культура и жизнь» 30 сентября 1948 г., «Краткий курс...» был издан в количестве 34 млн. 219 тыс. экземпляров на 63 языках народов СССР, а также был переведен «почти на все языки мира».
- ²⁵ Наука и власть. С. 116. См. также о системе советской науки в целом и ее эволюции от 1920-х до 1940-х: *Krementsov N.* Stalinist Science. – Princeton, 1997.
- ²⁶ Публикации стенограммы совещания, подготовленные Ю.Н. Амиантовым и З.Н. Тихоновой, см.: Вопросы истории. 1988. № 11; 1991. № 1; 1996. № № 2–9; 2002. № 6. См. также о совещании: *Бурдей Г.Д.* Историк и война 1941–1945 гг. (Саратов, 1991); *Бордюгов Геннадий, Бухараев Владимир*. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М., 2011. См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1050. Л. 43.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 224. Л. 105 об.
- ²⁸ См. подробнее: *Бурдей Г.Д.* Историк и война. – Саратов, 1991; *Хабарова М.В.* Научно-исследовательская работа высших учебных заведений Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2002; *Гракина Э.И.* Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – М., 2000; XX съезд КПСС и его исторические реальности. – М., 1991; *Корзун В.П.* Возвышенное и земное: научное сообщество сибирских историков в годы Великой отечественной войны // Культурологические исследования в Сибири. № 2 (16). Омск. 2005. С. 45–52.; *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Социальный заказ и историческая память (научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. – Омск, 2005. С. 75–95. *Осташко Т.Н.* Научные кадры Сибири в годы Великой Отечественной войны // Кадры науки советской Сибири: Проблемы истории. – Новосибирск, 1991.
- ²⁹ Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС 1945–1953. – М., 2005. С. 28.
- ³⁰ Сталин и космополитизм... С. 57.
- ³¹ *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Т 1. 1945–1964. – М., 2009. С. 163.
- ³² Вопросы философии. 1947. № 1. С. 269.
- ³³ *Поляков Ю.А.* Историческая наука: люди и проблемы. – М., 1999. С. 312–314.
- ³⁴ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1952. С. 404–405.
- ³⁵ Там же. С. 458.
- ³⁶ Там же. С. 456.
- ³⁷ Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. – М., 2002. С. 511.
- ³⁸ Там же. С. 515.

³⁹ Наука и власть. С. 120.

⁴⁰ Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 декабря 1962 г. – М., 1964. С. 43.

⁴¹ Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. Книга 2. – М., 2004. С. 283.

⁴² См.: Исторический архив. 1992. № 1. С. 210. С. 195. См. также воспоминания: Есаков В.Д. «О закрытии журнала “Исторический архив” в 1962 г.» // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 32–42.

⁴³ Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.09. – Омск, 2006

⁴⁴ Такая концепция характерна для обобщающего историографического издания «Очерки истории исторической науки в СССР» под редакцией М.В. Нечкиной, вышедшей в 1985 г.; по существу она воспроизведена и на излете 1980-х гг. в монографии А.С. Барсенкова «Советская историческая наука в послевоенные годы: 1945–1955» (1988).

⁴⁵ См.: Сидорова Л.А. «Санкционированная свобода» исторической науки: опыт середины 50-х – 60-х гг. // Россия в XX веке. Судьба исторической науки. – М., 1996. С. 705–710; Она же. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. – М., 1997 и др. Здесь же следует назвать исследование А.В. Трофимова «Власть и историческая наука: проблемы отечественной историографии послесталинского десятилетия» (Екатеринбург, 2000), в котором указывается на то, что советская историография долгие годы исправно исполняла свою функцию, являясь «фильтром», сквозь который не могли пройти «чуждые, не работающие на существовавший политико-идеологический режим концепции и исторические сюжеты». По мнению Трофимова, «отечественная историческая наука долгое время существовала и развивалась в пространстве, ограниченном достаточно жесткими политико-идеологическими границами, обусловленными как господством одной научной доктрины, так и стремлением власть имущих контролировать и использовать такой важнейший инструмент формирования необходимых параметров общественного сознания, каковым являлись гуманитарные (общественные) дисциплины. В своем историографическом обзоре Трофимов обращает внимание на то, что недостаточно оцененным историографическим фактом на рубеже веков остается Всесоюзное совещание историков, состоявшееся в декабре 1962 г.

⁴⁶ См.: Неретина С.С. История с методологией истории // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 149–163.

⁴⁷ Рыбаков М.В. О некоторых неоправданных претензиях // Вопросы истории. 1971. № 7. С. 133.

⁴⁸ Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966–1968 гг. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44–80; № 1. С. 61–95; № 2. С. 44–83.

⁴⁹ Вопросы истории. 2008. № 1. С. 83.

⁵⁰ Вопросы истории. 2008. № 1. С. 63.

⁵¹ Вопросы истории. 2007. № 12. С. 52.

⁵² Вопросы истории. 2008. № 1. С. 61.

⁵³ Вопросы истории. 2008. № 1. С. 61.

⁵⁴ См.: там же. С. 67–68.

⁵⁵ См.: Вопросы истории. 2008. № 1. С. 83–95.

⁵⁶ Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. С. 350.

⁵⁷ Вопросы истории. 2008. № 1. С. 72.

⁵⁸ Вопросы истории. 2008. № 1. С. 72–74.

⁵⁹ Бутенко А.П. Противоречие – не только источник развития // Наука и власть. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов. С. 95.

⁶⁰ Наука и власть. С. 124.

«ПРОФЕССИОНАЛЫ ИСТОРИИ» В ЭРУ ПУБЛИЦИСТИЧНОСТИ: 1985–1991 гг.

Ирина ЧЕЧЕЛЬ

Падение в 1985–1991 гг. престижа советского историознания, «историко-литературный взрыв» и рост научного плюрализма были верными симптомами размывания прежнего историографического поля науки. В известном смысле формулой происходивших изменений можно считать фразу из редакционной корреспонденции одного из исторических журналов конца 1980-х гг.: «Историческая наука существует не для историков, как не существует медицина только для врачей»¹.

В условиях, когда общественный статус историографии был значительно дискредитирован² – прежде всего, вследствие обвинения ее в идеологизированности – профессиональные исторические интерпретации теряли в глазах современников преимущество превосходства³. В силу этого они воспринимались как ценностно-равные любым другим интерпретациям, тем более, что требованием времени постепенно становилась «свобода волеизъявления» индивида в выборе тех или иных исторических трактовок⁴.

Приходилось уверенно констатировать потерю историографией статуса ценностного арбитра. Если в предыдущий период историческая наука «удостоверяла» значимость культурных, нравственных и идеологических ценностей советского общества, то в 1985–1991 гг. «логовище льва», по римскому присловию, было покинуто. Определенную часть ученых это явно не прельщало: «Кто вам позволил писать то, чего нет в учебниках советской истории и политэкономии, составленных в духе соответствующих директивных политико-идеологических документов?», – упрекал публициста А. Стреляного историк Л.Т. из Ростова⁵.

В новой общественной ситуации, характеризовавшейся выраженной аномией⁶, историографические концепции, прогнозы и идеи утрачивали нормативный статус. Важно, что историческая наука была вынуждена заново доказывать свою научную состоятельность и свой приоритет перед «непрофессионалами» и «дилетантами», тогда как общественная мысль заявляла о своем праве принимать или отвергать историографические концепции.

В этой обстановке обнаруживались несопоставимость историографического и массового исторического сознания и взаимная неудовлетворенность «профессионалов» и «дилетантов» тем, каким образом отображается историческое прошлое, и присущие профессиональному сознанию представления о «должном» в науке или, как теперь принято их величать, историографические «образы научности»⁷.

Формирование различных «образов научности» было связано с поиском путей адаптации историографии к новой общественной ситуации. Тем не менее в этот период оно в особенности определялось трактовками ценностных, а не со-

держательных аспектов научности, т. е. попытками выделения и закрепления в «образах научности» *определенных систем требований* к науке и представлений о *ценностных предпосылках знания*⁸, а не конкретных представлений об эпистемологическом процессе или же, скажем, о конкретных путях методологических новаций.

Проблему формирования перестроечных «образов научности» удобно рассматривать в связи с самоопределением профессиональных историков по отношению к двум факторам.

Первый – *советская историографическая традиция* (которая, заметим, не могла не объективироваться вследствие осознания рубежности происходящих перемен). Второй – *историческая публицистика*, пользовавшаяся в эти годы большей популярностью в массовой среде и как бы извне «расшатывавшая» профессиональную историографию⁹.

Самоопределение исторической корпорации по отношению к предшествующей традиции

На данном этапе историографического развития представления ученых о критериях и принципах «научности» довольно-таки жестко определялись *отношением к предшествующей историографической традиции*. Оценка значимости советской исторической науки стала камнем преткновения историографических дискуссий второй половины 1980-х – начала 1990-х гг.¹⁰. Именно на ее основе в историографии выделялись и обособлялись отдельные направления (течения). Разнообразие появившихся тогда концепций, взглядов и мнений позволяет исследователям выделять в хроматике историографических направлений той поры такие «спектры», как «формационно-ортодоксальный» («формационно-ревизионистский») и «либеральный» (В.В. Согрин)¹¹; «негативно-нигилистический», «консервативно-догматический» и «творческий» (В.И. Касьяненко)¹²; «шестидесятнический», «радикалистский» и «традиционалистский» (А.Н. Сахаров)¹³ и проч.

В наши задачи не входит анализ всех особенностей представленных взглядов, поскольку в предлагаемой нами квалификации существенны не столько политико-идеологические компоненты тех или иных концепций, сколько стоящие за ними (сопутствующие им) трактовки феномена научности¹⁴.

Мы ограничиваемся характеристикой лишь двух историографических направлений, несводимость которых друг к другу свидетельствует о двух подходах к «научности». Один из них связан с продолжением традиций и положительной оценкой советской историографии, другой – с отрывом от ее нормативов и поиском новой модели историографического развития¹⁵.

Сторонники традиционного академизма (С.Л. Тихвинский, П.Н. Федосеев, А.М. Самсонов, С.С. Хромов, М.П. Ким, Ф.М. Ваганов, Ю.С. Кукушкин, М.Г. Вандалковская, Е.Б. Емченко, В.Г. Овчинников и др.¹⁶) проводили в этот период идею о высокой научной эффективности советского исторического знания. Характерно, что понижение его общественного престижа увязывалось ими либо с не-

дочетами в «пропагандистской работе» ученых-историков, либо с пассивным отношением «органов практического руководства к рациональным предложениям обществоведов»¹⁷.

Уверенность историков «академического» направления в научной состоятельности историографии была очевидной. Частное подтверждение этому – их восприятие так называемого «кризиса исторической науки»¹⁸, выводящее на первый план, как правило, недостаточное «мастерство изложения» исследователей¹⁹.

Академисты требовали от коллег отказа от «схоластического языка», стремления уподобиться литераторам и публицистам в «яркости» и «эмоциональности» историописания и т. п. Зачастую предполагавшиеся ими новации, связанные с «перестройкой» в исторической науке, сводились к изменению критериев доказательности и способов подачи историографического материала. По существу, за всем этим стояло то представление, что теоретический «фундамент» советской исторической науки не нуждается в кардинальной «перестройке». Ключом к любому повороту событий считалось то, что «система аргументации в защиту убеждения.., что история познаваема, вполне отработана. В конечном счете, это – сбор фактического материала во всей возможной полноте, всесторонний анализ фактов в их взаимосвязи и развитии»²⁰.

Теоретико-методологические и «практические» достижения советской историографии почитались у академистов главнейшим ее приоритетом и над массовым сознанием, и над «буржуазной историей», тем более, что методы марксистской науки рассматривались как универсальные познавательные средства, действенные при изучении любого типа проблем²¹. Характерно, что в процессе обсуждения возможностей «исторической пропаганды» в новом массовом историческом журнале²² появлялись следующие высказывания: «Дело не только в том, какое количество страниц выделить для отечественной истории. Важно другое: что именно из прошлого нашего народа отразить в первую очередь»²³.

Тот факт, что в годы перестройки многих ученых больше заботила очередность рассмотрения дискуссионных проблем, нежели вопрос о *методологической вероятности* их разрешения, позволяет считать оправданным то предположение, что известная часть историков не сомневалась в непреложной научной эффективности советской историографии.

«Наша историческая наука развивается благоприятно. Отечественная историография периодически пополняется ценными трудами», – декларировал в тот самый период А.М. Самсонов²⁴.

Несмотря на констатацию «не востребованности» исторической науки, а с нею и «кризисности» историографической ситуации, задача пересмотра методологических принципов историографии эту среду мало интересовала. Вместе с тем здесь целенаправленно подчеркивалась необходимость методологического единства историографии:

– Во-первых, предполагалось, что марксистский подход к интерпретации исторического прошлого наиболее адекватен и отражению его специфики²⁵, и «*истинному* содержанию развития историографии»²⁶.

– Во-вторых, указывалось, что компетенция отдельного ученого еще не дает ему права на переосмысление восходящих к концепциям классиков марксизма общенаучных методологических постулатов²⁷.

Собственно, нигде так, как в традиционном «академизме» не обнаруживались *типологические черты* советской исторической науки, в которой гарантией научной продуктивности признавалось единство идеологической и методологической парадигм историографии. Благодаря тому, что в «методологически правильном знании» в советском обществоведении усматривалось «первоначало этической, педагогической и политической мудрости»²⁸, методология исторической науки осмысливалась исследователями как своего рода ее *организационный принцип*, вытекающий, скорее, из институциональных (в сущности же – из идеологических) потребностей и «обязательств» науки, нежели из специфики восприятия ее предмета.

Не только типично, но и символично в свете этого звучали следующие утверждения советских историков: «При определении *исследовательских проблем* следует руководствоваться конкретными *политико-воспитательными задачами, задачами идеологической борьбы с идейными противниками*» (Выделено мной. – И.Ч.)²⁹.

Тем не менее, если ставить вопрос об истоках историографического академизма, следует, скорее, обращаться к психологии понимания в нем социальных аспектов знания. Политико-идеологическая ангажированность советской историографии поддерживала уверенность в ее гносеологической и методологической приоритетности. Традиционно историография была обязана поставлять власти лишь те знания, что были сопоставимы с *последними* достижениями мировой исторической мысли. И, определенно, служение исторической науки «революционному историческому авангарду» в лице КПСС лишний раз подтверждало в представлении многих исследователей и прогрессивность самой науки, и незыблемость ее методологических основ.

Идеологическая зависимость науки продуцировала также и ту ситуацию, что критерии оценок исторических явлений находились вне историографической «юрисдикции». Несамостоятельность историков в этом плане вовсе не была чем-то необыкновенным, как и быстро устранимым. Непосредственно после стремительного крушения СССР (1992) вице-президент РАН В.Н. Кудрявцев, подводя итоги десятилетнему развитию исторической науки на Координационном совете РАН, имел основания говорить: «...Во взаимоотношении политики и науки серьезных перемен не произошло. Общественные науки по-прежнему рассматриваются как средство обоснования политического курса, хотя и нового, но далеко не всегда реалистического»³⁰.

Тогда же, хотя сюзерен с хозяйской широтой давал послабления науке, его вассал понимал, что и минимальное его экспериментаторство не будет, в конце концов, освящено авторитетом КПСС. Так или иначе, «сознательные» историки зачастую полагали, что без обновления политики, предоставляющего свободу от политики, «понимание» истории и *вовсе невозможно*.

«За минувшие... 30 лет история преподавала обществу немало поучительных уроков, которые не могли быть усвоены при отсутствии гласности, когда не народ, а небольшая группа руководителей определяла политическую пользу и воспитательную эффективность этих уроков», – уверял В.И. Касьяненко³¹.

Стоит ли говорить о том, что в своей самоидентификации советская историография ориентировалась не столько на собственные интеллектуальные достижения, сколько на общий политико-исторический «план» эпохи?

П.Н. Федосеев, например, утверждал в годы перестройки, что несмотря на все «деформации» советская историография не могла не являться «передовой» и «объективной», коль скоро «был ленинизм, партия оставалась руководящей силой, социализм построен»³².

Никуда не уходило и превознесение советской исторической мысли как единственно- и подлинно-научной – свидетельство *тенденции к монополизации историографией права на знание*³³. В частности, знаменательно, что исследователи второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. с завидным постоянством констатировали главенство советской историографии над западной (В.А. Куманев, П.Н. Федосеев и проч.)³⁴. Советское знание «активировалось» ими со всей страстью идеологических прокламаций: единственная «объективная» историография, осуществившая «материалистическое понимание истории», «единый фронт», доказывающий моральное превосходство СССР.

«История – наука о борьбе и одновременно борющаяся наука», – озвучивал профессиональный кодекс С.Л. Тихвинский³⁵.

Неудивительно, что пресечение «мелкотемья» исследовательских интересов ради приоритетных научных проблем и программно-целевое планирование науки принимались в историографии военно-прагматически – по-коллективистки, будучи подтверждением реализации неизбежных общенаучных задач³⁶. Даже столкнувшись с новым социальным запросом на переосмысление истории, исследователи предлагали осуществлять его в «общем порядке».

«Наша история с ее героическими и трагическими страницами едина, – указывал В.А. Куманев, – Все лучшее требуется взять в настоящее, отбросив навсегда худшее. Историки должны не поэтапно, а широким фронтом и одновременно изучать все важнейшие периоды в жизни советского общества»³⁷.

В целом изначальное становление советской исторической науки, как института, альтернативного западной историографии, не могло не наложить общего отпечатка на характер ее развития. Пропагандистское содержание историографии³⁸ обуславливало ту трактовку ее задач, что историческая наука идентифицировалась с «борьбой за умы сотен и сотен людей во всем мире»³⁹. Тем самым, историографии надлежало если не быть, то провозглашать самое себя наукой достижений, открытий и интеллектуальных прорывов. И, далее, обеспечивать и поддерживать идеологическое и методологическое единство «своих рядов».

Поистине удобным способом последнего была *догматизация*, чуть не *консервация* ряда неприкосновенных историографических «истин», основывающаяся на тезисе об «окончательно» разрешении животрепещущих научных проблем.

(Нужно понимать, что мы описываем в данном случае научно-организационный прием, распространившийся на самые разнообразные темы: от азиатского способа производства до проблем многоукладности, ряда методологических вопросов, концепции «Краткого курса», трактовки Великой Отечественной войны, не совпадающей с «1941-м» Некрича, теорий «нового направления» и т. д. Догматизация общенаучной аксиологии сохранялась, подвергались эрозии ее содержательные стороны⁴⁰).

В становлении первого историографического направления, типологические черты советской историографии имели значение подсказок для общего приме-

нения, поскольку сложившийся тип советской «научности», собственно, и был тем образчиком и примером научности, на который равнялись и значимость которого пытались обосновать академики. Не случайно «академическое» направление деятельно настаивало во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. на известной «окончателности» советских научных достижений.

К примеру, С.С. Хромов в следующем тоне рассуждал о дискуссионной активности своих коллег-историков:

В этом деле важна прежде всего результативность, ибо мы уже не раз были свидетелями бесплодных и бесконечных споров, причем иногда даже по бесспорным, давно решенным наукой и практикой вопросам⁴¹.

В свою очередь С.Л. Тихвинский критиковал «неоправданную повторяемость исследовательских тем»⁴² в историографии, «несопоставимость и несводимость результатов однотипных работ, выполненных разными исследователями на основе одних и тех же источников»⁴³.

Подтекстом историографического «академизма» оказывалась апологетика, как считалось, «общезначимых», в идеале *однозначных* истолкований исторических событий и явлений. Историческая наука представала в нем гносеологически законченной системой, определяющей *единственно эффективные* средства раскрытия *исторической истины* и дающей описание «реестра» не подлежащих пересмотру концепций и тем.

По сути дела, академики настаивали на сохранении в исторической науке таких принципов, как:

- единство идеологического и содержательного «планов» историографии;
- ее нацеленность на известную окончательность научных трактовок;
- необходимость борьбы с идеологическими противниками и, следовательно, «выработки согласованных точек зрения по ряду важнейших проблем»⁴⁴.

Историография представала и осмысливалась в рамках этого направления не столько в качестве модуса познания, сколько в качестве *мировоззрения*. В соответствии с этим сомнение в научной продуктивности историографии приравнивалось академиками, по меньшей мере, к постановке под вопрос эффективности советской научной политики, а в более серьезном и значительном плане – к глобальному сомнению в научности марксистской историографической традиции, коль скоро исторический профессионализм в СССР должен был *всцело* воплощать ее передовой новаторский смысл и конечную истинность.

В связи с этим историографический «академизм» был отмечен совершенно особенным восприятием «научности», как *непреходящей* ценности советской исторической мысли. «Академическое» направление постулировало, что советская историческая наука не может не отвечать требованиям «научности», поскольку именно она и только она обеспечивает «объективность» подхода к историческому прошлому, наиболее адекватное отражение его самобытности и ценности и соответствие исторического знания запросам КПСС.

В трактовке академиков «объективность» исторического знания, его политико-идеологическая ангажированность выступали реальной почвой для преоб-

разования действительности на научных основаниях и преодоления деформаций исторического прошлого. При этом успех общественных реформ увязывался академистами преимущественно с эффективностью «исторической пропаганды», а она имела смысл и значение только в качестве информации о научных «достижениях»⁴⁵...

Несколько иную точку зрения на «научность» исповедовали **критики советского академизма**.

Строго говоря, «критическое» направление невозможно оценить в сколь-нибудь единой перспективе. Это направление не было однородным, поскольку утверждало свои позиции на разновременном и идейно-противоречивом противодействии академистам.

Думается, что к «критикам» могут быть отнесены, первым делом, наиболее политизированные профессионалы, находившиеся под профетическим исследовательским, политическим обаянием, но все же бывшие единомышленниками, а не последователями Ю.Н. Афанасьева (В. Поликарпов, В. Сироткин, Л. Баткин, А. Бурганов, Д. Волгогонов). А параллельно с ними – исследователи, «критические» взгляды которых отстаивались когда-то менее идеологично, когда-то более фундаментально: В.А. Козлов, С.В. Кулешов, П.В. Волобуев, К.Ф. Шацилло, Н.Н. Маслов, В.С. Лельчук, Ю.С. Борисов, Р.А. Медведев, В.П. Данилов, М.А. Барг, М.Я. Гефтер, Г.А. Бордюгов, В.В. Согрин, Б.Г. Могильницкий, А.Я. Гуревич, Е.Н. Городецкий и др.

Историографическая ситуация 1985–1991 гг. сложилась таким образом, что ректор МГИАИ стал в представлении одних своих коллег лицом историографического «Сопротивления», борцом против «косности», «догматизма», «консерватизма» профессиональных кадров⁴⁶, а во мнении других – героем-одиночкой, не имеющим ни конструктивных (читай: «профессиональных») идей, ни приверженцев и последователей⁴⁷. Одно несомненно: наделенный ярким талантом слова, неукротимо инициативный историк привлекал к себе подчас настороженное и недоверчивое, но неизбыточное внимание. Неудивительно, что корреспондент хельсинского издания «Апу» констатировал в конце 1980-х гг., что «личные точки зрения» Афанасьева поднимаются «на новую высоту»⁴⁸, приобретая вескость концепций и новаторских прорывов.

Сильное влияние концепций Афанасьева на перестроечную историческую мысль позволило А.П. Логунову говорить о «своеобразном историографическом феномене Ю.Н. Афанасьева»⁴⁹, характеризовавшемся:

– В области теории исторического процесса – «ориентацией на преимущественно цивилизационный подход со свойственным ему учетом многовариантности, параллелизма, разнонаправленности исторического развития», неприятием «универсальных критериев измерения исторического (общественного) прогресса»; выдвижением «в центр исторического поля личности как субъекта истории»⁵⁰;

– В области методологии – акцентированием «диалоговых оснований исторического познания», постановкой «принципиально иных вопросов перед прошлым»⁵¹;

– В области историографии – усилиями по преодолению «изолированности и локальности, отличавших советскую историографическую традицию»; обес-

печением «возможности ведения конструктивного диалога внутри историографического пространства»⁵².

Все это так, но, говоря об Афанасьеве, резонно вдобавок подчеркнуть три момента:

- предложенное им возобновление права историка корректировать идеологические догмы;
- активизацию идеологии «альтернативной» советской истории, надолго выброшенной из научного и исторического процесса;
- постановку проблем различения не социологических, а историографических и политических взаимосвязей триады «историография – политика – массовое сознание».

В задачу этой статьи не входит многоаспектный анализ эго-истории Юрия Афанасьева, хотя о ряде моментов его профессионального кредо и будет сказано ниже. Афанасьевский протестантизм заинтересует нас не содержательно, а формально, то есть с точки зрения крившегося в нем посыла о научности / антинаучности тех или иных историографических подходов. Иначе, будут оценены не столько его представления о французской историографии, Броделе или Школе Анналов, истории сталинизма, России и Октябрьской революции, а понимание им ценностных предпосылок советского знания, его верности своим постулатам.

«Формализм» подхода в данном случае – еще и то предположение, что независимо от того, принимались или отвергались конкретные положения Ю.Н. Афанасьева, его активность бурно катализировала выработку в советской историографии иных представлений о «научности» и стала отправной точкой развития самых разнообразных, однако, в целом составляющих сравнительно единую мозаику «критических» идей.

В отличие от академистов последователи критицизма, как правило, не соотносили историографическую практику с нахождением «окончательных» истин, цели исторического познания – с «подтверждением» марксистской исторической доктрины, либо, тем реже, с «окончательной» же победой над Западом. Настолько, насколько смысл истории усматривался ими в подвижной динамике исторического⁵³, – и ни в чем другом – естественным признавалось, что «историческое сознание само есть историческое явление»⁵⁴, и история не шадит научных истин, пренебрегает ценностными ориентациями и императивно требует единого – продвижения вперед⁵⁵. Эти убеждения, собственно, и послужили основанием для декларации *относительности «научности» советской историографии* как с точки зрения потребностей «современности» (чаще «марксистской современности»), так и с позиций ее «мифологизированности»⁵⁶ и догматизма. «Кризис» советской исторической науки, в соответствии с этим, связывался с ее теоретической самоисчерпанностью⁵⁷, обусловленной превалированием идеологических приоритетов историографии над научно-исследовательскими и невозможностью ее функционирования в качестве «саморазвивающейся системы» (одно из базовых понятий академического критицизма).

Наперекор концепциям «академистского» толка, историографическая «научность» оказывалась для «критиков» понятием, имеющим смысл лишь в непрерывном самооспаривании. «Объективность» не расценивалась в рамках этого

направления в качестве неперемного атрибута «научности». Критическое историографическое направление постулировало не только невозможность, а и несущественность «объективности», символизирующей «истину в последней инстанции» (также одно из излюбленных понятий критицизма). Таковая псевдообъективность в представлении «критиков» могла лишь задерживать эволюцию науки, противореча «магистральным процессам» истории, осуществляющимся в изменчивости.

«Надо изучать историю конкретно и не пугаться, если какие-то выводы не совпадут с теми, которые считаются общепризнанными, потому что общепризнанные выводы уже не наука, а стали уделом пропаганды, агитации. Наука там, где неизвестно, неясно, а какой вывод будет – должно показать дальнейшее конкретное исследование, а проверит и подтвердит или опровергает его – только время», – опасливо припоминал старые истины К.Ф. Шацилло⁵⁸.

Согласно «критикам» «научность» историографии могла отвечать требованиям «современности» лишь в той мере, в какой историческая наука отказывалась бы от идейных трафаретов и складывающегося status quo.

«Нужен отказ от интеллектуальной рутины, от идеологических штампов, особенно – от новых штампов, которыми срочно обзаводятся титулованные демогоги», – порицал коллег Ю. Афанасьев⁵⁹.

Во многом благодаря таким представлениям «критики» – стихийно, но единомысленно, – держались мнения, что научная «объективность» обретается всегда дискусионно и всегда sub judice: в «историографическом диалоге». Критический пафос быстро рос на требовании свободы рук в историографии и выработке новых оснований историографического «единства». В целом критики недвусмысленно заявили свой протест против методологического, тематического и идейно-политического «коллективизма» науки. Утверждение в историографии иной модели «научности» увязывалось ими с такими факторами, как:

- индивидуальная верификация общенаучной методологии;
- отказ от приверженности «единомыслию под стражей»⁶⁰, – извода «идеологического диктата» КПСС и внутринаучной регламентации тематических и проблемных областей, единых методологических подходов и т. д.

Любая другая модель «научности» исходила для них из отвержения внутринаучных (организационных) ограничений, напрямую не связанных с исследовательским поиском. В их числе фигурировал запрет на исследование «эмоциональной и духовной жизни» общества, на анализ, а не «опровержение» западной историографической традиции⁶¹, на упоминание крупнейших советских исторических и политических деятелей, на «плюрализм подходов» к экономической истории дореволюционной России, к истории российского империализма в версии А.Л. Сидорова, П.В. Волобуева, М.Я. Гефтера, В.И. Бовыкина, К.Н. Тарновского, Т.Д. Крупина, А.М. Соловьева и др., на исследование подлинной истории сталинских, брежневских репрессий, аграрной истории и раскулачивания, советской демографической истории, истории I и II Интернационала, истории непролетарских партий, Гражданской войны 1918–1920 гг., истории Великой Отечественной войны, запреты на исследование истории российской социал-демократии в ее полном объеме, истории коммунистического и рабочего движения в странах

Востока и Запада, истории советской политической цензуры, истории советской административной системы, истории НЭПа, «правдивой» истории КПСС, «альтернативных моделей» советского развития, собственно, истории отечественной исторической науки и советского архивоведения, истории российской эмиграции и диссидентского движения и... и... – список все умножался.

Кроме того, вследствие растущей независимости от «официальной научности» (еще одно опорное понятие критицизма), «критическое» направление было вынуждено заново определять феномен историографии. «Объективно-научным» для них становилось максимально *деидеологизированное* историческое знание, вбирающее в себя всю множественность исследовательских подходов к истории. Только в этом отношении и имела оправданность провозвещенная «критиками» «историзация» прошлого⁶². При этом «деидеологизация» историографии мыслилась отнюдь не как сознательная аполитичность и неприятие какой бы то ни было идеологии, а как трезвое понимание степени зависимости науки от «современного» политического и общественного контекста. Первенствующее место в их размышлениях заняла рефлексия *взаимосоотношения* идеологии и историографии. Сама постановка этих проблем – свидетельство переосмысления категорий «научности», сплав сбивчивого, но целенаправленного утверждения раскрепощенного самосознания. Еще недавно в профессии не могли официально фигурировать «думы» о мере идеологизации и степени самостоятельности исторической науки. Вместе с тем, какие бы решения этих вопросов ни предлагались, – а они были в каждом отдельном случае различны – «критическое» направление провозгласило, что если историография получает простор для функционирования в качестве научной дисциплины, а не инструмента пропагандистских кампаний, неважно, какие политические идеи она воспринимает или отвергает⁶³.

Существенным для историографического «критицизма» было развитие историописания в качестве *самостоятельного* знания, возможно, прибегающего в своем анализе к использованию некоторых политических концептов, но – в собственных, а не навязанных ему извне идеологических, либо методологических целях⁶⁴. Тем более весомой эта максима историографического «критицизма» выглядела на гребне перестройки, стиравшей грани между гражданственностью и творчеством⁶⁵, между разнообразными «культурными мирами» (определение М.Я. Гефтера) и их наследием и будущим. Предварительной реакцией на «вызов современности» «критики» видели ревизию методологических принципов историографии, выводящую ее из изоляции и тем самым врачующую от догматизма и уверенности в собственной универсальности. «Критицизм» выражал протест против восприятия зарубежной научно-исторической мысли как инструмента идеологической борьбы против Советов. Параллельно он дал отчет расширению методологической базы историографии за счет методов семантического, генетического, ментального и лингвистического анализа, культурологических, цивилизационных и биолого-экологических подходов⁶⁶, ликвидировавших ее отставание от уровня развития научного знания последней трети XX в. «Марксизм сегодня должен вобрать в себя все наиболее продуктивные исторические теории. И не только исторические...», – покровительственно напутствовал коллег Ю. Афанасьев⁶⁷.

Креативный смысл «критического» подхода к «научности» заключался в требовании открытости новациям в той степени, что обеспечивала бы прямую связь между методологическими запросами историографии и мерой методологической свободы, не стесненной догматикой науки, препятствуя превращению институциональной научности в «право на истину». Оттого-то «критики» и видели приоритетной для исторической науки включенность в общемировой «гуманитарный контекст» и функционирование историографии в качестве «комплексной междисциплинарной системы». Тем временем, хотя чаша весов склонялась на их сторону все отчетливее, события сменялись калейдоскопически, необратимо. Историописание быстро двигалось к тому, что М.Я. Гефтер в 1990-е гг. считал «возвращением» «к первичности», – открытию исторических процессов в нулевом цикле там, где все предшествующие состояния науки сочтены безрезультатными: «...а в отношении историка... ну что ж, если действительно как-то ставить точки над I, то [...] в каком –то смысле для историка это возврат к первичности, правда, в силах ли сделать человек, выученный этой профессии, так сказать, по силам ли ему вернуться к этой первичности – это трудная вещь, историку, в общем, не позавидуешь... Но в каком-то смысле можно представить себя, скажем, Геродотом с его знаменитой фразой “пришлось случиться”»⁶⁸.

А тогда, в 1985–1991 гг., в особенности примечательным стало другое:

– в отличие от «академически» настроенных историков, «критики» отстояли «современный взгляд» на историографию, акцентирующий не столько ее «обществоведческий», сколько «гуманитарный» статус;

– «критики» отмежевались от утвердившейся в советской науке интерпретации «междисциплинарности» как «развития исследований по принципу эстафеты», когда «работа историков организуется на основе прямого контакта по единой тематике..., например, с социологами, и «историки «стыкуют» свои материалы с данными социологов, подкрепляют их в чем-то, объясняют», а социологи «завершают... анализ, подводят итоги»⁶⁹. Они ратовали, скорее, не за «разделение труда» между историками и представителями смежных дисциплин⁷⁰, а за междисциплинарность как стимул, возможно, радикальных инноваций;

– «критическая» среда созидалась требованием «методологической революции»⁷¹, смысл которой состоял бы в использовании «положительных знаний», накопленных в рамках «каждого из научных направлений, каждой концепции»⁷².

«Объективное знание может быть только результирующим вектором различных научных позиций», – жестко резюмировали в своей монографии Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов⁷³. В этом плане единственным ограничителем для них выступал поиск таких «типов исторического описания, в которых история постигается из нее самой, а не из того смысла, который она заимствует в настоящем»⁷⁴. Диалог с западной наукой, по этой логике, должен был сделаться предтечей многовариантности подходов и мнений, определяющей исследовательской «самостоятельностью»⁷⁵, иначе, самостоятельно избранными методологическими приоритетами и ценностными установками.

Нормативность (система запретов) в историографии противоречила «критицизму» не меньше, чем профессиональная подчиненность «комплексным задачам» развития науки, потребностям «научного целого», истово закрепляющего

монолитность в своей среде, априорно отвергающего «враждебные идеи». Особняком на фоне мнения, что «нельзя считать завершенным ни одно обществоведческое исследование, пока его автор не подвергнет аргументированной критике соответствующие чуждые взгляды»⁷⁶ выглядела «критицистская» версия гуманитаристики: «Здесь нет независимых от мнений измерений качества, неоспоримых показателей уровня»⁷⁷. Первым вкладом перестроечной историографии в «гуманитарный рост» человечества здесь представлялось утверждение в науке иной оценочной системы. Ее индикатором должно было стать незамедлительное уничтожение «сталинского императива», исследовательски реализованного в «Кратком курсе» истории ВКП(б): «Кто не с нами – тот против нас». Помимо этого, к числу ее фундаментальных оснований было отнесено и требование исходить в оценках из внутренней (собственной) логики предмета исследования, а не мерить историю или определенные интеллектуальные направления одноцветной идеологической меркой классового подхода⁷⁸. Так или иначе, разнообразие предлагаемых в «критицизме» методологических нововведений и было направлено на то, чтобы как можно рельефнее выявить многофакторность, уникальность исследуемых объектов.

Исключительные усилия «критиков» были сориентированы на создание *автономной* (замкнутой в этом смысле на самой себе) оценочной системы историографии, абстрагирующей и от подтверждения доктрин современной политики⁷⁹, и от удовлетворения обывательского вкуса к сенсациям⁸⁰. Дело шло о создании условий и предпосылок для возникновения в исторической науке иных методологических приоритетов. Эти последние должны были синтезировать, объединить воедино и всю «великолепную» непредсказуемость новаций, и дискуссионность знания, и определяющую роль не идеологических констант, а специфики предмета исследования в выборе познавательных инструментов. А пока, на этой промежуточной стадии, «критики» предлагали довольствоваться методологической детерминацией исторической науки исключительно теми ограничениями и правилами, что задаются в каждом отдельном случае спецификой проблемных областей, «прямыми» характеристиками исторического материала.

Завершая анализ «критического» перестроечного историцизма, отметим, что линия борьбы критиков с «академистами» то и дело совершала резкий зигзаг. И те, и другие всячески противопоставляли «профессиональное» и «массовое» историческое сознание⁸¹, приветствуя безальтернативность общественных изменений в том плане, что они должны опираться исключительно на «научные» принципы и историографическую «объективность».

Тем не менее ни в каком из историографических направлений не была столь ярко прослеживаема близость к публицистическому стилю, резкая полемическая заостренность и пафос отрицания, крайне схожий с тем, что наблюдался в среде непрофессионалов. Парадоксально, но в той же мере, в какой теоретическая активность «критиков» была регламентирована обеспечением автономности историографии и независимости ее от «внешних» влияний, их практическая деятельность была обращена «вовне», ориентирована на завоевание собственной общественной аудитории. Наиболее радикализированные «критики» пытались одновременно и дистанцироваться от традиционного историографического са-

мосознания, поднявшись над «историографическим бытом» (определение Ю.Л. Троицкого)⁸², с его этическими и методологическими ценностями, официальными регулятивами, и стать в общественном восприятии *единственными* представителями «подлинной», «объективной» научности.

Во всяком случае, своей общественной кафедрой многие из них избрали историческую публицистику (в историографии Сироткин, Баткин, не помяная уже о Волкогонове и Афанасьеве, слыли растратчиками профессии из-за ориентированного на массового читателя научно-популярного стиля) и подчас мессианского энтузиазма обличения.

Заданный в начале статьи сюжетно-методологический посыл исключает содержательный анализ историографических направлений – общий очерк их историзма (здесь: проникшей в советскую публицистику радикальной «критицистской» фронды).

Однако в целом четкость «бытийной летописи» корпорации должна предполагать выяснение, в какой ментальный корпус могут быть включены тексты «критиков», по мнению ряда историков-современников, «экстремистских» позиций. Какой историографический инструментарий для этого понадобится? Например, с помощью каких лекал исследовать столь эпические, сколь и однообразные, тексты:

Жизнь и смерть Сталина подтвердили ряд вечных истин. Пропась истории, наверно, одинаково глубока для всех. Но эхо падения навечно ушедшего туда может доноситься как призыв и свидетельство Добра или Зла. Чем больше мы узнаем о Сталине, тем глубже убеждаемся, что ему суждено стать в истории одним из самых страшных олицетворений Зла. Никакие благие намерения программы не могут служить оправданием актов бесчеловечности. Сталин своей жизнью еще раз показал, что даже высокие человеческие идеалы можно вывернуть наизнанку, если политика отказывается от союза с гуманизмом. Сталин, при всей тотальности своих устремлений, выпустил из поля зрения главное – человека. Для него человек всегда был составной частью массы, статистической единицей, а это почти ничего. Жизнь и смерть Сталина подтвердили, что единовластие как выражение диктатуры одного лица исторически исключительно хрупко. Оно гибнет, исчезает вместе со смертью единодержца. Сталин никогда не мог и не хотел понять, что подлинно свободное общество – это не платформа для пирамиды, на вершине которой находится один человек, а ассоциация, где каждый волен принимать участие в выборе собственной судьбы. Жизнь и смерть Сталина показали, что отсутствие гармонии между политикой и моралью всегда, в конечном счете, приводит к краху. Исторический маятник событий в нашей стране поднял Сталина на высшую точку своих социальных колебаний и опустил его в самой низшей – у диктатора политические ценности имели абсолютный примат над нравственными. Жизнь и смерть Сталина рельефно высветили то, что судьба человека, верящего только в могущество насилия, может идти только от одного преступления к другому. Декорации, созданные диктатором из его славы, «мудрости», «прозорливости», почитания рано или поздно рушатся. Сталин своей жизнью и смертью показал, что его претензии на совершенство цезаристского управления оказались призрачными. Его способность овладевать сознанием людей, превращать их в бездумных исполнителей является гроз-

ным предупреждением о том, к чему может вести власть бесконтрольная, абсолютная, сконцентрированная в одних руках. История Сталина обвиняет. Смерть не стала его оправданием⁸³.

Дескриптивные модели Д.А. Волкогонова – по меньшей мере, гомогенны. Все они говорят сами за себя. Достаточно обратить внимание на то, сколько раз историк возвращается к словосочетанию «жизнь и смерть», собственно упоминает «жизнь» и «смерть»; достаточно присмотреться к тому, как он обрисовывает «вечные истины», «высокие человеческие идеалы», «политику» и «гуманизм», «человека» и «подлинно свободное общество», «историю» и «мораль»; достаточно отметить, что в словах «Добро» и «Зло» автором используются заглавные буквы, тогда как сам И. Сталин оказывается в концепции то неким сверхчеловеком, отмеченным «тотальностью устремлений», то диктатором, существующим в экстремальной хронологической амплитуде «всегда» ~ (либо) ~ «никогда», то обладателем «абсолютной власти», верящим «только» в столь же «абсолютный примат» политических ценностей над нравственными. Ученым неуклонно создается поистине уникальное пространство символов-универсумов. В режиме этих значений «политика» и «человек», «свобода» и «гармония» и даже сталинское (неимоверно жестокое, но и неимоверно конкретное) «насилие» – особым образом генерализированные категории, лишённые всякого исторического содержания и вытесненные в некое неправдоподобное пограничье, в предсмертный спазм истории.

Признаки того – абсолютизированность описаний («Исторический маятник событий в нашей стране поднял Сталина на *высшую* точку своих социальных колебаний и опустил его в *самой низшей*» и проч.); власть, трактуемая *исключительно* как экзистенциальная дилемма; «история», оказывающаяся судьбоносной и «над» – временной; «жизнь и смерть», «Добро и Зло», уравненные где-то вне/за сферой исторического⁸⁴; своеобразный метафизический экстремизм, благодаря которому явления распознаются только в их идеальном или инфернальном воплощении, на грани самоисчерпанности и окончательности смысла. В 1985–1991 гг. *аусторические нарративы* о Сталине (а случай Д.А. Волкогонова – отнюдь не единственный) и советской истории все более отдаляются – и смыслово и методологически – от традиционного историописания. Мы сталкиваемся с другими «реквизитами означающего исторического письма»⁸⁵.

Публицистичны они или научны – тема, требующая обновления взгляда на историческую публицистику и историографию. По крайней мере, совершенно ясно, что они историчны.

* * *

В данный момент «отчеркнем» единственное. «Критическое» историографическое направление встало словно бы посередине между научной корпорацией и социумом. Приняв на себя медиативные социальные роли, «критики» открыли шлюзы для проникновения в историографию «публицистической» волны.

Здесь мы подходим к анализу влияния на перестроечную историографию второго из упомянутых в начале статьи факторов – взаимодействия исторической науки и исторической публицистики.

Самоопределение исторической науки 1985–1991 гг. по отношению к исторической публицистике

Взаимодействие исторической науки и исторической публицистики 1985–1991 гг. осуществлялось двояко. В *противостоянии* историописания публицистам обнаруживались многие свойственные историографическому сознанию представления и «образы научности». Историческая наука приобретала опыт отставания своего социального и познавательного «суверенитета»⁸⁶. В то же время публицистика оказывала на науку сильнейшее *влияние*, трансформируя мышление историков-профессионалов. Этот симбиоз конкуренции и мимикрии представлял бы куда меньшую проблему, если бы «производство» исторической памяти того периода не определялось видоизменением законов жанров⁸⁷. Это обстоятельство в 1985–1991 гг., однако, не было преодолено и часто ход *институциональной* коммуникации только подтверждал некую внутреннюю, не зависящую от факта такой коммуникации, схожесть (если не идентичность) исторической науки и публицистики. Во всяком случае, развитие историографии и публицистики не было самодостаточным на всем протяжении перестройки. В его слепящем поле и обозначился новый характер их взаимодействия.

* * *

В прошедшую декаду в исторической науке предпринимались многочисленные попытки осмысления феномена исторической публицистики, все более существенные ввиду видоизменения ее социальных функций. Большая часть историков, поднимавших вопрос об исторической публицистике, единодушно относилась к ее отличительным свойствам⁸⁸:

- «стремление к сенсациям, жареным фактам»⁸⁹;
- «скоропись», «безответственность авторов», «фактические ошибки»⁹⁰;
- «предельную политизированность», «тенденциозность», «упрощенчество», «схематизм»⁹¹ и «однобокость»⁹²;
- тягу истолковывать историческое прошлое исключительно в мрачном свете⁹³;
- стремление сменить «плюсы» на «минусы» в интерпретации отечественной истории⁹⁴
- желание преподать «еще не исследованное само собой разумеющимся»⁹⁵;
- «вульгарную актуализацию» и переписывание истории⁹⁶;
- оценки по «результатам и последствиям» событий, а не познание «прошлого с позиций прошлого»⁹⁷;
- поиск «поверхностных обобщений»⁹⁸;
- посягательства на «расчистку исследовательского пространства»⁹⁹;
- авторский «произвол»¹⁰⁰, следование лозунгу: «Хотим думать, что хотим»¹⁰¹;
- эмоциональный «накал»¹⁰²;
- «замах» сразу сказать «всю правду»¹⁰³;

- нередкое оперирование «не фактами, а их отражением в художественных или публицистических произведениях»¹⁰⁴;
- аргументирование «как истиной устаревшими и не нашедшими признания в научной среде выводами»¹⁰⁵ или – в другой версии – сознательную деформацию «общеизвестного материала» «в угоду модной новой концепции»¹⁰⁶;
- принципиальное игнорирование требования «изучать общее и особенное в явлениях и предметах»¹⁰⁷, несоблюдение публицистами принципа целостного видения контекста исторической эпохи¹⁰⁸.

Все названные свойства исторической публицистики могут быть объединены под общей рубрикой: *непрофессионализм*. Именно непрофессионализм, по мнению авторов приводимых определений, является системообразующей чертой исторической публицистики. Иными словами, с точки зрения этих историков, историческая публицистика – понятие, прежде всего, *институциональное*, условно говоря, это «непрофессиональная историография»¹⁰⁹.

Позволим себе принять настоящую дефиницию «исторической публицистики»¹¹⁰ за рабочий термин, понимая под ним историописание, осуществлявшееся за рамками исторической профессии¹¹¹.

И все-таки вернемся к перестройке.

* * *

В хронологических рамках второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. *противопоставление* профессиональной историографии публицистике становится рефреном выступлений ученых на многочисленных «круглых столах», непривычным регулятивом историографических дискуссий. Отстаивая необходимость популяризации «накопленных исторической наукой знаний»¹¹² профессионалы чаще всего:

- приводят в пример публицистику как главенствующий тип негативного историописания;
- проводят четкие параллели между публицистикой и литературой;
- трактуют популярность публицистики как следствие ее изобразительной яркости, близости к «массовому сознанию»;
- выделяют в качестве основных ее недостатков осовременивание и идеологизацию прошлого, отсутствие профессиональных навыков историописания.

А в частности:

- эмпиризм и ориентацию на чистую фактографию;
- негативизм и игнорирование диалектической природы истории;
- отсутствие системности ее осмысления;
- пренебрежение в трактовках прошлого принципом историзма.

Большинство обвинений в адрес публицистов сводимы тогда, как правило, к их вольному обращению с принципами, объективируемыми в общественном знании¹¹³. Альтернативой публицистическому историописанию представляется отлаженный, как ритуальная часть культа, историцизм историографии, демонстрирующий и знание, и учет исторических закономерностей¹¹⁴, и «объективность

видения», и отражение «инаковости» прошлого. Историки считают «однозначность» исторических реконструкций (и в социальном, и в историографическом ее значении) неоспоримым благом: «Реконструкция должна быть при адекватном отражении... действительности именно однозначной, ибо историческое прошлое в том виде, как оно совершалось, является инвариантным, однозначным и неизменным. Его внутренняя сущность и смысл могут пониматься и трактоваться по-разному. Но основываться они должны на однозначной картине его реконструкции», – уверен И.Д. Ковальченко¹¹⁵.

Требование «однозначности» содержит в 1985–1991 гг. не только гносеологический посыл. В нем есть и другое, наступательное, начало:

– выявляется претензия историков на монополизацию миссии «объективности». В связи с этим, пожалуй, наиболее острое противодействие профессионалов вызывает множественность публицистических исторических подходов, сопоставляемая в историографии с «праздником непослушания», единственная цель которого – создание «головокружительных», ни на чем не основанных «идей и гипотез»¹¹⁶.

– есть и еще одна «метка пути»: обществоведческой традицией является убеждение, что историческая память есть средоточие «выношенных в веках» идеалов «будущего»¹¹⁷ и историки не могут примириться с мыслью о многовариантности суждений о них¹¹⁸. Приписывая исторической науке право на «квалифицированное одобрение» общественных исторических представлений и формирование исторического сознания, историки видят историографию ответственной также и за выбор рациональной, отвечающей интересам большинства населения, альтернативы исторического развития¹¹⁹. Безрезультатнее, но на порядки более максималистски, чем прежде, профессионалы отстаивают существенность «сознательного», «целенаправленного», «активного», а, главное, «организованного» творчества истории¹²⁰, опирающегося на знание «законов общественного развития»¹²¹, выведенных и верифицированных советскими обществоведами.

Пожалуй, в этом, единственном, отношении обществоведческий цех психологически сплочен, как никогда. Его давний «долг» – обеспечение известного единообразия общественных представлений о прошлом, достигаемого в результате ориентации массового сознания на исторические концепции историографии.

Между тем падение престижа историографии отнюдь не способствует ориентации общества на концепты, фактически навязываемые ему исторической наукой. Прогрессирующий «плюрализм массового исторического сознания» (определение В.В. Журавлева¹²²), наметившийся отход от идеалов «морально-политического единства», обуславливают тенденцию к полицентризму исторических подходов. Ситуация впечатляюще нова тем, что «историками стали все»¹²³, историографические идеи утрачивают свой нормативный статус, а захватившая общество волна исторического нигилизма¹²⁴ грозит оставить его «не только без белых пятен, но и без прошлого вообще»¹²⁵.

Формальная, необычная для историков, тенденция такова: публицистика опережает историческую науку по скорости реагирования на массовые исторические запросы¹²⁶ и все больше доминирует над нею по популярности в массовой среде. Действительная – несколько иная: в исследовательской практике профес-

сионалов и дилетантов возникают мыслительные параллели, прослеживаемые в **аксиологической сфере** (в ценностных ориентациях), в определенных сходствах **систем вопросов** к прошлому и, в наименьшей мере, в особенностях **дискурсивных практик**.

«Идеографически» идя от публицистики, можно лучше представить историческую науку 1985–1991 гг., обратное непредставимо (ср. жесточайшую негативизацию публицистикой официального исторического знания). И все же несколько слов об особенностях публицистичности того времени – не досужий, окольный, а более чем прямой для исследования перестроечного общественнознающего путь. Не просто оппонент или резонерская историография – публицистика эпохи перестройки переиначивает ценностную систему общества, втолкнув его в эпоху манихейской однотонности, – декламацию без полутонов. Однако не следует и упрощать публицистическое историописание, сводя его торжество над профессиональной историографией к обстоятельствам только социального или морального (в том, что касается публицистических претензий к историкам), а не интеллектуального толка. Публицистика была и интеллектуальным вызовом, до конца не распознанным историографией, но подорвавшим, изменившим и ее пронзительной новизной социального времени, выразившейся полнее не в историографии, а в публицистике.

Существом публицистического отношения к историческому прошлому было *восприятие его в ценностных формах*. В рамках ценностного подхода история рассматривалась уже не сама по себе, а в ее отношении к человеку, к субъекту, к его интересам и потребностям. Тем самым публицистика, с одной стороны, противостояла исторической науке с ее требованием внимания к инаковости прошлого, а с другой – актуализировала характерные особенности массового исторического сознания¹²⁷. Исходным и ключевым в ее системе вопросов к историческому прошлому было рассуждение об «идеальных моделях» исторических событий и явлений, как правило, совмещавшее в себе типично перестроечные отождествление *должного* и *реального* и *аксиологическую абсолютизацию должного*: то, что условно могло бы быть названо «смысловой предельностью мышления» (СПМ)¹²⁸. Вследствие этого в качестве антитезы «не терпящей категоричности» историографии¹²⁹ историческая публицистика зачастую продуцировала идею «суда над историей» и характеризовалась доминированием однозначных, безальтернативных «приговоров» в отношении исторических лиц и явлений над попытками сознательного ухода от подобного рода категоричной оценочности.

И все же, вероятно, историческая публицистика и не могла быть иной, поскольку ее системообразующим вопросом была «история в человеке», а конечный смысл ее историописания заключался не столько в личностном самопознании, сколько в личностном становлении человека эпохи перестройки.

Соответственно, утопическое и вседвоящее стремление публицистов изменить, ни много ни мало, личностную природу советского человека¹³⁰ имело следствием поиск и принятие в историческом прошлом лишь политически и социально гуманного, этически эталонного и, как ни парадоксально, «реалистичного» с точки зрения жизненной практики¹³¹.

«Крайность может довести до крайности», – писал некогда А.С. Пушкин¹³². Подобно этому, рассчитывая обрести в прошлом доказательство существования идеального «стандарта человечности», историческая публицистика доходила в крайности своих трактовок до тезиса, что концептуально-теоретическое в прошлом значимо, а реальное – приемлемо только в том случае, если они удовлетворяют требованиям «общечеловеческих ценностей» и «здорового смысла». Однако как раз в этом крайне чувствительном для публицистов пункте строгая последовательность аристотелевского силлогизма уходила в сорит. «Здравый смысл» вырастал в понятие, претендующее если не на антинаучность, противодействие «официальному историзму», то на отражение всего спектра «альтернативной» – априорно лучшей, априорно не «мифологической», оснащенной знанием «истинной», а не выдуманной советской «практики» – истории.

Восхваляемый публицистами «здравый смысл» одерживал верх над большинством интерпретационных «догм» и «мифов» советского периода. Так, А.С. Ципко, именовавший перестройку «революцией здравого смысла», использовал в популярнейших статьях «Истоки сталинизма» выражения «*здоровое отношение*»; «*здоровое сомнение*»; «*здравый смысл*»; (*мыслить*) «*здорово*» 17 раз¹³³. А между тем «Истоки сталинизма» были одним из ключевых примеров радикального переосмысления марксизма¹³⁴. В том же ряду стояла публицистика А.Я. Климова, в которой могли встречаться такие логические ходы (1990 г.):

Критерием общественного прогресса в конечном итоге является качество социальной жизни, выражающееся в степени свободы человека в обществе, в его реальных возможностях материального и духовного обеспечения независимо от социального положения¹³⁵

Хорошо понимая соотношение социальных сил в прошлом, основоположники марксизма все же допустили ошибку в трактовке роли и значения рабочего класса в историческом процессе. По своему исторически определенному месту в системе общественного производства рабочий класс не может быть передовым, прогрессивным классом ни в капиталистическом, ни тем более в социалистическом обществе, будучи продуктом капиталистических производственных отношений. ...Являясь в капиталистическом обществе угнетенным классом, рабочий класс уже в силу этого не может быть носителем передовых взглядов и идей. Функционально, как рабы и крепостные, он остается живой производительной силой, с помощью которой капиталисты осуществляют производство материальных благ. Примерно такая же роль отведена трудящимся массам в войнах, революциях и других социально-политических движениях – это быть средством, «орудийной» силой достижения самых различных политических, но не их собственных, целей, хотя часто все это совершается и от имени и в интересах угнетенных классов¹³⁶

Действительно прогрессивными, передовыми, революционными группами людей являются во все времена относительно свободные от существующей общественно-экономической системы и связанных с нею предрассудков средние, так сказать, «нейтральные» социальные слои общества, обладающие в достаточной степени образованием, интеллигентностью, культурой, общечеловеческой нравственностью, революционным демократизмом, верой во всеобщую справедливость и гуманистические идеалы¹³⁷

Рабочий класс не может быть носителем единственно научного мировоззрения, единственно правильной коммунистической идеологии, общечеловеческой морали, реального гуманизма, социальной справедливости, политического самосознания. Для этого у него нет ни образования, ни культуры, ни необходимого свободного времени, ни социально-экономических, политических и идеологических возможностей. Зато всем этим обладают платные идеологи, выступающие от имени рабочих и утверждающие избитые истины об их авангардной роли в социалистическом обществе и коммунистической партии¹³⁸.

Автор, по-видимому, намерен соотнести взгляды марксистских классиков с советским опытом, историей социализма. Однако стоит приглядеться, как это реализовано. Рассуждения Климова, скажем так, хороши на все случаи жизни, т. е. не очень-то нуждаются в марксистской идеологии.

Во-первых, «качество социальной жизни», обусловленное «реальными возможностями материального и духовного обеспечения», «степенью свободы человека в обществе», независимо от того является ли оно «критерием общественного прогресса», практически всегда остается гарантией социальной стабильности.

Во-вторых, изучая роль «нейтральных» – совсем не ясно каких – социальных слоев «во все времена» или роль трудящихся масс «в войнах, революциях и других социально-политических движениях», Климов исподволь расширил рамки своего толкования до маловразумительных для марксиста «революционных групп» как таковых: без привязки к пролетарской революции.

В-третьих, Климов отрицает *главенствующую* в марксистской мысли революционную роль «угнетенных масс» на основе представлений житейско-практического толка (см. например, отсутствие у рабочего класса «свободного времени»). Так или иначе, им вводится хронологически, понятийно, а в конечном счете и идеологически абстрагированный критерий суждений, – «здравый смысл», не признающий передовой роли чего-либо «угнетенного», «гуманистических идеалов» необразованного и «экономических интересов» безыдейного. Этого рода история «сотворения мира», используя марксистские категории («революционный демократизм», «вера во всеобщую справедливость» и т. д.), придает им, однако, формальный характер. В ней первична, условно говоря, «практическая» логика, возведенная, что примечательно, в теоретический абсолютизм. Ведущее место в концепции занимает теоретический скептицизм, действенный и вне рамок марксистского учения. Но – внимание! Заключение, выведенные с помощью абсолютизированного «здравого смысла», – никак не выводы ортодоксального марксиста, а ... перестроечного «марксистского» публициста. Сходный, основанный на «здравомыслии», скептицизм можно обнаружить и в других перестроечных интерпретациях социалистического образа жизни¹³⁹, сталинизма¹⁴⁰, гражданской войны¹⁴¹, научности марксизма¹⁴², что делает вероятной *гипотезу о теоретическом значении* в общественной мысли 1985–1991 гг. «здравого смысла». Однако данное первоначально горбачевское понятие не так уж просто, чтобы говорить о нем в статье, посвященной другим вопросам. Выделим лишь, что оно, во-первых, вырастает в 1985–1991 гг. в универсальную «отмычку», элемент подрыва целого ряда крайне чувствительных для марксистского знания идеологиче-

ских и исторических явлений с позиций по-новому понимаемой «практики», а на деле иначе идеологизируемой «реальной практики», а не канонической идеологии. И, во-вторых, оно занимает в публицистике «диктаторское место» с аксиологической точки зрения, встав в центре свойственных публицистике этико-идеологических интерпретаций.

Между тем те же тенденции нарастают в этот период и в исторической науке:

«Более чем странным кажется сегодня изучение истории компартии с ее же собственных позиций, а не отношение к ней с точки зрения “общечеловеческих ценностей” и “здорового смысла”», – безоглядно отменяет принцип историзма И.П. Вязьмитинова¹⁴³.

«Здравый смысл и нравственность – *превыше всего*. В этом – *главный* (Выделено мной. – И.Ч.) урок нашей истории 20–80-х гг.», – полагает А.Н. Мерцалов¹⁴⁴.

Думается, что как в исторической науке, так и в исторической публицистике за подобного рода заявками стояло то понимание, что «ориентир», «суперидея», «суперзадача» может основываться лишь на том, что нам «близко и дорого»¹⁴⁵, а абстрактное «добро должно быть житейски конкретно»¹⁴⁶.

По сути дела, и публицисты, и обществоведы предлагали преобразовывать действительность и рассматривать историю с позиций осознания значительности исторической повседневности, поведения в ней столь ярко и яростно превозносимого в 1985–1991 гг. «маленького» исторического «человека». Предполагалось, что такой подход может сказать об истории гораздо больше, чем не в меру отвлеченные и абстрактные отсылки к историческим закономерностям и классовой борьбе, отождествлявшиеся в публицистике с «каким-то холодно-равнодушным, рыбьим взглядом» на историю («И кому... она, рыба, поведала эту унылую историю перемещения с места на место каких-то биологических масс, непонятно, во имя чего поглощающих и оттесняющих друг друга?») – задавался вопросом Ю.В. Лошиц¹⁴⁷), а в исторической науке – с обезличиванием исторического процесса.

Продолжая проводить параллели между исторической наукой и публицистикой, заметим, что их взаимопересечение имело место и в известной однотипности *систем вопросов* к прошлому.

Поиск исторической публицистикой идеальных моделей и ее апелляция к должному, а не реальному выражались в том, что она уделяла большее внимание анализу феноменологического значения, а не конкретно-исторического смысла явлений. Историческая публицистика стремилась к прояснению *специфики* явлений через их определение, данное в принципе, «вообще», исходя из восприятия явления как такового. Можно сказать, что исторические реалии рассматривались в качестве равных себе феноменов. Вследствие этого, к примеру, феноменология социализма как утопической системы зачастую идентифицировалась в публицистике с сущностью советской политической истории и советского сознания, феноменология крестьянского мироощущения как ориентации на коллективизм, круговую поруку и т. д. отождествлялась с существом самоидентификации советского крестьянства¹⁴⁸, феноменология «русской духовности» как таковой – со спецификой церковной практики «тихоновского» периода

(1917–1925) и проч. Исследуемые явления схематизировались публицистикой в том плане, что она подменяла анализ уникальной, поистине исторической сущности и внутренней логики каждого явления отождествлением его феноменологического и конкретно-исторического смысла. Так, в размышлениях Л.Н. Пономарева и В.В. Шинкаренко о советском бюрократизме феноменологический смысл бюрократизма как такового («императивность мышления», «упрощение, оборачивающееся недомысливанием и недоделыванием», «произвол и насилие» и пр.)¹⁴⁹ трактовался как всеобъемлющий, тотальный смысл *всех* перипетий, деформаций и поворотов в конкретной истории госаппарата. При этом нам хотелось бы избежать логичного порицания в недооценке специфики любого исторического исследования, базирующегося на сопоставлении феноменологических (однотипных для многих явлений) и конкретно-ситуационных черт тех или других событий и процессов. Как представляется, отличительная особенность исторической публицистики заключалась в том, что она интерпретировала явления таким образом, что присущий им реально-исторический смысл и конкретная стадийность отождествлялись с «кульминационными точками» их потенциального (или феноменологического) самораскрытия в истории. Иными словами, при анализе тех или иных событий, речь шла о явлении, а не сущности, об идеальной модели, а не реальности. Хрестоматийным примером этого являлась публицистическая эвристика, подразумевавшая поиск идеальной исторической личности, идеальной революции, идеальной версии марксизма, идеальных доказательств «вселенской» масштабности сталинского террора¹⁵⁰. Излишне говорить, что в связи с этим происходила аберрация фактического корпуса истории. Каждый отдельный факт трактовался как квинтэссенция *смысла* всей истории¹⁵¹, а отдельная деталь вырастала в публицистике до уровня символа исторического процесса (ср. «ждановскую жидкость»). Кроме того, историческое развитие превращалось под пером публицистов в «железный сценарий» (термин С.С. Эйзенштейна), стереотип того, каким образом данный и подобные ему феномены «как правило» развиваются в истории. Эмблематично, что в лексическом словаре публицистики перестроечных лет наречия «обычно» и «всегда» стояли, пожалуй, на первом месте, а те или иные исторические коллизии чаще всего анализировались с помощью местоименных прилагательных «всякий» («каждый») и «любой»¹⁵². Историческая публицистика преподносила анализ явлений как размышление над их феноменологической природой, а исследование конкретных закономерностей исторического развития подменяла стереотипными представлениями о некоторых универсальных механизмах, своего рода матрицах развития изучаемых явлений.

«Темные и невежественные силы берут верх в эпохи разрушительных взрывов, способствующих нравственной деградации и проявляется самое, казалось бы, невероятное, извращенное, непредсказуемое», – предлагала, скажем, идеально-типическую формулу социальных катаклизмов революционных эпох Н. Иванова¹⁵³.

Ту же направленность на анализ феноменологического, а не конкретно-исторического значения исторических событий и явлений демонстрировала и статья профессионального историка В.П. Булдакова «Путь к Октябрю»:

- Социальная революция избирает прямые формы демократии, противится попыткам отмерять демократию «сверху» – в умеренных дозах и по заимствованным рецептам¹⁵⁴;
- Победившие революции, независимо от провозглашенных целей, авторитарны, ибо утверждаются через ломку старого и «захват» народом политической свободы¹⁵⁵;
- Любая развивающаяся общественно-политическая система многоукладна¹⁵⁶;
- Всякая революция начинается «сверху», отражая неспособность власти управлять по-старому, но становится таковой, лишь сомкнувшись с массовым движением снизу¹⁵⁷;
- Революционные массы ждут вовсе не самых совершенных программ, выработанных кабинетными учеными, а всего лишь наиболее общих принципов, которые не мешали бы им самим перестраивать социальную и экономическую жизнь¹⁵⁸;
- Идеологические конструкции, упрощаясь до лозунгов, неизбежно преломляются сквозь толщу народных утопий – отнюдь не только революционных. Знание становится предметом веры, и это выталкивает на поверхность общественной жизни так называемых харизматических, то есть наделенных в глазах масс чертами исключительности, лидеров, действующих не по праву, а по интуиции. Но последние, вступив в область неизведанного, склонны бывают руководствоваться доктриной, а не «здравым смыслом»¹⁵⁹.

Как видим, предлагая трактовку сущности российской революции, В.П. Булдаков использует в качестве аргументов суждения общего плана, апеллирует к тому, каким образом революции совершаются *всегда*, как протекает и чем движима *типичная* революция, то есть основывает свои выводы о конкретном на представлениях универсального характера¹⁶⁰.

Казалось бы, В.П. Булдаков реализовал исследовательский метод, присущий исторической публицистике. Однако подобные примеры из работ историков-профессионалов 1985–1991 гг. можно множить до бесконечности¹⁶¹, а это, в свою очередь, свидетельствует о нарастающем тождестве процессов, протекавших в исторической публицистике и историописании.

В публицистических работах данного периода конкретное только и имело смысл в свете универсального. Всякий исторический факт, обращавший на себя внимание публицистов, приобретал в их глазах глобальное значение, а смысл отдельных исторических явлений, как правило, абсолютизировался.

«Бюрократия – это глубинная часть нашего “я”»¹⁶², – утверждали, например, Л.Н. Пономарев и В.В. Шинкаренко. – «Посмотрите, как ребенок ломает куклу, когда она не хочет есть кашу. Разве это не первый росточек будущего бюрократизма?»¹⁶³.

В связи с ориентацией публицистики на прояснение феноменологического смысла явлений, в ее исследовательской практике утверждалось сопоставимое с античным *восприятие исторического процесса*, связанное с представлением о цикличности, отсутствии в истории чего-либо нового, о периодическом возобновлении в ней одного и того же. Историческая публицистика игнорировала принцип историзма в том отношении, что ее девизом могла бы стать фраза: «Как тогда, так и сейчас».

«Так уж повелось в нашей истории. Снова и снова повторяются гримасы власти, игры элит, леденящая душу неуверенность, снова то, с чем мириться со-

весть не разрешает»¹⁶⁴, – отмечал, например, А.Н. Яковлев, трактуя историю России как «хождение по замкнутому кругу, когда меняются формы власти, социально-политических институтов, но положение человека остается почти неизменным»¹⁶⁵.

И.В. Бестужев-Лада описывал историю Киевской Руси в нетривиальном ключе. Именуя древнюю Русь империей, он предлагал следующее ее понимание: «Во главе государства..., как и во всех без исключения империях мира до и после описываемых времен, стоял грабитель, единственным смыслом существования которого было – награть возможно больше. <...> С тех пор и до Октября 1917 г. вся тысячелетняя история государства Российского, как и всех прочих государств мира... являла собой бесконечное повторение... грабеж, еще раз грабеж, еще тысячу раз грабеж. А в промежутках – десятки и сотни восстаний»¹⁶⁶.

Схожая стилистика просвечивала и в некоторых высказываниях профессиональных историков:

– Ю.Н. Афанасьев в марте 1990 г. утверждал, что «насилие – это и есть *вся* [Здесь и далее выделено мой. – И.Ч.] наша история»¹⁶⁷;

– В.Г. Сироткин констатировал, что «трагедия России заключается в том, что в ней *всегда* было две культуры – крестьянская, азиатская, в основе своей бесписьменная, и городская, просвещенная, в основе своей западная»¹⁶⁸;

– К.Ф. Шацилло полагал, что «в России вообще *никогда* ничего в достаточном количестве не было, кроме угнетения со стороны политической власти»¹⁶⁹.

Наконец, сходство исторической науки и исторической публицистики прослеживалось также и в наметившихся совпадениях *дискурсивных практик*. Вряд ли стоит доказывать, что исторической публицистике была присуща явная литературность и развитая образность.

Литературоцентричность и фантазийность¹⁷⁰ исторической публицистики, смешение в ней достоверности и вымысла, гиперболизация смысла одних событий и (умаление, единственно, благодаря авторской воле значимости других¹⁷¹), вызвали к жизни совершенно особенную, ей одной присущую технику исследования. Отметим, что в ее основе лежал феномен переносного смысла. Смысл явлений зачастую не выявлялся исторической публицистикой путем анализа, а *абстрагировался в ассоциацию*. Можно сказать, что публицистика осмысливала явления по-имажинистски: через «образы». Избрав в качестве «образа», положим, литературный пример или афоризм, публицистика сводила смысл явления к смыслу образа (или, точнее, метафоры), и в какой-то степени заставляла первичный смысл явления материализоваться во вторичном смысле метафоры. Тем самым, публицистика придавала первичному смыслу ту однозначность, которая была бы невозможна в случае анализа внутренней логики явления и раскрытия всей многогранности ее изначальных, а не ассоциативных значений. Приведем примеры, свидетельствующие о привнесении данных принципов мышления в историческую науку и одновременно дающие представление об имажинизме, изначально свойственном не классической историографии, а публицистике. Так, А.Н. Мерцалов объяснял целый ряд явлений, а в частности – пришедшиеся на 1930-е гг. «антимарксистские противопоставления классового, национального общечеловеческому, отрицание экономических законов, свойственных всем со-

циально-экономическим формациям, пренебрежение общечеловеческой моралью и правом» и даже «возникновение сталинской системы знаний о прошлом»... «сектантским складом ума» и «провинциальным образом мышления» Сталина¹⁷². В тот же период Ю. Афанасьев в таких красках живописал советскую государственную систему: «За время советской власти произошла архаизация всех общественных отношений, осуществилось возвратное движение к *азиатскому способу производства*»¹⁷³. Эти немногие примеры демонстрируют, что оценка определенных явлений могла осуществляться не через анализ, а через атрибутирование их смысла какому-либо ассоциативному «образу». При этом в таком качестве мог использоваться и тот или иной термин, лишаемый в данном случае своей категориальной и семантической точности¹⁷⁴. Но, пожалуй, более всего для роста совпадений исторической науки и исторической публицистики в 1985–1991 гг. были знаменательны следующие моменты:

1) Историческая наука воспринимала в качестве «ориентиров для деятельности по производству знания», то есть «институциональных ценностей научности»¹⁷⁵, «не очень ясно понимаемые “общечеловеческие ценности”»¹⁷⁶, причем их трактовка в качестве основы исторического процесса методологически никак не аргументировалась. (Точно так же не аргументировался и отказ от классового подхода и ориентации на синтезирование принципов объективности и партийности). Кроме того, вслед за публицистикой, рядовой для историографической практики стала апелляция к логике «здравого смысла»¹⁷⁷.

2) Формирование историографической системы вопросов к прошлому зачастую осуществлялось на основе поиска «идеальных моделей» исторического прошлого (ср. типичные для историографии данного периода рассуждения о «природе» социализма) и было отмечено направленностью на анализ феноменологического, а не конкретно-исторического значения исторических событий и явлений.

3) Исследовательские представления об «исторических закономерностях» неуловимо сменялись изначально публицистическими рассуждениями о воспроизводимых (неизменных и опасных) константах русской истории, ее косных «всегда» и «никогда».

4) В исторической науке происходило видоизменение категориальной системы, связанное с недостаточно точным оперированием понятиями, использованием терминов в качестве метафор, а, с другой стороны, категоризацией обыденных слов («духовность», «нравственность», «общечеловеческие ценности» и т. п.).

Подводя некоторые итоги, отметим, что изменение в 1985–1991 гг. социального статуса науки неизбежно провоцировало историографию на исследование «закономерностей формирования социальной информации»¹⁷⁸, анализ «концептуальных позиций», выявление «конкурирующих систем объяснения», рассмотрение вопроса о выборе «более адекватных объяснений»¹⁷⁹ и, наконец, на верификацию того, «в какой степени историческое знание “подражает” научному знанию вообще, является ли это верным путем в осмыслении истории»¹⁸⁰.

Адаптация исторической науки к новым общественным условиям осуществлялась в непростой обстановке, обусловленной переосмыслением самих *границ научности* и проблематизацией тезиса о *принципиальной возможности* доказа-

тельства приоритетности историографических концепций, а также нахождения наукой некоей «единой для всех» исторической Истины. Именно в этот период нарождались принципы нового понимания исторического прошлого, впоследствии реализовавшегося в постулатах о «множественности» истории¹⁸¹ и типичных для историографии 90-х гг. вопросах о том, «можно ли назвать историю наукой», если «одно и то же событие может иметь противоположные оценки»¹⁸².

При этом переоценка категорий научности выражалась в историографии второй половины 80-х – начала 90-х гг. в двух взаимосвязанных тенденциях:

– ***В исторической науке была заметна тенденция к институциональной автономизации.***

Столкнувшись в 1985–1988 гг. с ситуацией тотального общественного и государственного¹⁸³ давления на науку (исторический оптимизм, а затем всеобщая критика), историки предпочитали видеть в адаптации к новым условиям такое переосмысление понятия «научность», которое обезопасило бы историографию от идеологического конформизма и популизма, одновременно удовлетворив общественную потребность в историческом знании. С этой точки зрения, суть происшедшего переосмысления категорий «научности» заключалась в стремлении к узконаучной историографической модели или, иначе говоря, в ориентации на обособление исторической науки от «внеисториографической» конъюнктуры. Магистральным направлением историографического развития оказывалась борьба с сенсационностью и политико-идеологической ангажированностью науки. «Историческая наука лучше развивается все-таки тогда, когда не ощущается повышенного востребования со стороны общества», – считал, например, В.В. Согрин¹⁸⁴. Без всякого преувеличения можно утверждать, что большинство профессиональных историков настаивало на том, что историческая наука сможет успешно развиваться лишь при условии «выделения не сенсационных, а объективно приоритетных направлений развития науки»¹⁸⁵ и реанимации после долголетнего стеснения академической свободы¹⁸⁶. В этом плане немаловажно, что активность научно-критической и аналитической историографической мысли была в тот период направлена на обеспечение «чистоты научных экспериментов» то есть создание условий, в которых эффективность исследовательского поиска историографии была бы пропорциональна исключительно *степени профессионализации науки*. При этом высокий профессиональный уровень историографии ставился в прямую зависимость от «автохтонности» и самостоятельности историографического развития и постановки историками во главу угла познавательных, а не конъюнктурных интересов. Помимо этого, тенденция к автономизации науки выражалась в историографии в требовании оценивать научные достижения, а, тем более, промахи и упущения, независимо от общественного мнения относительно степени «научности» историографии. «Необходимо, чтобы право суждения о научной ценности тех или иных обществоведческих разработок принадлежало прежде всего научному сообществу», – высказывал кредо историков Д. Волкогонов¹⁸⁷.

– ***Модифицировалась нормативная система историографии.***

Существенной характеристикой новой нормативности в исторической науке оказывалось то, что она базировалась на представлении об *идеальной* научности.

К примеру, такие методологические нормативы, как «всесторонний» и предельно «правдивый» анализ истории, преимущественное внимание к «истории в человеке», необходимость отражения «многомерности» исторического развития и «многообразия» исторической действительности и т. п., разделялись всеми историографическими направлениями, но не становились от этого менее декларативными. Скорее, они фиксировали «идеальные типы» историографической научности, возникавшие как альтернатива ее называвшимся недочетам и упущениям. Таким образом, отвергая, положим, присущие советской историографии «однозначную прямолинейность» исторических построений, «односторонние трактовки» многих явлений, «отсутствие необходимой широты взглядов»¹⁸⁸ и т. п., историки по принципу инверсии определяли, каковы же должны быть основы историографической деятельности. В целом представления о функциональной роли историографии в «современном обществе» сводились примерно к следующим положениям, емко обозначенным в 1988 г. Г.А. Аветисяном: «Историки призваны исследовать не только героическое прошлое своих народов, но и промахи, ошибки, тяжелые моменты их истории, ее “белые пятна”, утверждать правду, очищать науку от искажений и “улучшений”, создать объективную картину развития советского общества, помочь народу понять исторические корни застойных явлений»¹⁸⁹. Надо сказать, что такого плана представления были крайне характерны для историографического самосознания исследуемого периода, последовательно тяготеющего к некоей идеальной модели научности. Так называемая «перестройка исторической науки» единодушно трактовалась различными историографическими направлениями как возвращение к «подлинным идеалам» марксистской историографии и раскрытие ее реального исследовательского потенциала, не актуализированного в многогранности всех своих возможностей в силу неблагоприятных политических условий («сталинизм», «эпоха застоя», искусственно насаждаемое главенство схем Краткого курса истории ВКП(б) и задавливания исследовательской инициативы советских историков¹⁹⁰).

Тем не менее «критическое» и «академистское» историографические направления расходились во мнениях относительно вероятных стратегий воссоздания «марксистско-ленинской чистоты»¹⁹¹ исторической науки:

– Историки «академистских» взглядов, как правило, не подвергали сомнению марксистскую идентичность советской историографии, но говорили лишь о необходимости отказа от схематизации и догматизации марксизма. Обыкновенно «академисты» ориентировались на освобождение исторической науки от «наслоений»¹⁹², явившихся следствием тотальных социальных деформаций и приведших к утверждению в советском обществоведении «начетничества», «идейной эластичности», «догматизма».

«Академистское» историографическое направление фактически и предлагало ограничить перестройку в исторической науке очищением историографии от «наносного».

– «Критики», напротив, делали упор на необходимости кардинальной перестройки самих основ историографической практики и переосмысления всей традиции советского историописания, чуждой подлинному марксизму вследствие специфического для советской исторической науки историографического мифотворчества.

«Академистское» и «критическое» направления представляли как бы два крайних полюса интерпретаций: с одной стороны, имела место неприкрытая апологетика непреложной ценности советского исторического знания, с другой – его безоговорочное, идущее до конца, неприятие¹⁹³. То был идеалистический и эмоциональный, особый историографический период. Есть все основания утверждать, что в историографической практике «должное» нередко принималось либо за «действительное», либо за «реально достижимое», благодаря чему отношение к советской исторической традиции было отмечено известной *однозначностью и односложностью*, а «сиюминутная» самоидентификация историографии *была лишена модальности самовосприятия*. Категории теоретически вероятностного и практически выполнимого в этот период, по существу, мало различались. В связи с этим заслуживает внимания известный максимализм требований к научности, присущий исторической науке второй половины 80-х – начала 90-х гг. Так в 1989 г. отделение истории АН СССР приняло резолюцию о том, что подлинным вкладом исторической науки в дело перестройки, обеспечивающим ее действительное влияние на общественное сознание, может быть лишь *«правдивое, ответственное, доказательное, свободное от конъюнктурных соображений слово ученых [Выделено мной. – И. Ч.]»*¹⁹⁴. В горбачевский же период И. Д. Ковальченко заявлял, что *«историческая наука не только может, но и должна познавать сущности и законы всех уровней как в пространственно-временном, так и в содержательном выражении»*, что она *«обязана идти впереди практики и быть готова к решению не только стоящих перед нею задач, но и тех, которые могут возникнуть в ближайшем и даже более отдаленном [Выделено мной. – И. Ч.] будущем»*¹⁹⁵.

Соответственно, как ни абсурдно это звучит, историографическая самоидентификация могла быть таковой только в осознании неких идеократических форм самовыражения. Иными словами, историография начинала воспринимать и идентифицировать самое себя лишь на уровне «должностного». Сообразно этому историческая наука ставила перед собой идеально-утопические задачи предельной, максимально возможной интенсификации «подлинной» научности и исходила в своей самооценке из категорического императива «соответствия (не-соответствия) должному».

Однако основной тенденцией историографического развития вперед, «на будущее», было другое. «Научность» начала рассматриваться опосредованно – «от противного» – в том отношении, что перестроечный (а за ним и постперестроечный) социальный прессинг, в большей мере, поддерживал направленность историографии на отстаивание¹⁹⁶, а не порождение ценностей науки¹⁹⁷. Осознание вероятности непрошеной интерференции, ни с чем не считающегося «вторжения»¹⁹⁸ в научную практику, а значит, и нового опыта взаимосвязанности исторической науки с социальным окружением, породило как более пристальное отслеживание траекторий «социальных воздействий» на историческую мысль, не должную, по мнению ученых, мириться с политизированностью, схематизмом или эмоциональным подходом¹⁹⁹ к прошлому, так и выставление на щит ««числительного знания»²⁰⁰, некоей научности по преимуществу (высокого порядка²⁰¹), призванной детерминировать и параметры взаимодействия с внеаучной средой²⁰², и историографическое самовосприятие²⁰³.

Например, семантически избыточными для советской исторической просопографии были бы следующие, взятые из разных источников, утверждения:

- «Историк не может творить вне окружающей его среды и установленных общественных норм»²⁰⁴
- «И все же научная биография М.П. Погодина, освобожденная от всяких конъюнктурных и им подобных соображений, еще не написана»²⁰⁵.

Навряд ли прежде понадобились бы и такие глубоко парадоксальные подробности исторического творчества М.В. Нечкиной: «Научность всегда являлась неизменным свойством ее отношения к решению научных вопросов»²⁰⁶.

Аналогично этому отсылки к исторической публицистике едва ли составили бы, как это произошло в 1990-е годы, жанровый элемент научно-исторических работ²⁰⁷.

Контекстность, интеракция, зависимость от «установленных общественных норм», верификация «истинной» научности историознания²⁰⁸ – вот круг вопросов (словно при проявлении скрытого изображения), который выходил на поверхность в самых разнообразных обстоятельствах – в историографических дебатах и дискуссиях, в исторических биографиях²⁰⁹, в беседах профессионалов с журналистами, в теле- и радиопередачах, проводимых историками²¹⁰, и т. д. Больной темой историографии конца 1980-х – 2000-х гг. оказался дисбаланс между научным знанием и формирующейся на его основе научной психологией и восприятием исторической науки обществом, нисколько не готовым ни к пониманию теорий высокого уровня²¹¹, ни к пиетету перед некогда непререкаемыми корпоративными традициями. Виной тому, не в последнюю очередь, была начавшая в 1985–1991 гг. свой путь к вершинам и перетянувшая на свою сторону целый ряд, в основном, политически равнодушных профессионалов историческая публицистика. Так или иначе сознавая это, историки *de facto* отнюдь не символически отгораживались от нее в «башне из слоновой кости». По существу, историческое сообщество воздавало публицистам сторицей в нежелании прислушиваться к противоположной стороне: историографический «стандарт» оценки, а не планового анализа публицистики долгое время соблюдался неукоснительно. Как правило, ученые-историки придерживались взглядов, которые в другой ситуации показались бы антинаучными: с исторической публицистикой «все решено», публицистичность – не более чем воинствующий псевдоисторизм²¹². Фактически «плюсы» и «минусы» исторической публицистики значились выявленными и «исчисленными». Среди первых чаще всего называлась постановка слабо разработанных ранее проблем, в числе вторых – их раскрытие с точки зрения общеизвестных в исторической мысли или же некорректных концептуальных подходов. Индикатором историографического подхода к публицистике оказывался широко распространенный в среде историков вывод, что «историческая картина, создаваемая публицистами..., была крайне однообразной»²¹³. Между тем, анализируя восприятие учеными-историками публицистики, необходимо не упускать из виду, что в подавляющем большинстве случаев она оценивалась очень фрагментарно. Не пользуясь исследовательским одобрением, историческая публицистика нечасто являлась объектом системного историографического изучения. Вместе с тем известные примеры такого изучения не могут быть признаны удовлетворительными.

В частности, целенаправленно занимавшийся публицистикой, Ю.А. Поляков, выделяя «три главные болезни» исторических подходов²¹⁴ 1987–1992 гг. – «догматизм», «конъюнктурщину», «дилетантизм», рисовал «перепады»²¹⁵ в освещении прошлого преимущественно в описательном разрезе:

Конъюктурщина вошла в известное противоречие с уже складывавшимся клише неуважительного отношения к победе над фашизмом. Флюгеризированность взяла верх. На том этапе, в 1992 г., те же авторы, которые в предыдущие месяцы презрительно и иронически высказывались о мужестве советского народа, стали делать осторожно-сдержанные реверансы в его честь²¹⁶;

В 1987–1992 гг. конъюктурщина продолжала править бал, бездумно изображая старую Россию, как страну, где все предприниматели сплошь состояли из Третьяковых, Щукиных, Бахрушиных, Солдатенковых, а народ – из обаятельных поручиков Голицыных и корнетов Оболенских, мчавшихся на тройках к яру, и румяных гимназисток, катавшихся на лебедино изогнутых саночках и пьяневших от экологически чистого воздуха, где правители были мудры и честны, а народы жили в любви и дружбе, не зная слова «инородец», не ведая о «черте оседлости»²¹⁷;

Спрос на исторические материалы в средствах массовой информации в 1987–1992 гг. явно превышал предложения. Газетно-журнальные страницы широко распахнулись для исторических сюжетов. Этим не преминули воспользоваться люди некомпетентные²¹⁸;

В ряде изданий возникла обстановка безответственности, нетребовательности, атмосфера терпимости к ошибкам²¹⁹ и т. п.

Помимо подобных описаний, несомненно, важных, но недостаточных, исследование Ю.А. Полякова содержало ряд порицаний, а именно: «историки, которые втягивались в работу в средствах массовой информации, стали подражать публицистам. Зря, пожалуй»²²⁰ и т. п., и назидательных тез: «историку показано извращать факты, утаивать их, выпячивать одни за счет других»²²¹; «слово – оружие. Но достаточно пустяка – плохой смазки, курок заест и выстрела не будет»²²² и проч.

В то же время концептуальная сторона анализа Ю.А. Полякова выглядела скупой-традиционной:

Новая догматизированность напрямую связана с неизбывной конъюктурщиной²²³;

Главной причиной распространения дилетантизма в освещении прошлого стало недостаточное знание на фоне резкого повышения интереса к истории²²⁴;

Плюрализм в оценке прошлого идет не от научной обоснованности, а от растущей политической поляризации²²⁵;

Только подклучение новых фактов, новое прочтение старых, новое осмысление известного в сопоставлении с ранее неизвестным принесут свои плоды в преодолении догматизма²²⁶.

Констатация в приведенном изыскании значительно преобладала над исследованием. Первый признак этого – неразрешенность, пожалуй, главного из на-

меченных, но никак не акцентированных Поляковым, вопросов, почему историки стали *подражать* публицистам, оставив на втором плане «беспристрастный анализ»²²⁷, первостепенный для автора профессиональный интерес.

«Аутентичный» ответ на него Ю.А. Полякова можно было предвидеть и, более того, рассматривать в позитивном смысле. Тем не менее, на наш взгляд, его доказательность и верность были спорными даже с точки зрения позиций, на которые вольно или невольно исследование выводило самого автора. В его понимании порочный круг «догматизма», «конъюнктурщины» и «дилетантизма» описывал и выявлял ни что иное, как усиление роли политического заказа в истолковании исторического прошлого. Авторские указания на «смутный», «переходный» характер перестроечного и постперестроечного государственного развития придавали такому тезису, без сомнения, центральное значение. В данном «формате» историк, собственно, и характеризовал взаимодействие исторической науки и публицистики.

И здесь приходится говорить, прежде всего, о двух постулатах автора.

I. Историческая публицистика изображалась Поляковым неким «форпостом» политизированности, если и приобретающим социальный вес, то отнюдь не благодаря серьезным наработкам, принесению нового слова в исторические интерпретации, а благодаря тому, что «голос науки по-прежнему заглушается децибелами тенденциозности и дилетантизма»²²⁸. Иными словами, публицистика представлялась политически ангажированной и уже поэтому более влиятельной, чем наука силой.

Историография же, следуя мысли Полякова, оказывалась примерно с 1987 г.²²⁹ неконкурентноспособной²³⁰ в сравнении с публицистами: историки могли превзойти себя в профессиональном мастерстве и объективности, но сиюминутным (в версии исследователя) успехом пользовались лишь политически злободневные интерпретации событий и явлений²³¹.

II. Ученые, как считал Поляков, реагировали на потерю престижности исторической профессии двояко. Одни ее представители могли демонстрировать на волне политизированности 1985–1991 гг. «постепенное (в связи с меняющейся обстановкой) восхождение к высотам правды истории»²³² и использовать *публицистику* в собственных корыстных целях, другие профессиональные историки могли применять публицистические методики исключительно по недомыслию²³³ (отсюда, видимо, проистекал дидактический тон авторских рассуждений).

Тем не менее, хотя историческая наука оценивалась Ю.А. Поляковым как жертва обстоятельств²³⁴, принципиальным для него было то, что в целом она не являлась жертвой политической заинтересованности и дилетантизма. По убеждению исследователя, историческое знание (и в советском, и в постсоветском пространстве) полностью сохраняло гносеологический потенциал²³⁵, но вследствие роста общественного доверия к публицистике рисковало утратить былой «гносеологический оптимизм».

Оценивая в общем названные постулаты (двуединую схему) Полякова, стоит подчеркнуть антиномии его исследования:

- «Неблагополучие в исторической науке»²³⁶ действительно обуславливалось Ю.А. Поляковым факторами политической целесообразности и, в малой

части, смыкающейся с ней исследовательской недалёковидности, но, по существу, автором упоминались только отдельные случаи, немногочисленные примеры отхода от научного ригоризма.

Даже высказываясь относительно, судя по всему, вопиющего в его глазах факта, и, в частности, того, что «*большинство* (Здесь и далее выделено мной. – И. Ч.) историков стали выступать как публицисты, а не как историки-профессионалы»²³⁷, Ю. Поляков оставался на удивление голословным, обращаясь к недостаточному количеству образчиков непрофессионализма. Безоговорочному порицанию автора подвергался единственно Ю.Н. Афанасьев, в остальных «эпизодах» автор ни на йоту не отходил от анонимной стилистики: «*есть...люди, которые всегда бегут впереди прогресса и уже раза три повернулись на 180 градусов*»²³⁸; «в это время наука выглядела растерянной, лишенной прежних и не создавшей новых концепций, с углублявшейся дифференциацией, с *нахранистой амбицией новых запевал и номенклатурно-должностными бастионами удержавшихся деканов, с недоразбитым прошлым догматизмом и вышедшей на сцену конъюнктурной некомпетентностью*»²³⁹ и т. п. В итоге *большинство* историков, задействованных в публицистике, никак не анализировалось автором на предмет отклонения от «столбовой дороги развития исторической науки»²⁴⁰ – «максимально» «полного», «научного» и «объективного» освещения истории²⁴¹.

Одновременно с этим каким-то образом оказывалось, что в исторической науке остались здоровые силы и есть потенциал, отличный от публицистического.

- Неясно, о какой политической целесообразности велась речь?

В жестком анализе сборника статей Ю.Н. Афанасьева «Я должен это сказать» (М., 1991) Ю.А. Поляков, в отличие от многих авторов, отнюдь не апеллирует к системе либеральных (традиционно увязываемых с именем Афанасьева) социал-демократических²⁴², или ревизионистских²⁴³ воззрений ее создателя.

«Книга интересна тем, что показывает эволюцию взглядов автора – от призывов сосредоточить внимание на изучении развитого социализма, выполнять решения пленумов ЦК КПСС (конец 1985 г.), призывов быть «помощником партии в решении задач общественного развития и формирования политики», «рассказать о героях Октября и гражданской войны», которые «были и будут служить примером для подражания» (март 1987 г.), – через критику Отделения истории Академии наук и догматизма «Краткого курса» (1987 г.), сталинских интерпретаций марксизма-ленинизма (1988 г.), критику «метастаз сталинизма» в социальной, экономической, идеологической сферах (1988 г.) к критике советской экономической и политической модели (1989 г.), к политическому противостоянию тогдашнему руководству (с мая 1989 г.), к разрыву с КПСС (начало 1990 г.), к объявлению коммунистической идеи отжившей, признанию 70-летнего советского пути тупиковым, к заявлению о том, что «насилие – это и есть вся наша история» (март 1990 г.), а партия после 17-го года превратилась по отношению к обществу «во враждебную силу» (июнь 1990 г.), – пишет Ю.А. Поляков²⁴⁴.

Как видно, его не интересуют причины изменения Афанасьевым тех или иных позиций, контекст и структурность (соответствие авторской доктрине²⁴⁵) известных суждений. Историк концентрируется на следствиях, итогах переос-

мысления определенных взглядов, отказывая Ю. Афанасьеву в праве на такое переосмысление. В действительности Поляков отрицает даже авторское право Афанасьева, рисуя его ультраконформистом²⁴⁶ и проводником лишь отчасти принадлежащих ему идей²⁴⁷.

В связи с этим приходится сослаться на то, что если даже и правомерно отождествление политических и научных аспектов взглядов Ю. Афанасьева, то операция оценки «по факту», результатам событий все же выдает пристрастность автора. В 1989-м или 1990-м году несмотря на пресловутую ангажированность Афанасьев вряд ли мог знать, насколько успешным будет его «противостояние тогдашнему руководству». Тем самым, политическая выгодность его действий была куда более относительной, чем это кажется Полякову.

И гипотетически, и практически «политизированность» мнений Афанасьева не выступала столь твердой гарантией его карьерного роста, как это желает продемонстрировать ученый²⁴⁸.

Между тем, прослеживая «типичную для многих политических и научных деятелей мировоззренческую эволюцию»²⁴⁹ Ю.Н. Афанасьева, исследователь недвусмысленно категоричен. Облекая личный скептицизм в прозрачные и, не в пример, хлесткие формулы, он определенно дает понять, что все, что когда-либо ни высказывал Афанасьев, есть «материализованный» политический заказ и, подразумеваемая антинаучность его идей, есть откровенная венаучность.

Поляков уверенно ставит ректора МГИАИ, а затем и РГГУ, в положение политического и номенклатурного²⁵⁰ продвигенца, взявшегося (по всей вероятности, намеренно) поколебать структуру и принципы академической науки. По существу, он открыто предлагает подходить к концепциям Афанасьева исключительно с политических позиций, отражающих нахождение последнего за скобками науки.

Но специфично отнюдь не то, что *историографический* радикализм, неприличные концептуальные положения Афанасьева квалифицируются Поляковым единственно под политическим углом зрения.

Известная проблема восприятия его концепции – и, по-видимому, ее ахиллеова пята – состоит в том, что, принимая на вооружение аргумент о полной зависимости критикуемого историка от политической конъюнктуры, трудно совместить его с поляковским видением «политизированности» как таковой.

Так, скажем, характерная четкость и определенность взглядов Афанасьева (независимо от того, с какой политической системой они соотносимы) совершенно не соответствуют модели, избранной Поляковым для реконструкции «*политических веяний*» – само за себя говорящее, невнятное определение – эпохи реформ.

В самом деле, коль скоро убеждения Афанасьева и подобных ему, «подражающих» публицистам историков, были настолько детерминированы, естественный вопрос – что предметно представляли собой те или иные детерминанты? Какими политическими кругами они поддерживались? Какими – порождались? Можно ли говорить о видоизменении данных детерминант?

Кроме того, в чем досконально заключался политический выбор означенных исследователей? Насколько обоснованным, вызванным хоть сколько-то конкрет-

ной и узнаваемой *системой* воззрений он был? В какой мере (сколь полно) профессионалы осуществляли в своих работах (анти) перестроечный «политический заказ»? Являлся ли он единым для всех? Можно ли выделить в нем реально альтернативные марксизму идеи, или он предстает в качестве «альтернативы отрицания»?

Наконец, отвечает ли «политический заказ» требованиям целостной мировоззренческой доктрины, или он – отдельное и сиюминутное проявление частных политических инициатив? Ю.А. Поляков оставляет все эти вопросы без ответа. А данный факт неизбежно наталкивает внимание на то, что понятие «политического заказа» увязывается у Полякова, в большей мере, с социальной успешностью, действенностью и резонансом некоторых идей, нежели с их *содержательной* составляющей. Сущность идей вторична для Полякова в сравнении с их популярностью. В силу этого многократно осуждаемая историком норма поведения «в духе времени»²⁵¹, в общем-то, представляется в его изысканиях достаточно абстрактно. Допустим, не составляет труда заметить, что в капитальном труде Полякова «Наше непредсказуемое прошлое» (1995 г.) эмоционально заряженное указание на то, что Ю.Н. Афанасьев перестал «быть марксистом и коммунистом»²⁵², не приводит исследователя к, вроде бы, напрашивающемуся выводу, какую же идеологическую альтернативу (либеральную, социал-демократическую, неомарксистскую и проч.) он таким образом реализовал (тогда как предполагается заинтересованность Афанасьева в поддержке четко обозначенных политико-идеологических доктрин)? Об этом Поляков *в принципе* не упоминает. А значит, для него гораздо значительнее резкость выступлений Ю. Афанасьева, его склонность к отказу от целого пласта идей, ценившихся поколениями советских ученых, нежели действительная политическая принадлежность историка. Строго говоря, Ю.А. Поляков «регистрирует» тотальную, находящую множество сторонников тягу к отрицанию, а не идеи, которыми она искупается. Отсюда «политическим заказом» в его исследованиях может быть сочтено очень многое. В этом смысле пример Афанасьева – далеко не экстраординарный случай приписывания исключительно политических коннотаций непривычному строю идей. По сути дела, при таком подходе «политическим заказом» могут быть оправданы принципиально разноплановые явления. Абстрагируясь от фигуры Афанасьева, скажем, что для Ю.А. Полякова «политический заказ» и вообще ситуативен, а не конкретен: к политическому заказу времени социальных преобразований он относит не столько мнения власть имущих, эмоциональные и/или интеллектуальные настроения элит, строго идентифицируемые комплексы политических идей или же, предположим, массовые тяготения к определенным версиям событий, ставящие прагматическое условие «так, а не иначе», а только пользующиеся массовым признанием (распространенностью) методы, способы и, в конечном счете, – стилистику обращения с прошлым, неуважительное, опрокидывающее прежние устои, его объяснение. Ю.А. Поляков идет, главным образом, от вопроса «как?», а не «что?», поскольку «что?» в его интерпретации уже имеет фиксированный характер исторического наследия (как в буквальном, так и в историографическом смысле) или же характер тривиальной (навряд ли заслуживающей глубокого осмысления) и, в общем-то, самодостаточной тен-

денциозности, то есть отрицания ради отрицания. Тенденциозность²⁵³, рождаемая согласно Полякову политизированностью, в его исследованиях размыта и дефрагментирована. Судя по артибутике авторского письма, она вбирает в себя «все и ничего», но спорадически обнаруживается (или в уместной здесь терминологии синергетики *флуктуирует*) в ряде исторических концепций. Тем самым *raison d'être* публицистичности – политизированность в известной степени помимо намерений²⁵⁴ исследователя оказывается полностью не сводимой к конкретному корпусу идей, но несет стилистическую нагрузку, на которой, собственно, и концентрирует исследовательские усилия Поляков. При этом соответствующая стилистика неизменно распознается им в запрограммированности на доступность и поверяется легкостью массового усвоения известных теоретических систем.

В общем и целом конфигурация «политического заказа» задается в работах ученого в зависимости от ситуации. Не случайно определения «догматизма», «конъюнктурины» и «дилетантизма», данные Поляковым, – это определения, касающиеся **форм** реинтерпретации исторического прошлого и социальной востребованности подобных инновативных форм и только лишь во вторую очередь – конкретных ориентиров происходящей реинтерпретации. Исследователь пытается уловить в совокупности разноплановые и вместе с тем в чем-то близкие тенденции. Соответственно, его дефиниции работоспособны как с точки зрения анализа историографической ситуации, так и с точки зрения отражения ряда свойств публицистики:

- догматизм²⁵⁵ – это «отрицание всего положительного, что есть в социалистической истории, в Октябрьской революции и последующей советской истории»²⁵⁶;

- конъюнктурина – это модификация взглядов «в соответствии с изменением политических веяний... большей частью в рамках общей догматизированности», но не с «окостенением и застыванием», а с «беспринципной подвижностью»²⁵⁷ мысли;

- дилетантизм – это «во-первых», «грубые», «очевидные» фактические ошибки и, «во-вторых», «поверхностное», «примитивное», «упрощенное», «неаргументированное» освещение событий и явлений²⁵⁸, приводящее к возникновению «легенд», прибитых «дюймовыми гвоздями фантазии к скрижальям истории»²⁵⁹.

Немаловажно, что все эти категории так или иначе сводятся у Полякова к «вредной для науки» «традиции «быстрого реагирования»»²⁶⁰ на «преходящие и привходящие политические веяния»²⁶¹ современности. «Неустойчивость» новой «печатной продукции» «в концепционном плане»²⁶², вызывает у него наибольшие опасения (скорее всего, то же самое относится и к другим исследователям²⁶³).

Причем, опасения, беспокойство, тревога – самые точные выражения для обрисовки исследовательской позиции заслуженного историка²⁶⁴. Ведь, в сущности, всё объяснение Ю.А. Поляковым нового состояния исторической науки уместается в фактическом показе растерянности ученых перед лицом «тенденциозной, упрощенной, примитивной, вновь рождающей схемы и стереотипы»²⁶⁵, но отчего-то вновь и вновь заставляющей профессионалов быть «прежде всего

публицистами, *забыв что они историки* (Поверхностный аргумент в авторских изысканиях. – *И. Ч.*)»²⁶⁶, линии истолкования исторического прошлого. Парадоксально, но факт: в значительной степени прослеживая пути инкорпорации публицистических подходов в историческую науку (особенно применительно к ситуации 1990-х годов), Ю.А. Поляков упорно ограничивается тем ключевым в его концепции замечанием, что историкам *не пристало* принимать за образец публицистов. На деле он отвечает на вопрос об историографической рецепции публицистических приемов только в той плоскости, что публицистичность – крайнее проявление политизации, стоящей *вне науки*, а подражание публицистике – либо злой умысел, либо легкомыслие. Заслуживает сожаления, что скрупулезный анализ Ю.А. Поляковым историографической ситуации второй половины 1980-х – 1990-х гг. так и не выливается в заинтересованность исследователя в менее предвзятом изучении исторической публицистики. Такая предвзятость не позволяет исследователю согласиться с фактом онтологического единства мыслительных процессов, происходящих в историописании и публицистике. То же утверждение можно отнести к анализу концепций многих других историков²⁶⁷.

Немаловажно признание, что истоки подобного положения вещей коренятся как в институциональных (связанных с социальными функциями науки, преемственностью внутринаучных традиций и т. д.), так и в психологических трудностях самоопределения историографии на переходном этапе общественного развития.

Однако и его все-таки недостаточно.

В дискурсивном исследовании историографии 1985–1991 гг. имеет право на жизнь еще одна гипотеза. «Жанровые смешения» в перестроечном сознании. Те сдвиги в социальных представлениях, которые обеспечивали более легкий, чем прежде, перенос политических интеллектуальных «заготовок» в научную и публицистическую сферы, культурных или даже поп-артовых – в политику и академическую историографию. К примеру, чем, как не взаимопроникновением различных жанров, можно объяснить горбачевский лозунг «К рынку – с чистой совестью!»²⁶⁸ или то и дело репродуцируемые в перестроечной мысли суждения, что «новое мышление – это и новая чувствительность, новая степень гуманности»²⁶⁹? Как истолковать памфлетный пафос кинофильмов, напрямую не связанных с общественно-политической тематикой (более чем экзотически выглядели, к примеру, фундированные рассуждения «интердевочки» Петра Тодоровского [к/ф «Интердевочка, 1989] об изъянах советской государственности²⁷⁰)? На какой счет отнести то, что не историография, а историческая публицистика возглавила социальную полемику в отношении истории? Чему конкретно приписать видоизменения в историографической практике, благодаря которым размышления о *покаянии*, «необходимом» «во имя утверждения гражданской позиции ученого»²⁷¹, или, скажем, о «*профессиональных обязанностях*», «которые с точки зрения общечеловеческих потребностей [Выделено мной. – *И. Ч.*] выше интересов того или иного политического лагеря»²⁷² органично вписывались в новый интеллектуальный контекст?

Жанровая конвергенция была знаком консолидированного поиска целостного (существенным образом учитывающего упущенное) взгляда на мир и новых категорий его анализа и восприятия.

Ориентация на «морально-этический подход» в политике и экономике, «цивилизованное сотрудничество» в международных отношениях, «правдивость» и «социальную отдачу» в науке, «верность идеалам» в ходе гласных общественных дискуссий и т. п. служили не только показателями известной компенсаторности перестроечного развития (советское общество возвращалось к недополученному прежде), но и следствиями свершившегося расширения границ жанров, целого ряда жанровых трансформаций. В переходный период, каким и была перестройка, морально-нравственные призывы получали статус новых теоретических истин, оправдательные и обвинительные суждения об истории – приоритет открытий, экспансивные сентенции «в назидание» советским идеологам – вид (и символику) интеллигентности, а социальное познание в целом – изменившуюся семантику жанров²⁷³.

Усиление «эмоционального плана» в науке и идеологии, мимикрия научности в публицистике, обеспокоенность проблемами возвращения к «истине» и «“драма идей” в массовом сознании»²⁷⁴ манифестировали произошедшее нарушение жанровых границ. Констатация подобных моментов ставит основательную проблему: каким образом изучать «идейные единицы» и «идейные комплексы» (термины интеллектуальной истории) периода перестройки, если *процессуально* смещение жанров не ограничивалось тематическими, смысловыми и методологическими заимствованиями, а имело значение и для переосмысления познавательного статуса ряда сфер интеллектуальной активности? Другими словами, как исследовать общественное сознание 1985–1991 гг., если социальное познание в его рамках оказывалось менее дифференцированным (по институциональным традициям, методам и подходам, по тематике и т. д.)?

Предварительное допущение заключается в том, что необходимо указывать на чрезвычайную близость, если не идентичность, интерпретации в несовпадающих областях познания – например, в научной и обыденной, научной и художественно-литературной и проч. – ряда идей.

Представляется, что в 1985–1991 гг. неопределенность функциональной градации различных жанров и, соответственно, неопределенность границ различия между известными сферами познавательной активности обнаруживалась, главным образом, в увеличении числа «*общеразделяемых*» и «*общедискутируемых*» идей²⁷⁵.

Заметим, что перестройка дала толчок появлению, прежде всего, идеологической продукции, сближавшейся друг с другом по аксиоматике концепций (критических и проектных, в том числе), но принадлежавшей кругу авторов вполне разноречивых идейно-политических позиций²⁷⁶. Наличие этой новой, перестроечной аксиоматики тем не менее, не препятствовало спорам относительно того, кому принадлежит *неотъемлемое* право на ее провозглашение. Партии, народу, публицистам, «демократам», ученым, «личности»? Сближение концепций и расхождение понятий об источниках идеологической инициативы (традиционно – обладателях неотъемлемой истины) формировались спонтанно, но не хаотически, – в локусе *действительно общезначимого* самоопределения.

Однако тут же дала себя знать противоречивость символического капитала перестроечных элит. Сложившиеся социальные роли еще не были оспорены, а

ценность советских познавательных практик – уже поколеблена. И партийность, и научность, и передовой характер советского общественного сознания в их «строгом» понимании начинали определяться то защитой «действительно» состоявшегося, то указанием на «репрессированное», то возвращением к «нереализованному». И то, и другое, и третье требовало специфического отношения и, в maximumе своем, предполагало обновление критериев истины. А та все еще продолжала толковаться по философской и административной старинке: истиной владеют «ответственные лица», все истинное – показатель, более того, гарант легитимности власти, *какой бы она ни была*.

В начале преобразовательного марафона неприятие формального контроля над общественной мыслью не обязательно тут же на месте оборачивалось идеологической фрондой. Напротив, жесточайшая критика такового была выражением содействия курсу реформ. Но отрицание истины, закрепленной и вычерченной институционально, *истины институтов* давным-давно переспело и отнюдь не скрывалось новыми лидерами общественного мнения.

В этой перспективе жанровые эксперименты перестройки были *крестовым походом против институций*. Вернее же, философии институций, единственно возможных и единственно авторитетных – сколка «истины-практики», политической истины в СССР. Уже с 1987–1989 гг. жанровые вольности стали более или менее распространенным приемом массового отрицания смычки *истины и права на власть* – советского институционального развития в его истинностной magnitude. А это, в нагонку, подготавливало почву для делегитимации власти – первого носителя классического представления о «единой истине – единой власти». Однако нам любопытен историографический, а не политический переход к новым реалиям. И в этом случае ориентир – указание, что описываемое зачастую, как конъюнктурный сдвиг в историографии, – больше, чем историографическая проблема. «Жанрово чистые» точки зрения и позиции в годы перестройки – крайняя редкость. В этот период рискованно решаться на поиск «чистой» научности или политизацию «по правилам», хотя целый ряд идеологов, публичных интеллектуалов и активистов ими и занят! В свои права вступил, заполняя и «меблируя собой» пространство, политизированный и системно унифицирующий жанры «перестроечный текст». А в нем содержательные и, более того, логические отличия одних суждений от других для приметливого глаза велики, но *не слишком велики*.

Например, в интересующей нас исторической сфере, в особенности в самых разнообразных текстах по истории СССР, на первый взгляд, содержательно и тематически не совпадающие «новейшие» концепции начинают стремительно заполняться тем, что мы условно назвали бы «**принцип “всё”**»²⁷⁷. Этот принцип в 1980-гг стабильно встречается в исторической публицистике, в том числе в работах профессиональных обществоведов. Но в 1990-е и 2000-е гг. мы без особых усилий найдем его в публикациях политических и «чисто» академических.

Что перед нами? Так называемое «мышление эпохи»? Доказательства обрисовываемого Б. Грушиным «массового сознания»? Общая логика новых интерпретаций истории, ненароком совпавшие черты письма отдельных авторов? *Бессознательный* запрос на исторический холизм новой природы? Параметр именно

перестроечного, всего перестроечного *сознания* или его лидерских групп? Наступление «публицистической порчи» на историографию в тот самый момент, когда историки не перестают ее беспощадно и мучительно критиковать? Сомнительно. И пока не ясно!

Однако возникновение «принципа “всё”», разбередившее, как говорилось тогда, «силы» отрицания советского прошлого, наносило вред отечественной исторической практике, опрокидывая в прошлое официальную историю СССР.

Интеллектуальной составляющей, выразившей амплитуду изменений, оказывался названный «перестроечный текст». Наш предварительный тезис заключается, разумеется, не в том, что все тексты 1985–1991 гг. – якобы на одно лицо, и с трудом «идентифицируемы» на общем фоне. Дело в том, что в «перестроечном тексте» как таковом действуют другие жанровые правила. Он может быть политизированным, но это не означает, что мы вправе говорить о политизации в ее традиционном значении. Перестроечная «политизация» жанрово исключительна, если мы возьмемся размышлять о степени переосмысления в ней, собственно, политического и идеологического. Он может широковещательно славословить собственную крайнюю новизну, но большинство его идей возвращены интеллектуальным развитием предыдущих десятилетий. Однако перестроечная «новизна» – скорее, не содержательная, а манифестарная, она требует другого подхода. И т.д.

Источниковая «всеядность», цветущая эклектика жанровых заимствований – его конек, но круг его содержательных новаций описывает идеи одного и того же порядка. Не потому, что в нем так уж мало идей, а потому, что его вектор – призыв к общезначимому действию, лозунговый интеллектуализм, компенсаторное возвращение к исторически не пройденному или упущенному, авторское обращение «ко всем от лица всех». В «перестроечном тексте» происходит такое смешение жанровых форм, что цитировать велеречивое пастернаковское «мы вовлекаем прозу в поэзию ради музыки»²⁷⁸ нужно с осторожностью безъязыких.

Метой «перестроечного текста» оказывается жанровая деканонизация, при знаком – «гражданское» морализаторство (особый феномен), приоритетом – способное вновь и вновь влиять на будущее, профессией – политическая аналитика по любому поводу, манифестом – демократическое развитие, стилистикой – ссылка на «практику», опровергающую «теорию», источником – недифференцированное целое «мысли», автором – более всего «публицист».

«Перестроечный текст» и *рефлекторно*, и *сознательно* распознаваем в обществе 1985–1991 гг., как демократический, узнаваемо и его отсутствие, желание откеститься от него – предмет упреков и жарких схваток борющихся социальных иерархий. Однако трактовка его конъюнктуры возможна и правомерна только изнутри нее же, в ее колеблющихся пределах – страна находится в процессе реформирования *не просто жанров социального познания, а и критериев их оценки – постулатов любой удобообозримой*²⁷⁹ «истинности» – и жанровых соответствий, и критериев их оценки одновременно. Перестроечная «наука» и перестроечная «политика» в этом подобны: их затруднительно судить с позиций того, что было до них, и – после. Но есть и другие исследовательские ловушки. Например, испытанные в 1990-е – 2000-е гг. опасности трактовок «перестроеч-

ного текста» как позитивного обращения к будущему при негативной или неадекватной картине в нем прошлого и настоящего. Или, например, сложности сопоставления ментально однородных текстов даже борющихся направлений.

Однако ни особенности «перестроечного текста», ни загадки схожести (вплоть до идентичности) представлений конфликтующих сторон, ни в принципе неоднозначность жанрового наполнения перестройки – еще не ключ к рассмотрению последнего периода историографии в СССР.

Очевидно, что для 1985–1991 гг. интеллектуализм обществоведческой концепции – материя, сложенная из десятков составляющих. Но зачастую ее социальный резонанс – одно и то же со степенью ее профессионализма. Иначе историков не прельщало бы скромное великодушие отказа от десятилетиями наработанных, пусть и многоликих, традиций: «мы создадим добровольную ассоциацию по содействию исследованиям по истории Октября и гражданской войны и начнем подготовку кадров с нуля, из талантливой молодежи [Выделено мной. – И.Ч.]»²⁸⁰, – всего лишь один пример...

В этом-то и был заложен шахматный пат историографии 1985–1991 гг.

«Заслуженный» (то есть не столько корпоративный, но прямой социальный и, как правило, сиюминутный) резонанс любой концепции в ней – знак профессионального соответствия, а оценка ее научности – итог общегосударственных прений. В этой плоскости с особой остротой должна вставать задача изучения внутриисториографических накладок социализации. На одну из них указывает сакраментальный «случай Афанасьева». Тогда как в общественном поле Ю. Афанасьев, Л. Баткин и прочие критики «мандаринизма» в историографии выглядели чуть не титульными представителями всей корпорации, внутри нее отношение к таковым «**критикам-политикам**»²⁸¹ было, по меньшей мере, диалектичным. «Представительские» функции заблаговременно оставлялись за всем сообществом, «всего сообщества» нарастающе не существовало, а отдельные его члены, берущиеся быть толковниками и рупорами его развития с легкостью отрицали даже не столько исследовательскую его традицию, а саму, столь значимую и непреложную, вероятность ее участия в реализации общественных реформ. Причем их непритворное «нет!» теоретическому наследию советской историографии часто считалось подменной восприятия исторической науки во всей ее полноте восприятием верхушки историографического истеблишмента или, положим, официозных исследований советского периода. В то же время находящиеся с ними в союзе «**критики-методологи**» (А. Гуревич, М. Барг, М. Гефтер, Г. Бордюгов, Б. Могильницкий, В. Козлов и др.) предлагали ограничиться комплексно-оперативной реформой историографии в ее методологическом срезе, не форсируя до тех пор диагностику ее институциональных и кадровых дефицитов. Если в первом случае имело место тяготение к социал-дарвинистскому и намеренно индивидуализированному, селективному по предпочтению фигур и авторитетов описанию профессии, ее роли в стабилизации общества, то во втором – к социал-реформистскому и общекорпоративному, а также знаточескому. «**Критики-методологи**» мягче и, лучше сказать, терпимее относились к советской историографической практике, признавая ее эклектичной и поддающейся управлению. «**Критики-политики**», как правило, делали упор на историографию состояв-

шихся и будущих гениев, чаемую духовную аристократию, отмахиваясь от десятилетий филистерства, разящей немоты и политической безответности корпорации. Психологически, этически, прагматически, они не желали иметь дела с «джентльменами средней руки»...

В общем итоге **«критики-методологи»** предложили диалектический взгляд на теоретический багаж советского знания: не вычеркивать вообще – что-то принимать, что-то отвергнуть. **«Критики-политики»** выросли в младореформаторов «альтернативной», прежде всего советской, истории, не терпящей конкурентов и нарочито, кипуче бескомпромиссной... Однако в целом именно «критический» академизм придал мощный заряд утверждению иной системы вопросов во всей историографии и становлению постсоветского историзма. **«Академисты»** же впечатляюще радикально сближались, перетекали в стан **«критиков-методологов»**, к началу 1990-х гг. они стали с ним неразличимы. Сложно проследить, уходили ли концепции «академистов», так сказать, автоматически вкупе с советским периодом, как критиков – вращались в постсоветский процесс, но заметками на полях «реформ» становились большей частью личные судьбы, а не концепции, и, пожалуй, на это влияли закономерности не историографической природы. И еще одно. Отмечавшаяся выше *переходность* социального развития, сознаваемая в историографии как альфа и омега переходности научного развития²⁸², позволяла, хотя и в предварительном порядке, выносить суждения и о некоторых характеристиках отечественной историографической культуры.

Единственное, что хотелось бы отметить в заключение: действительно теоретические баталии ждали нас в 1990-е годы

Историографическая культура отечественного сообщества историков 1985–2010 гг.

Историографическая ситуация второй половины 1980-х – нач. 2010-х гг. явила собой разительный пример изменения некоторых клише научной самоидентификации российского историка. Невозможно и проблематично сравнивать соответствующие черты его самоощущения – профессионального, корпоративного, творческого (второй половины восьмидесятых – бурных и дискуссионных, не чуждых попыток актуализации «всего» потенциала «объективного» исторического знания), начала девяностых (чреватых методологической апатией и указаниями на социальную маргинализацию и «кризис» исторической науки), середины девяностых (ставящих в центр исследовательской рефлексии вопрос об автономном от вненаучного (дилетантского) контекста «профессионализме»), и конца девяностых-двухтысячных (с характерным для них ростом ««знаточеского», а не «концептуального» исторического знания» (М.А. Бойцов) и тенденцией к построению абстрактных моделей исторического процесса). Каждый из этих промежуточных периодов заслуживает самостоятельного историографического анализа. И все же все они объединены специфической тенденцией видо-

изменения характера зависимости научной корпорации от, так сказать, «социальных воздействий».

Хотелось бы сразу оговориться, что мы не склонны сводить указанную тенденцию к проблеме влияния на историческую науку «политической конъюнктуры», что подчеркивается выбором именно такой формулировки: «социальные воздействия». Несмотря на то, что в современной историографической практике факт воздействия на историографический процесс политической конъюнктуры фактически не оспаривается (Ю.А. Поляков, Е.Ю. Зубкова, В.В. Журавлев, Г.А. Бордюгов, Г.Д. Алексеева и пр.), вопрос о механизмах, пределах, особенностях данного воздействия исследуется явно недостаточно. Вместе с тем знаменательным выглядит устойчивое представление историков о том, что идеологический заказ беспрепятственно, органично и «прямо» инкорпорируется в историографическую практику, в то время как те или иные социокультурные влияния, проходя через ряд методологических опосредований, претерпевают в этом процессе трансформации (в данном отношении чрезвычайно репрезентативны отечественные дискуссии о «предмете историографии» и, в частности, нередкое исключение из сферы профессиональных интересов фактора художественного восприятия исторического прошлого). Наличие того убеждения, что социокультурное довольно сложным образом выражается в исследовательском процессе и достойно (в силу непроясненности его интеллектуальной природы) отдельного осмысления, а политическое, по существу, и составляет философию истории, не позволяет отечественной историографии выйти за рамки традиционной методологии. Другими словами, политическое мышление выступает в российском «историографическом Проекте» и в качестве текста, и в качестве контекста. Представляя – частью неотрефлексированно – политическое мышление в качестве *своего*, а не *иного*, историописание *de facto* притязает на заведомо адекватный и в известном смысле механический «ответ» на идеологические «вопросы» любого порядка. В действительности, российскими исследователями делается предположение, что «политическая ангажированность» и «историографическая конформность» настолько же взаимосвязаны, насколько *интеллектуально идентичны*, тогда как, допустим, то или иное образное отношение к действительности, реально формирующее и художественную культуру, и «историографический стиль» (в его понимании «новой философией истории») эпохи, не способно сказываться на парадигмальных сдвигах в исторической науке. Характерны в связи с этим, скажем, особенности распространенного мнения, что «конъюнктурные наслоения» периода перестройки сослужили историографии плохую службу: недостоверность данных, угождение досужим вкусам, тяготение к необоснованному и одиозному «переписыванию» истории, излишняя «эмоциональность» стали отчасти уделом исторической науки. Немаловажен вопрос: что же, как правило, подразумевается под пресловутой «конъюнктурностью»? Главным образом, некритическое следование *политико-идеологическим* требованиям, предъявляемым историографии и воздействующим на нее. Отметим при этом три обстоятельства:

1. Судя по тону историографической критики, заимствование исторической наукой – по преимуществу из исторической публицистики – неприемлемых ин-

терпретационных стратегий совершалось (и совершается) все-таки как само собой разумеющаяся, *естественная* процедура, имеющая коренные основания в политизированности историографической практики;

2. Наряду с этим практически никто из исследователей не поясняет, каковы принципы дифференции политических «запросов» и приоритетов профессиональной корпорации и требований, навязанных ей извне;

3. Культурологический анализ «конъюнктуры» интересует исследователей едва ли не в последнюю очередь. Неудивительно, что «эмоциональность» новых исторических концепций чаще всего предстает смысловым синонимом «идеологизированности».

В общем и целом в современном понимании «конъюнктуры» есть некоторая парадоксальность. Не требует доказательств, что оно политически контекстно и, следовательно, четко увязано с вполне конкретными, заданными «означаемыми». К главным приметам «конъюнктуры», как правило, относят постоянную, *синхронную с политическими поворотами* смену историком исследовательских позиций. «Конъюнктурность», таким образом, интерпретируется как знак отклонения от пути, намеченного научной интерпретацией истории, или же неиспользование, бездумное или злонамеренное, ее «преимуществ». В подобном отношении «конъюнктурность» легко узнаваема: фактические передергивания, замалчивание данных источников в угоду генеральной (политической) линии истолкования и т. п. сразу же указывают профессионалу на недостоверность соответствующего исследования. «Конъюнктурность» понимается здесь как закономерный или случайный, но всякий раз идеологически востребуемый *непрофессионализм*, противопоставляемый объективно данному профессиональному багажу социально-гуманитарного знания. Однако в самом процессе историографических дискуссий «конъюнктурность» подспудно раскрывается несколько иначе: как некий исследовательский артефакт, вряд ли поддающийся сколько-нибудь отчетливому, а тем более столь строгому определению. Повидимому, это происходит вследствие того, что данный артефакт обнажает своего рода «синдром пограничности» научного самоосмысления.

Казалось бы, «конъюнктурность», действительно, – понятие всегда близкое в восприятии историков к чему-то внешнему, непрофессиональному, инородному для исторической науки. Во второй половине 1980-х – это издержки «партийного диктата» и давления на эпистемическое сообщество бюрократических кадров «от исторической науки» (во многом уничижительное отношение к С. Трапезникову – не единственный тому пример²⁸³), в 1990-е – 2000-е гг. – это последствия «экономического прессинга» по отношению к историографии, «политических амбиций» ее радикальных лидеров, «националистических предпочтений» региональных элит и волны дилетантизма²⁸⁴. «Конъюнктурность» словно бы всегда навязывается историописанию «извне». Но наряду с этим в эклектичном представлении отечественных историков «конъюнктурность» каким-то образом проявляется и взрывает историческое познание и «изнутри». В самом деле, становится все более очевидно, что «конъюнктурные наслоения» в состоянии так кардинально трансформировать систему профессиональных норм, как если бы они сами были подготовлены историографическим развитием. Вкратце опи-

сывая парадокс сегодняшней ситуации, можно сказать, что в историографии в одно и то же время априорно доказывается и апостериорно опровергается вынужденность конъюнктурных тенденций.

Практически «конъюнктурность» уже долгое время характеризуется в исторической науке не только как *реакция* на внекорпоративные явления, простой отказ от соблюдения профессиональных соглашений, но и как непрофессионализм такой сложной природы, которую, как некий вирус, трудно распознать. Исследовательские промахи и ошибки, смена историками убеждений, тематики, мнений, их пристрастие к моде, появление в исторической науке новых методологических доминант, нераскрытость известных тем, вольный стиль и публицистичность некоторых авторов и даже парадигмальные потрясения в историознании – все или почти все в исторической науке, как демонстрирует историографическая практика последних лет, может быть сведено, а в нередки и прямо редуцируется к пользующейся дурной славой «конъюнктурности»²⁸⁵.

Вместе с тем для отечественного историописания **теоретически** значим вопрос: что же лежит в основе указанного противоречия? По всей видимости, это вопрос, соотносительный другому: каков выход их замкнутого круга, не позволяющего верифицировать хоть в какой-то степени автономные границы профессиональной рефлексии? Скорее всего, он определяется изменением параметров научной самоидентификации и отказом от во многом «безличного» понятия о «конъюнктурности», совмещенного, в свою очередь, с унитарно-идеологическим «образом» (в науковедческом смысле) отечественной историографии. В современной ситуации история по-прежнему трактуется как «политика, обращенная в прошлое», и поэтому идеологическая компонента историографической практики, как ни парадоксально, не удостоивается полноценной проблематизации. Считается, что в исторически определенном раскладе «за» и «против» историографии, как уникальной социальной институции, изначально уготовано «за», что же касается «против», то и оно включено, прежде всего, в идеологическую матрицу периода. Иными словами, идеологический «статус» исторического знания в большинстве интерпретаций безраздельно определяет векторы историографического развития. В этом смысле некорректным и методологически избыточным представляется исследование идеологической составляющей историографического процесса, к примеру, наряду с его психологическими элементами. Воздействие идеологии на историографию не изучается, как представляется, в должной мере; во-первых, вследствие того, что идеологизированность истории небезосновательно видится ее принципиальным свойством, и, во-вторых, что значительно существеннее, поскольку оно не концептуализируется как методологическая проблема²⁸⁶. В известной мере, «беспрепятственный» перенос в историческую науку политико-идеологических шаблонов, заданных эпохой, или, точнее, их имманентное присутствие в ней, часто позиционируется в российской историографии *аксиоматически*. В этом отношении *тождество* процессов «идеологической эволюции», условно говоря, научной корпорации и социума представляется гораздо более фатальным, чем наличие мировоззренческих и интеллектуальных сходств между, используя неологизм А. Григорьева, культурными «веяниями» и саморепрезентацией исторической науки. Между

тем поднятая проблема есть преимущественно проблема неотчетливости исследовательских представлений о внутренних ценностях российской *историографической культуры*. Отдавать себе отчет в том, что эта культура отличается неразличимостью научного и идеологического дискурсов – значит, положить начало их дифференциации. Вместе с тем необходимо выявление интеллектуальных стереотипов отечественной исторической традиции. К их числу может относиться, скажем, часто критикуемая ныне исследовательская установка «изучать, чтобы не допустить повторения» или, например, убежденность в том, что «идейно-теоретические недоработки» историков порождают «морально-психологическую», «эмоциональную» оценку событий исторического прошлого. Отдельного осмысления требует стереотипное восприятие в историографии перестроечной и постперестроечной исторической публицистики. В целом насущной потребностью современной исторической науки является не столько вполне неосуществимая легитимация автономности историографии от «внешних воздействий», сколько точное осознание отправных точек движения к некоторому подобию такой автономности, сопоставимое с историографической культурой в ее буквальном, коррелированном с профессиональной квалификацией, значении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Афанасьев Ю.А.* Я должен это сказать. – М., 1991. С. 43.

² Ср.: «В советской историографии встречаются *ведь* и ценные, основанные на фактах исследования» (См.: *Волков С.* На углях великого пожара. – М., 1990. С. 24).

³ Ср. «Народ любит историю. Народ хочет получить как можно больше сведений о своей родине. Но историки не дают этого. И поэтому Пикуль пишет» [В. Пикуль] (Цит. по: *Рыбаков Б.А.* История и перестройка. – М., 1989. С. 29).

⁴ См., например: *Амлинский В.* Даты, сроки, имена // Литературная газета. 1988. 4 мая.

⁵ Цит. по: *Стреляный А.* «Ремесло проверяется торжищем...» // Знамя. 1987. № 6. С. 142. Ср. высказывания В.М. Иванова в кн.: *Баскакова В.А.* Деловитость и ответственность в деятельности партийных организаций. – М., 1987.

⁶ См. о перестроечном «**кризисе сознания**» (П.Г. Щедровицкий), «**гигантских сдвигах менталитета**» (В.С. Степин), «**полном разрушении иллюзий относительно “преимуществ” господствовавшей у нас системы**» (В.И. Данилов-Данилян) в сб.: Свободное слово. Интеллектуальная хроника десятилетия. 1985–1995. – М., 1996.

⁷ *Афанасьев Ю.Н.* Социальная память человечества // *Афанасьев Ю.Н.* Я должен это сказать. – М., 1991. С. 59.

⁸ См.: *Парамонова М.Ю.* Несбывшиеся надежды // Историк в поиске: Микро- и макроподходы к изучению прошлого. – М., 1999. С. 241; *Усков Н.Ф.* Против монополии на метод // Там же. С. 243–244.

⁹ Возможно выделение других факторов, например, самоопределения относительно зарубежной и дореволюционной историографии. Мы признательны к.и.н. А.Г. Суприянович, обратившей наше внимание на то, что, положим, для сообщества медиевистов названные два фактора были гораздо менее принципиальными, чем **1)** самоопределение по отношению к дореволюционному знанию и сохранившимся в СССР традициям т. н. русской исторической школы. **2)** по отношению к зарубежному знанию. «Публицистической» компонентой для него стали, прежде всего, зарубежные переводные работы. Однако в 1985–1991 гг. не эти приоритеты, направленческие тонкости определяли меру востребованности историознания и его социальный статус. Отчетливо другие области самоопределения были барометром борьбы историков за выживание, постепенно обуславливая слом прежнего типа научности. Именно благодаря этому в историографии сложился внезап-

ный перекокс в сторону русистики и новистики – настолько сильный, насколько выросла критика историографии со стороны общественности. В 1985–1991 гг. всей науке, независимо от ее плюрализации, присваивалось единое место прописки: мифотворческая, догматизированная и псевдонаучная. Несмотря на рост недовольства и пока довольно-таки неискусленную самозащиту научного сообщества критика общества была и оставалась прицельной. Перестройка потребовала результативности работ по советской истории и только затем – реабилитации высокой историографической традиции (Ср. прогноз Г. Бордюгова и В. Козлова о грядущем восстановлении истории духовного роста «восьмидесятников» «по статьям и публикациям о советской истории 20–30-х гг.» (См. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Время трудных вопросов // Правда. 1988. 30 сентября), См. также тот внутринаучный тезис, что ломка исторических представлений во втор. пол. 80-х «происходила не на базе достижения историографией качественно нового уровня, а под влиянием политических изменений в стране»: *Орлов И.Б.* Современная отечественная историография НЭПа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 103). «Возобновление истории» в его перестроечном прочтении фактически было оборотной стороной привязки прогресса науки к конкретному реформированию СССР. Обращение к зарубежному опыту также мало говорило в пользу эволюционного историографического развития. Первые публикации Д. Боффа, И. Дойчера, Э. Карра, С. Козна, А. Рабиновича *аксиоматически* истолковывались в более выгодном свете, чем отечественные. К «критериям выделения сущностных черт развития науки» (См.: *Нечкина М.В.* К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1962. № 2. С. 63) парадоксально добавлялся фактор тотальной социальной критики и его первое следствие – самоопределение в виде публичной демонстрации внятных для общественного сознания результатов деятельности общественников – коррелята знания, удовлетворительного для защиты не столько знания, сколько его носителя, корпорации.

¹⁰ Ср.: «Сейчас, как никогда прежде, обострилась необходимость правильного понимания диалектики историко-познавательного процесса, соотношения истории (как исторической реальности) и исторического сознания (историографии), соотношение истории и современности, преемственности и нового качественного состояния, концепций, суждений, и оценок прошлого» (См.: *Касьяненко В.И.* Об обновлении исторического сознания. С. 7).

¹¹ *Согрин В.В.* Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? // Вопросы филологии. 1996. № 8. С. 3–18.

¹² См.: *Касьяненко В.И.* Указ. соч. С. 8–10.

¹³ *Сахаров А.Н.* Историческая наука на перепутье // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М., 1996. С. 9–12.

¹⁴ Нужно понимать, о каком своеобразном моменте в историографии и, соответственно, каких трактовках идет разговор. Убедительно замечание Р.И. Хандожко о перестроечном знании: «Преобладающие формы фиксации информации на данном этапе подчеркивают прикладной, конъюнктурный характер историографии. Цель авторов – прежде всего, воздействовать на читателя, поэтому главными формами стали журнальная и газетная статья, позволявшие максимально оперативно донести информацию до аудитории. Ещё более симптоматичным кажется обилие круглых столов: фактически, статус научного авторитета приобретает устная речь. Лишь после поступления в периодическую печать тексты печатались в публицистических альманахах» (См.: *Хандожко Р.И.* Массовое историческое сознание в контексте социально-политических трансформаций 1985–1991 гг.: региональный аспект: Дисс. канд. истор. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. С. 20).

¹⁵ См.: *Strayer Robert.* Questions and Controversies // *Robert Strayer.* Why Did Soviet Union Collapse? Understanding Historical Change. – N.Y., 1998. P. 445–467.

¹⁶ Помимо первых фигур «официальной научности» в этом же ряду с той или иной градацией точности можно упоминать таких исследователей, как С.И. Мурашов, А.В. Носов, П.И. Соболева, Н.Н. Майоров, Л.В. Шириков и др.

¹⁷ *Хромов С.С.* XXVII съезд КПСС и некоторые актуальные проблемы изучения отечественной истории // История СССР. 1986. № 6. С. 7.

¹⁸ См.: *Тихвинский С.Л.* Задачи координации в области исторической науки // История СССР. 1988. № 1. С. 118–130; *Вандалковская М.Г., Емченко Е.Б.* XXVII съезд КПСС и задачи историографических и источниковедческих исследований // Там же. С. 141–149.

¹⁹ См., например: *Федосеев П.Н.* Роль истории и литературы в обществе // Роль истории и литературы в обществе // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 3–14.

²⁰ Егоров В.К. История в нашей жизни. – М., 1990. С. 96.

²¹ См., например: Тихвинский С.Л. Итоги и перспективы исследований советских историков // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 3–13.

²² Журнал «Родина» начал издаваться в 1989 г.

²³ Каргалов В.В. История. Научно-популярные очерки. – М., 1985. С. 109. (Ср.: Рыбаков Б.А. История и перестройка. – М., 1989. С. 71–72).

²⁴ Самсонов А.М. К новым рубежам: Штрихи проблемы. С. 71.

²⁵ См.: Россия, 1917 год: Выбор исторического пути. – М., 1989 (Г.З. Иоффе. С. 37–43; Я.С. Дабкин. С. 60–64; В.С. Жагар. С. 64–69; Е.Г. Плимак. С. 74–84; Ю.И. Кораблев. С. 235–242).

²⁶ Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. – М., 1987. С. 28.

²⁷ См.: Баскакова В.А. Деловитость и ответственность в деятельности партийных организаций. – М., 1987. С. 51–64; Жазар Л.А. Россия, 1917 год: Выбор исторического пути. – М., 1989. С. 64.

²⁸ Шинкарук В. История философии и опыты истории // Коммунист. 1985. № 1. С. 114.

²⁹ Итоги развития исторической науки // Новая и новейшая история. 1986. № 4. С. 67.

³⁰ Кудрявцев В.Н. Гуманитарные и общественные науки: состояние и перспективы. Доклад на заседании Координационного Совета РАН по общественным наукам 17 апреля 1992. С. 3.

³¹ Касьяненко В.И. Об обновлении исторического сознания. С. 9.

³² Круглый стол: Историки и писатели о литературе и истории. С. 111.

³³ См.: Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. – М., 1996. С. 7–41.

³⁴ См. подр.: Федосеев П.Н., Куманев В.А. Круглый стол: Историки и писатели о литературе и истории; Круглый стол: Советский Союз в 1930-е годы // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 4–13, 57–61; Современная немарксистская историография и советская историческая наука // История СССР. 1988. № 1. С. 172–202; Круглый стол советских и американских историков // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 97–117.

³⁵ Итоги развития исторической науки. С. 67.

³⁶ См. Тихвинский С.Л. Итоги и перспективы исследований советских историков. С. 17.

³⁷ Круглый стол: Советский Союз в 1930-е годы. С. 20.

³⁸ Небесполезен в плане анализа этой составляющей историографии сб.: Советская историография. – М., 1996. (Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии. С. 7–41, Логунов А.П. Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80-х – начала 90-х гг. С. 447–487, Феретти М. А действительно ли умер Сталин? С. 436 и др.)

³⁹ Круглый стол: Историческая наука в условиях перестройки. С. 6.

⁴⁰ В 1985–1991 гг. появилась, например, еще одна грань аксиологии «окончателности». Дала о себе знать смена источника «концептуального» давления на науку. Давление сверху, ослабнув и прижившись на обочине перестроенного историцизма, сменилось требовательным прессингом «снизу», со стороны массового и публицистического сознания. Ответом исторического цеха на это стало возникновение новых систем внутринаучной аргументации. Выросло общее число уверений в сохранности «**нетленных исследовательских истин**» (И.Д. Ковальченко. См.: История и историки. – М., 1990. С. 3), опровергающих посягательства общественной мысли на дискредитацию советского историописания. Но это уже другая проблема – проблема эволюции исторической научности фактически уже в начале иного периода (1991–2010) социального выживания историографии.

⁴¹ Хромов С.С. XXVII съезд КПСС и некоторые актуальные проблемы изучения отечественной истории. С. 9.

⁴² Тихвинский С.Л. Задачи координации в области исторической науки. С. 114. (То же – см.: Рекомендации координационного совещания руководителей академических и других научных учреждений исторического профиля СССР, Союзных и Автономных республик «Координация как средство повышения качества и эффективности исторических исследований в СССР в свете решений XXVII съезда КПСС» // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 111–115).

⁴³ Тихвинский С.Л. Задачи координации в области исторической науки. С. 114.

⁴⁴ Тихвинский С.Л. Итоги и перспективы исследований советских историков. С. 12.

⁴⁵ См.: Хромов С.С. XXVII съезд КПСС и некоторые актуальные проблемы изучения отечественной истории. С. 8.

⁴⁶ См. эмоциональные комментарии В.В. Поликарпова к сб. ст. Ю.Н. Афанасьева: *Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать.* – М., 1991. С. 10–15, 42–47, 104–108, 138–142, 180–182, 258–261.

⁴⁷ См. мнения об Афанасьеве в: *Правда Украины.* 1987. 9 июня. [В.И. Юрчик]; *Щекоцихин Ю.* Вспомнить и не забыть // *Литературная газета.* 1988. 20 января; *Любутин К.Н.* Социализм: от государственно-феодалного к гуманному, демократическому // *Социализм и Россия.* – М., 1990. С. 55.

⁴⁸ Цит. по: *Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать.* – М., 1991. С. 43.

⁴⁹ *Логунов А.П.* Кризис исторической науки. С. 470.

⁵⁰ Там же. С. 470.

⁵¹ Там же. С. 470.

⁵² Там же. С. 471.

⁵³ См.: *Козлов В.А.* От составителя // *История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства.* – М., 1991. С. 5; *Афанасьев Ю.Н.* Прошлое и мы // *Коммунист.* 1985. № 14. С. 105–116

⁵⁴ *Антилов Г.А.* Историческое прошлое и пути его познания. – Новосибирск, 1987. С. 5.

⁵⁵ Теперь, спустя целую декаду, эти истины кажутся банальными, но в то время, по словам М.Я. Гефтера, не было «ничего важнее, чтобы кто-то решился сказать: “Король гол!”» (См.: *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. – М., 1991. С. 238).

⁵⁶ См.: *Круглый стол советских и американских историков // Вопросы истории.* 1989. № 4. С. 102.

⁵⁷ См.: *Афанасьев Ю.Н.* Прошлое и мы. С. 34–58.

⁵⁸ *Россия, 1917 год: Выбор исторического пути.* – М., 1989. С. 142. (В.Ю. Черняев)

⁵⁹ *Афанасьев Ю.Н.* Где у перестройки тормоза? // *Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать.* – М., 1991. С. 36.

⁶⁰ Определение М.А. Барга (См.: *Круглый стол: Советский Союз в 1930-е годы.* С. 152).

⁶¹ Подр. см: *Круглый стол советских и американских историков // Вопросы истории.* 1989. № 4. С. 97–117; *Круглый стол: Современная немарксистская историография и советская историческая наука // История СССР.* 1988. № 1 [Выступления Ю. Афанасьева С. 184–188, М.А. Барга С. 198–200]; *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. – М., 1991. С. 235 и др.

⁶² Подр. см.: *Афанасьев Ю.Н.* Социальная память человечества // *Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать.* – М., 1991. С. 59

⁶³ *Афанасьев Ю.Н.* Круглый стол советских и американских историков // *Вопросы истории.* 1989. № 4. С. 104; 109–110 (мнение А.А. Искендерова о пагубности раскладывания мировой историографии по «полочкам», не исследуя ее, а накладывая «заранее заготовленные ярлыки»).

⁶⁴ См., например, тезу В.Д. Поликарпова о пришедшем времени «заявления» историками «своих идейных позиций» наравне с «журналистами» и «литераторами», его упование на то, что «никакими усилиями нельзя заставить историю не быть тем, чем она на деле все-таки является и являлась всегда – политикой, опрокинутой в прошлое» (*Поликарпов В.Д.* От составителя // *Историки отвечают на вопросы.* Вып. 2. – М., 1990. С. 3.

⁶⁵ См., например, перестроечную версию политизированности советского поэта: *Евтушенко Е.* Политика – привилегия всех. – М., 1990.

⁶⁶ *Афанасьев Ю.Н.* Энергия исторического знания // *Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать.* – М., 1991. С. 47–52.

⁶⁷ *Афанасьев Ю.Н.* Размышления о партийном руководстве наукой // *Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать.* С. 134.

⁶⁸ Материалы к телевизионной передаче Л. Аннинского «Уходящая натура». Канал «Культура». Ватутинки, зима 1994 (Из личного архива М.Я. Гефтера). См. также: *Гефтер М.Я.* Так куда же идет Россия? Куда идет Россия?: Альтернативы общественного развития. – М., 1994. Ч. 1. С. 259.

⁶⁹ *Соскин В.Л.* К вопросу об эффективности исторических исследований // *Методологические и философские проблемы истории.* – Новосибирск, 1983. С. 118.

⁷⁰ См. об единстве познавательного метода марксистского знания: *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). – М., 1981. С. 43.

⁷¹ *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. – М., 1992. С. 48.

⁷² Там же. С. 48.

⁷³ Там же. С. 34.

⁷⁴ Там же. С. 47.

⁷⁵ Афанасьев Ю.Н. С позиций правды и реализма // Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать. С. 71.

⁷⁶ Процунин Н.Ф. Что такое полемика? М., 1985. С. 49.

⁷⁷ Афанасьев Ю.Н. Где у перестройки тормоза? // Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать. С. 41.

⁷⁸ См.: Сироткин В.Г. Вехи отечественной истории. – М., 1991.

⁷⁹ См., например: От авторов // Наше Отечество: Опыт политической истории. Ч. 1. – М., 1991. С. 7.

⁸⁰ Подр. см.: выступление Ю. Афанасьева на «Круглом столе советских и американских историков». См.: Круглый стол советских и американских историков // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 114–115

⁸¹ См.: Афанасьев Ю.Н. Нелепо бояться самих себя, или повод для раздумий // Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать. – М., 1991. С. 99; Канто А.С. Историческая наука и формирование исторического сознания // Вопросы истории КПСС. 1989. № 11. С. 20–34; Историческое сознание общества – на уровень задач перестройки: (Совещание историков в ЦК КПСС, октябрь 1989 г.) // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 3–23

⁸² Троицкий Ю.Л. Историографический быт эпохи как проблема // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII – XX вв.). – Омск, 1995. Т. 2. С. 45–60.

⁸³ Триумф тирана, трагедия народа: Беседа с Д.А. Волкогоновым и Р.А. Медведевым // Суrowая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989. С. 291.

⁸⁴ Ср. использование в обоих словосочетаниях союза «и».

⁸⁵ Iggers Georg G. Rationality and History // Developments in Modern Historiography. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire, 1998. P. 29.

⁸⁶ Созири В. Концепции современной российской модернизации: идеология и историография // Проблемы исторического познания: Материалы международной конференции. Москва, 19–21 мая 1996 г. – М., 1999. С. 197. Ср. также предложение социальной аудиторией: «не мешайте» в: Бурганов А.Х., Булдаков В.П., Бухараев В.М. Красный Октябрь: двулика история. – Казань, 1992. С. 65.

⁸⁷ См.: Чечель И.Д. Советское общество 1985–1991 гг.: новое изучение истории // Историческое знание в России: Дискуссии и поиски новых подходов. – М., 2005. С. 41–56.

⁸⁸ Нам кажется возможным приводить их суммарно, так как речь идет о лежащих на поверхности и неоднократно называвшихся в историографии признаках «публицистичности».

⁸⁹ Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. С. 18. См. также мнение на этот счет канд. философ. наук И. Яковенко: Яковенко И.Г. Свежий взгляд на историю: (Размышления культуролога о книге В. Хороса «Русская история в сравнительном освещении») // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 106–114

⁹⁰ Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. С. 18. См. также: Кризисные явления в советской исторической науке // Общественные науки и современность. 1989. № 3. С. 184–192; Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–36; Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. – М., 1992. С. 30–51; Медведев Р.А. Связь времен. Исторические очерки. Ставрополь, 1992. С.; Дорохов А.М. Кризис исторической науки или исторический кризис? // Вестник Челябинского ун-та. Сер.1, История. 1994. № 1 (7). С. 81–88; Балашов В.А., Юрченков В.А. Историография отечественной истории (1917- начало 90-х гг.): Учебное пособие. Саранск, 1994. С. 78–87; Прядейн В.С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания и методы исследования (историографический анализ). Екатеринбург, 1995. С. 18–19; Мамонов В.Ф. Кризис и историческая наука. Проблемы теории, методологии, методики. Челябинск, 1997. С. 3–21; Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия: Учебное пособие. – Тюмень, 1999. С. 3–20; Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. – М., 1999. С. 3–5.]

⁹¹ Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. С. 91. См. также: Волобуев О., Кулешов С. История по-сталински // Суrowая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989. С. 313; Минаев Л.М. Демократизация, политика и плюрализм мнений: Ленинские уроки // Вопросы истории КПСС. 1989. № 1. С. 3–17; Миллер В. Истина или уступка моде? // Огонек. 1989. № 36. С. 6–7; История СССР в современной западной немарксистской историографии: Критический анализ // Под. ред А.Н. Сахарова. – М., 1990; Историческое сознание общества – на уровень задач перестройки: (Совещание историков в ЦК КПСС, октябрь 1989 г.) // Вопросы ис-

тории. 1990. № 1. С. 3–23; *Сахаров А.Н.* Советская историография в оценках западных исследователей // Вестник Академии наук. 1991. № 3. С. 17–30; *Тютюкин С.В.* Вокруг современных споров об Азефе // Отечественная история. 1992. № 5. С. 179–183; *Худобородов А.Л.* Политизация общества и историческое познание // Вестник Челябинского ун-та. Сер. 1, История. 1993. № 1(5). С. 88–91; *Никуфоров Е.А.* Обсуждение работы Отделения истории РАН // Новая и новейшая история. 1993. № 2 С. 51–55; *Мамонов В.Ф.* Реформаторство в России: ученые дискуссии и стереотипы массового сознания // Вестник Челябинского ун-та. Сер. 1, История. 1994. № 1(7). С. 3–10; Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: проблемы источниковедения советской истории. – М., 1994. С. 98, 99, 275; *Дедков Н.И.* «Как я документально установил» или «Смею утверждать»: (О книге Д. Волкогонова «Ленин») // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. – М., 1996. С. 115–138; *Согрин В.В.* Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? // Вопросы философии. 1996. № 8. С. 3–18; *Феретти М.* А действительно ли умер Сталин? // Советская историография. – М., 1996. С. 436; *Сахаров А.Н.* Новая политизация истории или научный плюрализм? // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М., 1996. С. 11–20; *Данилов В.П.* Современная российская историография: В чем выход из кризиса? // Там же. С. 22–30; *Гусев К.В.* Исторический факт и историческое сознание // Проблемы политической и экономической истории России: Сб. статей к 60-летию проф. В.В. Журавлева. – М., 1998; *Смирнова М.И.* Создание РСДРП: некоторые аспекты новейшей историографии // Клио: Журнал для ученых. 1999. № 1. С. 54–55; *Королев А.А.* Маятник истории: от вариативного к базовому учебнику? // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 5. С. 293. Кроме того, см.: *Keep John.* Reconstructing Soviet History: A New «Great Turn»? // Studies in Soviet Thought. Vol. 38, № 2; *Husband W.B.* (ed.), «Glasnost» and Soviet Historians // Soviet Studies in History, 27:1 (Summer 1988); *Sherlok Thomas.* Politics and History under Gorbachev // Problems of Communism. 1988. May–August; *Мучи Ф.* Это событие определило судьбу России и Европы // Октябрь 1917. Величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 85; *фон Хаген М.* Сталинизм и политика в постсоветской истории // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. – М., 1999. С. 12–43.

⁹² *Куманев В.А.* За правдивое освещение прошлого. Историки и писатели о литературе и истории // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 58.

⁹³ Там же. С. 58. См. также: *Поляков Ю.А.* Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. С. 92.

[См. также: *Совокин А.* Сенсация и факты. О публикациях на ленинскую тему // Правда. 1989. 13 апреля; *Мерцалов А.Н.* Нужна ли гласности наука? // История и сталинизм. – М., 1991. С. 3–20; *Мерцалов А., Мерцалова Л.* «Непредсказуемое прошлое» или преднамеренная ложь? // Свободная мысль. 1993. № 6. С. 45–54; Россия и Запад в XX в.: Проблема выбора пути развития России // Новая и новейшая история. 1999. № 4. С. 67–91; *Поляков Ю.А.* Историческая наука: люди и проблемы. – М., 1999. С. 174]

⁹⁴ «По отношению к своему прошлому наше время представляется мне эпохой перевернутых стереотипов», – писал в своей последней работе В.Б. Кобрин (См.: *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? – М., 1992. С. 214. См. также: Историческое сознание общества – на уровень задач перестройки // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 7; 30-е годы: взгляд из сегодня. – М., 1990. С. 109, Октябрь семнадцатого и судьбы России // Свободная мысль. 1996. № 10. С. 36–88; *Дедков Н.И.* «Как я документально установил» или «Смею утверждать»: (О книге Д. Волкогонова «Ленин») // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. – М., 1996. С. 115–138; *Квакин А.В.* Некоторые вопросы изучения истории ассимиляции российской интеллигенции в эмиграции: о смене акцентов // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. – М., 1996. С. 73–83; *Миллер В.И.* Осторожно: история. – М., 1997. С. 154; Отечественная историография в XX веке. – Волгоград, 1998. С. 3; *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электроставского завода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. – М., 2000. С. 13.

⁹⁵ *Мерцалов А.Н.* Нужна ли гласности наука? // История и сталинизм. – М., 1991. С. 8. См. также: *Гусев К.В.* Исторический факт и историческое сознание // Проблемы политической и экономической истории России: Сб. статей к 60-летию В.В. Журавлева. – М., 1998. С. 9]

⁹⁶ *Кузищин В.И.* Актуальные проблемы теории истории: Материалы «Круглого стола» // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 82. [Тот же самый термин «вульгарная актуализация» истории употребляет, положим Ж.А. Трофимов (См.: *Трофимов Ж.А.* «Волкогоновский Ленин»: (Критический анализ книги Д.А. Волкогонова «Ленин»). – Ульяновск, 1995. С. 3)]

⁹⁷ Батенина В.С. Историческая наука в России и о России // Россия в мировой истории: Учебное пособие в 2-х т. – М., 1996. Т. 2. С. 12; См. также: Волобуев П., Иоффе Г. Празднуй, вспоминать // Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? – М., 1991. С. 237–238; Октябрь семнадцатого и судьбы России // Свободная мысль. 1996. № 10. С. 59–60.

⁹⁸ Октябрь семнадцатого и судьбы России // Свободная мысль. 1996. № 10. С. 36. [См. также, например: Историческое сознание общества – на уровень задач перестройки // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 6; Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. – М., 1989. С. 7; Мельниченко В.Е. Раковский против Сталина. – М., 1991. С. 7; Трофимов Ж.А. «Волгогоновский Ленин»: (критический анализ книги Д.А. Волгогонова «Ленин»). – Ульяновск, 1995. С. 31]

⁹⁹ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. – М., 1992. С. 31.

¹⁰⁰ См.: Октябрь семнадцатого и судьбы России // Свободная мысль. 1996. № 10. С. 36–37.

¹⁰¹ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. – М., 1992. С. 243.

¹⁰² См.: Там же. С. 82–83; Суrowая драма народа. – М., 1989. С. 313; 30-е годы: взгляд из сегодня. – М., 1990. С. 109.

¹⁰³ Журавлев В.В. О творческом пути ученого // Крайности истории и крайности историков. – М., 1997. С. 268.

¹⁰⁴ Мерцалов А.Н. Нужна ли гласности наука? // История и сталинизм. – М., 1991. С. 8. Ср.: Кондрашов Д.Л. К вопросу о создании чрезвычайных органов: (Из истории ЦК помгол при ВЦИК // Административно – командная система управления. Проблемы и факты: Межвузовский сб. науч. работ. – М., 1992. С. 111–112.

[См., например, в качестве примеров порицаемого подхода см.: Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. – М., 1992. С. 3–12; Иванов А.М. Логика кошмара. – М., 1993; Кондрашов Д.Л. К вопросу о создании чрезвычайных органов: (Из истории ЦК Помгол при ВЦИК // Административно-командная система управления. Проблемы и факты: Межвузовский сб. науч. работ. – М., 1992. С. 111–112]

¹⁰⁵ Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? – М., 1992. С. 194. [См. также: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. – М., 1992. С. 3–6; Балашов В.А., Юрченко В.А. Историография отечественной истории (1917 – начало 90-х гг.): Учебное пособие. – Саранск, 1994. С. 162–163; Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. С. 95–97; Трофимов Ж.А. «Волгогоновский Ленин»: (критический анализ книги Д.А. Волгогонова «Ленин»). – Ульяновск, 1995. С. 38]. Надо сказать, что данное свойство исторической публицистики нередко соотносилось исследователями с некритическим использованием ее авторами советологических концепций. Это мнение представляется вполне доказательным. Примером публицистического подражания западной советологической мысли является, допустим, работа Ф. Бурлацкого «После Сталина», в которой он проводит мысль о том, что социальная «оттепель» началась не в 1956 году, а сразу после смерти Сталина (См.: Новый мир. 1988. № 10. С. 153–197). Этой же концепции еще в 1972 г. придерживался Р. Такер (См.: Tucker R. The Soviet Political Mind. – L., 1972. P. 196).

¹⁰⁶ Актуальные проблемы теории истории: Материалы «Круглого стола» // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 83; Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. С. 93–94.

¹⁰⁷ Мерцалов А. Нужна ли гласности наука? // История и сталинизм. – М., 1991. С. 8.

¹⁰⁸ См., например: Дедков Н.И. «Как я документально установил» или «Смею утверждать»: (О книге Д. Волгогонова «Ленин») // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. – М., 1996. С. 127.

¹⁰⁹ О «публицистической историографии» см. в: Россия, 1917 год: Выбор исторического пути. – М., 1989. С. 7.

¹¹⁰ Возможен и другой подход к анализу исторической публицистики: историческая публицистика может быть рассмотрена как часть публицистики как таковой. Традиционно под «публицистикой» понимается вид деятельности, имеющий определенную функциональную направленность, а именно – ориентированность на формирование чьих-либо взглядов, внушение читателю определенных идей, убеждение кого-либо в чем-либо (различные определения «публицистики» см.: Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII в. – М., 1978. С. 3–6, 9). Между тем, рассуждая об историографической ситуации 1985–1991 гг., использовать такое определение «публицистики» нецелесообразно. Направленность на убеждение, воспитание, пропаганду и т. п. была, очевидно, свойственна в советское время и профессиональной историографии (ср.: История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. – М., 1938. С. 4). В 1985–

1991 г. «публицистические» в названном понимании функции также нередко фигурировали в числе стоявших перед профессиональной историографией задач (См.: *Логунов А.П.* Кризис исторической науки... С. 451–452, 454, 469).

¹¹¹ Вместе с тем мы считаем целесообразным говорить и о некоем *сущностном* единстве исторической публицистики (по крайней мере – большей части такого рода текстов), основанном на *определенном типе отношения к прошлому и способе его исследования*. В этом смысле мы будем вести речь о свойствах, особенностях и характерных чертах исторической публицистики.

¹¹² *Козлов В.А., Хлевнюк О.В.* Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: Итоги и уроки 30-х годов. – М., 1988. С. 8.

¹¹³ Подробнее см.: *Круглый стол: Отечественная история в современной публицистике // История СССР. 1990. № 1. С. 176–190; Историческое сознание общества – на уровень задач перестройки // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 3–23; Поляков Ю.А.* В кроссовках по истории // Неделя. 1989. Март. № 10.

¹¹⁴ См.: *Есть ли логика в отечественной истории: «Круглый стол» // Знание-сила. 1990. № 11. С. 18–27.*

¹¹⁵ *Ковальченко И.Д.* Историческое в системе общественных наук // *Вопросы истории. 1987. № 7. С. 17.* В 1990-х гг. ту же позицию особенно последовательно проводили Н.И. Смоленский (См.: *Смоленский Н.И.* О разработке теоретических проблем в исторической науке // *Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 5–8; Он же.* Возможна ли общесторическая теория? // *Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 3–17; Он же.* Теоретический плюрализм и проблемы исторической теории // *Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 76–80*) и В.И. Кузищин (См.: *Актуальные проблемы теории истории: Материалы «Круглого стола» // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 81–83*).

¹¹⁶ *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Послушная история или новый публицистический рай // *Трудные вопросы истории. – М., 1991. С. 7.*

¹¹⁷ *Канто А.С.* Историческая наука и формирование исторического сознания // *Вопросы истории КПСС. 1989. № 11. С. 21.* См., например: *О перестройке общественных наук // Коммунист. 1987. № 5. С. 69* (Выступление А.Д. Урсула, вице-президента АН Молдавской ССР). [Ср., например: *Мерцалов А.* Миф о великом стратеге // *Социалистическая индустрия. 1988. 15 мая*].

¹¹⁸ См.: *Идеологическая борьба в исторической науке / Сост. Д.П. Прицкер. – Л., 1986.*

¹¹⁹ См.: *Волбуев П.В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. – М., 1987. См. также, например: *Могильницкий Б.Г.* Историческая необходимость и историческая закономерность: выбор путей общественного развития // *Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. – М., 1989.* [См.: *Коженевска-Берчинска И.* О некотором современном сюжете выбора судьбы (на основе публицистических текстов) // *Текст как объект многоаспектного исследования: (Научно-методический семинар «Техтус»): Сб. статей. Вып. 3. Ч. 1. – СПб.–Ставрополь, 1998. С. 128* (перестройка как мифология «безальтернативного коммунистического выбора»)].

¹²⁰ Там же. С. 39.

¹²¹ Там же. С. 39.

¹²² Историческое сознание общества – на уровень задач перестройки. С. 20.

¹²³ *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. С. 3.

¹²⁴ См.: *Волбуев О., Кулешов С.* Очищение: История и перестройка. – М., 1989. С. 10. [Перестройка породила уродливые сознания: многим действительно казалось, что «белые пятна... на самом деле все как на подбор черные. Точнее можно было бы сказать – кроваво-красные» (См.: *Волков С.* На углях великого пожара. – М., 1990. С. 80). [Ср. также: *Афанасьев В.* О гласности // *Советская Россия. 1989. 17 сентября; Яковлев А.* Предисловие. Обвал. Послесловие. – М., 1992. С. 132; *Здравомыслов А.Г.* Власть и общество в России: кризис 90-х годов // *Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 31–33*]

¹²⁵ *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Указ.соч. С. 3. [См.: *Проблемы исторической науки: (В Отделении истории АН СССР) // Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 80; Перечень приоритетных направлений и проблем развития историко-партийной науки // Вопросы истории КПСС. 1989. № 4. С. 110; Карпов С.П.* «Белые пятна» и понятие актуальности исторических исследований // *Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. – М., 1989*]

¹²⁶ Так, В.А. Шишкин давал определение публицистике, как «форме быстрого реагирования» на общественные запросы (См.: *Круглый стол: Историки и писатели о литературе и истории // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 103*).

¹²⁷ Зубкова Е.Ю. О детской литературе и других проблемах нашей исторической памяти // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. – М., 1996. С. 155–175; Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования // Материалы научных чтений памяти И.Д. Ковальченко. – М., 1997; Гусев К.В. Исторический факт и историческое сознание // Проблемы политической и экономической истории России: Сб. статей к 60-летию проф. В.В. Журавлева. – М., 1998; Корнишина Н.Г. Информационное поле России второй половины XIX в. в контексте анализа коммуникативного фактора исторического процесса // Россия в Новое Время: поиск формулы национальной истории: Материалы Российской межвузовской научной конференции, 27–28 апреля 2001 г. – М., 2001. С. 10–13; Румянцева М.Ф. Национальная история в социальной памяти и в исторической науке // Там же. С. 3–5; Она же. Историческая память и механизмы социальной идентификации // Мир психологии. 2001. № 1(25). С. 104–114; Квакин А. Заблуждение массового сознания о роли государства в истории // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт Германии и России на рубеже веков. – М., 2002. С. 133–138.

[См. также: Горский Д.П. Вопросы абстракции и образование понятий. – М., 1961; Ракилов А.И. Философские проблемы науки. – М., 1977; Дорошенко Н.М. Единство научного и вненаучного в историческом познании // Научные и вненаучные формы в социальном познании. – М., 1985; Пукианский Б.Я. Обыденное знание. – Л., 1987; Горелова В.Н. Обыденное сознание как научная проблема. – Пермь, 1993; Гусев С.С., Пукианский Б.Я. Обыденное мировоззрение. Структура и способы организации. – СПб., 1994; Насонова Л.И. Обыденное сознание как социокультурный феномен: Автореферат диссертации на степень канд. филос. наук. – М., 1996].

[См. также: O'Hori S. Double Look: Science superposed on perceptual world // Boston studies in the philosophy of science. – Dordrecht etc., 1998. Vol. 45. – Japanese studies in the philosophy of science. P. 67–86]

[См. также: Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. – СПб., 1994]

¹²⁸ Чечель И.Д. Исторические представления советского общества эпохи перестройки // Образы историографии: Сборник статей. – М., 2001. С. 199–234.

¹²⁹ Иоффе Г. За последней чертой: (Вымыслы и правда о конце династии Романовых) // Переписка на исторические темы: (Диалог ведет читатель). – М., 1989. С. 69. Речь шла, несомненно, о категоричности, искажающей суть исторических реалий. В целом советская традиция историописания и, еще шире, советская обществоведческая традиция, отнюдь не исключали категоричности «научной истории, бескомпромиссной в своих оценках» вследствие того, что научно-историографические знания «восстанавливают правду» (См.: Гулыга А.В. Эстетика истории. – М., 1974. С. 102).

¹³⁰ См., например, ходкую фразеологию о «смене исторического типа работника (человеческой личности вообще)» в: Клямкин И. Была ли альтернатива административной системе // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. – М., 1990. С. 37 или призывы «восстановления» «человеческой породы» (Евтушенко Е. Притерпелость // Литературная газета. 1988. № 19.

¹³¹ В данном случае приоритетным для публицистов был отход от исторического «мифотворчества», обуславливающий возможность извлечения из прошлого конкретных и действенных предостережений и уроков.

¹³² Письмо Л.С. Пушкину от 25 августа 1823 года. URL: <http://feb-eb.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol13/y1320662.htm>

¹³³ См.: Ципко А.С. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 45–55 (3 раза). № 12. С. 40–48 (2 раза); 1989. № 1. С. 46–56 (6 раз). № 2. С. 53–61 (6 раз).

¹³⁴ См. также статью Ципко с множественными призывами к умению видеть «элементарное», «очевидное», «известное очень давно» в марксизме, истории общества и в экономических процессах: Ципко А.С. Противоречия учения Карла Маркса // Через тернии. – М., 1990. С. 60–83. В ней небезынтересен, например, его «здравый» отпор оппонентам: «Эти люди и мысли не могут допустить, что Марк был человек как человек, ученый как ученый.» и т. д. (См. С. 62).

¹³⁵ Климов А.Я. Цель: пути и средства реализации // Драма обновления / Под общ. ред. М.И. Мелкумяна. – М., 1990. С. 447.

¹³⁶ Там же. С. 448–449.

¹³⁷ Там же. С. 449.

¹³⁸ Там же. С. 450.

¹³⁹ См.: Лацис О. Сказки нашего времени // Известия. 1988. 16 апреля.

¹⁴⁰ См.: Бурганов А. «История – мамаша суровая...» // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989. С. 37–50.

¹⁴¹ См.: Волков С. На углях великого пожара. – М., 1990. С. 51.

¹⁴² См.: Васильев Л. Кризис социализма // Через тернии. – М., 1990. С. 14–15. См. также: С. 45–46, 47, 52–53.

¹⁴³ Вязьмитинова И.П. Была ли история КПСС научной дисциплиной // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 187.

¹⁴⁴ Мерцалов А.Н. Нужна ли гласности наука? // История и сталинизм. – М., 1991. С. 20.

¹⁴⁵ Шмелев Н. Выйти из тумана предрассудков // Литературная газета. 1987. 8 июля.

¹⁴⁶ Рабинович В. Безличное – вочеловечить // Зависит от нас: (Перестройка в зеркале прессы). – М., 1988. С. 26.

¹⁴⁷ Лошиц Ю.В. В трудах державства // Москва. 1989. № 5. С. 173.

¹⁴⁸ Эти же критерии часто оказывались пригодными и при исследовании рабочего класса (См.: Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. – М., 1990. С. 194–195).

¹⁴⁹ Пономарев Л.Н., Шинкаренко В.В. «Это вопрос целой эпохи». Демократия против бюрократии. – М., 1990. С. 14.

¹⁵⁰ См., например: Осмыслить культ Сталина: Сб. ст. – М., 1989; Цунко А.С. Насилие лжи, или как заблудился призрак. – М., 1990.

¹⁵¹ Приведем 4 мнения, первые три из которых представляют профессиональный взгляд на феномен исторического факта, а последнее – публицистический:

1. «В истории факты – это прежде всего документы, объективное исследование и научная критика которых позволяет реконструировать исторический процесс во всех его проявлениях» (См.: Маслов Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» – энциклопедия культа личности // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989. С. 352);

2. «Правда истории не в одном факте, а в совокупности их. Она в движении и развитии. Для постижения ее часть не может заменить целого» (См.: Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. С. 74. См. также о недопустимости подмены общего частным: Жуков Е.Н., Полетаев В.Е. Памятники культуры // Историки спорят: Тринадцать бесед. – М., 1988. С. 390); о раскрытии «механизма» «причинно-следственных связей» как «прямом долге» историка: Журавлев В.В. К читателю // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. – М., 1991. С. 5).

3. «Получается, что действительный факт, взятый вне контекста исторической реальности того времени, может обслуживать самые невероятные идеи» (См.: Бордюгов Г., Козлов В., Логинов В. Послушная история или новый публицистический рай: Грустные заметки // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. – М., 1991. С. 19).

4. «Тема: “Сталин, сталинщина и дети”... Когда эта тема будет осмыслена на основе всей совокупности фактов, тогда она окончательно просветит всех еще способных просвещаться. Хотя не могу опять не сказать: здесь достаточно одного-единственного факта. И такой факт есть: отмена Сталиным всей и всякой законности, сталинский приказ-“рекомендация” – пытаться, пытаться подозреваемых (по клеветническим доносам!), приказ-“рекомендация” – применять беззаконие, применять “высшую меру”, применять пытки – и к детям, достигшим двенадцати лет» (См.: Карякин Ю. «Держиморда», или «Сокол ты мой сизый»... Послесловие к «Ждановской жидкости» // В своем отечестве пророки? Публицистика перестройки: лучшие авторы. – М., 1989. С. 172). См. также аналогичный пример, касающийся «титических фактов» истории в: Карп П. Воздух ученого // Книжное обозрение. 1988. 27 мая.

¹⁵² См.: Волков С. «На углях великого пожара». – М., 1990. С. 10, 93 и др.; Фадин А. Страх-2 // Юность. 1989. № 10. С. 66–69; Он же. Путь из бездны: Политический аспект: (О некоторых механизмах эволюции тоталитарных режимов) // Культура в современном мире: Опыт, проблемы, решения). – М., 1990. С. 45–67; Криворотов В. Русский путь // Знамя. 1990. № 8. С. 38–60.

¹⁵³ Иванова Н. Пройти через покаяние // Юность. 1990. № 2. С. 90.

¹⁵⁴ Булдаков В.П. Путь к Октябрю // Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? – М., 1991. С. 38.

¹⁵⁵ Там же. С. 33.

¹⁵⁶ Там же. С. 23.

¹⁵⁷ Там же. С. 47.

¹⁵⁸ Там же. С. 33.

¹⁵⁹ Там же. С. 47.

¹⁶⁰ См. также: Булдаков В.П. Задача на засыпку. Лидеры – партии – власть в 1917 году // Бурганов А., Булдаков В., Бухараев В. Красный Октябрь: двулика история. – Казань, 1992.

¹⁶¹ Особенно см. статьи и выступления в прессе Анисимова, Афанасьева, Сироткина, Поликарпова, Волкогонова.

¹⁶² Пономарев Л.Н., Шинкаренко В.В. «Это вопрос целой эпохи». С. 9. Ср.: «Было сказано – начать с самих себя. А как закрепить начинания? Ведь пока Россия *ввозит пропитание* (кто бы из предков мог помыслить о таком, в том числе нравственном падении?), *никакие духовные приобретения не удержатся*. Национальное возрождение должно быть *прежде всего сельскохозяйственным*» (См.: Гулыга А. Революция духа: Размышления о перестройке в свете тысячелетия русского христианства // Опыты: Литературно-философский ежегодник. – М., 1990. С. 66).

¹⁶³ Там же. С. 7.

¹⁶⁴ Яковлев А.Н. Горькая чаша. С. 3.

¹⁶⁵ Там же. С. 24 (Ср.: *Он же*. От права Силы к силе Права // Наше наследие. 1990. № 16(1)). Особенно примечательной в плане поиска константных оснований отечественной истории, на наш взгляд, является более поздняя монография Яковлева «Крестосев» (М., 2000 (С. 26, 266–267 и др.)).

¹⁶⁶ Бестужев-Лада И.В. История твоих родителей: Разговор с молодым поколением. – М., 1988. С. 32–33.

Эта особенность публицистики проходит через все 1990-е и 2000-е гг. См., например: «...*Вся история России – это не что иное, как борьба Иванушек-дурачков с самозванцами*. На протяжении веков *все время* кто-то из них проигрывает, а кто-то выигрывает. И жизнь русского народа *всегда* зависит от того, чья история: Иванушки-дурачка или самозванца» (См.: Максимов А. Записки Сушанина // Огонек. 2002. № 5 (4732). С. 36).

¹⁶⁷ Цит. по: Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. С. 197.

¹⁶⁸ Сироткин В.Г. Доктрина и жизнь // Сироткин В.Г. Вехи отечественной истории. – М., 1991. С. 251.

¹⁶⁹ Черняев В.Ю. // Россия. 1917 год: Выбор исторического пути. С. 130. Ср. теорию «имперского подхода к действительности» в *досоветской* и *советской* России в ст.: Анисимов Е. Имперское сознание в России и его рецидивы при сталинизме: (Размышления историка в связи с 75-летием выхода в свет статьи В.И. Ленина «О национальной гордости великороссов») // Страницы истории: Дайджест прессы. 1989. июль–декабрь. – Л., 1989. С. 25–26. В историческом сознании 1990-х–2000-х гг. эти тенденции только нарастают. Ср.:

1. сопоставление Д.В. Волкогоновым Керенского и Горбачева (как «исторических лидеров переходного периода», попавших в принципиально *аналогичные* ситуации) в кн.: Ленин. Политический портрет. Кн. 1. – М., 1994. С. 285.

2. антиисторичные с точки зрения канонов классической историографии сопоставления А.Н. Яковлевым «тройки создателей неоканнизма» – Ленина, Сталина, Гитлера (Яковлев А.Н. Крестосев. М., 2000. С. 26), М.П. Капустиным и В.П. Булдаковым – Сталина и Ивана Грозного (См.: Капустин М.П. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. – М., 1990; Булдаков В.П. «Другая» революция: пути и возможности переосмысления Октября // Академик П.В. Волобуев. Непубликованные работы. Воспоминания. Статьи. – М., 2000), А.И. Аргутинским-Долгоруким – Ленина и Петра I: Ленин – продолжатель «реформации» Петра I по категории «социокультурного цивилизационного стиля» (См.: Аргутинский-Долгорукий А.И. Путь России? – М., 1997)].

3. точка зрения И.Г. Кардаша, что «исторические корни октябрьских событий 1993 г. в Москве *можно обнаружить в глубокой древности нашего Отечества* (Здесь и далее выделено мной. – И.Ч.): солдат, прославивших воинское искусство в Европе, власть бросала на усмирение пугачевцев» (См.: Кардаш И.Г. О месте традиции в курсе отечественной истории // Новое в изучении и преподавании истории в вузах. – Томск, 1994. С. 45).

4. концепция И.Н. Ионова о том, что «легитимность либеральных преобразований в России *постоянно* стоит под вопросом, и понятно, что *циклы «реформа – контрреформа», постоянно повторяющиеся в истории*, имеют не только политические и социальные, но и глубокие культурные основания» (См.: Российская историческая традиция и перспективы либеральных реформ // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 69).

5. проведение В.Г. Сироткиным в 1997 г. прямых параллелей между (будущим) 1999 г. и историческим 1929 г., бывшим, по мнению исследователя, некой «магической цифрой»: «Стоило ли проливать реки крови, чтобы вновь говорить о приватизации»; «челноки – это то же самое, что тогдашние нэпманы» и т. д.) – эфир радио «Эхо Москвы» 21.02. 1997 г. Ср. также с эфиром 21.04.02, в ходе которого В.Г. Сироткин не раз возвращался к тезису, что в российской истории постоянно происходит «все то же самое» (См.: www.echo.msk.ru).

6. взгляд В.В. Бабашкина на «три великие российские смуты XX века» (конец 1910-х, начало 1930-х, начало 1990-х): «поразительны *повторяемость* и *вечное возвращение*» смутных времен, которые Ключевский увидел в русской истории» (См.: *Бабашкин В.В.* Крестьянская революция в России и концепции аграрного развития // *Общественные науки и современность.* 1998. № 2. С. 85); «крестьянские восстания *всегда* обречены на неуспех, что хорошо осознается их участниками, – пишет историк. – Просто у них, *как правило*, нет другого способа сигнализировать властям, что слишком уж многое в жизни начинает делаться не по-божески» (См.: Там же. С. 89) ([заметим, что в данном «логическом высказывании» привлекает внимание также обращение автора к «здоровому смыслу»]).

7. суждение В.В. Журавлева о конфликтном характере отечественной истории XX в.: «истекающее столетие во многом лишь приняло эстафету уже наработанных веками форм жизнедеятельности и устоявшихся национальных традиций. Корни же этих явлений уходят не только в глубины реальной социальной практики, но и в толщу *фундаментальных факторов* *российского исторического процесса*» (См.: *Отношение к прошлому – ключ к будущему // Отечественная история.* 1999. № 6. С. 78–89). (См. там же мнение В. Межуева о русской революции, риторически выстроенное на использовании наречий «никогда» (С. 84), «часто» (С. 84) и словосочетания «как правило» (С. 84)).

[Ср.: *Журавлев В.В.* Год 1917-й в контексте исторических традиций России // Академик П.В. Волобуев. *Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи.* – М., 2000. С. 230–232 (о «сквозной» «проблеме цикличности, определенной повторяемости черт, форм и механизмов реализации отечественного исторического процесса»)]

[Ср. версию А.П. Назаретяна касательно «*сквозных векторов изменений*» истории, которые хотелось бы проследживать «в калейдоскопе исторических событий, ... круговоротов и катастроф на достаточно больших временных интервалах» (См.: *Назаретян А.П.* Векторы исторической эволюции // *Общественные науки и современность.* 1999. № 2. С. 112–126)]

8. историческая концепция издания «Русский исторический журнал» (Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов), репрезентирующая поиск скрытых констант (в авторской терминологии – «сходств», «аналогий» и «регулярностей») русского исторического процесса.

9. вопрос, поставленный в 1997 г. В.П. Булдаковым «Спрашивается, что мешает представить исторический процесс в виде нескончаемой манифестации *устойчивости, пластичности или даже неизменности тех или иных человеческих качеств?*» и определение «истории», данное в 2000 г. Ю.А. Поляковым: «история по существу – это повседневная жизнь человека в ее историческом развитии, *проявление стабильных, постоянных, неизменных свойств и качеств* в соответствии с географическими, временными условиями, рождением, закреплением новых форм жилья, питания, перемещения, работы, досуга» (См.: *Поляков Ю.А.* Человек в повседневности // *Отечественная история.* 2000. № 3. С. 125–132);

10. мнение Ю.Н. Афанасьева об «историческом эпизоде» ельцинской приватизации: «возможности для иного выбора были. Россия же, *как всегда*, выбрала наихудший!» (См.: Юрий Афанасьев: «Говорю как историк» // *Аргументы и факты.* 2001. № 28); Также см. более позднюю публикацию Афанасьева о сталинизме-путинизме на: http://www.echo.msk.ru/blog/yuriy_afanasiev/651289-echo/

11. совпадение концепций историков-профессионалов (О. Волобуев, В. Журавлев, С. Тютюкин, В. Шелохаев, В. Зверев и проч.) и не специализирующихся в области истории специалистов – психологов, физиков, социологов, философов – относительно *неизменных* психологических, этических и исторических инвариантов российской истории (См. «Россия в условиях трансформаций». Материалы. Выпуск № 25. – М.: ФРПЦ, 2002. С. 72–74).

¹⁷⁰ Так, в научной литературе не раз приводились возражения против многочисленных публикаций о постройке храма Христа Спасителя на «народные деньги», об утрате «денег партии», истории масонства в России, об обстоятельствах гибели Романовых и проч.

- ¹⁷¹ Об этом см.: Октябрь семнадцатого и судьбы России // Свободная мысль. 1996. № 10. С. 36–37.
- ¹⁷² Мерцалов А.Н. Сталинизм и освещение прошлого // История и сталинизм. С. 403.
- ¹⁷³ Афанасьев Ю.Н. Драма истории // Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать. С. 338
- ¹⁷⁴ См., например, описание неевропейской феодальной средневековой командно-административной системы в: Васильев Л. Кризис социализма // Через тернии. – М., 1990. С. 36. Там же на С. 22. см. описание большевистской партии как «неколебимого орудия имперской тоталитарной тирании».
- ¹⁷⁵ Келле В.Ж. Научное познание и ценности гуманизма // Ценностные аспекты развития науки. – М., 1996. С. 17.
- ¹⁷⁶ Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. С. 92.
- ¹⁷⁷ См. об этом: Чечель И.Д. Мифы и реальность в истории: об одной тенденции в новейшей историографии // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. – М., 2003. С. 93–121.
- ¹⁷⁸ Проблемы исторической науки: В отделении истории Академии наук СССР // Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 86.
- ¹⁷⁹ Шмаков В.С. Структура исторического знания. С. 17.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 4.
- ¹⁸¹ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: В поисках утраченного. – М., 1997. С. 95.
- ¹⁸² Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М., 1994. С. 10.
- ¹⁸³ Подчас, глядя назад, историки не скупались даже на те оценки, что в годы перестройки «власть» превратила «историческую науку в свою служанку» (См.: Болховитинов Н.Н. О времени и о себе: Заметки историка // Историки России о времени и о себе. – М., 1997. Вып. 1. С. 75).
- ¹⁸⁴ Круглый стол советских и американских историков // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 108.
- ¹⁸⁵ Касьяненко В.И. Об обновлении исторического сознания. С. 5.
- ¹⁸⁶ Круглый стол советских и американских историков // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 108. (Фитципатрик Ш., Дробижев В.З., Гутмэн М., Согрин В.В. Каплан С.) См. также: Россия. 1917 год: Выбор исторического пути. П.В. Волобуев. С. 10–29, И.И. Минц. С. 29–37, Г.З. Иоффе. С. 37–43, В.Д. Оскоцкий. С. 44–59, Я.С. Драбкин. С. 60–64, Л.А. Жагар. С. 64–69, О.Н. Знаменский. С. 70–73, Е.Г. Плимак. С. 74–84, Е.Н. Городецкий. С. 85–92, Г.З. Мухина. С. 92–104, В.И. Старцев. С. 104–109, М.Ф. Юрий. С. 109–117, В.П. Булдаков. С. 118–124, К.А. Хмелевский. С. 125–127, К.Ф. Шаццлло. С. 127–142, В.Ю. Черняев. С. 142–147, В.И. Миллер. С. 147–153, Г.Л. Соболев. С. 153–156, А.И. Козлов. С. 157–165, С.К. Хмелевский. С. 166–168, М.Ф. Шатров. С. 168–182, В.И. Бовькин. С. 182–197, Г.И. Кантемиров. С. 197–200, Г.И. Злоказов. С. 200–205, Н.С. Ватник. С. 206–208, В.В. Комнин. С. 208–218, В.А. Кувшинов. С. 218–228, Е.Г. Гимпельсон. С. 228–235, Ю.И. Кораблев. С. 235–242, В.Д. Поликарпов. С. 243–253, К.В. Гусев. С. 253–269.
- ¹⁸⁷ Волкогонов Д. Накануне войны // Урок дает история. – М., 1989. С. 318.
- ¹⁸⁸ Всесоюзная сессия Совета по координации научной деятельности Отделения истории Академии наук // История СССР. 1988. № 1. С. 119.
- ¹⁸⁹ Аветисян Г.А. Итоги и перспективы деятельности Института истории АН Армянской ССР // Вопросы истории. 1988. № 8. С. 177. См., например: Шелохаев В.В., Корнев В.В. «Ты станешь самой точной наукой...»: Беседа ученых о разработке новой концепции истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1989. № 2. С. 68–74. Об этом см.: Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60-е – 80-е годы XX века). – М., 2003. – 287 с.
- ¹⁹⁰ Об этом см.: Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60-е – 80-е годы XX века). – М., 2003. С. 5
- ¹⁹¹ Об этом см.: Минц И.И. О перестройке в изучении Великого Октября // Вопросы истории. 1987. № 4. С. 3–10
- ¹⁹² См., например: Вариавчик М.А. Главный ориентир – правда истории // Вопросы истории КПСС. 1987. № 10. С. 78–90; Журавлев В., Наумов В. Возвращение к правде // Правда. 1988. 9 октября.
- ¹⁹³ Показателем крайности тогдашних дебатов были ранее излишние заверения: «...у нас имеется научный потенциал, опираясь на который можно двигаться дальше. Иначе разговор о перспективах науки не имел бы смысла» (См.: Ковальченко И.Д. Некоторые вопросы методологии истории // Новая и новейшая история. 1991. № 5. С. 4. См. также: Круглый стол: Историческая наука в 1920-е – 1930-е годы // История и историки. – М., 1990. С. 74 (В.А. Дунаевский и В.А. Муравьев)).

¹⁹⁴ Проблемы исторической науки // Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 80.

¹⁹⁵ Ковальченко И.Д. Место истории в системе общественных наук // Вопросы истории. 1987. № 9. С.8.

¹⁹⁶ Знаковой ориентировкой в историческом знании оказывалась «непростая задача сохранить свою профессиональную автономию, отстоять недавно обретенную и грозящую вновь исчезнуть независимость от политической конъюнктуры» (См.: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. С. 5).

¹⁹⁷ Привлекает внимание, например, незначительное, но явное понижение роли *теории источниковедения* в историописании. Оно было особенно ощутимым в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда ревизия марксизма-ленинизма «как истории и методологии источниковедения в целом, так и отдельных общественных дисциплин» (См.: *Воронкова С.В.* Актуальные теоретические и методологические проблемы источниковедения // Перестройка в исторической науке.. Тезисы докладов и сообщений V всесоюзной конференции. – Киев, 1990. С. 11) заставляла определять роль источниковедения в новой традиции. К середине 1990-х гг. это положение постепенно нормализовалось: источниковедение заняло собственную нишу в обновленном корпусе исторических знаний (См.: *Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: проблемы источниковедения советской истории.* – М., 1994. С. 382).

¹⁹⁸ См.: *Анисимов Е.В.* Феномен Пикуля – глазами историка // Знамя. 1987. № 11. С. 215. Тот же самый термин использовал и Ю. Емельянов (См.: *Емельянов Ю.В.* Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. – М., 1989. С. 8).

¹⁹⁹ Любопытны стилистические особенности письма отдельных исследователей как выражение этой черты научной психологии. Например, Ю.А. Поляков, отрицательно относясь к негативным перестроенным трактовкам истории Великой Отечественной войны, все же заверял читателя, что «тенденция к развенчиванию народного подвига натолкнулась на *эмоциональное и научное сопротивление* (Выделено мной. – *И.Ч.*)» (См.: *Поляков Ю.А.* Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. С. 95). «Разум и объективность еще не восторжествовали над эмоциями», – сожалел историк, говоря о переходности историографической ситуации 1987–1995 гг. (См.: Там же. С. 205). Некоторые ученые проводили разграничение между эмоциональным и профессиональным подходами в историописании еще более четко: «*Как человек и гражданин* (Здесь и далее выделено мной. – *И.Ч.*), историк не может уйти от нравственных оценок того, что он увидел в прошлом; его право, более того – обязанность поведать читателю суть своей моральной позиции в трактовке рассматриваемых событий. *Но как исследователь-профессионал* он просто не имеет права ограничиться этими оценками, остановится на рубеже эмоционального удовлетворения или неприятия того, что он изучает» (См.: *Журавлев В.В.* К читателю // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. – М., 1991. С. 5. Кроме того, см: 30-е годы: взгляд из сегодня. – М., 1990. С. 9).

²⁰⁰ См.: *Егоров В.К.* История в нашей жизни. – М., 1990. С. 86. Термин «чистое знание» см. также в: *Булдаков В.П.* «Другая» революция: пути и возможности переосмысления Октября // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. – М., 2000. С. 238.

²⁰¹ О высоком профессионализме см.: *Поляков Ю.А.* Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. С. 107. О возвращении к академизму см.: *Яшин Я.Г.* Историки на перепутье // Вестник РАН. 1993. № 6. С. 155 [выступление А.А. Фурсенко]. См.: *Кудрявцев В.Н.* Об особенностях методологии гуманитарных наук // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 3–7.

²⁰² Ср. пример, связанный с попыткой обозначения и исследования в 1990-е гг. историографической «академической традиции»: «В расширенном, социологическом истолковании постановка вопроса об академической традиции науки фиксирует, схватывает воспроизводство тех основ развития научного познания и его организационных условий, которые обеспечивают возможность проявления заглавной интенции науки – *постижения истины, свободной от вненаучных ценностей, пристрастий и произвола*, насколько это вообще-то осуществимо» (См.: *Бухараев В.М.* Академическая традиция отечественной историографии в условиях советской идеократии // Уч. записки Казанского ун-та. Т. 134, Проблемы отечественной и зарубежной историографии. – Казань, 1998. С. 6. См. также: *Бухараев В.М., Бухараев Я.В.* «Кривые зеркала» для нормальных героев: обновление историко-научных практик как проблема историознания // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. – Казань, 1994. С. 124–137; *Бухараев В.М., Мягков Г.П.* «Ученые записки» как историографический факт // Уч. записки Казанского ун-та. Т. 134. – Казань, 1998. С. 57–71).

²⁰³ См.: Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Исторические записки: Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. Вып. 1 (119). – М., 1995. С. 7–22.

²⁰⁴ Вандалковская М.Г. Милица Васильевна Нечкина // Историческая наука России в XX веке / Отв. ред. Г.Д. Алексеева. – М., 1997. С. 395.

²⁰⁵ Дурновцев В.И., Бачинин А.Н. Михаил Петрович Погодин // Историки России. XVIII – нач. XX века. С. 197.

²⁰⁶ Вандалковская М.Г. Указ. соч. С. 413.

²⁰⁷ См., например: Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. Вып. 1 (119). – М., 1995; Исторические исследования в России: тенденции последних лет. – М., 1996; Осмысление истории. – М., 1996; Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М., 1996; Крайности истории и крайности историков. – М., 1997; Миллер В.И. Осторожно: история. – М., 1997; Социальные трансформации в Европе XX века. – М., 1998; Национальные истории в советском и постсоветском государствах. – М., 1999; Историк в поиске: Микро- и макроподходы к изучению прошлого. – М., 1999; Исторические записки. 2 (120). – М., 1999; Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. – М., 1999; Проблемы исторического познания. – М., 1999; Национальные истории в советском и постсоветских государствах. – М., 1999; Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. – М., 2000.

²⁰⁸ Ср.: «Сегодня важнее, чем когда бы то ни было, оказался вопрос о научном качестве нашей продукции, о ремесле ученого-историка, о тех правилах научной игры, которые мы все обязаны соблюдать в своем творчестве не менее строго, чем шахматисты – правила игры в шахматы» (См.: Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? – М., 1992. С. 193).

[О «правилах игры», которые обязаны учитывать в том числе и литераторы, и публицисты см.: Рыбаков Б.А. История и перестройка. – М., 1989. С. 28].

²⁰⁹ Несомненно, историческая просопография не исключает, а, наоборот, предполагает исследование названных вопросов. Нас интересует по преимуществу характер их постановки, необычный для предшествующей историографии.

²¹⁰ Так, показательными были теле- (телеканал «Культура») и радиовыступления («Эхо Москвы»), программа «Не так») И.Н. Данилевского в 2000–2001 гг. с критикой исторической системы А.Т. Фоменко. [См. также: Янин В.Л. «Зияющие высоты» академика Фоменко // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 5. С. 387–392; Чащихин В.В. Аргументы против «Новой Хронологии» А.Т. Фоменко // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 7. С. 645.; История не терпит дилетантизма: (О «математическом методе оплодотворения истории» А.Т. Фоменко // Отечественная история. 2000. № 4. С. 3–8]

²¹¹ Ср. выделение двух форм исторического сознания (*элементарной*, в которой «степень собственных исторических знаний – это устойчивая система представлений о прошлом Родины, получаемых в средних и высших учебных заведениях или путем самостоятельной работы») и *высшей*, связанной «с теоретическим осмыслением прошлого до уровня законов и закономерностей») в: Антипин Л.Н. История России: Уч. пособие. – М., 1998. Ч. 1. С. 7.

²¹² Ср. позицию Ж. Трофимова относительно произведений Д. Волкогонова: «Что ни сюжет – ложь да навет» (См.: Трофимов Ж.А. «Волкогоновский Ленин»: (критический анализ книги Д.А. Волкогонова «Ленин»). – Ульяновск, 1995. С. 73).

²¹³ Сахаров А.Н. Новая политизация истории или научный плюрализм? // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М., 1996. С. 14.

²¹⁴ По тексту автора иногда сложно понять, свойственны ли эти «болезни» исключительно публицистике, или только исторической науке, что еще раз доказывает трудность их разграничения в данный период (См.: Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. С. 90–107).

²¹⁵ Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. С. 94.

²¹⁶ Там же. С. 96.

²¹⁷ Там же. С. 96.

²¹⁸ Там же. С. 97.

²¹⁹ Там же. С. 106.

²²⁰ Там же. С. 97.

²²¹ Там же. С. 97.

²²² Там же. С. 106.

²²³ Там же. С. 93.

²²⁴ Там же. С. 98.

²²⁵ Там же. С. 154.

²²⁶ Там же. С. 92.

²²⁷ Там же. С. 36.

²²⁸ Там же. С. 154.

²²⁹ См.: Там же. С. 115–121.

[В.Д. Зимина также выделяет 1987 г. в качестве вехи «публицистического бума» явления, как считает исследовательница, «порочного» «для науки» (См.: *Зимина В.Д.* Введение // Отечественная историография в XX веке. – Волгоград, 1998. С. 3). При этом Зимина характеризует «публицистический бум» 1987–1991 гг. как «фактор появления кризисных симптомов в научной подготовке профессиональных историков» (Там же. С. 3). Таким образом, граница между публицистикой и историографией опять-таки стирается].

²³⁰ Конечно, Поляков подчеркивал отнюдь не несостоятельность историков в их дебатах с публицистами, а тенденцию к доминированию в общественном сознании политизированных версий исторического прошлого.

²³¹ Бесспорно, немаловажным с точки зрения Ю.А. Полякова был и элемент удовлетворения публицистикой обывательских вкусов. Тем не менее политический аспект занятий публицистикой всегда стоял у Полякова на первом месте.

²³² Таким образом Ю.А. Поляков аттестовал позицию Ю.Н. Афанасьева. Чрезвычайно резко он отзывался в данном смысле и о В.В. Поликарпове (См.: Там же. С. 196–197).

²³³ Убежденность в этом проявлялась, в частности, в характере авторской аргументации. На протяжении всего исследования Поляков утверждал, что публицистические девиации в профессиональных исторических работах – результат увеличения числа историков, сотрудничающих в СМИ, и бездумного применения ими приобретенных в этом сотрудничестве навыков.

²³⁴ См. критику современного подхода к советскому и постсоветскому историографическому знанию как «страдательной величине»: *Муравьев В.А.* История, исторический источник, историография, история исторического познания: (Размышления о смысле современных историографических исследований) // Рубеж веков: Проблемы методологии и историографии исторических исследований: Сб. ст. – Тюмень, 1999. С. 19–27).

²³⁵ Что касается советской историографии, то Ю. Поляков, разумеется, делал оговорку, что в ней присутствовали и догматизм, и цитатничество, и зависимость от колебаний так называемой «партийной линии». Однако он резонно и целенаправленно настаивал, что «советская историческая наука имеет немалые заслуги перед нашим обществом» (См.: Там же. С. 45). К числу заслуг советского историописания им были отнесены:

1. рассмотрение «заново» с марксистско-ленинских классовых позиций всей предыдущей истории человечества;
2. заложение основ всемирной и, прежде всего, отечественной историографии новейшего времени, то есть большей части XX века, начиная с Великого Октября;
3. вклад в формирование интернационального и патриотического воспитания, реализацию воспитательного потенциала истории;
4. защиту «Родины Октября» и вековых достижений всех народов страны в Великой Отечественной войне (См.: Там же. С. 45–46)

²³⁶ Там же. С. 45.

²³⁷ *Поляков Ю.А.* Историческая наука в переходный период // Осмысление истории. – М., 1996. С. 15.

²³⁸ Там же. С. 16.

²³⁹ Там же. С. 17.

²⁴⁰ *Поляков Ю.А.* Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. С. 206.

²⁴¹ Там же. С. 206.

²⁴² *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д.* Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия: Учебное пособие. – Тюмень, 1999. С. 3–20

²⁴³ *Согрин В.* Концепции современной российской модернизации: идеология и историография // Проблемы исторического познания. – М., 1999. С. 191–197

²⁴⁴ Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. С. 197.

²⁴⁵ Об этом см.: *Логунов А.П.* Кризис исторической науки или наука в условиях кризиса: Отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг. // Советская историография. – М., 1996. С. 447–487

²⁴⁶ См.: Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. С. 196–198.

²⁴⁷ Этот момент встречается в размышлениях многих исследователей (естественно, не только в применении к Афанасьеву). При этом, как правило, упоминаются либо «личные» (многообразные соображения личной выгоды), либо «националистические», либо «партийные» пристрастия (См.: *Трофимов Ж.А.* «Волгогоновский Ленин»: критический анализ книги Д.А. Волгогонова «Ленин». – Ульяновск, 1995. С. 3).

²⁴⁸ Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. С. 197.

²⁴⁹ Там же. С. 198.

²⁵⁰ Там же. С. 198.

²⁵¹ Там же. С. 197.

²⁵² Там же. С. 197.

²⁵³ Наиболее близким к «тенденциозности» понятием у Полякова выступает *оценочность*.

²⁵⁴ Ю.А. Поляков формально выступает под знаменем индивидуального, *конкретного* подхода к историческим событиям и явлениям.

²⁵⁵ Оговоримся, что исследователь ведет речь о двух догматизмах – старом и новом, «“перестроечном” догматизме». Конечно, мы приводим определение последнего. Вместе с тем очень эклектично и поэтому любопытно поляковское определение «старого» догматизма. Он «означает абсолютизирование марксистских положений о классовой борьбе, перенесение тех или иных высказываний, относящихся к одной эпохе – в другую, без учета изменившихся объективных и субъективных факторов, бездумное следование сложившимся в 20–30-е гг. схемам [Имеется в виду сталинское наследие. – *И. Ч.*], некритическое использование решений руководящих органов КПСС в качестве незыблемых ориентиров научного исследования, появление новых схем и постулатов, относящихся к послевоенной истории и приобретавших характер обязательных клише». Так, не очень понятно, что автор подразумевает под «перенесением тех или иных высказываний, относящихся к одной эпохе – в другую, без учета изменившихся объективных и субъективных факторов»? В марксистской науке, известной своим ригоризмом, всегда ратовавшей за объективное отражение системности и уникальности прошлого, против «вырывания исторических событий из контекста» и т. п., вообразить такое сложно, тем более, что и сам Ю. Поляков – представитель марксистской школы исторического описания и автор, не раз следовавший этим принципам в дискуссиях с публицистами. Быть может, здесь Ю.А. Поляков смешивает два догматизма и фактически говорит об особенностях второго, публицистически окрашенного, «перестроечного» догматизма?

²⁵⁶ Там же. С. 92.

²⁵⁷ Там же. С. 93.

²⁵⁸ Там же. С. 98.

²⁵⁹ Там же. С. 99.

²⁶⁰ Там же. С. 79.

²⁶¹ Там же. С. 89.

²⁶² Поляков Ю.А. Историческая наука в переходный период // Осмысление истории. – М., 1996. С. 9.

²⁶³ Вероятно, причиной тому является разделяемое не только профессионалами убеждение в необходимости «постоянства размышления» – органичного «состояния» того или иного ученого «как историка» (См.: «Хочется думать, что я не обрывал связь времен»: Девять вопросов историку // Знание – сила. 1988. № 2. С. 72). Очевидно, что установка на то, что «исследователь не должен попадать под власть... мимолетных настроений» (См.: 30-е годы: взгляд из сегодня. – М., 1990. С. 9), – непререкаемый элемент отечественного научного самосознания (Ср.: *Могильницкий Б.Г.* Историческая наука и современность // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983. С. 82–98; *Он же.* Введение в методологию истории. – М., 1989. С. 32, 116 и др.). «Здоровое, а не ущербное, деформированное состояние исторического сознания, исторической памяти людей требует», как полагают профессионалы, «ощущения необходимой связи времен» и, в частности, – того, что «прошлое не должно оставлять людей без будущего, без здоровой уверенности в нем». В этом-то по их убеждению и «состоит едва ли не самое важное предназначение исторического познания» (Н.И. Смоленский) (См.: Россия и Запад в XX в.: Проблема выбора пути развития России // Новая и новейшая история. 1999. № 4. С. 69).

[Относительная неизменность этих представлений в течение последнего историографического 25-летия (Ср. фрагмент из высказываний Смоленского с точкой зрения 1991 г. о непозволительно-сти шуток с историей, а значит – «с долговременными интересами народа»: Журавлев В.В. К читателю // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. – М., 1991. С. 4–5) говорит об их глубинных основаниях в российском научно-историческом мышлении].

²⁶⁴ Один из наиболее авторитетных зарубежных исследователей этого периода в историографии Р. Дэвис даже именует Полякова «старейшим» историком (См.: *R.W. Davies. Soviet History in the Gorbachev Revolution.* – Birmingham, 1989. P. 170).

²⁶⁵ Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. С. 99.

²⁶⁶ Там же. С. 98.

²⁶⁷ Близки к взглядам Полякова позиции В.Б. Кобрин (См.: *Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк?* – М., 1992. С. 3–8).

²⁶⁸ К рынку – с чистой совестью! Выступление Генерального Секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС // Советская Россия. 1990. 9 октября. См. также: *Яковлев А.Н. Работать по совести, жить честно* // Коммунист Грузии. 1989. № 3.

²⁶⁹ Советуем прочитать // Знамя. 1987. № 11. С. 238. См. также: *Бондарев Ю. Власть совести* // Литературная газета. 1988. 14 декабря.

²⁷⁰ Ср., например: *Феоктистова Т. Красавицы и милосердие: Москва пережила еще один конкурс «Московская красавица – 89»* // Труд. 1989. 28 сентября.

²⁷¹ *Искендеров А.А.* Вступление к статье В.П. Булдакова «У истоков советской истории: путь к Октябрю» // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 62.

²⁷² *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. – М., 1992. С. 34.

²⁷³ См. подр.: *Чечель И.Д.* Советское общество 1985–1991 гг.: новое изучение истории // Историческое знание в современной России: дискуссии и поиски новых подходов. – М., 2005. С. 41–56.

²⁷⁴ *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Время трудных вопросов: история 20–30-х годов и современная общественная мысль // Правда. 1988. 30 сентября.

²⁷⁵ К ним относится, например, общезначимая идея о морально-этическом дефиците советского общества 1970-х – 1980-х гг., воздействующем в числе прочего и на его политическую и интеллектуальную практику – его прямым политическим следствием назывался конформизм. Также называем, например, идею о недопустимости существования в социалистической стране пропагандистских обманок, целой «культуры» соответствия «слова и дела», «в основу которой легла ложь» (*Ганина М.* Без обольщений прежних дней // Если по совести... – М., 1988. С. 96) или идею о насущности переосмыслении советского прошлого и воссоздания «объективной» истории, как правило, ассоциируемой с историей «народа» / «масс».

²⁷⁶ См. пример такой аксиоматики. Использование одной из общезначимых идей (идеи судьбоносности и важности будущего, которое не стало бы прошлым) интеллектуалами разных политических флангов: *Круглый стол: Партия и перестройка* // Урок дает история. – М., 1989. С. 398 (Б. Славин); *Дафермос М., Павлидис М., Пателитис Д.* Буржуазная контрреволюция и некоторые итоги развития марксизма: (К вопросу о стратегии и тактике революционного исследования) // История и реальность: Уроки теории и практики. – М., 1995. С. 145 (Работа 1990 г.); *Гейфтер М.Я.* Из тех и этих лет. – М., 1991. С. 16.

²⁷⁷ В социально-исторических интерпретациях 1985–1991 гг. действовало условное «правило мышления», в предварительном порядке определяемое нами как «**принцип “всё”**». Перестроечный Союз имел дело с инаковым по отношению к советской научности, но, видимо, достаточно целостным типом исторического мышления, в котором

- элемент = целому (единичный исторический факт в состоянии калькировать смысл всей эпохи)

- «высокие» категории возвышенны, благородны, священны и проч. *в наибольшей степени*
- «низкие» – страшны, аморальны, бесчеловечны, низменны *как только могут быть*
- теоретическое объективно поверяется практическим = практическому
- *исключительно* негативное или *исключительно* позитивное и есть сущностно-содержательное
- события и явления беспрецедентны

Вкратце: стране была предложена убежденность в самореферентности исторических явлений.

Существование понятия непрерывности или тотальности смысла (или его реальный исторический холизм), с их помощью можно было бы очертить некоторые приоритеты столь характерного историзма.

Ср. например:

- «В 1934 году Сталин мог бы сказать о себе словами Бориса Годунова: достиг я высшей власти, такой *абсолютной власти* [Здесь и далее выделено мной. – И.Ч.], когда *«можно все»* и когда *«все»* бесспорно получит одобрение – *единодушное, всеобщее, без тени сомнения»* (См.: Феофанов Ю. Возвращение к правде // Известия. 1988. 14 июня).

- «Вышинский достиг вершины. Впрочем, было бы ошибкой считать, что он сам вскарабкался на эту вершину, где обрел власть над людьми. Его усердно толкали туда. Точнее – толкал. Тот, кто метко и пронизательно открыл в нем качества несравненные: злобу, жестокость, *готовность на все. Абсолютно на все»* (См.: Ваксберг А. Царица доказательств // Литературная газета. 1988. 24 августа).

- «Преступник, бесчеловечности которого нет оправдания. Невозможно придумать худшее: на всех поворотах истории, на каждой ее развилке Сталин избирал для нашего народа путь *наибольших* издержек и жертв. Лишь *непостижимый* логический сбой позволяет иным авторам твердить, что Сталин каким-то образом ускорил наше развитие: *все* факты вопиют о том, что он его замедлил» (См.: Лацис О. Перелом // Суровая драма народа. – М., 1989. С. 68 [То же – Знамя. 1988. № 6]).

- «Десятки раз интересы тактики или хотя бы прагматизм требовали вполне очевидных решений. Но Сталин *всегда*, даже уступая прагматическим соображениям, следовал своим концепциям. Это был прежде всего *догматик*. Готовый на *любые* уступки в текущих делах, но, в конечном счете, *абсолютный* приверженец тех теоретических схем, в которые он уверовал» (См.: Попов Г. Программа, которой руководствовался Сталин // В своем Отечестве пророки? Публицистика перестройки: лучшие авторы 1988 года. – М., 1989. С. 105).

- [О Сталине]: «*Абсолютная аморальность»* и «*абсолютное самовластье»* (См.: Карякин Ю. «Ждановская жидкость» или против очернительства // Если по совести... – М., 1988. С. 163).

- «В 1929 году, когда по Бухарину пришелся главный удар, в руководстве партии были люди, не согласные со Сталиным, но уже ощутившие в его тихом голосе, в его размеренной, замедленной речи, словно в морской раковине, приглушенный рев океана. В этом реве угадывались все будущие овации, восторженный шум собраний, не вникающих в подробности внутривластной борьбы, знающих только, что он, Сталин, прав *всегда и во всем* [...], что бы он ни сказал, [...] *обо всем и навсегда»* (См.: Амлинский В. «На заброшенных гробницах...» // Возвращенные имена: Сборник публицистических статей в 2-х книгах. Книга 1. – М., 1989. С. 36).

- «Корни этой *убийственной* агрессивности набрали силу в молотилке сталинской коллективизации, в *безысходности* Гулагов, в *поголовном* физическом истреблении *личностей*. Система такого социализма вышибала *малейшее* проявление *духовности* [Подчеркнем, что автором высказывания сталкиваются две системы ценностей: «личности» здесь – лучшие, «духовность» – истинная. – И.Ч.]» (См.: Ульянов М. Три «захлопанных» выступления // Театр. 1990. № 10. С. 2).

- «Смысл истории XX века *поразителен и страшен* – это *обессмысливание самой себя, предельное* сомнение в самой себе как истории человека и человеческого, параллельно ходу другой великой эволюции *всего живого*, дабы под лозунгом и маской революции погубить «творческую эволюцию жизни» (См.: Капустин М. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. – М., 1990. С. 23).

- «... «реформы» Сталина привели к *абсолютному* насилию практически *во всех* сферах жизни. Процесс развития технико-технологической и военной базы страны, производимый во внешней, отчужденной, неприемлемой для общества насильственной форме, подавляя *всю* гамму человеческих отношений, приводил к регрессу, движению вспять – к более примитивным, архаичным отношениям между людьми и в обществе, и в производстве. В результате процесс реформ сопровождался упадком культуры, одичанием *всех* слоев общества» (См.: Криворотов В. Русский путь // Знамя. 1990. № 8. С. 141–142).

- «Преодоление сталинщины не может начаться иначе, как с ее *полного* разоблачения, *бескомпромиссного* отмежевания, *категорического* отстранения от нее, осознания *ничем не оправдываемой* нравственной несостоятельности и порочности, ее разрушительности для *человеческого существования* и общегития» (См.: Клямкин И. Была ли альтернатива административной системе? // Историк отвечает на вопросы. – М., 1990. Вып. 2. С. 29).

Ср. с более поздними примерами:

- «Привлекательность теоретической конструкции марксизма при *малейшем* соприкосновении с жизнью исчезает. Мы видим уродство *примитивного* и *тупого* насилия, ломающего *все, что ему попадает на пути*. [...] Уходя из нашей страны, коммунизм оставил *нищету*, поразительный *примитивизм* политического мышления, *безликую унылую* архитектуру, сотни тысяч *отштампованных* памятников вождям. Учение о новом коммунистическом рае на земле *опустошило* нашу страну, оставило после себя *пепелище*. Коммунистическая модернизация старой России уничтожила *на корню* российскую интеллигенцию, российского крестьянина, ремесленника, храмы России, мусульманские мечети, еврейские синагоги» (См.: Ципко А. С. Правда никогда не опаздывает // Яковлев А. Предисловие. Обвал. Послесловие. – М., 1992. С. 3).

- «Скончался коммунизм – *величайшая* мистификация человеческой истории, прикрывавшая *худший из возможных* тоталитаризмов. Подошла к концу тупиковая, ибо *абсолютно* бесчеловечная, ветвь общественного *антиразвития*, когда естественные законы были отменены и несколько поколений брошены на строительство *невиданной пирамиды самовластья*» (См.: Пумпянский А. Лики Горбачева, или Ода нерешительному вождю // Новое время. 1992. № 3. С. 17).

- «В условиях тотально-государственной экономики, неизбежным следствием которой является *сплошная* пролетаризация народа («язва пролетариата») покрывает *все* народное тело), управление обществом возможно *лишь* на началах диктатуры, что *полностью* исключает демократию» (Бурганов А. Октябрьская революция. Социалистическая? Кое-что о цвете спелой земляники // Бурганов А., Булдаков В., Бухараев В. Красный Октябрь: двуликая история. Казань, 1992. С. 7).

- «...Октябрьская революция... установила *невиданную* в истории тоталитарную диктатуру, оставив народ у *разбитого корыта*» (См.: Там же. С. 12).

- О «*кромеших* периодах нашей истории» см.: Арьев А. Преображение ума (об авторе «Державы созидателей») // Панин Д. Державы созидателей. – М., 1993. С. 3).

- [Об интеллектуальном климате в СССР]: «Контроль за интеллектуальным творчеством был *тотален и беспрерывен*» (См.: Яковлев А. Н. Крестосев. – М., 2000. С. 150).

- «... Однако масштабы исторического мифотворчества в годы советской власти *несопоставимы ни с чем*» (См.: Яковлев А. Н. Новейшая история России XX века в документах: опыт историографического исследования // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 6. С. 494).

²⁷⁸ Пастернак Б. Л. Охранная грамота: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/proza/ohrannaya-gramota-1.htm>
²⁷⁹ В том смысле, который придает понятию «удобообозримости» античная мысль: поиск жанровой правильности.

²⁸⁰ Россия, 1917 год: Выбор исторического пути. – М., 1989. С. 109 (Старцев В. И.).

²⁸¹ В новой жанровой конъюнктуре они могли считаться и считались таковыми. Были ли – следующий вопрос, требующий специального анализа соотношения историографической и общепедагогической политизации.

²⁸² Ср., например: Плимак Е. Г. Философия и историческая наука. Материалы «Круглого стола» // Вопросы философии. 1988. № 10. С. 29; Прядкин В. С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания и методы исследования (историографический анализ). Екатеринбург, 1995. С. 18–19; Елисеева Н. В. Советское прошлое: начало переоценки // Отечественная история. 2001. № 2. С. 93–105.

²⁸³ См., например: В. Д. Поликарпов // Россия. 1917 год: Выбор исторического пути. – М., 1989. С. 252; Афанасьев Ю. Н. Энергия исторического знания // Афанасьев Ю. Н. Я должен это сказать. – М., 1991. С. 49

²⁸⁴ См., например: Евстигнеев В., Романенко С. Экономика и история: необходимость рационального осмысления // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 90–102; Козлов В. Российская история: Обзор идей и концепций, 1992–1995 гг. // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 99–113, № 4. С. 104–120; Гузенкова Т. Ностальгия по ненаписанной истории // Свободная мысль. 1997. № 8. С. 47–69; Иорданский В. Иного не было дано? // Там же; Орлов И. Б. Современная отечественная историография НЭПа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102–103; Историки в поисках истины: Интервью с академиком-секретарем ОИ РАН академиком А. А. Фурсенко // Вестник РАН. 1999. № 5. С. 130–134.

²⁸⁵ См., например обсуждение статьи И. В. Павловой «Современные западные историки о сталинской России 30-х гг. (критика ревизионистского подхода)» в: Снова об историках-ревизионистах // Отечественная история. 1999. № 3. С. 121–134.

²⁸⁶ Здесь имеется в виду проблема идеологической адекватности историописания.

II

Транзит:
социологический портрет
сообщества

Геннадий БОРДЮГОВ, Сергей ЩЕРБИНА

18. и собрали они все общество в первый [день] второго месяца.
И объявили они родословия свои, по родам их, по семействам их,
по числу имен, от двадцати лет и выше, поголовно,

19. как повелел Господь Моисею.
И сделал он счисление им в пустыне Синайской.

Книга Чисел

Предлагаемый социологический портрет создавался по результатам обработки кратких профессиональных биографий российских историков, которые содержатся, прежде всего, в Биобиблиографическом словаре А.А. Чернобаева¹ справочниках типа «Кто есть кто»², а также на сайтах региональных университетов в Интернете. Естественно, использованные материалы имеют определенные ограничения, обусловленные тем, какие вопросы были в анкете (которая потом использовалась для словаря, справочника или кафедрального, университетского или академического сайтов в Интернете), предлагаемой информанту, по каким каналам профессиональной коммуникации распространялись такие анкеты.

В результате была создана база данных, содержащая биографические материалы 1722 историков, которые трудятся в университетских и научных центрах, архивах и музеях, библиотеках и издательствах, или сотрудничают с ними, даже находясь на пенсии. Возраст активных и влиятельных ученых-историков, вошедших в нашу выборку – от 31 года до 94 лет, проживают они в 89 субъектах РФ (99.4 %) и за рубежом (0.6 %). Из них 1312 мужчин (76.2 %) и 410 женщин (23.8 %).

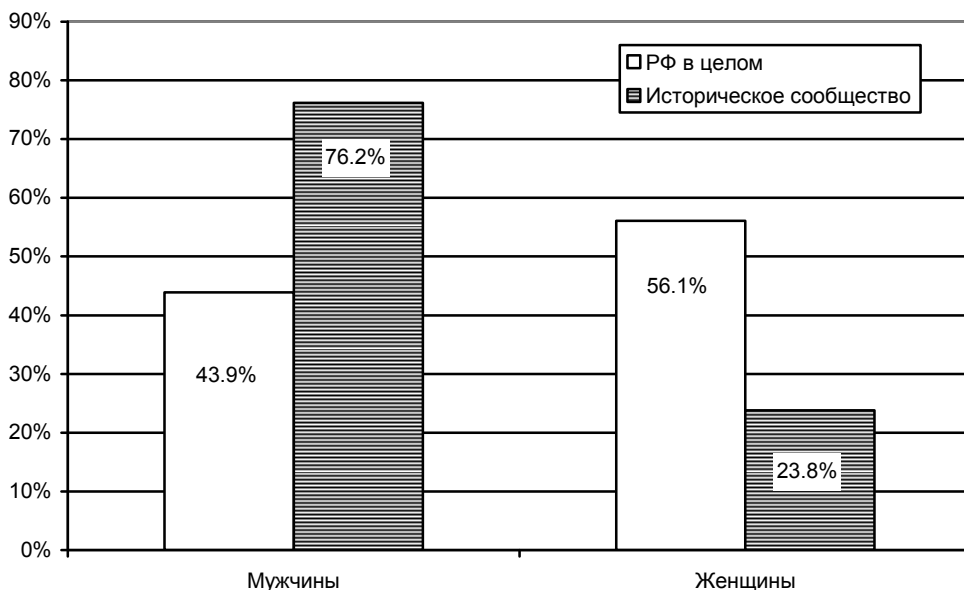
Если принять за основу, что сейчас профессиональное сообщество историков России составляет около 40 000 человек, то погрешность приведенных далее количественных оценок – ± 2.2 % (при доверительном интервале 95 %). Понятно, что по условиям сбора данных в нашу выборку попала более активная часть профессионального сообщества историков, включенная в интенсивное и регулярное взаимодействие со своими коллегами, имеющая, как правило, научные степени и звания, постоянно публикующая результаты научных исследований в издательствах и научной периодике. Точно сказать, какую долю от всего профессионального сообщества составляет эта пассионарная группа не представляется возможным, но, если предположить, что и здесь соблюдается универсальный принцип Парето (20 % участников дают 80 % результата), то мы получим, что 80% новых знаний производят 8000 членов исторического сообщества. В этом случае погрешность наших оценок составит ± 2.1 %.

1. Анализ общих демографических параметров

Основные демографические особенности современных российских историков позволяют сделать выводы о развитии некоторых социальных процессов в российском историческом сообществе за последние два десятилетия и, естественно, времени, которое им предшествовало.

Распределение численности российских историков по полу значительно отличается от распределения аналогичной возрастной группы населения РФ в целом³ (см. рис. 1). Профессия историка в России, как и во всем мире, остается преимущественно мужской, поэтому анализ динамики численности историков проведем отдельно для мужчин и для женщин.

Рисунок 1

Разумно предположить, что *способность* человека к занятию историей не зависит от года его рождения. Поэтому динамика численности российских историков по годам рождения должна в целом соответствовать аналогичной динамике, касающейся всего населения страны. До 1948 года это приблизительно так и было (см. рис. 2), но с одним существенным отличием. После спада 1931–1934 гг. (демографическая «яма» – следствие Первой мировой войны) ожидался, по крайней мере, полуторный прирост количества историков 1937–1939 гг. рождения по сравнению с 1929–1931 гг. рождения. Однако в реальности этого не произошло. Что же затормозило прирост исторического «племени»?

Возможное объяснение содержится в анализе социального происхождения российских историков, рожденных в это время (см. табл. 1 и 2).

Рисунок 2

Распределение численности российских историков-мужчин по годам рождения в сравнении с аналогичным распределением для всего мужского населения РФ 1913–1976 годов рождения

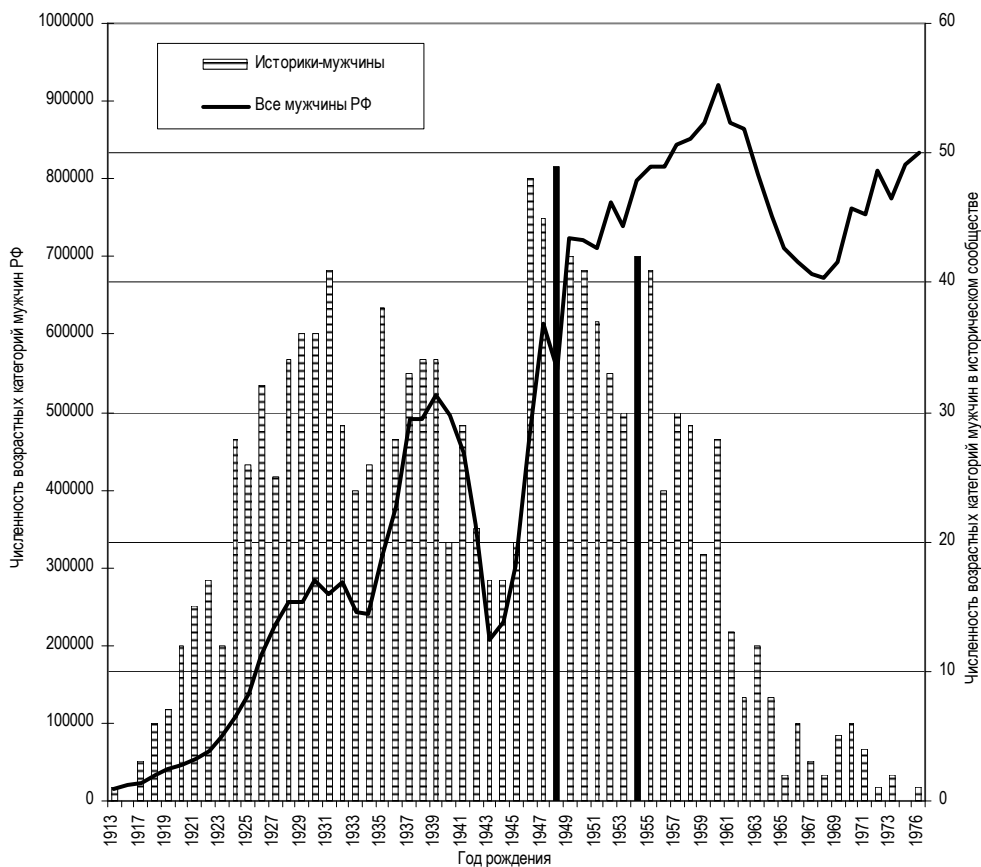

Таблица 1

Социальное происхождение историков-мужчин 1936–1940 гг. рождения

Социальное происхождение	Доля общей численности
Из служащих	57.5 %
Из рабочих	19.7 %
Из крестьян	20.5%
Из интеллигенции	2.4%

Таблица 2

Социальное происхождение историков-мужчин 1949–1953 гг. рождения

Социальное происхождение	Доля общей численности
Из служащих	65.6%
Из рабочих	18.2%
Из крестьян	11.0%
Из интеллигенции	5.2%

Из этих данных следует, что более половины (59.9% и 70.8% соответственно) историков родилось в семьях служащих или интеллигенции – это несомненный статистический «перекос», если сравнивать с социальной структурой общества в целом. А именно интеллигенция и служащие в наибольшей степени подверглись репрессиям в этот период (не в абсолютном, конечно, выражении, но относительно численности своей социальной категории).

Таким образом, выявилась скрытая социально-демографическая «яма» – отголосок предыдущих «переломов» отечественной истории.

Любопытный «всплеск» 1941 года объясняется наложением 2-х факторов:

1. В 1939–1940 гг. прошли первые реабилитации («бериевский антипоток»).

2. Людям, рожденным в 1941 году, 18 лет исполнилось в 1959 году – в период «оттепели», «возвращения к ленинским нормам», нового интереса к российской истории. А 18 лет – период «социализации» человека, время выбора будущей профессии. Дальнейшее усиление этой тенденции было «задавлено» демографической «ямой» Великой Отечественной войны.

Спад 1949–1953 гг. – вероятно, след послевоенных репрессий.

Радикальное расхождение динамики численности после 1955 года (15-процентные колебания общероссийской кривой около уровня 800 000 человек и неуклонное снижение численности мужчин-историков) возможно объяснить двумя факторами.

Хорошо известно, что качество работ историков, независимо от пола, обычно прямо пропорционально накопленной информации в виде архивных источников, опубликованных документов и мемуаров, а также работ других историков. Кроме того, приобретается и опыт работы с источниками, их правильного анализа. В истории, как и в подавляющем большинстве гуманитарных наук, в отличие от математики, физики, химии или биологии, значимые и сенсационные открытия, способные переменить наши представления о самом предмете науки и сразу же достаиваемые докторскими степенями и академическими званиями, происходят крайне редко. Поэтому обычно полноценным ученым и членом профессионального сообщества историк признается коллегами после достижения им 40-летнего возраста.

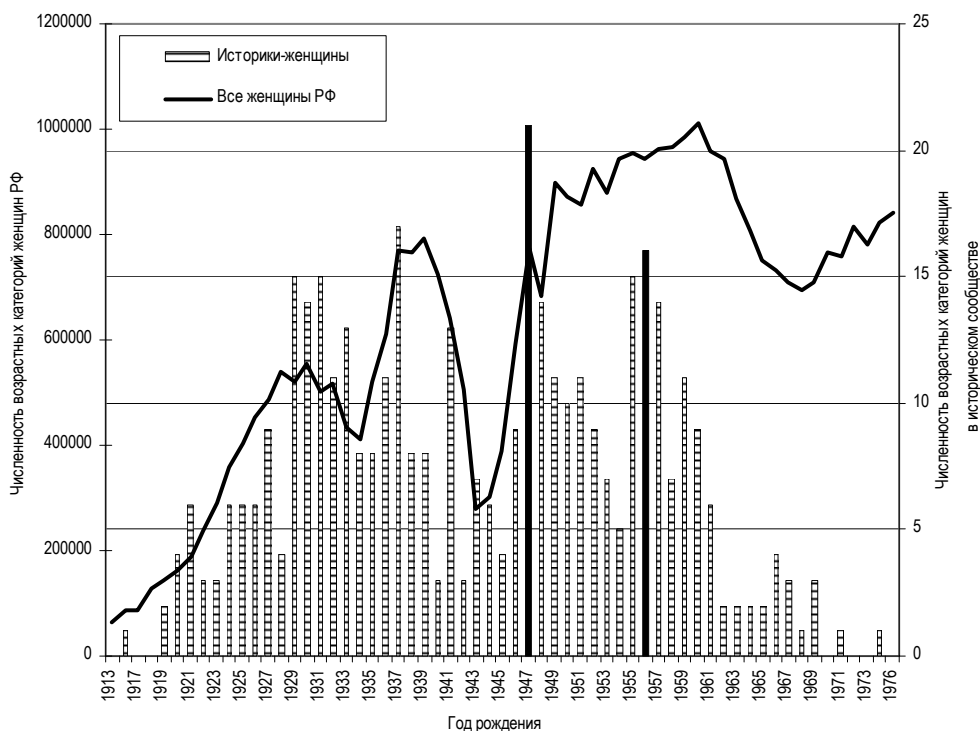
Это хорошо согласуется и с данными о среднем возрасте историка-мужчины – 64.7 ± 0.3 года (среднеквадратическое отклонение – 12.5 лет, т.е. 70% историков-мужчин находятся в возрастном интервале от 52-х до 77-ми лет).

Для поколения историков, родившихся после 1955 года, вхождение в историческую науку происходило во второй половине 70-х – первой половине 80-х годов XX века, т. е. в период так называемого застоя, когда реставрировались многие схемы сталинской эпохи, а в обществе происходило резкое падение интереса к официальной исторической науке, существовавшей в условиях жесткой цензуры, особенно применительно к советской и, шире, всей отечественной истории. В те годы среди интеллигенции росло убеждение, что познать отечественную историю можно только работая вне официальных исторических структур и занимаясь независимыми историческими исследованиями, предназначенными для самиздата и зарубежных изданий. Как следствие, наблюдалось падение интереса к профессии историка.

У историков-женщин ситуация с возрастными характеристиками в целом аналогична (см. рис. 3).

Рисунок 3

Распределение численности российских историков-женщин по годам рождения в сравнении с аналогичным распределением для всего женского населения РФ 1913–1976 годов рождения

Данные о социальном происхождении историков-женщин (см. табл. 3 и 4) помогают объяснить более ярко выраженные аномалии конца 30-х и конца 40-х – начала 50-х гг.

Таблица 3

Социальное происхождение историков-женщин 1938–1940 гг. рождения

Социальное происхождение	Доля общей численности
Из служащих	84.6%
Из рабочих	7.7%
Из крестьян	7.7%
Из интеллигенции	0%

Таблица 4

Социальное происхождение историков-женщин 1948–1954 гг. рождения

Социальное происхождение	Доля общей численности
Из служащих	87.0%
Из рабочих	3.7%
Из крестьян	1.9%
Из интеллигенции	7.4%

«Перекося» социального происхождения среди женщин-историков (84.6 % и 94.4 %, соответственно) более ярко выражен, чем у мужчин. То, что почти все они происходят из служащих, и практически никто – из интеллигенции, делает женщин-историков консервативнее мужчин во взглядах на исторический процесс. Ведь женщины по природе своей вообще консервативнее мужчин. К тому же, часто происхождение «из служащих» на практике означало происхождение из низших слоев советской номенклатуры.

Таким образом, изучение только одной пары графиков позволяет делать небезынтересные выводы о влиянии «изломов» отечественной истории на современное сообщество историков.

Средний возраст историка-женщины – 63.9 ± 0.6 года (среднеквадратическое отклонение – 12.5 лет), т.е. статистически значимо средний возраст историков-женщин не отличается от среднего возраста историков-мужчин.

2. Возрастные и территориальные характеристики

В дальнейшем для анализа территориальных/географических характеристик будет использоваться современное территориальное деление РФ на федеральные округа, а союзные республики СССР будут обозначаться как «Ближнее зарубежье». Данные для Москвы и Санкт-Петербурга будут идти отдельной строкой и не будут включаться в Центральный и Северо-Западный федеральные округа соответственно.

Для анализа временной динамики используется деление на возрастные страты, которые выбирались из следующих соображений.

Возраст 18 лет выбран нами как возраст, когда человек достигает полного совершеннолетия и, завершив среднее образование, делает выбор профессии, поступая в соответствующий вуз или среднее специальное учебное заведение или начиная карьеру непосредственно в учреждении или на предприятии. В качестве временных периодов мы использовали довоенное время, период Великой Отечественной войны, последние годы правления Сталина, хрущевскую оттепель, брежневский застой и горбачевскую перестройку. Это были основные исторические периоды, в которые делали свой выбор те поколения российских историков, которые формируют современное историческое сообщество.

Соответственно, мы будем использовать следующую стратификацию сообщества историков России по возрасту:

- 18 лет исполнилось до 1941 года,
- 18 лет – в период 1941–1945 гг.
- 18 лет – в период 1946–1953 гг.
- 18 лет – в период 1954–1964 гг.
- 18 лет – в период 1965–1984 гг.
- 18 лет – в 1985 г. и позже.

Таблица 5

Стратификация сообщества историков России по возрасту

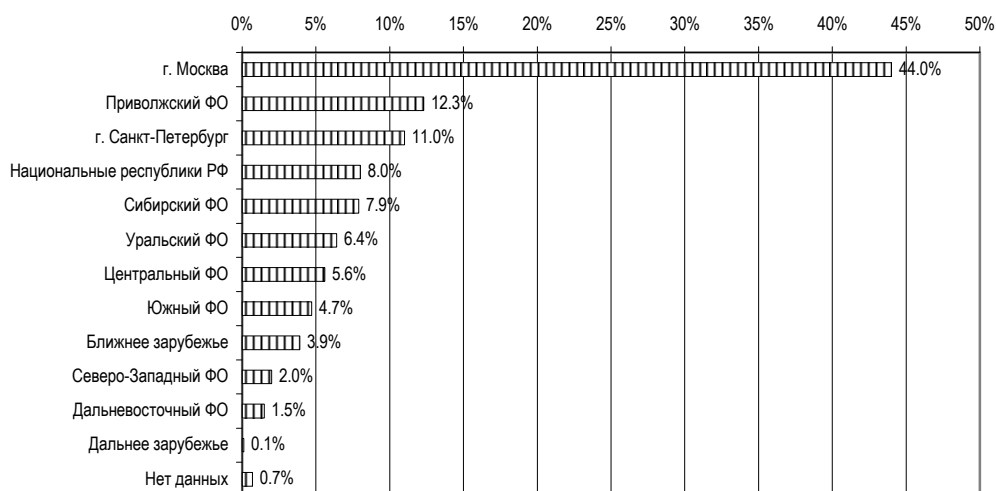
Период 18-летия	В целом	Пол	
		Мужской	Женский
До 1941 года	4.5%	4.6%	3.9%
1941–1945	8.9%	9.4%	7.3%
1946–1953	20.4%	20.1%	21.2%
1954–1964	22.6%	22.9%	21.7%
1965–1984	41.7%	41.1%	43.7%
1985 и позже	1.9%	1.8%	2.2%
Всего человек	1722	1312	410

Бросается в глаза, что среди современных историков преобладают такие, чье 18-летие пришлось на период брежневского застоя. В то же время, минимальной и даже статистически не значимой оказывается доля тех, чье вступление в профессию пришлось на годы перестройки и в постсоветское время. Здесь сказано, с одной стороны, резкое падение престижа профессии после 1991 г. Историками, чье вступление в профессию пришлось на короткий период перестройки, когда престиж исторической науки взлетел на небывалую прежде высоту, в подавляющем большинстве физически не могли защитить кандидатские и тем более докторские диссертации. А после 1991 г. элементарная необходимость выживания вынудила большинство молодых историков уйти из профессии, которая перестала обеспечивать даже прожиточный минимум. В результате основную часть исторического сообщества сегодня составляют те, кто самоопределился в качестве историка в годы «оттепели» и «застоя». На них приходится 64,3%, т.е. почти две трети от общей численности сообщества. Подавляющее большинство историков этих поколений придерживается марксистских взглядов на исторический процесс, хотя зачастую и не совпадающих с ортодоксальным советским марксизмом, сохранявшимся от Сталина до Брежнева в более или менее неизменном виде. Историки же более старших поколений, чье становление пришлось на эпоху Сталина, в своем большинстве придерживаются ортодоксального марксизма. Иногда марксизм в исторической науке сегодня маскируется под цивилизационный или формационный подходы, поскольку нынешняя российская власть декларирует свой антикоммунизм и... с колебаниями – антисталинизм.

2.1. Высшее образование

Рисунок 4

Где получали высшее образование? (В целом по выборке)

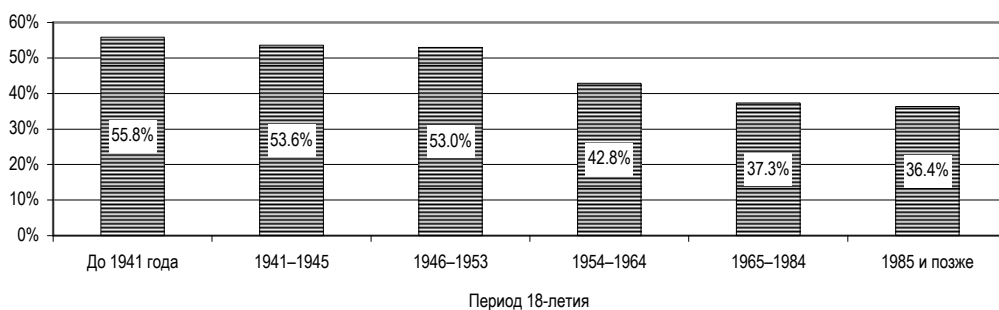

Примечание. Данные для национальных республик РФ учитывались и в соответствующих ФО, поэтому общая сумма больше 100%.

Рассмотрим, как со временем менялись предпочтения при выборе места получения высшего образования членами сообщества (рис. 4). Данные для Москвы представлены на отдельном графике (рис. 5).

Рисунок 5

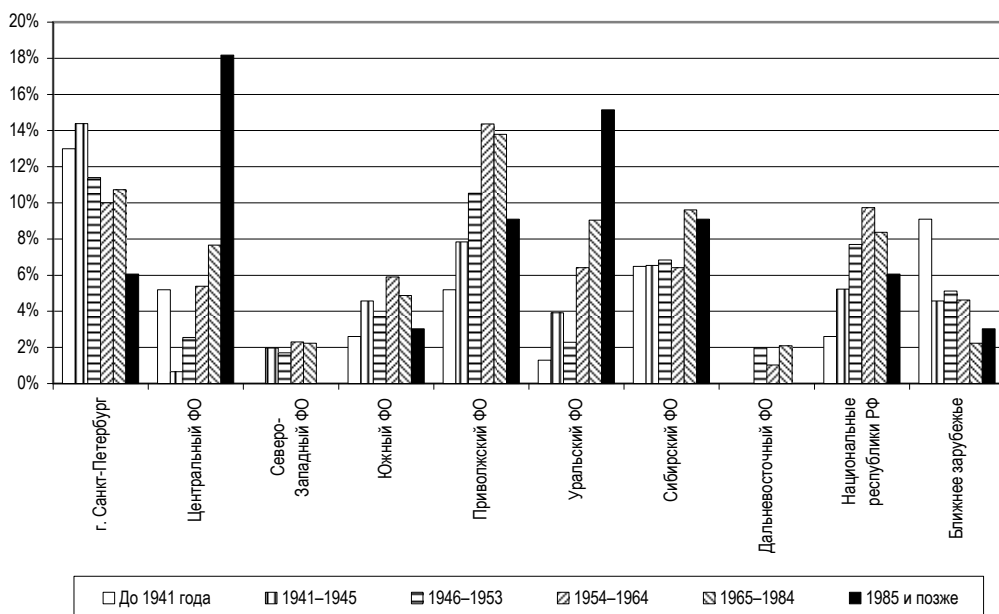
Временная динамика количества историков, получивших высшее образование в Москве

Очевидно предпочтение, которое отдается московским вузам, от которых вузы Ленинграда (Петербурга) отстают в четыре раза. В то же время доля московских вузов постепенно уменьшается, что говорит о возникновении региональных центров исторического образования.

Рисунок 6

Временная динамика количества историков, получивших высшее образование в остальных регионах для различных возрастных страт

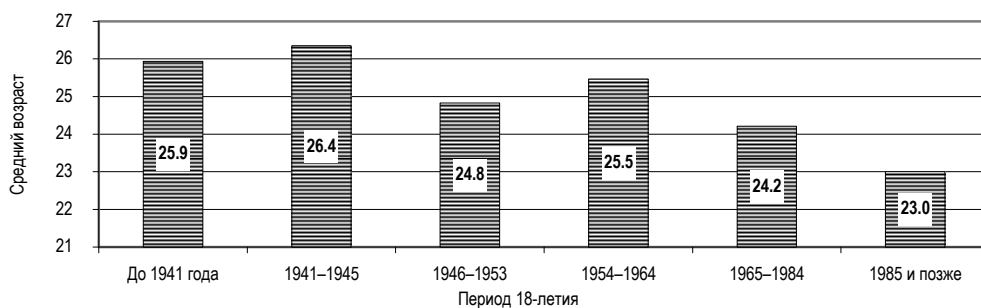
Уменьшение доли Санкт-Петербурга укладывается в статистическую погрешность (здесь и далее определение значимых различий проводится на уровне значимости 5%).

Наблюдался заметный рост роли провинциальных вузов Центрального и Уральского федеральных округов (ФО).

Мужчины заканчивали институт в среднем в 25 лет, а женщины – в 23 года. Здесь сказалось то, что многим мужчинам до поступления в вуз пришлось отслужить в армии. Как видно из графика, выпускники вузов в целом молодеют (см. рис. 7).

Рисунок 7

Временная динамика среднего возраста выпускников вузов

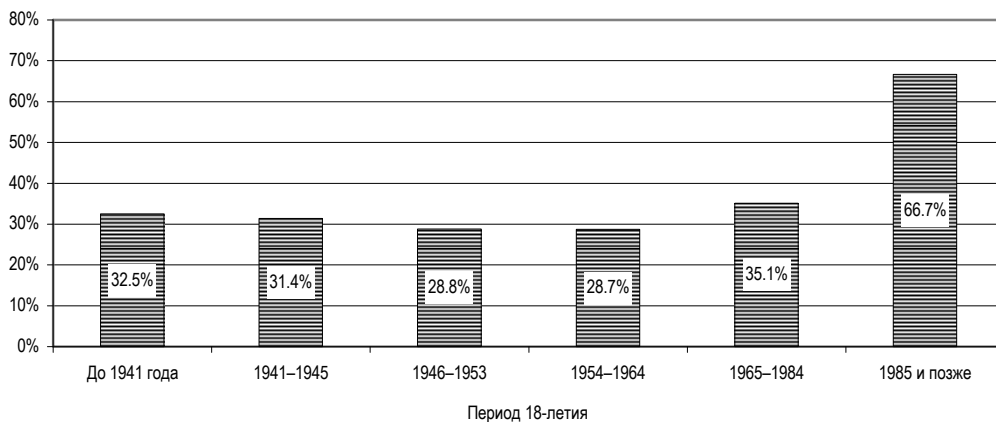
2.1. Аспирантура

Показательным является тот факт, что только 32.5% членов исторического сообщества закончили аспирантуру. Две трети историков получили кандидатскую степень без отрыва от основной работы. Здесь, возможно, сказалось то, что в советское время гораздо более важным для получения искомой научной степени было не наличие свободного времени для работы над диссертацией, которое дает аспирантура, а выстраивание отношений в коллективе историков и прежде всего – отношений с непосредственным начальством. Кроме того, всегда приветствовалась защита диссертаций по плановым темам, над которыми соискатель трудился на своей основной работе.

Для историков поколения перестройки доля закончивших аспирантуру возросла почти вдвое (см. рис. 8). Это объясняется тем, что были убраны все барьеры для поступления в аспирантуру, отсеивавшие лиц неугодных национальностей (например, евреев и немцев) или лиц, считавшихся политически неблагонадежными. Кроме того, получение степени кандидата наук, приравняющегося к западному PhD, заметно повышало шанс получить более высокооплачиваемую и престижную стипендию или стажировку за рубежом. Ведь как раз в перестроечные годы выезд из СССР стал практически свободным. Кроме того, в перестроечные годы аспирантская стипендия была достаточно весомой и аспирант не был ограничен в приработках.

Рисунок 8

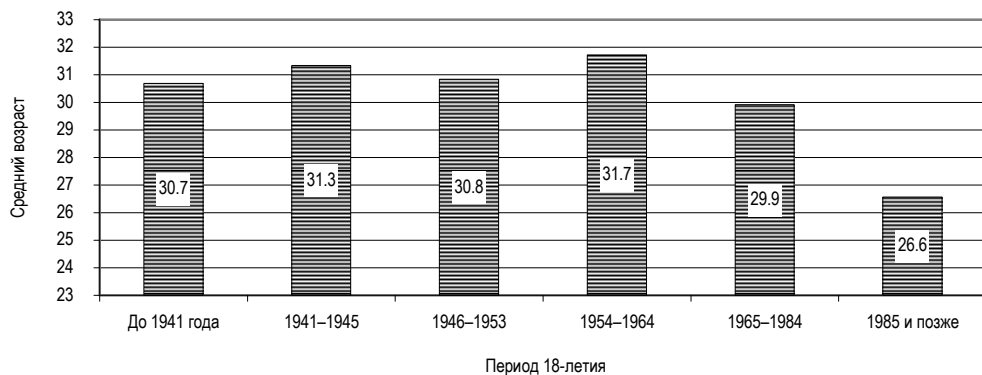
Временная динамика доли членов сообщества, закончивших аспирантуру

Как видно из рис. 9, начиная с 1965 г. аспиранты молодеют. Это связано с тем, что до этого в аспирантуру поступали, главным образом, те, чье высшее образование было прервано Великой Отечественной войной.

Рисунок 9

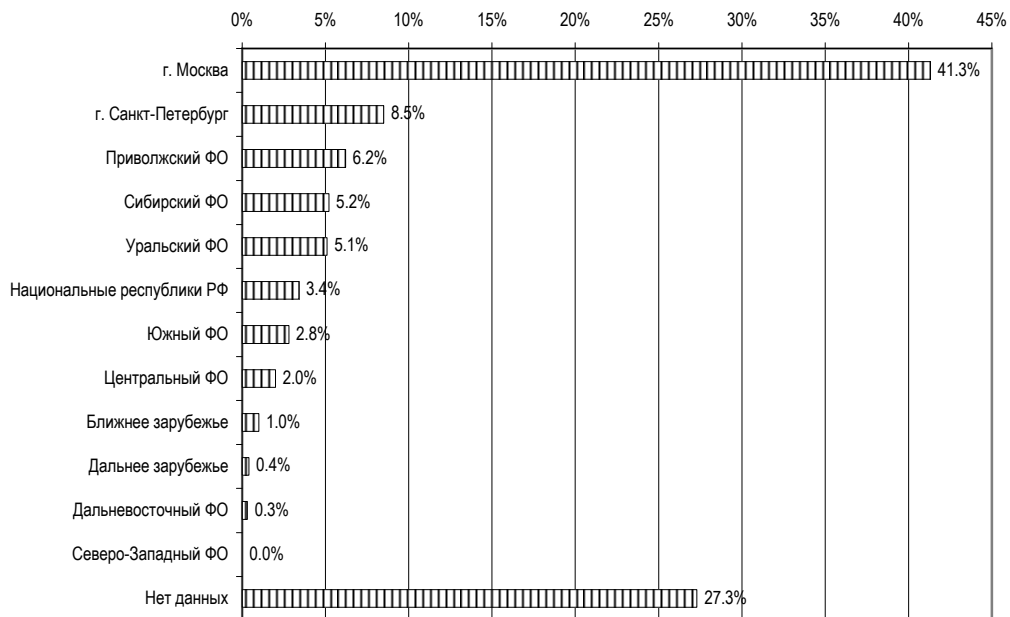
Временная динамика среднего возраста окончания аспирантуры

В Москве и Петербурге обучалось 50,1 % всех аспирантов-историков. Однако их доля оказывается на 4,9 % меньше, чем суммарная доля историков, окончивших московские и петербургские (ленинградские) вузы. Очевидно, часть студентов из столичных вузов выбирает для аспирантуры провинциальные вузы, где требования на экзаменах, а также к тексту диссертации оказываются более либеральными. К тому же, часть выпускников столичных вузов, которые приехали поступать туда из родных городов, могли вернуться на родину для поступления в аспирантуру.

Рисунок 10

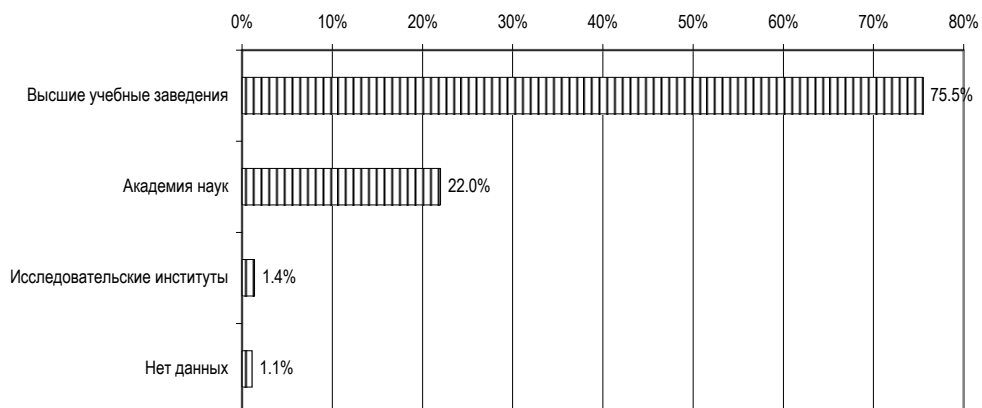
В каких регионах заканчивалась аспирантура

Примечание. Данные для национальных республик РФ учитывались и в соответствующих ФО, поэтому общая сумма больше 100%.

Рисунок 11

Место обучения в аспирантуре

Из закончивших аспирантуру 41.8% обучались в ней в том же вузе, который закончили.

Рисунок 12

Вузы, выпускники которых закончили там же аспирантуру

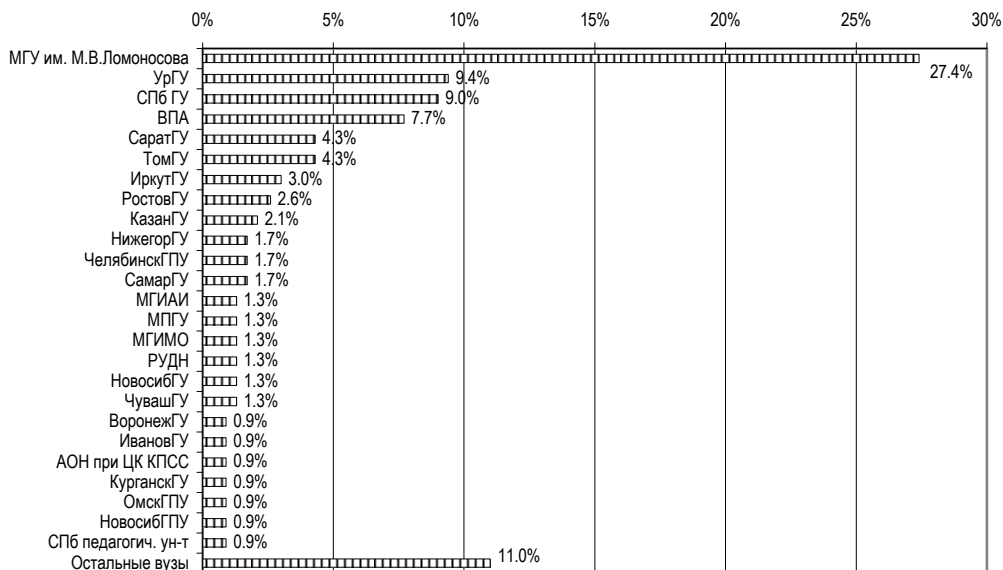
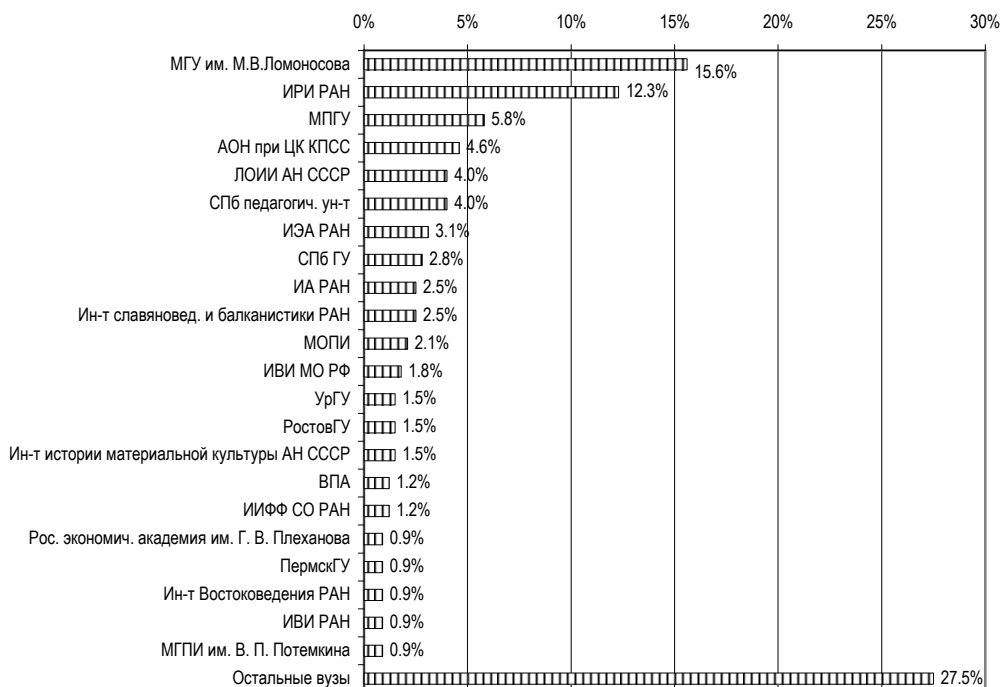

Рисунок 13

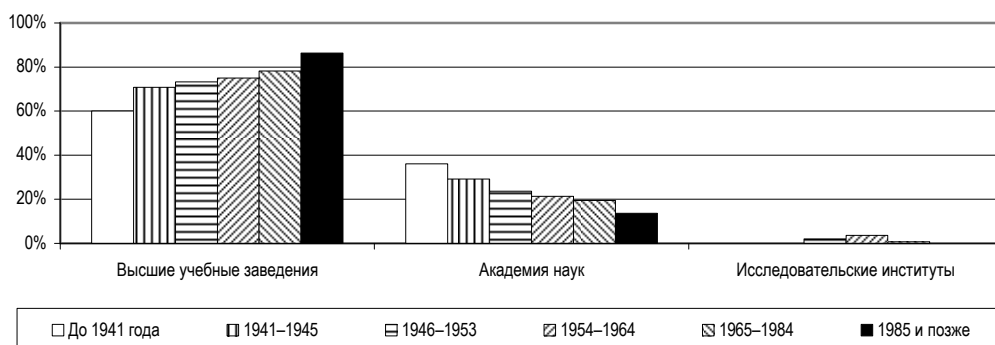
Где закончили аспирантуру остальные?

Следует отметить, что неуклонно повышается привлекательность вузов как места обучения в аспирантуре с одновременным падением роли институтов Академии наук (см. рис. 14). Это связано с уменьшением реального размера ставок зарплаты и аспирантских стипендий по отношению к зарплатам в вузах, где аспирант к тому же всегда может найти приработок в виде лекций и семинаров, а после защиты диссертации – получить более высокий заработок по сравнению с академическими исследовательскими институтами. Кроме того, в вузах, как уже отмечалось, требования к диссертациям чаще более либеральные, чем в НИИ, что также вызывает дополнительный поток аспирантов.

Рисунок 14

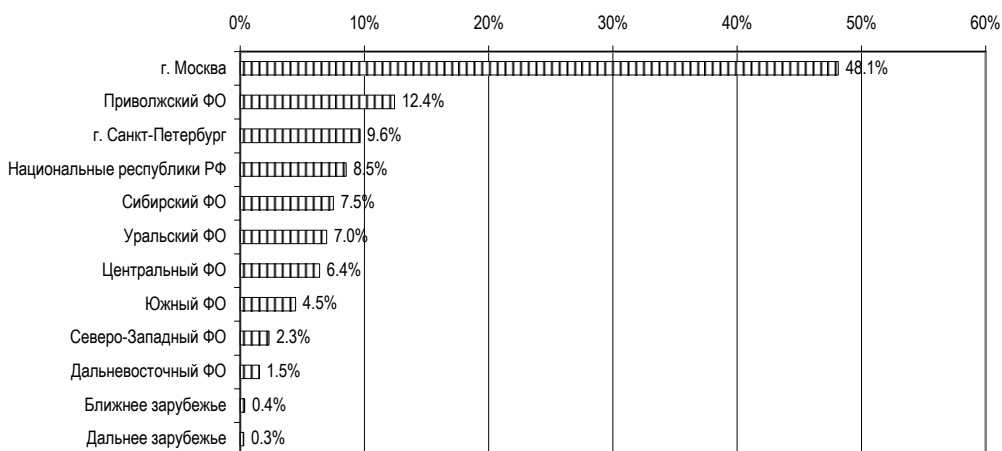
Временная динамика предпочтения места обучения в аспирантуре для различных возрастных страт.

2.2. Работа

Рисунок 15

Место работы по регионам

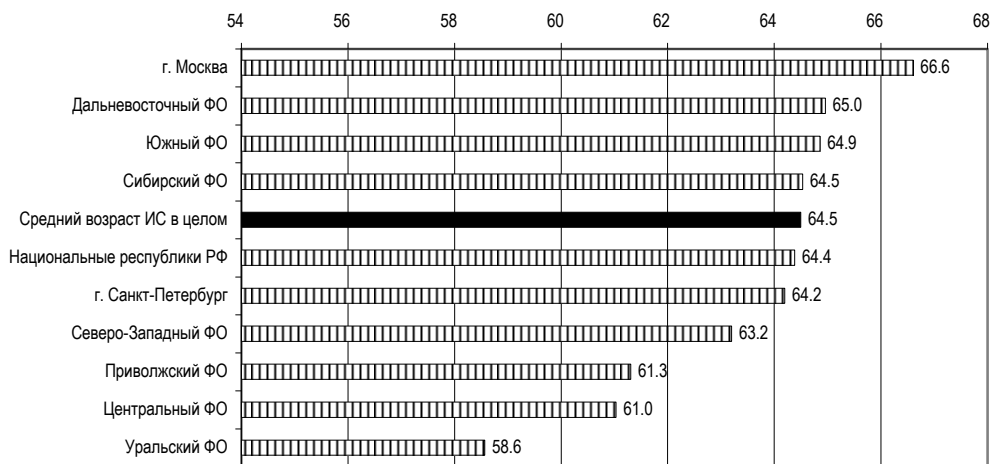
Примечание. Данные для национальных республик РФ учитывались и в соответствующих ФО, поэтому общая сумма больше 100%.

Практически половина российских историков работает в Москве, что, несомненно объясняется развитой «исторической инфраструктурой» столицы (архивы, библиотеки, другие учреждения науки и культуры).

Рассмотрим также гендерные характеристики для историков, работающих в разных регионах.

Рисунок 16

Средний возраст представителей исторического сообщества (ИС) по регионам

Примечание. Данные для национальных республик РФ учитывались и в соответствующих ФО, поэтому общая сумма больше 100%.

То, что в Москве оказались наиболее пожилые историки (см. рис. 16), неудивительно. Ведь здесь сосредоточено руководство Академии наук, ведущих академических институтов и крупнейших вузов, представленное в основном, вплоть до уровня заведующих кафедр, людьми пенсионного или предпенсионного возраста. Бóльшая доля молодых историков в Уральском, Центральном и Приволжском федеральных округах может объясняться, среди прочего, тем, что из этих регионов подбирались руководящие кадры исторической науки и вузов в советское и постсоветское время, оседавшие в Москве. Их покровительство в свою очередь помогало их коллегам, оставшимся в регионах, быстрее делать карьеру и в более раннем возрасте занимать более высокие позиции в продвижении по служебной лестнице по сравнению с историками в других регионах.

Если анализировать региональные исторические сообщества по возрастным стратам, то выясняется, что на Дальнем Востоке, в Петербурге и Северо-Западном ФО практически отсутствует «поколение перестройки», что заставляет сделать вывод о фактическом отсутствии сегодня в этих регионах воспроизводства региональных научных школ (см. рис. 17). Очевидно, это связано с тем, что историки этого поколения ушли в бизнес или другие сферы деятельности или эмигрировали, а также переехали в другие регионы, прежде всего в Центральный и Уральский ФО, где доля «поколения перестройки» наибольшая. Концен-

трация молодых историков в Центральном ФО может объясняться их стремлением быть поближе к Москве с ее библиотеками, архивами и учреждениями науки и культуры, но с высокой стоимостью постоянного проживания.

Рисунок 17

Структура региональных сообществ по возрастным стратам

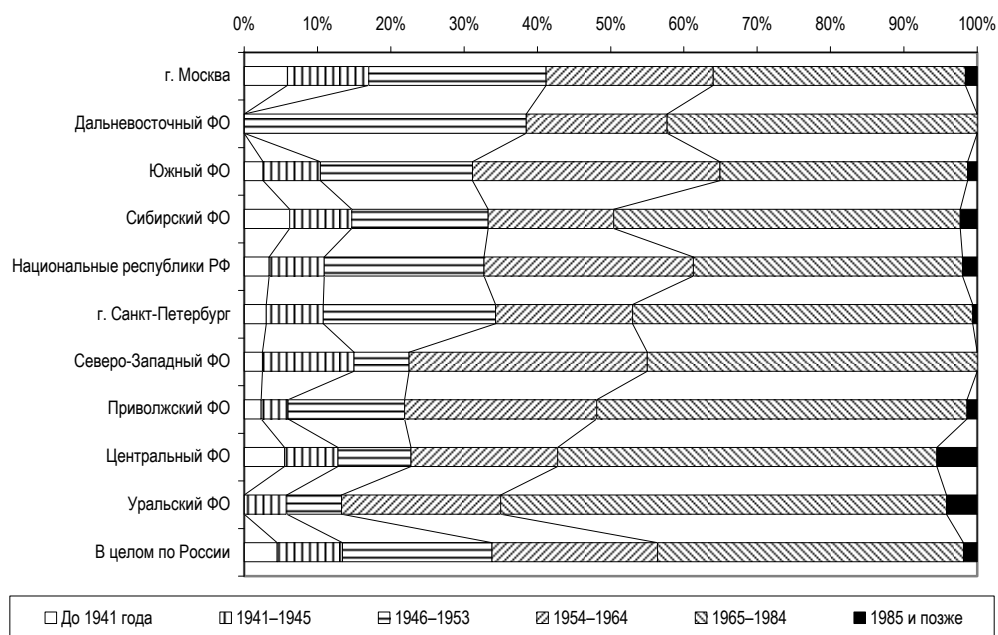
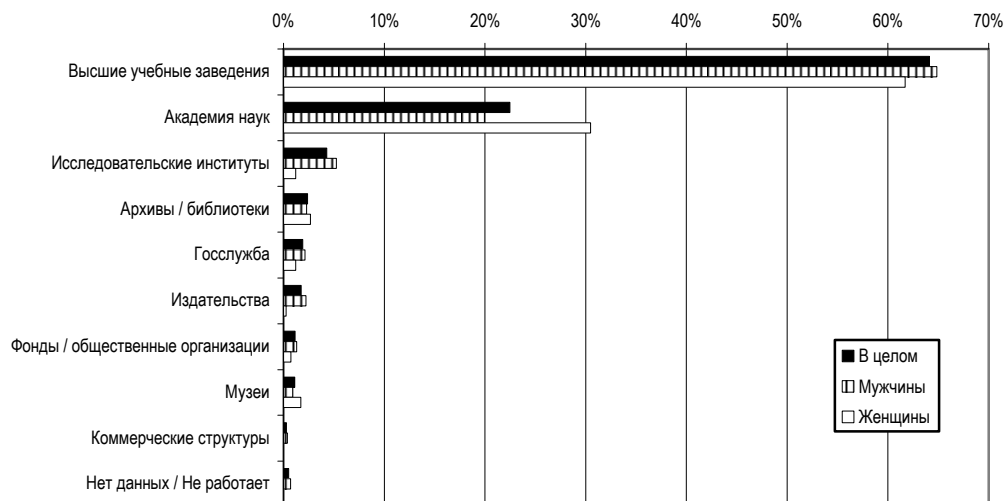

Рисунок 18

Место работы по типу организации

В академических структурах доля женщин в полтора раза больше доли мужчин, хотя женщины и занимают там преимущественно технические должности. Примерно такое же преобладание женщин в музейных организациях, которые никогда не были престижными среди историков. Зато мужчин больше на госслужбе, в издательствах и в исследовательских институтах, т. е. они занимают наиболее престижные места и определяют основные направления исторических исследований.

Рисунок 19

Средний возраст членов сообщества для разных типов организации

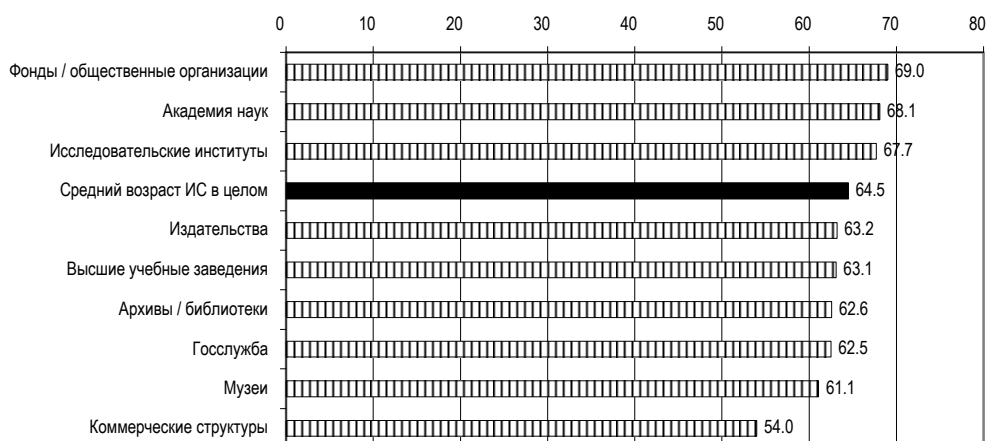
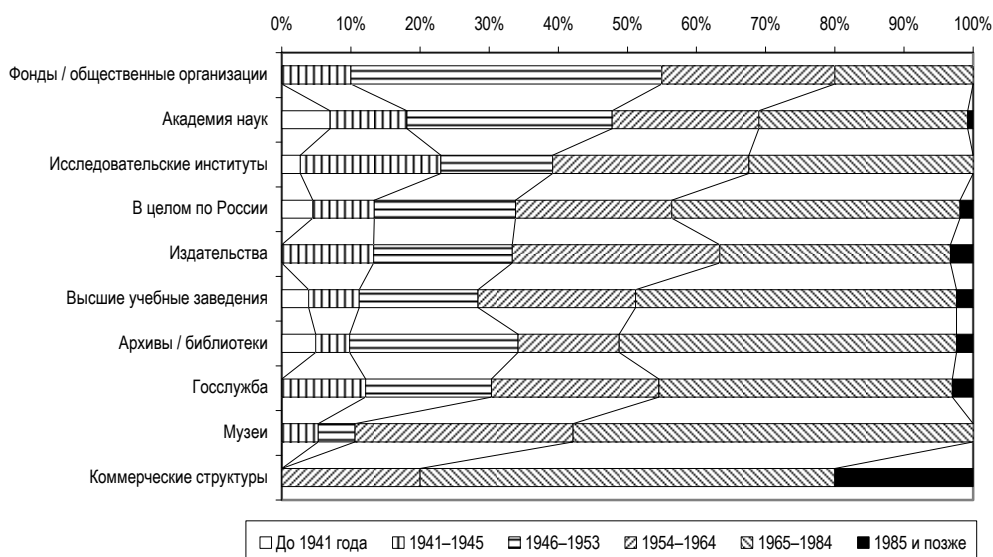

Рисунок 20

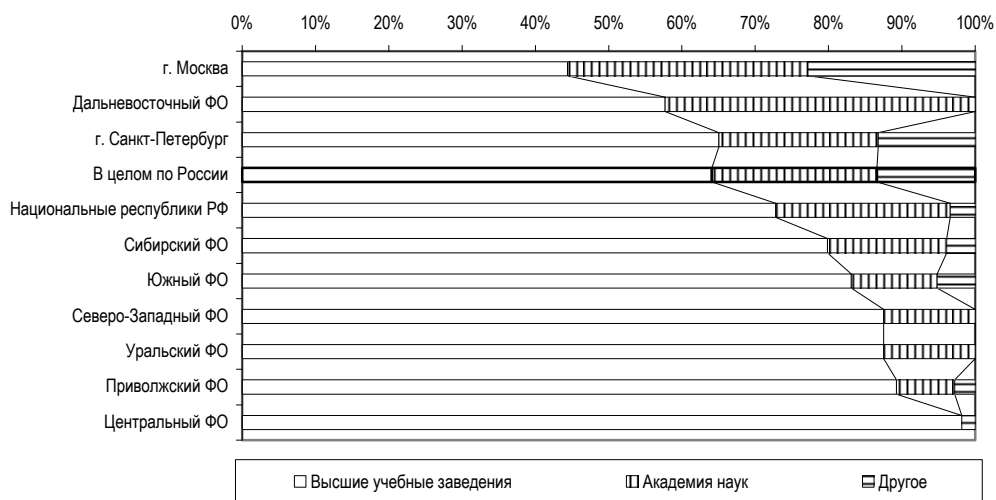
Предпочтительность места работы для разных возрастных страт

Как и следовало ожидать, пожилые историки пребывают в академических структурах, а также придают респектабельность и солидность различным фондам. Молодежь (страты «1965–1984» и «1985 и позже») оседает в коммерческих структурах и, что любопытно, в музеях (см. рис. 20).

Рисунок 21

Предпочтительность места работы для историков разных регионов

Две трети российских историков (64.1%) работают в вузах, 22.5% – в структурах Академии наук и 13.4% – в других местах (см. рис. 21). Отметим, что по занятости в академических структурах Москва занимает только 2-е место (32.8%), пропустив вперед Дальневосточный ФО (42.3%). Интересно, что историческое сообщество Санкт-Петербурга – «копия» России в целом по структуре места работы.

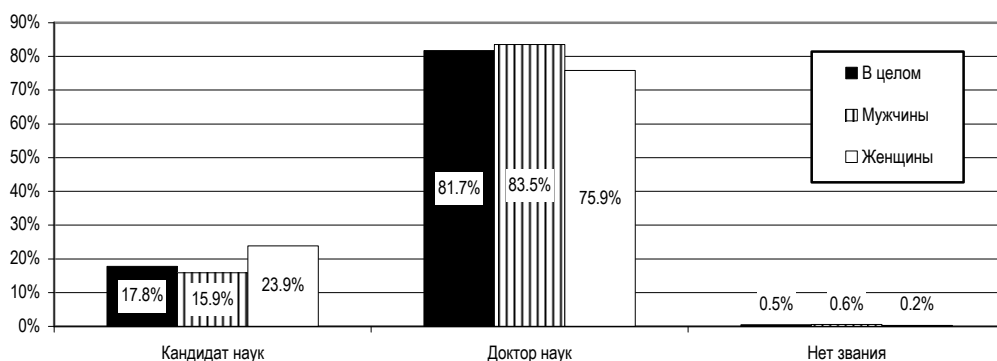
2.3. Ученые степени

99.5% членов исторического сообщества защитили кандидатскую диссертацию, 81.7% – докторскую (см. рис. 22). Столь весомая доля историков, получивших докторские степени, объясняется тем, что в историческую науку почти прекратился приток молодых историков, т. е. тех, кто, защитив кандидатскую диссертацию, по возрасту еще не успел защитить докторскую. Если же учесть еще и тех историков, которые после защиты кандидатской диссертации защитили докторскую не по истории, а по смежным дисциплинам (филология, политология, социология, философия, культурология и др.), то доля историков, имеющих докторские степени, возможно, превысит 90%. Сыграло свою роль и то, что с конца 1980-х годов и вплоть до начала 2000-х были устранены основные административные и идеологические препоны на пути защиты докторских диссертаций по историческим наукам, чем и воспользовались многие историки. На самом деле

столь высокая доля докторов наук среди нынешних историков, равно как и очень небольшая доля среди них молодежи, может быть косвенным свидетельством того, что историей в значительной мере сейчас занимаются лица, не обладающие учеными степенями кандидатов и докторов исторических наук. По этому формальному критерию их нельзя включить в состав научного сообщества, но фактически ряд таких историков-любителей может создавать ценные работы, признаваемые профессиональными историками. Для выявления более широкого сообщества в будущем необходим опрос не среди обладателей ученых степеней, а, например, среди авторов книг по истории, выпущенных определенными научными издательствами за последние 40–50 лет, а также среди авторов статей в научных журналах по истории и другим смежным наукам.

Рисунок 22

Ученые степени

Доля докторов наук – мужчин больше, чем для женщин, соответственно у женщин больше доля кандидатов наук (см. рис. 22). Средний возраст защиты кандидатской диссертации – 33 года, докторской – 47 лет.

Как видно из графика (см. рис. 23), и кандидатские, и докторские диссертации защищают всё раньше. Уменьшается промежуток между защитами диссертаций. Для группы, достигшей 18-летия до 1941 года, он составлял 19 лет, а для группы, достигшей 18-летия в 1985 году и позднее, – 5,3 года, т. е. сократился почти в 4 раза. Средний возраст защиты докторской диссертации сейчас составляет 31,9 лет. «Пожилые» историки (из страты «18-летие до 1941 года») в этом возрасте еще не успевали защитить кандидатскую диссертацию.

На практике это означает, что сейчас за докторскую диссертацию большинство ученых берется сразу же после защиты кандидатской. Формально это должно свидетельствовать, что никаких внеученных барьеров на пути к защите диссертации больше не существует. На самом деле столь быстрая защита докторских диссертаций может также свидетельствовать о снижении критериев, а также о том, что в ряде случаев диссертационные работы выполнялись самостоятельно. Наличие кандидатской или докторской степени престижно и стало важным фактором для занятия высоких постов как в коммерческих, так и в государственных структурах.

Рисунок 23

Средний возраст получения ученой степени для разных возрастных страт

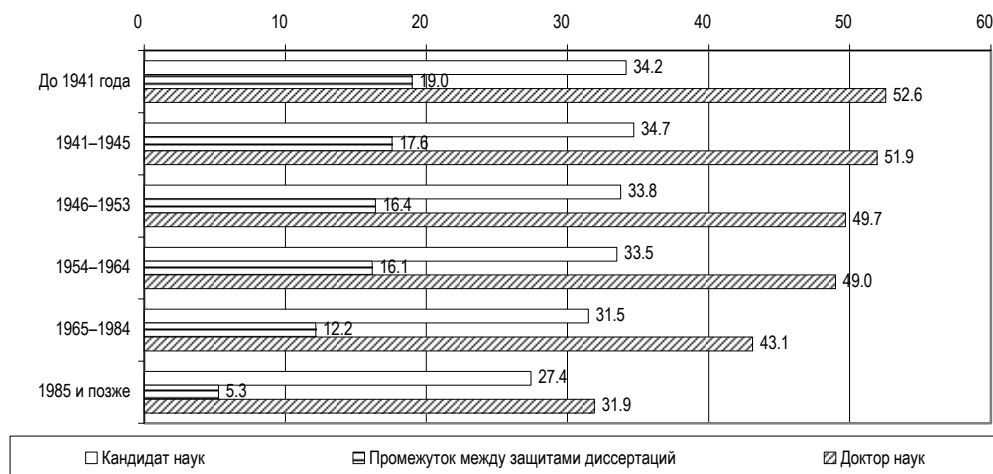
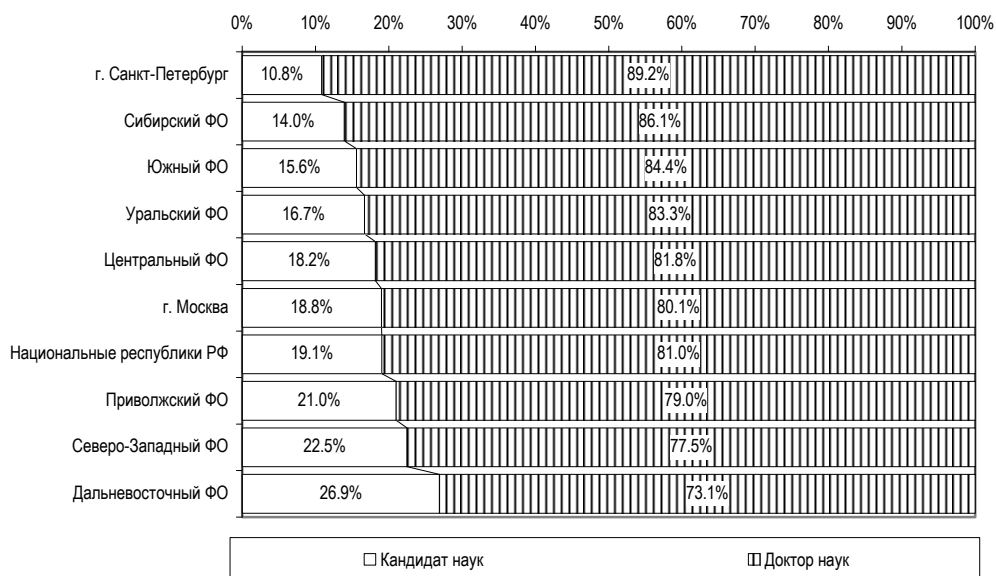

Рисунок 24

Ученые степени историков разных регионов

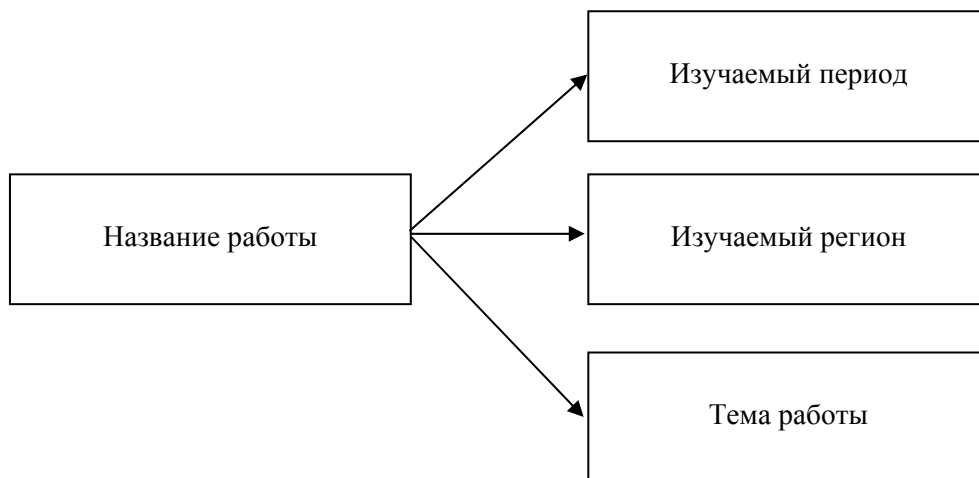

Наибольшая доля докторов наук в Санкт-Петербурге (см. рис. 24). Это является следствием того, что здесь доля молодых историков является наименьшей. Практически доля докторов наук отражает не столько «остепенённость» региона, сколько долю в нем молодых историков, еще не успевших защитить докторские диссертации.

3. Профессиональные интересы

3.1. Методика классификации тематики работ

Для изучения сферы профессиональных интересов все названия научных работ (кандидатских и докторских диссертаций и названия наиболее важных трудов) были закодированы по следующей схеме.

Каждой научной работе соответствуют 3 кода – период, регион, тема (для регионов, соответствующих нынешним национальным республикам, использовался парный код – Федеральный округ + Национальная республика РФ).

Например, работа «Деятельность партийных организаций по развитию лесоперерабатывающей промышленности Чувашии в годы восьмой пятилетки (1966–1970)» получила следующие коды:

период = 20 (1964–1985 гг.),

регион = 12+16 (Поволжье + Национальная республика РФ)

тема = 22 (История промышленности)

Кодировочные словари создавались в два этапа.

В процессе кодировки, если появлялась новая градация соответствующего подразделения (периода, региона или темы), эта градация включалась в соответствующий кодировочный словарь.

По завершении кодировки был проведен анализ частот вхождений для выявления редко встречающихся кодов. Такие коды объединялись в соответствующие группы с целью уменьшения количества анализируемых градаций.

Ниже приведены итоговые кодировочные словари.

Кодировочный словарь для изучаемого периода

1. Доисторический период	19. 1953–1964 гг.
2. Древний мир	20. 1964–1985 гг.
3. Раннее средневековье (V в. – первая половина XV в.)	21. 1985–1991 гг. 22. 1991–1999 гг.
4. Позднее средневековье (вторая пол. XV в. – конец XVII в.)	23. 1985 г. – наши дни 24. 1861–1917 гг.
5. Средние века	25. 1900–1917 гг.
6. Конец XVII – XVIII в.	26. 1917–1941 гг.
7. XVIII–XIX вв.	27. 1945–1991 гг.
8. XIX в.	28. 1917–1991 гг.
9. 1800–1861 гг.	29. 1920–1930 гг.
10. 1861–1881 гг.	30. Первая половина XX в.
11. 1881–1904 гг.	31. Вторая половина XX в.
12. 1904–1914 гг.	32. XX в.
13. 1914–1917 гг.	33. XV–XX вв.
14. 1917–1921 гг.	34. XVIII–XX вв.
15. 1921–1927 гг.	35. XIX–XX вв.
16. 1927–1941 гг.	36. IX–XX вв. / с древних времен до наших дней
17. 1941–1945 гг.	
18. 1945–1953 гг.	37. Без указания периода

Кодировочный словарь для изучаемого региона

1. Древняя Русь	14. Сибирь
2. Московская Русь	15. Дальний Восток
3. Российская Империя	16. Национальные республики РФ
4. СССР	17. Ближнее зарубежье
5. Россия	18. Русское зарубежье
6. Москва	19. Восточная Европа
7. Санкт-Петербург / Ленинград	20. Западная Европа
8. Центр	21. Азия
9. Северо-Запад	22. США / Северная Америка
10. Юг	23. Остальные страны / Регионы
11. Северный Кавказ	24. Всемирное
12. Поволжье	25. Без локализации
13. Урал	

Первые пять кодов использовались для более точной локализации, если в названии работы не был указан конкретный регион. Например, работа «Крестьянское хозяйство времен Ивана Грозного» получала код региона, равный 2 (Московская Русь), тогда как работа «Соловецкий монастырь в период Северной

войны» – код региона, равный 9 (Северо-Запад). Работа «Использование математических методов при анализе археологических находок» – код региона, равный 25 (Без локализации).

Код «Россия» использовался, если: 1) работа охватывала смежные периоды, например, XIX–XX века; 2) работа относилась к РСФСР (периода СССР) в целом; 3) для периода после 1991 года.

Кодировочный словарь для темы работы

1. Политическая история, история политических партий и учений	20. Военная история / история спецслужб
2. История КПСС	21. История экономики
3. История государства и права	22. История промышленности / ремесел / торговли / транспорта
4. История рабочего класса	23. История сельского хозяйства
5. История крестьянства	24. Краеведение (территории)
6. История интеллигенции	25. История городов / населенных пунктов
7. История казачества / гос. служащих / купечества / дворянства	26. История локальных объектов (здания, заводы, корабли и т.п.)
8. Социальная история	27. Университеты и научные учреждения
9. Социально-экономическая история / кооперация	28. История организаций / учреждений
10. Социально-политическая история	29. История международных отношений и внешней политики
11. История этносов и народностей	30. Международные отношения России / СССР
12. Этнография, этнология	31. История религии / церкви
13. Межнациональные отношения / национальная политика	32. История молодежи / студенчества
14. Демография	33. История женщин
15. Персональная история / история рода	34. Учебники / справочники / энциклопедии
16. История культуры / культурология	35. Историография / источниковедение / историософия
17. История науки и техники	36. Вспомогательные исторические дисциплины
18. История искусства / философии / литературы	37. Археология
19. История образования	

3.2. Кандидатские диссертации

Для анализа временной динамики профессиональных интересов российских историков используется стратификация по времени защиты кандидатской диссертации:

- До 1953 г.
- 1954–1964 гг.
- 1965–1984 гг.
- 1985–1991 гг.
- После 1991 г.

Таблица 6

Темы кандидатских диссертаций

	Всего	Период защиты кандидатской диссертации				
		До 1953 г. (А)	1954-1964 (В)	1965-1984 (С)	1985-1991 (D)	После 1991 г. (Е)
Историография / источниковедение / историософия	7.9%	2.6%	5.0%	9.2%>AB	8.9%	6.4%
Политическая история, история политических партий и учений	7.8%	1.3%	9.2%>A	8%>A	8.6%>A	7.1%
История КПСС	6.1%	5.1%	6.9%>E	6.3%>E	7.5%>E	2.1%
История государства и права	6.1%	6.4%	5.7%	6.1%	5.5%	7.8%
Военная история / история спецслужб	5.9%	9.0%	5.0%	5.3%	6.8%	8.5%
История крестьянства	5.0%	7.7%	6.1%	5.1%	4.5%	2.8%
Персональная история / история рода	5.0%	14.1%>BCD	2.3%	4.3%	4.8%	10.6%>BCD
История промышленности / ремесел / торговли / транспорта	5.0%	3.8%	9.2%>CDE	5.2%	2.7%	2.1%
Археология	3.8%	2.6%	4.2%	4.1%	4.5%	1.4%
История рабочего класса	3.7%	6.4%>DE	5.0%	4.2%	2.1%	1.4%
Социально-экономич. история / кооперация	3.6%	3.8%	3.8%	2.9%	5.5%>C	5.0%
История молодежи / студенчества	3.3%	0.0%	1.5%	4.3%>BE	4.1%	0.7%
История интеллигенции	3.3%	0.0%	1.5%	2.9%	2.4%	13.5%>BCD
История экономики	3.1%	5.1%	4.6%	2.4%	3.8%	2.1%
История этносов и народностей	2.5%	2.6%	3.4%	2.4%	2.1%	2.1%
История культуры / культурология	2.5%	0.0%	3.1%	2.8%	1.4%	2.8%
Вспомогательные исторические дисциплины	2.5%	2.6%	3.1%	2.1%	2.7%	2.1%
Международные отношения России / СССР	2.3%	6.4%>CE	4.6%>CE	1.3%	3.1%>C	0.7%
История сельского хозяйства	2.0%	3.8%	3.1%	2.0%	1.4%	0.7%
История искусства / философии / литературы	1.5%	2.6%	0.8%	1.9%	1.0%	1.4%
Этнография, этнология	1.4%	1.3%	1.9%	1.0%	1.7%	1.4%
История религии / церкви	1.2%	0.0%	0.8%	0.9%	1.0%	5%>BCD
Социальная история	1.1%	0.0%	0.0%	1.6%	1.0%	1.4%
История науки и техники	1.1%	0.0%	0.8%	1.1%	1.4%	1.4%
История международных отношений и внешней политики	1.1%	1.3%	1.5%	1.2%	0.7%	0.0%
История организаций / учреждений	1.0%	0.0%	0.0%	1.1%	1.7%	1.4%
История городов / населенных пунктов	0.6%	0.0%	0.4%	0.9%	0.3%	0.7%
История казачества / гос. служащих / купечества / дворянства	0.6%	0.0%	0.0%	0.7%	1.4%	0.0%
Университеты и научные учреждения	0.6%	1.3%	0.4%	0.7%	0.3%	0.7%
История локальных объектов	0.5%	2.6%>C	0.4%	0.6%	0.3%	0.0%
История образования	0.5%	0.0%	0.0%	0.6%	0.7%	0.7%
Краеведение (территории)	0.5%	2.6%>C	0.4%	0.3%	0.3%	0.7%
История женщин	0.5%	1.3%	0.4%	0.3%	1.0%	0.0%
Межнациональные отношения / национальная политика	0.3%	0.0%	0.0%	0.3%	0.0%	1.4%
Социально-политическая история	0.2%	0.0%	0.0%	0.2%	0.0%	1.4%>C
Учебники / справочники / энциклопедии	0.1%	0.0%	0.0%	0.1%	0.0%	0.0%
Н/Д	6.2%	3.8%	5.3%	5.2%	4.8%	2.1%

Для анализа этой и последующих таблиц отметим следующее:

1. Проценты рассчитываются по столбцам, т.е. абсолютное значение в каждой ячейке делится на значение базы в нижней строке. Таким образом, в одном столбце представлено полное распределение тематики для данной временной страты периода защиты (полная сумма = 100%).

2. С каждым столбцом связана буква латинского алфавита, указанная в скобках («А» – до 1953 г., «В» – 1954–1964 гг., и т.д.). Эта буква используется для указания статистически значимых различий в полученных результатах. Например, запись 9.2%>АВ в первой строке таблицы (табл. 6) означает, что в период 1965–1984 гг. кандидатских диссертаций по тематике «Историография / источниковедение / историософия» было защищено значимо больше, чем до 1953 г. или в период 1954–1964 гг. (2.6% и 5.0% соответственно). Расчеты проводились для уровня значимости 5%. (т.е. мы можем утверждать, что в 95 случаях из 100 полученный нами результат отражает свойства изучаемой генеральной совокупности – всего российского исторического сообщества, а не является случайной флуктуацией). В то же время, хотя значение 8.9% для периода 1985–1991 гг. и больше, например, чем 2.6% для периода до 1953 г., но для нашей выборки при уровне значимости 5% такая разница, скорее всего, – случайная флуктуация.

Из таблицы 6 следует:

1. Интерес к политической истории до 1953 г. был минимальным. Это объясняется жесткими цензурными условиями и существованием канонических схем политической истории России и других государств. Отсюда же и относительно небольшой интерес к партийной истории в этот период, так как вся она покрывалась кратким курсом «Истории ВКП(б)».

2. Интерес к истории КПСС после 1991 г. резко сокращается. Это обусловлено как исчезновением цензурных рамок, расширившим тематику исторических исследований, так и падением актуальности данной темы из-за запрета КПСС и утратой коммунистами власти.

3. Интерес к истории рабочего класса и крестьянства уменьшается, резко увеличивается после 1991 г. интерес к истории интеллигенции. Это было вызвано той ролью, которую играла интеллигенция в эпоху перестройки и в первые годы рыночных реформ.

4. Интерес к социально-экономической и социально-политической истории увеличивается. Это было вызвано глубокими социально-экономическими и социально-политическими переменами, происходившими в стране в эпоху перестройки и в постперестроечный период.

5. Интерес к национальным проблемам возрастает. Это обусловлено как резким обострением национальных проблем, в итоге и разваливших СССР, в эпоху перестройки, так и падением цензуры, особенно строгой в доперестроечную эпоху в сфере межнациональных отношений.

6. Интерес к персональной истории возрождается, что обусловлено раскрепощением общества. Человек перестает рассматриваться как «винтик» государственной машины.

7. Интерес к истории международных отношений России/СССР уменьшается. Данное явление можно объяснить, к примеру, тем, что архивы, относящиеся к истории внешней политики, до сих пор остаются ведомственными архивами

МИДа, и доступ к ним ограничен по сравнению с доступом ко многим другим центральным архивам. В сфере международных отношений с началом эпохи перестройки и гласности в научный оборот было введено гораздо меньше новых фактов по сравнению с внутрисоветской и внутрисоветской тематикой.

8. Интерес к истории религий и Русской православной церкви резко вырос. Происходит отказ от политики государственного атеизма, устанавливается реальная свобода совести. Свою роль сыграло фактическое превращение православия в ведущую религию России, что стимулирует исследования по истории РПЦ.

Таблица 7

Периоды, изучаемые в кандидатских диссертациях

	Всего	Период защиты кандидатской диссертации				
		До 1953 г. (A)	1954–1964 (B)	1965–1984 (C)	1985–1991 (D)	После 1991 г. (E)
1964–1985 гг.	8.9%	0.0%	0.0%	13.2%>E	9.9%>E	1.4%
1917–1921 гг.	8.0%	12.8%	10.7%	7.5%	6.8%	7.1%
1941–1945 гг.	6.3%	5.1%	5.3%	5.7%	10.6%>BC	5.7%
1927–1941 гг.	6.2%	9.0%	9.5%>D	6.2%	3.8%	5.7%
1921–1927 гг.	5.1%	3.8%	6.1%	5.1%	5.1%	3.5%
Конец XVII — XVIII в.	4.5%	3.8%	3.8%	5.0%	5.1%	2.8%
1861–1917 гг.	4.4%	1.3%	3.1%	4.0%	5.1%	9.2%>ABC
Раннее средневековье (V в. – первая половина XV в.)	4.0%	3.8%	3.1%	4.4%	4.1%	3.5%
1904–1914 гг.	3.9%	0.0%	4.2%	3.2%	5.5%	6.4%
1914–1917 гг.	3.4%	2.6%	3.1%	4.4%	2.1%	1.4%
Позднее средневековье (вторая пол. XV в. – XVII в.)	3.2%	11.5%>BCDE	4.2%	2.7%	2.7%	2.1%
1800–1861 гг.	3.0%	10.3%>CDE	4.6%>C	2.2%	3.1%	2.1%
XIX–XX вв.	3.0%	5.1%	2.7%	2.1%	3.8%	7.1%>BC
Древний мир	2.9%	7.7%>CDE	4.6%>E	2.6%	2.4%	0.7%
1953–1964 гг.	2.8%	0.0%	5%>DE	3.7%>D	0.3%	0.7%
Без указания периода	2.7%	1.3%	3.1%>D	3.1%>D	0.7%	3.5%>D
Средние века	2.5%	2.6%	3.1%	2.6%	2.4%	2.1%
XX в.	2.3%	2.6%	1.9%	2.0%	3.1%	4.3%
1945–1953 гг.	1.9%	1.3%	2.3%	1.7%	2.4%	2.8%
1917–1941 гг.	1.9%	1.3%	0.8%	2.0%	2.7%	2.8%
Доисторический период	1.8%	0.0%	3.1%	1.8%	2.1%	0.7%
XIX в.	1.8%	5.1%>CD	1.5%	1.6%	1.4%	2.1%
1861–1881 гг.	1.3%	3.8%>CD	3.1%>CD	1.1%	0.3%	0.7%
1900–1917 гг.	1.1%	0.0%	0.4%	1.3%	1.0%	2.1%
Вторая половина XX в.	1.1%	0.0%	0.4%	1.4%	0.7%	2.1%
XVIII–XIX вв.	1.0%	1.3%	0.8%	0.9%	1.7%	0.7%
1881–1904 гг.	1.0%	0.0%	2.3%>C	0.8%	1.0%	0.7%
1917–1991 гг.	0.8%	0.0%	0.8%	1.0%	0.7%	0.7%
1985–1991 гг.	0.6%	0.0%	0.0%	0.0%	1.7%	3.5%
1920–1930 гг.	0.5%	0.0%	0.8%	0.3%	0.3%	1.4%
XV–XX вв.	0.5%	0.0%	0.0%	0.4%	1.4%	0.0%
1991–1999 гг.	0.4%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	5.0%
1945–1991 гг.	0.4%	0.0%	0.4%	0.4%	0.3%	0.7%
Первая половина XX в.	0.2%	0.0%	0.0%	0.1%	0.3%	1.4%>C
XVIII–XX вв.	0.2%	0.0%	0.4%	0.1%	0.3%	0.7%
1985 г. — наши дни	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%
IX–XX вв. / с древних времен до наших дней	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%
Н/Д	6.2%	3.8%	5.3%	5.2%	4.8%	2.1%

Из таблицы 7 следует:

1. Падение интереса к древней и средневековой истории, что обуславливается неактуальностью данных периодов и постоянным требованием актуализации исторических исследований как в советское, так и в постсоветское время. Поэтому столь велика оказывается доля диссертаций, посвященных тому же периоду, в котором их защищают. Это особенно характерно для работ по истории КПСС.

2. Падение интереса к XIX в., обусловленное теми же причинами, что и падение интереса к древней и средневековой истории. С наступлением эпохи перестройки и гласности внимание историков в максимальной степени сосредоточилось на наиболее близкой к нам по времени истории XX века.

3. Всплеск интереса к периоду Великой Отечественной войны в годы перестройки обусловлен тем, что Великая Отечественная война осталась тем единственным периодом советской истории, который не подвергся коренной ревизии в эпоху перестройки. В изучении истории Великой Отечественной войны во многом сохранились прежние подходы, Победа стала одной из важнейших составляющих новой российской идентичности.

4. Падение интереса к эпохе застоя обусловлено преимущественным интересом к более ранним периодам советской истории, по которым появилось много новых первичных материалов, и негативным отношением общества к самому термину «застой» и стремлением лишней раз не вспоминать об этой эпохе.

5. После 1991 года повышается интерес к периоду от начала реформ Александра II до 1917 года (строки «1861–1917 гг» и «XIX–XX вв.»). Этому времени посвящено 16.3% работ – каждая шестая диссертация. Понятен интерес к эпохе кардинального переустройства российского государства и трёх русских революций, ведь события, последовавшие после 1991 года, воспринимались многими как столь же революционные преобразования.

Что касается динамики интереса к изучению различных регионов, то из таблицы 8 следует:

1. Резко повысился интерес к темам, касающимся истории всей Российской империи. Многие историки рассматривают современную Россию как наследницу Российской империи.

2. В период перестройки возрос интерес к истории Москвы. Москва стала центром основных событий, связанных с перестройкой и гласностью.

3. В связи с двумя российско-чеченскими войнами и ростом межэтнических конфликтов на Северном Кавказе повысился интерес к истории этого региона.

4. В период перестройки упал интерес к истории национальных территорий России, находившихся за пределами Северного Кавказа. Это было связано с усилением внимания к собственно русским территориям и с отсутствием в других национальных республиках РФ конфликтов, привлекающих общероссийское внимание.

5. В период перестройки возникла тема русского зарубежья, строго табуированная во все предыдущие периоды. Этому способствовали начавшиеся контакты российских историков с представителями русской эмиграции и открывшимся доступом к зарубежным архивам.

6. В эпоху перестройки упал интерес диссертантов как к ближнему так и к дальнему зарубежью. Это было обусловлено желанием разобраться прежде всего в проблемах собственно российской и советской истории.

Таблица 8

Регионы, изучаемые в кандидатских диссертациях

	Всего	Период защиты кандидатской диссертации				
		До 1953 г. (A)	1954–1964 (B)	1965–1984 (C)	1985–1991 (D)	После 1991 г. (E)
СССР	19.3%	10.3%	17.9%	21.1%>A	20.2%>A	17.7%
Российская империя	13.1%	12.8%	9.5%	13.0%	12.3%	24.1%>ABCD
Поволжье	7.7%	5.1%	7.3%	7.9%	9.6%	5.7%
Западная Европа	7.6%	17.9%>CDE	11.1%>CE	6.9%	6.5%	5.0%
Сибирь	6.5%	3.8%	5.3%	7.7%	5.8%	5.7%
Национальные республики РФ	5.7%	5.1%	8%>D	6.1%	3.4%	5.0%
Урал	4.7%	1.3%	2.3%	4.9%	5.8%>B	7.8%>AB
Юг	4.3%	5.1%	6.1%>D	4.0%	2.4%	6.4%>D
Северо-Запад	3.6%	3.8%	2.7%	3.6%	4.8%	3.5%
Центр	3.3%	6.4%>E	3.8%	3.0%	4.5%	1.4%
Ближнее зарубежье	3.2%	9%>CD	5.0%	2.7%	2.1%	3.5%
Восточная Европа	2.6%	2.6%	6.1%>CD	2.3%	1.7%	0.0%
Азия	2.5%	1.3%	5%>CE	2.3%	2.1%	0.7%
Санкт-Петербург / Ленинград	2.3%	1.3%	1.9%	2.3%	3.1%	2.1%
Северный Кавказ	2.2%	1.3%	3.1%>D	2.1%>D	0.3%	4.3%>D
США / Северная Америка	2.2%	5.1%	2.7%	2.3%	1.7%	0.0%
Москва	2.0%	2.6%	0.8%	2.1%	3.4%>B	1.4%
Древняя Русь	1.7%	1.3%	1.5%	1.6%	1.7%	3.5%
Московская Русь	1.6%	2.6%	1.9%	1.4%	1.4%	2.1%
Остальные страны / Регионы	1.5%	1.3%	0.4%	1.8%	2.4%>B	0.0%
Дальний Восток	1.3%	1.3%	1.5%	1.4%	1.0%	1.4%
Россия	1.1%	1.3%	0.8%	0.8%	1.4%	2.8%>C
Без локализации	1.0%	0.0%	0.8%	1.0%	1.4%	1.4%
Русское зарубежье	0.2%	0.0%	0.0%	0.1%	0.0%	1.4%>C
Всемирное	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%
Н/Д	6.6%	3.8%	5.7%	5.7%	4.8%	2.1%

3.3. Докторские диссертации

Используется следующая стратификация по времени защиты докторской диссертации:

До 1964 г.

1965–1984 гг.

1985–1991 гг.

После 1991 г.

Таблица 9

Тема докторской диссертации

	Всего	Период защиты докторской диссертации			
		1954–1964 (А)	1965–1984 (В)	1985–1991 (С)	После 1991 г. (D)
История государства и права	9.4%	17.6%	6.0%	6.0%	12.9%>BC
Политическая история, история политических партий и учений	8.4%	0.0%	9.1%	7.9%	8.3%
Историография / источниковедение / историософия	7.8%	0.0%	6.2%	10.3%>B	8.0%
Военная история / история спецслужб	5.2%	0.0%	4.1%	3.6%	6.7%
История промышленности / ремесел / торговли / транспорта	4.3%	5.9%	5.8%	3.6%	3.7%
История крестьянства	4.0%	0.0%	5.0%	5.0%	2.9%
Социально-экономическая история / кооперация	3.8%	0.0%	3.8%	3.0%	4.3%
История культуры / культурология	3.8%	0.0%	4.6%	3.3%	3.7%
История КПСС	3.7%	0.0%	7.2%>D	5.6%>D	0.8%
Международные отношения России / СССР	3.7%	17.6%>BCD	4.8%	3.3%	2.9%
История рабочего класса	3.0%	0.0%	3.8%	4.3%>D	2.0%
История науки и техники	3.0%	0.0%	2.2%	4.3%	3.1%
Социальная история	3.0%	11.8%>BC	2.4%	2.3%	3.4%
История молодежи / студенчества	3.0%	0.0%	2.6%	4.0%	2.8%
История экономики	2.9%	0.0%	4.8%>D	2.6%	1.8%
История этносов и народностей	2.8%	0.0%	3.4%	1.3%	3.2%
Персональная история / история рода	2.7%	5.9%>C	3.4%>C	0.7%	3.1%>C
Краеведение (территории)	2.7%	17.6%>BCD	3.4%>D	3.6%>D	1.4%
История интеллигенции	2.2%	0.0%	1.0%	4%>B	2.3%
История международных отношений и внешней политики	2.2%	5.9%	2.4%	3.6%>D	1.4%
История сельского хозяйства	1.9%	0.0%	2.4%	2.0%	1.7%
Вспомогательные исторические дисциплины	1.7%	0.0%	0.5%	1.7%	2.6%>B
Межнациональные отношения / национальная политика	1.6%	0.0%	2.4%	1.7%	1.1%
Этнография, этнология	1.5%	0.0%	1.0%	1.3%	2.0%
История религии / церкви	1.5%	0.0%	0.5%	1.3%	2.3%>B
Археология	1.4%	0.0%	1.7%	1.0%	1.4%
История казачества / гос. служащих / купечества / дворянства	1.2%	0.0%	0.7%	1.0%	1.7%
История образования	1.2%	0.0%	0.2%	0.7%	2.1%>B
История искусства / философии / литературы	1.1%	0.0%	0.2%	2%>B	1.2%
История организаций / учреждений	1.1%	5.9%	1.0%	1.0%	1.1%
Демография	0.8%	5.9%>B	0.5%	0.0%	1.2%
Социально-политическая история	0.6%	0.0%	0.0%	0.7%	1.1%
История городов / населенных пунктов	0.6%	5.9%>D	1.2%	0.0%	0.3%
История женщин	0.6%	0.0%	0.5%	0.3%	0.8%
История локальных объектов (здания, заводы, корабли и т.п.)	0.1%	0.0%	0.0%	0.0%	0.3%
Университеты и научные учреждения	0.1%	0.0%	0.0%	0.7%	0.0%
Н/Д	1.3%	0.0%	1.4%	2.3%>D	0.8%

Как видно из табл. 9, в целом тематика докторских диссертаций демонстрирует те же тенденции, что и тематика кандидатских диссертаций. К совпадающим трендам, вызванным, очевидно, одинаковыми причинами, следует отнести:

1. Резкое падение интереса после 1991 года к истории КПСС.
2. Падение интереса к истории рабочего класса, крестьянства и интеллигенции после 1991 года.
3. Падение интереса к истории международных отношений России / СССР.
4. Увеличение после 1991 года интереса к истории религии / церкви.

Но есть и оригинальные тенденции, характерные только для докторских диссертаций. К ним можно отнести:

1. *Падение интереса к социальной истории и демографии после 1964 года.* Вероятно, это связано с наступлением периода застоя и ужесточением цензурных требований. Рассматривать реальные социальные и демографические процессы, связанные, например, с такими социальными и демографическими катастрофами как, например, Гражданская война, коллективизация и голод начала 30-х годов, Великая Отечественная война и др. стало практически невозможно.

2. *Возрождение после 1991 года интереса к истории государства и права.* Очевидно, оно было обусловлено строительством нового Российского государства, при котором учитывался исторический опыт.

3. *«Провал» интереса к персональной истории в перестройку.* Эта тенденция, прямо противоположная той, что мы наблюдаем на примере кандидатских диссертаций, очевидно, связана с тем, что персональная история даже выдающихся исторических личностей стала считаться слишком мелкой темой для докторской диссертации.

4. *Увеличение интереса к истории искусства после 1985 года.* Этот тренд можно объяснить ростом спроса на искусствоведческие работы, которые приобретают практическую значимость в эпоху коммерциализации искусства.

5. *Увеличение интереса к истории образования и военной истории после 1991 года.* Эту тенденцию можно объяснить практическими нуждами в создании новой системы образования и реформирования армии.

6. *Постоянный рост количества докторских диссертаций по вспомогательным историческим дисциплинам.* Это свидетельствует о росте популярности, в том числе, междисциплинарных подходов к историческим исследованиям.

7. *Резкое падение после 1964 года среди соискателей докторской степени интереса к краеведению.* Ученые советы стали считать краеведческие темы слишком незначительными для ученой диссертации.

8. *В перестройку резко повысился интерес к историографическим темам,* что вызывалось потребностью осмыслить пройденный историографией путь во время ломки основных схем, выработанных советской историографией.

Таблица 10

Периоды, изучаемые в докторских диссертациях

	Всего	Период защиты докторской диссертации			
		1954–1964 (А)	1965–1984 (В)	1985–1991 (С)	После 1991 г. (D)
1861–1917 гг.	7.0%	17.6%>C	6.7%	4.3%	8.1%>C
1917–1941 гг.	6.8%	0.0%	7.0%	7.6%	6.6%
1917–1921 гг.	6.6%	11.8%	8.6%	5.3%	5.7%
1941–1945 гг.	5.6%	0.0%	6.7%	5.3%	5.2%
1917–1991 гг.	5.0%	0.0%	5.0%	7.6%>D	4.0%
1964–1985 гг.	4.8%	0.0%	6.7%>D	6%>D	3.1%
Раннее средневековье (V в. – первая половина XV в.)	3.7%	5.9%	4.6%	5.0%	2.6%
Без указания периода	3.7%	5.9%	3.1%	3.3%	4.1%
Вторая половина XX в.	3.5%	0.0%	2.6%	4.3%	3.7%
XX в.	3.4%	5.9%	3.4%	2.0%	4.0%
XIX–XX вв.	3.2%	5.9%	2.2%	2.6%	4.0%
1927–1941 гг.	3.0%	5.9%	3.4%	2.6%	2.8%
Доисторический период	2.7%	11.8%>CD	3.4%	2.0%	2.3%
Позднее средневековье (вторая пол. XV в. – конец XVII в.)	2.7%	0.0%	3.1%	2.0%	2.8%
1914–1917 гг.	2.7%	0.0%	3.1%	2.0%	2.8%
Средние века	2.6%	11.8%>BCD	1.9%	2.6%	2.8%
Конец XVII — XVIII в.	2.4%	0.0%	1.9%	3.0%	2.6%
1900–1917 гг.	2.4%	0.0%	1.9%	2.6%	2.8%
XV–XX вв.	2.4%	0.0%	2.4%	3.0%	2.3%
1904–1914 гг.	2.2%	5.9%	2.2%	3.6%>D	1.5%
XVIII–XIX вв.	2.2%	0.0%	3.1%	2.6%	1.4%
1920–1930 гг.	2.1%	0.0%	1.7%	1.0%	2.9%
1800–1861 гг.	1.9%	0.0%	2.4%	1.7%	1.8%
Древний мир	1.9%	5.9%>C	2.4%	0.7%	2.0%
XIX в.	1.8%	0.0%	1.0%	1.3%	2.6%
1921–1927 гг.	1.7%	0.0%	2.4%	1.0%	1.7%
1945–1953 гг.	1.7%	0.0%	1.9%	1.7%	1.5%
1945–1991 гг.	1.5%	5.9%>B	0.2%	3%>B	1.5%>B
XVIII–XX вв.	1.2%	0.0%	0.2%	0.7%	2.1%>B
Первая половина XX в.	1.2%	0.0%	0.5%	0.7%	1.8%
1861–1881 гг.	1.0%	0.0%	0.7%	2.3%>D	0.6%
1985–1991 гг.	1.0%	0.0%	0.0%	3%>D	0.8%
1991–1999 гг.	0.9%	0.0%	0.0%	0.0%	1.8%
1985 г. — наши дни	0.8%	0.0%	0.0%	0.0%	1.7%
1881–1904 гг.	0.7%	0.0%	1.4%>D	0.7%	0.3%
1953–1964 гг.	0.4%	0.0%	0.5%	0.3%	0.5%
IX–XX вв. / с древних времен до наших дней	0.4%	0.0%	0.2%	0.3%	0.6%
Н/Д	1.3%	0.0%	1.4%	2.3%>D	0.8%

Что касается исторических периодов, в докторских диссертациях общими с кандидатскими являются следующие тенденции (см. табл. 10):

1. Падение интереса к древней и средневековой истории после 1964 г.
2. После 1991 г. падение интереса к эпохе застоя.
3. После 1991 г. увеличение интереса к периоду 1861–1917 гг.

Вместе с тем, в докторских диссертациях обнаружались тенденции, которые не были столь отчетливы при рассмотрении кандидатских диссертаций:

1. Полное отсутствие до 1964 г. диссертаций о периоде Великой Отечественной войны. В советской историографии основные концепции по этой теме очень быстро менялись, поэтому приниматься за докторскую диссертацию, работа над которой должна была занять 5–10 лет, было рискованно, поскольку вероятная смена концепции за это время делала будущую защиту весьма проблематичной. Только в период застоя, когда были выработаны долгосрочные неосталинистские концепции Великой Отечественной войны начались массовые защиты докторских диссертаций по этой теме.

2. В период перестройки уменьшился интерес к истории Гражданской войны. Вероятно, это было связано с тем, что в тот момент существовал повышенный интерес к темам, которые ранее фальсифицировались в наибольшей степени (революция 1917 года, борьба за власть в 1920–1930-е годы, сталинский террор, пакт Молотова–Риббентропа), тогда как Гражданская война считалась относительно неплохо исследованной.

Таблица 11

Регионы, изучаемые в докторских диссертациях

	Всего	Период защиты докторской диссертации			
		1954–1964 (A)	1965–1984 (B)	1985–1991 (C)	После 1991 г. (D)
СССР	23.3%	11.8%	25.4%	26.8%>D	20.5%
Российская империя	16.5%	5.9%	14.4%	16.2%	18.2%
Западная Европа	7.4%	23.5%>BCD	8.4%	7.9%	6.1%
Россия	7.1%	0.0%	2.2%	3.3%	12.3%>BC
Сибирь	6.6%	5.9%	7.0%	6.0%	6.7%
Поволжье	4.5%	0.0%	4.1%	3.0%	5.5%
Урал	4.0%	0.0%	2.2%	4.3%	5.1%>B
Юг	3.7%	0.0%	4.1%	4.6%	3.1%
Национальные республики РФ	3.7%	0.0%	3.6%	3.6%	3.8%
Азия	3.4%	5.9%	4.3%>D	6.6%>D	1.2%
Без локализации	2.7%	11.8%>CD	3.4%	2.3%	2.3%
Северо-Запад	2.6%	5.9%	1.0%	2.6%	3.5%>B
Восточная Европа	2.5%	11.8%>CD	4.8%>CD	2.0%	1.1%
Северный Кавказ	2.4%	0.0%	3.4%	2.6%	1.7%
США / Северная Америка	2.3%	0.0%	3.4%	2.3%	1.7%
Остальные страны / Регионы	2.2%	0.0%	2.6%	2.0%	2.0%
Ближнее зарубежье	2.0%	17.6%>BCD	2.6%	1.3%	1.5%
Московская Русь	1.9%	0.0%	2.2%	1.3%	2.0%
Древняя Русь	1.7%	0.0%	1.9%	1.3%	1.7%
Центр	1.7%	0.0%	1.2%	1.3%	2.1%
Дальний Восток	1.1%	0.0%	1.2%	1.3%	0.9%
Санкт-Петербург / Ленинград	0.9%	0.0%	1.4%	1.0%	0.6%
Москва	0.4%	0.0%	0.7%	0.0%	0.5%
Русское зарубежье	0.3%	0.0%	0.0%	0.0%	0.6%
Н/Д	1.4%	0.0%	1.7%	2.3%>D	0.8%

В региональном разрезе (см. табл. 10) между кандидатскими и докторскими диссертациями есть общие тенденции:

1. Падение интереса после 1991 г. к СССР в целом.
2. Резкое увеличение после 1991 г. интереса к России в целом.
3. Рост интереса к истории Российской империи.
4. Падение интереса к истории зарубежных стран.
5. Падение интереса к республикам СССР.

Вместе с тем, есть и отличия:

1. В докторских диссертациях в период застоя наблюдалось резкое падение интереса к Северо-Западу. Возможно, это объяснялось тем, что руководители Ленинграда и Ленинградской области были наиболее консервативными в идеологическом отношении. Работы, посвященные этому региону, подвергались дополнительной ленинградской цензуре, и процедура защиты вызывала большие трудности.

2. Рост числа диссертаций, посвященных Уралу, после 1991 года. Увеличение числа защит для этих регионов, что было связано, в частности, с тем, что первый президент России Б.Н. Ельцин был родом с Урала.

Рассмотрим теперь изменение профессиональных интересов, используя бинарную стратификацию времени защиты докторских диссертаций:

- 1) 1991 год и раньше
- 2) после 1991 года.

Таблица 12

Темы докторских диссертаций для бинарных страт

	Всего	Страта защиты докторской диссертации	
		1991 г. и ранее (А)	После 1991 г. (В)
История государства и права	9.4%	6.2%	12.9%>А
Политическая история, история политических партий и учений	8.4%	8.4%	8.3%
Историография / источниковедение / историософия	7.8%	7.7%	8.0%
Военная история / история спецслужб	5.2%	3.8%	6.7%>А
История промышленности / ремесел / торговли / транспорта	4.3%	4.9%	3.7%
История крестьянства	4.0%	4.9%	2.9%
Социально-экономическая история / кооперация	3.8%	3.4%	4.3%
История культуры / культурология	3.8%	3.9%	3.7%
История КПСС	3.7%	6.4%>В	0.8%
Международные отношения России / СССР	3.7%	4.5%	2.9%
История рабочего класса	3.0%	3.9%>В	2.0%
История науки и техники	3.0%	3.0%	3.1%
Социальная история	3.0%	2.6%	3.4%
История молодежи / студенчества	3.0%	3.1%	2.8%

	Всего	Страта защиты докторской диссертации	
		1991 г. и ранее (А)	После 1991 г. (В)
История экономики	2.9%	3.8%>В	1.8%
История этносов и народностей	2.8%	2.4%	3.2%
Персональная история / история рода	2.7%	2.3%	3.1%
Краеведение (территории)	2.7%	3.8%>В	1.4%
История интеллигенции	2.2%	2.2%	2.3%
История международных отношений и внешней политики	2.2%	3%>В	1.4%
История сельского хозяйства	1.9%	2.2%	1.7%
Вспомогательные исторические дисциплины	1.7%	1.0%	2.6%>А
Межнациональные отношения/национальная политика	1.6%	2.0%	1.1%
Этнография, этнология	1.5%	1.1%	2.0%
История религии / церкви	1.5%	0.8%	2.3%>А
Археология	1.4%	1.4%	1.4%
История казачества / гос. служащих / купечества / дворянства	1.2%	0.8%	1.7%
История образования	1.2%	0.4%	2.1%>А
История искусства / философии / литературы	1.1%	1.0%	1.2%
История организаций / учреждений	1.1%	1.1%	1.1%
Демография	0.8%	0.4%	1.2%
Социально-политическая история	0.6%	0.3%	1.1%
История городов / населенных пунктов	0.6%	0.8%	0.3%
История женщин	0.6%	0.4%	0.8%
История локальных объектов (здания, заводы, корабли и т.п.)	0.1%	0.0%	0.3%
Университеты и научные учреждения	0.1%	0.3%	0.0%
Н/Д	1.3%	1.8%	0.8%

Анализ тематики докторских диссертаций, защищенных до 1991 и после 1991 года, в целом подтверждает тенденции, выявленные нами при анализе тематики докторских диссертаций по более дробным временным стратам, хотя метод бинарных страт позволяет дать более впечатляющие цифры, характеризующие тенденции, проявившиеся после 1991 года:

1. Количество диссертаций, посвященных истории государства и права и военной истории, возросло вдвое.
2. Количество диссертаций, посвященных истории религии и церкви, увеличилось в 3 раза.
3. Количество диссертаций, посвященных истории образования, увеличилось в 5 раз.
4. Практически исчезли диссертации по истории КПСС.
5. Количество диссертаций, посвященных истории рабочего класса, истории экономики и истории международных отношений, уменьшилось вдвое.

Таблица 13

Периоды, изучаемые в докторских диссертациях для бинарных страт

	Всего	Страта защиты докторской диссертации	
		1991 г. и ранее (А)	После 1991 г. (В)
1861–1917 гг.	7.0%	6.0%	8.1%
1917–1941 гг.	6.8%	7.1%	6.6%
1917–1921 гг.	6.6%	7.3%	5.7%
1941–1945 гг.	5.6%	6.0%	5.2%
1917–1991 гг.	5.0%	6.0%	4.0%
1964–1985 гг.	4.8%	6.2%>В	3.1%
Раннее средневековье (V в. – первая половина XV в.)	3.7%	4.8%>В	2.6%
Без указания периода	3.7%	3.3%	4.1%
Вторая половина XX в.	3.5%	3.3%	3.7%
XX в.	3.4%	2.9%	4.0%
XIX–XX вв.	3.2%	2.4%	4.0%
1927–1941 гг.	3.0%	3.1%	2.8%
Доисторический период	2.7%	3.0%	2.3%
Позднее средневековье (вторая пол. XV в. – конец XVII в.)	2.7%	2.6%	2.8%
1914–1917 гг.	2.7%	2.6%	2.8%
Средние века	2.6%	2.4%	2.8%
Конец XVII – XVIII в.	2.4%	2.3%	2.6%
1900–1917 гг.	2.4%	2.2%	2.8%
XV–XX вв.	2.4%	2.6%	2.3%
XVIII–XIX вв.	2.2%	2.9%	1.4%
1904–1914 гг.	2.2%	2.9%	1.5%
1920–1930 гг.	2.1%	1.4%	2.9%>А
Древний мир	1.9%	1.8%	2.0%
1800–1861 гг.	1.9%	2.0%	1.8%
XIX в.	1.8%	1.1%	2.6%>А
1921–1927 гг.	1.7%	1.8%	1.7%
1945–1953 гг.	1.7%	1.8%	1.5%
1945–1991 гг.	1.5%	1.5%	1.5%
Первая половина XX в.	1.2%	0.5%	1.8%>А
XVIII–XX вв.	1.2%	0.4%	2.1%>А
1861–1881 гг.	1.0%	1.4%	0.6%
1985–1991 гг.	1.0%	1.2%	0.8%
1991–1999 гг.	0.9%	0.0%	1.8%
1985 г. — наши дни	0.8%	0.0%	1.7%
1881–1904 гг.	0.7%	1.1%	0.3%
1953–1964 гг.	0.4%	0.4%	0.5%
IX–XX вв. / с древних времен до наших дней	0.4%	0.3%	0.6%
Н/Д	1.3%	1.8%	0.8%

Анализ исторических периодов, которым посвящены докторские диссертации, защищенные до и после 1991 года, подтверждает в целом те тенденции, которые были выявлены нами при анализе по более дробным временным стратам, при этом метод бинарных страт более четко описывает тенденции, проявившиеся после 1991 года:

1. Вдвое упал интерес к периоду застоя.
2. Также вдвое упал интерес к истории раннего Средневековья.
3. Вдвое увеличился интерес к истории 1920–1930-х годов.

В то же время, удалось выявить тенденции, которые при анализе по более дробным стратам оказывались скрыты:

1. Интерес к истории XIX века увеличился вдвое.
2. Более чем в 5 раз стало больше работ, посвященных периоду XVIII–XX веков в целом.
3. В 3,6 раза увеличилось доля работ, посвященных первой половине XX века.

Все эти три факта, по всей вероятности, можно объяснить желанием соискателей докторской степени вести исследования по более широким временным периодам. За последние 20 лет проявилась и склонность к теоретизированию и глубоким обобщениям.

Таблица 14

Регионы, изучаемые в докторских диссертациях (бинарные страты)

	Всего	Страта защиты докторской диссертации	
		1991 г. и ранее (А)	После 1991 г. (В)
СССР	23.3%	25.7%>В	20.5%
Российская Империя	16.5%	14.9%	18.2%
Западная Европа	7.4%	8.6%	6.1%
Россия	7.1%	2.6%	12.3%>А
Сибирь	6.6%	6.5%	6.7%
Поволжье	4.5%	3.5%	5.5%
Урал	4.0%	3.0%	5.1%>А
Юг	3.7%	4.2%	3.1%
Национальные республики РФ	3.7%	3.5%	3.8%
Азия	3.4%	5.3%>В	1.2%
Без локализации	2.7%	3.1%	2.3%
Северо-Запад	2.6%	1.8%	3.5%>А
Восточная Европа	2.5%	3.8%>В	1.1%
Северный Кавказ	2.4%	3.0%	1.7%
США / Северная Америка	2.3%	2.9%	1.7%
Остальные страны / Регионы	2.2%	2.3%	2.0%
Ближнее зарубежье	2.0%	2.4%	1.5%
Московская Русь	1.9%	1.8%	2.0%
Древняя Русь	1.7%	1.6%	1.7%
Центр	1.7%	1.2%	2.1%
Дальний Восток	1.1%	1.2%	0.9%
Санкт-Петербург / Ленинград	0.9%	1.2%	0.6%
Москва	0.4%	0.4%	0.5%
Русское зарубежье	0.3%	0.0%	0.6%
Н/Д	1.4%	1.9%	0.8%

Анализ региональной тематики докторских диссертаций по бинарным стратам позволяет выявить:

1. Падение интереса к исследованию СССР в целом примерно на четверть после 1991 года.
2. Выросший в 5 раз интерес к России.
3. Падение интереса к Северо-Западному региону оказалось примерно двукратным.
4. Выросший в 1.7 раза интерес к Уралу.
5. Понижение интереса (в 3,5 раза) к Восточной Европе и к Азии.

В целом, это принципиально не отличается от результатов, полученных при анализе по более дифференцированным стратам.

3.4. Сравнение тематики кандидатских и докторских диссертаций

Интересно, что 35.2 % историков защитили докторскую диссертацию на такую же тему, что и кандидатскую. И это несмотря на то, что ВАК не рекомендует это делать, поскольку существует большая вероятность автоплагиата.

Наиболее популярными темами для продолжения исследования в докторских диссертациях оказались Археология, История женщин, История молодежи / студенчества, История интеллигенции, Военная история / история спецслужб, и История промышленности / ремесел / торговли / транспорта. Эти темы продолжали изучать не менее 2/3 исследователей каждой темы соответственно (см. рис. 25).

Заметим, что после 1991 года заметно уменьшилась доля тех, кто продолжал работу над темами: История искусства / философия / литература, История КПСС и Социально-политическая история, тогда как, несомненно, возрасла доля продолживших исследования по Истории женщин, Истории крестьянства и Социально-экономической истории / истории кооперации.

В таблице 15 представлены основные изменения тематики диссертаций для тех 64.8 % историков, кто защитил докторскую диссертацию по теме, отличной от кандидатской диссертации.

Из таблицы видно, что после 1991 г. вопросы истории государства и права стали весьма популярны у тех, кто не занимался ими при написании кандидатской диссертации (баланс темы – 8.8 %) . При этом отметим, что тема История КПСС, и до 1991 г. терявшая 2.4 % своих исследователей – кандидатов наук, после 1991 г. вышла в уверенные аутсайдеры (–8.8 % потерь).

Рисунок 25

Относительная доля историков, продолживших тематику кандидатской работы в докторской диссертации (все, занимавшиеся этой темой в кандидатской диссертации, принимаются за 100%)

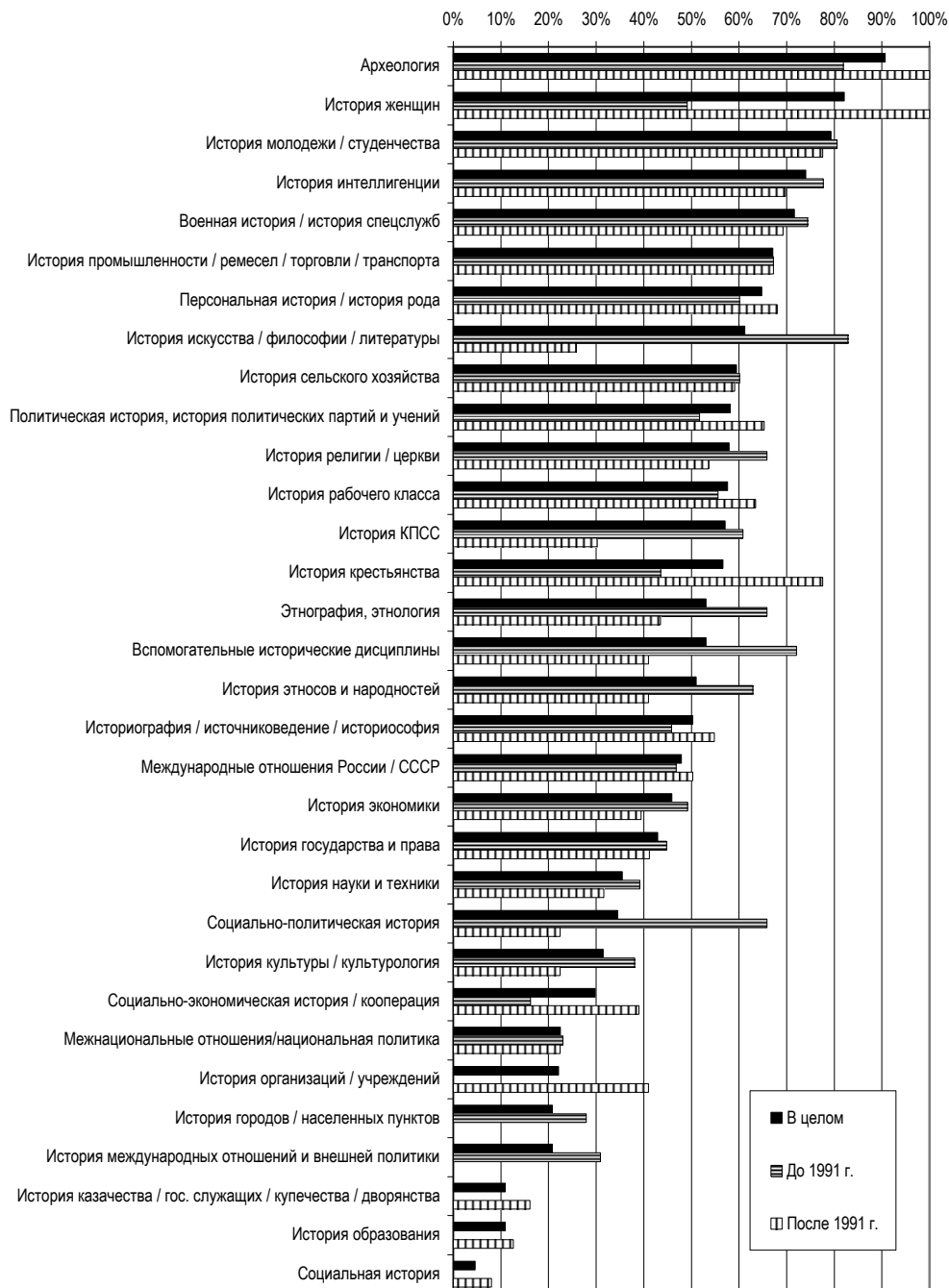

Таблица 15

Изменения тематики докторских диссертаций по сравнению с тематикой кандидатских диссертаций

	В целом		Защитили докторскую до 1991 г.		Защитили докторскую после 1991 г.		Баланс темы в целом	Баланс темы до 1991 г.	Баланс темы после 1991 г.
	доля оставших тему	доля пришедших в тему	доля оставших тему	доля пришедших в тему	доля оставших тему	доля пришедших в тему			
История государства и права	6.0%	10.5%	6.0%	6.8%	5.9%	14.7%	4.5%	0.8%	8.8%
Краеведение (территории)	1.0%	4.3%	1.3%	6.0%	0.5%	2.3%	3.3%	4.7%	1.8%
Социальная история	1.5%	4.5%	0.7%	4.0%	2.6%	5.2%	3.0%	3.3%	2.6%
История науки и техники	0.7%	3.6%	0.7%	3.3%	0.8%	3.9%	2.9%	2.6%	3.1%
История культуры / культурология	2.6%	4.8%	1.8%	4.9%	3.6%	4.7%	2.2%	3.1%	1.1%
Международные отношения России / СССР	1.8%	4.0%	3.1%	4.9%	0.3%	3.1%	2.2%	1.8%	2.8%
Межнац. отношения / нац-ная политика	0.2%	2.3%	0.2%	2.9%	0.3%	1.6%	2.1%	2.7%	1.3%
Демография	0.0%	1.3%	0.0%	0.7%	0.0%	2.1%	1.3%	0.7%	2.1%
История образования	0.5%	1.8%	0.2%	0.7%	0.8%	3.1%	1.3%	0.5%	2.3%
История международных отношений	1.4%	2.5%	2.2%	2.9%	0.5%	2.1%	1.1%	0.7%	1.6%
Социально-политическая история	0.0%	0.8%	0.0%	0.2%	0.0%	1.6%	0.8%	0.2%	1.6%
История казачества и др.	1.0%	1.8%	0.2%	1.3%	1.8%	2.3%	0.8%	1.1%	0.5%
История религии / церкви	0.7%	1.4%	0.9%	0.7%	0.5%	2.3%	0.7%	-0.2%	1.8%
Историография / источниковедение	7.7%	8.2%	6.2%	8.6%	9.6%	7.8%	0.5%	2.4%	-1.8%
Этнография, этнология	1.2%	1.5%	0.9%	0.9%	1.6%	2.3%	0.3%	0.0%	0.7%
История организаций / учреждений	1.2%	1.5%	0.4%	1.8%	2.1%	1.3%	0.3%	1.4%	-0.8%
История этносов и народностей	2.6%	2.7%	3.5%	1.8%	1.6%	3.9%	0.1%	-1.7%	2.3%
История интеллигенции	1.2%	1.3%	0.9%	1.1%	1.6%	1.6%	0.1%	0.2%	0.0%
История женщин	0.2%	0.2%	0.4%	0.4%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%
Учебники / справочники / энциклопедии	0.1%	0.0%	0.2%	0.0%	0.0%	0.0%	-0.1%	-0.2%	0.0%
История городов / населенных пунктов	1.1%	0.8%	1.1%	1.1%	1.0%	0.5%	-0.3%	0.0%	-0.5%
Социально-экономическая история	5.1%	4.6%	5.1%	4.4%	5.2%	4.9%	-0.5%	-0.7%	-0.3%
История локальных объектов	0.6%	0.1%	1.1%	0.0%	0.0%	0.3%	-0.5%	-1.1%	0.3%
История экономики	3.7%	3.1%	3.8%	4.0%	3.6%	2.1%	-0.6%	0.2%	-1.5%
История искусства / философии / лит-ры	1.5%	0.8%	2.0%	0.4%	1.0%	1.3%	-0.7%	-1.6%	0.3%
История сельского хозяйства	2.5%	1.8%	2.9%	2.0%	2.1%	1.6%	-0.7%	-0.9%	-0.5%
Университеты и научные учреждения	1.0%	0.2%	0.9%	0.4%	1.0%	0.0%	-0.8%	-0.5%	-1.0%
Политическая история, история политических партий и учений	8.3%	7.4%	7.9%	8.4%	8.8%	6.2%	-0.9%	0.5%	-2.6%
Военная история / история спецслужб	4.2%	3.2%	4.2%	2.2%	4.1%	4.4%	-1.0%	-2.0%	0.3%
Вспомог. исторические дисциплины	2.9%	1.5%	2.4%	0.7%	3.4%	2.6%	-1.4%	-1.7%	-0.8%
История молодежи / студенчества	3.3%	1.4%	3.1%	1.5%	3.6%	1.3%	-1.9%	-1.6%	-2.3%
История крестьянства	5.8%	3.7%	7.1%	5.5%	4.4%	1.6%	-2.1%	-1.6%	-2.8%
История рабочего класса	4.9%	2.7%	4.6%	3.8%	5.2%	1.6%	-2.2%	-0.8%	-3.6%
История промышленности / ремесел / торговли / транспорта	5.7%	3.3%	6.8%	3.8%	4.4%	2.8%	-2.4%	-3.0%	-1.6%
Персональная история / история рода	4.9%	2.1%	5.3%	2.0%	4.4%	2.3%	-2.8%	-3.3%	-2.1%
Археология	4.0%	0.4%	4.0%	0.7%	4.1%	0.0%	-3.6%	-3.3%	-4.1%
История КПСС	8.8%	3.5%	7.9%	5.5%	9.8%	1.0%	-5.3%	-2.4%	-8.8%

Примечания.

1. Доля оставивших тему – доля тех, кто защитил по указанной теме кандидатскую диссертацию, а докторскую защищал по другой теме.
2. Доля пришедших в тему – доля тех, кто защитил по указанной теме докторскую диссертацию, а кандидатскую защищал по другой теме.
3. Баланс темы – разность между долей пришедших в тему и долей оставивших тему.

3.5. Анализ всех научных работ, указанных авторами

Наряду с диссертациями были проанализированы и основные научные труды представителей исторического сообщества.

Отметим основные особенности территориальной дифференциации научных интересов российских историков.

Будем условно считать лидером город/территорию, если доля публикаций по теме (периоду, региону) там а) наибольшая и б) значимо больше среднероссийского уровня.

Тогда для тематики работ (см. табл. 16 на с. 162):

г. Москва – лидер в публикациях по Политической истории;

г. Санкт-Петербург – лидер в публикациях по Персональной истории, Истории государства и права, Военной истории / истории спецслужб, Истории науки и техники, Истории рабочего класса, Истории религии / церкви и Истории университетов и научных учреждений;

Центральный ФО – лидер в публикациях по Историографии, Истории молодежи / студенчества и Истории образования;

Северо-Западный ФО – лидер в публикациях по Краеведению, Международным отношениям России / СССР, Истории крестьянства, Социально-политической истории, Социально-экономической истории, Вспомогательным историческим дисциплинам, Истории городов / населенных пунктов, Истории локальных объектов и по выпуску учебников / справочников / энциклопедий;

Южный ФО – лидер в публикациях по Истории культуры / культурологии, Истории организаций / учреждений, Истории сельского хозяйства и Истории казачества / гос. служащих / купечества / дворянства;

Приволжский ФО – не лидирует в публикациях ни по одной теме;

Уральский ФО – лидер в публикациях по Истории экономики;

Сибирский ФО – лидер в публикациях по Истории интеллигенции;

Дальневосточный ФО – лидер в публикациях по Истории промышленности, Истории КПСС, Социальной истории, Археологии и Межнациональным отношениям / национальной политике;

Национальные республики РФ – лидеры в публикациях по Истории этносов и народностей и Этнографии / этнологии.

Распределение исторических дисциплин по регионам свидетельствует, что в Москве предпочитают политическую историю и историю государства и права. Очевидно, здесь сказывается территориальная (и не только) близость многих историков к органам власти. Московские историки наряду с питерскими, характеризуются также рекордным интересом к персональной истории (33,2 и 35,5 % публикаций), что, вероятно, определяется наличием значительного спроса в двух столицах на такие исследования. В Москве также любят темы, связанные с историей искусства, чему способствует наличие многих музейных учреждений, часто обращаются и к военной истории – благодаря наличию Института военной истории и ряда военных академий. Столичные историки проявляют повышенный интерес к истории международных отношений, чему способствует соседство с МИДом, Дипломатической Академией, МГИМО, а также рядом напрямую связанных с международными отношениями академических институтов. У мо-

сквичей также – повышенное внимание к историографии и вспомогательным дисциплинам, что объясняется, в первую очередь, наличием соответствующих научных школ, а также большого числа исторических журналов. По этой же причине историография популярна в Петербурге, а также в Центральном ФО (из-за близости к московским журналам). В Москве доля издаваемых учебников/энциклопедий несколько больше, чем среднероссийская, что неудивительно, если учесть концентрацию учебных заведений в столице. Удивительно другое – рекордсменом по доле учебников стал Северо-Западный ФО – 25,0 %.

В Петербурге, как и в Москве, популярна история государства и права, а также история рабочего класса и интеллигенции, что можно объяснить сложившимися научными школами. Популярность военной истории здесь можно объяснить наличием еще с дореволюционных времен научной школы, а также наличием ряда военных и военно-морских академий, а популярность истории науки и техники – наличием ряда академических институтов. Петербургские историки также проявляют повышенный интерес к истории экономики, университетов и международных отношений, что объясняется наличием соответствующих научных школ и значительных архивных фондов.

На Северо-Западе наибольшей оказывается доля краеведения (37,5 %), что достигается, по всей вероятности, за счет изучения ленинградских пригородов с их многочисленными памятниками истории и культуры. Археология пользуется повышенным спросом только в Сибирском и Дальневосточном ФО, что вполне совпадает со специализацией историков этих регионов на доисторической истории. Практически во всех регионах за пределами столиц, а также Центрального ФО развито краеведение. А на истории этносов и народностей, вполне предсказуемо, специализируются, в первую очередь, в национальных республиках РФ.

В целом, как мы убедились, в последние 20 лет российское историческое общество во всех регионах демонстрирует более или менее одинаковые тенденции, связанные с процессом коммерциализации истории. В то же время, создание обобщающих трудов во все большей степени становится прерогативой историков Москвы и Петербурга, располагающих значительно лучшими материальными возможностями, как в плане финансирования, так и в плане доступа к источникам, в том числе за пределами этих городов. В других же регионах историки в большей мере разрабатывают краеведческие и другие более узкие темы, материалы по которым можно найти в пределах региона.

Можно предположить, что в дальнейшем будет происходить также объективный процесс старения историков, равно как и повышение среди них доли женщин. Это связано, прежде всего, с падением престижа профессии историка, с замедлением притока в нее молодых кадров и с материальным фактором. Не исключено, что со временем в историческую науку начнут приходить жены состоятельных людей, особенно если возникнет соответствующая мода (как возникла в свое время мода на искусствоведение). Для них занятие историей станет родом развлечения и досуга. В целом же, численность сообщества историков неизбежно будет падать, поскольку уход из университетов и научных центров представителей старших поколений не будет компенсирован соответствующим притоком молодежи. Можно предположить также, что будет продолжаться процесс концентрации историков в вузах и упадок академических институтов.

Таблица 16

Территориальное распределение тематики научных работ

	В целом по России	Место работы									
		г. Москва	г. Санкт-Петербург	Центральный ФО	Северо-Западный ФО	Южный ФО	Приволжский ФО	Уральский ФО	Сибирский ФО	Дальневосточный ФО	Нан-ные республики
Персональная история / история рода	28.5%	33.2%	35.5%	25.5%	22.5%	18.2%	25.2%	17.5%	17.8%	11.5%	20.4%
Политическая история	26.8%	31.1%	22.9%	26.4%	12.5%	20.8%	25.2%	19.2%	20.2%	30.8%	17.0%
Историография	23.7%	25.5%	28.3%	29.1%	15.0%	27.3%	17.3%	19.2%	19.4%	11.5%	20.4%
История государства и права	22.1%	24.4%	30.1%	17.3%	10.0%	27.3%	17.8%	15.8%	14.0%	19.2%	15.0%
Военная история / история спецслужб	15.2%	19.2%	21.7%	10.0%	12.5%	14.3%	8.4%	5.8%	7.0%	15.4%	8.2%
История культуры / культурология	14.2%	15.3%	12.7%	10.0%	10.0%	18.2%	11.2%	15.0%	16.3%	15.4%	12.2%
Краеведение (территории)	12.4%	5.9%	6.0%	10.0%	37.5%	31.2%	18.2%	21.7%	22.5%	30.8%	29.9%
Учебники / справочники / энциклопедии	11.9%	13.8%	12.0%	9.1%	25.0%	6.5%	7.5%	13.3%	9.3%	7.7%	6.1%
История этносов и народностей	10.7%	8.3%	7.2%	6.4%	20.0%	14.3%	20.1%	7.5%	14.0%	23.1%	34.0%
Междунар. отношения России / СССР	9.8%	14.4%	10.2%	4.5%	17.5%	3.9%	1.9%	2.5%	5.4%	7.7%	4.8%
История крестьянства	9.5%	6.3%	5.4%	17.3%	22.5%	11.7%	15.4%	10.0%	12.4%	11.5%	12.9%
История экономики	9.4%	8.2%	14.5%	6.4%	5.0%	6.5%	10.3%	15.8%	7.0%	15.4%	3.4%
История промышленности	9.4%	6.8%	10.2%	12.7%	15.0%	2.6%	11.7%	17.5%	12.4%	19.2%	10.2%
Социально-политическая история	9.3%	7.4%	8.4%	13.6%	15.0%	6.5%	12.6%	9.2%	14.0%	7.7%	9.5%
История науки и техники	9.3%	9.3%	12.7%	11.8%	–	6.5%	10.3%	4.2%	11.6%	3.8%	8.2%
История КПСС	8.8%	8.4%	5.4%	8.2%	20.0%	7.8%	8.4%	8.3%	10.1%	23.1%	6.1%
Соц.-экономич. история / кооперация	7.8%	5.3%	6.0%	10.9%	17.5%	15.6%	11.2%	7.5%	10.9%	7.7%	14.3%
История интеллигенции	7.4%	3.6%	10.2%	13.6%	5.0%	10.4%	8.9%	13.3%	16.3%	–	8.8%
Социальная история	6.7%	6.4%	6.6%	5.5%	2.5%	3.9%	7.9%	11.7%	3.9%	19.2%	4.8%
Вспомогательные историч. дисциплины	6.4%	8.6%	3.6%	4.5%	12.5%	1.3%	5.1%	4.2%	3.1%	7.7%	6.1%
История городов / населенных пунктов	6.2%	4.5%	9.6%	8.2%	12.5%	3.9%	5.6%	10.0%	9.3%	3.8%	5.4%
История рабочего класса	5.7%	4.8%	9.6%	2.7%	2.5%	1.3%	7.0%	9.2%	7.8%	3.8%	3.4%
История организаций / учреждений	5.6%	5.9%	6.0%	2.7%	2.5%	7.8%	5.6%	5.8%	3.9%	7.7%	2.0%
История религии / церкви	5.6%	5.7%	7.8%	3.6%	5.0%	5.2%	7.5%	4.2%	3.1%	7.7%	7.5%
История искусства / философии / лит-ры	5.2%	6.6%	3.0%	1.8%	–	6.5%	2.3%	5.0%	7.8%	3.8%	2.7%
История молодежи / студенчества	5.1%	4.1%	6.6%	10.0%	2.5%	2.6%	8.4%	4.2%	3.9%	3.8%	3.4%
Археология	5.0%	4.3%	3.0%	4.5%	5.0%	5.2%	4.2%	5.8%	10.1%	15.4%	7.5%
Этнография, этнология	4.8%	4.2%	3.0%	1.8%	–	7.8%	8.9%	2.5%	7.0%	11.5%	15.0%
Межнац. отношения / нац-ная политика	4.8%	4.5%	2.4%	2.7%	–	10.4%	7.5%	2.5%	4.7%	11.5%	7.5%
История сельского хозяйства	4.8%	2.2%	2.4%	10.0%	12.5%	18.2%	8.4%	5.0%	5.4%	–	9.5%
История образования	4.7%	2.5%	6.0%	9.1%	5.0%	3.9%	7.5%	5.8%	8.5%	3.8%	4.8%
Университеты и научные учреждения	4.7%	4.1%	8.4%	4.5%	5.0%	3.9%	5.1%	5.8%	3.1%	3.8%	3.4%
История сословий	4.5%	4.1%	3.0%	5.5%	–	20.8%	3.7%	3.3%	3.1%	3.8%	1.4%
История международных отношений	3.1%	4.0%	3.0%	0.9%	5.0%	3.9%	1.9%	3.3%	0.8%	–	2.7%
История локальных объектов	2.0%	1.6%	1.8%	1.8%	7.5%	1.3%	2.3%	5.0%	0.8%	–	3.4%
История женщин	1.7%	2.2%	1.2%	2.7%	–	–	2.3%	–	0.8%	3.8%	2.0%
Демография	1.4%	1.6%	0.6%	–	2.5%	–	1.9%	1.7%	2.3%	–	2.0%

Примечания.

1. Жирным шрифтом выделены величины значимо большие, чем средняя доля по России в целом.
2. Сумма более 100 %, т.к. один историк мог опубликовать работы по нескольким темам.

Таблица 17

Территориальное распределение изучаемых исторических периодов.

	В целом по России	Место работы									
		г. Москва	г. Санкт-Петербург	Центральный ФО	Северо-Западный ФО	Южный ФО	Приволжский ФО	Уральский ФО	Сибирский ФО	Дальневосточный ФО	Нац-ные республики
Доисторический период	3.4%	2.9%	1.2%	2.7%	5.0%	3.9%	2.3%	5.0%	8.5%	7.7%	4.8%
Древний мир	5.4%	5.7%	5.4%	3.6%	7.5%	9.1%	3.7%	5.8%	5.4%	3.8%	7.5%
Раннее средневековье	8.0%	9.9%	10.2%	6.4%	–	6.5%	4.7%	6.7%	4.7%	11.5%	9.5%
Позднее средневековье	6.6%	6.6%	9.0%	10.9%	5.0%	6.5%	4.2%	5.8%	3.1%	11.5%	7.5%
Средние века	6.9%	8.3%	6.0%	7.3%	–	9.1%	3.7%	8.3%	4.7%	–	8.2%
Конец XVII – XVIII в.	8.0%	8.7%	7.2%	5.5%	5.0%	6.5%	10.3%	6.7%	8.5%	0.0%	12.2%
XVIII–XIX вв.	5.4%	5.7%	3.6%	3.6%	2.5%	9.1%	5.6%	8.3%	3.1%	3.8%	4.1%
XIX в.	8.2%	8.9%	9.6%	9.1%	7.5%	5.2%	7.9%	5.0%	7.0%	7.7%	9.5%
1800–1861 гг.	6.3%	6.5%	9.0%	6.4%	5.0%	5.2%	6.5%	5.8%	2.3%	3.8%	4.8%
1861–1881 гг.	2.4%	1.8%	4.2%	2.7%	2.5%	3.9%	2.8%	2.5%	3.1%	0.0%	2.0%
1881–1904 гг.	3.3%	3.5%	3.6%	3.6%	2.5%	3.9%	2.3%	1.7%	3.9%	3.8%	2.0%
1904–1914 гг.	6.9%	7.4%	7.2%	5.5%	5.0%	9.1%	6.1%	6.7%	7.0%	0.0%	3.4%
1914–1917 гг.	7.4%	6.2%	13.9%	9.1%	5.0%	9.1%	7.9%	5.8%	4.7%	3.8%	4.1%
1917–1921 гг.	14.2%	11.8%	13.9%	20.9%	20.0%	13.0%	16.8%	13.3%	17.1%	19.2%	14.3%
1921–1927 гг.	7.9%	6.3%	9.6%	14.5%	7.5%	11.7%	8.4%	8.3%	7.0%	7.7%	5.4%
1927–1941 гг.	11.4%	9.5%	14.5%	10.0%	22.5%	10.4%	10.7%	14.2%	17.1%	7.7%	13.6%
1941–1945 гг.	12.8%	13.5%	16.9%	14.5%	5.0%	7.8%	15.0%	10.8%	7.0%	7.7%	7.5%
1945–1953 гг.	4.9%	5.4%	4.8%	2.7%	5.0%	3.9%	2.8%	5.8%	7.8%	3.8%	2.0%
1953–1964 гг.	4.8%	4.6%	2.4%	3.6%	5.0%	3.9%	7.0%	4.2%	7.0%	7.7%	6.1%
1964–1985 гг.	12.4%	12.5%	7.2%	9.1%	17.5%	2.6%	18.2%	13.3%	15.5%	15.4%	12.2%
1985–1991 гг.	4.0%	4.5%	1.8%	3.6%	5.0%	1.3%	3.7%	4.2%	4.7%	7.7%	2.7%
1991–1999 гг.	15.5%	18.5%	4.8%	9.1%	7.5%	11.7%	21.5%	14.2%	13.2%	11.5%	17.7%
1985 г. – наши дни	7.5%	8.2%	1.8%	6.4%	–	10.4%	11.7%	7.5%	7.0%	3.8%	6.8%
1861–1917 гг.	13.4%	11.6%	15.1%	16.4%	15.0%	10.4%	12.6%	14.2%	20.9%	15.4%	11.6%
1900–1917 гг.	6.4%	5.9%	8.4%	9.1%	2.5%	5.2%	7.0%	6.7%	5.4%	7.7%	5.4%
1917–1941 гг.	10.2%	8.8%	9.6%	13.6%	20.0%	14.3%	8.9%	12.5%	10.1%	23.1%	9.5%
1945–1991 гг.	4.7%	5.8%	1.2%	2.7%	7.5%	3.9%	3.3%	5.8%	5.4%	3.8%	1.4%
1917–1991 гг.	13.9%	13.1%	12.0%	14.5%	22.5%	16.9%	14.5%	11.7%	17.1%	11.5%	18.4%
1920–1930 гг.	7.3%	5.4%	10.8%	8.2%	5.0%	11.7%	9.3%	9.2%	6.2%	15.4%	6.8%
Первая половина XX в.	4.7%	4.7%	3.0%	6.4%	7.5%	7.8%	5.6%	1.7%	3.9%	3.8%	5.4%
Вторая половина XX в.	6.4%	7.4%	3.0%	3.6%	5.0%	3.9%	5.6%	10.0%	6.2%	11.5%	4.1%
XX в.	26.4%	29.1%	22.3%	21.8%	25.0%	20.8%	26.2%	24.2%	25.6%	19.2%	25.2%
XV–XX вв.	8.0%	8.7%	3.6%	4.5%	7.5%	7.8%	7.5%	10.0%	9.3%	19.2%	13.6%
XVIII–XX вв.	9.1%	10.5%	13.3%	6.4%	7.5%	7.8%	2.8%	14.2%	4.7%	7.7%	6.1%
XIX–XX вв.	23.2%	22.8%	24.7%	26.4%	25.0%	24.7%	19.2%	20.8%	27.1%	34.6%	20.4%
IX–XX вв./с древних времен до наших дней	21.3%	21.4%	18.1%	15.5%	30.0%	28.6%	25.7%	20.0%	19.4%	11.5%	26.5%
Без указания периода	21.3%	21.8%	12.0%	20.9%	22.5%	22.1%	25.2%	23.3%	20.2%	26.9%	30.6%

Примечания.

1. Жирным шрифтом выделены величины значительно большие, чем средняя доля по России в целом.
2. Сумма более 100 %, т.к. один историк мог опубликовать работы по нескольким историческим периодам.

В региональном аспекте распределение хронологии исторических исследований показывает, что в целом по России изучение истории XX века значительно преобладает. Ей в общей сложности посвящено 73 % публикаций, тогда как более ранней историей почти втрое меньше – 27 %.

Если говорить о региональных предпочтениях тем или иным хронологическим периодам, то следует отметить, что в Москве наблюдается повышенный интерес к средневековой истории, истории Великой Отечественной войны и к событиям последнего десятилетия XX века. Это связано со сложившимися научными школами, с тем, что именно эти периоды играют ключевую роль для российской национальной самоидентификации, и исследования такого рода поддерживаются правительственными структурами.

В Петербурге наблюдается повышенное внимание к Средневековью, но, что удивительно, никак не выделяется рубеж XVII–XVIII веков, связанный с деятельностью основателя города – императора Петра Великого. В северной столице повышенным вниманием отмечены события 1914–1917 и 1941–1945 годов. Также в Петербурге в большей мере, чем в среднем по стране, изучают период 1920–1930 годов, что, по всей вероятности, связано с темой убийства Кирова и развертывания в городе нескольких кампаний политических репрессий.

Доисторический период изучают, главным образом, в Сибири и на Дальнем Востоке, где имеются соответствующие научные школы и большое число археологических раскопок, относящихся к данному периоду. В Сибири также отмечается повышенный интерес к периодам 1861–1917, 1927–1941, 1945–1953 и 1964–1985 годов. Все эти периоды совпадают со временем наиболее интенсивного освоения Сибири, а период 1927–1941 годов – с трагической коллективизацией и развитием в Сибири империи ГУЛАГа, продолжавшимся и в послевоенный период. На Дальнем Востоке мы видим практически те же периоды повышенного внимания историков, и основания для такого внимания, вероятно, те же самые.

В Центральном ФО историки особенно полюбили позднее Средневековье и период 1917–1927 годов от революции до конца НЭПа, что объясняется, в частности, наличием местных научных школ, к примеру, в Липецке.

Показательно, что во всех остальных регионах повышенное внимание историков уделяется только XX веку.

Для изучаемых периодов (см. табл. 17):

г. Москва – лидер в публикациях по Средним векам и XX в.;

г. Санкт-Петербург – лидер в публикациях по Раннему средневековью, 1800–1861 гг., 1914–1917 гг. и 1941–1945 гг.;

Центральный ФО – лидер в публикациях по Позднему средневековью, 1917–1921 гг. и 1921–1927 гг.;

Северо-Западный ФО – лидер в публикациях по 1927–1941 гг., 1945–1991 гг. и IX–XX вв./ с древних времен до наших дней;

Южный ФО – лидер в публикациях по Первой половине XX в.;

Приволжский ФО – лидер в публикациях по 1964–1985 гг., 1991–1999 гг. и 1985 г. – наши дни;

Уральский ФО – лидер в публикациях по XVIII–XX вв.;

Сибирский ФО – лидер в публикациях по Доисторическому периоду, 1945–1953 гг. и 1861–1917 гг.;

Дальневосточный ФО – лидер в публикациях по 1917–1941 гг., 1920–1930 гг., Второй половине XX в., XV–XX вв. и XIX–XX вв.;

Национальные республики РФ – лидеры в публикациях «Без указания периода».

Таблица 18

Территориальное распределение изучаемых регионов.

	В целом по России	Место работы									
		г. Москва	г. Санкт-Петербург	Центральный ФО	Северо-Западный ФО	Южный ФО	Приволжский ФО	Уральский ФО	Сибирский ФО	Дальневосточный ФО	Нац-ные республики
Россия	50.5%	58.7%	50.0%	50.0%	22.5%	33.8%	47.2%	40.0%	40.3%	26.9%	28.6%
СССР	41.7%	46.1%	42.8%	50.0%	35.0%	33.8%	42.1%	29.2%	27.1%	23.1%	19.0%
Российская империя	31.4%	35.5%	44.6%	35.5%	22.5%	23.4%	25.7%	18.3%	17.8%	11.5%	15.0%
Без локализации	14.3%	18.1%	7.2%	14.5%	5.0%	11.7%	13.6%	10.0%	8.5%	15.4%	11.6%
Поволжье	11.0%	2.1%	1.2%	10.9%	2.5%	1.3%	70.6%	2.5%	0.8%	–	53.1%
Западная Европа	10.9%	14.0%	11.4%	9.1%	25.0%	3.9%	5.1%	9.2%	4.7%	–	5.4%
Сибирь	10.3%	2.3%	1.2%	6.4%	5.0%	–	0.5%	25.8%	84.5%	26.9%	13.6%
Национальные республики РФ	9.6%	2.4%	1.2%	0.9%	30.0%	28.6%	36.9%	1.7%	20.2%	7.7%	83.7%
Урал	7.7%	1.7%	–	1.8%	–	0.0%	13.6%	69.2%	3.1%	–	8.2%
Юг	7.4%	4.8%	1.2%	9.1%	–	80.5%	3.7%	1.7%	1.6%	3.8%	13.6%
Центр	6.4%	4.9%	3.0%	50.9%	7.5%	1.3%	0.9%	0.8%	0.8%	–	0.7%
Остальные страны / Регионы	6.1%	8.7%	6.0%	2.7%	2.5%	3.9%	0.9%	9.2%	1.6%	–	0.7%
Северо-Запад	5.7%	2.9%	20.5%	2.7%	77.5%	–	0.5%	1.7%	–	11.5%	8.8%
Ближнее зарубежье	5.5%	6.5%	4.8%	9.1%	–	6.5%	2.3%	3.3%	3.9%	–	2.0%
Азия	5.3%	7.5%	2.4%	1.8%	2.5%	2.6%	0.9%	1.7%	9.3%	19.2%	2.7%
Москва	5.1%	9.6%	2.4%	1.8%	–	0.0%	0.5%	–	–	0.0%	0.7%
Санкт-Петербург / Ленинград	4.6%	1.0%	41.6%	0.0%	2.5%	–	–	–	0.8%	–	0.0%
Восточная Европа	4.5%	6.6%	4.2%	4.5%	–	2.6%	2.3%	1.7%	–	–	2.7%
Московская Русь	4.4%	5.1%	6.6%	6.4%	2.5%	2.6%	2.3%	4.2%	1.6%	0.0%	1.4%
Древняя Русь	4.2%	5.9%	5.4%	4.5%	2.5%	1.3%	1.4%	1.7%	0.8%	0.0%	2.7%
Северный Кавказ	3.9%	3.4%	1.2%	0.9%	–	48.1%	–	–	–	–	12.2%
Всемирное	3.9%	5.3%	4.8%	1.8%	–	3.9%	2.3%	0.8%	2.3%	7.7%	1.4%
США / Северная Америка	3.5%	5.1%	3.6%	1.8%	2.5%	–	0.5%	2.5%	1.6%	11.5%	1.4%
Русское зарубежье	3.0%	3.3%	3.0%	3.6%	5.0%	3.9%	0.9%	1.7%	1.6%	15.4%	1.4%
Дальний Восток	2.6%	1.2%	0.6%	–	–	–	–	0.8%	7.0%	92.3%	2.0%

Примечания.

1. Жирным шрифтом выделены величины значимо большие, чем средняя доля по России в целом.
2. Сумма более 100 %, т.к. один историк мог опубликовать работы по нескольким регионам.

Если проанализировать распределение региональных исследований по регионам России и зарубежным странам применительно к сообществу историков России в целом, то выяснится, что чуть больше половины научных публикаций посвящены историей России. Об СССР пишут немного меньше – около 42 %. Из регионов же России наиболее популярно Поволжье (11 %), за которым с небольшим отрывом следует Сибирь (10,3 %). Из регионов дальнего зарубежья на первом месте – Западная Европа (10,9 %), за которыми идут Азия (5,3 %), Вос-

точная Европа (4,5 %) и Северная Америка (США) (3,5 %). В данном случае предпочтения историков определяются не столько культурными предпочтениями, сколько размерами соответствующих регионов, вернее, количеством входящих в них стран. Учитывая большое число стран Западной Европы, исследования которых традиционно занимаются российские историки, ее первенство удивления не вызывает. То же самое относится и к Азии. А вот то, что Восточная Европа, с гораздо меньшим числом стран, оказалась на третьем месте, сразу вслед за Азией, доказывает, что в действительности относительное внимание российских историков к странам Восточной Европы значительно больше, чем к странам Западной Европы. Также к истории Северной Америки и, прежде всего, США внимание российских историков оказывается большим, чем к большинству стран Западной Европы и Азии. Внимание к ближнему зарубежью (5,5 %) оказывается большим, чем к странам Восточной Европы, что неудивительно, поскольку ранее специалисты по ближнему зарубежью являлись специалистами по российской и советской истории и их было значительно больше, чем специалистов по истории Восточной Европы.

Как и следовало ожидать, Москва, Санкт-Петербург, Федеральные округа и национальные республики являются лидерами в публикациях по соответствующим городам / территориям (см. табл. 18). Отметим только небольшую долю московских публикаций о г. Москва (9.6 %), по сравнению с остальными «автопубликациями» (от 41.6 % для Санкт-Петербурга до 92.3 % для Дальневосточного ФО). Можно даже сформулировать эмпирическое правило: «Чем дальше от Москвы, тем больше пишут “о себе, любимых”».

В остальном для изучаемых регионов:

г. Москва – лидер в публикациях о Древней Руси, России, Восточной Европе и публикациям без конкретной локализации;

г. Санкт-Петербург – лидер в публикациях о Московской Руси (!) и Российской империи;

Центральный ФО – лидер в публикациях о СССР и Ближнем зарубежье;

Северо-Западный ФО – лидер в публикациях о Западной Европе;

Южный ФО – лидер в публикациях о Северном Кавказе;

Уральский ФО – лидер в публикациях об Остальных странах / Регионах;

Дальневосточный ФО – лидер в публикациях о Русском зарубежье, Азии, США / Северной Америке и мире в целом;

Что же касается того, какие региональные и общие темы изучают в различных городах/территориях, то заметно, что в Москве, Санкт-Петербурге, Центральном и Приволжском ФО было больше всего публикаций по истории СССР и Российской империи. А вот историей собственно России в узком смысле слова занимаются больше в Москве. Очевидно, в столице такого рода исследования непосредственно востребованы правительственными органами. Тема русского зарубежья наиболее популярна в Дальневосточном ФО, где ориентируются, очевидно, прежде всего на исследование дальневосточной (китайской) эмиграции, значительная часть которой впоследствии переместилась в США и Австралию. Такое количество публикаций по региональной истории, как в случае с Дальним Востоком (92,3 %), нет больше ни в одном регионе. Следом за Дальневосточным

ФО идут Сибирский ФО (84,5 %), Южный ФО (80,5 %), Северо-Западный ФО (77,5 %), Приволжский ФО (70,6 %) и Уральский ФО (69,2 %). Вероятно, удаленность от Москвы, где сосредоточены основные центральные архивы, заставляет историков сконцентрироваться на региональной истории. Только в ближайшем к Москве Центральном ФО доля региональной истории уменьшается до 50,9 %, а в богатом архивами Петербурге – до 41,6 %. Здесь в большей мере, чем в других регионах, изучают общероссийскую историю.

Что же касается истории стран дальнего зарубежья, то оно еще с советских времен концентрируется в Москве и Петербурге, где сохранились развитые научные школы. Исключение среди других регионов составляют Северо-Западный ФО, где доля Западной Европы поднимается до 25,0 %, главным образом за счет Финляндии и в меньшей степени Норвегии и Швеции; Дальневосточный ФО, где высока доля Азии (19,2 %), за счет пограничных Китая, Кореи и Японии, и США (11,5 %). Также в Сибирском ФО повышена доля Азии (9,3 %) за счет изучения пограничных Китая и Монголии.

4. Смена приоритетов в научных и научно-популярных публикациях

После 1991 года увеличилась «многогранность» профессиональных интересов российских историков. Если до 1991 года один историк изучал в основном одну тему, то после 1991 года – две-три (средние значения 1.23 ± 0.02 и 2.54 ± 0.03 соответственно). На это повлияли значительное увеличение числа изданий книг по истории и необходимость поиска историками той проблематики, которая была бы востребована как на рынке книгоизданий, так и на рынке исследований и преподавания.

Чтобы скомпенсировать этот эффект, рассчитаем индекс изменения популярности темы K_n^T по следующей формуле:

$$K_n^T = P_n^{\text{после}} \frac{\sum_{i=1}^N P_i^{\text{до}}}{\sum_{i=1}^N P_i^{\text{после}}} - P_n^{\text{до}}, \text{ где}$$

K_n^T – индекс изменения популярности n-й темы;

$P_i^{\text{до}}$ – количество историков, занимавшихся i-й темой до 1991 года;

$P_i^{\text{после}}$ – количество историков, занимавшихся i-й темой после 1991 года;

N – общее количество тем.

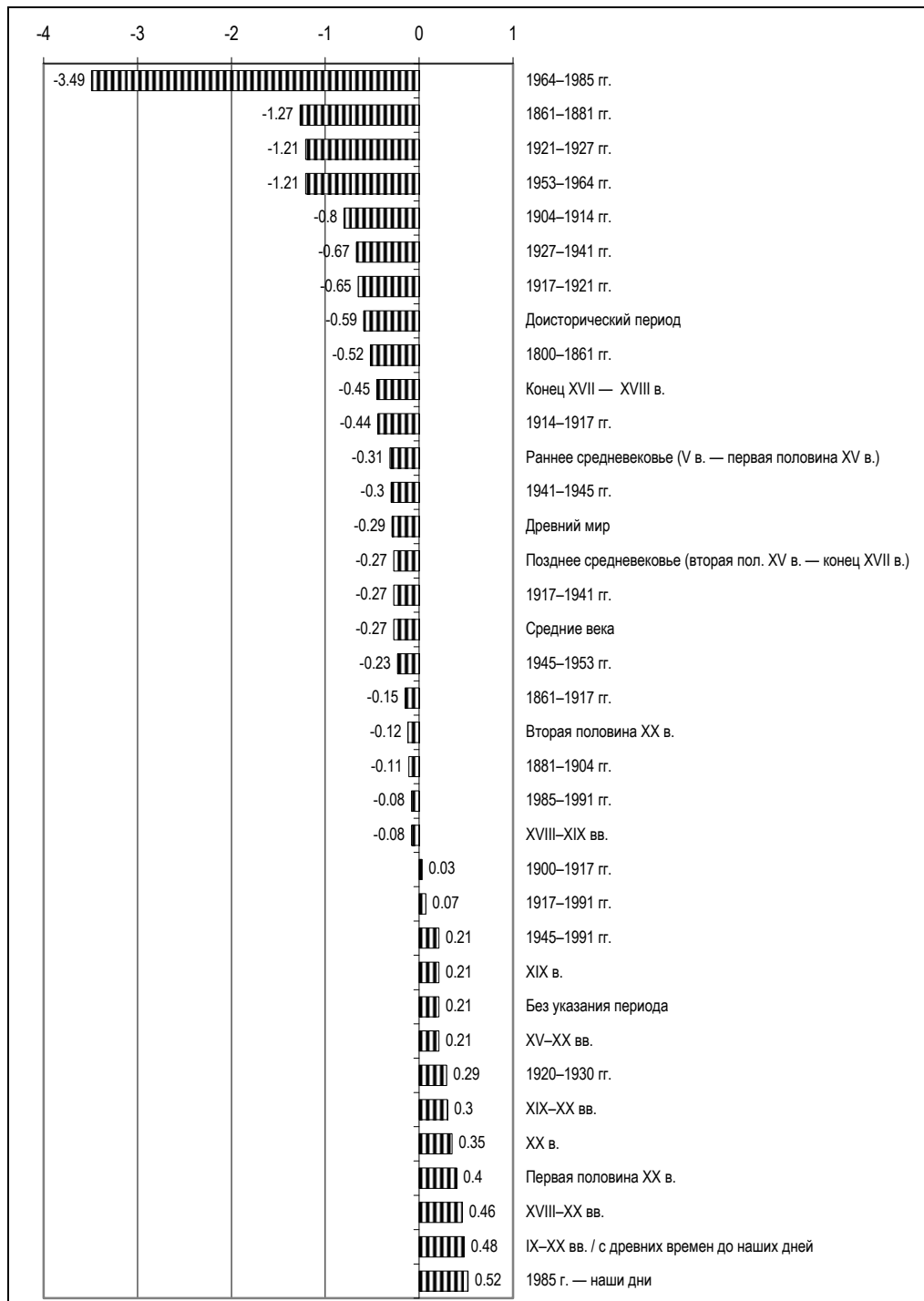
Отрицательное значение K_n^T показывает падение интереса к данной теме в соответствующее количество раз, положительное – соответствующий рост интереса. Нулевое значение означает неизменность интереса к теме.

Рисунок 26

Индекс изменения популярности тем К^Т для России в целом

Рисунок 27

Индекс изменения популярности изучаемых периодов K^II для России в целом

По приведенным рисункам и таблицам легко выделить темы, к которым историки в современной России утратили интерес по причине радикальной смены политической конъюнктуры. Это – История КПСС, История крестьянства, История рабочего класса, История промышленности / строительства / торговли / транспорта, Социально-экономическая история, История комсомола и молодежи. В советское время все эти темы изучались в силу политической необходимости. По ним сравнительно легко защищались диссертации, публиковались монографии, которые, правда, мало кто читал. В этих дисциплинах цензура была особенно строгой, и исследователям было очень трудно отступать от заданных сверху схем.

Далее следуют такие традиционные исторические дисциплины как Археология, Историография (источниковедение, историософия), История международных отношений и внешней политики, История экономики, История сельского хозяйства. Эти дисциплины сами по себе сложны, и в то же время мало востребованы на рынке как научных исследований, так и книгоизданий.

Падение интереса, хотя и менее значительное, испытали дисциплины, у которых коэффициент K^T больше -1 , но меньше 0 . Это – Военная история (история спецслужб), Политическая история, История политических партий и учений, Международные отношения России / СССР и История локальных объектов (здания, заводы, корабли и т. п.). Эти дисциплины относительно менее сложны, чем дисциплины предыдущей группы, и в советское время были довольно неплохо востребованы как на книгоиздательском, так и на исследовательском рынке. Можно вспомнить хотя бы инициированную Горьким многотомную «Историю заводов и фабрик». Соответственно данные дисциплины не являются столь политизированными, как дисциплины первой группы, и в них и в советское время были достигнуты некоторые научные результаты. Ряд популярных книг по этим дисциплинам востребован на книжном рынке – работы по военной истории и истории спецслужб, биографии политических деятелей, книги, содержащие очерки наиболее драматических политических событий, международных конфликтов, истории дипломатии и т.п. Однако в этих сферах профессиональные историки часто проигрывают сражение за читателей профессиональным публицистам и журналистам, отставным военным и сотрудникам спецслужб, а также дипломатам.

Следующую группу составляют дисциплины, имеющие положительный коэффициент K^T , но меньший $+1$. Это – История женщин и женского движения, Социальная история, История искусства / философии / литературы, Этнография (этнология), Вспомогательные исторические дисциплины, История организаций (учреждений), Демография, История интеллигенции, История государства и права. Можно предположить, что большинство работ в этих дисциплинах осуществляется по заказу государства и на гранты российских и зарубежных организаций. На издательском рынке могут быть востребованы в определенной степени только работы по Истории искусства.

В следующую группу входят дисциплины с коэффициентом K^T больше $+1$. Это – История казачества / государственных служащих / купечества / дворянства, История этносов и народностей, Межнациональные отношения / националь-

ная политика, История религии (церкви), История образования, История культуры (культурология), Университеты и научные учреждения, История городов (населенных пунктов), История науки и техники, Краеведение (территории), Социально-политическая история, Учебники (справочники, энциклопедии), Персональная история (история рода). Исследования в рамках этих сравнительно благополучных дисциплин имеют очень небольшой спрос на книгоиздательском рынке, за исключением учебников (справочников и энциклопедий). Большинство из них финансируется, в основном, не государством (во всяком случае, не его центральными органами), а организациями, компаниями и частными лицами. Последними в том числе финансируются исследования по Персональной истории, занимающей первое место в рейтинге. Тут, вероятно, играет роль и то, что некоторые историки, если позволяют время и средства, занимаются собственными генеалогиями. Государство в рамках госзаказа финансирует только написание учебной и образовательной литературы. Труды по краеведению (истории городов) зачастую финансируются местными администрациями.

Большинство историков начинают жить по законам рынка и прежде всего ищут источники финансирования для своих проектов или, напротив, ищут заказчиков с конкретными проектами. Динамика предпочтений исследователями исторических дисциплин в значительной мере отражает уровень финансирования отдельных дисциплин из различных источников.

5. Портрет российского историка

Пример статистического вывода:
в среднем все люди нормальны.

Александр Циткин

До сих пор мы изучали некоторые количественные характеристики российского исторического сообщества, анализируя сведения о множестве отдельных его представителей. Другими словами, мы построили математическую модель рассматриваемого объекта (сообщества исследователей), двигаясь от частного к общему.

Теперь, используя параметры этой модели, попробуем нарисовать среднестатистический портрет типичного представителя мира историков России. Творить этот образ мы будем, разумеется, в историческом контексте.

Итак, в 1946 году в городе Горький (ныне – Нижний Новгород) в семье советского служащего родился мальчик, которого назвали Виктором (в первые послевоенные годы это имя было одним из самых популярных мужских имён). В сентябре 1953 года Витя пошел в 1-й класс. Тогда его еще не интересовало, что в марте того же года умер Сталин. Его гораздо больше привлекали новенькие автомобили ГАЗ-69 (будущие «Газики» или «Козлики»), которые только что начал выпускать Горьковский автозавод (тогда ещё имени В.М. Молотова). А новенькая школьная форма была выше всяких похвал: настоящая гимнастерка (мышь-

ного цвета) с желтыми блестящими пуговицами, кожаный ремень с латунной бляхой и фуражка со школьным гербом (буква «Ш» в лучах восходящего солнца, обрамленная лавровыми листьями). Пуговицы, правда, нужно было периодически начищать пастой «Оседол» до блеска, зато ремень с тяжелой бляхой был незаменимым оружием в уличных конфликтах.

В мае 1956 года, когда Витя заканчивал 3-й класс, его родители радостно обсуждали Постановление Совета Министров СССР об отмене платного образования в старших классах школы и в вузах. Радость родителей легко понять. Среднемесячная зарплата в ценах 1940 года была тогда чуть больше 700 рублей, причем служащие получали зарплату чаще всего меньше средней по стране, да и ежегодные подписки на облигации государственного займа (как минимум – месячная зарплата) отменили только после 1957 года. Десятилетнего Витю, впрочем, вопрос о том, что будет с ним через целых четыре года, скорее всего, ещё не слишком волновал.

А вот закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятый в декабре 1958 года (новое проявление «заботы» родной партии и правительства) не обрадовал не только родителей, но уже и Виктора. Его не вдохновляла перспектива провести в школе не 10, а 11 лет, причем тратя по 2 дня в неделю в старших классах на таинственную «профессиональную подготовку» на каком-нибудь заводе. Вряд ли в 12 лет он собирался стать именно историком, но работать слесарем-инструментальщиком мальчик из интеллигентской семьи точно не мечтал. Единственным приятным сюрпризом для Виктора стала отмена раздельного обучения мальчиков и девочек. Родителей же больше всего расстроило положение нового закона, что в институт теперь можно было поступить, только отработав два года на производстве или после службы в армии.

Трудно сказать, когда именно Виктор принял решение стать профессиональным историком. Несомненно, после 12 апреля 1961 года наш восьмиклассник пережил сильнейшее искушение «пойти в космонавты» или «в секретные физики». В то же время хрущёвская «оттепель» с её многочисленными публикациями о замалчиваемых страницах истории, непривычно вольные разговоры в семье и с друзьями «о политике» – всё это вызывало желание узнать самому и рассказать другим – «как оно было на самом деле». Тем более, история страны творилась в те дни то как детектив, когда, например, в том же 1961 году после XXII съезда КПСС с поста памятника Чкалову на волжской набережной за одну ночь исчезла надпись «сталинскому соколу», то как фантастический роман: в принятой на том же съезде новой программе КПСС утверждалось, что к 1980 году в СССР будут созданы основы коммунистического общества.

В июне 1964 года одиннадцатиклассник Виктор получил диплом об окончании средней общеобразовательной школы. Для продолжения обучения осталось только отдать священный долг Родине – ему предстояло прослужить 3 года в армии (Виктору повезло – его призвали не в Военно-морской флот, где срок службы тогда был 4 года). И уже через несколько месяцев на политзанятиях замполит рассказывал молодому бойцу об историческом Октябрьском пленуме ЦК, осудившем субъективизм и волонтаризм в руководстве страной и восстано-

вившем в партии ленинские принципы коллективного руководства. Ни Виктор, ни замполит не знали, что они становились историческими свидетелями начала великой «эпохи застоя».

Весной 1967 года, вернувшись из армии, Виктор уезжает в Москву и поступает в престижный столичный вуз на исторический факультет. Во второй половине 1969-го – начале 1970-го третьекурсни́к Виктор вместе со всем советским народом встаёт на юбилейную вахту к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Ему поручается исправить упущения в деле воспитания советской молодёжи на высоком идейно-политическом уровне – покрасить стены бывшего студенческого клуба (или кафе – в разных вузах называли по-разному) в унылый бледно-зеленый цвет. Так гнездо недопустимого вольномыслия и оплот чуждого влияния превращалось в идеологически правильную ленинскую комнату.

В 1972 году, в возрасте 26 лет, Виктор оканчивает институт. К этому моменту в его жизни уже произошло два важных события: во-первых, он вступил в партию, а во-вторых, женился на москвичке. Для молодого беспартийного провинциала без московской прописки (если он не поступил в аспирантуру) остаться в столице и работать хотя бы школьным учителем истории было абсолютно невозможно.

Хотя Виктор и не поступил в аспирантуру, но он без труда получил распределение на кафедру истории в один из московских вузов, где в сентябре 1972 года молодой преподаватель приступил к работе.

В 1979 году он защищает кандидатскую диссертацию по теме, связанной с историей Великой Отечественной войны, и в период до 1991 года в очередном юбилейном сборнике публикует статью, а в научно-историческом журнале – биографию видного советского военачальника.

В 1991 году Виктор Иванович выходит из партии. Смена строя и гайдаровские реформы заставляют его задуматься о смене профессии, но подработки и репетиторство стабилизируют ситуацию. В 1995 году, в возрасте 49 лет, он защищает докторскую диссертацию по одной из проблем государственного строительства в 1917–1941 годах. К настоящему времени учёный опубликовал учебное пособие «История России. X–XX вв.», в основу которого положен цивилизационный подход, книгу «Политические партии России. XX век» и справочник «Генералы российской армии XIX–XX вв.», а также множество статей и заметок в научных, научно-популярных и просто популярных изданиях. Он неоднократно выезжал за границу для участия в международных конференциях.

В последнее время Виктор Иванович стал с грустью замечать, что преподаватели его кафедры постарели, а студенты не рвутся в аспирантуру, и вообще молодёжь в науку не идёт. Он понимает также, что недавнее введение платной основы при подготовке аспирантов и защите диссертаций не означает, что остепенённые граждане, число которых заметно возросло, свяжут свое будущее с наукой.

Забываемые нескончаемым рейтинговым шумом и изливающимся из электронных СМИ потоком отчеканенных оценок той или иной «представительной выборки», мы отдаём себе отчёт в несоответствии действительности любых

усреднённых социологических показателей. Эти показатели вовсе не лгут – нет, они просто не в состоянии представить реальную картину во всей полноте и многосложности. А как известно, полуправда – это всегда ложь... То же самое можно сказать и про нашего Виктора Ивановича.

Безусловно, многие будут искренне поражены тем, что этот среднестатистический пример историка оказался портретом типического сегодняшнего служителя Клио. Мы регулярно встречаем подобных викторов ивановичей на заседаниях кафедр, в коридорах издательств и редакциях научных (и не очень научных) журналов, на не самых представительных конференциях. И для нас совершенно очевидно, что такие викторы ивановичи являются уходящим типом историка. Мы можем привести многочисленные примеры других – как правило, более молодых – учёных, преподавателей, популяризаторов исторического знания, которые делают сейчас погоду в этом сообществе и не имеют ничего общего с получившимся «героем нашего времени». Вот в этом-то и парадокс нашего исследования – характерным примером оказался псевдогерой, в то время как реальные герои ещё не покинули своего творческого «подполья» и предоставили Виктору Ивановичу представлять их корпоративные черты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чернобаев А.А. (автор-сост.). Историки России XX века. Биобиблиографический словарь Т.1–2 / Под ред. В.А. Динеса. – Саратов, 2005. См. также: История интеллигенции России в биографиях её исследователей. Опыт энциклопедического словаря. – Екатеринбург, 2002 и др.

² См.: Научная элита. Кто есть кто в Российской академии наук. – М., 1993; Кто есть кто в изучении народов и национальных проблем в России. – М., 1995; Кто есть кто в РГГУ. Краткий биографический справочник. – М., 1997; Аникеев А.А., Егорова Н.И., Родионов О.А. Историки России. Кто есть кто в изучении зарубежной истории. Биобиблиографический словарь. – Ставрополь, 2004 и др.

³ Здесь и далее использовались данные Всероссийской переписи населения 2002 г.

III

Новые формы
объединения ученых

СООБЩЕСТВА «НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИКОВ»

Дмитрий ЛЮКШИН

Вторая половина минувшего века отмечена формированием в отечественном историческом сообществе исследовательских групп, утверждающих идеи региональной этнонациональной, этатнической историографии. В последнем десятилетии двадцатого века в большинстве национально-государственных субъектов Российской Федерации национально-культурное самоопределение специалистов, не сдерживаемое более идеологическими обязательствами, обернулось институционализацией этнически сцентрированного исторического нарратива, сопровождавшейся организационным оформлением творческих коллективов и, в конечном итоге, формированием дискурса нового жанра прорицания о прошлом – региональной национальной истории, сюжетные линии которой оказались доминирующими в официальных самопрезентациях административных структур и системах регионального образования¹. Несомненно, что эти новеллы способствовали активизации краеведческих и исторических разысканий, получению новых данных и расширению источниковой базы. Однако развёртывание организационной структуры национальной историографии и увеличение числа специалистов, мобилизованных на исторические фронты, не сопровождалось качественным изменением состояния исторических штудий в российских республиках. А ведь именно претензия на, «новое прочтение»² или, по крайней мере, переосмысление отечественной (и не только) истории служила обоснованием для институционализации и профессионализации гуманитарных исследовательских анклавов в национально-государственных регионах. Это обстоятельство позволяет ставить вопрос о релевантности этнонациональной историографии российских регионов современным представлениям о характере и содержании процесса исторического исследования.

Национальные истории в отечественной историографической традиции

Дискурсивная формация российской исторической науки и по сей день в значительной степени определяется тематикой национально-государственного креационизма, актуальной для европейской исследовательской традиции середины XIX века, вензелем которой собственно и выступал этноцентризм³. То обстоятельство, что результаты напряжённой историософской и методологической

рефлексии, сопровождавшей деятельность российского исторического сообщества в начале века XX, не говоря уже о достижениях мировой исторической мысли прошлого века, долгое время оставались недоступны⁴ исследователям прошлого в нашей стране, оказалось следствием административных раг excellence мероприятий совпартбюрократии. Идеологически опосредованное ограничение процесса исторического исследования рамками позитивистского дискурса, снабжённого умозрительной эсхатологией марксизма, с её ярко выраженной сатериологической подоплёкой, обуславливало организационную и методологическую селекцию исследовательских коллективов и персоналий, отбор тем, раскрытие которых оказывалось возможным в рамках просвещенческого оптимизма, не усматривающего ещё разрыва между историческим текстом и прошлым, взятым в его вненарративной объективности. Систематическая и пролонгированная реализация этой программы в гуманитарном знании оборачивалась самоограничением познавательного горизонта, консервацией методологического инструментария и в конечном итоге – отказом от заглавной интенции научного познания. Поэтому, в частности, в интеллектуальном пространстве советского обществознания, ориентированного отнюдь не на поиски объективной истины, бытование академической традиции представлялось немислимим. Элементы исследовательской этики сохранились здесь вопреки объективным условиям и субъективным акциям, так сказать, исторически (читай – случайно). Что же касается экспериментов с формой и методами исследования, то они были попросту невозможны, поскольку методология исторического познания находилась вне сферы компетенции историков.

Волею обстоятельств марксистская историческая механика⁵, своеобразно преломленная в паттерне этацентризма, составлявшем концептуальную платформу исследовательских практик историко-юридической школы, оказалась не только основательно усвоена советскими историками, но и творчески разрабатывалась представителями исследовательского сообщества. Можно считать вполне обосновано, что в ходе схоластических штудий советского времени в отечественной историографии сложился оригинальный дискурс «Истории СССР». Его составными элементами выступили в том числе и приподнятые до уровня «национальных историй»⁶ сюжеты исторического краеведения, модернизированные в середине XX века для обслуживания новоимперской идеологии сталинского «культуркампа». Поэтому очевидно, что дискурс современных национальных историографий регионального извода никак не может быть укоренён в рационалистических практиках добольшевистской отечественной исторической мысли (в той части, где объектом познания выступала история народов). Истоки аналитических практик этногосударственных историй, реализуемых в ряде субъектов Российской Федерации, с большим основанием можно обнаружить в утверждаемом с середины 30-х годов прошлого века национально-аксиологическом взгляде на историю России, в контексте которого была сформулирована катахреза советского патриотизма, открывавшая для населения бывших инородческих колоний (через посредство великорусского конформизма) возможность растворения собственной этнической идентичности в теле но-

вой советской империи. В свою очередь, социокультурная энтропия общества (в том числе и размывание этнической идентичности), к практической реализации которой сталинскому руководству удалось приступить уже после Второй мировой войны, позволяла настаивать на принятии Советским Союзом духовного наследия Российской Империи. Эта операция, измышленная в видах обеспечения стабильности коммунистического режима после ухода Вождя, осталась, однако, незавершённой. Наследники же «людоеда», в жарких коллизиях политических усобиц вынужденные прокламировать приверженность принципам ленинской национальной политики, – к слову сказать, весьма аморфной и непоследовательной, если рассматривать её теоретический базис, – неосторожно подтвердили право некоторых народов, населявших просторы СССР, и возведённых в ранг наций, на этанациональную самость. Последняя, в весьма сомнительной ленинской редакции, обуславливалась наличием оригинальных культурных традиций, а также единством крови и почвы, декларированных в качестве достаточного условия складывания нации. Таким образом, учреждение в советском обществоведении сегмента национальных историй функционально являлось одним из ключевых кодовых символов в послании постсталинского руководства, адресатом которого выступали представители республиканских этнических элит, лояльность которых в значительной степени гарантировала свободу рук партийной номенклатуре хрущёвского извода.

Правда, гарантировать устойчивость нового политического консенсуса было непросто, и в качестве залога республиканские элиты получили в своё распоряжение контроль над организационными структурами в научно-образовательной сфере. В общем контексте диалога поздних советских бюрократий разного уровня разветвление оргструктуры национальных историографий сохраняло значение одного из знаков единения управленческой корпорации в рамках единой иерархической структуры. Естественно, что результаты исследовательского процесса и его характер в рамках данной коммуникации имели далеко не первостепенное значение. Впрочем, было бы не вполне корректно настаивать на однозначной интерпретации этого иероглифа: расширение ресурсной базы национального обществоведения в период заката советской империи выступало и в виде поощрения усилий региональных администраторов, и как прикрытие унитаристских проектов союзного руководства.

В свою очередь, представители исследовательского сообщества были настроены уловить в этом диалоге специфический подтекст: сохранение организационно оформленных групп национальных историков интерпретировалось как намёк на приверженность т. н. «ленинским» нормам партийной жизни, в пределах которых жёсткие организационные мероприятия, ассоциировавшиеся с именем Сталина, полагались имманентно невозможными. Таким образом, сообщества национальных историков и наличие национальных историографий выступали одновременно и в качестве элемента советской академической традиции, и в виде составляющей знаково-символического образа власти, что само по себе не является ещё основанием для того, чтобы констатировать наличие полноценных исторических школ республиканского масштаба.

Сообщества «национальных историков»: жизнь после суверенного парада

Смена социально-политического строя в России, сопровождавшаяся устранением идеологического контроля за содержанием и ориентацией исторических штудий, открыла перед историческим сообществом нашей страны уникальные возможности для реализации своих исследовательских программ. Появилась возможность высказаться «до конца» и у представителей национальной истории. На руку им оказалось вполне понятное стремление республиканских элит легитимно презентировать себя в качестве лидеров этнических государств, по возможности, обособленных от Москвы. Мобилизация интеллектуальных сил титульно-этнической интеллигенции для обеспечения этих притязаний позволила этнообществоведом пережить нелёгкие времена структурной и организационной перестройки, объединившись под сенью, как унаследованных от советского времени институций (таких как академические институты и вузовские кафедры), так и в рамках новых организационных структур: региональных академий, спешно «произведённых» в университеты пед.-тех. институтов и т. п. образований, предоставленных в их распоряжение региональными элитами. Ещё одной формой объединения национал-историков стали региональные Энциклопедии, для создания которых в целом ряде бывших автономий были образованы специализированные институты⁷.

Организационно-институциональное оформление региональных исторических сообществ на постсоветском пространстве сопровождалось в национальных республиках презентацией намерений ревизовать лживое и жалкое советское историческое краеведение⁸, подняв его на уровень полноценной исторической теории, а также – демонстрацией исследовательской активности, развивавшейся по разным направлениям. Стремления обществоведов, в целом, совпадали с интенциями региональных элит, стремившихся проиллюстрировать свои сепаратистские демарши ссылками на исторические факты и опыт прошлого. Результатом совместных усилий явилась институционализация национальной исторической мысли и канализация интеллектуальных усилий регионоведов в русло отыскания глубоких исторических корней титульных этносов, что должно было послужить основанием для легитимации политических притязаний региональных элит. Вторым важным направлением деятельности представителей т. н. национальной интеллигенции становится стремление «поквитаться» с Россией, с коммунизмом, выступающее в качестве необходимого условия обретения новой идентичности. Отсюда – выводы о том, что голод 1921–1922 годов в Поволжье «был организован из Москвы со строго определённой целью: извести на нет политическую активность народов Поволжья и Приуралья»⁹. Кризис социальной идентичности, вызванный крахом Советского Союза нельзя, конечно, считать приметой этатнических анклавов России, однако в национальных республиках этот процесс принял полисемантический, а нередко – противоречивый характер. Оно и понятно – если, скажем, ярославскому преподавателю научного комму-

низма достаточно было просто решить, может он поступиться принципами или нет, то вот, например, историку партии из Уфы предстояло вдобавок выяснить, угнетали его русские или нет и попутно разобраться, что делать с татарами, осевшими на исконно башкирской земле.

Республика Татарстан, ещё в период агонии Советского Союза высоко поднявшая знамя территориально-административного сепаратизма, и здесь оказалась на передовых позициях, поскольку располагает высоким исследовательским потенциалом и развитой традицией исторического краеведения, заложенной сотрудниками Казанского университета ещё в XIX веке. Впрочем в романтический период этнизации истории Среднего Поволжья декларировался протошумерский и протогуннский характер булгаро-татарской цивилизации, положившей начало не только «княжеству Троя», но и культуре американских индейцев¹⁰. Несколько менее амбициозными выглядят попытки укоренить башкирский этнос в Волжско-Уральском регионе во времени раннего палеолита посредством признания протобашкирскими арийскую, крито-минойскую, египетскую и шумерскую цивилизации¹¹, правда, сформулированная одним из видных представителей башкирского цеха прорицателей прошлого претензия на существование англо-башкирской этнической общности выглядит всё же избыточно оптимистической¹². Однако если в Татарстане отчаянные этнические мечтатели уже оказались, в основном, вне профессионального сообщества, то в Башкирии «открытия» из этого ряда ещё продолжаются.

Развитие самодетельной исторической мысли в кавказском регионе происходит на солидной исследовательской базе кавказоведения, дискурс которого задан академическими работами В.Ф. Миллера, Е.И. Крупнова, Г. Вернадского, В.И. Абаева и др. по исторической антропологии, археологии, этнологии, выполненными на высоком профессиональном уровне. Но и здесь, по ироничному выражению Л.А. Чибирова¹³, «для некоторых начитанных людей история оказалась... наиболее выгодной приманкой для проявления “особой любви” к отчужденному дому»¹⁴. Впрочем это как раз неудивительно – специфика историографической ситуации в кавказском регионе определяется межрегиональными, а нередко и – международными, актуальными политическими процессами. К их числу можно отнести осетино-ингушский конфликт 1992 года, последствия чеченской суверенизации, российско-грузинское соперничество за влияние на Кавказе, другие коллизии. В этой ситуации история «приобрела... чрезмерную актуальность» (М.С. Капица), которая исключает академический характер дискуссии. Апелляция к прошлому, играющая роль аргумента в решении актуальных конфликтов, оборачивается тем, что результаты научных изысканий некорректно сопоставляются со смелыми, но неквалифицированными гипотезами, которые игнорируют политические акторы «с другой стороны». При этом бюрократические интриги и юридические коллизии, составляющие основу дискуссии, оказываются возведены до степени брутального противостояния на могилах предков.

В целом, нельзя сказать, чтобы энергично укоренявшиеся на почве этничности экс-партийные руководители испытывали бы острый недостаток в сотрудниках, озабоченных доказательством первородности своих народов. Однако

бурное развитие организационных форм, оказалось «профессионально» не подготовлено¹⁵. Отсутствие кадров соответствующей квалификации в некоторых регионах обернулось необходимостью возложить руководство академическими институтами на бывших хормейстеров и иных представителей национальной интеллигенции¹⁶. В ряде случаев пришлось объединять научный потенциал нескольких регионов в рядах этнонимизированных академий, таких как, например, Адыгская международная академия наук¹⁷. Ситуация в Татарстане – на особую. В этой республике, не обделённой ни титулованными историками, ни авторитетными краеведами, руководство академическим институтом истории было возложено на кандидата филологических наук, окончившего физфак Казанского университета¹⁸. Решение административно-организационных вопросов, впрочем, не сдерживало творческих дерзаний и уже к концу девяностых годов прошлого века представители национальной историографии выдали «на гора» результаты своих разработок, освобождённые от оков цензуры...

В частности, обнаружилась средневековая башкирская государственность, а исторические корни государственности Татарстана было рекомендовано искать всё же в Золотой орде, а не в павшей под натиском воинов Бату-хана Волжской Булгарии. Вайнахи насмерть встали на стенах Магаса, на штурм которых двинулись железные когорты алан. При этом стилистика дискуссии зачастую оказывается далека от академического стиля¹⁹. Очевидно такой подход к историческим исследованиям исключает возможность реализовать главную интенцию научного познания – поиск объективной истины, что априори блокирует возможность получения сколько-нибудь достоверных результатов. В общем, группы национальных историков, существовавшие в регионах ко времени становления нового российского федерализма оказались не в состоянии выполнить заявленную ими претензию на создание истории национальной государственности титульных этносов в этнически сцентрированных регионах.

В этом смысле небезынтересным представляется наблюдение Н.М. Лебедевой, заметившей, что позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности²⁰. Н.Л. Иванова полагает: «В норме для группового сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой идентичностью и межгрупповой толерантностью»²¹. Проще говоря, компетентное мнение двух профессоров Государственного университета – Высшей школы экономики относит сторонников активной антироссийской и этнофобской политики к разряду лиц с несформированной этнической идентичностью. В этом смысле то обстоятельство, что большинство идеологов регионального этнонационализма – выходцы с кафедр научного коммунизма, воспринимается вполне естественно. Разбухшие штаты организаций, в одночасье причисленных к ведомству Клио, никоим образом не могли заменить научного сообщества. Скорее, наоборот – возникла реальная угроза, что под дружным натиском роста национального самосознания широких слоёв этнической интеллигенции окажется погребена своеобразная традиция национальных историографий.

Время переосмысления... отменяется

Отличительной особенностью работ, подготовленных представителями этноцентристской исторической мысли в период утверждения нового федерализма в России, оказалось стремление «свести счёты» с выводами и обобщениями советской историографии. Безусловно, советская историография российской государственности в весьма малой степени учитывала реалии исторического процесса²². Но ведь основной порок патриотического историописания периода СССР – не замалчивание фактов или их неверная интерпретация. Нет нужды подробно объяснять, что опора на события прошлого вообще не включалась в перечень задач советско-партийного обществоведения. Дискуссия на поле сталинского патриотизма априори бессмысленна. Да к тому же и бесперспективна, поскольку рассказанная Отцом народов версия происхождения этих самых народов, по крайней мере, отличалась стройностью и логикой. Авторам новейших штудий, исполненных в стилистике этанациональной истории, не удаётся толком договориться даже о содержании базовых категорий, как, скажем, по вопросу об истоках татарского единства. Один из наиболее авторитетных татарстанских авторов Д.М. Исхаков склоняется к идее «культурного зонтика», в роли которого ему видится литературный язык²³, а представитель новой генерации национальных историков А.Ю. Хабутдинов придерживается идеи «путеводных звёзд», которых он насчитал три: религиозная реформа, создание нации по европейским образцам и восстановление собственной государственности²⁴.

Региональные исследователи, не умея и в общем-то не испытывая особого желания освоить актуальные для сегодняшней историографии исследовательские подходы, увязли в схватке за перекрой сталинского кафтана, оставаясь в целом в рамках дискурса советского обществознания. Понятно, что, рассуждая на языке Покровского и Панкратовой, реализовать претензию на новое прочтение истории народностей не удалось. Хотя по-своему они, безусловно, старались. Особую активность проявили в этом деле историки Татарстана, поскольку интеллектуальный потенциал данного сообщества высок по сравнению с аналогичными образованиями во многих других российских регионах. Однако уже к концу XX века обнаружилось, что у представителей цеха национальных историков отсутствует взаимопонимание по ряду принципиальных позиций. Данное обстоятельство не только затруднило синтез результатов, полученных представителями разных направлений этноистории, но и препятствовало формированию неформальных корпоративных структур.

Башкирские исследователи увязли в попытках не мытьём, так катаньем доказать изначальную древность «башкордов» относительно других народов мира – посредством «удревнения» времени формирования башкирского этноса, вплоть до верхнего палеолита²⁵. Активность этноисториков в этом направлении ограничена разве что невозможностью доказать принадлежность к титульному этносу местных обезьянок по причине их отсутствия в местной фауне.

Квалифицированные осетинские этнографы и антропологи неуклюже маневрируют на собственно историческом поле, с самым серьёзным видом обсуждая

этапы развития феодализма в аланских кланах, и осуждают грузинскую феодальную экспансию начала XX века в отношении осетин, которые уже в середине XIX века решительно перешли к капитализму²⁶. Это обстоятельство, по их мнению, убедительно доказывает ненаучность грузинской аргументации в споре о государственном суверенитете Южной Осетии. Аргументация грузинских (впрочем, и ингушских, и чеченских) коллег отличается от осетинской разве что меньшим изяществом стиля. Впрочем, пикироваться, сравнивая степень готовности тех или иных этносов к капитализму и скрупулёзно подсчитывать прошлые обиды можно до бесконечности. Собственно в этом и заключается одна из профессиональных задач историков. Поэтому иллюстрировать историографическую ситуацию в национальных республиках полотном Васнецова «После побоища Игоря Святославича с половцами», безусловно, не стоит. Процесс накопления фактов и структурирования исторического материала не прекращается. Однако объяснительный потенциал исторических концептов, уходящих корнями в дискурс этнонациональной истории, был исчерпан ещё в третьей четверти прошлого века. Они просто не позволяют логично организовать накопленный исследовательский материал и добиться адекватности исторического повествования исторической фактуре. То есть симулировать прошлое для дискурсивной формации этнонациональной истории задача посильная, но вот выдать полученный нарратив за историческую репрезентацию (в понимании предложенном, скажем, Анкерсмитом)²⁷ не выходит, поскольку повествование оказывается неадекватно прошлому: означаемое не соотносится с означающим. Преодоление этого затруднения посредством испытанного приёма партийных историков – ссылками друг на друга – позволяет, конечно, в рамках одного текста выдать нарратив за репрезентацию, однако, в формате дискурса оборачивается репрезентацией репрезентации, проще говоря, схоластическими экзерцициями, представляющими разве что эстетический интерес.

Сообщества национальных историков переживают кризис интерпретации: полученные результаты противоречат концептуальным схемам, положенным в основание дискурса этнонациональной истории. Фактически ни одна из тем, заявленных в качестве объекта этатнической истории не получила сколь-нибудь внятного разрешения, выходящего за рамки перетолкования выводов советского обществознания. Попытки вырваться из логико-семантического лабиринта исторического краеведения посредством мобилизации языкового инструментария позитивной истории оборачиваются генерацией текстов, вызывающих разве что улыбку; скажем, А.Ю. Хабутдинов обнаружил «нацию мусульман России», Д.М. Исхаков поведал о тяжкой доле «бывших тептярей»²⁸. Это цитаты из произведений докторов исторических наук, профессиональная компетенция которых сомнений не вызывает. Результаты краеведов-энтузиастов – из того же ряда, но речь о том, чем оборачивается добросовестная попытка реализации этноцентристского взгляда на историю. Несколько добрых слов в адрес татарского народа сказал и глава татарстанских историков Р.С. Хакимов. Директор Института истории Академии наук Татарстана разместил на официальном сервере Республики Татарстан скрипт «Кто ты, татарин?», где поделился интересным наблюдением, что «татарам присуща одна отвратительная черта – делиться на группы

и поедать друг друга»²⁹, причём он не стал ограничивать аудиторию пользователями интернета, ознакомив со своим мнением через официальное издание – газету «Республика Татарстан» – широкую общественность. Тут уж, кажется, никаких московских шовинистов не надо...

Неудивительно, что в последние годы в штудиях и пособиях, посвящённых прошлому Татарстана и Башкирии, например, наблюдается возврат на позиции советской региональной истории, с её политкорректностью и изящным обходом острых углов³⁰. В качестве другого «последнего окопа» выступает дискурс исторического краеведения, реализованный в последних выпусках школьных учебников по истории Татарстана. Весьма показательно в этом смысле «понижение градуса» этничности в изданном в 2000 году пособии – «История Татарстана и татарского народа» повествует об утрате татарским народом своей государственности и колонизации территории русскими³¹, в то время как в вышедшем через три года пособии «История Татарстана XIX век» при перечислении народов, населявших Поволжье, татары идут вслед за русскими, а общественные институты татар рассмотрены в 5–6 параграфах. О противодействии миссионерской политике и национальном угнетении авторы пособия не упоминают³².

В Башкортостане к концу второго тысячелетия не сформировано даже сколько-нибудь внятное представление о задачах регионального сообщества, равно как и самого сообщества. Для республик Кавказа, где этнические напряжения и территориальные споры всё ещё сохраняют остроту, тема поиска исторических корней остаётся более чем актуальной. Более того – динамика политических процессов стимулирует изыскательскую активность представителей региональных историографических общностей, особенно – занимающих активную гражданскую позицию.

Исследовательский потенциал региональных научных сообществ оказался недостаточным для формирования непротиворечивого и логичного концепта этнической истории регионов, равно как и для паттерна этнической государственности, принципиально отличного от модернизированной версии истории государства российского. Вместе с тем, развитие собственно исторического краеведения, публикаций, направленных на сохранение и презентацию культурного наследия народов нашей страны, приносит результаты, выступающие в виде надёжного базиса отечественной историографии. Примером может служить активность Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН³³, включённого в структуру Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.

«Национальные историки» о периоде «собираания русских земель» на рубеже XX–XXI вв.: поиски места в российской историографии

Новая генерация отечественной политической элиты проявила настойчивое стремление к утверждению «моноцентризма». Этот курс сопровождается исключением или маргинализацией игровых, которых не получается контролиро-

вать³⁴. Инкорпорация этнических квазигосударственных образований в структуру новейшей российской государственности, одним из условий которой стали гарантии личной неприкосновенности администраторов высших эшелонов, сделала политическую программу интеллектуального обеспечения внутреннего суверенитета экс-самостийных республик неактуальной. Это в свою очередь обернулось сворачиванием оргмероприятий, направленных на поддержание сообществ национальных историков, которые на новом повороте отечественной истории не смогли удержаться за обшлага статс-мундира и оказались перед необходимостью на свой страх и риск сохранять исследовательские структуры и интеллектуальные анклавы.

Прополка поля отечественной истории, характерная для историографической ситуации последнего времени, несколько затрудняет включение выводов национальных историографий в дискурс истории России, в том виде, как он формируется научным сообществом. Нет им места и в неодажданной концепции, которую на потребу новейшей российской элите пытаются сотворить представители политического креатива.

Весьма показательны в этом смысле перипетии татарстанской и башкортостанской историографии. Последние учебники по истории России³⁵, по ироничному выражению В.М. Бухараева, «два шага назад» по сравнению с тем, что было наработано российским историческим сообществом, начиная со второй половины 80-х годов прошлого века. Однако они отражают получающее все большее распространение стремление реанимировать классические позитивные методы исследования и на их основе попытаться дописать историю нашей страны с того места, где остановились Ю.В. Готье, А.А. Кизиветтер, С.Ф. Платонов и другие представители академической русской историографии. Стремление «вернуться к имперским корням» по-человечески понятно, однако, едва ли осуществимо: наша страна в её нынешних границах – «территория с сомнительной историей».

Тем более двусмысленной с классических методологических позиций видится попытка скроить, например, историю Башкортостана – искусственного территориального образования – или же башкирского народа (качественные характеристики которого до сих пор остаются дискуссионными, впрочем, как и этноним) по лекалам государственной истории – рассогласование дискурсивных формаций погружает читателя в пространство историографического абсурда, по сравнению с которым сталинские упражнения в историографии могут показаться невинными эскападами. Характер и направленность дискуссий последнего времени среди историков Башкирии свидетельствуют о том, что коллеги близки к той грани, за которой аргументация оппонентов уже не может быть воспринята. Следующий шаг в этом направлении может обернуться распадом сообщества.

Ситуация в соседнем Татарстане, на первый взгляд выглядит предпочтительнее: национальные историки республики, сохраняя боевые порядки, отступают на поле державной историографии, переходя к разработке периферийных сюжетов и смежных специальностей: формируются сборники документов, наконец-то сдвинулась работа по подготовке томов татарской энциклопедии и т. п. На этом пути не обошлось без потерь – несколько ухудшились условия работы в Инсти-

туте истории Академии наук Татарстана и исполкоме всемирного конгресса татар: сократилось финансирование, площадь занимаемых помещений, пришлось освободить кое-какие здания. Потерпели ущерб статусные позиции аннибалов этатнической истории, особенно тех, что не сумели почуять и принять изменения политической конъюнктуры. В частности, отставлен с должности советника Президента Р.С. Хакимов, сложил с себя полномочия Председателя Всемирного конгресса татар И.Р. Тагиров, был вынужден покинуть университетскую кафедру наиболее оригинальный этноисторик А.Ю. Хабутдинов – поскольку его взгляды на формирование татарской нации³⁶ перестали соответствовать российским политическим реалиям начала двадцать первого века³⁷, а главное – установкам руководства. Но, в целом, поводов для беспокойства, кажется, нет: по-прежнему в строю творцы суверенной истории Татарстана и татарского народа, функционируют организационные структуры, должныствующие играть роль бастионов национальной историографии³⁸, однако, сообщество этнических историков по-прежнему не сформировано и перспективы его дальнейшей деятельности туманны. Дело здесь не столько в ограниченности ресурсной базы или острой конкуренции за доступ к ней, сколько в отсутствии методологических оснований для рационалистических новелл в области этногосударственной регионалистики, с одной стороны. А с другой – в деградации механизма самовоспроизводства сообщества национальных историков³⁹. Сложившееся в советские годы некое подобие провинциальной научной среды отличал корпоративный дух, довольно высокие профессиональные стандарты и способность к обновлению. В последние годы представители татарстанской корпорации прорицателей прошлого были поставлены в ситуацию, когда основные характеристики академической структуры (хотя бы и советского типа) оказались поставлены под угрозу.

Прежде всего сообщество раскололось по отношению к институционализированным структурам национальной этногосударственной истории Татарстана. Часть исследователей примкнула к гардианам татарской этнической государственности, другая – либо ушла в оппозицию, либо предпочла «не замечать» официальной доктрины формирования татарстанской государственности, реализуя собственные исследовательские программы. Решающая роль здесь принадлежит научному сообществу Казанского университета, саботаж программы «национализации» республиканской государственности с его стороны имел решающее значение для сдерживания этнической пропаганды в республике и её столице. Не сумев сломить сопротивления столичной интеллигенции даже в период наивысшего подъёма национал-государственного строительства в республике, власть предержавшие вынуждены были искать обходные пути, терять время. Правда, в конечном итоге оказалось, что всё вышло очень удачно и для научно-педагогической общественности, и для республиканского руководства. За академическую свободу пришлось расплатиться рассогласованием дискурса исторического знания⁴⁰ и некоторым снижением научной активности при разработке проблематики исторического краеведения, однако, проект этнизации региональной истории, инспирированный руководством Республики Татарстан, не был реализован.

Помимо разделения на национальных и интернациональных историков произошёл раскол и среди самих специалистов, поддерживающих программу национальной истории в республике. Правда, «раскол» понятие не совсем точное, скорее, можно говорить о том, что ревнители национальной государственности упустили шанс для объединения, распылили интеллектуальные силы и ресурсы, отдали обильную дань бесплодным дискуссиям, вроде достойного последней четверти XVIII века спора об исторических корнях государственности татарского народа. В ходе этих междоусобных войн и последующих арьергардных боёв под натиском нового истолкования (правда, вновь державно-имперского) места народов России в её истории, принятого на вооружение в последние годы, оказались потеряны перспективные кадры молодых исследователей, а также методологические и идеологические ориентиры. Правда, в последнее время наиболее стойкие сторонники идеи татарского государства ушли в лингвистическое подполье: прекратив полемику на русском языке, они пытаются развернуть свою аргументацию в татароязычных СМИ и даже в интернете⁴¹, однако, подобные акты гражданского сопротивления едва ли будут способствовать эффективной модернизации ущербного паттерна национальной государственности.

Борьба за суверенитет на поле историографии обернулась, несмотря на сохранение организационных структур, дезорганизацией и депрофессионализацией провинциальной корпорации «национальных историков», и, кажется, поговорка «были бы кости – мясо нарастёт» в случае с Татарстаном не подходит.

Сходные процессы можно наблюдать и в других регионах Российской Федерации, отмеченных клеймом этнической государственности. Безусловно, свои особенности существуют на Кавказе и на Севере, в республиках волжского правобережья, однако, общей приметой сообществ, отдающих дань этнонациональным парадигмам общественности, возведённым до степени государственной идеологии, остаётся перенапряжение интеллектуальных сил, методологический коллапс и, в конечном итоге, – энтропия исследовательского сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интенции и ход этих процессов довольно подробно изложены и весьма внятно истолкованы в научном докладе Г.А. Бордюгова и В.М. Бухараева «Национальные истории в революциях и контрреволюциях советской эпохи», опубликованном издательством «АИРО-XX» в 1999 году.

² Избавленное от принудительных интерпретаций советской догматики.

³ Из наиболее очевидных причин можно указать дискретность традиции российской историографии, незавершённость процессов национально-культурной трансформации в регионах бывшего СССР, отсутствие в отечественном сообществе вкуса и интереса к познанию прошлого.

⁴ Нельзя также не отметить, что результаты и выводы П.Н. Милюкова, С.Ф. Платонова и ряда других представителей российской исторической мысли не освоены, да и не слишком-то востребованы современными российскими историками.

⁵ Несовершенство которой сделалось вполне очевидным для представителей европейской исторической мысли уже в 20-е годы XX века (См. например: *Трёлъч Э. Историзм и его проблемы.* – М., 1994. С. 13).

⁶ Весьма изычно о затруднениях в использовании понятийного аппарата, призванного обслуживать сюжеты региональной отечественной историографии высказались в своём докладе Г.А. Бор-

дюгов и В.М. Бухараев (См.: «Национальные истории в революциях и контрреволюциях советской эпохи». – М., 1999. С. 13–14). В контексте современного русского логоса актуальных культурных представлений «национальный» остаётся синонимом «этнического», в то время как в научной среде предпринимаются попытки разведения этих категорий, самостоятельных в дискурсе евроатлантической социокультурной традиции. Это обстоятельство обуславливает необходимость освоения контекста, в котором «здесь и сейчас» используются термины национальный и этнический. Что касается данного текста, то автор, последовательно разводя категории этнического и национального в исторической онтологии, полагал правомерным использование категорий «национальный историк», «национальная историография» в качестве устоявшихся историографических терминов для определения региональных исследовательских сообществ в этногосударственных субъектах СССР и Российской Федерации.

⁷ Укажем только на энциклопедические институты в Татарстане, Башкирии, ряде других регионов.

⁸ См.: *Нурутдинов Ф.Г.-Х.* Родиноведение. – Казань, 1995. С. 4–6.

⁹ Суждение это принадлежит набережночелнинским краеведам Т. Ахмадшину и Ф. Тазиеву, выступающим от имени татарской общности.

¹⁰ См.: *Нурутдинов Ф.Г.-Х.* Родиноведение. – Казань, 1995. С. 16.

¹¹ См.: *Габдрафиков И.* Этническая мифологизация исторического образования (по материалам Республики Башкортостан) // Российская историческая наука на современном этапе: перспективы исследования и реализации национальной образовательной политики. – Казань, 2007.

¹² См.: *Галлямов С.* Великий Хау Бен. Исторические корни башкордско-английского языка и мифологии. – Уфа, 1997.

¹³ Л.А. Чибиров – выдающийся этнограф и кавказовед, автор капитального труда «Традиционная духовная культура осетин», вышедшего в 2008 году в издательстве «РОССПЭН».

¹⁴ См.: *Чибиров Л.* Вольные упражнения вместо науки («ингушский вопрос»). URL: <http://iratta.com>.

¹⁵ См.: *Гутнов Ф.Х.* История и политика. Там же.

¹⁶ Речь в данном случае идёт о Горно-Алтайском институте гуманитарных исследований.

¹⁷ Базируется в Майкопе.

¹⁸ Речь идёт о Р.С. Хакимове, правда, в 2010 году он защитил-таки докторскую диссертацию по истории, так что вполне может считаться ещё и историком.

¹⁹ Так, например, С. Хамичев, автор работы «Осетинская экспансия на Кавказе и в Закавказье», претендующей на статус новой версии кавказской истории, на полном серьёзе усомнился в наличии совести «У фашиствующих осетинских национал-экспансионистов» (См.: *Хамичев С.* Осетинская экспансия на Кавказе и в Закавказье. – Магас, 2006). Авторитетнейший кавказовед Р.С. Бзаров, выступая на VI съезде осетинского народа, усмотрел главную цель грузинской политики в ликвидации Южной Осетии. См.: Выступление доктора исторических наук профессора Руслана Бзарова на VI съезде осетинского народа. URL: <http://iratta.com>.

²⁰ См.: *Лебедева Н.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / Под. ред. Н.М. Лебедевой. – М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 10–35.

²¹ Там же.

²² Тем более что источниковую базу этого периода нельзя считать избыточной.

²³ *Исхаков Д.* Татарская нация: история и современное развитие Раздел 1. Мы – татары. URL: <http://kitap.net.ru/isxakov1-5.php/>

²⁴ *Хабутдинов А.* Лидеры нации. Введение. URL: <http://kitap.net.ru/isxakov1-5.php>.

²⁵ См.: *Габдрафиков И.* Этническая мифологизация исторического образования (по материалам Республики Башкортостан) // Российская историческая наука на современном этапе: перспективы исследования и реализации национальной образовательной политики. – Казань, 2007.

²⁶ См.: Выступление доктора исторических наук, профессора Руслана Бзарова на VI съезде осетинского народа. URL: <http://iratta.com>.

²⁷ См.: *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. – М., 2007. С. 11–13.

²⁸ *Исхаков Д.* Татарская нация: история и современное развитие Раздел 1. Мы – татары. URL: <http://kitap.net.ru>; *Хабутдинов А.* Лидеры нации. Введение. Там же.

²⁹ *Хакимов Рафаиль*. «Кто ты, татарин?». URL: <http://www.tatar.ru>.

³⁰ См., например: *Тагиров И.Р.* Государственность Татарстана: веки становления и развития // Научный Татарстан – 1999. *Он же*. Очерки истории Татарстана и татарского народа (20 век). – Казань, 1999, *Шарафутдинов Д.Р.* Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа XIX – начало XXI вв.: монография. – Казань, 2004.

³¹ См.: *Синицына К.Р.* История Татарстана и татарского народа (Вторая половина XVI – XVIII вв.). – Казань, 2000.

³² См.: *Мустафина Г.М.* История Татарстана. XIX век. – Казань, 2003.

³³ Примером может служить исполненная в академическом стиле коллективная монография «Буряты», изданная под эгидой Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая в 2004 году. Этот солидный том является наиболее полным собранием сведений по этнической истории и культуре бурят. (См.: Буряты. – М., 2004).

³⁴ См.: *Малинова О.Ю.* Производство политических идей и векторы трансформации публичной сферы в постсоветской России // Россия в постсоциалистическом мире. – М.: РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учёными в области социальных и гуманитарных наук», 2006. С. 99.

³⁵ История России XX – начала XXI века / *А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова*; под ред. Л.В. Милова. – М., 2006–960 с.

³⁵ История России. С древнейших времён до начала XXI века / *А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин и др.*; под ред. А.Н. Сахарова. – М., 2007. – 1263 с.

³⁶ Весьма своеобразные, но защищённые, тем не менее докторской степенью.

³⁷ См.: *Хабутдинов А.Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. – Казань, 2001.

³⁸ Институт Истории АН РТ, Исполнительный комитет Всемирного Конгресса татар, Казанский институт федерализма, Центр этнологического мониторинга и др.

³⁹ А.Ю. Хабутдинов в своей работе «Лидеры нации» настаивал на том, что пришло время нового поколения татарских интеллектуалов показать, на что они способны... Он, кажется, поторопился... или опоздал?

⁴⁰ Штудии представителей академического сообщества вписываются в рамки парадигмы исторической рациональности, сочетающей освоение событий прошлого с теоретико-методологической рефлексией относительно характера и содержания собственных репрезентаций, а авторы, реализующие программу национальной истории, исповедуют метод нарративного генезиса прошлого, то есть сочинения текстов о прошедшем времени без оглядки на историческую фактуру. Блестящие примеры позитивного креационизма, позволяющие усматривать ростки социализма на иссушенных колхозных полях тридцать первого года, дают тексты сочинений М.Н. Покровского, сталинский сценарий Великой Отечественной войны, хотя непревзойдённым образцом жанра остаётся всё же «Краткий курс».

⁴¹ URL: <http://kitap.net.ru>; <http://forum.tatar.info>; <http://uch-cool.narod.ru> и др.

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ: ТРИ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗНАНИЯ И СООБЩЕСТВА

Наталья ПОТАПОВА

Необходимость проблематизировать современное состояние исторической периодики продиктована не только сегодняшней историографической ситуацией. Помещение журнала, как одной из наиболее мобильных форм профессиональной деятельности, в фокус внимания позволяет проследить изменения в рамках исторического сообщества, которые произошли за последние годы, выявить основные формы коммуникации, принятые в профессии, затронуть проблему властных отношений, реализуемых в этой среде.

Речь пойдет о формах взаимодействия между редакторами и авторами, о способах коммуникации и технологии власти в рамках профессионального сообщества, о моделях отношений, которые реализуют в своих практиках современные исторические журналы, о дискурсивных стратегиях и формах репрезентации прошлого, которые поддерживаются и производятся участниками этих отношений.

Категория «модели» кажется удобным инструментом анализа, метафоризация объекта делает возможным сопоставить наблюдения над частным случаем состояния исторической периодики с другими сферами жизненного опыта (порой более привычными и осмысленными), а значит прояснить собственную позицию относительно происходящего в замкнутом и локальном сообществе историков.

По сложившейся либеральной традиции журнал часто называют «форумом». Издатели охотно работают с этой метафорой, используя ее в названии рубрик и в попытках саморепрезентации. Республиканская метафора вызывает в памяти образ городской площади, суеты, заботы, толчеи. Здесь встречаются поговорить, выносят свой спор на суд, каждый может сюда попасть, услышать оратора. Здесь творится суд и расправа, решаются тяжбы и споры, здесь похваляются и бьются, сюда приносят трофеи, здесь возводят на престол, отсюда изгоняют, здесь разыгрываются комедии и трагедии. Здесь склоняют стать горячими сторонниками, дают понять, что тем оказывают великую услугу. Таким видели форум Цицерон, Тит Ливий, Тацит... Насколько удачно эта метафора отражает современное состояние большинства российских журналов, – вопрос, который стоит обсудить. Пригодны ли вообще республиканские модели для описания современного состояния исторического сообщества? Чтобы увидеть возможное сходство или контраст попробуем сопоставить эти два смысловых ряда.

Какими свойствами обладает силовое поле, в условиях которого оказывается возможной реализуемая журналами форма профессиональной коммуникации? Журналы являются важными институтами, тесно связанными со многими практиками исторического сообщества. Необходимость регулярно публиковать определенное количество статей – дисциплинарное требование целого ряда сложно

взаимосвязанных научных структур. Диссертант, грантополучатель, преподаватель вуза и научный сотрудник, – все должны в свой срок держать ответ и предъявить индульгенцию: список публикаций. Между тем далеко не все члены сообщества имеют равный доступ к этому ресурсу, журналы одновременно контролируют и нормируют состояние исторического знания, изолируют и маргинализируют формы, которые, с точки зрения осуществляющих контроль интеллектуальных элит, признаются нелегитимными.

Однако представление процесса как противостояния двух сил – активных и властных редакторов и независимых, но пассивных авторов, – напоминает старые конспирологические теории. Сами редакторы не раз за последние годы признавали отток потенциальных авторов, – многие историки отказываются от участия в реализуемом редакцией предприятии. Развитие и популярность электронных форм коммуникации сделали вполне возможной самоорганизацию и изменение принципов распределения ответственности за принятие решений внутри сообщества. Однако историки удивительно слабо отреагировали на этот технологический вызов. С чем связан такой низкий интерес профессиональных историков к открытому информационному пространству и к публичным формам представления своих работ? Можно ли говорить в духе старых либеральных теорий о противостоянии независимых авторов и редакторского диктата? Независимы ли авторы или они в свою очередь активно вовлечены в процесс перераспределения власти, и в этом контексте производство и публикация исследования рассматривается ими лишь как очередной шаг по карьерной лестнице?

Существующие критерии оценки «профессионализма» не предполагают взаимозачет – чтение чужих работ и участие в обсуждении не засчитываются в научную работу, если речь не идет о рецензировании диссертации или книги. В этом случае рецензирование рассматривается как контроль доступа на этапе принятия решений, когда доработка или исправление рецензируемого продукта уже невозможны. Это исключает саму возможность сотрудничества и делает горизонтальные связи между независимыми коллегами прагматически бессмысленными. Рецензирование существует исключительно как реализация вертикальных властных отношений. Какие факторы влияют на поддержание этой системы и делают ее устойчивой в условиях возможных трансформаций перед вызовами рынка и новых технологий? Как с этим связаны кризис дисциплины и отсутствие новых идей, которые отмечают многие критики исторического знания?

Для исследования были выбраны несколько журналов, анализ которых, на наш взгляд, позволит продемонстрировать наиболее яркие проявления существующего в последние годы спектра моделей организации массового исторического знания в среде профессионалов. Во-первых, это старые академические журналы – **«Вопросы истории»** и **«Отечественная история»**. Эти журналы хорошо представляют поле традиционной исторической науки, прочно связанной с дисциплинарными институтами в рамках профессии. «Вопросы истории» выходят с 1926 года, «Отечественная история» с 1957 года. Издание осуществляет Академия наук, журналы представляют собой наследие старой советской академической системы, сохраняют некоторые элементы принятой тогда сегментации исторического знания и управления наукой. В последние десятилетия эта систе-

ма пережила серьезные трансформации. Журналы достаточно репрезентативны для изучения степени интеллектуальной инерции, а также способы адаптации к новым интеллектуальным и производственным условиям, во многом характеризующих современное состояние исторического знания в России.

Ещё один журнал – междисциплинарное **«Новое литературное обозрение»**, само название которого делает проблематичным его отнесение к числу «исторических», но, однако, не исключает возможность использования для исследования современного состояния исторического знания. И, наконец, – глянецовый журнал **«Родина»**.

Исследование основано на сплошном просмотре содержания этих журналов за последние годы (с 2003 по 2010 год).

Исторические журналы интересуют нас как пространство столкновения дискурсов. В качестве критериев принадлежности к историческому дискурсу мы рассматриваем способ исторического описания и упоминание значимых имен «своих», известных предшественников, легендарных «отцов-основателей» «направления», «движения», «школы», «традиции» и т. п. мифических сообществ. В зонах, которые осознают себя как «пограничные», часто считается достаточным упомянуть название дисциплины, из которой «импортируются» интеллектуальный инструментарий, исследовательские категории, или так называемый «метод». При этом на практике они не столько импортируются, сколько присваиваются и ассимилируются «коренной» дисциплиной, и о «методе», то есть адекватном аналоговом использовании категорий говорить не приходится. Такой же бывает судьба наследия великих «предшественников».

Журнал оказывается той публичной сферой, которая контролирует и нормирует взаимодействие дискурсов и определяет современное историческое знание. Доступ сюда ограничен. В фокусе внимания – основные характеристики силового поля, образующего принятые здесь дискурсивные практики и формы взаимодействия. Задача данного исследования определить, какие интересы – прагматические и научные – объединяют авторов, как стратифицировано современное историческое знание и профессиональное сообщество.

Публикация в журнале была и остается формальным параметром, по которому большинство институтов профессионального сообщества оценивают квалификацию автора. «Ваковский список», списки публикаций и индексы цитирования, – все это было и остается инструментом, позволяющим получить степень, должность, постоянную или временную работу. Получить, или не потерять.

По мнению американских критиков, система продвижения по карьерной лестнице влияет на то, что журналы оказываются связаны со строго определенной дисциплиной. Журнал из пространства междисциплинарного общения превращается в охраняемую дисциплинарным сообществом территорию, вход куда для представителей других дисциплин не то чтобы запрещен, – он для них оказывается прагматически бессмысленным. Брекман видит проблему в том, что дисциплины могут и, действительно, пытаются наделить отдельные издания особой значимостью, приписать им «ценность» бóльшую или меньшую, создают топ-листы приоритетных изданий, публикация в которых влияет на продвиже-

ние по карьерной лестнице. Функции рейтингов и топ-листов в гуманитарных и социальных науках, по его мнению, выполняет «мнение старших коллег» о том, какой журнал считается «релевантным» в вашей сфере. Круг чтения и приоритеты тех, от кого зависит получение *tenure*^{*}, превращается в своеобразный рейтинг для журналов, неформально существующий в дисциплинарном сообществе¹. Эта власть влияет на выбор авторов, связывает определенными ограничениями и принуждениями. В ситуации казалось бы свободного рынка дисциплинарным сообществам удается подчинить и присвоить себе издание. Для многих изданий в последние годы связь с определенной дисциплиной гарантирует большую стабильность и выгоду, больше постоянных подписчиков-институтов. Издания становятся все дороже, цены на многие журналы за последние десять лет выросли почти в полтора раза. Несмотря на доминирующую в научном мире идеологию междисциплинарности, исследовательские практики по-прежнему были и остаются скованы дисциплинарными властными принуждениями.

В этих условиях «альтернативные издания» и интеллектуальная субкультура существуют за счет тех, кто уже «всего добился» или тех, кто отчаялся получить дальнейшее продвижение. Количество авторов, уже имеющих постоянную штатную должность, может, по мнению критиков, сигнализировать о маргинальном положении журнала в рамках профессии. Оппозиционные интеллектуальные элиты и примкнувшие к ним маргиналы вместе могут создать достаточно мощный ресурс протеста.

Однако дисциплинарные рамки – не единственная граница в профессиональном ландшафте. Для России актуальна и проблема «регистрации». Российское знание контролируется из Москвы – профессиональное сообщество воспроизводит в данном случае российскую политическую модель. Все современные издания, претендующие на статус общероссийских, издаются в Москве, большинство их авторов работают в московских институтах. Ни один региональный журнал не смог стать общероссийским форумом, и причины не только в отсутствии средств. В последние годы новые издания и вовсе перестали появляться, ВАКовский список² отчасти «кодифицировал», закрепил уже существующие «владения». Ситуация осложняется редакторскими практиками: российские издания экономят усилия и средства на поиск новых авторов, негласно сохраняя постоянный авторский «пул». Даже иницируя форумы и обсуждения, редакторы стараются приглашать известных людей. При этом сами участники редколлекции появляются на страницах журнала не так часто, избегая предварять обсуждение темы. Ситуация прямо обратная принятым, к примеру, в англо-саксонской академической среде практикам.

«Безбрежные просторы» книжного рынка также для многих журналов остаются чужой, неизведанной сферой, от которой их существование зависит крайне мало. Не имея средств на принципиальное изменение формата и не находя путей для поиска, многие издания, оставшиеся от советской эпохи, делают «косметический ремонт» подручными средствами. Эта модель выживания – характерный случай современного состояния многих академических изданий.

^{*} Пребывание (в должности) (англ.). Примеч. редактора.

Журнал как наследие: опыт реконструкции академических журналов

За полтора десятка лет издатели и авторы пытались подновить если не фасад, то интеллектуальные интерьеры доставшихся в наследство от старших поколений академических изданий. Часто ремонт был инициативой «постояльцев» – самих авторов, вынесших свои статьи на страницы журнала. Сложившие практики позволяли редакциям не заботиться о поиске потенциального читателя, сосредоточив основные усилия на привлечении и сортировке авторов, заполнении пространства номера.

Среди авторов московских академических журналов доминируют мужчины, москвичи среднего возраста, кандидаты наук, доценты или старшие научные сотрудники, с базовой исторической специальностью по классификации ВАК. Это те, кто успешно начал карьеру и для ее завершения необходимы еще один-два шага по карьерной лестнице: еще нужно защитить докторскую и получить очередную должность. Академическая среда – не женское место (женщин – не более 25–30 %), там не звучит голос молодых. Научное сообщество продолжает рассматривать исторический журнал как властный институт, контролируя ритуальное распределение не столько престижа публикации³, сколько связанных с ней социальных благ. «ОИ», орган московского ИРИ РАН, долгое время поддерживал связи с региональными университетами. «ВИ» ориентировался помимо государственных университетов на преподавателей педагогических вузов и сотрудников профильных кафедр технических институтов, иногда предоставляя слово и «маргиналам» – не имеющим степени в области исторических наук или же вовсе ее не имеющим. Однако степень остается основным пропуском в академические издания, и это правило, наряду с новым ВАКовским списком, чуть было не создало порочный круг. Вести дела и договариваться традиционно позволяет клановая поддержка и ходатайство за учеников. Показательно, скажем, что регионалы не приходят в академические журналы по одиночке: случайно получив приглашение, пробивают статьи коллег-земляков, – так появлялись выпуски, посвященные обзору работ «историков Урала»⁴, блоки статей вологжан, вятчан, нижегородцев, харьковчан. Санкт-Петербург, еще недавно разделявший с москвичами функции формирования журнала «ОИ», утратил этот статус, и по количеству публикации петербуржцы тут же сравнялись с остальными регионалами. Не смотря на очевидный дефицит информационного пространства, ряд авторов добивается возможности почти ежегодно выступать в академических журналах, снова и снова привлекая внимание к своей не изменившейся теме, создавая при поддержке редакторов своеобразные сиквелы и сериалы⁵, которые однако не воспринимаются в сообществе как новинки. «Чтение теряет свой престиж», – заметил как-то Игорь Нарский.

Академическое сообщество не выработало особого формата историографического письма для журналов – любая статья может быть развернута до монографии, а монография – ужата до статьи. Только ВАК решает, в какой форме представить результаты долгих лет исследования – сам автор должен уметь изложить

суть в трех предложениях на бланке библиотечной карточки, в автореферате, статьях, книге – в зависимости от классификационного уровня.

В последние годы усилия редакции по формированию состава номера стали проявляться в попытках представить читателю тематические рубрики. В «Отечественной истории» до недавнего времени большинство рубрик были мотивированы юбилеем того или иного события, причем не всегда сходство тематики оказывалось достаточным основанием, чтобы текст был включен в цикл⁶, – при том, что порой «ОИ» с трудом удавалось заполнить юбилейное пространство более чем одной публикацией⁷. Юбилейное пространство – самое рейтинговое поле, зона контроля редколлегии⁸. Редакция ранжирует тексты с помощью кегля, объема, места в номере. Открывают номер тематические рубрики, куда попадают тексты, наделяемые повышенной значимостью, затем следует более низкая форма просто «статей», затем «сообщения». К числу маргинальных форм традиционно оказываются отнесены «историография, источниковедение и методы исторического исследования» и «письма в редакцию». В большинстве случаев редакторский выбор мотивирован отнюдь не форматом статьи, – формат остается общим для академического стиля письма. Репертуар сюжетов, объединенных под одной рубрикой, слишком разнообразен и не позволяет «прочитать» такую рубрику как единый текст⁹. Логика их формирования напоминает организацию многих современных конференций: под знамена сюзерена-организатора с абстрактным девизом стекаются воины, каждый в своих доспехах и оружии, приводя с собой вассалов-учеников (так описывали средневековое воинство мидиевисты). Здесь не заказывают статей, а лишь приглашают к участию тех, с кем связаны¹⁰. «Всеобщая мобилизация» коллег, работающих над похожей проблемой, невозможна; работы «добровольцев» могут поместить где-то на окраине журнала, в своей части. Сообщество живет по законам феодального мира, где каждый возделывает «аллод» своей темы, отпущенный ему, чтобы мог явиться в срок по призыву и исполнить повинность. Сосед, возделывающий межу рядом, может принадлежать другому клану. Структура академических журналов чем-то напоминает политический ландшафт средневекового мира: номер образует чересполосица сюжетов, владельцев связывает сложная структура подданства.

В большинстве случаев складывается впечатление, что выбор темы в рамках периода и рубрики происходит не по заказу, а по «внутреннему убеждению» в необходимости публикации, и связан с субъективным интересом исследователя. Однако попасть на форум можно только под жестким контролем редколлегии. Допуск определяется социальными связями, а не общим представлением о необходимой тематике номера. Не коммуникация, а консолидация сообщества оказывается наиболее важной функцией этих исторических журналов. Редактор и не думает примерить роль «Анны Павловны Шерер», сводящей историков, объединенных общей идеей, тематикой, приемами. В данном случае редактор напоминает инспектора, охраняющего водоем, – он контролирует видовой отбор, истребляет паразитов и браконьеров, позволяет обитателям «сосуществовать», наблюдать деятельность друг друга и самостоятельно проявлять себя в заданных условиях. Объединение статей под одной рубрикой даже при очевидно заказном ее характере все же выглядят в академических журналах довольно искусственно

и выдают спонтанность и субъективность выбора исследовательского интереса и разобщенность их авторов.

Тем не менее периодика показывает очевидные тематические приоритеты, объединяющие академическое сообщество. Для сообщества, в целом довольно консолидированного с точки зрения представлений о приемах исследования и письма, своеобразным рубрикаторм оказывается способ проблематизации того, что наделяются статусом события, – историков объединяет и разводит не столько методика исследования, сколько тематика. Ее выбор означает присоединение к сообществу, которое уже диктует и категориальный инструментарий, и выбор перспективы, источников, объектов, постановку проблем. От хронологических рамок к теме, – таковы пределы индивидуального выбора; а логика дальнейшего исследования подсказана ориентирами, уже выработанными в профессии. Маргиналов, воспроизводящих нетрадиционные для тематического клана приемы и методы, позаимствованные у других кланов, – в академическом сообществе и академической периодике крайне мало. Принцип *«cujus regio, ejus religio»* во многом еще остается актуален.

Академическая история – традиционно глобальная история, в фокусе ее внимания – большие исторические отрезки времени или длительные последствия одного, «переломного» события; это – история больших социальных групп и институтов, безликих как толпа или воображаемых как процессы. «Власть» в той или иной форме чаще всего оказывается главным объектом пристального внимания даже в том случае, если автор пытается писать социальную историю – описание законодательной базы и принятых в отношении той или иной социальной группы решений традиционно занимает основную часть исследования¹¹, жанр «истории снизу» пока плохо удается авторам. Но само желание ее писать нельзя не отметить – пятнадцать лет не прошли даром, молодые исследователи если и не овладели техниками письма, то наслышаны о существовании большинства современных направлений, таких как устная история, история повседневности, имперская история, экологическая история, постмодернизм, история ментальности, теория модернизации, историческая память, региональная перспектива. В отличие от «ВИ», редакция журнала «ОИ» усиленно пыталась познакомить читателей со своим пониманием сущности данных направлений, заказывая критические описания и очерки¹².

История бюрократии, портреты управленцев и администраторов, репрезентация «вертикали власти» занимают важное место среди тематических приоритетов академических изданий. В фокусе все чаще оказываются региональные власти – губернаторы, градоначальники, городские головы¹³ и местный управленческий аппарат¹⁴. По мнению одного из авторов, до недавнего времени в современной историографии наблюдался очевидный «спрос» на консерватизм: если при Ельцине интерес к русским консерваторам носил скорее антикоммунистический оттенок, то в последние годы консерватизму пытались придать черты антилиберальной национальной идеи, необходимость поиска которой была воспринята многими в академическом сообществе как политический заказ для легитимации сильной государственной власти¹⁵.

При этом интерес к репрезентации высшей и центральной власти заметно упал; отказавшись от разоблачения и критики, историки с трудом находили новые приемы формирования положительного образа¹⁶. Однако новая тематическая рубрика в журнале «ОИ» – «Из истории советских спецслужб» – уже представляла читателям органы ВЧК и ОГПУ в новом ракурсе, с точки зрения его администрирования, установления пределов компетенции, финансирования. Акценты были перенесены с темы репрессий на «участие в борьбе с должностными преступлениями, спекуляцией, бандитизмом» и т. п. явлениями, «борьбе с терроризмом», «участие в разоружении населения Дагестана и Чечни» в 1920–30-е гг.¹⁷. «При всем критическом отношении» авторы призывали в частности осознать «отличие порядков ГУЛАГа от лагерей фашистской Германии»¹⁸.

История управления Русской православной церковью успела с начала 90-х гг. занять позиции одного из популярных академических направлений. Если раньше эти отношения рассматривались с точки зрения репрессий, преследований в отношении верующих и церковников, то в последние годы историки рассказывают о прагматических мотивах, которые толкнули высших иерархов православной церкви сначала на поддержку свержения монархии¹⁹, затем на сотрудничество с правительством Сталина. Осваиваются новые комплексы архивных источников, позволяющих реконструировать историю управления церковью во второй половине XX вв.²⁰.

С начала 90-х гг. «благотворительность» привлекала пристальное внимание историков и рассматривалась как едва ли не единственная возможная сфера общественной активности, наряду с необходимостью участвовать в выборах. Эта тема часто исследовалась с точки зрения отношения к ней верховной власти, законодательной регламентации и контроля²¹. История российского парламентаризма оказалась сведена к изучению проблемы предвыборной активности²². Журнал предлагает читателям старые теории управления: управление – это система, которая способна эволюционировать, но подчиняется воле правящих элит. Большинство проблем и сюжетов по-прежнему рассматриваются в историографии как сфера активности «правительства» и «администрации». Все решается в кабинетах, «в центре» или «наверху», – так конструируют свои истории подавляющее большинство авторов на страницах академических журналов. Политическая модель, которую репрезентируют в своих работах историки, совпадает с моделью, которую они реализуют в академических практиках.

Даже «рабочая история» – тема, которая не утратила своей популярности²³, – чаще всего понималась как история управления рабочими, история администрирования заводов, история политики в отношении занятости, рынка труда, мотивации труда²⁴. Даже если речь шла о «настроениях рабочих», академические историки наделяли большей значимостью реакцию на эти настроения со стороны политиков, стоящих у власти или борющихся за нее оппозиционеров²⁵. Лишь изредка в академической периодике появлялись статьи, в которых фокус внимания смещен на другие факторы, определяющие процесс производства наряду с властными решениями, например экологический²⁶.

Сохраняла позиции ведущего направления и экономическая история XIX – начала XX вв. (точнее, все та же история политики, но в области экономики или

ее отдельных секторов). Историки представляли попытки историографического и концептуального обобщения выработанных в 60–80-е гг. принципов и приемов изучения²⁷, которые воспроизводит в своих работах новое поколение учеников. В фокусе внимания оставалась история финансовой политики, изучаемая на уровне анализа проектов преобразований в области регулирования и управления банками, денежной реформы²⁸ и т. д. Авторы интересовали участники выработки проектов, использованные модели и образцы, политические обстоятельства, повлиявшие на успех или неудачу продвижения проектов «в верхах». Несколько лет назад появился новый ангажированный ракурс – внимание к аспектам финансирования политических акций таких как культурное проникновение в Палестину²⁹, поддержка местных националистов³⁰.

История национальной политики – сравнительно новое направление в тематике академических исследований, существующее с начала 90-х гг. За это время оно стало одним из самых популярных в рамках академического сообщества; редакция журнала «ОИ» часто выделяла значительную часть номеров под эту тематику, объединяющую московских и региональных исследователей. Доминировало описание истории политики в отношении к «иноверцам» на имперском уровне (изучение так называемых (повторяя бюрократические источники) «польского», «еврейского» и конечно же «мусульманского» «вопросов»)³¹ или же на уровне определенного геополитического региона, места компактного, с точки зрения власти, их проживания, прежде всего – окраин (Кавказа, Средней Азии, западных окраин, Финляндии, Поволжья, Малороссии и др.)³². Однако имперская история и перспектива, предложенная российским коллегам американскими историками, оказала серьезное влияние на способ постановки проблем. Исследовательский инструментарий пополнился новыми понятиями, такими, как «окраина», «пограничье» и др. Попал в фокус внимания и советский период, причем в последние годы помимо сталинской эпохи и проблемы депортации народов³³, а также проблем преемственности имперской и советской национальной политики³⁴ разрабатывались и более поздние периоды, в том числе современность³⁵.

История вооруженных конфликтов XX века и тема «безопасности» и регулирования конфликтов, ответственности за происшедшую катастрофу и возможных альтернатив³⁶, а также тема, которую в самом общем виде можно определить как «Россия–зарубежье», «русские–иностранцы»³⁷, – вот сюжеты, которые также волновали авторов академических изданий.

Традиционные формы деления исторического времени неизменно присутствуют на страницах академических изданий. Излюбленная модель – хронологическая (деление на столетия, десятилетия, отрезки, кратные пяти-десяти годам). Традиционное выделение войн в отдельные периоды («время смерти», соседствует с «временем жизни» или «временем царств» – эпохами от «петровской» до «брежневской») соседствуют с выделением в качестве «концептуального» отрезка пребывания того или иного государственного деятеля в должности – от Бирона до Столыпина. Пожалуй, кроме отмены крепостного права, разделившей время в представлении историков на до- и послереформенное, только история XX века, одного из самых популярных для академической среды периодов,

предлагает попытки концептуального определения периодов, привычно выделяя до- и послереволюционную эпоху, до- и послесоветскую, военный коммунизм, НЭП, оттепель, холодную войну.

Что означает такое пристальное внимание к XX веку? Почему античность, медиевистика, раннее новое время утратили былое обаяние и привлекательность? В академических институтах в последние годы заниматься интеллектуальной игрой в «средневековье» и «рационализм», несмотря на всю эстетическую привлекательность этого занятия, стало явно не принято. Время определило если не распад, то видимый упадок прежде столь значимых в профессии интеллектуальных кланов, лишившихся и влиятельных патриархов и их возможных преемников, еще раньше решивших покинуть дело, институт, кафедру или страну. Вообразить далекое прошлое все реже оказывается прагматически выгодным для современного русиста. Превращение наследия прошлого в популярный текст – искусство, требующее серьезных вложений, дело хлопотное, требующее навыка и сил. В то время как власти успешно освоили руины Константиновского дворца, здания Сената и Синода и отпущенные на их реконструкцию ассигнования, приспособив их для ранее невероятных целей, подобная модель переоборудования «историй» и старых тем при помощи новых приемов под новые цели для интеллектуалов-историков еще остается немыслимой. Однако первые признаки таких попыток уже достаточно заметны. Власть телевидения подсказала спрос на «дворцовые тайны», – и стало возможным появление на страницах академических журналов статей о любовных похождениях императриц XVIII века. Были попытки дополнить академический формат «развлекательными программами», «светской хроникой», знакомящей читателя с романами и развлечениями «высшего общества»³⁸. Жанр биографий и исторического портрета – та форма, в которой глубокие пласты истории еще выжили.

Специалисты по истории позднеимперского периода и советологи определяют лицо современных московских академических институтов и доминируют на университетских кафедрах. Несколько иначе выглядит ситуация за пределами столицы, однако москвоцентризм в управлении журналами несколько деформирует представление о современных интересах и занятиях российского исторического сообщества. Если использовать медицинскую метафору, страницы академических журналов показывают прогрессирующую дальнорукость – подавляющее большинство работ посвящены событиям 50-летней давности, первой половины XX века и военного времени. Но даже не смотря на массовое участие, каждый возделывает свой сюжет, стараясь ни словом, ни жестом не задеть коллег.

Страницы некоторых журналов, университетских вестников, записок и известий, (как расписание университетских курсов и состав специалистов в институте) напоминают зверинец, где «каждой твари – по вольеру». Нет общих групп, проблем, тематики, дискуссий – есть только виды, а каждый выставленный в витрине экспонат олицетворяет длительную традицию – «традицию изучения». Но и авторы «ВИ» или «ОИ» почти не ссылаются на недавние статьи в тех же журналах, на книги последних лет, ограничиваясь скромным указанием в справочном аппарате нескольких работ 80–90-х гг., а то и более давних. Что стоит за этим нежеланием обозначить место в современном сообществе? С чем связана

неготовность обсуждать тему с коллегами? Часто это оказывается знаком, что сообщество пытается жить не дискурсом, а принуждением, ритуалами инициации и изгнания. Ссылка на давние работы выполняет форму клятвы верности, избавляющую автора от необходимости освоения языка и техник, – их сообщество просто утратило. При этом авторы, ссылаясь на собственные работы прошлых лет, по логике ритуала наделяют свои слова авторитетом предания.

Выносить на форум обсуждение современного состояния науки академические издания избегают; однако они же до недавнего времени пытались придать тематике «актуальность» через обращение к объектам, ставшим интересными лишь недавно благодаря их политизации, благодаря тому, что они попали в поле внимания современного медиа-сообщества. Обращение к теме «терроризма», действий «боевиков» в мусульманском регионе³⁹, теме «международной безопасности»⁴⁰, рассуждения о «национальной идентичности» и «гражданской позиции» коннотировало риторику новостных каналов; так в фокус внимания попадали «работа аппарата правительства», «гастарбайтеры», турецкие рабочие, построившие курорт Красная поляна⁴¹; во многих журналах синхронно было развернуто обсуждение истории российских гимнов – худо-бедно подготовленные тексты появились к нужному сроку⁴², вовремя заговорили и о проблеме русской собственности в Палестине⁴³.

Общая для академических журналов тенденция – стремление к парадоксальной перелицовке привычных образов. «ВИ» традиционно искал новый взгляд в свидетельствах современников⁴⁴, новую перспективу в оценках исследователей: с определенной точки зрения можно увидеть Священный Синод в роли конкурента и противника царской власти в 1917 году⁴⁵, академика М.В. Нечкину «застать» за чтением Густава Шпета или на лекции по психоанализу⁴⁶, классовую идеологию определить как социальный расизм, в действиях большевиков увидеть кровавую резню⁴⁷ или же контрреволюцию и путь к фашизму⁴⁸ и т. п. Для «ОИ» до недавнего времени «новое оказывалось хорошо забытым старым»: допущенные в пространство журнала авторы ставили своей задачей показать, что трактовка многих событий в советской историографии была правильной (не Советский Союз, а его противники ответственны за развязывание второй мировой и холодной войны, РСФСР еще с 20-х гг. стремилась избежать нарастания конфронтации и устранить угрозу новой войны, все действия правительства носили оборонительный характер⁴⁹; проникновение России на восток являлось не только завоеванием, но скорее добровольным присоединением⁵⁰ и т. п.), в конце концов журнал обратился даже к теме «реформаторского авторитаризма» (политики Путина), констатируя его «ошеломительный успех»⁵¹.

«Вопросы истории» чаще акцентировали внимание не столько на «патриотизме», сколько на «буржуазных» ценностях – удачной карьере, крепкой семье, изолированном существовании интеллектуала, которые подмечают в биографиях персонажей многие авторы⁵². И, конечно же, «православная нота» – отметить признание церковью (канонизация, усердие в молитвах и т. п.) для большинства работ медиевистов давно стало общим местом⁵³.

Обращение к обсуждению теоретических проблем, усвоение медийной риторики, – средства вынужденного косметического обновления журналов, которые

пытались использовать редакторы, оглядываясь на опыт независимых исторических изданий, чтобы реанимировать интерес к «ВИ» и «ОИ» и хотя бы сохранить стремительно сокращающееся количество подписчиков. Минимальные уступки вызовам рынка на фоне попыток сохранить «традиции» журнала.

Российское академическое поле – устойчивая к вызовам времени среда. Выработанные в советское время механизмы защиты от внешних воздействий продолжали работать на поддержание этого закрытого сообщества и воспроизводство принятых норм и практик. За долгие годы академический мир оказался приспособлен к возможным вторжениям извне. Он не раз сталкивался с внешними вызовами и попытками повлиять на него путем внедрения новых кадров, идей (идеологии) или финансового давления. За годы существования советской Академии здесь сложились отработанные механизмы нейтрализации возможных внешних вызовов. Показательно, что критические моменты и нарушение баланса случаются здесь по причинам органического характера – в связи с уходом (смертью) кого-то из ключевых фигур в иерархии. Один из таких моментов недавно пережил и журнал «ОИ». Осенью 2006 года ушел из жизни его редактор, М.А. Рахматуллин. Ему было почти 80, несколько десятилетий он контролировал академический журнал. Характерно, что опубликованный на смерть Рахматуллина некролог акцентировал то, как этические качества покойного позволили ему пользоваться поддержкой академиков, «позволяли ему сохранить эту позицию» в обход дисциплинарным требованиям трудового законодательства⁵⁴. Смерть, очевидно, меняет характеристики властного поля. В институте начинают обсуждать, что у журнала есть проблемы, что журнал, к примеру, теряет популярность – теряет авторов, тираж не удастся распространить при том, что он все время падает. К управлению журналом приходят другие люди. Журнал производит «ребрендинг» и «редизайн», – характер реализации этих акций внятно демонстрирует работу равнодействующей разнонаправленных сил. С исследовательской точки зрения одинаково важны как усилия к изменению журнала, так и действия по поддержанию традиции.

Изменения начинаются с оправданных естественными причинами кадровых перестановок: к руководству журналом приходят Андрей Медушевский и Сергей Секиринский, меняется состав редколлегии, они обсуждают новую программу. Это люди другого поколения и, формально говоря, люди с другим опытом: два-три десятилетия разницы в возрасте с прежними редакторами; в отличие от прежних редакторов связь не с МГУ, а с РГГУ; гранты и стажировки в Европе (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Max-Planck Institut fuer geschichte, в CEU в Будапеште и т. д.); междисциплинарность (реализованные проекты и монографии обоих редакторов первом случае связаны с социологией и социологией права, с другой – с литературой и искусством, кино); активная общественная позиция (оба бываю на радио «Свобода» и «Эхо Москвы»). Обновленная редколлегия проводит встречи и обсуждения, начинает говорить о «формировании новой научной этики» и о «складывании новой парадигмы, основанной на новых ценностях».

Однако разговор о будущем обновлении в академии идет в привычных прежним поколениям категориях «реформ» и «модернизации»⁵⁵. Участники обсуж-

дения оперируют привычным советскому академическому сообществу репертуаром воображаемых угроз: «необходимо держаться на одинаковом отдалении от идеологической, политизированной исторической традиции и современных форм ее проявления», «опасно оказаться в плену политической романтики или конъюнктуры рыночного спроса». Рынок и идеология рассматриваются как угрозы, воплощение несвободы и внешнего принуждения, одинаково опасные для Академии. Вынесенная вначале на обсуждение проблема – что тиражи регулярно не удается распродать – оказывается, снова перенесена в этическую плоскость, благодаря игре на созвучии «непродающийся» – «непродажный».

Начали обсуждение те, кто готов увидеть в этом причину стагнации – журнал критиковали за то, что он существует на деньги Академии и не зависит от того, покупают его читатели или нет. Однако в итоге государственное бюджетное финансирование снова удалось представить как залог свободы, парадоксальным образом едва ли не свободы от государства, только иначе понятого – как залог свободы от «массы обывателей». Абстрактная академическая «научность» в этой перспективе оправдывает такое проведение границ и претензии Академии на мета-позицию: «дистанцирование от идеологии и политики, понимаемой как эгоистические интересы отдельных слоев или групп, – необходимое условие подлинной науки». На практике это означало прежде всего прекращение транслирования на страницах журнала риторики новостных каналов, которое начал было Рахматуллин. Андрей Медушевский для оправдания новой программы журнала мобилизовал популярную в 50-е годы риторику точных наук, он много говорит про «когнитивную методологию и аналитическую теорию»: «журнал призван решать *аналитические задачи* познания... метод представлен академической традицией поиска *достоверного и критически выверенного* знания в избранной области. Это метод классического источниковедения, конечная цель которого состоит в достижении *точного* знания и превращении истории в *строгую* науку. Но одновременно методологические ориентиры журнала включают все те направления современного гуманитарного познания, которые ориентированы на *точное* знание»⁵⁶.

С одной стороны – разговор об обновлении, с другой – традиционный язык, традиционные ценности: свобода от политики, свобода от рынка и абстрактная академическая «научность». Во время обсуждения принципов организации академического журнала оказались объективированы не только две разные логики, но и связанные с этим две разные политические модели. С точки зрения одной – финансирование из бюджета «Кремля» защищает журнал от угрозы работать «на потребу обывателя». С точки зрения другой – госфинансирование производит не «свободу», а инертность и изоляцию, препятствует свободному «обмену знаниями и идеями», свободному диалогу с читателем.

Медушевский заявляет о «дистанцировании от идеологии и политики», но тут же добавляет: «в проблематику журнала входит исторический контекст территорий, входящих в зону культурных и политических интересов России» и дополняет программу журнала тезисами, позаимствованными в правительственных программах развития науки и образования: «В условиях глобализации перед таким изданием стоят новые важные задачи – поставить научный анализ на уро-

вень мировых стандартов, но одновременно – способствовать выражению специфики и консолидации национальных научных школ». В духе федеральных грантовых программ он говорит про «открытость в отношении мировой науки, ... намерении соединять фундаментальные исследования с поиском инновационных подходов и поддержкой научных талантов»⁵⁷. Другие члены редколлегии формулировали это еще более внятно: «Журнал должен осторожно и чувствительно реагировать на политические, властные “заказы”. ... Именно историческая наука должна способствовать тому, чтобы политическое сообщество открыло для себя истинные ценности прошлого России и посредством этого пришло к новому пониманию объединяющих его связей. Журнал должен сыграть ключевую роль в этих общероссийских поисках нового пути»⁵⁸.

Репрезентация политики журнала в отношении с авторами тоже строится на оксюмороне: «Мы поддерживаем рассмотрение журнала как свободного форума обмена информацией и новыми идеями. В то же время редакция считает своим долгом отстаивать строгий аналитический характер журнала и следовать высоким стандартам доказательного научного знания»⁵⁹.

Редакторская программа демонстрирует странную деформацию под действием нескольких разнонаправленных сил. В результате, через год после ухода Рахматуллина Академия принимает решение о переименовании журнала «Отечественная история» в журнал «Российская история», в оформлении обложки вместо активной диагонали начинают использовать вертикаль, меняют шрифты, сохраняя общую композицию и пропорции обложки. Время и работа многих людей в условиях академического института приводит к изменениям нюансов.

Журнал меняется не только внешне. Важное изменение, маркирующее разрыв с политикой Рахматуллина и Тютюкина, – со страниц журнала исчезают сиквелы: за эти два года почти никто из авторов не появился на страницах дважды (если не считать пристального внимания к идеям А.Н. Медушевского и О.М. Медушевской)⁶⁰. В своих заявлениях редакторы акцентируют внимание на регионализации журнала: доступ на страницы журнала получили авторы из разных регионов, по сравнению с прошлым их стало в два раза больше. Для редакторов это важный знак: раньше 77 % российских авторов были из Москвы – 23 % из разных регионов, теперь 44 % из Москвы и 56 % из регионов. Правда, большинство историков из других городов выбирают другие пространства, другие издания. Новая «Российская история» стала ориентироваться на связи с преподавателями региональных вузов – и прежде всего педагогических институтов.

Политика «Российской истории» стала ближе политике журнала «Вопросы истории». «Не следует забывать о том, что основная часть историков-профессионалов работает не в научно-исследовательских учреждениях, а в учебных заведениях», – звучало на обсуждении программы нового журнала⁶¹, – «мы полагаем, что фундаментальное образование и преподавательская деятельность не отделимы от научной работы и, наоборот, полноценная исследовательская деятельность предполагает вовлечение в нее мыслящей молодежи»⁶². Однако география регионов показывает: в журнале нет СПбГУ, нет Самарского университета, Омска (только пединститут), нет Новосибирска (тоже пединститут), Екатеринбурга (пединститут), Иркутска, Твери, Иваново, Красноярска, Томска, Алтая, Вороне-

жа, Рязани, Вятки, Чебоксар, Ижевска, Брянска, Курска, Липецка, Кемерово, Барнаула и т. д. Новая редколлегия организует привлечение авторов традиционным путем – через личные контакты и приглашение. Журнал инвестирует в выездные мероприятия и командировки сотрудников в регионы. По итогам круглого стола один номер фактически «отдали» преподавателям и сотрудникам Петрозаводского университета, пригласив еще несколько коллег из Вологды, Мурманска, Архангельска, Екатеринбурга. Авторы по-прежнему не появляются в журнале поодиночке – по итогам личных встреч в журнал удается провести двух-трех коллег. Тут все осталось без изменений – старая география связей, традиционные формы контактов, традиционные партнеры. По-прежнему доминируют мужчины – доценты и профессора без докторской степени, старшие и ведущие научные сотрудники. Те, кому осталась последняя или предпоследняя ступень на карьерной лестнице в государственной структуре. Те, кому важен отчет по гранту – даже по российскому – теперь уходят, их стало заметно меньше в журнале (как впрочем, и грантов).

Периодика – не только в России – «мужской мир», мир, связанный с карьерными стратегиями. Авторы из других стран редакторы приглашают по-прежнему не часто – их обычно 8–9 %. (доминируют тут Финляндия и Германия – старые партнеры академических русистов, Норвегия, Китай, Черногория, русские эмигранты из Швеции и Израиля). В «Российской истории» по-прежнему нет Соединенных штатов, Британии, Франции. Дюла Свак так мотивирует эту стратегию: «следует отбросить характерную для российской исторической науки стыдливость и комплекс неполноценности, который появился после смены общественного строя прежде всего по отношению к англосаксонской русистике. Журнал *Российская история* может стать главным рупором и флагманом проведения в жизнь этих новых устремлений, играя при этом роль центра организации нового международного сообщества российских и зарубежных историков, занимающихся изучением российской истории»⁶³. В результате, журнал представляет интеллектуальные моды через вторые руки и с чужого плеча, по чужим лекалам (как секонд-хенд из Северной Европы и китайские подделки). В силу этого тон интеллектуальным модам задают не переводы, а свои – те, кто успел побывать в США, Англии или Франции и что-то успел «вывезти». Они показывают в журнале не только новые интеллектуальные моды, но и новые формы коммуникации. И часто это люди из регионов – известная стратегия фондов, ее результаты по журналам вполне заметны. Хотя центры, в которых привиты новые практики, все старые – Петрозаводск, Челябинск, Саратов, новых за годы кризиса не появилось. Привычка к академической мобильности позволяет им поддерживать личные контакты с представителями журнала, а «региональная прописка» после обновления журнала оказывается пропуском в его новое пространство.

Под действием этих факторов заметно изменение содержания журнала. Первое время редакторы пытались организовать новые тематические рубрики, чтобы представить признанные в мире направления в исторических исследованиях, мейнстрим, принятый в американских и европейских изданиях и утвердившийся на рубеже 70–80-х годов в университетских расписаниях Соединенных Штатов

и Европы: урбанистика⁶⁴, история семьи и локальная история⁶⁵, история понятий⁶⁶. Журнал и раньше знакомил читателей с «новыми направлениями», заказывая обзоры «западной» литературы. Новая концепция журнала – знакомить читателя не только с историей становления направления и с основными концепциями, но и с исследовательской практикой, – все авторы не только рассказывают об англо-американских или германских проектах и книгах последних трех-четырёх десятилетий, но и показывают, как они реализуют эти направления, «демонстрируют применение метода». Новые направления представляют профессор-русист из Тюбингена Томас Бон, профессор ЦЕУ в Будапеште Алексей Миллер, участник многих совместных проектов руководитель Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Петрозаводского университета Ирина Чернякова. Читателям представляют пограничье академических культур, непривычный для российского академического журнала диапазон цитирования и пересечение дисциплинарных границ: Бон, например, цитирует Маркса и Энгельса рядом с Максом Вебером и Льюисом Виртом, Чернякова пишет про карельских крестьян XIX века и запросто ссылается на Бессмертного и журнал «Средние века». Вводятся непривычные для российских академических сообществ профессиональные идентичности, связанные не с местом и эпохой, а с «направлением». Важно (для контраста с российскими практиками), что эти авторы ссылаются в основном на новые книги. Часто это работы коллег, которые в «настоящее время» (пока шла работа над проектом) заняты исследованием этой проблемы (или участвовали в ее обсуждении на конференциях по мотивам только что изданной книги или только что защищенной диссертации). Это – реальное и живое community. С частью из них автор реально встречался – и считает необходимым продемонстрировать «personal communication», поблагодарив за хороший совет, за обмен идеями, цитатами, источниками, текстами, наблюдениями, приглашение к размышлению над отдельными темами и сюжетами, или как минимум за издание актуальных книг. Западная культура представляет исследование как живую беседу с живыми заинтересованными коллегами. Если посмотреть на то, на кого и как обычно ссылаются авторы российских академических журналов, окажется, что упомянутые, к примеру, Алексеем Миллер пятеро живых коллег – это колоссально много. В академической среде любят цитировать тех, кто давно ушел из науки, а еще лучше – покойников. В российской академической среде избегают коллег (это – к вопросу о метафоре «форума», которую так любят издатели).

Отчетливо эта традиционная российская академическая модель коммуникации проявляется в рецензиях на книги и конференции. «Нормально», если аудитория молчит и снисходительно *«выражает интерес»*: *«Тезисы прозвучали столь основательно, что вызвали лишь вопросы уточняющего характера»*, заявляет рецензент, – *«Серьезных возражений у аудитории против такой трактовки не возникло»* и т. п. Рецензии представляют столкновение «мнений» и аргументированных позиций с суровым вердиктом аудитории (*«авторы представили на суд собравшихся слушателей анализ»*). Коллективное предположение аудитории всегда рассматривается, как более весомое, по сравнению с представляемыми ей результатами долгого, но индивидуального исследования.

Сообщество выносит вердикт и санкционирует. Коллеги, согласно этой модели, собираются не для того, чтобы вместе размышлять, вместе пытаться найти убедительное подходящее объяснение, найти новый образ, не для того, чтобы дать импульс, вдохновить друг друга постановкой вопросов или новыми идеями (докладчик – участников обсуждения, а те – его), а чтобы пресечь и не допустить что-то недопустимое. Конференции, рецензии, и вообще любые формы научной коммуникации – в этой культуре – воспринимаются как проба, на докладчике ставят клеймо – его в прямом смысле «пытают» – чтобы отпустить или казнить. В этом контексте молчание аудитории означает одобрение. Цитируют, чтобы не согласиться, свести счеты и восстановить нарушенный порядок в рамках силового поля. Аутизм, изоляция и цитирование работ несвежих покойников – объяснимые стратегии поддержания режима сосуществования при сохранении архаичных норм научной жизни и властных отношений в профессиональной среде. Архивный фетишизм (главный критерий – чтоб были ссылки на архивы) делает легитимным полное отсутствие ссылок на работы коллег, безличный нарратив о «прошлом». Сегодня эта модель – самая распространенная среди историков России.

На этом фоне статьи Томаса Бона, Алексея Миллера, Ирины Черняковой помещают читателя в совершенно новое поле взаимодействия. Эти авторы переносят в пространство журнала не только непривычные для российского академического мира категории («модерные практики», «дискурсы», «контекст», «значение», «структурировать», «коммуникация», «концептуализация», «легитимация», «национализмы» и т. п.), но и другую академическую культуру.

Заместитель главного редактора Сергей Секиринский не так давно делал в Москве успешный журнальный проект «Историк и художник», – «Российская история» по-прежнему не публикует иллюстраций, и, кажется, по причинам не только технического и финансового характера. Поворот к визуальной культуре на Западе был связан с философией открытого произведения, множественности интерпретаций, с новым отношением к субъективности. Российская академическая культура – это бегство от субъективности. Профессор Бон начал свою статью, процитировав изображение, – он использовал эксфрасис – жест, в котором можно прочесть и отсылку к визуальности современной культуры, и к многозначности текстов с которыми работает историк.

Эти новые практики появились в двух первых номерах журнала «Российская история», но не прижились. В числе других направлений, которые редакторы решили импортировать с Запада, оказались регионалистика и глобальная история. Глобальная транснациональная история, история международных отношений в стратегически важных регионах (Трансатлантическом регионе, Центральной и Юго-Восточной Азии, Африке и Средиземноморье) стала вновь популярной в американском академическом сообществе после 11 сентября и, особенно, после начала военной операции в Ираке. В этом контексте многие американские историки представляли выбор в пользу глобальной истории как гражданский долг и обвиняли сторонников *cultural history* и критику империализмов едва ли не в потакании террористической угрозе. В американском контексте это означало возвращение к обсуждению **геополитических проблем** как пространства реального –

а не воображаемого – противостояния, реального столкновения акторов. В российской традиции перспектива «Global history» оказалась вполне созвучна традиционной истории международных отношений, которой и не переставали заниматься в московских исследовательских центрах (МГИМО, Институте Латинской Америки). Редакторам «Российской истории» нетрудно было найти российский аналог для актуальных американских практик: показать «традиционный» российский интерес и «традиционное» военное и дипломатическое присутствие в стратегическом регионе, роль исламского фактора в международных отношениях и др.⁶⁷

Журнал решил соединить это направление с региональными исследованиями, предложив читателям рубрику с гибридным названием: «Региональная история в глобальном измерении». Редакторская статья, которая открывала эту тематическую рубрику, не просто представляла две разных оптики: в ней звучала полифония исследовательских категорий разных школ и направлений, Медушевский предлагал говорить не просто о «междисциплинарности», но о переходе к «метадисциплинарности»⁶⁸. Со ссылкой на две американские книжки о европейской интеграции и истории империй, редактор перечислил широкий спектр таких разных проблем как «региональная идентичность», «конструирование идеальных типов» и «образа региона», «пространственное распространение культур – материальных, языковых, духовных» и «взаимоотношения с природной средой», «эколого-социальную интерпретацию пространства». Речь в статье идет про то, что «региональная историческая память часто становится питательной средой» национализмов, про изучение «креативности пространства, социального ландшафта, проблем восприятия времени и культурного прошлого», про изучение типов градостроительства, коммуникации и транспорта, изучение модернизации, местных политических элит, этносоциальных процессов и миграций. Как в калейдоскопе «воображаемую реальность» сменяют «большие геополитические игры» и даже «фрейдистская “теория страхов”». Что, кроме богатого интеллектуального мира автора и его вероятной причастности к разным дискурсам, должен продемонстрировать читателю этот перечень?

Прагматика Медушевского сводится еще и к тому чтобы показать, что заявленная им перспектива, как и в американском случае, имеет актуальное практическое значение: все это позволяет «сформировать такие ориентиры национальной политики ... которые будут более тесно связаны с процессами межрегиональной интеграции, и ... наконец, разобраться в том, почему те или иные государственные программы испытывают трудности в ходе их реализации на региональном уровне»⁶⁹, «предвидеть многое, строить региональную политику, прогнозировать результаты региональных программ, в том числе, в сфере экономики, культурного наследия, историко-культурного туризма и проч.»⁷⁰. Ссылки на энциклопедии, брошюры и разработки политтехнологов – это еще не все. Медушевский пытается приспособить к делу отечественную традицию изучения исторической географии, аграрной истории и краеведения и их туманные методы – «системность, вариативность и функционализм», называя это «попыткой адаптации к новой реальности местными средствами» на постсоветском интеллектуальном пространстве, позволяющей «аккумулировать методы различных дисциплин».

Так он решал одну из практических задач редактора – «направить дискуссию». Еще одна практическая задача – собрать вместе российских и зарубежных исследователей – была решена традиционно, за счет командировки в Петрозаводск и организации круглого стола петрозаводских историков на заданную из Москвы тему. Редакция спроецировала на страницы журнала университет, дополнив привычную модель университетского вестника заданной темой и набросанной Медушевским пестрой россыпью проблем. Он предлагал даже обсудить «личность историка и вызовы времени; творчество и модели поведения в социуме и научном сообществе; типы и модели научных коммуникаций историков в контексте интеллектуального и культурного общения» в регионе. Взгляд из региона: некоторые участники интерпретировали эту инициативу москвичей не как «проблемный номер», а как «региональный», отражающий состояние исследований в конкретном регионе⁷¹.

Характерно и то, что участники мероприятий (круглых столов и обсуждений), в которые инвестировала средства редакция нового журнала, ждали от московских организаторов активной политики: «намечать проблемы, по которым мы должны дальше работать», а не просто «отражать состояние разработки отечественной истории»⁷².

Действие разнонаправленных сил и в этом случае снова производит ощущение деформации помещенного в такое поле объекта. На уровне переводов эта стратегия оборачивается едва ли не дизлексией. Редакторы и переводчики академических журналов традиционно практикуют активное вторжение в текст, исправление и дополнение его необходимыми с их точки зрения комментариями. В результате, скажем, полученные через вторые руки германских русистов идеи Норберта Элиаса трансформируются в странный продукт академического пищеварения, обрастая неожиданными и бессмысленными для немецкого языка дополнениями и комментариями: «Ритуалы являются исследовательскими конструкциями. Эта формулировка, с которой соглашается целый ряд авторов, требует некоторых пояснений. Имеется в виду отнюдь не то, что авторы, пишущие о ритуале, просто выдумывают себе предмет исследования, а тот факт, что ритуал как автономная исследовательская категория во многом проистекает из предварительного научного анализа»⁷³.

Иногда авторы, упоминая о западных направлениях или заимствуя аналитические категории, одновременно пытаются соединить их с идеями и наблюдениями признанных в российской академической среде отечественных авторов: «В 1970-е гг. в западной социологической теории наметилась тенденция к диалектическому снятию противоположности объективистского и субъективистского подходов. Стремление к преодолению пропасти субъект/объектных воззрений на социальный мир лежит в основе концепции “структуриации” Э. Гидденса, “хабитуса” П. Бурдьё и методологических идей критической теории Ю. Хабермаса. Наиболее основательно теоретический синтез структурализма и конструктивизма проработан в трудах П. Бурдьё, назвавшего новый методологический подход “структуралистский конструктивизм” или “конструктивистский структурализм”... Как справедливо говорил И.Д. Ковальченко, ...задача историка... состоит в том,

чтобы выявить связи между объективным и субъективным»⁷⁴. Редко за этим – только ритуальное поминание сразу двух традиций, и исследовательская практика автора статьи не противоречит заявленному в начале западному направлению⁷⁵. Чаще – все те же трудности перевода и искажение смысла. Исследование по «истории понятий» может оказаться ближе к традиционной истории реформ и общественной мысли⁷⁶, а под «исторической памятью» пониматься вовсе не история политики коммеморации, а то, как «следует рассматривать» сегодня вынесенные в заглавие статьи события⁷⁷. Удачно встроена в контекст социальной истории европейского знания тема, благодаря отечественному исследовательскому инструментарию, превращается в зарисовку в общей картине прогресса историографии с древнейших времен до наших дней⁷⁸.

Один из членов редколлегии Дюла Свак отметил: «язык исторической науки ныне практически представляет собой какофонию слов». Евгений Добренко в одной из рецензий говорил о «дизлексии, поражающей “дискурс”, бросающей вызов не только логике и грамматике, но и здравому смыслу»: «ситуация, когда подобное – будем называть вещи своими именами – откровенное шарлатанство выдается за философию, совершенно безграмотная тарабарщина – за научное исследование, а бессвязный лепет – за глубокомысленный “философский дискурс”».

За два года на страницах журнала «Российская история» чаще всего цитировали работы двух отечественных авторов. Это О.М. Медушевская и Б.Н. Миронов. А.Н. Медушевский предпринял ряд акций, посвященных памяти Ольги Михайловны. Ее работы и имя редакторы попытались использовать в качестве ядра, вокруг которого можно было бы объединить разные отечественные и зарубежные школы и направления – от традиций отечественного источниковедения до широкого спектра проблем современных американских направлений⁷⁹. Трудно представить возможность одного центра в сложном интеллектуальном поле современного академического мира; попытка построить такую модель тоже произвела, на мой взгляд, странные деформации. Покойной Ольге Михайловне выпала в этой игре роль «выдающегося ученого», едва ли не Человека Возрождения, преемницы Лаппо-Данилевского, Вебера, Гуссерля, Г. Вельфлина и русских формалистов⁸⁰ и предшественницы многих позже зародившихся в США направлений, таких как социо-культурная история, компаративистика, историческая антропология, поворот к языку и визуальной коммуникации. В США таких направлений еще не существовало, а О.М. Медушевская в 50-е годы их уже практиковала, – не даром, мол, по слухам, ее книгой интересовался американский издатель. Странная задача рождает деформированный образ историка и странное даже для российской культуры подобие культа личности⁸¹.

Б.Н. Миронову с его концепцией российской модернизации удалось обогнать О.М. Медушевскую по показателям цитируемости на страницах «Российской истории». Его статья в журнале демонстрирует, как привычную уже для российских читателей теорию модернизации можно освежить за счет проблематики другого актуального сейчас в США направления – «The Study of Public Health». Он предлагает рассматривать рост тела, или «биостатус» как индикатор уровня жизни. Он утверждает, что «новые данные позволяют свежим взглядом посмот-

реть на некоторые спорные вопросы экономической, социальной и политической истории России» и прийти к парадоксальным выводам: «петровская модернизация сопровождалась понижением уровня жизни. Однако, как это не парадоксально, большинство населения обеднело, но страна стала богаче... Данные о биостатусе населения подтверждают обусловленность пугачевского восстания ухудшением материального положения крестьян и посадских, которое произошло вследствие усиления финансового нажима на них со стороны помещиков и государства... уровень жизни крестьянства с конца XVIII в. и вплоть до середины 1850-х гг. повышался. Кроме того, ни крестьянское, ни помещичье хозяйство не испытывали упадка, они развивались... Именно этим можно объяснить тот факт, что две трети помещиков возражали против отмены крепостничества, проявляя такое упорство,... причины эмансипации следует искать не в кризисе крепостного права, не в усилении народных волнений и не в пауперизации и вымирании крестьянства, а в экономической целесообразности, в росте самосознания крестьянства, в страхе потенциальных волнений, но главное – в гуманитарных, военных и политических соображениях... Проведенный анализ приводит к выводу: как парадигма системного кризиса российского общества в последней трети XIX – начале XX в., так и парадигма пауперизации населения не выдерживают проверки на объективность... Основная причина конфликта государства и общества, приведшего в конечном итоге к революциям 1905 г. и 1917 г., заключалась в борьбе за власть,... три российские революции были обусловлены в значительной степени политическими причинами, может быть, даже в большей степени, чем экономическими, а также блестящей PR-активностью противников монархии. Утверждение “виртуальных фактов” и создание искусственной “действительности” стали частью русской общественной жизни в начале XX в., а PR – ее неотъемлемым элементом»⁸². Логика этого исследования странно напоминает другие академические практики: попытка свести к общему ядру (биостатусу) причины совершенно разных по своему характеру явлений. Простой язык и хороший стиль блестяще отвлекают внимание от ощущения странных деформаций.

Эксперименты с новыми направлениями закончились к середине первого года, журнал вернулся к старым академическим практикам. Политическая проблематика по-прежнему остается в фокусе внимания исследователей, о чем бы ни шла речь. Вот характерный пример «встроить» работу по политической истории в рамках социальной проблематики (прием подмены): «На школе... всегда остро отражаются социальные трансформации... Цель данной работы заключается в том, чтобы ... показать, прежде всего, деятельность партийно-государственных структур по подготовке к введению антирелигиозного воспитания в школе в 1928–1929 гг.». Речь идет о новом политическом курсе, «социальные трансформации» автор понимает не как изменение жизни общества, а как усилия власти по «строительству социалистического общественного строя» и, в частности, «идеологическую обработку общественного сознания», одному из аспектов которой он и посвящает свою статью⁸³. Речь будет идти о том, какие государственные учреждения оказались вовлечены в управление новой сферой, какие происходили заседания, какие были на них зачитаны доклады, какие в результате были приняты решения и изданы распоряжения. Реализация, как обычно, ос-

тается за кадром, в фокусе – происходившее в столице в кабинетах власти. Авторы разбираются в ворохе бумаг заслушанных и написанных по итогам в этих кабинетах.

В большинстве случаев заявленный в названии «региональный аспект» (если он и есть) означает только, что работа выполнена по региональным архивам. О том, как проявились в реализации политики местные интересы, отношения, условия речь, как правило, не идет, местные события обычно показаны как пример общих процессов⁸⁴. В фокусе внимания – история административного устройства⁸⁵, реформирование администрации и новое административное деление⁸⁶, политическая борьба, лоббирование интересов⁸⁷, губернаторы и их успехи⁸⁸, история выборов⁸⁹, новые сферы управления⁹⁰, кадровые перестановки и чистки⁹¹, репрессии (уточнение их масштабов, новые документы и подробности)⁹². Редакция пыталась организовать их обсуждение в нескольких тематических рубриках: «Центр и местное управление» (2009 № 3), «Имперская бюрократия и реформы начала XIX века» (2009 № 4), «Внутренняя политика России в начале XX века» (2009 № 4), «История российского конституционализма» (2010 № 1), «Высылка, чистка, террор: формы репрессивной политики» (2009 № 1). Но уже во втором номере второго года редакторы вернулись к синтетической рубрике «Политика, экономика, социум» (2010 № 2).

Редакция предприняла усилия, чтобы показать на страницах журнала новейшую историю XX века, «период с 1992 по 2006 год»⁹³. Правда большая часть работ построена на материалах публицистики и заимствует ее риторику⁹⁴. Журнал продолжает публиковать исследования по истории управления Русской православной церковью, также акцентируя внимание на репрессиях и прагматических выгодах обеих сторон от сотрудничества⁹⁵. Редакторы представили тему в двух тематических рубриках: «Церковь, духовенство и государство» (2009 № 3) и «Церковь, власть и религиозное сознание» (2020 № 2). Занимает свою нишу и привычная история благотворительности⁹⁶.

Тема национальных отношений и национальной политики волнует журнал заметно меньше. Редакторы не заостряют вопрос на идеологических позициях, но, тем не менее, показывают читателю противоположные концепции. С точки зрения одного автора, «слабость существовавшей в то время системы наказания способствовала пополнению рядов будущих преступников... Реализация чрезвычайных мер привела к “затишью” в росте преступности», а непростое отношение населения к действиям власти колебалось между поддержкой и раздражением⁹⁷. С другой точки зрения, «отсутствие глубоко обоснованной национальной политики, пренебрежительное отношение к этническим общностям России, приводило к вырождению сформировавшегося национального сознания, отчуждению от общества». Есть попытки показать восприятие обеих противостоявших сторон – участников присоединения национальных территорий, используя не только документы репрессивных органов, но и фольклор. В фокусе внимания – разные политические акции, репрессии, стратегии подчинения и конформизации населения⁹⁸.

Зато заметно увеличилось пространство, отведенное в журнале военной истории – журнал организовал не только юбилейную рубрику «К 70-летию начала

Второй мировой войны». Разговор начался с обсуждение темы «Локальные военные конфликты 1939–40 гг.» и был продолжен в таких рубриках как «Международные отношения в предвоенной Европе» (2009 № 5), «Война, официальная пропаганда и массовое сознание» (2009 № 6), «Война и гражданское население» (2009 № 6), «Война как профессионально-техническое противостояние» (2009 № 6), «Из истории Великой Отечественной войны» (2010 № 3). Тогдашний директор института А.Н. Сахаров организовал в журнале обсуждение «дискуссионных» вопросов и «недостаточно изученных аспектов» Второй мировой. Отдавая дань патриотической идеологии, А.Н. Сахаров представляет войну едва ли не в спортивных терминах, говоря о тренировке, закалке перед большим испытанием («Именно в “Зимней войне” закалялся боевой характер советских воинов, которым предстояло через год с небольшим вступить в ожесточенную и беспощадную борьбу с немецким нашествием. Их смелость, выносливость, крепость духа, высокий патриотизм, исконно присущие российской армии, стали той основой, которая готовила, цементировала будущие победы»). Сахаров рисует войну как противостояние добра и зла: нового советского общества (новой шкалы ценностей, «невиданного доселе общественного порядка») и «фашистов, с их реваншистскими, экспансионистскими и националистическими лозунгами». Сахаров внушает читателю, что секретные документы из архивов спецслужб СССР и Финляндии показывают наконец «истину»: Россия боролась за революционные идеалы и одновременно решала «исконные для России XVI – начала XX в. геополитические задачи», так как «во всякой пропаганде, во всяком идеологическом послыле, как правило, всегда существует доля истины». Звучит у него и еще один мотив: в начале войны «блестящая работа» спецслужб и НКВД была сведена на нет «одурманенным собственным величием советским руководством»⁹⁹.

Вслед за этой статьей редакция поместила противоположную идеологическую трактовку войны как человеческой трагедии, катастрофические последствия легкомысленной захватнической политики¹⁰⁰. Редакторы стараются дополнить традиционные юбилейные работы¹⁰¹, показав взгляд на историю войн с другой стороны (по литературе, не известной российскому читателю)¹⁰².

Помимо общей идеологической оценки этих событий и традиционного описания планов сторон¹⁰³ журнал публикует статьи, посвященные исследованию ввещения пропаганды, контроля и формирования настроений и отношения к режиму и войне (по сводкам и другим документам НКВД)¹⁰⁴. При изложении истории оккупационного режима и администрации на оккупированных территориях (опять же, как ни странно, в основном по российским материалам, разведдонесениям и расследованиям органов НКВД) в фокусе внимания – кадровая политика и мотивы сотрудничества, которые использовали военные власти¹⁰⁵. Еще одна тема – война как экономическое противостояние, при этом новый ракурс, тем не менее, не исключает старых советских клише 60–70-х годов о «суровых испытаниях, трудовом подвиге и посильном вкладе в дело победы» разных категорий населения¹⁰⁶. Непростой для интерпретации материал и очевидное идеологическое звучание темы, наряду с академическим табу на возможную ангажиро-

ванность, приводят к странным противоречиям, особенно на этом поле (авторы по-прежнему используют сложные формулы советского времени о том, как пространство Советского Союза, умноженное на «такие важные факторы, как вера, выносливость и стойкость населения, его патриотические настроения», произвели работу большую, чем очевидное техническое превосходство Германии, и вопреки всем основным статистическим показателям произошло «чудо»).

На страницах журнала появились и новые направления, прежде всего – социальная история. В фокусе внимания – новые социальные группы и формы хозяйствования (сохранение помещичьих хозяйств после революции, вопреки декретам Советской власти и распространенным в мире представлениям¹⁰⁷; маргиналы¹⁰⁸, например, широкий спектр социальных элементов, известных в литературе как «красные партизаны» – маргинализация этой группы и способы адаптации к мирной жизни¹⁰⁹), социальные стратегии (брачные стратегии и демографические процессы¹¹⁰), миграционные процессы и формы социального взаимодействия¹¹¹, смешанные браки и пограничные идентичности¹¹², этнические стереотипы и расовые предрассудки¹¹³. Российская эмиграция все чаще исследуется не как явление культуры¹¹⁴, а рассматривается с точки зрения миграционной политики и приемов администрирования в европейской политике и иногда помещается в сравнительную перспективу¹¹⁵.

Появились исследования не только по истории управления экономикой¹¹⁶, но и по экономической истории – изучение товарооборота и рынка по данным надзорных органов, собранным в целях управления экономикой¹¹⁷, размеров капиталов в аграрном секторе экономики, структуры затрат и инвестиций, форм кредитования и доходность¹¹⁸; истории трудовых отношений¹¹⁹. Редакция организовала их обсуждение в рамках тематических рубрик «Революция и модернизация: социально-экономические аспекты», «Общественно-культурная и этническая среда» (2009 № 3), «Советское общество: к переосмыслению социальной стратификации» (2009 № 5) и «Российское зарубежье» (2010 № 3).

В журнале поминают устную историю, антропологию, конструирование идентичностей и социальную мобильность, метод case-studies, и даже постмодернизм с дискурсом, но в полной мере этот «анатомический театр» читателям пока не показывают. В журнале стали упоминать Броделя и Хобсбаума, Норберта Элиаса и Бурдьё, Гидденса и Хабермаса.

Разнонаправленные силы, действующие в пределах академического поля, производят не только странную деформацию программных идей в редакционной политике. Новые формы проникают, но не усваиваются, без прямого контакта с носителями. Одно из возможных объяснение: научная коммуникация не сводима к риторике, это культура, определяющая многие стороны научного быта и не в последнюю очередь – властные отношения, которые считаются легитимными в ее рамках. Попытки копировать ее на уровне одной лишь риторики без отказа от других форм научной повседневности порождает странные формы дизлексии. С этой точки зрения интересно сравнить академические практики с тем, что происходит на страницах независимого журнала.

Журнал как бизнес: принципы маркетинга на примере «Нового литературного обозрения»

Один из первых независимых филологических журналов «Новое литературное обозрение» довольно быстро превратился в самый успешный российский интеллектуальный проект. Всего за несколько лет издателям удалось преодолеть казавшееся традиционным дисциплинарное разобщение гуманитарного сообщества. Статьи по теории и истории литературы «в широком мировом культурном контексте», социологии культуры, исторической социологии литературного труда, читательской рецепции и истории издательского дела давно становятся событием не только для филологов.

Не случайно издатели позиционируют проект «НЛО», используя риторику бизнеса. Сегодня кажется, что секрет успеха прост: чтобы начать в 90-е независимое издание требовался капитал и успешное администрирование. Однако мало кто в академическом сообществе начала 90-х был способен осознать в качестве капитала то, что досталось от прежней эпохи – интеллектуальные связи. Да, возможно, успех НЛО сегодня можно объяснять, так же как и успех пресловутых российских олигархов, тем, что они были первыми. Однако первыми, кто не просто приватизировал, но смог успешно инвестировать «наследие Московско-Тартуской школы, семиотики и структурализма», вовремя привлечь и освоить иностранные кредиты «современной социальной и гуманитарной теории», уверенно администрировать это уникальное для России предприятие.

В отличие от академических изданий, проект НЛО изначально не был связан ни с одним из крупных центров внутреннего производства знания. Университеты и академия, как и многие российские фабрики в те годы, находились в запустении; издательство оказалось в этих условиях едва ли не единственным отечественным посредником по продвижению российского интеллектуального продукта. Лишенные собственной производственной базы и штата постоянных производителей, издатели направили основные усилия на современный маркетинг, создание новых надинституциональных и междисциплинарных структур взаимодействия интеллектуалов, выработку новой концепции производства, которую активно предложили партнерам. То, что посредник не только занимается сбытом, но может и должен обладать планом создания продукции, участвовать в разработке и проектировании товаров, в начале 90-х было далеко не очевидным не только для интеллектуалов, но и для многих в деловых кругах. Описанное в современных учебниках по маркетингу «чудо», благодаря усилиям людей, стоявших у истоков создания НЛО, оказало воздействие на современную российскую интеллектуальную среду. Даже простая истина, что номер должен быть объединен характером обсуждаемых проблем или одной общей темой, а не только желанием авторов быть услышанными, на фоне ситуации с российскими академическими журналами уже была открытием.

Вскоре журнал стал уверенно претендовать на влияние не только на местном интеллектуальном рынке, но и в среде зарубежных русистов. Издатели подчеркивают, что журнал не только включен в список ВАК и его материалы «входят

в программу обязательной подготовки студентов гуманитарных ВУЗов»¹²⁰, но что «статья в НЛО также является преимуществом для претендентов на получение степени PhD в научных учреждениях США». Олбани, Нью-Йорк, Беркли, Оксфорд, Лос-Анджелес, Кембридж, Хельсинки, Иерусалим, Рига – состав редколлегии, конечно, отражает пространство миграции ведущих российских интеллектуалов в начале 90-х. Но именно НЛО оказывается тем предприятием, благодаря которому поддерживаются прежние сети; чтобы связь этих интеллектуальных центров с Москвой и Петербургом не осталась (как в целом ряде других случаев) чисто номинальной, необходимы были вполне конкретные организационные усилия.

Что именно наделило производимые российскими филологами для НЛО тексты необходимой товарностью? Почему они оказались востребованы представителями других дисциплин? Допуская пересечение дисциплинарных границ, издание напоминает формат «гипермаркета идей», наполненного товарами, необходимыми представителям всего спектра социальных и гуманитарных дисциплин. Здесь вам не только продадут самые разные товары от интеллектуальной «мебели» до «специй», но и покажут, как с их помощи «оформить интерьер», познакомят с уникальной бытовой техникой, которая изменит повседневные практики и даже гастрономические предпочтения. Журнал не просто публикует переводы теоретических сочинений американских и европейских интеллектуалов 70–80-х гг., признанных в мире брендов – К. Гинзбурга и Р. Дарнтон, П. Берка и У. Эко, П. Бурдьё и Л. Тевено, Дж. Леви и К. Гирца, Р. Козеллека и К. Скенера, П. Вейна и Ф. Артога, В. Беньямина и Э. Гомбриха, – перечень «торговых марок» можно продолжить. Исследования современных российских (и не только российских) авторов содержат необходимые референции к тем или иным школам, именам, работам, – это пример прикладного освоения эскизов великих мастеров. Этот уровень «разработки лекал» под конкретные цели и параметры, важный для практической работы любого исследователя, уровень, которому учат далеко не на каждой фабрике-университете, обязателен в НЛО. Есть и третий уровень, «критики моды», – дискуссии о разных способах «присвоения классиков» и рецепции идей. Всё это разные стратегии воспитания как потенциального потребителя, так и будущего производителя. В отличие от академических журналов, референции в статьях НЛО не отсылают к забытым работам давно умерших «предшественников»¹²¹. Это не пыльные снимки в семейном альбоме, а скорее – фотографии из глянцевого журнала. В фокус последовательно помещаются разные элементы конкретных направлений. За каждой фотографией – стиль жизни, который можно выбрать, к которому можно стремиться, постепенно приобретая его атрибуты. Референции НЛО – это всегда ссылка на актуальный тип теории, модели или материала. Если ссылки на американские или европейские работы 70–80-х гг. вполне допустимы (и даже более раннее – но только если речь идет, скажем, о «заповедях» Р. Барта), то круг значимых российских коллег – это те, кто пришел в «бизнес» и производство знания в 90-е. Это живое сообщество, конечно, напоминает «мир глянца», и может оказаться мифом общества потребления. Однако использование этих техник позволило издательству НЛО оказать существенное воздействие не только на спрос, но и воспитать новых авторов.

В последние годы издатели отказались от метафоры «салона», которая некоторое время использовалась в оформлении журнала. Значительно расширился круг авторов, поиск которых довольно рано составил важное направление в деятельности связанных с проектом НЛЮ сотрудников. С 1993 года журнал проводит традиционную конференцию «Банные чтения», в последние годы конференция стала выездной, а поиск новых производителей более активным. О чем свидетельствует этот отказ от закрытой формы сообщества-салона? Можно упомянуть, как минимум, два параллельных процесса. С одной стороны – отток многих российских интеллектуалов на запад. С другой – появление новых исследователей, владеющих современными приемами анализа и знакомых с современной теоретической литературой. Оба эти процесса прямо и косвенно связаны в том числе и с усилиями НЛЮ по формированию товарности и продвижению отечественной интеллектуальной продукции.

Кроме того есть все основания говорить о росте конкуренции в данном сегменте рынка. Условность дисциплинарных границ, столь очевидная в формате гипермаркета, стимулировала процесс, который Михаил Ямпольский недавно назвал «переодеванием литератора в историка»¹²². «Поворот к истории», столь модный на рубеже 80–90-х на Западе, затронул российское интеллектуальное сообщество всего несколько лет назад, и, конечно, отнюдь не только литературоведов. Профессиональная идентичность в последнее время явно берет верх над политкорректностью и толерантностью прежних лет эпохи междисциплинарности. Сейчас, в том числе и на страницах НЛЮ, привычно встретить совсем другой агрессивный тип профессионального взаимодействия. Авторы, пришедшие в историю из других дисциплин, в саморепрезентации прибегают к стратегии риторического противопоставления, заодно создавая сатирический образ «историка с дипломом»: «Историк старается учесть в своих изысканиях все. Политический ученый занят делом куда более скучным – поиском вероятностей и причинно-следственных связей между известными факторами, а также определением факторов неизвестных. Историк делает мир сложным и красочным. Политический ученый разлагает его на цветовой спектр. За это они и ценят друг друга и не скупаются на комплименты»¹²³. Вот всего лишь один из многочисленных примеров и далеко не самый агрессивный. Подобные стратегии свидетельствуют о начавшемся наступлении, переделе границ, процессах, которые можно связать с видимым сужением рынка, прежде всего внешнего. Спрос на русистику заметно упал, в то время как монополия на производство исторического знания давно отменена, во всяком случае благодаря «закупкам» таких посредников, как издательство НЛЮ.

Историк литературы, историк идей, историк политического, историк культуры – вот немногие из новых идентичностей, дробящих поле истории. История и, возможно, философия перестают быть дисциплинарными институтами, превращаются в тематическое поле, на котором могут работать представители других профессиональных корпораций – литературоведы, лингвисты, социологи, политологи, искусствоведы. Они претендуют уже не на использование, а на производство исторического знания, и многие вполне успешно («все они, оставаясь в рамках своих дисциплин, работают с архивными материалами, что делает их

разыскания во многом и историческими исследованиями»¹²⁴). Не случайно идеалом для данной модели истории как тематического поля часто оказывается время расцвета русского формализма, – при всей иронии подобного высказывания «золотой век» русского гуманитарного знания приходится на время вынужденного существования профессионалов в условиях навязано большевиками академической модели, время запрета «истории» как профессии.

Журнал НЛЮ – пространство, где в общем последовательно отменена монополия на знание, а право саморепрезентации и рефлексии о состоянии исторического знания предоставлено в том числе и самим историкам¹²⁵. Печальное событие – смерть А.Я. Гуревича стало поводом для публикации его интервью с воспоминаниями и рефлексией о нравах и карьерных отношениях, этике и политике современной ему исторической корпорации, с порой довольно резкими критическими суждениями о коллегах-медиевистах¹²⁶. Комментарий Павла Уварова дополняет новыми смыслами эти размышления об этике корпоративных отношений, о существующих конвенциях и санкциях за их нарушение, о негосударственных и принятой компенсации за выполнение необходимых, но морально двусмысленных действий. Историки нередко относятся к ремеслу как служению, а не проекту-заработку, что, по мнению П. Уварова, делает многие ничтожные выпады слишком болезненными¹²⁷. Для К. Левинсона его комментарий стал еще и поводом для рассуждения о культуре исторических дискуссий, принятых в российской и международном профессиональной среде¹²⁸. Наследники новой, «нетрадиционной» для эпохи 80-х медиевистики, и те исследователи, кто связан с ней, если не тематикой, то теоретическими узами, оказываются теми избранными, кого охотно приглашают к участию в проектах НЛЮ. Дело в том, что эти работы прекрасно соответствуют важному маркетинговому принципу – носят прикладной характер, используют «иностранные» или в целом инновационные технологии для анализа исторического материала, создания новой интерпретации текста, производства новых смыслов, нового знания, сколь бы «мелкой» и «неглобальной» не выглядела на первый взгляд их тема.

Версия культуральной истории, которую предлагал своим читателям журнал, была изначально связана с исследовательскими практиками «поэтики культуры» по модели Беркли. Заметная часть авторов НЛЮ на протяжении всей истории издания журнала занималась русской филологией и историей русской литературы. Журнал сохранил импульс интереса к русской литературе классической эпохи, текстам, а также социальным, политическим, экономическим условиям их производства и воспроизводства. Объектом специального внимания становятся культура и практики Просвещения и классической эпохи (изобретение античности), национализмы¹²⁹, империи и колониализмы¹³⁰, социальные роли и идентичности (игры с персональностью и конструирование «я» в русском биографическом жанре XIX века¹³¹). Журнал продолжает работать со многими категориями нового историзма, обыгрывая в названиях статей и рубрик «поэтику и политику культуры», проецируя эти исследовательские практики на российский материал – в кадре оказываются Фонвизин, Новиков, Жуковский, Греч, Булгарин, Пушкин, участники кружка «Беседа любителей русского слова» и другие известные по работам пушкинистов старой школы персонажи¹³². С новым историзмом связано

и традиционное для НЛО внимание к разным интерпретациям истории в литературе, литературному статусу истории и историчности литературы¹³³, переводы¹³⁴ и культурное посредничество¹³⁵. В фокусе внимания оказываются социальные роли и идентичности, которые определяются в литературе, искусстве или науке через культурные практики¹³⁶ или через телесность или пространство¹³⁷ – история сексуальности, история тела и эмоций¹³⁸.

Та же традиция определяет интерес журнал журнала к теме власти. В фокусе оказывается политика памяти¹³⁹ – юбилеи и канонизация литературных «классиков», праздники и церемонии (см. рубрику Екатерины Дмитриевой «Стратегии канонизации Гоголя»¹⁴⁰), репрезентации власти и язык политической легитимации¹⁴¹, воображаемые сообщества, ментальные карты и виртуальная география¹⁴², «сценарии адаптации и сопротивления»¹⁴³, советская культура, политическая эстетика сталинизма и эстетика советского образа жизни¹⁴⁴.

Социальная история науки, политика и модернизация знания – Александр Дмитриев до недавнего времени был составителем регулярных рубрик на эти темы¹⁴⁵. В фокусе внимания оставались нормы, ценности, практики и повседневная культура университета и академической жизни¹⁴⁶, импорт идей и трансляция знания, академические элиты, борьба за власть и доминирование в науке.

В то время, как академические журналы сфокусировали внимание на первой половине XX века, НЛО удалось, по словам М. Ямпольского, «стимулировать интерес к недавнему прошлому» и «недавней истории». Здесь рынок опять ждала инновация – речь шла об историческом осмыслении последних десятилетий (№ 83 за 2007 посвящен теме «современности как истории»), в фокусе оказались история войны¹⁴⁷ и история второй половины XX века¹⁴⁸.

С началом кризиса команда людей, делающих этот уникально успешный интеллектуальный проект, начала меняться. Журнал, как и многие его аналоги, переживает вызовы рынка. Переживает успешно, в отличие от тех проектов, которые в эти годы появились на рынке и пытались повторить «чудо» НЛО (на развалинах старого издательства создать новый гуманитарный журнал). Повторить не удалось – ни один из проектов-отражений не пережил начало кризиса. Одним из таких проектов руководил Сергей Секиринский, много лет заведовавший отделом новейшей истории академического журнала «Новая и новейшая история», который на базе издательства «Знак» начал издание нового журнала «Историк и художник», выходившего в начале мизерным тиражом 500 экз. и распространявшегося в Москве. Проект Секиринского роднили с ранним НЛО салонно-кружковая форма (в одном из объявлений редактор приглашал будущих читателей «окупиться в атмосферу старинного дружеского кружка с его уютной свободой, содержательным и раскованным разговором, экспромтами, юмором, музыкой»), объединял их, конечно же, и интерес к литературе и искусству как историческим источникам, материалу для реконструкции прошлого, и даже отчасти интеллектуальные связи – Секиринский привлек к изданию круг молодых медиевистов, учеников Бессмертного, ранее писавших для альманахов «Казус» и «Адам и Ева». История представлений, праздников и юбилеев, анализ техники и форм мифологизации общественного и исторического сознания, – характерная тематика этого издания. Однако С. Секиринский использовал традиционные

формы продвижения издания – он пригласил в редколлегию историков, занимающихся изданием академических журналов (О. Будницкого, Р. Рахматулина и др.) и ограничился анонсами и рецензиями в большинстве академических профильных журналов¹⁴⁹ и выступлениями на радио.

Проект, безусловно, оказался одним из самых успешных среди академических предприятий, но для его успеха и жизнеспособности одного копирования интеллектуального имиджа оказалось недостаточно. Пока рано говорить, что здесь была освоена модель управления бизнесом, предложенная издателями НЛЮ. Немногие интеллектуалы в 90-е гг. стали успешными менеджерами проектов, хотя и можно говорить о росте деловой и интеллектуальной активности общества (можно упомянуть журнал «Коллегиум», издаваемый Смольным колледжем свободных наук и искусств, пожалуй наиболее близкий по модели к НЛЮ новый проект). Грантовая поддержка сыграла тут не последнюю роль. Наступивший кризис повлек за собой провал целого ряда новых изданий. Общий спад активности затронул даже блогосферу.

Журнал как медиа-проект: стратегические принципы на примере журнала «Родина»

«Родина» – ровесник НЛЮ. Это еще один гляцевый журнал, построенный по модели успешного коммерческого проекта. Издатели «Родины» также заняли активную деловую позицию, ориентируясь, правда, не столько на формирование спроса, сколько на стимулирование сбыта, не на воспитание нового читателя, а на заполнение уже сложившихся сегментов рынка в рамках индустрии развлечений. Редакция инициирует дискуссии, берет интервью (у деятелей искусств, заместителя министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, простых труженников), ставит вопросы и формулирует тематику обсуждения, проблемы, которые будут обсуждаться в номере. «Общественный диалог на фоне реформ» – название одной из рубрик – вполне могло бы стать метафорой деятельности издателей. В журнале есть штатные обозреватели (Лев Аннинский), корреспонденты, редакторы, отвечающие за единство стилистики заголовков и формат содержания. Они ищут тех, кто на некоторое время окажется в кадре – авторов, заказывают статьи. Проводят конкурсы для молодых исследователей из регионов, расширяя географию медийного пространства. Все вместе они – команда, успешно работающая на российском рынке уже много лет. Они делают новости, реализуют хорошо отработанный формат гляцевых журналов «Биография», «Караван истории», проектов телеканала «Культура». Политические блоки новостей, разбавленные рекламой и популярными историями для развлечения читателя, – вот основные жанровые формы журнала. Читатель подготовлен к ним телевидением, на них есть спрос, издания окупаются, зарабатывая на рекламе. Жанр «поделки», «микро-истории», «анекдота», внимание к «неглобальному» событию, неординарному в повседневности, – востребованный формат статей «Родины».

В отличие от НЛЮ рассказ адресован не интеллектуальной элите, а широкой публике – микроистории от «Родины» не требуют производства новых смыслов, достаточно и новой информации. Все вместе они делают красочное шоу – издание иллюстрировано, но функции у иллюстраций здесь иные, чем в «Историке и художнике» – они говорят не иное, они иллюстрирует событие, оставаясь синекдохой текста, не требуя метафорических прочтений. Даже форма исторического времени на страницах «Родины» коннотирует новостной формат: чего стоит заголовок «Пять минут длиною в полвека»¹⁵⁰.

Любовные истории, светская хроника, туризм и путешествия, мода, скандалы, интриги, расследования, вести – вот перечень традиционных для «Родины» сюжетов. В кадре Государственная дума, мусульманский вопрос и национальные отношения на окраинах с характерными для современных новостей анонсами («Идти рука об руку»¹⁵¹, «Чечня сегодня – стройплощадка»¹⁵², «Труды и дни московского генерал-губернатора»), сообщения о наказанных коррупционерах, о постройке новой модели самолета, об участии России во всемирной выставке 1900 года в Париже, показ французской моды и причесок, благотворительность, интервью с создателем фильма «Крейсер Варяг», рассказ о съемках фильма «Агония», беседа с известным бардом. Здесь говорят о «средневековой глобализации» и, сообщая о реформе политической системы, естественно задают провокационные вопросы: «отказывается ли президент от демократии?». Законы построения новостного текста подскажут читателю правильный ответ. После этого блока новостей буквально калькой из новостного эфира звучит заголовок статьи Михаила Озерова: «Убийца Распутина – английский шпион. Так полагают на берегах Темзы»¹⁵³. «По результатам новых экспертиз» – в духе милицейской хроники журналисты расскажут об убийстве Кирова. Здесь нет излюбленных периодов или сюжетов, главный принцип – разнообразие и непохожесть картинки при вполне допустимом и очевидном структурном сходстве сообщений о происшествиях в XV и XX веке. На фоне известного исторического события должен появиться новый объект, персонаж, новый факт. Такова стратегия издания и запросы рынка.

Авторы статей как бы берут интервью у своих персонажей – героев прошлых событий, помещая их в кадр, делая нарезку и монтаж из часов отсмотренного материала. Родство этих интеллектуальных процедур с кинематографом (о чем много пишет и журнал Сергея Секиринского, и НЛЮ) не подвергается критическому осмыслению – это ремесло, техника, которая востребована, понятна и доступна массовому читателю. Потребитель живет в этой теле- и кинематографической атмосфере, она пронизывает его повседневную жизнь. С точки зрения производителей этого медийного формата подобная техника может быть прагматически оправдана.

Итак, каждая из трех моделей взаимодействия журнала с авторами и читателями довольно мало напоминает республиканский форум о прошлом. Все они рассчитаны на годами выработанную пассивность и инертность партнера и не допускают пока форм интерактивного свободного взаимодействия. Эпоха электронной интернет-коммуникации уже оказывает серьезное влияние на формы

коммуникации, приобщая к активному, быстрому и живому публичному общению, часто без решающего участия модераторов. Свобода и скорость публикации, гонорары, властные интересы – в зависимости от ситуации и интересов пользователя – оказываются решающими в той или иной ситуации. Несмотря на рост деловой активности, современное профессиональное сообщество демонстрирует все же довольно низкую способность к самоорганизации. На фоне кризиса заметны спад деловой активности, и даже некоторая депрессия. Вызовы последнего времени грозят поставить историческое сообщество в положение маргинальных интеллектуальных групп, мало востребованных как на рынке образования, так и на интеллектуальном рынке. Возврат международного сообщества к старым объяснительным моделям (геополитической и транснациональной истории) позволяют говорить о том, что эти процессы носят общий характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Journal of the History of Ideas. Interview with Dr. Warren Breckman, University of Pennsylvania, Co-executive Editor // Periodical Radio 15. October 2007.

² Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (редакция июль 2007 года) – доступен на сайте Высшей аттестационной комиссии, URL: http://vak.ed.gov.ru/help_mat/516/

³ В формате академической периодики, к примеру, практически отсутствует статус «звезды», «живого классика», «свадебного генерала», приглашенного принять участие в номере вместе с молодыми коллегами. «Вопросы истории» (далее – ВИ) публикуют дневники покойных академиков (рубрика «Историки о времени и о себе»), работы признанных специалистов (см., напр., публикацию статьи И.Ф. Гиндина «Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте» и др. публикации в рубрике «Из архива историка»), но позиционируют эти тексты как материалы по истории науки.

⁴ Почти треть номера журнал «Отечественная история» отвел в 2003 г. под рубрику «Над чем работают уральские ученые», объединив по территориальному принципу статьи екатеринбургских историков, посвященные самой разной тематике, от истории XVI в. до распада Советского Союза (Отечественная история (далее – ОИ). 2003. № 3. С. 3–80).

⁵ Ср. напр.: *Андреев А.Ю.* «Гумбольдт в России»: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX в. // ОИ. 2004. № 2; *Он же.* Император Александр I и профессор Г.Ф. Паррот: к истории возникновения «университетской автономии» в России // ОИ. 2006. № 6; *Савченко В.Н.* Национально-политические отношения в Восточной Галиции и Буковине. 1910–1911 гг. // ВИ. 2003. № 5; *Он же.* Восточная Галиция в 1916–1920 гг. (этнополитическая ситуация в крае) ОИ. 2004. № 2; *Он же.* Восточная Галиция накануне первой мировой войны (этносоциальная ситуация по данным российского Министерства иностранных дел) // ОИ. 2005. № 6; *Лисовой Н.Н.* Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, наследие // ОИ. 2003. № 2; *Он же.* Императорское Православное Палестинское Общество: XIX–XX–XXI вв. // ОИ. 2007. № 1; *Быстрова И.В.* Советский военный потенциал периода «холодной войны» в американских оценках // ОИ. 2004. № 2; *Она же.* Военно-промышленный комплекс СССР на международной арене // ОИ. 2006. № 2–3; *Агеева О.Г.* Светские праздники русского двора от Петра до Екатерины Великой // ОИ. 2006. № 2; *Она же.* Увеселения русского двора от Петра I до Екатерины Великой // ОИ. 2006. № 5; *Сулаев И.Х.* Официальное мусульманское духовенство в Советском Дагестане // ВИ. 2006. № 12; *Он же.* Мусульманские съезды Поволжья и Кавказа в 1920-х гг. // ВИ. 2007. № 9; *Бикташева А.Н.* Механизм назначения губернаторов в России в первой половине XIX в. // ОИ. 2006. № 6; *Она же.* Надзор над губернаторами в России в первой половине XIX в. // ВИ. 2007. № 9; *Третьяков В.В.* Народы России в школьных учебниках по отечественной истории (до XX в.) // ОИ. 2003.

№ 1; *Он же*. «Большой хозяин». Русский царь в представлениях народов России XV–XVIII вв. // ОИ. 2005. № 3; *Он же*. «Непоколебимый столп»: образ России XVI–XVIII вв. в представлении ее народов // ВИ. 2005. № 8; *Он же*. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // ВИ. 2007. № 1; *Бабкин М.А.* Святейший Синод Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // ВИ. 2005. № 2; *Он же*. Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Там же. 2003. № 6; *Он же*. Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.) // ОИ. 2005. № 3; *Попов А.Ю.* Спецоперации органов госбезопасности СССР на оккупированной территории. 1941–1944 гг. / ВИ. 2005. № 4; *Он же*. Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны // ВИ. 2006. № 10; и т. д.

⁶ Так, в № 3 за 2003 г. журнал представил читателю рубрику «Вспоминая Великую отечественную», в которой разместил запись воспоминаний наркома связи И.Т. Пересыпкина. В том же номере были опубликованы статьи М.Ю. Мухина «Советская авиапромышленность накануне Второй мировой войны», А.Ю. Попова «Партизаны и контрразведка в годы Великой Отечественной войны», Ч.Э. Сымонович «Ровесники Великой Отечественной (опыт характеристики возрастной группы)», но все они в рубрику не попали, напротив были разделены с ней статьей о формировании государственности у восточных славян в IX–XIII вв. За полгода до этого в № 1 появилась биографическая статья о Зое Космодемьянской (*Горяинов М.М.* Указ. соч. // ОИ. 2003. № 1). В юбилейный номер 2004 года (№ 3) не попала статья Т.С. Илларионовой «Обмен населением между СССР и Германией накануне и в начале Второй мировой войны» (ОИ. 2004. № 4). Остался за рамками юбилейных рубрик и круглый стол «Советская Карелия в пространстве оккупации: 1941–1944 гг.» (ОИ. 2006. № 4.), участники которого представили новый ракурс истории войны, рассматриваемой в перспективе истории повседневности. В 2007 г. на юбилей «не пустили» статью Е.Ю. Зубковой «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // ОИ. 2007. № 2–3.

⁷ Рубрика «К 250-летию Московского университета» в «Отечественной истории» за 2005 год тоже представлена одной статьей Ф.А. Петрова «Люди 1840-х гг. в Московском университете» (ОИ. 2005. № 2. С. 127–146). Юбилеи других университетов были отмечены лишь критическими обозрениями: *Вишленкова Е.А., Сальникова А.А.* Юбилейные истории Казанского университета // ОИ. 2004. № 5; *Посохов С.И.* Юбилей Харьковского университета // Там же. № 6.

⁸ Некоторые юбилеи пытаются отметить сами авторы, не всегда встречая поддержку редакций. См., напр.: *Данилов В.П., Зеленин И.Е.* Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // ОИ. 2004. № 5; иногда авторы обгоняют время: *Тютюкин С.В.* Первая русская революция в России: взгляд через столетие // ОИ. 2004. № 6.

⁹ Примером может служить, например, рубрика «К 300-летию Санкт-Петербурга» (ОИ. 2003. № 3), которая была образована из очень разных по тематике статей: «Петровский Петербург глазами иностранцев» (О.Г. Агеева), «Либерально-демократическая общественность Петербурга в 1860–1870-е гг.» (Д.М. Легкий), «Городские головы Санкт-Петербурга. 1873–1903 гг.» (В.А. Нардова) и «Промышленность Ленинграда в годы блокады (сентябрь 1941 г. – декабрь 1943 г.» (П.П. Данилов).

¹⁰ Исключения всегда заметны. В 2003 г. С.С. Секиринский представил в ОИ новый для академической периодики формат прикладного освоения направления – тематический цикл «История страны/история кино» (ОИ. 2003. № 6). Структура цикла очень контрастирует с принятыми в журнале: он объединен общим замыслом и может быть воспринят как единый текст, повествующий о событиях советской истории сквозь призму кино.

¹¹ *Кулешова Н.Ю.* Красная армия в конце 1930-х гг.: проблема боеспособности с точки зрения истории повседневности // ОИ. 2003. № 4; *Гаврилов Н.Ю., Карнов В.П.* Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1960–1980-е гг.) // Там же. № 5.

¹² *Миронов Б.Н.* Пришел ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии «Американская русистика» // ОИ. 2003. № 4; *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния // ОИ. 2007. № 2–3; *Надеждина В.А.* Нэповская Россия в зеркале социальной истории // Там же. № 4; *Нарский И.В.* Новый фундаментальный труд о российской повседневности // Там же; *Иголкин А.А.* В аспекте экономической истории // ОИ. 2003. № 2.

¹³ См. напр.: *Туманова А.С.* Консерватор во власти: губернатор Н.П. Муравьев // ОИ. 2003. № 3; *Итенберг Б.С.* Военачальник и администратор на Кавказе // ОИ. 2004. № 1; *Твардовская В.А.* На посту генерал-губернатора в Астрахани Харькове: победа над чумой и усмирение крамолы // Там же. № 2; *Акульшин П.В.* Генерал-губернатор А.Д. Балашов // ОИ. 2004. № 2; *Нардова В.А.* Городские головы Санкт-Петербурга. 1873–1903 гг. // ОИ. 2003. № 3; *Минаков А.С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX – начала XX вв. // ОИ. 2004. № 3; *Ананьев Д.А.* Воеводческое управление Сибири в XVIII в.: особенности процесса бюрократизации // ОИ. 2007. № 2; *Хлевнюк О.В.* Региональная власть в СССР в 1953-конце 1950-х гг. Устойчивость и конфликты // Там же. № 3; *Шабаетов Ю.П., Напалков А.Д.* Эволюция высшего представительного органа власти в Республике Коми. 1920 г. – начало XXI в. // Там же. № 5; *Минаков А.С.* Формирование губернаторского корпуса в пореформенной России // ВИ. 2007. № 12; *Бикташева А.Н.* Механизм назначения губернаторов в России в первой половине XIX в... и др. ее статьи; *Соловьев Я.В.* Бюрократический аппарат Министерства финансов в пореформенную эпоху // ВИ. 2006. № 7.

¹⁴ *Воробей А.П.* «Кадровая революция» на Европейском Севере России (1929–1930 гг.) // ОИ. 2004. № 6; *Новохатко О.В.* Управленцы среднего звена в XVII в.: неформальные контакты служилых по отечеству и приказных // ОИ. 2005. № 3; *Иванов В.А.* Источники о численном составе чиновников местных московских учреждений середины XIX в. // Там же. № 5; Рождение партийной номенклатуры / публ.подг. *Зеленов М.В.* // ВИ. 2005. № 2–3.

¹⁵ *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // ОИ. 2005 № 6. О «формировании национальной идеи» – ср.: *Цимбаев К.Н.* Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Там же.

¹⁶ *Невежин В.А.* Большие кремлевские приемы Сталина (1930-е – начало 1940-х гг.) // ОИ. 2004. № 3; *Еришов В.Н.* Премьер, оставшийся в памяти (из воспоминаний о А.Н. Косыгине) // Там же. № 5; *Гимпельсон Е.Г.* Руководящие советские кадры: 1917–1920-е гг. // Там же. № 6.

¹⁷ *Новоселов Д.С.* Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 гг.; *Мухеев В.И.* Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики советской власти в 1920-х – начале 1930-х гг. // ОИ. 2005. № 6. *Говоров И.В.* Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах // ВИ. 2004. № 4.

¹⁸ *Конасов В.Б.* Место и роль Управления по делам военнопленных и интернированных в пенитенциарной системе советского государства: 1939–1953 // ОИ. 2005. № 6. Любопытно, что эта статья Вологодского историка не попала в рубрику, посвященную спецслужбам, хотя и была помещена в том же номере. Редакция сочла целесообразным разделить их тридцатью страницами на другие темы – об истории капитализации советской деревни и выборов в предпарламент.

¹⁹ *Бабкин М.А.* Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.) ... и др. статьи и публикации этого автора; *Лобанова И.В.* Восстановление патриаршества в России в контексте политических событий начала XX в. // Там же; *Кострюков А.А.* Русская зарубежная церковь и указ патриарха Тихона об упразднении заграничного Высшего церковного управления // ОИ. 2007. № 5. *Шмелев Г.И.* Русская православная церковь, ее деятельность и экономика до и после 1917 года // ВИ. 2003. № 11.

²⁰ *Якунин В.Н.* Укрепление положения Русской православной церкви и структура ее управления в 1941–1945 гг. // ОИ. 2003. № 4; *Гераськин Ю.В.* К вопросу о поддержке Русской православной церкви населением в период «хрущевских гонений» (по материалам Рязанской области) // ОИ. 2007. № 4; *Маслова И.И.* Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская православная церковь (1965–1991 гг.) // Там же. 2005. № 6; *Маслова И.И.* Русская православная церковь и КГБ (1960–1980-е годы) // ВИ. 2005. № 12.

²¹ *Ульянова Г.Н.* Законодательство и благотворительности в России в конце XVIII – начале XX вв. // ОИ. 2005. № 6; *Соколов А.Р.* Российская благотворительность в XVIII–XIX вв. (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // ОИ. 2003. № 6. См. *Туманова А.С.* Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII – начала XX вв. // ОИ. 2007. № 6.

²² *Коник А.А.* Украинские крестьяне на выборах в I Государственную думу // ОИ. 2006. № 3; *Дмитриенко А.А.* Крестьяне Вятской губернии и I Государственная дума // Там же. № 5; *Сидоренко Н.С.* Уральские депутаты Государственной думы (1906–1917 гг.) // Там же; *Куприянов А.И.* Городская демократия: выборы в русской провинции (вторая половина 1780-х – начало 1860-х гг.) // ОИ. 2007. № 5

²³ См. напр.: *Соколов А.К.* Перспективы изучения рабочей истории в современной России // ОИ. 2003. № 4–5.

²⁴ *Динева О.В.* Безработица в дореволюционной России (библиография по проблемам рынка труда) // ОИ. 2003. № 5; *Мирясов А.В.* К вопросу о мотивации труда рабочих России в 1920-е гг (на примере промышленных предприятий Пензенской губернии) // ОИ. 2005. № 5; *Володин А.Ю.* Фабричная инспекция в России (1882–1904 гг.) // 2007. № 1; *Цысь В.В.* Трудовые армии: от трудовых частей к государственному рабочим артелям // Там же. № 5.

²⁵ *Пушкарева И.М.* Рабочее движение в год II съезда РСДРП // ОИ. 2003. № 4; *Лобзнев И.Н.* Особенности рабочего движения в Центральном промышленном районе России в 1920-е гг. // ОИ. 2005. № 5; *Борисова Л.В.* «Советский тред-юнионизм»: профсоюзы и забастовочная борьба в годы нэпа // ОИ. 2007. № 6; *Люттов Л.Н.* Настроения рабочих провинции в годы нэпа // Там же. № 4.

²⁶ *Воейков Е.В.* Экологические проблемы Среднего Поволжья в годы первых пятилеток (на примере состояния лесов региона) // ОИ. 2007. № 5.

²⁷ *Козлов С.А., Швейковская Е.Н.* Проблемы социально-экономической истории в работе симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1958–2003) // ОИ. 2003. № 6; *Алексеева Е.В.* Экономическая политика Российской империи в контексте основных тенденций развития мировой экономики Нового времени // ОИ. 2007. № 4.

²⁸ *Мельников М.В.* Обсуждение проекта денежной реформы в Комитете финансов и Государственном совете в 1896–1897 гг. // ОИ. 2007. № 6; *Амосов А.И.* Эволюция денежной системы России // ВИ. 2003. № 8; *Кириллов А.К.* Новое и старое в регулировании городских банков в эпоху «великих реформ» // Там же. № 9; *Страхов Ю.А.* Общественные проекты в сфере государственных финансов России 1914–1917 годов // ВИ. 2006. № 11.

²⁹ *Лисовой Н.Н.* Императорское Православное Палестинское Общество...

³⁰ *Савченко В.Н.* Восточная Галиция накануне Первой мировой войны ...

³¹ *Капеллер А.* Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // ОИ. 2003. № 2; *Зорин В.Ю.* К вопросу об этноконфессиональном компоненте внутренней политики России начала XX века // ОИ. 2003. № 5; *Хаген фон М.* Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 гг. // ОИ. 2004. № 5; *Михайлова Ю.Л.* Славянофилы и остзейский вопрос (40–60-е гг. XIX в.) // ОИ. 2007. № 5; *Трепавлов В.В.* Народы России в школьных учебниках по отечественной истории (до XX в.) // ОИ. 2003. № 1; *Арапов Д.Ю.* Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // ВИ. 2005. № 4; *Миндлин А.Б.* Политика С.Ю. Витте по «еврейскому вопросу» // ВИ. 2004. № 4.

³² *Юрченко В.А.* Мордовский этнос в системе Российской империи: XVIII – начало XX в. Там же; *Мухометов Р.Ф.* Татаро-башкирский вопрос в 1917 году // ВИ. 2007. № 7; *Кобзев А.В.* Исламизация православных чувашей и чувашей-язычников Симбирской губернии в XIX – начале XX в. // ОИ. 2007. № 5; *Тихонов А.К.* Исламский фактор в Поволжье в 1860–70-х гг. // ОИ. 2007. № 3; *Конец А.Ю.* Народы Северо-Западной Сибири в XIX столетии: обычное право и имперское законодательство // ОИ. 2004. № 2; *Борисенок Ю.А.* Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // ВИ. 2003. № 3; *Борисенок Ю.А.* Белорусско-русское пограничье в 1918–1944 годах // ВИ. 2004. № 12; *Блиева З.М.* Русско-кавказские отношения в XVII–XVIII веках // ВИ. 2003. № 12; *Никитин Н.И.* Кавказское казачество в судьбах России XVI–XVIII вв. // ОИ. 2005. № 6; *Гетманский А.Э.* Политика России в польском вопросе (60-е годы XIX века) // ВИ. 2004. № 5.

³³ *Коваль М.В.* Организация украинских националистов (ОУН): уроки истории // ОИ. 2003. № 1; *Борисенок Е.Ю.* Укрепление сталинской диктатуры и поворот в национальной политике на Украине (1930-е гг.) // Там же; *Костырченко Г.В.* Депортация – мистификация (Прощание с мифом сталинской эпохи) // Там же; *Борлакова З.М.* Депортация и репатриация карачаевского народа в 1943–1959 гг. // ОИ. 2005. № 3;

³⁴ *Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1916–1920 гг. (этнополитическая ситуация в крае) и др. его статьи; *Жушкова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. (документальные публикации и новейшая отечественная историография) // ОИ. 2004. № 3; *Хлынина Т.П.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг: проблемы современной историографии // ОИ. 2005. № 1; *Сулаев И.Х.* Государство и мусульманское духовенство в Дагестане 1920–1930-х гг... и др. его статьи; *Клемм фон В.* Очерк революционных событий

в русской Средней Азии / подгот. пуб. В.Л. Генис // ВИ. 2004. № 12, 2005. № 1; *Брежнева С.Н.* Проблема присоединения Средней Азии к России в отечественной историографии 1920–1950-х гг. // ОИ. 2005. № 1; *Таймасов Р.С.* Башкиры в антибольшевистском лагере: между сибирской контрреволюцией и Комучем // ВИ. 2007. № 8; *Марчуков А.В.* Россия, Украина и проблема «Русской Галиции» // ВИ. 2007. № 2; *Чеботарева В.Г.* Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е гг. // ВИ. 2006. № 12; *Борисенко Ю.А.* «Белорусизация» 1920-х годов: предыстория // ВИ. 2006. № 6.

³⁵ *Смирнова С.К.* Проблема защиты коллективных прав «аграрных» этносов в Российской Федерации. На материале Удмуртской Республики // ОИ. 2003. № 2; *Зубкова Е.Ю.* Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953–1985 // Там же. 2004. № 4; *Мирзоев Г.Р.* Гражданская война в Таджикистане в начале 1990-х гг.: причины возникновения // Там же. № 5; *Шабавев Ю.П., Жеребцов И.Л., Мальцев Г.И.* Опыт национального строительства коми-пермяков: историко-социологический анализ // ОИ. 2005. № 1;

³⁶ *Быстрова И.В.* Советский военный потенциал периода «холодной войны» в американских оценках // ОИ. 2004. № 2; *Бокарев Ю.П.* Еще раз об отношении СССР к плану Маршалла // ОИ. 2005. № 1; *Быстрова Н.Е.* Образование Восточного блока // ОИ. 2005. № 3; *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР на международной арене // ОИ. 2006. № 2–3; *Колесникова А.Г.* Образ врага периода холодной войны в советском игровом кино 1960–1970-х гг. // ОИ. 2007. № 5;

³⁷ *Пушкарёв Л.Н.* Освоение русского языка иностранцами в конце XVI – XVII вв. // ВИ. 2004. № 6; *Алексеева Е.В.* Использование европейского опыта управления государством при Петре I // ВИ. 2006. № 2; *Паишков А.М.* Иностранцы-специалисты на Олонецких горных заводах во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. // ОИ. 2006. № 4; *Андреев А.Ю.* «Гумбольдт в России...»; *Он же.* Император Александр I и профессор Г.Ф. Паррот...; *Лабутина Т.П.* Была ли Екатерина II англофилом? (К вопросу о «вестернизации» политической элиты России) // ВИ. 2003. № 9; *Упадышьева Н.В.* Польские спецпереселенцы на Европейском Севере России // ОИ. 2007. № 5; *Усманов Н.В.* Американская помощь голодающему населению Южного Урала в 1921–1923 гг. // ОИ. 2007. № 5; *Смирнова Т.М.* О судьбе советских детей, эвакуированных в Чехословакию в начале 1920-х гг. // ОИ. 2007. № 1; *Шпотов Б.М.* Взаимосприятие американцев и русских в годы первой пятилетки (по материалам прессы и деловой переписки) // ОИ. 2007. № 4; *Куликова Г.Б.* Под контролем государства: пребывание в ССР иностранных писателей в 1920–1930-х гг. // ОИ. 2003. № 4; *Нитобург Э.Л.* Судьбы русских иммигрантов второй волны в Америке // ОИ. 2003. № 2; *Нитобург Э.Л.* В поисках своей ниши в американском обществе (третья волна русских иммигрантов в США) // ОИ. 2004. № 1.

³⁸ *Тютюкин С.В.* Граф Николай Шереметев и крепостная актриса Прасковья Ковалева-Жемчугова // ОИ. 2006. № 3; *Эдельман О.В.* Императрица Елизавета Алексеевна и кавалергард Алексей Охотников // ОИ. 2007. № 2; *Агеева О.Г.* Светские праздники русского двора от Петра до Екатерины Великой... и др. ее статьи.

³⁹ *Ланда Р.Г.* Ахмед Мессали Хадж // ВИ. 2005. № 3.

⁴⁰ *Агабабян В.С.* Проблемы истории Западной Сахары // ВИ. 2005. № 3.

⁴¹ *Артюхов С.А.* О городе Романовке // ВИ. 2005. № 2

⁴² *Соболева Н.А.* Из истории отечественных государственных гимнов // ОИ. 2005. № 1. С. 3–21; *Она же.* Создание государственных гимнов Российской империи и советского Союза // ВИ. 2005. № 2. «Хочется верить, что слова гимна станут пророческими», – замечает в своей статье автор, сетуя что общество так неоднозначно реагирует на новые законы о символах государственного суверенитета страны, которые подписал президент В.В. Путин.

⁴³ *Лисовой Н.Н.* Русское присутствие в Святой Земле...; *Он же.* Императорское Православное Палестинское Общество: XIX–XX–XXI вв...

⁴⁴ Характерный пример – рубрики «Политический архив XX века» и «Воспоминания» в журнале «Вопросы истории», иногда с долей иронии публикаторы называют эти материалы «зеркалом русской истории». Похожую тенденцию можно наблюдать и среди публикаций журнала «Отечественная история»: *Агеева О.Г.* Петровский Петербург глазами иностранцев // ОИ. 2003. № 3; *Захарова Л.Г.* Россия XIX в. в мемуарах ДА. Милютин // ОИ. 2003. № 2; *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в оценках французских публицистов и ученых конца XIX – начала XX в. // ОИ. 2007. № 6; *Сизоненко А.И.* Советская Россия глазами перуанского социалиста и демократа // ОИ. 2005. № 5.

⁴⁵ Бабкин М.А. Указ. статьи.

⁴⁶ Около полутора лет журнал «Вопросы истории» публиковал в рубрике «Историки о времени и о себе» «Дневники академика М.В. Нечкиной» // ВИ. 2005. № 1–3, 5–12; 2006. № 1–2, 4–8.

⁴⁷ Такой образ большевиков создает в своих воспоминаниях о пребывании в Средней Азии Вильям фон Клемм, его персонажи «безжалостно убивают жителей», «разрушают дома», совершают «издевательства, пытки, истязания, убийства», «выходцы из среды известных преступников» грабят, разрушают, терроризируют город, творят «тиранию и беззакония» (См. *Клемм фон В.* Очерк революционных событий в русской Средней Азии / подгот. публ. В.Л. Генис // ВИ. 2004. № 12, 2005. № 1). Образ демагогов, использовавших страх голода, нищеты и смерти, чтобы прийти к власти, – подмечает биограф в записках о русской революции Н.В. Устрялова (См. *Романовский В.К.* Н.В. Устрялов о русской революции (по его публикациям 1917–1918 гг.) // Там же).

⁴⁸ Об этой тенденции в историографии см.: *Новопашин Ю.С.* Миф о диктатуре пролетариата // ВИ. 2005. № 1.

⁴⁹ См. напр.: *Мельтохов М.И.* Положение на границах с Польшей и Румынией и план Красной Армии (1921–1922 гг.) // ОИ. 2005. № 1; *Случ С.З.* Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Там же; *Бокарев Ю.П.* Еще раз об отношении СССР к плану Маршалла // Там же.

⁵⁰ *Брежнева С.Н.* Проблема присоединения Средней Азии к России в отечественной историографии 1920–1950-х гг. // ОИ. 2005. № 1.

⁵¹ *Согрин В.В.* 1985–2005: три превращения современной России // ОИ. 2005. № 3.

⁵² См. напр., *Пожарская С.П.* Франсиско Франко // ВИ. 2005. № 1.

⁵³ См. напр. *Варенцова Л.Ю.* Царевна Ксения Годунова // ВИ. 2005. 1; *Богданов А.П.* Княгиня Ольга // Там же. № 2.

⁵⁴ «При этом для Моргана Абдулловича были характерны необыкновенная честность и щепетильность во всех этических вопросах. Не случайно, будучи уволен в 2004 г. из штатов ИРИ РАН, он по настоянию научной общественности и ряда академиков РАН был оставлен в должности заместителя главного редактора журнала» (Памяти Моргана Абдулловича Рахматуллина // ОИ. 2007. № 2. С. 218).

⁵⁵ *Дюла Свак.* Заседание редколлегии журнала с новым названием «Российская история». URL: <http://www.russtudies.hu/Aindex.php?menu=46&lang=r&hrid=109> (22.12.2010)

⁵⁶ *Медушевский А.Н.* Российская история: новые рубежи и пространство диалога // РИ. 2009. № 1. С. 6

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Дюла Свак.* Заседание редколлегии журнала с новым названием...; *Медушевский А.Н.* Политическая теория российского конституционализма XX века // РИ, № 1, 2010, С. 45–64

⁵⁹ А.Н. Медушевский: С позиций академизма. Журнал и его читатели: встреча в Саратове // РИ. 2010. № 2. С. 230

⁶⁰ Еще одно исключение – две статьи А.Н. Сахарова и две Ф.Л. Сеницына: *Сеницын Ф.Л.* Конституционные принципы свободы совести и всеобщего избирательного права в СССР: попытка реализации и противодействие (1936–1939 гг.) // РИ, № 1, 2010, С. 81–92 и *Сеницын Ф.Н.* Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944-первой половине 1945 года // РИ, № 6, 2009, С. 40–53

⁶¹ Ю.Н. Смирнов: Научная ценность учебной литературы. Журнал и его читатели: встреча в Саратове // РИ. 2010. № 2. С. 228.

⁶² А.Н. Медушевский. С позиций академизма. Журнал и его читатели... С. 230

⁶³ *Дюла Свак.* Заседание редколлегии журнала с новым названием...

⁶⁴ *Бон Т.* «Социалистический город» или «Европейский город»: урбанизация и рурализация в Восточной Европе // РИ, № 1, 2009, С. 65–76; Чжан Найхэ. Российская урбанизация в китайской перспективе: обзор исследования Чжана Гуансяна об урбанизации в России в XVIII–XIX вв. // Там же. С. 76–80

⁶⁵ *Чернякова И.А.* Местное крестьянское сообщество в Карелии XIX века в борьбе за выживание: стратегия ли интуиция? // РИ, № 3, 2009, С. 216–227; *Сулова Е.Д.* Северное духовенство как источник пополнения приказной бюрократии XVII века: опыт локального исследования // РИ, № 3, 2009, С. 123–127; *Камкин А.В.* Сельское приходское духовенство европейского севера России в XVIII века // РИ, № 3, 2009, С. 127–135.

⁶⁶ *Миллер А.* «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // РИ. 2009 № 1. С. 151 и сл.

⁶⁷ *Сизоненко А.И.* Отношения России со странами Латинской Америки в XIX-начале XX века и их освещение в отечественной историографии // РИ, № 2, 2009, С. 24–26; *Дик Е.К. Сизоненко А.И.* Российско-мексиканские отношения в 1741–1991 годах и их влияние на Мексику // Там же. С. 26–29; *Сапронова М.А.* Страны Магриба в военных обзорах и путевых заметках русских путешественников XIX века // Там же. С. 30–36; *Азуреев С.А.* Восприятие Эфиопии в российском общественном сознании на рубеже XIX–XX вв // Там же. С. 36–42; *Кострикова Е.Г.* Боснийский кризис 1908 года и общественное мнение России // Там же. С. 42–54; *Распопович Р.* Военная конвенция между Черногорией и Россией 1910 года // Там же. С. 52–67; *Бодер Р.* Религиозный фактор во внешней политике СССР и советско-индонезийские отношения // Там же. С. 68–78; *Медушевский А.Н.* Национализм и авторитарная модернизация: дебаты в современной немецкой историографии // РИ, № 6, 2009, С. 177–186.

⁶⁸ *Медушевский А.Н.* Региональная история в глобальном измерении // РИ. 2009, № 3. С. 3–14.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ *Истомина Э.Г.* Европейский Север: региональный подход // РИ, № 3. С. 15–27; *Пашков А.М., Секуринский С.С.* Европейский Север в истории России // Там же. С. 27–41

⁷¹ «Мне представляется, что тематические номера могут быть не обязательно региональными, но и проблемными» (*Голубев А.В.* Резервы региональной науки. Выступление на круглом столе «Региональная история в глобальном измерении // РИ. 2009, № 3. С. 41)

⁷² *Карелин А.П.* Выход из тупика? // Там же. С. 40

⁷³ *Отто А.* Церемониал, церемония и ритуал российского придворного общества XVIII века: теоретико-методологический анализ в контексте западной историографии / Пер с нем. К.Н. Цимбаева // РИ, № 2, 2009, С. 115–124.

⁷⁴ *Доброноженко Г.Ф.* Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // РИ, № 5, 2009, С. 86–

⁷⁵ В случае Доброноженко ссылки на Гидденса, Хабермаса и Бурдье важны, чтобы акцентировать основную идею статьи: «Сконструированная в большевистской теории социально-политическая группа (класс) “кулаки” в результате социальной политики становится реальной социальной общностью крестьян с общими интересами и общей трагической судьбой»

⁷⁶ *Тимофеев Д.В.* Понятие «собственность» в России первой четверти XIX в.: опыт реконструкции смыслов // РИ, 2009, № 1. С. 165–180. Автор, например, пишет: «важным элементом смыслового значения понятия “собственность”, который отчетливо проявился в процессе обсуждения вопроса о разрешении имущественных споров между гражданами и государством, было признание за верховным правителем страны права и обязанности выступать в роли независимого и справедливого арбитра», «Содержательно экономический контекст охватывал и общетеоретические рассуждения об идеальных экономических моделях, и вопросы, связанные с повседневной практикой».

⁷⁷ *Колодникова Л.П.* Историческая память о советско-финской войне 1939–1940 годов // РИ, № 5, 2009, С. 15–29

⁷⁸ *Карнаухов Д.В.* Концепция ранней этнической истории Руси и Московии в хронике Марина Кромера // РИ, 2009, № 1. С. 180–188

⁷⁹ *Медушевский А.Н.* Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // РИ, № 4, 2009, С. 3–22

⁸⁰ Круглый стол по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной теории» // РИ. № 1, 2010, С. 134.

⁸¹ *Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф.* О.М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // РИ, 2009 № 1. С. 142. Ср. гораздо более скромные эпитеты в адрес тогдашнего директора института А.Н. Сахарова в юбилейной статье.

⁸² *Миронов Б.Н.* Модернизация имперской России и благосостояние населения // РИ, № 2, 2009, С. 137–155

⁸³ *Шевченко В.А.* «Необходимо ударить, кого следует, чтобы делу не мешали»: введение антирелигиозного воспитания в советской школе в 1928–1929 годах // РИ, 2009, № 1. С. 86–95

⁸⁴ *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* 1937: региональный аспект // РИ, 2009, № 1. С. 110–121

⁸⁵ *Аракчеев В.А.* Опричнина и «земщина»: к изучению административной практики в русском государстве 1560–1580-х годов // РИ, № 1, 2010, С. 16–28

⁸⁶ Журавлев П.С. Укрупнение территорий на Европейском Севере России в 1917–1919 годах // РИ, № 3, 2009, С. 163–168; Бутвило А.И. Формирование территории Карельской трудовой коммуны как политическая проблема // РИ, № 3, 2009, С. 169–176; Карелин Е.Г. «Западная область Госплана»: из истории экономического районирования страны в 1920-е годы // РИ, № 2, 2010, С. 15–18; Чернов К.С. «Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции» // РИ, № 4, 2009, С. 23–37; Манаев Г.Г. Правительствующий Сенат в начале XIX века: подготовка и реализация реформы 1805 года // РИ, № 4, 2009, С. 37–44; Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // РИ, № 4, 2009, С. 45–60; Свиридова Т.А. Прусский (германский) тип местного самоуправления в русской публицистике и историко-правовой мысли (1840-е гг. – 1917) // РИ, № 2, 2009, С. 15–24

⁸⁷ Соловьев К.А. Механизмы взаимодействия исполнительной и представительной ветвей власти в 1906–1914 гг // РИ, № 4, 2009, С. 60–76; Гайда Ф.А. Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьиононьской системы (1911–1917 гг.) // РИ, № 4, 2009, С. 77–90; Ружницкая И.В. Кодификационные проекты императора Николая I // РИ, № 1, 2010, С. 29–44; Шейнис В.Л. Образование СССР и его первая конституция // РИ, № 1, 2010, С. 64–81; Земцов Б.Н. Уроки конституционализма 1993 года // РИ, № 1, 2010, С. 93–100; Шустов С.Г. Граф С.Г. Строганов и отмена крепостного права на уральских горных заводах // РИ, № 5, 2009, С. 135–143; Боярченков В.В. С.Г. Строганов С.С. Уваров и «история флетчера» 1848 года // РИ, № 5, 2009, С. 144–150; Репников А.В., Христофоров В.С. В.В. Шульгин // РИ, № 5, 2009, С. 155–169

⁸⁸ Ефимова В.В. Олонецкая губерния под управлением генерал-губернатора А.Ф. Клокачева // РИ, № 3, 2009, С. 143–156; Кораблев Н.А., Мошина Т.А. Олонецкие губернаторы эпохи Великих реформ // РИ, № 3, 2009, С. 156–163

⁸⁹ Воробьев А.А. Правонарушения на выборах во Всероссийское учредительное собрание на территории Витебской губернии // РИ, № 1, 2010, С. 100–107

⁹⁰ Проскурякова М.Е. Военные госпитали Выборгской провинции в период русско-шведской войны 1741–1743 годов // РИ, № 5, 2009, С. 150–154

⁹¹ Киселева Е.Л. Чистка государственного аппарата 1929–1932 // РИ, 2009, № 1. С. 96–109

⁹² Кропачев С.А. Новейшая историография о масштабах политических репрессий в 1937–38 годах // РИ, № 1, 2010, С. 166–172; Сапон В.П. «Знакомые по мистике» (Нижегородская анархо-мистическая организация «Орден Духа») // РИ, № 2, 2010, С. 138–146

⁹³ Дюла Свак. Заседание редколлегии журнала с новым названием...

⁹⁴ Четвертков Н.В. Создание Волго-Камского гидроэнергетического каскада и его влияние на окружающую среду // РИ, № 2, 2010, С. 52–62; Гусарова М.Н. Императивы инновационной экономики и формирование научно-технической интеллигенции в Современной России (1991–2009) // РИ, № 2, 2010, С. 73–80.

⁹⁵ Мазырин А.В. Патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский) и советская власть: причины конфликта в 1925 году // РИ, № 2, 2010, С. 147–157; Курляндский И.А. Сталин и «интервью» митрополита Сергия советским корреспондентам в 1930 году // РИ, № 2, 2010, С. 157–169; Семенов-Басин И.В. Политика в отношении церкви и возвращение мощей верующим в 1940-е годы // РИ, № 2, 2010, С. 170–175; Бардишева Ю.П. Компания по вскрытию св. мощей и закрытие монастырей на европейском севере России в 1918–1929 годах // РИ, № 3, 2009, С. 135–142; Синицын Ф.Л. Конституционные принципы свободы совести и всеобщего избирательного права в СССР: попытка реализации и противодействие (1936–1939 гг.) // РИ, № 1, 2010, С. 81–92; Бутова Р.Б. Паломничества членов царской семьи в контексте русской дипломатии на Ближнем Востоке // РИ, № 2, 2010, С. 91–111; Шевченко Т.И. Православная церковь Финляндии после второй мировой войны между Москвой и Константинополем // РИ, № 2, 2010, С. 176–184

⁹⁶ Мельникова Л.В. Крестовоздвиженская община сестр попечения о раненых как прообраз Красного Креста // РИ, № 5, 2009, С. 119–134; Панкрат Т.В. Приходские попечительства Москвы: возникновение и особенности организации (1864–1917) // РИ, № 2, 2010, С. 111–128; Ореханов Г.Л. В.Г. Чертков и Л.Н. Толстой // РИ, № 2, 2010, С. 129–138; Волкова Т.И. Просветительская деятельность земства в Ярославской деревне в конце XIX – начале XX века // РИ, № 1, 2010, С. 118–122; Чвикалов А.И. Деятельность земства Центрально-черноземных губерний по обеспечению призрения покинутых младенцев // РИ, № 1, 2010, С. 123–130; Фролова М.М. Воплощение замысла – чертковская библиотека // РИ, № 2, 2009, С. 79–92

⁹⁷ *Шекшеев А.П.* Хаслырар: протестное поведение хакасов (конец 1919 – начало 1930-х г.) // *РИ*, № 2, 2009, С. 93–106

⁹⁸ *Гришкина М.В.* Удмурты: присоединение и механизмы адаптации в российском государстве // *РИ*, № 3, 2010, С. 119–134; *Пулькин М.В.* Евреи на Европейском Севере России: проблема адаптации (конец XIX – начало XX века) // *РИ*, № 3, 2009, С. 240–247; *Сен Д.В.* Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII–XVIII веков // *РИ*, № 6, 2009, С. 141–1; *Сон Ж.Г.* Проблемы национальных меньшинств в Красной Армии 1930-х гг. (на примере корейцев в особой краснознаменной дальневосточной дивизии) // *РИ*, № 2, 2009, С. 107–114

⁹⁹ *Сахаров А.Н.* Другая война: к выходу нового сборника документов советско-финляндской войне // *РИ*, № 5, 2009, С. 3–11

¹⁰⁰ *Виховайнен Т.* К 70-летию начала «Зимней войны» // *РИ*, № 5, 2009, С. 11–15

¹⁰¹ *Такала И.Р., Соломещ И.М.* «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 гг. // *РИ*, № 3, 2009, С. 66–72; *Рогинский В.В.* Историческое значение Фридрихсгамского мира 1809 года для России // Там же. С. 72–79; *Клинге М.* Международные аспекты финляндской войны // Там же. С. 80–84; *Сахаров А.Н.* 1809 год в истории Финляндии и России // *РИ*, № 3, 2010, С. 110–118

¹⁰² *Нильсен Й.-П.* «Русская угроза» на Севере Европы и ноябрьский договор 1855 года // *РИ*. 2009 № 3. С. 84–89.

¹⁰³ *Воронин А.В., Семенов Д.Г.* Советско-финляндская война 1939–1940 годов в Заполярье // *РИ*, № 5, 2009, С. 29–34; *Буцуева Т.С.* Халхин-гол: взгляд через 70 лет. Малоизвестные страницы предыстории второй мировой войны // *РИ*, № 5, 2009, С. 34–51; *Новиков М.В.* Советский Союз и гражданская война в Испании в 1936–1939 годах // *РИ*, № 5, 2009, С. 51–63; *Случ С.З.* Пока еще не последовали удары // *РИ*, № 5, 2009, С. 64–85

¹⁰⁴ *Голубев А.В.* «Мы ждали второго фронта»: союзники глазами советского общества в годы Второй мировой войны // *РИ*, № 6, 2009, С. 3–27; *Мельниченко М.А.* Феномен фронтового анекдота: народное творчество или инструмент агитации // *РИ*, № 6, 2009, С. 28–40; *Пушкарев Л.Н.* Победный 1945 год во фронтовом фольклоре // *РИ*, № 3, 2010, С. 53–57; *Синицын Ф.Н.* Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944 – первой половине 1945 года // *РИ*, № 6, 2009, С. 40–53

¹⁰⁵ *Журавлев Е.В.* Гражданский коллаборационизм на юге России в годы Великой отечественной войны // *РИ*, № 6, 2009, С. 70–79; *Ермолов И.Г.* Деятельность правоохранительных, судебных и юридических органов на оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 годах // *РИ*, № 3, 2010, С. 27–37; *Кузьминых А.Л., Старостин С.И.* Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника // *РИ*, № 3, 2010, С. 48–53; *Веригин С.Г., Лайдинен Э.П., Чумаков Г.В.* СССР и Финляндия в 1941–1944 годах: неизученные аспекты военного противостояния // *РИ*. 2009 № 3. С. 90–103; *Ермолов И.Г.* Органы самоуправления на оккупированных территориях // Там же. С. 132–140

¹⁰⁶ *Васильева С.И.* Деревня и государственная заготовительная политика в 1941–1945 годах (на материалах Марийской АССР) // *РИ*, № 3, 2010, С. 37–48; *Фельдман М.А.* Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 года: сравнительные характеристики // *РИ*, № 6, 2009, С. 79–93; *Яшин С.В.* Органы военных сообщений Красной армии и эксплуатация железных дорог в годы Великой отечественной войны // *РИ*, № 6, 2009, С. 93–101.

¹⁰⁷ *Лозбенева И.Н.* Выселение бывших помещиков из мест их проживания в регионах Центральной России в 1925–1927 гг. // *РИ*, 2009, № 1. С. 81.

¹⁰⁸ *Зубкова Е.Ю.* На «краю» советского общества: маргинальные группы населения и государственная политика, 1940–1960-е годы // *РИ*, № 5, 2009, С. 101–118.

¹⁰⁹ *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Красные партизаны в советской действительности 1920–1930-х годов (на материалах Юга России) // *РИ*, № 4, 2009, С. 104–114.

¹¹⁰ *Чернякова И.А.* Местное крестьянское сообщество в Карелии XIX века в борьбе за выживание: стратегия или интуиция? // *РИ*, № 3, 2009; *Вербицкая О.М.* Население российской деревни в демографическом кризисе 1990-х // *РИ*, № 4, 2009, С. 114–131

¹¹¹ *Тимошечкина Е.М.* «У нас нет кулаков»: крестьянство и политика «раскулачивания» в локальном измерении // *РИ*, № 2, 2010, С. 19–25; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х годов // *РИ*, № 2, 2010, С. 25–43

¹¹² *Максимова Л.А.* Этнокультурные процессы в контексте экономической модернизации на европейском северо-востоке в 1930–2000 годы // РИ, № 3, 2009, С. 247–251; *Секиринский С.С.* Россия и Европа: польский взгляд с русского Севера // РИ, № 3, 2009, С. 251–254

¹¹³ *Лахтееняки М.* Саамы на европейской сцене // РИ, № 3, 2009, С. 235–240

¹¹⁴ Круглый стол к юбилею «Вех» про русскую интеллигенцию – РИ, № 6, 2009, С. 106–124

¹¹⁵ *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция 1917–1939 годов: структура, география, сравнительный анализ // РИ, № 3, 2010, С. 58–80; *Мосейкина М.Н.* Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1930-х годах // РИ, № 3, 2010, С. 80–101; *Пронин А.А.* Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 годов // РИ, № 3, 2010, С. 101–109

¹¹⁶ *Соколов Е.Н.* Большевики и финансы // РИ, № 2, 2010, С. 3–15; *Кирсанов Р.Г.* Реформирование банковской системы СССР в годы перестройки // РИ, № 2, 2010, С. 62–72; *Сундун М.Н.* Экономическое развитие Европейского Севера СССР в послевоенный период: основные тенденции и результаты // РИ, № 3, 2009, С. 205–210; *Минаева Т.С.* Беломорская внешняя торговля и таможенная политика России в XVIII веке // РИ, № 3, 2009, С. 52–57; *Лизунов Л.В.* Архангельская купеческая биржа в XVIII–XIX вв. // Там же. С. 57–66; *Филлимончик С.Н.* Процессы модернизации на Европейском Севере России в 1920–1930-х годах: социально-экономические аспекты // РИ, № 3, 2009, С. 185–194

¹¹⁷ *Саблин В.А.* Крестьянское хозяйство и рынок на Европейском Севере России в 1917–1920-х годах // РИ, № 3, 2009, С. 177–184

¹¹⁸ *Димони Т.М.* Модернизация аграрной экономики на Европейском Севере России в 1930-х – первой половине 1960-х годов // РИ, № 3, 2009, С. 194–205

¹¹⁹ *Гарскова И.М.* Источниковедческие проблемы исторической информатики // РИ, № 3, 2010, С. 151–161

¹²⁰ URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/>

¹²¹ Ориентируясь на современные западные аналоги (прежде всего журнал «Representations») редколлегия «НЛО» внимательно следит за принципами цитирования (и не скрывают этого, – внимание политике в акад. жизни не только в теории, но и на практике – их фирменный знак). Их авторы ссылаются в основном на этаблированные издательства, признанные научные центры – Оксфорд, Кембридж, Йель, Принстон, Нью-Йорк. Для НЛО важно кроме того встроить работу в сообщество близких к НЛО московских авторов (часто этого оказывается достаточно), обязательно упомянуть статьи или книги, вышедшие в этом издательстве «НЛО». И если авторы не делают этого по доброй воле – редактор вставляет нужные ссылки в редакторские примечания.

¹²² *Ямпольский Михаил.* Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти // НЛО. № 83

¹²³ *Елизаров Виталий.* Цели и средства: идеи, которые начинают/ институты, которые выигрывают // НЛО. № 83.

¹²⁴ *Добренко Евгений.* Советское прошлое: манифест нового ревизионизма // НЛО. № 85 (2007)

¹²⁵ См. напр., *Кухенбух Людольф.* «Феодализм»: о стратегиях употребления одного неудобного понятия // НЛО. № 81.

¹²⁶ «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...» (последнее интервью А.Я. Гуревича, 11 июня 2006 года) // НЛО. № 81.

¹²⁷ *Уваров Павел.* Портрет медиевиста на фоне корпорации // Там же.

¹²⁸ *Левинсон Кирилл.* Gurevich, Gurjewitsch, Gourevitch, Gurewicz, Gurevitj... // Там же.

¹²⁹ *Живов В.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности; *Резвых П.Ф.* Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // НЛО. № 91. 2008

¹³⁰ *Зенкин С.* Расовая тематика в «Путешествии в Россию» Теофиля Готье // НЛО. № 93, 2008

¹³¹ *Плотников Н.* От «индивидуальности» к «идентичности» (история понятия персональности в русской культуре); *Калугин Д.* Искусство биографии: изображение личности и ее оправдание в русских жизнеописаниях середины XIX века // НЛО. № 91. 2008; *Паперно И.* Введение в самосочинение: autofiction. Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850–1990-е гг.) // НЛО. № 103. 2010

¹³² См. рубрику «Традиции литературного архаизма: вокруг “Беседы любителей русского слова”» // НЛО. № 97, 2009; «Из истории журналистики XVIII века: культурная политика и формирование образов России» // НЛО. № 105 (5/2010);

¹³³ Сошкин Е. «Руслан и Людмила» и Польские восстания 1831 и 1863 гг. в патриотической лирике Пушкина и Тютчева // НЛЮ. № 105 (5/2010)

¹³⁴ Рейфман И. Автограф Нового Завета в русском переводе В.А. Жуковского // НЛЮ. 2008. № 89; см. рубрику «Перевод как культурная институция: на границах советских конвенций» (НЛЮ. № 92, 2008); Щедрина Т.Г. Четыре письма Л.Б. Каменеву, или роль Густава Шпета в переводах Шекспира // Там же

¹³⁵ Ржеуцкий В. В тени Шувалова. Французский культурный посредник в России барон де Чуди // НЛЮ. № 105 (5/2010).

¹³⁶ Раку М. Поиски советской идентичности в музыкальной культуре 1930–1940-х годов: лиризация дискурса // НЛЮ, № 100, 2009; Джагалов Р. Авторская песня как жанровая лаборатория «социализма с человеческим лицом» // Там же; Жук С.И. Запад в советском «закрытом» городе: «чужое» кино, идеология и проблемы культурной идентичности на Украине в брежневскую эпоху (1964–1982 годы) // Там же

¹³⁷ Здравомыслова Е. Ленинградский «Сайгон» – пространство негативной свободы // НЛЮ, № 100, 2009; рубрика «Публичное и приватное на закате социализма» (НЛЮ, № 101, 2010)

¹³⁸ См. рубрику «Сексуальные табу и их нарушители на исходе эпохи Просвещения» (НЛЮ, № 92, 2008): Зорин А. Поход в бордель в Москве в январе 1800 года (Шиллер, гонорей и первоуродный грех в эмоциональном мире русского дворянина); Вульф Л. Частная жизнь, свобода личности и сексуальное преступление в Венеции XVIII века; Ситт Д. Театральная жизнь Николая Шереметева // Там же; Меццержков А.Н. Открытие Японии и реформа японского тела (вторая половина XIX начало XX века) // НЛЮ, № 100, 2009. Майофис М. Чему способствовал пожар? «Антикризисная» российская публицистика 1837–1838 годов как предмет истории эмоций // НЛЮ. № 100, 2009; Вишицкий И. Душа в закрытом обществе: эпидемия столоверчения в России 1853–1855 годов // Там же.

¹³⁹ Ренишоу Л. Правда вскрывается: как поменялись местами разоблачения и утаивание в «политике памяти» в Испании // НЛЮ, № 100, 2009

¹⁴⁰ НЛЮ. № 103–104. 2020

¹⁴¹ См. рубрику «риторика легитимаций» (НЛЮ. № 100, 2009): Вайскопф М. Брак с властелином: эротические аспекты державной риторики; Мендес В.К. Оправдание диктатуры? (диктатор Салазар в 1930 году и поэт Фернандо Пессоа в 1928); Шмид В. Конституция как прием (риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России); Сабров М. Время и легитимность в немецких диктатурах XX века (сравнительный анализ); Богданов К. Открытые сердца, закрытые границы (о риторике восторга и беспредельности взаимопонимания).

¹⁴² Орлова Г. «Заочное путешествие»: управление географическим воображением в сталинскую эпоху // НЛЮ, № 100, 2009; де Магальдес М. «Немаленькая страна»: о гетеротопии, инструктивных пространствах и практиках производства знания в Португалии XX века // Там же

¹⁴³ Кринко Е. Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе: слухи военного времени (1941–1945) // НЛЮ, № 100, 2009; Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор и власть в закрытом обществе // НЛЮ, № 101, 2010

¹⁴⁴ См., например, рубрику «Сталинизм как объект описания: аксиология метода» // НЛЮ. № 89. 2008; Шаттенберг С. «Разговор глухонемых»? Культура хрущевской внешней политики и визит канцлера Аденауэра в Москву в 1955 году // НЛЮ, № 100, 2009; Соснина О., Скорин-Чайков Н. Канон и импровизация в политической эстетике советского общества: дары вождям // НЛЮ, № 101, 2010; Добренко Е. Сталинская культура: скромное обаяние антисемитизма // Там же; Гюнтер Х. О красоте, которая не смогла спасти социализм // Там же

¹⁴⁵ См. рубрику «Морфология академических конфликтов» (НЛЮ, № 96, 2009): Шпёрхазе. История науки как история конфликтов; Мост Г.У. Век столкновений: как немецкие антиковеды XIX века упорядочивали свои дебаты; Свешиников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (там же). Алымов С. Космополитизм, марризм и прочие грехи: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // НЛЮ, № 97, 2009; Романенко С. Советская югославистика: между славноведением и поисками «Средней Европы» // Там же; Пономарев Е.Р. Учебник патриотизма (литература в советской школе в 1940–1950-е гг.) // НЛЮ № 97, 2009; Рыжковский В. Советская медиевистика and Beyond // Там же. Платт К. Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е годы // НЛЮ. № 90. 2008; Свешиников А. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х годов // Там же; Левинсон К.А. Модер-

низация и школа в Германии на рубеже XIX–XX вв // НЛЮ. № 105 (5/ 2010); *Хиряков А.* Казус Germania: немецкие историки и психология «особого пути» // НЛЮ, № 100, 2009; *Митрохин Н.* «На круги своя»: к истории модернизации науки в России // Там же; *Козлов С.* Сообщество высокочек: Субъективный фактор» реформы высшего образования во Франции эпохи Второй империи // Там же; *Алымов С.* Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // НЛЮ, № 101, 2010; *Ялен Д.* «Так называемое “еврейское” местечко»: штетл, большевистская идеология и советская этнография в межвоенный период // НЛЮ, № 1002, 2010; *Иванов А.* «Евреи в царской России и СССР – выставка достижений еврейского хозяйственного и культурного строительства в Стране Советов» // НЛЮ, № 102, 2010; *Каради В.* Евреи в социальных науках; *Эпштейн А.Д.* Русско-еврейские интеллектуалы первого советского поколения // НЛЮ. № 103. 2010

¹⁴⁶ *Булле О.* Мускулы в обмен на деньги: студенты и борцы между двумя революциями (1907–1917) // НЛЮ. № 90. 2008

¹⁴⁷ См. рубрику «Антропология войны» // НЛЮ. № 93, 2008; *Степанова Е.* «Пожива для моего МГ»: современная немецкая литература о войне с Советским Союзом // НЛЮ. № 102. 2010

¹⁴⁸ *Росс К.* Восточные немцы и Берлинская стена: общественное мнение и социальные изменения до и после закрытия границы в августе 1961 года // НЛЮ, № 100, 2009; *Митрохин Н.* Аппарат ЦК КПСС в 1953–1985 годах как пример «закрытого» общества // Там же; *Мартинес Санчес С., Эскобедо Ромеро Р.* Испанская католическая церковь и постфранкистская демократия // Там же.

¹⁴⁹ *Секиринский С.С.* «Историк и художник»: журнал для всех, кто любит историю, ценит искусство и чувствует их родство // Отечественная история. 2005. № 5. С. 184–188; *Булдаков В.П.* Историк и Художник. Ежеквартальный журнал // ВИ. 2005. № 4.

¹⁵⁰ *Бирюков Юрий.* Пять минут длиною в полвека // Родина. 2006. № 12.

¹⁵¹ *Ланда Роберт.* «Идти рука об руку». Исмаил-Бей Гаспринский о мусульманском вопросе в России // Родина. Там же.

¹⁵² *Магомадов Мансюр.* Чечня сегодня – стройплощадка // Родина. 2006. № 10.

¹⁵³ Родина. 2005. № 3.

ИСТОРИКИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ СООБЩЕСТВЕ*

Антон СВЕШНИКОВ, Борис СТЕПАНОВ

В последние десятилетия междисциплинарность стала предметом дискуссий в науковедении и социологии науки, породивших целый набор понятий используемых для характеристики открытых и проницаемых научных пространств – «интердисциплинарность», «мультидисциплинарность», «кроссдисциплинарность», «трансдисциплинарность». При всей разнице в оценке принципиальности различий между современным состоянием науки и предыдущим этапом ее развития, исследователи в целом согласны в том, что проблематика междисциплинарности науку конца XX-го – начала XXI-го века с характерными для нее возрастанием неопределенности в отношении стратегических задач науки, контекстуализацией и повышением значения прикладного знания, утратой жесткости и частичным разрушением прежних научных иерархий, дифференциацией и фрагментацией исследовательских полей, с которыми теперь предпочитают идентифицировать себя исследователи, снижением функциональной взаимозависимости последних¹. Вместе с тем конкретная констатация размывания и преодоления дисциплинарных границ оказывается не таким уж очевидным делом. Еще у классика современного науковедения Т. Куна вызывала сомнения возможность устранить препятствие к общению поверх барьеров, каким является транслируемое внутри каждой из дисциплин неявное знание². Эти сомнения подтверждаются свидетельствами экспертов о том, что по сравнению с обилием деклараций о междисциплинарности количество реально междисциплинарных работ оказывается не таким уж большим. Очень часто междисциплинарность выражается, скорее, в использовании своеобразного языка имен и понятий, сигнализирующих о принадлежности к общему для разных дисциплин горизонту, нежели в реальном использовании почерпнутого из других областей знания методологического инструментария³. Так или иначе очевидно, что даже это свидетельствует об изменениях самой дисциплины как рамки научной самоидентификации⁴. Общим направлением этих изменений будет внутренняя дифференциация дисциплинарных норм, которая позволяет научному сообществу выстраивать те дифференцированные отношения науки с социальной практикой, которые характерны для обществ модерна. Соответственно требование «междисциплинарности» будет указывать на определенную недифференцированность профессиональной саморефлексии, дефицит научных программ и коммуникативных ресурсов исторического знания, т. е. на дисбаланс в отношениях науки и социальной практики

* Статья написана при частичной поддержке гранта Научного Фонда ГУ-ВШЭ № 09–01–0087 «Дифференциация исторической периодики в постсоветской России: количественные и качественные показатели».

и, вместе с тем, на потребность учета иных точек зрения на предмет и других объяснительных схем. Одним из признанных инструментов рефлексии в отношении этих тенденций можно считать концепцию «историографических поворотов»⁵. В русле этих поворотов историки не только открывают для себя новые типы источников (например, кинофильмы), но и оказываются перед необходимостью освоения новых перспектив (например, гендерной) и техник работы с привычными источниками (например, навыков жанрового анализа текстов). Это приводит к формированию новых стратегий легитимации собственного подхода и подачи результатов исследования. Вместе с тем междисциплинарность может получать и негативную оценку, например, в том случае, когда те или иные теории и дисциплины воспринимаются как «чуждые» и «неорганичные», т. е. не соответствующие практическим запросам историков или неадекватно ими заимствуемые.

Современное науковедение предлагает рассматривать дисциплинарную структуру научного знания как результат интеллектуальных и структурных выборов, осуществленных участниками академического сообщества в ходе расширения горизонта и углубленности знания, происходившего параллельно с усложнением общества⁶. Это означает, что разговор о междисциплинарности предполагает оценку тех возможностей, которые обеспечиваются институциональной структурой научного знания. Условием возможности междисциплинарного взаимодействия является гибкая структура академических институтов. Показательны в этом отношении свидетельства М.Б. Ямпольского, который показывает, что возникновение междисциплинарных областей в американской гуманитаристике – таких, например, как *cinema studies* или *performance studies* – стало возможным благодаря гибкости американской университетской системы и ее способности к обновлению, что не мешает последней оставаться прибежищем фундаментального знания⁷. В российской науке эти механизмы обновления весьма слабы, в силу чего междисциплинарные области остаются маргинализированными⁸. Между тем, по мнению Ямпольского, «выживание дисциплин обеспечивается не столько насильственным сохранением старых институций, сколько их открытием и реформированием, их обращением к сопредельным областям знания и сферам идей, конкуренцией с близкими “областями”»⁹.

В отечественной науке формирование ориентированного на междисциплинарность исследовательского сообщества нужно рассматривать не столько в связи с университетами (хотя и здесь есть исключения, причем как в столицах, так и в регионах), но с разнообразными и, главным образом, негосударственными институциями – фондами, обществами, издательствами, периодическими изданиями, причем последние имеют особое значение. Как отмечает Д.А. Александров, «журналы могут быть более динамичными агентами изменения науки, чем любые другие научные учреждения. Традиционно журналы были институтами, конституирующими научные дисциплины, но они же являются образованиями наиболее открытыми для реализации второго модуса развития науки, поливалентного и полицентрического, – они легче вовлекают новых участников, транслируют противоречия и конфликты, а тем самым и могут поддерживать всегда потенциально конфликтное, но столь важное для науки наличие противоречий.

Это понятно и с самой простой экономической точки зрения – журналы держатся на своих авторах и читателях, и цена ошибки при привлечении нового автора много меньше, чем при привлечении нового сотрудника. При этом столкновения авторов в одном журнале имеют последствия прямо противоположные конфликтам в лаборатории или на кафедре – они только делают журнал продуктивнее и интереснее для читателя»¹⁰. Именно пространство журнальной коммуникации в постсоветской историографии и станет для нас преимущественным объектом анализа. Нас будут интересовать коммуникативные возможности, обеспечивающие отношения как внутри дисциплины и сообщества историков, так и между ними и их научным и социальным окружением, изменившимся в последние годы. Речь идет прежде всего о возможностях для манифестации актуальных проблем и направлений, для теоретического импорта и проблематизации оснований дисциплины к соотносению различных научных и интеллектуальных ролей (теоретик, эмпирик, публицист и т. д.) и систем научного и интеллектуального авторитета¹¹.

«Советское, значит отличное»: междисциплинарность в одной отдельно взятой стране

Приступая к характеристике проблематики междисциплинарности на материале постсоветской историографии, мы вступаем на довольно зыбкую почву. С одной стороны, именно этот ракурс позволяет зафиксировать пестроту жизненных и научных траекторий, образовавшуюся после распада советской модели государственного регулирования науки. «Как причудливо тасуется колода» – мог бы вслед за булгаковским героем сказать исследователь, наблюдая как историки находят себя в самых разнообразных амплуа, в том числе маскультурных – редактором глянцевого журнала, телеведущего и т. д. Альтернативы для самореализации возникли и в научном мире в связи с формированием на месте прежних доменов советской науки новых гуманитарных дисциплин – политологии, культурологии и т. д., с возникновением разнообразных институций как государственных, так и негосударственных, наконец, с фрагментацией интеллектуального пространства дисциплины¹². Показательно, что о повороте к междисциплинарности будут свидетельствовать не только теоретические инновации в работах амбициозных историков среднего и более молодого поколений, но также формы самолегитимации историков более традиционных (ссылающихся, как А.Н. Сахаров, на теории Ламанского и евразийцев как на новейшие достижения в сфере теории истории¹³) и работы псевдоисториков (таких как А.Т. Фоменко, безусловно, но эффективно апеллирующего к авторитету математики)¹⁴.

С другой стороны, поднимая тему междисциплинарности, мы сталкиваемся с проблемой советского наследия. В этом случае выясняется, что российским историкам приходится решать не только проблемы организации междисциплинарного диалога, но и компенсировать отсутствие таких обязательных для любой западной дисциплины явлений, как профессиональная ассоциация или система

регеview. Не давая здесь окончательной оценки специфичности советской науки и степени изолированности российской науки от мировой науки¹⁵, следует признать, что оторванность от мирового контекста, отсутствие нормальной системы научной коммуникации и возможностей для формирования альтернативных позиций препятствовало самой постановке проблемы междисциплинарности. Это касалось соответственно и исторической науки, занимавшей в поле обществоведческих дисциплин довольно обширное пространство между философией, филологией (литературоведением и лингвистикой), политэкономией и юриспруденцией. Все эти дисциплины существовали под крылом «единственно верного учения», которое редуцировало возможности какого-либо концептуального выбора. Вместе с тем представлялось, что у каждой из наук есть своя «делянка», которую она при помощи своего профессионального инструментария и возделывает. У каждой дисциплины есть свои «объекты» и задачи, и они практически не пересекаются. В условиях этого профессионального «разделения труда» существовала некая конвенциональная «презумпция доверия», предполагавшая, что представитель одного «цеха» может без особых проблем использовать продукцию, произведенную представителем другого цеха. Более того, в рамках самой исторической науки существовали определенные границы, основанные на так называемой специализации. Специализация определялась преимущественно на основании «объекта изучения» по пространственно-временному критерию. Выделялись, например, специалисты по отечественной и зарубежной (всеобщей) истории, которые в свою очередь делились на специалистов по Западу и Востоку, а затем еще образовывали группы специализаций по странам, например, специалисты по Франции или Китаю. Все они в свою очередь делились на специалистов по древнему миру, средним векам, новому и новейшему времени. Эта структура была закреплена институционально, отражена в учебных планах исторических факультетов и – что особенно важно для нашего подхода – в системе периодических изданий. В этом плане альманах «Средние века» был ориентирован преимущественно на медиевистов-западников, а «История СССР» – на специалистов по отечественной истории. Этот же принцип в большинстве случаев определял тематику научных конференций и коллективных сборников. Описанная Н.Е. Копосовым «идеология профессионализма», сформировавшаяся к 1970-м годам в качестве инструмента интеллектуальной самозащиты корпорации историков, в значительной степени «работала» на сохранение и усиление подобного режима¹⁶. Попытки «пересечения» границ в этом контексте рассматривались как индивидуальные и явно маргинальные, особенности «творческой биографии» того или иного историка скорее как исключения, и, в общем, не приветствовались.

Разумеется, процесс усложнения структуры советской науки не мог не привести к возникновению своего рода междисциплинарных анклавов. Одним из немногих примеров такого рода можно считать проект, связанный с применением ЭВМ в историческом исследовании, оформившийся во многом благодаря авторитету И.Д. Ковальченко. В 1967 г. выходит в свет его монография «Русское крепостное крестьянство в первой половине 19 в.», ставшая одним из первых опытов обработки массовых исторических источников при помощи ЭВМ, а через

год по его инициативе Ковальченко создается Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР, подготовившая за полтора десятка лет семь сборников научных статей по этой тематике. В 1979 г. на историческом факультете МГУ начинает работу семинар «количественные методы в историческом исследовании». В 1984 г. под редакцией того же И.Д. Ковальченко выходит в свет учебное пособие «Количественные методы в исторических исследованиях» и в последствии в учебные планы ряда исторических факультетов вводятся учебные курсы этой тематики. Интересно, что именно с проблематикой применения количественных методов в контексте развития социальной истории было связано появление трудов, претендующих на постановку проблемы междисциплинарного взаимодействия¹⁷. Но в целом эта инициатива было проигнорирована большинством историков, и в итоге «историки-ЭВМщики» образовали свою обособленную группу в рамках научного сообщества, очередную «специализацию». Представляется, что маргинализация этого проекта определялась рядом причин. Во-первых, подобные исследования требовали определенной материальной базы. Во-вторых, специальных профессиональных знаний, выходящих за пределы профессиональной компетенции традиционного историка. В-третьих, уровень развития ЭВМ в 1970–1980-е гг. позволял решать только весьма специфические задачи, являющиеся маргинальными с точки зрения профессиональных интересов традиционного историка.

Главным же средоточием междисциплинарного взаимодействия оставались интеллектуальные сообщества, существовавшие на окраинах официальных научных иерархий и коммуникаций или вообще за их пределами. Наиболее ярким воплощением этого течения можно считать Тартуско-Московскую семиотическую школу, сформировавшуюся вокруг регулярно проводившихся с 1964 г. в Тарту «Летних школ по вторичным моделирующим системам» и организованное по инициативе Ю.М. Лотмана издание «Труды по знаковым системам», выходившее в серии «Ученых записок Тартуского университета». Со школой, а также с другими кружками и домашними семинарами, объединявшими представителей различных дисциплин, связывают формирование традиции изучения культуры. Надо сказать, что историки в этих сообществах были представлены достаточно слабо, хотя историческое сообщество и выдвигало подлинно междисциплинарных историков, каким был, например, А.Я. Гуревич, однако, в целом степень их междисциплинарной (и международной) влияния была, по видимому, все-таки меньше, нежели у наших известных филологов или лингвистов.

Будучи источником свежих веяний в науке, эти сообщества имели чаще всего замкнутый – эзотерический и еретический – характер и вместе с тем подчас весьма традиционалистские установки¹⁸. Научная инновация осуществлялась здесь, скорее, вопреки существующим механизмам воспроизводства науки и официальным институтам. Соответственно становление постсоветской историографии было связано не только с официальным признанием неофициальных авторитетов, но и с переходом к новой системе взаимодействия исторической науки с другими дисциплинами в рамках новых институтов и сообществ.

Романтика междисциплинарности: «Одиссей» и «THESIS»

Знаковым событием в процессе становления нового профессионального горизонта в историографии стало появление в 1989 году альманаха «Одиссей». Выходя под грифом Академии наук, он тем не менее принципиально отличался от большинства образцов советской периодики. Альманах опирался на традицию неофициальной гуманитарной науки, о чем ярко свидетельствовал как состав редколлегии альманаха, так и подбор материалов и вместе с тем ориентировался на кооперацию с западной наукой и усвоение ее новейших достижений. «Одиссей» был программным изданием, причем программа его была связана с разработкой гуманистически ориентированной истории культуры как некоей альтернативы официальной марксистской историографии¹⁹. Это программа стала одним из главных ориентиров в российской «новой исторической науке». Будучи изданием сугубо научным, «Одиссей» несомненно имел и серьезный публичный резонанс. Большое значение имела связь альманаха с работой руководимого А.Я. Гуревичем семинара по исторической психологии, существовавшего под эгидой Совета по Истории мировой культуры АН СССР. Семинар был заметным явлением в интеллектуальной жизни Москвы конца 1980-х – начала 1990-х годов: на его заседания собирались подчас более 100 человек, причем это были не только историки, но и философы, филологи, этнографы, социологи и даже ученые-естественники. По свидетельству очевидцев, атмосфера семинара определялась характерным в целом для интеллектуальной атмосферы конца 80-х годов ощущением открывшихся возможностей свободного научного поиска и спонтанного самовыражения. При этом надо отметить, что именно альманах, выходящий в течение первых трех лет достаточно большими тиражами (соответственно – 20000 экз. в 1989–1990 гг. и 13000 экз. – в 1991), позволил адресовать новую модель науки широкому кругу интеллектуалов, сделать ее не только достоянием московской интеллигенции, но и транслировать за пределы Москвы. Новая программа гуманистической истории в этот момент имеет и междисциплинарный резонанс²⁰: в конце 1980-х – начале 1990-х годов один из создателей альманаха А.Я. Гуревич выступает с многочисленными статьями в «Вопросах философии», «Вопросах психологии» и других подобных изданиях. Это представляется особенно показательным на фоне неуклонного падения авторитета официальной науки.

Новое отношение к науке и научному сообществу было заложено и в структуре издания. «Открытости» издания для представителей других дисциплин и ориентации на междисциплинарный диалог²¹ соответствовал проблемно-тематический характер организации материала, который изданию придавали не только установочные статьи, но и публикации разного рода дискуссионных материалов (стенограмм дискуссий, полемических откликов членов редколлегии и т. д.), причем участниками дискуссий были не только историки, но антропологи, филологи и представители других гуманитарных дисциплин²². Ориентации на методологическую рефлексию и представление современных историографических направлений сопутствовала работа по критическому переосмыслению традиций советской историографии.

При всей значительности прорыва, осуществленного «Одиссеем», очень скоро стали обнаруживаться трудности реализации заявленного им междисциплинарного проекта. Происходило быстрое устаревание поднятых на щит концепций и способов самоидентификации. Так во втором выпуске «Одиссея» предметом дискуссии становятся значимые для неофициальной гуманитарной науки понятия «личность» и «индивидуальность». Дискуссия о личности и индивидуальности в истории, объединившая многих видных гуманитариев, свидетельствовала о трудности междисциплинарного диалога и нахождения общего языка дискуссии. В результате А.Я. Гуревич в своем заключительном слове констатировал неподготовленность участников «к тому, чтобы эту проблему не то, чтобы решить, но даже и достаточно четко и непротиворечиво поставить»²³. Достаточно быстро обнаруживали свою стертость и некоторые новые термины, например, вошедшее с подачи «Одиссея» не только в научную, но и в быденную речь понятие «ментальность». Трудность концептуализации этого понятия, с одной стороны, и его тяготение к воспроизводству штампов интеллигентской идеологии, с другой – делали сомнительной его эвристическую ценность²⁴. Не происходило и кристаллизации проекта исторической психологии, о чем писала в «Одиссее-1993» Е.М. Михина, анализируя 5-летний опыт организуемого ею семинара. В своем отчете, появление которого само по себе является еще одним свидетельством инновационности альманаха, она отмечает отсутствие кумулятивности в работе семинара: «За рамки исходной исторической разноплановости семинар все еще не вышел, не преодолел ее. Он ее только выявляет... разные научные традиции из отдельных отсеков должны, наверное, пробиться в единое проблемное пространство»²⁵. На фоне расплывчатости проблемного поля становятся заметны объединяющие участников семинара неудовлетворенность состоянием отечественной исторической науки и «антисоциологический комплекс», «социологический негативизм». Будучи реакцией на дискредитированность социологических подходов их связью с официальным марксизмом, этот комплекс обнаруживает границы принципиальной как для семинара, так и для альманаха междисциплинарности²⁶. Согласно утверждению Е.М. Михиной, он существенно препятствовал продуктивному развитию истории ментальностей, тем более, что для западной историографии, по ее мнению, он как раз не характерен²⁷.

Существенно иначе позиционировал себя возникший четырьмя годами позже альманах «THESIS», который был уже междисциплинарным изданием в полном смысле этого слова. Возникший вне академических структур альманах издавался при грантовой поддержке западных организаций и фондов в рамках исследовательской программы Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра), который, по свидетельству И.М. Савельевой, был одним из первых академических, т. е. дистанцировавшихся от общественных дискуссий, клубов в Москве.²⁸ Призванный способствовать выживанию и развитию фундаментальных исследований Интерцентр был ориентирован на создание нового научного сообщества – ««невидимого колледжа» ученых, исследующих фундаментальные закономерности посткоммунистической трансформации России»²⁹. У альманаха не было собственно исследовательской программы, его задачей

было представить сформировавшееся в XX-м веке пространство социальных наук, частью которого была и историография. В каждом его номере на равных существовали три дисциплины – экономика, социология и история. Это означало принципиальное преодоление их изоляции в советской науке.

Уникальность THESIS'a заключалась в том, что он опирался практически исключительно на авторитет науки западной и на 90 % состоял из переводных текстов³⁰. С советской научной традицией альманах соотносился лишь негативно: презумпция ее тотального дефицита просматривалась не только в содержании публикаций, но и в том, что это были не столько новые статьи³¹, что было бы естественным для периодического издания в ситуации нормальной науки, но главным образом тексты «проверенные», проговаривающие базовые для этих дисциплин проблемы. В соответствии с темой каждого из номеров – «Предмет исследования», «Структуры и институты», «Мир человека» и др. – эти тексты систематически встраивались в горизонт общей для социальных наук рефлексии³². Рефлексивность журнальной структуры обеспечивалась – в отличие от «Одиссея» – не столько полемическими материалами, сколько редакционными комментариями. Разделы, посвященные дисциплинам и проблемным полям, дополнялись публикациями, посвященными научному сообществу, журналам, биографиям выдающихся ученых, библиографическим обзорам и т. д. В отличие от «Одиссея» в историческом разделе THESIS'a публиковались тексты не столько историков-практиков, сколько теоретические и систематизирующие работы. Важной частью воссоздания социальной теории на русской почве была выработка соответствующего научного словаря. Причем история здесь оказывалась в особом положении. Как отмечала И.М. Савельева, в соревновании трех дисциплин она несколько проигрывала – как в теоретической обеспеченности, так и в том, что перевод исторического и социологического знания давался гораздо труднее, нежели, скажем, в экономике³³. Как полноценное международное издание THESIS оказался очень затратным проектом: фундаментальному характеру представляемого им знания соответствовали фундаментальные же трудности в его трансляции, связанные с отсутствием научной инфраструктуры, не говоря уже о том, что в распоряжении ученых в те годы еще не было привычного сейчас Интернета. Однако несмотря на недолговечность своего существования, альманах оказал существенное влияние на формирование нового пространства гуманитарного знания³⁴.

Каждый из описанных нами проектов был по-своему значим и уникален – из-за стремления и усилий, приложенных его участниками для построения полноценной научной коммуникации в ситуации отсутствия инфраструктуры для развития нормальной науки. Каждый из них по-своему мобилизовал скудные ресурсы советской науки: первый – на базе академических структур, второй – при поддержке внеакадемических научных институций. Общим для них было то, что источником инновации здесь оказывалась всеобщая история. При этом они по-разному создавали образ дисциплины, по-разному конструировали новое сообщество. Даже сама эта разница свидетельствует о быстроте произошедших перемен. Уже во второй половине 1990-х годов конфигурация гуманитарного знания в России была существенно иной.

«Лихие 90-е»: знание о прошлом
между дисциплинами и институциями

Профессиональные периодические издания – «Вопросы истории», «Отечественная история», «Новая и новейшая история» и другие – совершенно капитулировали перед вызовами современности и обнаружили неспособность участвовать в тех публицистических и научных дискуссиях, которые захватили интеллектуальное сообщество в конце 1980-х годов. Сохраняя свой прежний статус и государственную поддержку, они продолжали – и до некоторой степени продолжают и сейчас – воспроизводить тот же застывший образ исторической дисциплины, изолированной как от других дисциплин, так и от мирового научного контекста, оставаясь невосприимчивыми к необходимости изменений.

Наряду с этим формируются новая научная среда и новое публичное пространство, претендующие на обозначение интеллектуальной границы и требующие от историков освоения новых языков и новых типов рефлексии. Эти процессы были связаны и с деятельностью зарубежных научных фондов, развитием систем грантовой поддержки, разного рода школ и с появлением новых институций – образовательных учреждений (РГГУ, ЕУ СПб, МВШСЭН, ИЕК, и др.), издательств (НЛЮ, АИРО-XXI, Ad Marginem, ОГИ, Алетейя и др.), периодических изданий («Логос», «Новое литературное обозрение», «Неприкосновенный запас», и др.). Внутри этих структур и вокруг них формируются новые научные институции (такие как, ИВГИ в РГГУ, во многом аккумулировавший альтернативную советскому официозу гуманитарную традицию), более или менее постоянно действующие семинары и интеллектуальные клубы (Интерцентр, Банные чтения и др.)³⁵. Еще одно дополнительное измерение эти процессы приобрели с развитием Интернет-коммуникаций.

Изданием, которое не только способствовало изменению интеллектуального ландшафта, но и сформировало вокруг себя междисциплинарное сообщество, стал журнал «Новое литературное обозрение», который через несколько лет превратился в мощный издательский концерн. С этим журналом во многом связано лидирующее положение филологии по отношению к другим гуманитарным дисциплинам, в том числе и к истории. По мнению С.В. Глебова, М.Б. Могильнер и А.М. Семенова, «то, что западные историки получали “из первых рук”, то есть от самих антропологов, социологов и философов, российские историки получают из рук продвинутых российских филологов... В итоге ситуация напоминает не столько диалог, сколько благотворительную деятельность филологов под лозунгом “воспитай себе друга” в российской исторической среде»³⁶. Авторитет филологии, как источника инновации, основан в данном случае на востребованности нового, ориентированного на теорию знания о языке, литературе и их социальном и историческом бытовании, сформированного революционными изменениями второй половины XX века. Большим подспорьем в этой работе было сотрудничество журнала с представителями зарубежной славистики – ориентация³⁷, оказавшаяся решающей и для других игроков междисциплинарного поля, – таких как *Ab imperio* или АИРО-XXI. В этой ситуации политика издательства

в принципе не могла замыкаться в рамках дисциплины. Обсуждение сюжетов, выходящих за пределы традиционной филологической рефлексии, требовало подключения филологического или философского языка. Более того, все более очевидной становилась задача формирования публичного пространства, которое давало бы возможность отслеживать текущую культурную и политическую ситуацию, а интеллектуалам выступать не только в роли исследователей, но также и в роли публицистов и экспертов. Применительно к истории это означало появление специальных книжных серий, посвященных истории (*Historia Rossica*) и отдельным новым ее разделам («Интеллектуальная история», «Культура повседневности»)³⁸; подготовку специальных разделов и номеров, темой которых являлись не только проблемы истории литературы и даже не только общие проблемы гуманитарных наук и их роль в обществе, но и сюжеты, которые скорее должны были бы проходить по ведомству исторической дисциплины³⁹.

Показательно и то внимание, которое уделялось в «Новом литературном обозрении» (НЛО) и «Неприкосновенном запасе» выработке новых способов самоидентификации филологов, обсуждения оснований самореализации и кооперации, взаимодействия с представителями других дисциплин и с публикой. На страницах этих изданий было предпринято несколько попыток осмысления того, как выглядит профессиональная самоидентификация филолога и, шире, гуманитария в ситуации размывания привычных представлений о дисциплине и освоения других языков описания. Это выразилось в получивших хождение квалификациях «чистых» и «нечистых», «старых» и «новых» филологов, «человека языка» и «человека дискурса» и т.д.⁴⁰. «Нечистых», «новых» филологов отличал как раз уход от позитивистских представлений о дисциплине и признание приоритета теории и интерпретации. Характерным отличительным признаком этой группы было использование структуралистского, постструктуралистского и социологического лексикона.

Вместе с тем во второй половине 90-х годов во многом с подачи НЛО возникает феномен, условно названный российским «новым историзмом», иллюстрирующий филологическую экспансию в историописание⁴¹. В работах представителей российского «нового историзма» интерес к связи между литературой и жизнью (и, шире, текстами и жизнью – в соответствии с главным лозунгом «нового историзма»: «Историчность текстов – текстуальность истории») сочетался с отказом от строгой методологии и сдвигами в сторону истории-рассказа⁴². Не менее важным было и то, что те авторы, с которыми этот проект был связан – А.М. Эткинд, А.Л. Зорин, О.А. Проскурин – не были профессиональными историками. Вместе с тем они позиционировали себя не только как представители научного авангарда, но во многом и как законодатели интеллектуальной моды. Как отмечал С.Л. Козлов, «“новый историзм” – конструкт, изобретенный американскими литературоведами для выхода из формалистического тупика и для ответа на деисторизацию общественного сознания, – был востребован русскими гуманитариями как наиболее экономичный способ вписаться одновременно в две аудитории – русскую и американскую. Одновременно это был удобный путь для выхода из дисциплинарного гетто и для продвижения в сторону политического анализа. И, наконец, это был наиболее простой способ завоевать широкую,

неспециализированную аудиторию, не утрачивая аудитории специалистов»⁴³. Сочетание ролей ученого и публициста в творчестве «новых истористов» вызывало различные оценки – положительные и отрицательные. Так, по мнению Д.Р. Хапаевой, «...нарочитый отказ от “теории” вкупе с литературностью письма, позволяют допустить, хотя бы в качестве логической возможности, возникновение новой тенденции, свидетельствующей о переходе от социальных наук к постнаучному состоянию, к новой форме интеллектуального творчества. Возможно, так рождается интеллектуальное письмо, чья правдивость не сводится ни к выяснению того, как “было на самом деле”, ни к неукоснительному следованию правилам Вульгаты социальных наук. Одной из его особенностей может стать способность наделить прошлое и настоящее смыслом сквозь призму современного политического и художественного восприятия, другой – возникновение “лирического героя”, “я-рассказчика” интеллектуального письма, способность же раскрыть интеллектуальную или событийную интригу вытеснит страсть к отражению “объективной реальности”»⁴⁴. С другой стороны, в критическом отклике на статью А.М. Эткинда Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин писали: «Признание претензий А. Эткинда на новое слово в науке фактически означало бы дискредитацию рации, рациональности, позитивного знания, методик его самоконтроля, вело бы к самоликвидации науки, поскольку при доминирующей установке на оригинальность и выразительность (собственный нарратив как единственное основание читательского интереса) коллективная институциональная деятельность в ее репродуцируемых формах просто невозможна»⁴⁵. По их мнению претендующий на актуальность «новый историзм» Эткинда оказывался подозрительно похожим на маргинальные образцы синтетического знания, которыми изобиловала в те годы культурология.

Дискуссия о «русском «новом историзме»» показательна не только в том отношении, что обсуждение проблемы субъективного выбора и сочетания разных научных подходов подводило к вопросу о границах научного рассуждения. Филологическая экспансия в историю, попытки установить отношение между текстами и жизнью, выработать новый режим отношений между прошлым и современностью свидетельствовали о потребности в установлении рефлексивного взаимодействия между наукой и публичным пространством, о выработке нового языка формулировки проблем, которые затем ставились бы и применительно к прошлому. Ответом на эту потребность стало создание журнала «Неприкосновенный запас», призванного развернуть дебаты об актуальных для общества проблемах, обеспечить высокий интеллектуальный уровень дискуссии не только о научной, но также и о социальной и культурной системе координат образованного сообщества. Это означало и появление интеллектуалов, претендовавших на формирование политико-культурной повестки дня⁴⁶.

Одной из важнейших тем НЛЮ и отпочковавшегося от него «Неприкосновенного запаса» стал мониторинг состояния исторического сознания. Наиболее ярким проявлением этого интереса был выпущенный к 50-летию окончания Второй мировой войны тематический выпуск «Память о Второй мировой войне 60 лет спустя – Россия, Германия, Европа», подготовленный совместно с берлинским ежемесечником «Osteuropa». Задачей этого проекта, к осуществлению ко-

того были привлечены историки, философы, филологи, киноведы и представители других гуманитарных дисциплин, был анализ структуры памяти об одном из ключевых событий XX в., обсуждение того, «как вытеснение из социальной памяти травматичных моментов прошлого соседствует с их продуктивной исторической проработкой»⁴⁷. Таким образом, журнал взял на себя миссию критики современного исторического сознания, в то время как многие другие издания ограничивались сугубо мемориальными публикациями⁴⁸. Интересно, что этот проект вызвал не только предсказуемую «патриотическую» критику, но также и критику, указывавшую на недостаточность изучения памяти о войне без анализа вытесняемой ею памяти о сталинских репрессиях⁴⁹. Таким образом, возникает перспектива соотнесения исторических исследований с тем социальным контекстом, в рамках которого они осуществляются.

Опыт НЛЮ представляется важным в нескольких отношениях. В пространстве журнала было достигнуто наиболее удачное, по-видимому, соединение лучших традиций отечественной филологии и, шире, – гуманитаристики с инновационными подходами, разработанными в западной науке. Признание прежнего научного и культурного авторитета сочеталось с формированием нового, основанного уже на других механизмах воспроизводства сообщества. Широкий диапазон теоретических сюжетов, обсуждавшихся на страницах журнала, оказался значимым для обновления не только филологии, но и смежных гуманитарных дисциплин, создавая некоторый рынок обращения теорий. Вместе с тем мобильность и внутренняя рефлексивность издания создали адекватные условия для воспроизводства теорий, частью которого стало развитие истории теорий или интеллектуальной истории. Не менее важно и то, что присутствие НЛЮ спровоцировало внутридисциплинарную полемику, что свидетельствовало о том, что дисциплина стала пространством полемики групп, которые видят друг друга, а значит, мыслят себя в более универсальном горизонте⁵⁰.

В исторической дисциплине ничего похожего на феномен НЛЮ по степени влияния, на наш взгляд, не возникло⁵¹. В области исторической периодики некоторым аналогом НЛЮ можно признать, пожалуй, лишь один проект – журнал «Ab Imperio», выходящий с 2000 года в Казани. Интересно, что по свидетельству редакторов журнала, его появлению предшествовал еще более амбициозный проект журнала, который должен был называться «Новое историческое обозрение» и осуществлять программу модернизации науки, но уже в сфере историографии⁵². Претензии на принципиально новый тип издания проявляются буквально во всем – от места издания, формата и дизайна до содержания материалов и принципов редакционной политики. Журнал издается в провинции (в смысле, не в Москве и Санкт-Петербурге), выходя четыре раза в год 700-страничными томиками (тиражом 400 экземпляров) без какой-либо организационной привязки – при обозначенной на титульном листе финансовой поддержке фонда Тиссена и фонда Маккартуров. Издание принципиально позиционирует себя как международное, что отражено в тематике статей и принципиальном полилингвизме. Редакция, как говорится в обращении «к авторам», «принимает материалы на русском, украинском, польском, английском и немецком языках», публикует на двух – русском и английском. Статьи, помещенные в номере, сопровождают

развернутой аннотацией англоязычные (их бывает около 50 % от общего объема статей номера) – на русском, русскоязычные – на английском. Рассылая книги на рецензирование, редколлегия подчеркивает, что «предпочтение отдается исследователям из СНГ, желающим отрецензировать книгу западных авторов, и западным исследователям, желающим отрецензировать западную литературу». Двухязычными являются редакторские предисловия к номеру и к каждому его разделу. Редколлегия журнала (И.В. Герасимов, М.Б. Могильнер, С.В. Глебов, А.П. Каплуновский, А.М. Семенов), подчеркивающая двойной характер собственного профессионального образования («получивших российское и западное профессиональное образование и научные степени»), в качестве органа, определяющего политику издания, дополняется редакционным советом, в который наряду с российскими учеными (Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, А.В. Ремнев и др.), входят и авторитетные зарубежные исследователи, в том числе «звезды первой величины» (М. фон Хаген, М. Хрох, Р. Брубейкер, А. Капеллер). Высокий уровень публикуемых материалов должен обеспечиваться механизмом анонимного экспертного рецензирования подаваемых авторами текстов. Журнал имеет достаточно эффективный Интернет-сайт, реализующий в современных условиях продуктивный механизм связи редакции, авторов и «читателей» и тем самым являющийся неким средством конструирования сообщества.

Ориентация на международное научное сообщество, его стандарты и конъюнктуру естественно и, пожалуй, в первую очередь, реализуется и в содержательно-тематической политике издания. Журнал посвящен «исследованиям по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве»⁵³. Понятно, что обозначенная проблематика формируется в рамках гуманитарного знания, во-первых, как новая и актуальная, т. е. не имеющая за плечами многовековой традиции, а, во вторых, изначально как междисциплинарная, поскольку проблематика национализма в не меньшей, а, пожалуй, даже и в большей мере, чем у историков, затрагивается в работах социологов, политологов, антропологов, этнологов и философов⁵⁴. Транзит этой проблематики в пространство постсоветской гуманитаристики является «сверхзадачей» журнала «Ab Imperio» и с неизбежностью превращает его в площадку междисциплинарных поисков. Будучи задуман как культуртрегерский проект, призванный укоренить в российской науке проблематику *nationalities studies*, «Ab Imperio», как и НЛО, успешно освоил плоды «западной» гуманитарной и социальной науки, в том числе славистики. Причем дело было не только в освоении концептуальных достижений, но также и в реакции на те трудности, с которыми столкнулась западная русистика в ситуации распада СССР. Из принятия в качестве отправной точки проблематичности объекта исследований (Россия? СССР? Евразия?) и возникла идея «новой имперской истории», разработка которой и стала программой журнала⁵⁵. С другой стороны, лежащая в основе программы издания модель общества, как гетерогенной динамичной структуры с различными политическими, поведенческим и культурными стратегиями авторов, позволяет реализовывать новый вариант междисциплинарности, основанный на общности проблем и понятийного аппарата. «Темы года»⁵⁶, определяющие содержание четырех номеров каждого года, оказываются и вызывающе «несоветскими» и допускающими пересечение

самых различных дисциплинарных исследовательских стратегий. Проблематика «имперской мифологии», «ритуалов власти», «российского ориентализма» достаточно продуктивно рассматривается на страницах журнала представителями самых различных гуманитарных дисциплин. Эта проблематика имеет актуальные политические проекции, однако, это не делает «Ab Imperio» общественно-политическим журналом, поскольку проект «новой имперской истории» предполагает наличие в арсенале исследователя не только методологической, но и политической рефлексии.

При этом на страницах издания вырабатывается – во многом благодаря редакторским текстам – некий дискурсивный режим, предполагающий междисциплинарный горизонт исследовательской работы. Одной из задач издания, декларируемой в так называемой «миссии журнала», становится «участие в процессе формирования новых профессиональных стандартов социальных и гуманитарных наук». Вместе с тем, по свидетельству редакторов журнала, ряд предложенных в журнале форматов (тематические номера, международные форумы, интервью) оказываются актуальными не только для отечественного читателя, но и востребуются американской научной журналистикой⁵⁷, что свидетельствует о международном признании журнала.

Академическая периодика между 1990-ми и 2000-ми

На фоне процессов, разворачивающихся во внеакадемических сферах, в эволюции академических изданий мы в гораздо большей степени можем зафиксировать движение в сторону дисциплинаризации. Если говорить о традиции «Одиссея», то заложенная им связка «сектор – семинар – альманах» была использована в качестве модели реформирования Института всеобщей истории⁵⁸. В институте появился ряд новых альманахов, в частности, – «Казус» и «Диалог со временем». Вместе с тем опыт «Одиссея» как дисциплинарно открытого и «проблемного» издания, способ выстраивания отношений альманаха с сообществом стал для других изданий, возникших в рамках ИВИ, как образцом для подражания, так и – в не меньшей степени – точкой отталкивания.

В середине 1990-х – начале 2000-х редколлегия «Одиссея» продолжала разработку модели «проблемного» исторического издания. К этому времени относится довольно значительное сокращение аудитории – как альманаха, так и семинара⁵⁹. Вместе с тем происходит процесс распада того сообщества неофициальных гуманитариев, чьим глашатаем он выступил. Попытки сплочения нового сообщества сопровождаются болезненными размежеваниями и противостояниями. В содержательном отношении идет поиск компромисса между потребностью в теоретической дискуссии и попытками соотнести ее с задачами практического исследования, между ориентацией на медиевистику и стремлением организовывать материал не по хронологическому, но по проблемному признаку, наконец, между установкой на междисциплинарность и задачами защиты выдвинутого альманахом проекта истории культуры, за которым к этому моменту оконча-

тельно закрепляется название «историческая антропология»⁶⁰. Этот поиск приносит и определенные находки – как в тематическом, так и в плане научной саморефлексии⁶¹. Однако, как убывание редакторского присутствия, так и появление на страницах альманаха мемориально-классикалистских публикаций снижает общий тонус издания.

К концу 1990-х – началу 2000-х годов историческое сообщество существенным образом трансформировалось. Наряду с распадом связей, скреплявших неофициальное гуманитарное сообщество и делавших его притягательным в глазах интеллигенции, развивается кооперация организующегося вокруг них сообщества по принципу дисциплинарной принадлежности. Если в междисциплинарных изданиях начала 90-х были представлены, главным образом, всеобщие историки, то во второй половине десятилетия в «Одиссее» и новых изданиях ИВИ – «Казусе» и «Диалоге со временем» – становится все более заметным присутствие специалистов по русской истории⁶². Историки-русисты становятся активными участниками публикуемых в «Одиссее» дискуссий, а иногда, как А.Л. Юрганов, – и их застрельщиками⁶³. Показательно и то, что в 2004–2005 г. в «Одиссее» состоялось обсуждение книги Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства», которая стала, по мнению экспертов, одним из важнейших событий в постсоветской историографии. Вместе с тем сообщество становится и внутренне дифференцированным. Показательно, что признание исторической антропологии, постепенное проникновение ее в университетские программы сопровождается и нарастанием критики этого направления: сначала от имени микроистории и других новейших течений в западной историографии, а затем уже и от лица такого сугубо отечественного – и в определенном смысле вышедшего из «шинели «Одиссея»» – проекта, как «историческая феноменология», в которой, как бы к ней не относиться, нельзя не увидеть стремления к выработке нового междисциплинарного обоснования исторического познания.

Оформление микроистории способствовало внутренней дифференциации исторической антропологии. Инициированные Ю.Л. Бессмертным проекты по изучению истории частной жизни и истории чувств, обсуждение проблематики соотношения микро- и макроистории были призваны преодолеть ограниченность исторической антропологии в рамках истории ментальностей и сформировать перспективу «другой социальной истории». Это предполагало поиск других социологических и антропологических оснований исторического исследования, которые соответствовали бы этому новому представлению о поведении человека в истории⁶⁴. Однако программа критики исторического знания, высказанная на страницах альманаха «Казус», оказалась более амбициозной, поскольку была направлена против тех генерализаций, которые составляют каркас исторического мышления – как классического, так советского и постсоветского. Соответственно речь шла и о расчистке языка и мышления историка от тех штампованных конструкций, которые препятствуют адекватному описанию опыта – как действующего в истории субъекта, так и самого историка. Тем самым ставка делалась на традиционные профессиональные добродетели – знаточество и опыт работы

с конкретными сюжетами – в противовес обращению к теоретическим ресурсам⁶⁵. Это, впрочем, не означало полного отсутствия теоретических и историографических работ. Вместе с тем провокационная постановка вопроса о принципах исторического ремесла, социальных и антропологических условиях работы современного историка и постмодернистская стилистика альманаха⁶⁶ спровоцировали достаточно острые дискуссии, в которых поднималась проблематика исторического сообщества. При этом – как и в описанной нами выше стратегии представителей российского «нового историзма»⁶⁷ – в программе «Казуса» особое значение придавалось нарративной составляющей исторического текста. Это должно было сделать плоды научных исследований более доступными для широкой публики, но вместе с тем вводило стилистические ограничения для предлагаемых к публикации материалов и соответственно сужало круг возможных авторов альманаха⁶⁸.

Другой междисциплинарный альманах – «Диалог со временем», инициированный Л.П. Репиной, также как и «Казус» сохранял заданную «Одиссеем» модель открытого издания, однако, реализовывал эту программу совершенно другим образом. Дело было не только в предполагавшейся программой издания реабилитации интеллектуальной истории, каковая в других изданиях не была выделена в качестве самостоятельной сферы исследований. «Диалог со временем» стал частью эффективного механизма воспроизводства сообщества. Опорой деятельности альманаха является уже не только соответствующий семинар интеллектуальной истории в ИВИ, но, прежде всего, ежегодные межрегиональные конференции, первая из которых была проведена в 1999 году, т. е. одновременно с выходом 1-ого номера альманаха⁶⁹. С оформлением в 2001 г. «Диалог со временем» становится официальным изданием Российского общества интеллектуальной истории, включающего в себя представителей как столичных, так и региональных исторических сообществ⁷⁰. Не менее важна интенсивная проектная работа, результаты которой отражаются в спецвыпусках журнала и в сборниках, объединяющих наиболее удачные из опубликованных в альманахе материалов. Альманах позиционирует себя как более демократичное, открытое⁷¹ и вместе с тем более регулярное издание. Он уже сейчас догнал «Одиссею» по количеству выпущенных номеров. С 2007 года «Диалог» сделался подписным изданием, стал выходить четыре раза в год и перешел в статус журнала⁷².

В открывавшей первый номер «Диалога..» программной статье «интеллектуальная история» определялась как проект «открытый», «междисциплинарный» и «интегральный»⁷³. Это создавало возможность привлечения в альманах наряду с профессиональными историками также и историков философии, историков науки, литературы и искусства⁷⁴. При этом «Диалог» – несмотря на декларируемую междисциплинарность – в гораздо большей степени ориентирован на воспроизводство дисциплины. Не случайно стоящее за ним сообщество представляет преимущественно традиционные университетские структуры⁷⁵. Разумеется, это дисциплина уже обновленная, в рамках которой уже не нужно доказывать значение теоретической рефлексии. Публикации в этих разделах опять-таки ориентированы прежде всего на проблемы дисциплины и представляют современную историографическую рефлексию – в том числе и по поводу разного рода постмо-

дернистских вызовов – уже в систематическом виде. Многие из них посвящены установлению рамок, границ и принципов исторического познания в целом и часто содержат в себе явную отсылку к актуальному «всемирному горизонту», т. е. процессам, протекающим в современной исторической науке⁷⁶. При этом ориентация издания на представление новых предметных полей (интеллектуальная история, история памяти и т. д.) в сочетании с установкой на реабилитацию таких традиционных сфер исторического исследования как историография и изучение биографии позволяет совмещать разные уровни дисциплинарной конъюнктуры. Большую эластичность образу дисциплины придавали еще две особенности издания. Во-первых, произошло значительное расширение тематического и хронологического диапазона публикуемых статей: различные периоды всеобщей истории и истории России оказались представленными гораздо более равномерно. Во-вторых, «интеллектуальная история» – в том виде, который она приобрела на страницах издания, – создавала возможность мирного сосуществования не только представителей дисциплин, но и разных типов исследователей в рамках самой историографии (в частности, «практикующих историков» со специалистами по историографии и теории истории).

Невысокая – при всей открытости и толерантности редакционной политики – степень дискуссионности на страницах «Диалога» свидетельствует, на наш взгляд, о том, что издание решает преимущественно задачи расширения тематического и языкового репертуара. Тем самым оно выполняет функции адаптации академического сообщества к новому контексту существования исторического, и шире, гуманитарного знания. Показательным в этом смысле является пример дочернего издания «Диалога» – альманаха по гендерной истории «Адам и Ева», созданного в 2001 году. Как отмечала А.Г. Суприянович, на первых порах журналу во многом приходилось преодолевать неприятие нового направления академическим сообществом и решать пропагандистские задачи, доказывая и правомерность феминистской критики, и научный статус гендерной историографии⁷⁷. Результатом деятельности альманаха, который по образу и подобию «Диалога со временем» задумывался как открытое издание, стало не столько определение исследовательской программы, сколько формирование сообщества историков, заинтересованных в использовании гендерного подхода в своей исследовательской практике, причем речь шла о широком спектре его направлений – от более традиционной истории женщин до более теоретически изощренных форм изучения практик женского письма и т. д.

По мнению целого ряда экспертов, в результате социальных и интеллектуальных перемен последних 15–20 лет историческая наука в России оказалась в большем выигрыше, чем другие дисциплины – несмотря на все очевидные издержки переходного периода, трудности переживаемые отдельными направлениями (такими как аграрная история и антиковедение) и т. д.⁷⁸. Так Л.П. Репина указывает на колоссальную адаптивность истории и историков, позволяющую в ситуации междисциплинарного взаимодействия извлекать наибольшие дивиденды⁷⁹. Эти выводы действительно в определенной мере подтверждаются. Можно говорить о постепенном вызревании нормального научного взаимодей-

ствия, о снятии разрывов между столицами и регионами, об обретении историками своих собственных ниш в массовом воспроизводстве знаний, связанных не только с созданием государственной версии прошлого, но с разработкой иных ракурсов восприятия истории.

Одним из проявлений этого процесса стало изменение пространства гуманитарных наук и возникновение новых институций, которые и стали «точками роста» междисциплинарных исследований в постсоветской науке. Преобразования в системе исторической периодики дают основания говорить о произошедшей дифференциации, в которой академические институты и классические государственные университеты утратили монополию на производство и контроль в отношении исторического знания, а заказчиком и адресатом знания являются не только официальные организации, но также и издательства, фонды. Вместе с тем малочисленность изданий и объем их тиражей побуждает задаться вопросом о степени влияния произошедших изменений. Как отмечает Б.В. Дубин, «с учетом объемов образованного населения и количества научных работников в стране, журналы только по общественным наукам в России должны были бы насчитываться десятками, а не сотнями – иначе это не реальные средства коммуникации, а выставочные образцы»⁸⁰. В 2000-е годы в историографии все меньше ощущается потребность во внутридисциплинарной дискуссии, что, по-видимому, обозначает пределы внутренней дифференциации пространства дисциплины.

За истекшие два десятилетия существенно изменился контекст междисциплинарной инновации в историографии. Если в начале 1990-х источником инноваций выступала всеобщая история и, в частности, медиевистика, то в 2000-х лидерство все больше переходит к славистике и связано с изучением более близких к современности периодов⁸¹. Программа обновления исторического знания, сформировавшаяся к концу 1980-х годов, за истекший период сама в значительной степени трансформировалась. Некоторые из базовых понятий (такие, например, как «диалог культур») стали частью научной идеологии, другие (такие, например, как понятие личность) – сопротивляясь инструментализации, отошли на периферию научных дискуссий. В исторической антропологии, которая была, пожалуй, самым влиятельным междисциплинарным проектом 1990-х годов, постепенно выделились разные направления, наряду с которыми возникли другие – такие, например, как интеллектуальная история. Благодаря этому и в академическом пространстве происходит становление способов соотнесения себя с объектом исследования или, пользуясь выражением Ф. Артога, режимов историчности⁸². Вместе с тем это становление проходило не без трудностей – представителям новых проблемных полей, как показывает, например, опыт «Адама и Евы» приходится добиваться академического признания, которое может и не предполагать разворачивания теоретической дискуссии⁸³. На данном этапе движение вперед часто связано с расширением профессиональной саморефлексии, с попытками работы с новыми сюжетами и источниками. Эта работа, значения которой также не нужно недооценивать, происходит также и в более популярных изданиях – таких, например, как «Родина» и «Историк и художник»⁸⁴.

Важным аспектом становления междисциплинарного пространства стало падение дисциплинарных иерархий, которые воспроизводились в числе прочих и системой исторической периодики, что проявилось и в демократизации состава авторов этих изданий. В пространстве производства исторического знания выделились новые авторитетные фигуры и группы, причем опять-таки важно отметить, что их консолидация часто была связана с неакадемическими (THESIS, Ab imperio), а то и вообще инодисциплинарными (НЛЮ) институтами и изданиями. В рамках дисциплины все большее влияние будут оказывать те новые («Диалог со временем») или обновляющиеся издания, которые, опираясь на традиционные дисциплинарные структуры, предложили более мягкую модель соединения новых перспектив и подходов и традиционных жанров академического исследования. Знаковым в этом отношении событием можно считать прошедшую 30 января – 1 февраля читательскую конференцию журнала «Средние века», главной темой которой было обсуждение проблемы выживания и статуса медиевистики в современном российском обществе. Вместе с тем новый статус этих изданий (речь идет, прежде всего, о «Диалоге со временем» и «Средних веках», превратившихся из альманахов в журналы и занявших место в ВАКовском списке рецензируемых изданий) привязывает их к репродукции исторического сообщества и, соответственно, ограничивает возможности стать ареной встречи историков и представителей других дисциплин.

Успехи в построении междисциплинарного пространства не в последнюю очередь обусловленные деятельностью новых изданий были связаны с выработкой инструментов теоретического самоопределения и рефлексивного контроля производимого историками знания. Сформировалась не только традиция критики откровенно псевдонаучных построений вроде концепций Фоменко и Ко, но также и традиция самокритики историографии, анализа языка и текстов историков, предоставляющие средства для выявления идеологических топов и отделения актуального поля научного знания от его рутинных пластов⁸⁵. Более или менее отрефлексированным оказался научный статус цивилизационных концепций в историографии⁸⁶. Вместе с тем формируется реакция и на то, что овладение новейшими теоретическими дискурсами оказывается легким, а, главное, эффективным способом создания научных текстов и получения грантового финансирования – в ущерб работе с источниками, которая является залогом получения нового знания о прошлом⁸⁷. Это опять-таки означает, что реальные процессы дифференциации института историографии, возникновения в нем ролей «теоретика», «методолога», практикующего историка, также как и реальная практика историографических поворотов, в рамках которых происходит взаимодействие истории с другими дисциплинами, оказываются далеко не во всем адекватными. Однако представляется достаточно очевидным, что без интенсивных предметных дискуссий, также как и без инструментов проявления позиций, которые позволяли бы прояснять разные возможности интерпретации различных концептов – будь то «гендер», «память» или «власть» – и то, кем эти возможности востребованы, практика междисциплинарности в сообществе историков будет обречена на выхолащивание, а преодоление дефицитов не станет трамплином для «нормальной» науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом напр.: *Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M.* The New Production of Knowledge. The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. – London: Sage, 1994; *Nowotny H.* Re-Thinking Science: from reliable to socially robust knowledge (2001) // *Jahrbuch 2000 des Collegium Helveticum.* Ed. with M. Weiss. Zürich: vdf. 221–244. (with). *Whitley R.* The Intellectual and Social Organization of the Sciences (2nd ed). – Oxford: Clarendon Press, 2000. P. IX–XLI.

² См. об этом: *Lindholm-Romantschuk Y.* Scholarly Book Reviewing in the Social Sciences & Humanities: The Flow of Ideas Within & among Disciplines. – Westport, 1998. P. 14–15

³ *Савельева И.М.* Классика в историографии: формы присутствия // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М., 2009. С. 315–327.

⁴ Ср. модель дисциплины Т. Куна, интерпретацию которой применительно к исторической науке мы находим в работах Й. Рюзена. Ср. напр.: *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // *Диалог со временем.* 2001. Вып. 7. С. 8–26.

⁵ *Зверева Г.И.* Роль познавательных поворотов второй половины 20-ого века в современных российских исследованиях культуры // *Выбор метода.* – М., 2001. С. 11–21; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Там, за поворотом...»: о модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // *Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации.* – М., 2005, С. 73–101; *Ретина Л.П.* Интердисциплинарная история вчера, сегодня, завтра // *Междисциплинарные подходы к изучению прошлого.* – М., 2003. С. 5–17.

⁶ См об этом: *David R. Shumway and Ellen Messer-Davidow* Disciplinarity: An Introduction // *Poetics Today.* Vol. 12. No. 2. Disciplinarity (Summer, 1991). P. 201–225.

⁷ См об этом: *Ямпольский М.Б.* Личные заметки о научной институции // *Новое литературное обозрение.* № 50. С. 96–99.

⁸ См об этом напр.: *Александров Д.* Места знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук // *Новое литературное обозрение.* № 77(2006). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/alek21.html>; *Зверева Г.И., Ретина Л.П.* Историческое образование в высшей школе России: состояние и проблемы // *Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы.* – М., 2003. С. 486–532; *Зверева Г.* Компетентность, квалификация, академическая степень: проблемы построения образовательных программ по культурологии в условиях реформы высшей школы // *Современность/Post.* № 1. – М., 2007. С. 355–388.

⁹ *Ямпольский М.Б.* Личные заметки о научной институции... С. 111.

¹⁰ *Александров Д.* Места знания... URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/alek21.html>; Содержательный анализ характера и конкретных обстоятельств междисциплинарного взаимодействия на материале истории периодического издания см. в: *Bonjean Ch.M.* Quest for Interdisciplinary Scholarship // *Editors as Gatekeepers: Getting Published in the Social Sciences.* Edited by Rita J. Simon and James J. Fyfe. – Rowman & Littlefield, 1994. P. 107–136.

¹¹ Более подробное обоснование этого подхода см.: *Свешников А.В., Степанов Б.Е.* Исторические альманахи «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем»: поиски моделей научной коммуникации // *«Гуманитарные исследования» (ИГИТИ ГУ-ВШЭ).* 2008. Вып. 2 (32).

¹² О том, как устроена эта множественность альтернатив с точки зрения регионального историка, каким образом ограниченность возможностей в рамках основной профессиональной деятельности побуждает историка к поиску контактов с другими инстанциями и сообществами и тем самым стимулирует междисциплинарное взаимодействие шла речь в содержательном докладе И.И. Куриллы «Историк в региональном вузе на перекрестке сообществ» на круглом столе «Трансформации профессиональных сообществ историков России 1985–2009 гг.», проходившем 30.11.2009 в ИВИ РАН.

¹³ См.: *Сахаров А.Н.* О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // *Мир историка. XX век.* – М., 2002. С. 11–19.

¹⁴ Показательно, что проблематика междисциплинарности, как и целый ряд других значимых для существования науки рамочных проблем, достаточно слабо отрелефирована в постсоветском гуманитарном знании.

¹⁵ Эта проблематика в сравнительной перспективе сегодня становится предметом внимания исследователей исторической науки. См. напр.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным и гуманитарным дисциплинам в 1993–2008 гг.: количественные показатели и качественные характеристики // «Гуманитарные исследования» (ИГИТИ ГУ–ВШЭ). 2009. Вып. 2 (39); *Каменский А.Б.* Современная российская историография России и мировая историческая наука: интеграция как бег с препятствиями // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши. – М., 2000.

¹⁶ См.: *Копосов Н.Е.* Советская историография, марксизм и тоталитаризм (к анализу ментальных основ историографии) // *Одиссей. Человек в истории.* – М., 1992. С. 51–68.

¹⁷ Прежде всего хотелось бы указать здесь работы Б.Н. Миронова: *Миронов Б.Н., Степанов З.В.* Историк и математика (Математические методы в историческом исследовании). – Л.: Наука, 1975; *Миронов Б.Н.* Историк и социология. – Л.: Наука, 1984; Несколько раньше в трудах Б.Ф. Поршнева, И.С. Кона и А.Я. Гуревича была поставлена проблема взаимодействия истории и психологии.

¹⁸ См. *Берелович А.* О культе личности и его последствиях (заметки о позднесоветском интеллектуальном сообществе) // *НЛО.* № 76 (2005). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/76/be3.html>; *Гудков Л., Дубин Б.* Интеллигенция. – М., 1994. С. 89–92, 168–172; *Зенкин С.Н.* Уровень совокупного знания // *Новое литературное обозрение* № 77(2006). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/ze20.html>.

¹⁹ *Гуревич А.Я.* К читателю // *Одиссей. Человек в истории.* 1989. – М., 1989. С. 9. Отметим, что одним из интеллектуальных ориентиров здесь провозглашалась и тартуско-московская семиотика.

²⁰ Проблема междисциплинарности специально обсуждалась на состоявшейся в Москве в 1989 году конференции, посвященной 60-летию «Анналов», которая стала одним из поворотных пунктов в процессе перехода к постсоветской науке.

²¹ Разумеется, нельзя не учитывать, что эта открытость была относительной, поскольку распространялась преимущественно на представителей сообщества, рупором которого стал «Одиссей».

²² Подробнее об этом см.: *Свешников А., Степанов Б.* Воспоминание о будущем (к 20-летию «Одиссея») // *Одиссей. Человек в истории.* – М., 2008; *Свешников А., Степанов Б.* Исторические альманахи «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем»: поиски моделей научной коммуникации. Препринт WP6/2008/02. – М., 2008.

²³ См.: *Гуревич А.Я.* Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории // *Одиссей. Человек в истории.* 1990. С. 76.

²⁴ См.: *Михина Е.М.* Размышляя о семинаре (субъективные заметки) // *Одиссей. Человек в истории.* 1993. – М., 1994. С. 305–306.

²⁵ Там же. С. 300.

²⁶ Справедливости ради нужно отметить, что на страницах альманаха публиковались тексты социологов, например, А.Г. Левинсона и Л.Д. Гудкова.

²⁷ См.: там же. С. 302–303, 309–310. Вскоре семинар был переименован в семинар по исторической антропологии.

²⁸ См.: Интервью с И.М. Савельевой (25.05.07) (Архив Б.Е. Степанова).

²⁹ См. об этом: <http://www.healthmanagement.ru/win/science/intercenter/>; Этому соответствовал и элитарный характер нового издания. См.: *Полетаев А.В.* Предисловие // *THESIS.* 1993. № 1 С. 8.

³⁰ Из 42 членов редакционного совета только 4 представляли отечественную науку. Как отмечала в своем интервью И.М. Савельева, ориентация на «big names», среди которых были Э. Хобсбаум, Ч. Тилли, Ю. Кокка, Ж. Ле Гофф, К. Гинзбург, оказалась очень важной как для формирования редакционного портфеля, так и для получения финансирования.

³¹ Нужно сказать, что среди публикаций были и написанные западными учеными специально для альманаха.

³² «Мы старались как можно скорее закрыть брешь между западной наукой, которая развивалась нормально и постепенно, ...и нашим научным сообществом, которое было 70 лет отрезано, и люди мгновенно стали потреблять все, что переводилось ...Нам хотелось внести в это систему» См.: Интервью с И.М. Савельевой (25.05.07). (Архив Б.Е. Степанова).

³³ См.: Интервью с И.М. Савельевой (25.05.07) (Архив Б.Е. Степанова). Любопытно при этом, что, как отмечал в предисловии к первому выпуску альманаха А.В. Полетаев, с переводами исторических и социологических текстов в советской науке ситуация в целом была более благоприят-

ной, нежели с переводами текстов экономических. См. *Полетаев А.В.* Предисловие // THESIS. 1993. № 1 С. 7. Трудности, которые приходилось преодолевать редколлегия журнала, тем более показательны, что ее члены сотрудничали с лучшими гуманитарными кадрами советской науки, например, с сотрудниками ИНИОН.

³⁴ См.: *Куприянов А.И.* Историческая антропология. Проблема становления // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996. С. 369

³⁵ С 2002 г. В ГУ-ВШЭ действует междисциплинарный научный семинар ИГИТИ-ГУ-ВШЭ, в тематике которого значительное внимание уделяется проблематике исторического знания.

³⁶ См.: *Глебов С., Могильнер М., Семенов А.* «The Story of Us»: Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков // Новое литературное обозрение. № 59(2003). С. 190–191.

³⁷ См: Интервью с А.Н. Дмитриевым 24.12.2007. (Архив Б.Е. Степанова).

³⁸ Это существенно отличает издательство НЛЮ, напр. от издательств типа URSS, характеризующихся некоторой всеядностью.

³⁹ Ср. напр., спецномер Нового литературного обозрения «Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России» (№ 74), а также многочисленные публикации по этой теме в другом детище концерна НЛЮ – журнале «Неприкосновенный запас».

⁴⁰ См. об этом: *Философия филологии. Круглый стол. Новое литературное обозрение.* 1996, № 17. С. 45–93; *Новый гуманитарий в поисках идентичности // Новое литературное обозрение.* № 55 (2002). С. 174–220; *Венедиктова Т.* Между языком и дискурсом: кризис коммуникаций // Новое литературное обозрение. № 50 (2001). С. 89–95. Ср. также статьи Н.В. Брагинской, Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина, Р.М. Фрумкиной, С.Н. Зенкина, К.А. Богданова в 50-м номере «Нового литературного обозрения» и статьи Н.А. Богомолова, С.В. Глебова, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова, Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина в 59-м номере «Нового литературного обозрения».

⁴¹ В нашей характеристике этого явления мы исходим не столько из самоидентификации исследователей, сколько из тех определений, который придавались их творчеству в критических откликах.

⁴² См. об этом: *Козлов С.* Наши «новые истористы» // Новое литературное обозрение. № 50 (2002). С. 116–130; *Хапаева Д.* Поход за именами // Критическая масса. 2005. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/km/2005/1/gu14.html>.

⁴³ *Козлов С.* Наши «новые истористы» // Новое литературное обозрение. № 50 (2002). С. 131. Ср. оценку «Нового историзма» как способа сохранения наследия московско-тартусской школы в: *Дмитриев А.* В свете нашего опыта: социоанализ Пьера Бурдьё и российское гуманитарное сознание // Новое литературное обозрение. № 60. С. 13.

⁴⁴ *Хапаева Д.* Поход за именами // Критическая масса. 2005. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/km/2005/1/gu14.html>.

⁴⁵ *Гудков Л., Дубин Б.* Раздвоение ножа в ножницы, или Диалектика желания // Новое литературное обозрение. № 47 (2000). С. 99.

⁴⁶ Ср. появление в журнале персональных рубрик: «Мифы и символы» (А.Л. Зорин), «Социологическая лирика» (А.Г. Левинсон), «Гуманитарная экономика» (Е.В. Сабуров).

⁴⁷ Введение // *Неприкосновенный запас.* 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vv1.html>.

⁴⁸ Одно из редких исключений: *Андреев Д., Бордюгов Г.* Пространство памяти: Великая Победа и власть // Политический класс. 2005, № 4. URL: <http://www.airo-xxi.ru/gb/statji/pamjat.htm>.

⁴⁹ См: *Хапаева Д.* Готическое общество // Критическая масса». 2006. № 1; *Габович М.* Коллективная память и индивидуальная ответственность. Заметки по поводу статьи Дины Хапаевой. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/ga27.html>; *Кукулин И.* Прокрустова этика. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/ku28.html>; *Хапаева Д.* О превращениях, или Ответ на критику Михаила Габовича и Ильи Кукулина. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/ha29.html>.

⁵⁰ См. об этом, напр.: *Шайтанов И.* Дело № 59: НЛЮ против основ литературоведения // Вопросы литературы. 2003. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/5/shaitan.html>; *Эмерсон К.* Об одной постсоветской журнальной полемике (Размышления стороннего наблюдателя) // Вопросы литературы. 2005. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/4/eme1.html>.

⁵¹ Ср. констатацию П.Ю. Уварова: «А сейчас? Выйди и крикни: “Феодализма не существует!”. Ничего особенного не произойдет. И даже заявление: “Слово о полку Игореве” написал Ломоно-

сов!» сможет несколько эпатировать публику, но к оргвыводам сразу же не приведет (вот ведь книгу Зимина опубликовали). Но свобода историка зачастую оказывается свободой «неуловимого ковбоя Сэнди», неуловимого не потому, что его поймать никто не может, а потому, что он решительно никому не нужен». См.: Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобрин с Павлом Уваровым // Неприкосновенный запас. 2007. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/sb5.html>.

⁵² Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала «Ab Imperio» Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // Логос. 2007. № 1(58). С. 219. В содержательном плане показателен интерес редколлегии издания к проблематике «лингвистического поворота» в историографии. См. об этом: *Глебов С., Могильнер М., Семенов А.* «The Story of Us»: Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков // Новое литературное обозрение. № 59(2003). С. 190–191.

⁵³ До 2003 г. он имел подзаголовок «Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве».

⁵⁴ Характеристику состояния исследованности проблемы империи в сер. 1990-х гг. см.: *Гатагова Л.С.* Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. – М., 1996. С. 332–353.

⁵⁵ См.: Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала «Ab Imperio» Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // Логос. 2007. № 1(58). С. 222.

⁵⁶ «Российская империя / СССР и парадоксы модернизации» (2002), «Грани и границы империи» (2003), «Археология памяти империи и нации: конфликтующие версии имперского, национального и регионального прошлого» (2004), «Языки самоописания империи и многонационального государства» (2005), «Антропология языков самоописания империи и нации» (2006), «Imperium знания и власть умолчания» (2007).

⁵⁷ См.: Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала «Ab Imperio» Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // Логос. 2007. № 1(58). С. 221–222.

⁵⁸ См.: Интервью с П.Ю. Уваровым 19.12.2006. (Архив Б.Е. Степанова).

⁵⁹ Тираж альманаха с 1997 по 2006 год колебался от 550 до 940 экземпляров. Что касается семинара, то, как отмечала М.Ю. Парамонова, он в это время уже утратил «вечевой» характер и превратился в более функциональное с научной точки зрения мероприятие. См.: Интервью с М.Ю. Парамоновой 20.07.2007. (Архив Б.Е. Степанова).

⁶⁰ Подробнее см.: *Свешников А., Степанов Б.* Воспоминание о будущем (к 20-летию «Одиссея») // Одиссей. Человек в истории. – М., 2008.

⁶¹ Так, например, появляются статьи О.-Г. Эксле, посвященные проблематике историзма, или работы по исследованию по визуальной истории.

⁶² Показательно, что, судя по опубликованной в «Одиссее» хронике первых лет работы семинара по исторической психологии, доклады, посвященные сюжетам из отечественной истории, практически не попадали затем на страницы альманаха.

⁶³ Характерно, что речь идет не только о тяготеющих к историко-антропологической проблематике историках, таких как А.Л. Юрганов и И.Н. Данилевский, ставший впоследствии одним из соредкторов альманаха «Казус», но также и об историках более традиционных. Так, например, в дискуссии о сослагательном наклонении в истории принял участие мэтр военной истории О.А. Ржешевский.

⁶⁴ В качестве таковой предлагалась, например, «социология градов» Л. Болтански и Л. Тевено.

⁶⁵ Указания на теоретическую фундированность как специфическую особенность западной микроистории см. в: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. – СПб. С. 650–665. Показательно, что в отличие от сборника «Историк в поиске», представлявшего материалы конференции по микро- и макроподходам в истории, в «Казусе» вся историографическая полемика по этому вопросу осталась за кадром.

⁶⁶ Подробнее о символической и эстетических аспектах издания см. в нашей статье: *Свешников А., Степанов Б.* Коммуникативные стратегии постсоветских альманахов // Мир историка. Вып. 4. – Омск, 2008.

⁶⁷ См. полемику в сборнике «Историк в поиске». – М., 1998 и соответствующие полемические разделы в первых выпусках альманаха.

⁶⁸ Показательно, что в альманахе практически не публиковались не-историки, и большинство из его авторов имело столичную прописку.

⁶⁹ По мнению главного редактора «Диалога» Л.П. Репиной, эти конференции имели даже более важное значение, чем журнал, поскольку оказались ответом на острую потребность в научном общении, что во многом и предопределило успех проекта интеллектуальной истории. См.: Интервью с Л.П. Репиной 1.06.2007 (Архив Б.Е. Степанова).

⁷⁰ На сегодняшний день уже не только московское, но и многие региональные отделения общества имеют свои издательские программы.

⁷¹ На его страницах, по словам главного редактора Л.П. Репиной, совершенно сознательно публикуются как материалы начинающих исследователей, определенные недостатки которых (в первую очередь, с точки зрения «техники», методики исследования) видны самой редакции, но которые представляют интерес «на перспективу», так и материалы, точка зрения авторов которых принципиально расходится с позицией редколлегии. Соответственно и требования к публикациям оказываются не столь идеологически и эстетически жесткими, как в двух других изданиях. См. об этом: Интервью с Л.П. Репиной 1.06.2007. (Архив Б.Е. Степанова).

⁷² Этим обусловлено то, что альманах издается в издательстве «УРСС-эдиториал», которое в отличие от издательства «Наука» способно выдержать такой ритм работы.

⁷³ Репина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 1/99. – М., 1999. С. 6

⁷⁴ При этом предполагалось, что преимущественное «внимание к контексту» создаст площадку для некоего междисциплинарного диалога.

⁷⁵ Показательно, что название альманаха закрепляет ключевую для постсоветской историографической рефлексии метафору диалога, а на его обложку вынесен самый что ни на есть традиционный символ дисциплины – муза истории Клио.

⁷⁶ Наиболее характерным свидетельством стремления к репрезентации мирового научного сообщества можно считать состав редакционного совета журнала и публикацию в нем статей авторов самой разной национальной принадлежности – от Германии до Китая.

⁷⁷ См. Интервью с А.Г. Суприянович 13.06.2007. (Архив Б.Е. Степанова)

⁷⁸ Сообщество историков сегодня не только более гомогенно по своему уровню, но и в большей степени работает на уровне мировых стандартов, нежели, к примеру, сообщества экономистов или социологов. В качестве причин здесь не только экономические (такие, например, как меньшая затратность исследований в гуманитарных науках по сравнению с естественными или более ограниченные для историков – по сравнению с экономистами и социологами – возможности самореализовываться вне науки), но и интеллектуальные. См. об этом: Каменский А.Б. Российская историческая наука в условиях переходного общества // Историческое знание в современной России: дискуссии и поиски новых подходов. – М., 2005. С. 57–67; Интервью с И.М. Савельевой 25.05.2007. (Архив Б.Е. Степанова).

⁷⁹ См.: Интервью с Л.П. Репиной 1.06.2007. (Архив Б.Е. Степанова).

⁸⁰ Дубин Б.В. Беспроблемность, симуляция, технологизм: общественные науки в сегодняшней России // Пути России: проблемы социального познания. – М., 2006. С. 23

⁸¹ Вместе с тем показательной представляется и неоднократно высказывавшаяся потребность в издании, которое бы представляло достижения российской науки для западного научного сообщества. См., напр.: Брагинская Н.В. Профессия – русский, или Entdeckung des Geistes постсоветского интеллектуала // Новое литературное обозрение. № 50(2001). С. 70–88. Недавно об этом же применительно к русской историографии на круглом столе «Присутствие и отсутствие России в мировой гуманитарной науке», прошедшем в ГУ-ВШЭ 16 мая 2008 г., говорил проф. А.Б. Каменский.

⁸² Ярким примером этого может служить дискуссии вокруг исследовательской программы и идеологии науки, заявленных журналом «Казус».

⁸³ См. об этом применительно к развитию гендерных исследований в России: Дашкова Т. Гендерная проблематика: подходы к описанию // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. – М., 2003. С. 203–245.

⁸⁴ См. об этом, напр.: Самутина Н. История страны/история кино (рец. на кн.: История страны/история кино. Под ред. С.С. Секиринского. – М.: Знак, 2004) // Критическая масса. 2004. № 1. См. URL: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=180>.

⁸⁵ Укажем только некоторые образцы такого рода рефлексии: Зверева Г.И. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (Дискурсивный анализ публикаций последних лет) // Новое литературное обозрение. № 59. 2003. С. 540–556; Национальные истории в советском и постсоветском государстве. – М., 1999; Савельева И.М., Поletaев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. – М., 2005. С. 170–220.

⁸⁶ Другой дело, что в образовательной практике эти концепции по-прежнему являются влиятельными.

⁸⁷ Вот как об этом пишет П.Ю. Уваров: «...историков много и они разные. Одни изучают, как работают историки, как они работали или как им следует работать. Мы их классифицируем как эпистемологов, историографов и методологов. Эта группа становится все более многочисленной и все более успешной... Но существует и другая группа историков, которые по старинке пытаются писать историю по источникам, делают они это без особого успеха (как показывают исследования их означенных выше коллег), положение их, прямо скажем, не блестящее, да и численность их все убывает за счет разрастания первой группы». Уваров П.Ю. Думают ли историки? А если думают, то зачем? // Одиссей: Человек в истории. 2003. С. 303. «Ну действительно, не обсчитывать же “Полиптик аббата Ирминона” и не надсаживать себе зрение над неисследованными автографами Генриха II или коннетабля Монморанси в архивах Питера и Москвы». См.: Уваров П.Ю. *Consummer avec moderation* // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2003. С. 517.

IV

Перед вызовами
рубежа веков

КАНУН НОВОЙ ОРТОДОКСИИ. Историк и Власть в перестроечной и постсоветской России

Василий МОЛОДЯКОВ

«История гениальнее людей, делающих ее, а события разворачиваются часто с таким великолепным размахом и гениальным буйством, которые решительно неожиданны для людей, их вызвавших. Наше время в особенности чувствительно познало эту истину». Так писал в начале лета 1920 г. критик Виктор Ховин в эссе «Канун нового нигилизма», при чтении которого много лет назад у меня в уме возникли первые контуры настоящей работы.

В обоих случаях ключевое слово «канун». «Новый нигилизм» пришел не таким, как мечталось Ховину, ощущавшему кризис западной цивилизации в результате Первой мировой войны – «крушение гуманизма», по определению Александра Блока, и ее отрицание как залог появления новой «подлинно человеческой и подлинно человеческой культуры»¹. Только в последнее время появилось некое подобие новой, востребованной властью ортодоксии в отечественной историографии, однако, историческое сообщество, при всей своей разнородности, явно не намерено принимать ее.

Что такое историографическая ортодоксия? В настоящей работе под этим понимается идеологически детерминированная система оценок и критериев оценки исторических событий, одобренная властью и навязываемая ей – когда жестко, когда мягко – в качестве обязательной для пропаганды, науки и образования. Историографическая ортодоксия является составной частью государственной идеологии: ее значимость зависит от конкретных условий, а содержание может меняться на прямо противоположное. Первой ортодоксией советской историографии стала «система» М.Н. Покровского, окончательно оформившаяся в этом качестве к концу 1920-х годов после профессионального и физического устранения конкурентов. В дальнейшем она колебалась вместе с «генеральной линией».

Необходимо сказать, что я не ставлю знак равенства между историографической ортодоксией и историографией в целом, даже применительно к периодам наибольшего идеологического контроля. С конца 1920-х по конец 1980-х годов советские историки не могли открыто противостоять ортодоксии и при этом нормально участвовать в научной жизни, но имели возможность не следовать ее догмам, отдавая им лишь ритуальную дань, необходимую по условиям времени и жанра. Как говорил выдающийся лингвист академик Б.А. Серебrenников: «Я не маррист. Я не антимаррист. Я – амаррист». Подобные «амарристы» были и есть в историческом сообществе (здесь и далее речь идет о сообществе специалистов по истории России-СССР XX века), но это отдельная тема, которая здесь не рассматривается. Поэтому читателя не должно удивлять отсутствие в настоящем исследовании тех или других известных и значимых имен.

Новая ортодоксия – 1: «социализм» против «сталинизма»

Объявленный М.С. Горбачевым курс на перестройку стал для одних сигналом к пересмотру и исправлению, для других – к тотальному демонтажу советской ортодоксии, тезисам и формулам которой, вероятно, не верили уже сами их авторы. В историографии «перестраивать» надо было всё: методологию и тематику исследований, оценки и критерии оценок исторических явлений, формы научной деятельности и руководство ею. Здесь открывались два пути: делать это в рамках «марксизма» и «социализма» (пусть трактуемых максимально широко) или полностью их отрицать.

Значительная часть исторического сообщества высказалась за первый путь. Историки-профессионалы понимали не только то, что ортодоксия находится в глубоком кризисе, но и то, что советской историографией, т. е. в конечном счете ими самими, их учителями и коллегами сделано много полезного и что полностью отбрасывать наработанное не следует. Эту же точку зрения приняли высшее партийное руководство и руководство наукой, особенно после удаления от кормила власти наиболее одиозных фигур вроде академиков Б.Н. Пономарева, П.Н. Федосеева, И.И. Минца. За полный отказ от советского наследия выступили в основном публицисты, литераторы или представители других научных дисциплин, писавшие на исторические темы. Это направление мы рассмотрим в следующем разделе.

Перестройка была невысказана без частичного демонтажа системы. Предстояло отказаться от части, чтобы сохранить целое. «Целым» были названы марксизм-ленинизм, социализм, советский строй. «Частью» стал «сталинизм» в широком смысле слова, трактуемый как «извращение» марксизма-ленинизма и советской системы. Критика «сталинизма» в годы перестройки приобрела тотальный характер, несравнимый с осуждением «культы личности Сталина» и «нарушений социалистической законности» после XX и XXII съездов КПСС – отдельных ошибок отдельных товарищей при непогрешимости системы в целом. Безоговорочное отвержение «сталинизма» и противопоставление его «истинному социализму» стали основой перестроечной новой ортодоксии (НО-1), которая интенсивно формировалась по заказу сверху в 1988–1991 гг., но так и не успела стать действующей ортодоксией из-за краха СССР.

В формировании НО-1 удачно совпали заказ сверху, от руководства КПСС, и инициатива снизу, от профессионального сообщества историков. Партийные боссы и идеологи не только допускали, но и поощряли противопоставление «хороших большевиков» «плохим большевикам», постепенно расширяя первую категорию до «левых» вообще, при условии что это не выходит за пределы марксизма и социализма. Специалисты по истории СССР и, в меньшей степени, по истории КПСС из академической и университетской среды с охотой откликнулись на новые веяния и сами стали проявлять инициативу. Дело не в действии идеологической инерции, не в консерватизме или конформизме среды, как можно подумать сегодня. По крайней мере, не только в них. Ученые-историки, по-

знания которых, как правило, превосходили границы дозволенного в печати прежней ортодоксией, обрадовались, что могут применить свои наработки, тем более что это применение, одобренное и поощряемое сверху, укрепит их профессиональное, общественное, да и материальное положение (в партийной печати всегда хорошо платили).

Основными проводниками НО-1 стали газета «Правда», особенно с приходом на пост главного редактора И.Т. Фролова, журналы «Вопросы истории КПСС», «Известия ЦК КПСС», «Коммунист», Издательство политической литературы. Реализация «перестройки» была доверена именно партийной печати под руководством проверенных ортодоксов, умевших колебаться вместе с «генеральной линией» (думаю, фамилии излишни). Тогда-то и появился анекдот о диалоге двух друзей: «Старик, ты читал сегодняшнюю “Правду”?». «Нет. А что там?». «Ну-у... Это не телефонный разговор».

Определенные трудности представлял кадровый вопрос, поскольку, как писал в 1991 г. А.Н. Мерцалов, «по своим методологическим возможностям, предельной идеологизации, незнанию иностранной научной литературы наши специалисты, особенно по истории КПСС и советского общества, находятся на уровне зарубежных крайних консерваторов»², а последнее – по тогдашней шкале – было уничтожающей оценкой. Трибуны советской ортодоксии были скомпрометированы в глазах коллег и широкой читающей публики – годы перестройки стали временем массового интереса к отечественной истории – и едва ли могли рассчитывать на их признание. На первый план выдвинулись известные, но опальные или полуопальные ученые (Р.А. Медведев, П.В. Волобуев, В.И. Старцев), представители относительно деполитизированных специальностей, вроде истории науки и техники (В.Д. Есаков), наконец, молодые историки, среди которых особую известность приобрели Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов. Оперативно «перестроился» ряд представителей истеблишмента, в основном не занимавших административных постов в науке (Ф.И. Фирсов, М.И. Семиряга, В.И. Дашичев). Стоит помнить и о том, что под влиянием перестройки эволюционировали – другой вопрос, искренне или конъюнктурно – ее партийно-агитпроповские кураторы вроде А.Н. Яковлева и Д.А. Волкогорова^{*3}.

Первой знаковой фигурой НО-1 можно считать Бухарина. Столетие со дня его рождения, торжественно и, главное, официально отмеченное в 1988 г., стало первой демонстрацией новой ортодоксии, еще находившейся в процессе формирования. Выбор был сделан очень удачно. Среди «запрещенных людей» Бухарин вызывал минимум нареканий со стороны партийного руководства: о нем высоко отзывался Ленин, продолжавший оставаться безусловной «священной коровой»; он боролся с теми оппозиционерами, которых клеймил Ленин; наконец, оппозиционность Бухарина трактовалась как вариант «социализма с человеческим лицом» и была объявлена альтернативой сталинизму, в которой можно было оты-

* Место Д.А. Волкогорова в историографической и идеологической борьбе рассматриваемого периода, а также эволюция его взглядов заслуживают отдельного рассмотрения. Отмечу лишь, что с наступлением перестройки Волкогорова, несмотря на привилегированное положение, стремился дистанцироваться от любой ортодоксии, старательно позиционируя себя в качестве независимого исследователя.

скать немало точек соприкосновения с идеологией и реалиями горбачевской перестройки. Широким массам интеллигенции Бухарин тоже мог казаться положительной фигурой: философ и интеллектуал, он «не расстреливал несчастных по темницам» и дружил с Пастернаком. О Бухарине начали писать все кому не лень, причем литераторы и публицисты быстро перехватили у историков «хлебную» тему. Кульминацией этого процесса можно считать создание в 1990 г. советско-американского художественного фильма «Враг народа Бухарин» (режиссер Л. Марягин), спорного, с исторической точки зрения, но убедительного в художественном отношении, и перевод биографии Бухарина, написанной С. Коэнном, которого еще недавно клеймила советская пропаганда.

Реабилитация Каменева, Зиновьева и «троцкистско-зиновьевской оппозиции» в целом стала следующим этапом развития НО-1, но уже в несколько ином направлении. Во-первых, их неоднократно и резко осуждал Ленин (впрочем, кого он только не осуждал!). Во-вторых, объявить их идеи позитивной альтернативой сталинизму было затруднительно. В-третьих, значительная часть этих деятелей была причастна к массовым репрессиям времен гражданской войны и первых лет после нее, информация о которых все чаще попадала в открытую печать и вызывала бурные дискуссии. Наконец, в этой категории было особенно много евреев, чем сразу же воспользовались антикоммунистически настроенные национал-патриотические круги. В еще большей степени всё это относилось к личности, идеям и деятельности Троцкого, «легализация» которых – с большой долей критики – не случайно была доверена таким ортодоксам как Н.А. Васецкий и Д.А. Волкогонов. В качестве позитива НО-1 обращала внимание на то, что Ленин допускал дискуссии в партии (хотя и требовал беспрекословного исполнения уже принятых решений), что названные персонажи не были «врагами народа», а напротив, «внесли свой вклад в создание...», что товарищеская критика помогала им избавляться от ошибок и заблуждений и т. д.

Колесо «возвращения» продолжало раскручиваться, количество «врагов» сокращалось. Реабилитация эсеров и меньшевиков, включая эмигрировавших из СССР, отражала перемены внутри КПСС и советского общества на рубеже 1980-х и 1990-х годов. Активизация антикоммунистических сил различной ориентации заставляла партийное руководство искать новые пути и альтернативы, в том числе подкрепляя их ссылками на опыт прошлого, что делало профессию историка привлекательной и востребованной и не могло не отразиться на состоянии сообщества в целом. Именно сверху были предприняты первые попытки создания многопартийной, точнее, квазимногопартийной, системы и идеологического плюрализма, но все в тех же социалистических рамках, исключавших «буржуазный либерализм», с одной стороны, и «консервативный национализм», с другой. После ликвидации цензуры «демократы» открыто заявляли, что все прошлое КПСС преступно, а будущего у нее нет, что она виновна не в ошибках, в «преступлениях против человечности», что перестройка – не более чем попытка самосохранения тоталитарной системы путем частичной модификации и косметических реформ. На фоне «бархатных революций» в Восточной Европе для руководства КПСС это звучало более чем угрожающе. В свою очередь, «патриоты» реанимировали тезис о «жидомасонском заговоре» против России, подкрепляя

его внушительным списком «кремлевских псевдонимов» (выражение И.А. Бунина) с расшифрованными настоящими фамилиями. Как из рога изобилия посыпались переиздания сочинений «открытых врагов советской власти», не щадивших не только Троцкого, но и Бухарина. Начавшаяся в печати критика Ленина, сначала осторожная, потом разухабистая, показала, что «священных коров» больше нет.

НО-1 должна была дать на это убедительный и всеобъемлющий ответ. И такой ответ был подготовлен. Первой – негативной – частью новой системы стал выпущенный Политиздатом в 1991 г. сборник статей «История и сталинизм» – аналог многочисленных советских сборников типа «Против...» – под редакцией А.Н. Мерцалова, специалиста по «критике буржуазной историографии». Позитивной частью должны были стать «Очерки истории КПСС» под руководством А.Н. Яковлева, призванные сменить известный «кирпич» «История КПСС» под редакцией Б.Н. Пономарева, который был признан непригодным к дальнейшей переработке. К работе над обеими книгами были привлечены крупнейшие специалисты в данной области, работавшие, полагаю, не только ради денег и славы, но и из профессиональных соображений. «Очерки истории КПСС» так и не были опубликованы, поэтому однозначно судить о них я не берусь, но многие их положения и фрагменты были «обкатаны» в партийной и академической прессе в 1990–1991 гг. и укладываются в описанную выше схему.

Принципиально важными идеологическими документами готовой к употреблению НО-1 я считаю статьи А.Н. Мерцалова «Нужна ли гласности наука?» и «Сталинизм и освещение прошлого», которые открывали и завершали сборник «История и сталинизм». Вторая посвящена отрицательному воздействию сталинизма на советскую историческую науку, для критики нынешнего (т. е. на 1991 г.) состояния которой автор не пожалел самых резких слов, замахиваясь в том числе на систему Академии наук и ВАК. Абсолютное большинство этих упреков вполне справедливо, но тон статьи наводит на мысль, что готовилась крупная проработка с «оргвыводами» персонального характера. Приведу ее финал, непосредственно относящийся к историческому сообществу – и звучащий сегодня, в 2010 г., с пугающей актуальностью:

«Сталинизм привел к деградации личности многих ученых. Возник конфликт между тем, что они думали и писали. Деспотия и в историках культивировала низменные качества: ложь, лицемерие, чинопочитание, страх, неспособность принимать самостоятельные решения. Такой образ мышления и поведения исключал обновление... Многие историки до сих пор пассивны по отношению к перестройке. Высокопоставленные деятели науки не хотят признать, что сталинизм поразил не только экономику, политику, идеологию, но и историографию, что не перестройка (как утверждает, например, Ю.А. Поляков), а сталинизм породил тот дилетантизм, который характерен для многих современных историков. Показательно также падение интереса читателей к историографии. Лучшими служителями музыки истории становятся мастера прозы средней руки, не владеющие ни методологией истории, ни достаточными конкретно-историческими знаниями... “Методологию научного социализма, – подчеркивает А.Н. Яковлев, – мы в сущности не прилагали к изучению и обновлению собственного общества на основе альтернативных сопоставлений и свободных дискуссий” (ссылка на

статью Яковлева в “Правде” от 24 ноября 1989 г. – В.М.). Не прилагали ее и советские историки к своей науке. Воссоздать на ее основе подлинную картину прошлого – дело их чести»⁴. Одним словом, «цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!».

Сборник «История и сталинизм» был сдан в набор 26 марта 1991 г. и подписан в печать 24 июля 1991 г. Я не знаю, когда его 50-тысячный тираж поступил в продажу, но это уже не важно. Августовский «путч» сокрушил СССР, навсегда похоронив под его обломками и НО-1, которая не успела стать ортодоксией. Канун так и остался кануном.

Новая ортодоксия – 2: «демократия» против «советчины»

Крушение СССР и советской системы тяжело ударило по большей части исторического сообщества. Дело не только в стремительном ухудшении материального и социального положения. Историки как профессионалы почувствовали себя никому не нужными. Государство отвернулось от них и идеологически, и материально. Для новоявленного бизнес-сообщества они никакого интереса не представляли. Широкому читателю стало не до истории. У СМИ появились иные герои – проститутки и бандиты. Часть ученых уехала за границу, кто надолго, кто навсегда (некоторые еще до 1991 г.). Часть ушла в бизнес. Оставшиеся задумались, как жить дальше.

Императивом новой власти стало отвержение всего «советского», а нюансы и оттенки никого не беспокоили. То, что вчера казалось немислимо смелым в рамках пересмотра истории КПСС, сегодня было бесповоротно отвергнуто вместе со всей историей КПСС. Прямо как в анекдоте 1991 г. о Хаиме, который из Вильнюса (Риги, Таллинна) пишет письмо своему брату Абраму в Иерусалим после провозглашения независимости Литвы (Латвии, Эстонии): «Дорогой Абрам! У нас творятся очень странные вещи. Еще вчера я был “жидовской мордой”, а сегодня стал “русскоязычным меньшинством”...».

Государственного заказа на новую ортодоксию в историографии (как, впрочем, и в других гуманитарных науках) не было. Но были люди, которые допускали, что он появится, что власть рано или поздно востребует их. А потому следует создать ортодоксию впрок и оказаться первыми, когда позовут.

Первыми решили стать «демократы», бросившие вызов советской историографической ортодоксии еще в перестройку. Их имена были «притчей на устах у всех»: Ю.Н. Афанасьев, А.С. Ципко, Ю.Ф. Карякин, И.М. Клямкин, Г.Х. Попов, А.А. Нуйкин и другие. Они резко и уверенно судили советское прошлое со страниц «Огонька» и «Московских новостей», как будто их не смущала прежняя карьера главных редакторов обоих изданий. Они рубили сплеча, апеллируя к эмоциям и не особо утруждая себя историческими аргументами. За ними стояла мощная поддержка, в том числе государственная, позволившая в 1989–1990 гг. большими тиражами выпустить нашумевшие сборники «Иного не дано», «Суро-

вая драма народа», «Осмыслить культ Сталина», «Опыт словаря нового мышления», «Тоталитаризм как исторический феномен» и другие. На их стороне выступила даже часть партийного руководства, в целом стоявшего за НО-1.

Поначалу в этой среде почти не было профессиональных историков: тот же Ю.Н. Афанасьев воспринимался сообществом то как партийный чиновник от науки, то как идеолог-публицист. Замечая очевидные слабости «демократов», историки-профессионалы не считали нужным полемизировать с ними, а когда спохватились, было поздно. В предисловии к сборнику «История и сталинизм», посвященном полемике с «демократами», А.Н. Мерцалов писал: «Ю.Н. Афанасьев и его единомышленники не имеют положительной программы. Свою позицию они провозглашают в интервью, небольших статьях – без каких-либо доказательств (добавлю – в публичных выступлениях перед массовой неподготовленной аудиторией, а затем на митингах – *В.М.*)... Наши оппоненты не отличаются высокой профессиональной подготовкой. Большинство их, если судить по публикациям, историей как наукой не занимались... У них странное представление об исторических источниках. Они часто оперируют не фактами, а их отражением в художественных или публицистических произведениях... Многие из наших оппонентов весьма легко “перестроились”: раньше они пропагандировали официальную версию – сейчас ее громко осуждают... Разрушая своих вчерашних кумиров, как и все неопиты, они часто теряют чувство меры, представляют себя в 1965–1985 гг. в роли нонконформистов». Все это было верно по сути, но после краха СССР и НО-1 полностью потеряло актуальность. Правота в научном споре уже мало кого интересовала.

Укрепление политического режима, персонифицировавшегося в Б.Н. Ельцине, после августа 1991 г. и особенно после октября 1993 г. имело следствием укрепление в историографии позиций направления, которое персонифицировалось в Ю.Н. Афанасьеве. Отсутствие прямой государственной поддержки в его пользу компенсировалось сокращением численности и дезорганизацией исторического сообщества по принципу «то старших выключат иных, другие, смотришь, перебить», доминированием антисоветской риторики в государственной идеологии и СМИ, политической дискредитацией оппонентов, не спешивших отрясти со своих ног прах «советчины», финансовой и пиаровской подпиткой из-за рубежа. Замечу, что антисоветские и антикоммунистические, но национал-патриотические тенденции в историографии не только не получали никакой поддержки извне, но всячески преследовались или замалчивались.

К моменту краха СССР «демократы» от истории, в числе которых было немало известных людей, заняли видные позиции в умах общественности. Однако им недоставало профессиональных историков, чего не могли компенсировать ни дилетантские штудии беллетристов и публицистов, ни запоздалое «обращение» в эту веру А.Н. Яковлева и Д.А. Волкогонова, по «гамбургскому счету» не пользовавшихся уважением в историческом сообществе. Выручили молодые ученые, не успевшие сменить профессию или уехать за границу. Сформировавшиеся ду-

* Деятельность Ю.Н. Афанасьева заслуживает всестороннего объективного исследования, но в настоящее время это едва ли возможно по причинам как политического, так и личного характера.

ховно в условиях позднего, маразматического «застоя», а профессионально – в условиях перестройки, они увидели свой шанс в следовании наиболее перспективному, как тогда казалось, направлению. Не берусь утверждать, что они руководствовались исключительно стремлением улучшить свое материальное положение или просто выжить, не отказываясь от выбранной профессии, но открывавшиеся перед ними возможности публиковать не только статьи, но и книги, выступать на международных симпозиумах и в СМИ, ездить в заграничные командировки и получать гранты, конечно, сыграли свою роль. В остальной части сообщества такими «благами» в 1990-е годы пользовалось лишь небольшое количество высокопоставленных администраторов от науки, сохранивших свои посты с «застойных» или «перестроечных» времен.

Выдвижение молодого поколения историков-«демократов», в целом отличавшихся высоким профессионализмом, не несло бы с собой ничего дурного, если бы не их претензии на исключительность своей правоты. В середине 1990-х годов автору этих строк не раз доводилось слышать от коллег фразы вроде: «Настоящий историк должен быть демократом. Если не демократ – значит, не историк». Это говорили люди, сделавшие карьеру на отрицании советской ортодоксии, которая руководствовалась тем же самым принципом, только с заменой слова «демократ» на «коммунист» или «марксист». Такие люди представляли собой идеальный человеческий материал для формирования новой историографической ортодоксии, выполненной на хорошем профессиональном уровне под идеологическим руководством вождей «демократии».

То, что речь идет об ортодоксии, стало ясно не сразу или, по крайней мере, не всем. «Демократическая» новая ортодоксия (НО-2) формировалась без ярко выраженного заказа с чьей-либо стороны и без единого плана. В цельном, готовом к употреблению виде она впервые предстала читателю в серии сборников статей, выпущенных РГГУ в 1995–1996 гг. на грант Фонда Форда (аналогичную роль в описываемый период сыграли фонды Сороса, Карнеги, Макартуров и др.). Сборники включали статьи разных авторов по частным вопросам российской истории XX века, в основном уже опубликованные в академической периодике и вроде бы не являвшиеся частями целого, но одновременный выход книг, серийное оформление и краткие «установочные» предисловия (как правило, за подписью Ю.Н. Афанасьева) создавали впечатление, что на суд читателей выносятся именно готовая система. Среди ее авторов было немало историков, пользовавшихся уважением в сообществе, но не было явных противников «демократической» идеологии и ельцинского режима.

Серия, в которой заметное место заняли сборники «Советская историография» и «Другая война», была составлена с таким расчетом, чтобы дать ответ на любой важный вопрос отечественной истории XX века. Ответы давались в доктринальной, нередко догматической форме, что позволяет говорить о НО-2 как четко заявленной альтернативе доперестроечному советскому официозу и НО-1. В общих чертах, НО-2 полностью отрицала наличие позитива во всем советском периоде 1917–1991 гг., который – прямо или косвенно – сравнивался с пребыванием национал-социалистов у власти в Германии (на рубеже 1980–1990-х годов такие сравнения допускались только применительно к периоду «сталинщины»).

Отсюда популярные в «демократической» среде призывы к «суду над КПСС» и «второму Нюрнбергу», хотя среди носителей этих лозунгов преобладали бывшие члены КПСС и даже партийные функционеры. При этом НО-2 не противопоставляла советский период дореволюционному и не допускала идеализации последнего, как это делали представители нарождавшегося «державно-националистического» направления историографии (А.Н. Боханов, С.В. Волков). По сути, вся история России объявлялась неудачной, полной ошибок, просчетов и поражений, а то и откровенно преступной. Ей противопоставлялась – опять-таки когда прямо, когда косвенно – «успешная» история США и стран Западной Европы, у которых России предлагалось учиться «демократии», объявленной единственно верным путем к счастью и процветанию. Позитивным опытом была также объявлена послевоенная оккупация Западной Германии и Японии, которым, по выражению некоторых представителей данного направления, «повезло с оккупантами». На страницах печати (правда, не научной) замелькали ссылки на давние высказывания А.Д. Сахарова и его единомышленников о пользе западной, «либеральной» оккупации для СССР, без которой, как считалось, не разрушить советскую систему. На реальный опыт нацистской оккупации это, по понятным причинам, не распространялось⁵.

Одним из первых формирующуюся НО-2 описал С.В. Константинов, когда она в основном бытовала среди публицистов и писателей, а не историков-профессионалов. «Поменялись оценки пакта Молотова–Риббентропа (зловещий заговор Сталина и Гитлера с целью разжигания Второй мировой войны); советско-финской войны (беспринципная агрессия); подвергается пересмотру история Великой Отечественной войны (все ошибки и поражения из-за Сталина, штрафбаты – главная ударная сила Красной Армии, генерал Власов – не предатель, а борец с тоталитарным режимом и т. д.)»⁶. Этот перечень, относящийся к 1996 г., не претендует на полноту, но верно схватывает суть проблемы.

К излюбленным темам НО-2 относятся также подготовка Сталиным превентивного удара по Германии, занижение официальных данных о числе репрессированных и о потерях СССР в годы Второй мировой войны, «Катынское дело», разгром генетики, государственный антисемитизм. Разумеется, сказанное не означает, что эти проблемы не нуждаются в изучении и что по ним не существует ценных работ, в том числе принадлежащих перу тех авторов, которые вольно или невольно оказались в числе творцов НО-2 (позволю себе обойтись без фамилий). Несомненно отрицательным моментом было то, что НО-2 – как любая ортодоксия – допускала только одну трактовку, объявляя остальные «недемократическими», а следовательно ненаучными и недопустимыми «для интеллигентов» (еще одно клише, характерное для описываемой части сообщества).

Носители других взглядов подлежали маргинализации. НО-2 стремилась подчинить себе как можно большую часть отечественной историографии, усиленно привлекая колеблющихся (думаю, не все авторы статей, включенных в сборники указанной серии, при их написании думали, что участвуют в формировании ортодоксии). НО-2 завершила поляризацию исторического сообщества по признаку личных политических воззрений. Дилемма «свой-чужой», «наш – не наш» стала оформляться еще в перестройку, вокруг споров о Сталине и его

времени. «Демократы» выступали носителями наиболее радикальных, непримиримых взглядов, хотя на словах громче всех требовали свободы слова, собраний и дискуссий. В гораздо меньшей степени раскол затронул сообщество специалистов по всемирной истории, особенно востоковедов, «древников» и медиэвистов, хотя, как показывает опыт сталинского времени, и эта среда могла быть политизирована до предела. Размежевание по политическому принципу закрывало «чужим» путь в научные журналы и сборники, на симпозиумы и в командировки, в издательства и в фонды, что вносило крайне нездоровую обстановку в сообщество и сказалось на личных отношениях его членов между собой. «Мы с вами придерживаемся совершенно разных политических взглядов, но, надо же, прекрасно можем общаться», – с искренним удивлением говорил в 1997 г. автору этих строк В.И. Старцев.

Идеологи и организаторы НО-2, группировавшиеся в основном вокруг РГГУ, были беспощадны к врагам, которых видели повсеместно. К таковым относились не только немногочисленные апологеты советского строя, но носители НО-1, оправившиеся после шока 1991 г., и представители различных групп националистической, антидемократической ориентации: монархисты и евразийцы, сторонники Белого дела и национал-большевизма (в терминологии описываемого периода). НО-2 давала достаточно оснований считать ее не только антисоветской, но и антирусской, что для многих антисоветски и антикоммунистически настроенных авторов было неприемлемо. В борьбе с советским прошлым, за «изживание Сталина» (выражение Ю.Н. Буртина) «демократической» ортодоксии подходили не любые союзники, а только те, кто принимал ее платформу целиком и полностью. Вероятно, и по этой причине в России не сложилась полноценная ревизионистская историография, хотя предпосылки к этому возникли именно в условиях практически бесконтрольной свободы слова середины 1990-х годов.

Перечисленные признаки позволяют говорить о НО-2 как об ортодоксии, хотя она таковой и не стала. Почему? Прежде всего потому, что режиму Ельцина было не до истории и историографии* – ни в первый президентский срок, когда надо было любой ценой закрепить свою власть и предотвратить «коммунистический реванш», ни во второй, когда он был занят решением вопросов экономического характера. Наука в целом оставалась Золушкой государства; ученые, социальный престиж которых упал до предела, были озабочены собственным выживанием. Используя полученные после краха СССР «мощности» и экономическую подпитку из-за рубежа, школа Ю.Н. Афанасьева к 1996 г. – году президентских выборов, сопровождавшихся антисоветской и антикоммунистической истерией, – сформировала готовую к употреблению идеологизированную историографическую ортодоксию в надежде на то, что она будет востребована. Но этого не произошло. Подобно своей предшественнице, хотя и по другим причинам, НО-2 так и осталась «кануном».

* Я сознательно оставляю в стороне вопрос о «национальных историях», бум которых пришелся на годы президентства Ельцина и стал одним из главных результатов «парада суверенитетов». Это совершенно обособленная проблема.

Новая ортодоксия – 3: «путинисты» против «придурков» и «либералов»

В отличие от своего предшественника, В.В. Путин уже на протяжении первого срока пребывания в должности президента проявлял интерес и внимание к состоянию отечественной историографии, особенно к преподаванию истории России в школе. Он не раз с неодобрением отзывался об учебниках, «написанных на иностранные деньги», что метило в идеологов и пропагандистов НО-2, которых поддерживали заграничные фонды. Сообщество по-разному восприняло этот интерес. Одни с одобрением – в надежде на улучшение общего положения науки. Другие с тревогой – опасаясь, что власть снова начнет диктовать историкам догмы и правила игры. Особое беспокойство проявляли носители НО-2, привыкшие считать себя лидерами отечественной историографии, если не вообще единственными ее «настоящими» представителями как внутри страны, так и за ее пределами.

Контуры «путинской» историографии обозначились не сразу и не на всех направлениях. Сначала историкам давали понять, что власть не приветствует никакие крайности: ни националистические, ни русофобские, ни либеральные, ни коммунистические. Обозначилась тенденция к позитивной трактовке дореволюционного прошлого: достижения этого периода стали объясняться «благодаря», а не «вопреки». Постепенно формировалась концепция единства российской истории, с переворотами и катаклизмами, но без «черных дыр». Это знаменовало разрыв с советской ортодоксией, отрицавшей весь дореволюционный период, с НО-1, отрицавшей сталинизм, и с НО-2, отрицавшей советский период и скептически оценивавшей дореволюционный. Весьма символичными автору настоящей работы представляются неоднократные позитивные – я бы даже сказал, демонстративно позитивные – оценки Путиным советско-германского договора о ненападении 1939 г., поскольку «пакт Молотова–Риббентропа» был неотъемлемой негативной частью как НО-1 («отход от ленинских норм дипломатии») так и НО-2 («преступный стговор диктаторов»).

Значительная часть профессионального сообщества, уставшего от междоусобных войн и агрессивного навязывания очередного «единственно верного учения», с одобрением отнеслась к новым веяниям. Историки увидели в них шанс всеобщего примирения и начала диалога, нормальных дискуссий, без которых невозможна научная жизнь, поскольку споры 1990-х годов походили на «проработки» сталинского времени с политическими обвинениями вместо аргументов. Одним из первых ответов сообщества можно назвать сборник «Россия: удачи минувшего века» (2003) и многие публикации журнала «Родина». За короткий срок историческая тематика оказалась востребованной не только начальством, но СМИ, издателями и читателями. Ученые-историки переставали осознавать себя изгоями общества, хотя до властителей дум эпохи перестройки им было еще далеко.

Усиление государственного контроля над СМИ, как ни странно, привело к большему плюрализму мнений в дискуссиях на исторические темы, особенно

на телевидении, где при Ельцине безраздельно господствовали «демократы» и носители НО-2. Фильмов и программ на исторические темы стало значительно больше, их содержание – разнообразнее и интереснее, направленность – более популярной и даже развлекательной, а не односторонне пропагандистской. Побочным, хотя и закономерным следствием стал низкий профессиональный уровень многих фильмов и передач, в которых в качестве «историков» выступают журналисты, писатели, политики и даже актеры. Удивляться этому не следует – такую картину мы уже видели в годы перестройки. Но и специалистам доступ на телеэкран не закрыт – если они не выступают с открытой критикой нынешнего режима.

Существует ли в современной отечественной историографии истории России новая, «путинская» или «путинско-медведевская» ортодоксия (НО-3)? Полагаю, что мы снова переживаем ее канун. Государство стало поддерживать науку, в том числе гуманитарную. Историография как таковая востребована властью. Власть дала заказ на создание новой версии российской истории в рамках формирования национальной идеи и национального сознания, признавая, что сейчас таковые в России отсутствуют. Власть напрямую связала историографию с преподаванием отечественной истории, прежде всего в средней школе. Власть пока ничего не навязывает профессиональному сообществу историков, но открыто доводит до него свои пожелания и воззрения – устами как самих лидеров, так и их окружения.

Путин не раз отрицательно высказывался о деятельности в России иностранных организаций и фондов (включая те, которые финансируют исторические исследования), считая их проводниками антирусской политики, и о тех, кто эту помощь принимает. Насколько это верно? В одних случаях так и есть, в других – нет, но обойдусь без конкретных примеров. Деятельность некоторых иностранных фондов помогла выжить целым направлениям отечественной исторической науки, о которых государство просто забыло по причине их малой политизированности и, следовательно, невостребованности в политических играх. Если государство захочет и сможет финансировать научные исследования хотя бы в таком объеме, в каком это делается сейчас по совокупности государственного и частного финансирования, от иностранной помощи можно отказаться. Если же нет, что вероятнее, целый ряд направлений и специальностей обречен на вымирание.

Большой резонанс в обществе получили слова Путина о сторонниках идеологии «Россия для русских» как о «придурках». Согласованные действия властей в центре и на местах не оставляют сомнений в том, что у сколько-нибудь радикального, а не этнографически-«оперного» русского национализма, трактуемого сверху как «русский фашизм», нет ни малейших шансов не только на легальную общественно-политическую деятельность, но и на место в допустимом интеллектуально-политическом спектре, пусть даже маргинальное. Подобная позиция, регулярно озвучиваемая идеологами режима и принятая к исполнению чиновниками разных уровней, позволяет оппонентам говорить о его русофобской ориентации и о возврате к концепции «советского народа».

Однако это сложно совместить с выработкой национальной идеи, необходимость которой признана властью, – создание НО-3 является одним из шагов на этом пути. Обратим внимание на примечательное заявление одного из ведущих идеологов НО-3 П.В. Данилина (жж-юзер «leteha») из Фонда эффективной политики (ФЭП): «Позволить, чтобы историю России преподавал русофоб, говнюк или попросту аморальный тип – нельзя. Так что от скверны надо очищаться. А если не получается, то очищать насильно». Конечно, помещение этих слов в личный интернет-дневник автора (25 июня 2007 г.) придает им вид сугубо частного мнения, но с учетом технических возможностей интернета и его популярности среди «активной фракции общества» заявление Данилина доступно не менее, если не более широкому кругу читателей, как если бы оно было сделано в обычных СМИ. В эти СМИ, причем не только российские, но и зарубежные, оно оперативно попало как раз из Интернета.

Здесь мы подходим к творцам НО-3 и их детищам. Кто эти люди?

В отличие от НО-1 и НО-2 за создание НО-3 взялись не профессиональные историки, а идеологи и пропагандисты, связанные с ФЭП, Национальной лабораторией внешней политики и с другими структурами, не имеющими прямого отношения ни к историческим исследованиям, ни к преподаванию истории, хотя именно последнее направление они избрали в качестве приоритетного. Главный идеолог ФЭП Г.О. Павловский на публике не раз отрицательно отзывался о современном сообществе профессиональных историков России, заявляя, что оно не имеет никакого отношения к науке. Данилин пишет в своем блоге, что «до дрызг в профессиональном сообществе мне нет дела», поясняя: «Вы сколько угодно можете поливать меня грязью, а также исходить желчью, но учить детей вы будете по тем книгам, которые вам дадут, и так, как нужно России (очевидно, в полной уверенности, что он обладает этим знанием – *В.М.*). Те же благоглупости, которые есть в ваших куцых головешках с козлиными бороденками, из вас либо выветрятся, либо вы сами выветритесь из преподавания». Даже делая скидку на неформальный тон блога и экспрессивность выражений (вероятно, вызванную молодым задором автора), нельзя не видеть, что речь идет именно об ортодоксии, новом «единственно верном учении». Так откровенно адепты НО-2 выражались на моей памяти только в частных беседах, а от сторонников НО-1 автор этих строк и вовсе не слышал ничего подобного.

Первой формулировкой НО-3 стала «книга для учителя» «Новейшая история России. 1947–2006», выпущенная летом 2007 г. издательством «Просвещение». Обсуждать, кто кому «заказал» это издание, не буду за отсутствием достоверной информации, но причастность к нему Администрации президента РФ и ФЭП ни у кого сомнений не вызывает. Единственным автором назван заместитель начальника Национальной лаборатории внешней политики А.В. Филиппов (жж-юзер «semen-serpent») – лицо ранее не известное в профессиональном сообществе. На обороте титульного листа книги перечислены фамилии тех, кому автор «приносит благодарность». Следует признать, что пользующихся действительным, а не «виртуальным» авторитетом специалистов по истории России (!) среди них нет. Судя по неофициальной информации в интернете, эти люди являются соавторами Филиппова: например, Данилин, сам себя именующий «спецпропагандоном», не скрывает, что он написал главу о «последнем семилетии».

Презентация «книги для учителя» состоялась в ходе Всероссийской конференции «Актуальные вопросы преподавания новейшей истории и обществознания»^{*} в общеобразовательных учреждениях и разработки государственного стандарта общего образования второго поколения» (18–22 июня 2007 г.), которая открыла цикл аналогичных мероприятий в регионах. Участники конференции, в работе которой приняли участие «главный идеолог режима» В.Ю. Сурков и министр образования и науки А.А. Фурсенко, встретились с президентом, что однозначно говорит о статусе мероприятия и, соответственно, всего того, что на нем представлено. Критика в адрес «книги для учителя» и ее авторов, исходящая от профессиональных, но также не слишком известных историков, появилась в интернете еще до завершения работы конференции, на что оперативно отреагировали Филиппов и Данилин. Полемика быстро перекинулась в электронные и бумажные СМИ. С обеих сторон она велась резко и зачастую некорректно, переходя от политических обвинений к личным оскорблениям. Позицию авторов книги, экспрессивно сформулированную Данилиным, мы уже знаем. Позицию «активной фракции» «демократов» столь же публицистично выразила литературовед М.О. Чудакова, сторонник и пропагандист НО-2: «Главное впечатление от чтения: советский тоталитаризм для Филиппова – теплая ванна. Он в ней полочется и получает удовольствие. Книга призвана внушить, что иного быть не могло, а главное – и не надо»⁷.

Содержательная сторона полемики определилась быстро, но едва не потерялась за сведением счетов. «Героями» НО-3 выступают Сталин и Путин, «злодеями», хотя и с оговорками – Хрущев, Горбачев и Ельцин (в своем блоге Филиппов не скрывает личной неприязни к последнему); Брежнев трактуется, скорее, положительно. Наибольшие споры, как и следовало ожидать, разгорелись вокруг оценки личности и действий Сталина, к которым в равной степени отрицательно, но по разным причинам относились НО-1 и НО-2. «Проблема Сталина» более 20 лет остается лакмусовой бумажкой для сообщества российских историков, а также для всех, кто причастен к транслированию исторического знания в массы, – издателей, журналистов, обозревателей и телеведущих. Если в 1990-е годы ни одно «приличное» коммерческое издательство не выпустило бы апологетическую или даже «нейтралистскую» книгу о Сталине, то теперь только политически ангажированные и, как правило, не преследующие коммерческих целей издательства рискуют издавать открыто антисталинскую литературу. Сталин, книга о котором вышла в серии «Жизнь замечательных людей», стал «брендом», он «продается», количество книг и фильмов о нем растет, но качество падает, поскольку среди авторов профессиональные историки – в явном меньшинстве.

Не приходится более говорить и о «спорах» вокруг Сталина, поскольку говорящие не слышат друг друга, а лишь выкрикивают свои лозунги. Это заметно в обществе и в информационном пространстве, но профессиональное сообщество не может жить изолированно ни от одного, ни от другого. Разделение на «либе-

^{*} Формирование новой ортодоксии в области обществознания идет параллельным курсом, но эту проблему мы не рассматриваем.

ралов» и «патриотов» здесь не работает, поскольку картина намного сложнее – и в обществе, и в сообществе. Сталин всегда был богом национал-коммунистов, но теперь ему можно открыто поклоняться, не боясь негативной реакции власти, если не делать назойливый акцент на коммунистической идеологии. Положительно стала относиться к Сталину часть национал-пассеистов, выделяющая «имперские» и «царские» компоненты его личности и деятельности. Наследники НО-1 (их можно назвать социал-демократами), которые выступали против Сталина как «извратителя великих идеалов», практически сошли со сцены – и с научной, и с политической. Наибольшую медийную активность против ресталинизации проявляют либералы, носители НО-2, которые не могут простить ему Большой террор, пакт с Гитлером, Катынь, антисемитизм и «железный занавес». Их единственным союзником могут быть национал-модернисты, не применяющие к Сталину категорий морали, но считающие его русофобом и преступно неэффективным менеджером. Однако люди, сделавшие политический капитал на идеологизированном осуждении «сговора диктаторов», едва ли могут оперировать геополитическими категориями и признать, что союз Москвы и Берлина отвечал интересам обоих государств. НО-3 пытается примирить три первых точки зрения, отвергая две последние, особенно в отношении событий первой половины XX века.

Наиболее полно сотни откликов на первую «книгу для учителя» собраны в интернет-дневнике титульного автора. Сам Филиппов назвал происходящее «склокой историков». С первым словом в этом определении можно согласиться, со вторым – нет. Во-первых, университетского исторического образования и опыта работы учителем в школе, чем козыряют многие участники полемики, недостаточно, чтобы именоваться «историком». Во-вторых, среди участников полемики мы видим кого угодно, но только не действующих историков-исследователей, ибо к таковым по справедливости нельзя отнести ни А.О. Чубарьяна и А.Н. Сахарова, сдержанно похваливших учебник в разговорах с журналистами, ни Ю.Н. Афанасьева, гневно обрушившегося на него со страниц «Новой газеты». Вот как главный идеолог НО-2 оценивает НО-3: «Современная власть приступила к выработке всеобъемной идеологии... Усилиями администрации президента строится своего рода матрица, системный продукт для предъявления массовому потребителю... Власть решила не только показать грандиозность свершений этих двух президентских сроков, но еще и вписать себя в традицию... Дважды ложь: и по поводу итогов, и по поводу традиции»⁸.

22 октября 2007 г. «Новая газета» начала публиковать обширную публицистическую работу Афанасьева «Трагедия победившего большинства. Размышления об отечественной истории и ее интерпретациях», задуманную как развернутый ответ на НО-3⁹. Однако это не более чем подновленная версия НО-2, слегка смягченная в оценках: «само по себе наше прошлое не есть основание для гордости, но и не повод для стыда», – но по-прежнему жестко идеологизированная. Ничего нового в ней нет – та же непримиримая критика «сталинизма» и «русского национализма». Этот текст – многословный, риторичный и небогатый аргументами – мог убедить только убежденных, поэтому неудивительно, что он сразу подвергся резкой критике. Правда, не со стороны профессиональных ис-

ториков, очевидно, не увидевших в нем серьезного повода для полемики, а со стороны идеологов и пропагандистов, озабоченных текущей политической борьбой¹⁰. Хотя, конечно, трудно не согласиться с такими глубокомысленными суждениями автора, как «плохо понятая история – вещь весьма болезненная и даже крайне опасная».

Обсуждение «книги для учителя» на конференциях учителей и методистов в федеральных округах завершилось к концу октября 2007 г. Его итоги четко сформулировали авторы нового учебника отечественной истории 1946–2006 гг., проект которого обсуждался вместе с «книгой для учителя»: «Учительское сообщество нас поддержало» (А.А. Данилов); «квалифицированное большинство разделяет нашу концепцию» (А.В. Филиппов)¹¹. Замечания, высказанные в ходе обсуждения, будут, по словам авторов, учтены при подготовке учебника к печати.

Профессиональное сообщество промолчало, за исключением разве что телепарламентного отклика Б.В. Соколова на сайте «Грани.Ру» 29 июня 2007 г. Авторы НО-3 мнение специалистов, если это не академики и не директора институтов (т. е. номенклатура, которую никто не отменял), не заботит – видимо, им достаточно уверенности в собственной правоте и административной поддержке сверху. Учителя заняты более насущными проблемами, чем поиск исторической истины и донесение ее до своих питомцев, а потому готовы приветствовать любой «единый учебник», если не по форме, то по сути. Журналистов интересуют политические моменты, поэтому накал страстей вокруг данного сюжета в России спадает, а за границей – растет. Историки продолжают публично молчать, как будто ничего не происходит, хотя уже начали появляться серьезные разборы «книги для учителя» с указанием на фактические ошибки и сомнительные – с исторической, а не с политической или моральной точки зрения – утверждения (М. Борисов в «Отечественных записках», Ю. Нерсесов в «Спецназе России»¹²). Дело ограничивается разговорами в кулуарах, где «книгу для учителя» чаще всего именуют попросту «халтурой». Но все равно молчат, как долго молчали в ответ на «теории» В. Суворова (В.Б. Резуна) и А.Т. Фоменко, пока те не овладели вниманием широких читательских кругов.

Рецензия Ю. Нерсесова в «Спецназе России» важна еще и потому, что выводит обсуждение «книги для учителя» за рамки полемики «либералов/демократов» с «путинистами» и рискует говорить от имени «придурков»: труд Филиппова со товарищи, помимо фактических ошибок и нестыковок отдельных глав, осуждается за пережитки НО-2, в частности при освещении репрессий. Таким образом, в полемику включается неоднородная сама по себе националистическая историография, существование которой упорно не замечают и «путинисты», и «демократы». Достоин упоминания тот факт, что Данилин в своем блоге 17 ноября 2007 г. охарактеризовал оппонента-националиста словами «редкостный кретин и чмо», «лузер и лох», не утрудив себя аргументами по существу спора. Впрочем, это уже относится к нравам исторического сообщества.

Заказанная властью новая ортодоксия оказалась весьма некачественной, и для ее приведения в «товарный вид» потребовались профессиональные историки. Результатом их работы стала «книга для учителя» «История России, 1900–1945 гг.» под редакцией А.А. Данилова и А.В. Филиппова, увидевшая свет в 2009 году¹³.

Здесь НО-3 получила наиболее полное выражение в установочном предисловии первого из редакторов, озаглавленном «О концептуальных основах изучения истории России 1900–1945 гг.». В свете нашей темы оно требует подробного анализа.

Новая «книга для учителя» – посвященная самым «трудным вопросам» российского прошлого, которое, по выражению Э. Нольте, «так и не прошло» – показывает, что творцы НО-3 сделали некоторые выводы из своего предыдущего опыта и реакции на него. К созданию книги и появившегося одновременно с ней учебника были привлечены специалисты-историки, пользующиеся определенным авторитетом в сообществе. Среди них нет номенклатурных академиков, одиозных публицистов и «спецпропагандонов». Книга и учебник построены подчеркнуто объективистски, безоценочно, с приведением разных точек зрения и предложениями к ученикам «подумать самим». Но над всем этим царит предисловие редактора – историка и методиста, доктора наук, профессора, члена ряда общественных академий и Академии наук Чеченской республики. Оно четко указывает учителям, что можно и нужно, а что нельзя.

Однозначно оценить этот идеологический документ невозможно – разве что признать его именно идеологическим документом, равнозначным передовой статье «Правды» или «Коммуниста», если не постановлению ЦК КПСС в прежние годы. Трудно не согласиться, что одна из главных целей преподавания отечественной истории в школе – «научить любить Родину, понимать ее прошлое и думать о будущем России» (С. 26), «с точки зрения задач защиты и укрепления государственного суверенитета, воспитания гражданина – патриота России» (С. 5). Однако это не более чем общие фразы, которые надлежит наполнить конкретным содержанием. Вот здесь и формулируется НО-3.

Ее главными чертами можно назвать эклектичность и половинчатость: ни за «красных», ни за «белых», хотя до формулы А.А. Проханова «*Душа – христианка, народ – сталинист!*» дело пока не дошло. Без излишних объяснений вводится термин «*Великая российская революция*» (С. 12) по аналогии с французской (будем ждать своего Франсуа Фюре?). «*Главной причиной развертывания широкомасштабной фронтовой Гражданской войны в России можно признать политику захвативших власть большевиков, а главной причиной их действий – особенности их идеологической и политической доктрины*» (С. 13). Звучит вполне в духе НО-2, но с этим высказыванием могут согласиться носители националистических, как национал-пассеистских, так и национал-модернистских воззрений. Однако сразу за этим следует директивный пассаж: «*В то же время нельзя допустить популярной ныне апологетики Белого движения, которое в ряде случаев выступало альтернативой профашистского толка, из которого вполне могла реализоваться националистическая модель развития, как это случилось позже в фашистской Италии и нацистской Германии*» (С. 13).

Эта фраза, относящаяся к важнейшей проблеме нашего «непрошедшего» прошлого, показывает профессиональный уровень НО-3 (напомню, речь идет о важнейшей, установочной главе!). Во-первых, непонятно, как Белое движение, пусть даже «в ряде случаев» (каких именно?), могло быть «альтернативой профашистского толка», если фашистское движение зародилось в Италии только в 1919 г. (может быть, автор хотел сказать «протофашистского?»), а среди «бе-

лых» лидеров – как военных, так и гражданских – преобладали либералы, от кадетов до эсеров. «Страшилки» о превращении диктатуры Корнилова в «русский фашизм» встречаются в опусах жанра альтернативной истории, но в серьезной научной литературе никогда не фигурировали. Во-вторых, «националистическая модель развития» в Италии и в Германии реализовалась без гражданской войны в этих странах и вне прямой связи с событиями в России: если в Италии фашизм стал ответом на коммунистическое движение, вдохновлявшееся свежим примером русских товарищей, то в Германии нацисты пришли к власти через 12 с лишним лет после окончания гражданской войны в Европейской России. Гораздо ближе и по времени, и по сути «националистическая модель развития» реализовалась в Турции при Кемаль-паше, фактическом союзнике советской власти, но о нем здесь ни слова.

В этой путанице (кстати, по всему тексту «книги для учителя» режим Гитлера именуется то «нацистским», то «фашистским», что ни в Европе, ни в США недопустимо для школьного учебника) важно только одно: никакой апологетики «белых»! «Следует также решительно пресечь попытки героизации изменников Родины (А.А. Власова и др.)» (С. 25) – четкая и недвусмысленная реакция на дискуссии вокруг «Локотьской республики», интерес к которой оказался неожиданно велик. А как быть с Красновым и Шкуро, юридической реабилитации которых требовала «Единая Россия»? А с Семеновым и Родзаевским?

Не буду детально разбирать все положения НО-3. Отмечу лишь главные – те, которые прямо связаны с социальным заказом на нее и косвенно (пока косвенно) адресованы историческому сообществу в качестве руководства к действию. Поэтому что в отличие от двух прежних НО-3 не подкреплена академическими или хотя бы претендующими на академизм серьезными историческими исследованиями.

«Авторы отказываются от концепции тоталитаризма как объясняющей события в СССР 1930-х и последующих годов» (С. 5). Означает ли это отказ от попыток всё объяснять через тоталитаризм, как это делала НО-2, или отрицание самого существования тоталитаризма в СССР? Непонятно. Более определенной является следующая фраза: «Вместо этого основное внимание учащихся предполагается сконцентрировать на объяснении мотивов и логики действий власти» (С. 5). Иными словами, история России XX века – как показывает предыдущая «книга для учителя», именно *всего* XX века – должна трактоваться как «история царей».

«Самой острой во всем пособии» названа «тема Большого террора» (С. 17) – не революции и гражданской войны, не модернизации и платы за нее, не причин и происхождения Второй мировой войны (главы о внешней политике – самая слабая часть «книги для учителя», с некритическим повторением советских штампов вроде «Мюнхенского сговора»). При этом применительно к гражданской войне «красный террор» и «белый террор» в установочной статье объединяются, а о репрессиях 1920-х годов против «бывших», интеллигенции (прежде всего научно-технической) и крестьянства невнятно говорится: «значительная масса населения, пострадавшего от режима» (С. 18). Апологетики Большого террора, которая в последнее время открыто звучит во многих публицистиче-

ских сочинениях на исторические темы, в НО-3 нет. Более того, прямо говорится, что «с позиций общечеловеческой морали гибель и сломанные жизни людей не могут быть оправданы» (С. 19) (влияние позиции президента Д.А. Медведева?).

Однако рядом же подробно рассматриваются мотивы действий Сталина. «В итоге под влиянием нараставших оппозиционных настроений в обществе она (ВКП(б) – *В.М.*) становилась питательной средой для формирования различных идейных и политических групп и течений, утрачивала свою монолитность (в середине 1930-х! – *В.М.*). Это не только грозило Сталину утратой позиций в руководстве и даже физическим устранением, но и создавало угрозу общей политической дестабилизации (в середине 1930-х! – *В.М.*). Активность эмигрантских группировок усиливала эти опасения (в середине 1930-х! – *В.М.*). Опыт использования внешними силами “пятой колонны” в других странах (Испания – самый яркий пример) внимательно изучался руководством СССР... Популярными в среде партийной бюрократии были идеи “правых” (Н.И. Бухарин и др.) (в середине 1930-х! – *В.М.*), с которыми нужно было вести не только идейную, но и политическую борьбу. Сталин не знал, от кого именно можно ожидать удара, поэтому с его стороны последовал удар по всем известным оппозиционным группам и течениям, а также по тем, кто не был его безусловным единомышленником и союзником» (С. 18–19). Если это не оправдание террора, то что?! При чем оправдание, основанное исключительно на сталинских аргументах, которым не дается оценка не только с точки зрения морали, но и элементарной фактической обоснованности.

Коротко суть НО-3 можно сформулировать так: твердая власть всегда права, поскольку по определению действует на благо государства (Столыпин–Сталин–Путин). В принципе власть права всегда – потому что она власть. Неправа она только в случае «гнилого либерализма» (Хрущев–Горбачев–Ельцин). А это уже послание, адресованное не столько профессиональному сообществу, сколько подданным. В узко идеологическом плане НО-3 можно определить как «сталинизм минус коммунистическая идеология», поскольку последняя остается атрибутом политических сил, позиционирующих себя как оппозицию нынешней власти.

С развернутой критикой нового варианта НО-3 как «лукавого оправдания сталинщины» выступили либеральные историки В. Лавров и И. Курляндский¹⁴, которые аналогичным образом высказались и по поводу предыдущей «книги для учителя». В соответствии с традициями НО-2, они заострили внимание на оценке внутренней политики Сталина (по привычной схеме «голодомор – репрессии»), но не коснулись ни причин русской революции и двух мировых войн (что имеет непосредственное отношение к российской истории), ни характера советского режима, ни его антирусской политики. Признавая частичную справедливость критики Лаврова и Курляндского в адрес НО-3, надо отметить, что она тоже является идеологически мотивированной и представляет воззрения – больше политические, чем профессиональные – лишь части исторического сообщества. Реакция большинства историков-специалистов оказалась отрицательной, но еще более вялой, чем на предыдущую «книгу для учителя». «Лучше, чем мы боялись», – остроумно заметили некоторые.

Однако желаемый властью успех НО-3, даже если будет создан ее более качественный вариант, достижим, по верному замечанию Б.В. Соколова, «только при одном непременном условии: должна быть введена строгая цензура на всю литературную продукцию, как в СМИ, так и в издательствах, как относительно научно-популярной, так и художественной литературы. Иначе единственно верный учебник никто читать не будет: ни школьники, ни педагоги». После двадцатилетнего отсутствия цензуры в нашей стране – а именно в таких условиях появились все три рассмотренные выше новые ортодоксии – это представляется трудноосуществимым, хотя в «демократической» Европе аналогичные попытки увенчались успехом (их пылко одобряет такой «борец за свободу и демократию», как Чудакова). Но в Европе не было «семидесяти лет коммунистической тирании», на которую в нашем «политкорректном» мире всегда может сослаться и историк, и простой гражданин, говоря о недопустимости цензуры. Так что, может, и на этот раз пронесет – канун так и останется кануном.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ховин В. На одну тему. – Пб., 1921. С. 65, 80.

² Мерцалов А.Н. Сталинизм и освещение прошлого // История и сталинизм. Сост. А.Н. Мерцалов. – М., 1991. С. 447.

³ Аргументированная критика работ Волкогонова: Дедков Н.И. «Как я документально установил» или «Смею утверждать». О книге Д.А. Волкогонова «Ленин» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 1995.

⁴ Мерцалов А.Н. Цит. соч. С. 447.

⁵ Едва ли не единственным исключением является книга, не привлекавшая внимания исторического сообщества: Бочкарёв А.А. Критика чистого чувства. Национал-социалистическая перестройка большевистской России периода германской военной оккупации (1941–1944 гг.). Метафизические этюды. – Ставрополь, 1996.

⁶ Константинов С.В. Замолчанный Сталин // Русский геополитический сборник. № 2. 1996. С. 67.

⁷ Новое время. 2007. № 29.

⁸ Новая газета. 2007. 24.09. Более академическая критика «книги для учителя» с либеральных позиций дана в статье В. Лаврова и И. Курляндского: Новая газета. 2008. 17.03.

⁹ Полный текст также на сайте www.yuri-afanasiev.ru.

¹⁰ Характерный пример: Холмогоров Е. Право на Победу // Русский проект. 26.10.2007.

¹¹ Независимая газета. 2007. 26.10.

¹² Отечественные записки. 2007. № 4; Спецназ России. 2007. № 11.

¹³ История России, 1900–1945 гг. Книга для учителя. Под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. – М., 2009. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы.

¹⁴ Новая газета. 2009. 23.10.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И ТВОРЦЫ СЕНСАЦИЙ

Никита ДЕДКОВ

В свое время об идеологическом контроле со стороны КПСС и советского государства, десятилетиями определявшем развитие исторической науки в Советском Союзе, сказано и написано было предостаточно. Те беды науки, которым он явился причиной, очевидны, хорошо известны и в комментариях не нуждаются. Однако, как и у любого исторического явления, была у такого контроля и другая сторона, о которой до поры до времени задумывались немногие.

Действительно, власть строго контролировала работу историков, навязывала им идеологию, направления и методы исследований, следила за тематикой, ограничивала доступ к источникам и т. д., но она же и опекала их, создавая, в некоторых отношениях, тепличные условия. Осознать этот факт российские, бывшие советские историки смогли только тогда, когда оказались «во власти рынка». И дело тут не только в денежных проблемах, которые превратили жизнь в выживание, заставили тратить драгоценное время на вечный поиск грантов и издавать книги за свой счет. Рынок поставил историческую науку России перед необходимостью отвечать на гораздо более серьезный вызов: он выбросил на прилавки книжных магазинов тонны псевдоисторической литературы, которая ранее беспощадно и бесцеремонно отсеивалась советской властью. Даже у цензуры были свои плюсы.

Вероятно, самым заметным и массовым образцом псевдонаучной исторической литературы стали многочисленные произведения А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, ниспровергающие общепринятую хронологию мировой истории и предлагающие новое ее прочтение. Как написал по этому поводу В.В. Дегоев, «явлено нечто дерзновенное, величественное, даже гениальное. Голова идет кругом от этого захватывающего дух разоблачения отечественной и мировой истории. Упразднены цивилизации, формации, культуры, эпохальные события, герои. Упразднена сама субстанция времени. Обнаружен исторический антимир, состоящий совсем не из того, о чем мы думали, и не из тех, кого мы считали реальными людьми. Своим интеллектуальным уровнем и мировоззренческими последствиями подобное открытие могло бы соперничать с теорией относительности. Но лишь при одном условии – если безоговорочно принимать его на веру»¹.

К величайшему сожалению, работы, о которых идет речь, а имя им – легион, как раз и были приняты «на веру» по меньшей мере тысячами людей. А способствовал этому целый ряд обстоятельств объективного свойства.

На обломках империи

Российский читатель за 70 лет советской власти был приучен доверять книге. «Самая читающая страна в мире» видела в книге главный источник знаний; рядовому читателю, не имеющему отношения к издательскому делу, и в голову не приходила чудовищная мысль, что в виде книги, претендующей на научность, может быть выпущена работа, мягко говоря, недостоверная. Сам факт выхода в свет воспринимался неискушенным в законах рынка читателем как некая санкция, как свидетельство качества и достоверности написанного. К отсутствию цензуры, которая необходимым условием принятия научной книги к печати считала наличие отзывов солидных ученых или научных институтов, тоже надо было привыкнуть.

На отсутствие такой привычки самым несчастливым образом наложилась еще одна характерная особенность развития исторической науки на рубеже 1980-х – 1990-х годов. Это было, как известно, время ликвидации «белых пятен» в советской истории. В условиях существенного смягчения идеологического контроля одна за другой стали появляться работы (преимущественно газетные и журнальные статьи), которые обращались к персонам и темам, бывшим до того под гласным и негласным запретом. В первую очередь, речь шла о жертвах репрессий 1930-х и деятелях «белого движения», русской эмиграции. Массы людей постепенно стали осознавать, что история во многих отношениях была далеко не такой, какой она представляла на страницах школьных и вузовских учебников; возникло ощущение, что она полна тайн, что открытие советских архивов повлечет за собой череду сенсационных открытий. С тех пор много воды утекло, архивы успели открыться и отчасти снова закрыться, однако, никаких действительно сенсационных открытий, способных в корне переменить научные представления об истории, сделано не было. А вот недоверие к официальной науке – в полном соответствии с принципом «единожды солгавши, кто тебе поверит?» – осталось. И осталось ощущение обмана: нам чего-то не договорили, от нас укрыли правду, история сочиняется теми, кто находится у власти. Вместе с тем, возник и социальный запрос на «новую истину». Почва была подготовлена и удобрена: общество не просто было готово принять новую версию истории – оно ее ожидало.

А дальше получилось совсем уж нехорошо: новая версия истории была предложена титулованным ученым, лауреатом научных премий, доктором наук (который в 1994 году стал действительным членом РАН), профессором МГУ имени М.В. Ломоносова Анатолием Тимофеевичем Фоменко. Небольшим осложнением было, конечно, то, что все его ученые регалии относились и относятся к области математики, однако, во-первых, кто и когда обращал внимание на такие мелочи, а во-вторых, в СССР ученых-естественников давно ценили много выше гуманитариев, так что анонсированная опора на математические методы исследования многими рассматривалась как дополнительное преимущество автора.

Естественно, на ниве исторических сенсаций в России подвизались и подвизаются сегодня не только А.Т. Фоменко и его многолетний соавтор Г. В. Носов-

ский. В этом ряду можно назвать такие замечательные произведения, как книги А. Бушкова «Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы» (М., 1998) и «Планета призраков: как создавалась фальшивая реальность» (М., 2009), Л.И. Бочарова, Н.Н. Ефимова, И.М. Чачуха, И.Ю. Чернышова «Заговор против русской истории (Факты, загадки, версии)» (М., 1998), Э.Р. Мулдашева «От кого мы произошли?» (М., 1999) и «В поисках Города Богов» (в 3-х тт., М., 2001), Н.И. Ходаковского «Спираль времени, или будущее, которое уже было» (М., 2000), В.А. Чудинова «Вернем этрусков Руси. Расшифровка надписей древней цивилизации» (М., 2006), А.М. Жабинского, С.И. Валянского, Д.В. Калюжного «Многомерное прошлое» (в 3-х тт., М., 2003), М. Аджи «Азиатская Европа» (М., 2006) и «Дыхание Армагеддона» (М., 2008), Н.В. Левашова «Россия в кривых зеркалах» (Т. 1, М., 2009) и это – список, даже отдаленно не претендующий на полноту, а призванный всего лишь приблизительно охарактеризовать богатство номенклатуры имеющихся на книжном рынке предложений. Кстати будет упомянуть и то обстоятельство, что большинство указанных авторов отличается отменной плодовитостью.

Что же касается А.Т. Фоменко, то он выделяется в этой славной когорте своим научным авторитетом. Подчеркнем это еще раз: тот факт, что работы, посвященные пересмотру традиционных представлений об истории, написаны ученым (и ученым весьма авторитетным в своей области) послужил дополнительным фактором, облегчившим восприятие новых теорий весьма значительной частью общества, и проторил дорогу последователям. Логика в данном случае была элементарна: если с привычными представлениями об истории успешно расправляются одни, то почему это не могут столь же успешно делать и другие?

Предыстория

Чтобы правильно понять реакцию российского исторического сообщества на вызов творцов сенсаций, необходимо хотя бы кратко вспомнить историю этой проблемы. «Феномен Фоменко» возник задолго до 1991 года, и ответ на него, как и любое растянутое во времени событие, необходимо рассматривать в развитии. (Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что свою теорию А.Т. Фоменко начал разрабатывать задолго до обрушения Советского Союза, и, таким образом, подозревать, что его книги были изначально ориентированы на извлечение материальной выгоды из сенсации, не приходится.)

А началась эта история еще на рубеже 1920-х – 1930-х годов, когда Н.А. Морозов (бывший член Исполнительного комитета «Народной воли», приговоренный в свое время к пожизненному заключению, проведший более 20 лет (1882–1905) в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, а в советское время возглавивший Естественнонаучный институт имени П.Ф. Лесгафта) опубликовал многотомное исследование «Христос» (первоначальное название «История человечества в естественнонаучном освещении»). Стержнем этой работы была

критика традиционной хронологии истории, которая представлялась автору искусственно растянутой по сравнению с реальной. Седьмой том морозовского труда увидел свет в 1932 году, эпоха относительной свободы в Советской России быстро приближалась к своему печальному концу, работа с вызывающим названием «Христос» была явно не ко времени и ее вполне закономерно отправили на самые дальние библиотечные полки, где она пребывала до хрущевской «оттепели».

В 1960-х годах труд Н.А. Морозова неожиданно привлек внимание сотрудника Математического института имени В.А. Стеклова АН СССР Михаила Михайловича Постникова, с 1965 года бывшего также профессором кафедры высшей геометрии и топологии мехмата МГУ. Видный математик, лауреат Ленинской премии (1967) Постников увлекся теорией Морозова – в советской науке интерес естественников и математиков к гуманитарным вопросам всегда был «хорошим тоном» – и даже прочитал для сотрудников и аспирантов мехмата специальный 5-часовой курс, где разбирал его идеи. Среди слушателей Постникова оказались будущие творцы «новой хронологии» А. С. Мищенко и А.Т. Фоменко, которые с энтузиазмом неопитов разработали новые статистические методы датирования, развили ряд положений труда Н.А. Морозова и предприняли попытку создать ее систематическое изложение с собственными добавлениями. В результате родилось трехтомное сочинение А.Т. Фоменко, А.С. Мищенко и Е.М. Никишина «Введение в критику древней хронологии», увидевшее свет в издательстве МГУ в 1974–1978 годах. А в начале 1980-х А. Т. Фоменко выпустил совместную брошюру с М.М. Постниковым и разместил целый ряд соответствующих статей в солидных научных изданиях².

Шуму в научной (и даже шире – в интеллигентской) среде эти выступления, конечно, наделали достаточно много, но до «масс» они, по большому счету, не дошли. Времена были не те, цензура, как уже говорилось, свое дело знала, и массовыми тиражами сенсационные исторические работы математиков никто издавать не собирался. Что же касается реакции исторического сообщества, то она была вполне адекватной тому времени – то есть, по преимуществу, организационной, но основанной на строго научной, фундированной критике.

В июне 1981 года было организовано специальное заседание Отделения истории АН СССР, в котором приняли участие авторы «сенсационного открытия» М. М. Постников, А. Т. Фоменко, А. С. Мищенко и Е.М. Никишин, сотрудники академических институтов всеобщей истории, истории СССР, востоковедения, археологии и этнографии, а также Государственного астрономического института имени П.К. Штернберга. Приглашение профессиональных астрономов особенно примечательно: одним из краеугольных камней в здании критики традиционной хронологии была апелляция к данным астрономии, и здесь представители естественных наук имели определенное преимущество перед историками-гуманитариями. Присутствие астрономов, во-первых, это преимущество ликвидировало, а, во-вторых, подчеркнуло объективность организаторов заседания – они не отмахнулись от вмешательства математиков, а признали возможность участия специалистов-естественников в обсуждении вопросов, относящихся к сфере гуманитарного знания.

То, уже историческое, заседание абсолютно точно определило все уязвимые места учения, известного сегодня под именем «новой хронологии»: вопросы датировки изучались в отрыве от контекста исторического процесса, игнорировались данные специальных исторических дисциплин и, прежде всего, археологии, «исторические» работы математиков страдали большим количеством неточностей, натяжек, искажений фактов, астрономическая база, такая убедительная для профанов, не выдержала критики со стороны профессионалов, лингвистические изыскания выглядели совершенно беспомощно и т. д. и т. п. Словом, единодушное мнение участников заседания было таково: на исторических работах математиков можно поставить крест.

Критика – критикой, но и без попытки «закрыть» новое направление чисто административными методами не обошлось. Это было вполне в духе времени. По утверждению Сергея Петровича Новикова, видного математика, академика АН СССР, лауреата Ленинской премии (1967), одного из учителей А.Т. Фоменко, три академика-историка – Б.А. Рыбаков, Ю.В. Бромлей и некто третий (чье имя в памяти Новикова не сохранилось) написали в ЦК КПСС письмо с призывом положить конец публикациям Постникова и его товарищей и даже запретить им преподавание. Как вспоминает Новиков, Фоменко пришлось ходить объясняться в ЦК³, после чего он поместил в журнале «Техника и наука» опровержение (!) опубликованной там ранее статьи Постникова⁴. Эта история находит подтверждение в переписке Ю.М. Лотмана и Б.М. Успенского:

«И вот неделю назад (когда том – 15-ый – “Семиотики” с их статьей уже отпечатан!), – пишет Лотман 28 августа 1982 года, – получаю от Фоменко истерическое письмо о том, чтобы их статью снять⁵, т<ак> к<ак> в ЦК очень недовольны их публикацией и он полностью пересмотрел свои взгляды на исторический процесс. Ничего снять уже нельзя.

Посмотрим. Их статья идет с моими возражениями, но сия история и тон мне не нравится. Более всего неприятно, что “Вестник древней истории” поймал Фоменко на прямых передержках, кот<орые> я не заметил. Такие дела...»⁶.

Можно было ожидать, что советский период развития «новой хронологии» на этом завершится: конечно, в 1980-е за инакомыслие ученых не расстреливали и в лагеря не направляли, но предотвращать появление нежелательных публикаций умели неплохо и запреты в этой области проводили последовательно. Вероятно, хорошее знание советских реалий сыграло злую шутку с С.П. Новиковым, который, вспоминая всю эту историю спустя годы, полагал, что А.Т. Фоменко после «проработки» и публикации покаянной статьи на период 1984–1990 годов отошел от участия в пересмотре истории⁷. Данное утверждение абсолютно не соответствует действительности: чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с перечнем статей Фоменко по исторической проблематике, увидевших свет в «перестроечный» период⁸. Ни прекращения «творческого процесса», ни запрета на публикации не было.

Более того, согласно рассказам Ю.А. Завенягина (научного сотрудника Института атомной энергии имени И.В. Курчатова, одного из авторов критических статей о «новой хронологии»), переданным его другом В.А. Храбровым и его сестрой Е.А. Завенягиной, в 1984 году А.Т. Фоменко сам написал в ЦК жалобу, в которой требовал прекратить критику. Летом того же года беспартийный За-

венягин был вызван к заведующему отделом науки ЦК КПСС Д.В. Кузнецову. В его кабинете уже находился сам Фоменко, и Кузнецов предложил оппонентам провести личную дискуссию⁹.

И тут произошел перелом: от покаянных писем Фоменко перешел в наступление, но не против ЦК, а против научных оппонентов, используя ЦК в качестве инструмента давления. Как ему это удалось, история умалчивает, и можно только предположить, что математик нашел понимание где-то на самом «верху». Возможно, ключ к происходящему следует искать в смене властных группировок: незадолго до примечательного демарша Фоменко СССР обрел нового генерального секретаря ЦК КПСС; в феврале 1984-го скончался Ю.В. Андропов и его место занял К.У. Черненко. ЦК не был единым мыслящим организмом – там шла непростая закулисная борьба, участие в которой принимали люди самые разные (в том числе и с точки зрения своего образовательного уровня), так что ничего удивительного в том, что Фоменко обратил кого-то из них в свою веру, не было. Тем более что в распоряжении ученого были отнюдь не только математические аргументы. Согласно рассказу того же Ю.А. Завенягина в ходе беседы в кабинете Кузнецова, Фоменко заявлял: «Я советский, я русский! Я хочу, чтобы наша страна была бы такой же древней, как Древний Рим!»¹⁰.

Судя по дальнейшему развитию событий, надежды математика на административную поддержку до конца не оправдались: давать его работам «зеленую улицу» явно не собирались. Да и вряд ли можно было ожидать, что ЦК вяжется в дело пересмотра хронологии в глобальном масштабе ради возрождения сомнительного лозунга «Россия – родина слонов». Такой крутой поворот не только стал бы еще одним поводом для критики Советского Союза, но и вполне мог сказаться на репутации советской компартии в глазах зарубежных сторонников. А после прихода к руководству страной М.С. Горбачева подобный кульбит и вообще стал невозможен: начиналась эпоха отказа партии от жесткого контроля над процессом развития исторической науки.

Ситуация стабилизировалась, страсти улеглись. Публикации А.Т. Фоменко (успешного рассориться с М.М. Постниковым) не были запрещены, но и не поддерживались «сверху». Критики традиционной хронологии продолжали выступать с докладами и лекциями, излагая свои теории перед специалистами различных областей знания, но не пытаясь при этом учесть наиболее принципиальные критические замечания, звучавшие в их адрес. В принципе такое поведение уже выходило за рамки нормальной научной дискуссии: расчет явно делался не на убедительность аргументов, а на впечатление, производимое на неподготовленную аудиторию. Наверно, нелишне будет упомянуть, что перед историками-специалистами создатели «новой хронологии» не выступали.

Вдали от шума городского...

Что же касается историков, то для них период 1984–1995 годов в части критики «новой хронологии» оказался временем практически полного бездействия. Выпустив в начале 1980-х серию статей, разбиравших произведения М.М. Постни-

кова и А.Т. Фоменко¹¹, они замолчали. С одной стороны, возможно, сыграла какую-то роль апелляция Фоменко к ЦК, но с другой – после заседания Отделения истории АН «исторические» творения математиков как реальная, актуальная опасность не воспринимались. Более того, вполне вероятно, что до поры до времени большинство ученых было склонно рассматривать их как безобидную в сущности игру ума, позволяющую вспомнить о незаслуженно забытом Н.А. Морозове. Такую позицию занимал, например, Ю.М. Лотман, который 28 марта 1980 года писал Б.М. Успенскому: «Статьи Постникова – бред! Но печатать будем...»¹². Понять подобную логику редактора авторитетного научного издания можно только в общем контексте эпохи: в задоре борьбы за право на свободное выражение своего мнения даже такие умнейшие люди, как Лотман, утрачивали чувство ответственности за состояние исторического просвещения. Точнее говоря, они оставляли эту ответственность той самой компартии, с произволом и диктатом которой боролись. Не наше дело обсуждать сейчас, как и почему так получилось, но факт остается фактом: в условиях скрытого противостояния партии и государству любая попытка расширить пространство свободы значительной частью интеллигенции воспринималась позитивно, и в этом отношении Фоменко оказывался союзником Лотмана. Печальный парадокс с печальными последствиями. Будучи единодушными в оценке научности «новой хронологии» профессиональные историки после 1984 года откровенно упустили ее развитие из виду.

А тем временем А.Т. Фоменко от статей перешел к более масштабному жанру и в 1990 году выпустил в издательстве МГУ книгу с сугубо научным названием «Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии (распознавание и датировка зависимых текстов, статистическая древняя хронология, статистика древних астрономических сообщений)». Никакой сенсации она опять-таки не произвела, и, надо заметить, позиция автора книги этому способствовала. Он подчеркивал, что «не разделяет гипотезы Н.А. Морозова, согласно которой большинство произведений античности является подлогами», и утверждал, что, «как показали результаты проведенных статистических исследований, практически все дошедшие до нас древние документы являются подлинниками, написанными отнюдь не в целях введения в заблуждение будущих хронологов, а в целях фиксации реальных событий». «Наша новая версия хронологии приводит к *передатировке* древних событий и документов, *но отнюдь не к отрицанию их подлинности* как правдивых свидетелей прошлых событий»¹³. Вполне понятно, что широкую публику споры о датах, да еще на основании малопонятных статистических методов, да еще в 1990 году, когда решалась судьба страны, заинтересовать не могли.

Распад СССР и крах советской системы в этом смысле ничего особо не изменил. Следующая книга Фоменко, также выпущенная издательством МГУ, правда, под несколько более многообещающим названием «Глобальная хронология. Исследование по истории древнего мира и средних веков», снова осталась незамеченной.

Успех

Все, как по мановению волшебной палочки, изменилось в 1995-м. В этом году вышла «Новая хронология Руси, Англии и Рима» – первая книга, написанная Фоменко в соавторстве с Г.В. Носовским, и ее сразу же ждал успех. Носовский, в отличие от своего старшего партнера, явно обладает коммерческим чутьем, которое до сей поры его не подводило (в скобках позволим себе спросить: не способствовал ли коммерческому успеху внезапный переход от декларированной несомненности древних источников к рассуждениям о фальшивках, подлогах, сознательных уничтожениях документов и подлинников и т. п. элементах любимого публикой *заговора*, которыми с того времени насыщены работы творцов «новой хронологии»?). Новые совместные книги Фоменко и Носовского появляются с завидной регулярностью; по самым скромным подсчетам, в течение последних 15 лет (1995–2010) из-под пера этих соавторов вышло более 50(!) фундаментальных «научных трудов» по «новой хронологии»¹⁴ (не считая многочисленных переизданий, переводов на иностранные языки и книг, написанных А.Т. Фоменко без соавторов) – в общей сложности более 65 томов объемом до 600 страниц каждый. Знаменитая 29-томная «История России» С.М. Соловьева, отнявшая 30 лет упорного труда, на этом фоне кажется сущей безделицей. А если принять во внимание тот факт, что пересмотр мировой истории осуществлялся авторами в свободное от основной, математической, работы время, то их «научный подвиг» окажется еще более впечатляющим. В результате прилавки книжных магазинов завалены произведениями по «новой хронологии», цены на них колеблются в интервале от 500 до 1000 рублей, а тот факт, что переиздания и новые работы появляются непрерывно, свидетельствует о сохранении стабильного читательского спроса. Как *коммерческий проект* «новая хронология» доказала свою состоятельность.

Не надо быть специалистом по маркетингу и книжному делу, чтобы утверждать: ни одна работа современного российского ученого-историка не пользуется таким спросом, как книги Носовского–Фоменко. Более того, можно предпологать, хотя это и трудно проверить, что совокупный тираж новых научных монографий отечественных историков не сравнится с годовым тиражом книг упомянутых авторов (например, за один только 2010 год на полки магазинов попали, как минимум, 22 издания их произведений). Иными словами, сегодня два автора-энтузиаста, поддержанные коммерческими издательствами, по своему влиянию на читающую аудиторию успешно соперничают со всем историческим сообществом. А по сравнению с 1995 годом ситуация только ухудшилась: за Фоменко–Носовским в дело пересмотра истории включился, как мы уже говорили, целый ряд новых, и коммерчески тоже достаточно успешных авторов.

Означает ли это, что историческое сообщество не способно ответить на этот вызов и отмалчивается, продолжая делать вид, что «собака лает, а караван идет»? Не совсем так.

А что же историки?

На первых порах, в 1995–1998 годах, работы Носовского–Фоменко профессиональные историки, как и раньше, по большей части продолжали игнорировать. В новых условиях больше не было, конечно, и речи о борьбе за расширение пространства свободы, но на первый план вышли другие проблемы. Время для исторической науки и ученых было, прямо скажем, нелегкое; после перехода «на рыночные рельсы» забот хватало и без ударившихся в историю математиков: надо было элементарно выживать, зарабатывая на жизнь преподаванием или реализацией грантов, надо было в спешном порядке затыкать бреши, созданные наличием запретных тем в советской исторической науке, надо было переписывать советские учебники истории и т. д. и т. п. Да и фактор пренебрежительного отношения к дилетантам в науке не стоит сбрасывать со счетов – многие считали и продолжают считать полемику с ними делом неблагодарным, недостойным настоящего ученого и даже вредным. А популярность Фоменко и Носовского сотоварищи тем временем росла и, наконец, не замечать ее стало просто невозможно.

22 апреля 1998 года состоялось заседание бюро Отделения истории РАН, на котором вновь обсуждался вопрос об исторических работах А.Т. Фоменко. Впрочем, реакцией исторического сообщества на вызов эпохи это событие назвать трудно, так как инициатива проведения заседания исходила «сверху» – от Президента РАН Ю.С. Осипова. Это обстоятельство стоит отметить особо, поскольку оно прекрасно характеризует тогдашнее состояние сообщества историков. Вероятно, люди, далекие от исторической науки и запутавшиеся во внезапно размножившихся версиях прошлого, имели полное право ожидать, что именно академическая верхушка – наиболее известные и титулованные историки России – будут в наибольшей степени озабочены состоянием массового исторического знания в стране и воспользуются своим авторитетом, чтобы повлиять на общественное мнение, четко и недвусмысленно указать, где же, в конце концов, пролегает грань между наукой и лженаукой, а если ситуация с распространением псевдонаучных знаний уже вышла из-под контроля, то предложить какие-то меры по ее исправлению. Но этого не произошло. Для того чтобы Отделение истории РАН обратилось к проблеме, потребовалась инициатива извне.

Соответственно, ждать от заседания каких-то сенсационных решений и перехода к решительным действиям не приходилось. В оценке сущности «новой хронологии» как лженауки академики были вполне единодушны, и обсуждение вызвал только вопрос о том, стоит ли вступать с ее творцами в дискуссию. Если участвовавший в заседании доцент РГГУ И.Н. Данилевский настаивал на том, что «запретительные меры ни к чему не приведут. Надо спорить!», то академик Г.М. Бонгард-Левин призывал к осторожности: «Любой ажиотаж ни к чему не приведет. Критику его (А.Т. Фоменко. – *Н.Д.*) работ надо вести только в профессиональных изданиях. В СМИ этого делать не надо».

Немудрено, что позиция Бонгард-Левина показалась участникам дискуссии более взвешенной. В резюме заседания, переданном в Президиум РАН, констатировалось: «Попытки академика А.Т. Фоменко представить в извращенном виде картину русской и всемирной истории являются вредными и опасными, так как сеют смуту в умах людей, подрывая систему исторического знания и образования». Но никакого противоядия предложено, по сути, не было: «...вступать в прямую дискуссию с АТФ (А.Т. Фоменко. – *Н.Д.*) бессмысленно, т. к. она беспредметна. Кроме того, выступления против его хронологий воспринимаются порой как гонение на “передовую мысль”. Излишняя шумиха вокруг дает лишь дополнительную рекламу этим работам историков-дилетантов. Главная же задача историков в борьбе с подобного рода псевдонаукой – это создание новых учебных пособий для средней школы и вузов, издание книг по российской и всемирной истории, лишенных догматизма, надуманных схем и выполненных в хорошей литературной форме»¹⁵.

Позиция академиков была строго оборонительной. Они осознавали опасность, но при этом не видели никакой реальной возможности бороться с ней. Складывается впечатление, что они чувствовали себя загнанными в угол. Популярность «новой хронологии» росла. Историческая наука находилась в состоянии кризиса. Уровень общественного доверия к работам советских историков, внезапно ставших российскими, находился в районе нулевой отметки, а иного после того, что десятилетиями писалось во славу советской власти, и ожидать было трудно (дело тут не в личных качествах отдельных историков, а в общей, «усредненной» оценке исторической науки большинством людей, к ней непричастных). Среди историков просто не было (как нет и сейчас) такого человека, чей голос, поднятый против работ Фоменко, был бы услышан обществом, кто мог бы противопоставить «новой хронологии» не аргументы, а свой научный, общественный и нравственный авторитет, чтобы ему просто поверили на слово. А раз так, то оставалось только спорить, используя научные аргументы, а это изначально представлялось делом малоблагодарным. «Научную базу» работ Фоменко–Носовского составляют апелляции к некоторым статистическим и астрономическим выкладкам, то есть к предметам для непосвященного читателя малопонятным. Устраивать подобную дискуссию на страницах популярных изданий было бессмысленно: не вникая в суть аргументации двух сторон, сторонний читатель знакомился бы с их основными выводами, и сам факт ведения равноправной дискуссии с видными учеными добавил бы группе Фоменко авторитета, а заодно и круг знакомых с его «учением» расширился бы.

Принятый академиками к употреблению рецепт создания «новых учебных пособий для средней школы и вузов», издания «книг по российской и всемирной истории, лишенных догматизма, надуманных схем и выполненных в хорошей литературной форме», сам по себе был, безусловно, правильным, но он переносил идеологическую борьбу с «новой хронологией» в отдаленное будущее, когда созданные новые замечательные учебники и книги начнут отвоевывать умы, захваченные соблазнительными «новохронологическими» идеями. При этом вопрос о том, как смогут повлиять школьные учебники на взрослые головы и как

заставить почитателей Фоменко читать научные книги по древней истории, повисал в воздухе – на него никто и не пытался ответить.

Неудивительно, что осторожность академиков, предпочитавших неторопливую осмотрительную стратегию Фабия Максима, находила понимание далеко не у всех представителей исторического сообщества. С одной стороны, сам по себе вызов был силен, а с другой – прочтение текстов Фоменко–Носовского (в конце концов у немалого числа ученых возобладало мнение, что врага надо знать в лицо) говорило об их уязвимости для научной критики. Многим не терпелось самостоятельно померяться с ними силами, и с 1996-го число индивидуальных выступлений историков против «новой хронологии» постепенно нарастало. (Специально подчеркнем, что речь идет именно об историках – до этого момента не меньшую, а, возможно, и большую роль в критике Фоменко играли представители естественных наук – Ю.Н. Ефремов, Ю.А. Завенягин, Е.Д. Павловская¹⁶.) Этот момент участниками заседания в Отделении истории РАН явно был упущен из виду: они могли отказаться от коллективного выступления, от организации массовой, организованной кампании против лженауки, но они не могли запретить отдельным историкам действовать в индивидуальном порядке.

Дискуссия все-таки выплеснулась на страницы массовых изданий¹⁷, и это было неизбежно, а в конечном счете, вероятно, и бесполезно. В конце концов, работы Фоменко–Носовского активно и широко рекламировались, о них спорили в транспорте и на работе, их рекомендовали почитать друзьям, и отсутствие критических отзывов ученых только вводило общество в заблуждение: раз никто не возражает, значит, правда. Хуже было другое: застрельщиками борьбы с «новой хронологией» выступили не академики, а молодые, не титулованные историки, что запутывало ситуацию до крайности. С одной стороны, в полемическом задоре люди, не отягченные возрастом, регалиями и излишней солидностью, могли позволить себе быть язвительными, остроумными и не вполне деликатными, что не пристало маститому историку, но, с другой – у рядового читателя возникало законное недоумение: почему же самые известные специалисты в области истории молчат, когда кругом ниспровергаются основы основ? Им что, нечего возразить? Стратегия, взятая на вооружение академической верхушкой исторического сообщества России, в итоге оказалась совершенно провальной.

В 1998 году появился, наконец, первый «книжный» ответ Фоменко. Правда, это была не монография, а сборник статей опять-таки молодых историков¹⁸. Однако это не был чисто «антифоменковский» сборник. Три его соавтора взяли на себя непосильную, вероятно, задачу: в рамках одной книги показать ненаучность работ не только А. Т. Фоменко (эту задачу взял на себя Д.М. Володихин), но и М. Аджи (Д. Олейников) и Э.С. Радзинского (О.И. Елисеева). Критики, безусловно, заслуживали все трое, но «весовые категории» у них были явно разные, разными были их подходы к историческому материалу, и разной была исходившая от них угроза массовому историческому сознанию.

Собственно говоря, творчество Эдварда Радзинского, при всей его популярности и при всех его недостатках, серьезным вызовом историческому сообществу назвать трудно. Писатели, подвигающиеся на ниве истории, всегда были и всегда будут. Необходимо смириться с тем, что история интересна не только

ученым, а возможность альтернативной интерпретации совокупности одних и тех же фактов (а она, как правило, имеется даже в рамках строго научного подхода), сочетающаяся с неполнотой наших знаний о прошлом, всегда привлекала и будет привлекать литературные таланты. Повлиять на восприятие в массовом сознании тех или иных событий или исторических фигур они, конечно, могут (так, например, знания о кардинале Ришелье у миллионов и миллионов людей ограничиваются информацией, почерпнутой из романов Александра Дюма), а вот существенно исказить историческое сознание всего общества – вряд ли. Предлагая те или иные трактовки прошлого (как правило, и без того существующие в литературе), авторы вроде Радзинского, в целом остаются в русле традиционных представлений об истории и не пытаются их перевернуть.

В этом плане труды Мурада Аджи заслуживают гораздо более серьезного отношения – они несут в себе сенсацию, абсолютно новое прочтение солидного куска истории тюркских народов, Европы и России, коренным образом отличающееся от общепринятого. И, что особенно важно, это новое прочтение самым приятным образом тешит самолюбие нынешних потомков тюрков, проживающих в России, поскольку они «узнают правду» о великой роли своих предков в российской, европейской и, подымай выше, мировой истории. Вот здесь науке брошен несомненный вызов, обладающий всем необходимым для успеха: он сенсационен, он использует элементы теории заговора (роль тюрков в европейской и российской истории, по мнению Аджи, принижалась сознательно), он имеет четко обозначенную целевую аудиторию, и он использует националистические настроения, сам питается ими и, в свою очередь, дополнительно обогащает почву для их дальнейшего произрастания. Игнорировать его невозможно, поскольку речь идет о формировании совершенно новой картины существенной части исторического прошлого.

Но вызов «новой хронологии» сильнее и опасней: эта концепция не просто создает новую хронологию и меняет картину прошлого, она целиком и полностью дискредитирует всю историческую науку, которая, согласно творениям Фоменко–Носовского, либо ошибается, либо сознательно вводит в заблуждение. А это уже чревато не искажением массового исторического сознания, а его разрушением, полной дезинтеграцией. Прошлого нет вообще – на его месте какие-то обломки разрозненных сведений, хаос и никакой надежды на его преодоление; все нити, ведущие в прошлое, оборваны, авторитеты низвергнуты, и для сотворения новой исторической картины, не менее ценной, чем все прочие, не требуется ничего, помимо собственной фантазии. Однако эта главная опасность продвижения «новой хронологии» в массы, равно как и разновеликость угроз со стороны Фоменко, Аджи и Радзинского, авторами книги «История России в мелкий горошек» не учитывалась.

Не обратили они внимания и на то обстоятельство, что не совпадают и едва ли пересекаются круги читателей Фоменко, Аджи и Радзинского, а потому читательская аудитория, на которую ориентировался сборник, осталась неопределенной. Если авторы рассчитывали на внимание собратьев-историков, то напрасно пропадали полемический задор: специалисты и без того знали цену всем трем объектам критики. Если же их целью была «контрпропаганда», то разнооб-

разие мишеней явно снижало эффективность стрельбы. На фундаментальные тома трех творцов на ниве исторической словесности историки отвечали небольшой по объему (246 стр.) книжкой, где на долю каждого из критикуемых приходилось не так уж много страниц и убедительных аргументов. Спору нет, критические выпады были и остроумны, и убийственно точны, а вот эффекта, увы, не было. Да и вряд ли его можно было ожидать: одно дело, купить книгу, в которой весело и вольно излагается новая версия истории, и совсем другое – ее критический разбор. Это иной вид чтения, на него решается только человек, желающий глубже разобраться в предмете спора, а много ли таких среди любителей сенсаций? И здесь – один из главных камней преткновения, о которые нередко разбиваются усилия научного сообщества, направленные на борьбу с лженаукой в любой области, и не только в истории.

Первая организованная реакция исторического сообщества на вызов массового распространения ненаучных исторических концепций последовала только в конце 1999 года: 21 декабря этого года на историческом факультете МГУ прошла специальная конференция под названием «Мифы “Новой хронологии”», на которую, как и на первое заседание Отделения истории АН СССР в 1981 году, были приглашены специалисты разных отраслей знания – историки, археологи, филологи, математики, физики, астрономы¹⁹. Отличие же ее состояло в том, что на конференции не было ни самого А.Т. Фоменко, ни его последователей. Создатели «новой хронологии» предпочли проигнорировать данное мероприятие, на которое их настоятельно приглашали, и это, по сути, выбило оружие из рук организаторов конференции. Да, прозвучали убедительные доклады критиков «новой хронологии», да, они были в последующем опубликованы в виде отдельной книги, на обложке которой помимо названия конференции присутствовало набранное крупным кеглем слово «АНТИФОМЕНКО», но победить в игре, на которую не явился противник, физически невозможно. Сколько мячей ни загоняй в пустые ворота, разочарованный болельщик все равно скажет: это нечестно. И Г.В. Носовский вместе с А.Т. Фоменко этим умело воспользовались, обратившись по своему обыкновению к суду не специалистов, а широкой публики: «На этой конференции прозвучал ряд выступлений против новой хронологии. В основном выступали историки, но в конце заседания было дано слово и нескольким представителям точных наук, которые также выступили с резкой критикой наших работ по новой хронологии. Тон всех без исключения выступлений был резко критический, иногда далеко выходящий за рамки дозволенного в научных дискуссиях. Ни нам, ни кому-либо другому из тех, кто занимался разработкой новой хронологии, на этой конференции доклада предложено не было. Мы на этой конференции не присутствовали, однако, имели возможность ознакомиться с полной ее видеозаписью, любезно предоставленной нам одним из ее слушателей. Внимательно просмотрев видеозапись, мы пришли к выводу, что отвечать на подобный поток эмоций и грубостей бессмысленно»²⁰.

А потом – как будто открыли какой-то сдерживавший клапан – последовала целая серия книг, специально посвященных критике работ Фоменко–Носовского²¹. Броско изданные сборники «Антифоменко» на протяжении ряда лет радовали глаз посетителей книжных магазинов наряду с произведениями виновников

их появления – Носовского и Фоменко, пользуясь при этом значительно меньшим спросом. В бой наконец-то вступила и «тяжелая артиллерия» историков в лице академиков Л.В. Милова, В.С. Мясникова, С.О. Шмидта и В.Л. Янина, причем статьи Янина были размещены и в массовых изданиях²², а С.О. Шмидт посвятил феномену «новой хронологии» специальную монографию²³. Еще одну монографию в ответ на «открытия» Фоменко–Носовского написал Ю.К. Бегунов²⁴. Все эти издания взятые в совокупности и стали ответом исторического сообщества на вызов. Но эффективным назвать его нельзя.

Если бы речь шла о научной дискуссии, то, вероятно, такой мощный критический залп имел бы уничтожающий эффект, однако, речь шла отнюдь не о научном споре. Мнение историков и других специалистов, занявшихся проверкой аргументации сторонников «новой хронологии», интересовало только их самих и тех людей, которые и без того осознавали научную ущербность данной «концепции». Дискуссии – ни публичной, ни в печати – как таковой не было и нет. В новой ситуации Фоменко с Носовским (а заодно и все остальные авторы псевдосенсаций) чувствуют себя «на коне» и могут позволить себе просто не реагировать на выпады в свой адрес, не вступать в полемику или же реагировать нарочито пренебрежительно: мол, как всегда, эти историки не смогли разобраться в нашей математической аргументации и занимаются демагогией... Дело дошло до того, что авторы антифоменковских выступлений вынуждены были воспроизводить в своем сборнике один из таких «ответов» Фоменко с Носовским²⁵, чтобы дать читателю представление о научности и убедительности их аргументации. Но опять-таки все это было интересно только для аудитории, заинтересованной в поиске истины, – на многочисленных поклонников «новой хронологии» «антифоменковские» сборники не повлияли, да и повлиять не могли.

Чуть более убедительной и адекватной вызову времени оказалась дискуссия, развернувшаяся в Интернете (часть ее материалов послужила основой для сборника «Антифоменковская мозаика-4»). И по сей день в Рунете работают такие сайты, как «Фоменкология» (<http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/index.htm>), «Проект Антифоменко» (http://www.arhimed007.narod.ru/project_antifomenko.htm) и «Антифоменкизм» (<http://fatus.chat.ru/foma.htm>), которые, однако, давно не обновляются и выглядят достаточно бледно и очень скромно в сравнении с профессионально выполненными (и, естественно, дорогостоящими) сайтами группы «Новая хронология». Но дискуссию тем не менее они вести позволяют, а в условиях специфической Интернет-аудитории, привыкшей легко вступать в споры и не уходить от ответов, она представляется даже более полезной и убедительной, чем дискуссия книжная. Здесь возникают трудности другого рода, связанные с узостью этой аудитории (правда, постоянно и быстро растущей), недостаточным развитием доступа к Интернету в России и с отсутствием у людей, интересующихся вопросами гуманитарного знания, привычки и навыков использования Всемирной сети в научных целях. Ученые-гуманитарии в Интернете – люди редкие, хорошее владение компьютером, особенно для старшего поколения историков, остается серьезной проблемой, и, к сожалению, в целом Интернет-политику занести в актив исторического сообщества никак нельзя: «антифоменковские» сайты являются плодом творчества любителей-одиночек, а лучший из

них – «Фоменкология» поддерживается усилиями ученого-физика М.Л. Городецкого. Использование информационных технологий в российской исторической науке пока остается скорее исключением, нежели правилом.

Ситуация, сложившаяся вокруг «новой хронологии» и других подобных «концепций», свидетельствует о низкой мобильности исторического сообщества, о присущей ему определенной косности, которая как будто бы отражает специфику его деятельности – обращенность не в будущее, а в прошлое. Все ответы на острейшие вызовы эпохи даются исключительно в традиционном ключе: заседания, статьи, монографии, конференции... В лучшем случае за нормы рутинной научной дискуссии выходит полемическая заостренность отдельных критических выступлений, но и они, как правило, обращены к читателю самостоятельно мыслящему и настроенному едва ли не с лупой в руках разбираться в аргументах спорящих сторон. А новые труды Носовского–Фоменко, Аджи, Бушкова и иже с ними между тем продолжают пополнять книжные полки и находить все новых и новых читателей...

Нежелание творцов исторических сенсаций аргументированно отвечать на критику в свой адрес давно уже поставило их вне науки, сделало очевидным наличие у них целей, не имеющих с наукой ничего общего. И неважно, стремятся ли они к коммерческому успеху, преследуют ли политические цели или держат в голове что-то еще: они работают вне рамок научного поля. И это, кстати сказать, единственный критерий, позволяющий отличить спорную, пусть даже ошибочную, но научную концепцию от псевдонаучных творений. Ученый, если только он действительно ученый, заинтересован в выяснении подлинной научной ценности своей теории, а потому не может не реагировать на аргументированную критику и, тем более, не замечать указания на фактические ошибки и неточности. Грань между заблуждением (а также гениальным прозрением, величие которого будет осознано только потомками) и лженаукой тонка, и проводить ее, опираясь исключительно на традиционные экспертные оценки коллег по научному цеху, бывает трудно: в конце концов, в истории науки не раз случалось так, что был прав один, тогда как многие ошибались. Право плыть против течения – неотъемлемое право настоящего ученого, но оно никак не связано со свободой от научной этики и, в том числе, от этики ведения научных дискуссий. Отношение того или иного человека к соблюдению общепринятых норм поведения в этой сфере достаточно легко и объективно фиксируется, их нарушение никакой новизной исследований объяснить невозможно, и потому выход из научного поля вполне можно рассматривать как личный выбор данного конкретного «творца», достаточно объективно характеризующий отношение его «творения» к науке.

Но если всем своим поведением некий создатель псевдоисторических произведений уже зафиксировал тот факт, что его произведения к науке отношения не имеют, то что в этой ситуации делать историческому сообществу? Отсутствие цензуры, свобода слова и толерантность, казалось бы, подсказывают историку простейший путь – продолжать заниматься своим делом и не обращать внимания на происходящее вне его научных интересов. Или, в крайнем случае, выступить с аргументированным заявлением о том, что такая-то и такая-то концепция

научной не является. Строго говоря, именно этот путь и был избран научным сообществом России, когда творения Фоменко–Носовского пошли в массы. Отдельные ориентированные на массового читателя журнальные статьи «антифоменковского» толка в данном случае являют собой как раз то исключение, которое подтверждает правило. Что же касается остальной литературы псевдоисторического жанра, то она сколько-нибудь организованной реакции исторического общества не удостоилась вовсе.

Вероятно, для научного сообщества подобное отношение к происходящему наиболее комфортно. Другое дело, что оно объективно порождает новый, повишающийся в воздухе вопрос о роли исторической науки в обществе. Занимаются ли историки элементарным удовлетворением собственного любопытства, или же они все-таки каким-то образом отвечают за состояние массового исторического знания и тем самым приносят обществу определенную пользу? Вероятно, людей, целиком и полностью отрицающих социальную ответственность исторической науки, найдется в ее рядах не так уж много, а отсюда с неизбежностью следует вывод о невозможности ее пребывания в башне из слоновой кости.

«Новая хронология» при всей абстрактности своей аргументации, при всем своем демонстративном пренебрежении плотью и кровью исторического бытия, отторгаемого во имя непостижимой для профанов высоты статистических и математических выкладок, далеко не так оторвана от будничной жизни, как это может показаться стороннему наблюдателю. А.Т. Фоменко, а точнее, его идее о том, что Россия может потягаться древностью с «вечным» Римом, удавалось в свое время находить сочувствие в высоких кабинетах на Старой площади, и нет никаких гарантий, что удача не улыбнется ему снова. За минувшие с той поры четверть века политический смысл, сокрытый в концепции «новой хронологии», нисколько не утратил своей потенциальной привлекательности для ревнителers псевдопатриотизма. Скорее, наоборот, в эпоху появления и расцвета другой замечательной концепции – «суверенной демократии» – представление о фальсификации древней европейской истории выглядит на удивление злободневным. Ведь коль скоро пресловутые европейские демократии сочинили свое славное прошлое, а на самом деле испокон веку находились в вассальной зависимости от Руси, то они, естественно, нам не указ и не имеют ни малейшего права учить нас каким-то там надуманным демократическим стандартам.

До сей поры ничего подобного на государственном уровне озвучено, к счастью, не было, но соблазн силен, и мысли на эту тему в некоторых головах гуляют. Свидетельством тому – недавняя (29 октября 2010 года) появление интервью с академиком А.Т. Фоменко на «Едином российском портале», зарегистрированном партией «Единая Россия». «До вчерашнего дня, – повествует автор интервью Феликс Лапин, – я был противником Анатолия Фоменко и его “Новой хронологии”. А, поговорив с академиком, посмотрел на его деятельность по-новому. Не скажу, будто я поверил в короткий возраст человеческой цивилизации или в то, что древние Египет и Рим на самом деле были одной и той же империей. Сформированную с детства картину мира так просто не изменишь. Другой вопрос – ради чего нам держаться за традиционную версию истории? Какая нам от неё выгода? Может ли “Новая хронология” принести существен-

ную пользу, ускорить развитие России и после долгого перерыва вернуть её в “большую игру”?»²⁶.

Понятно, что Фоменко интервьюера не разочаровал, значение «новой хронологии» объяснил и светлые перспективы нарисовал. А взамен недвусмысленно попросил помощи: «Мы, учёные, воздерживаемся от политических рассуждений. Дело не в боязни. Я отношусь к политике с большим уважением, это глубокая и нетривиальная область знаний. Но в каждой науке должны сидеть профессионалы. В хронологии мы профессионалы, потому что это область прикладной математики. В политике свои профессионалы, их долго этому учили. Поэтому было бы странно, если бы математик высказывался о политике. Конечно, мы были бы рады распространению Единой хронологии в единой России. Сами мы делаем то, что можем, распространяем книги и статьи. Для остального: пропаганды, внедрения идей в политическую жизнь, в школы, в университеты, у нас, к сожалению, нет ни возможностей, ни способностей. Каждый должен делать своё»²⁷. Рука протянута, а что дальше – Бог весть...

Нет, отсидеться в высокой белой башне в смутные времена никому еще не удавалось. Поскольку есть авторы и книги, оказывающие разрушительное воздействие на массовое историческое знание, прямой долг исторического сообщества так или иначе, но компенсировать его, выдвигая из своей среды авторов, способных создавать книги, пользующиеся спросом на рынке. И неважно, что эти книги будут не совсем научными по стилю, характеру изложения и аргументации, – главное, чтобы они были эффективными. Научное сообщество обязано вернуть себе авторитет в обществе, а для этого, как показала практика, нужны новые средства. Жизнь в информационном обществе предъявляет науке свои требования, и строго следовать традициям прошлого и позапрошлого веков больше невозможно. Историческое знание, накопленное в тиши ученых кабинетов, должно становиться достоянием масс, должно быть востребованным и популярным. В противном случае общество неизбежно будет воспринимать историческую науку как интересную, но бесполезную игру ума, и в конце концов, не ровен час, – сочтет возможным отказаться от ее услуг. Страшны не фоменки и мулдашевы – страшен исторический нигилизм, который они порождают. А это вызов, на который надо отвечать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дегоев В.В. «Антифоменко»: опыт отрезвления от коллективного гипноза. Отклик на выход тематического тома Сборников Русского исторического общества с критикой «новой хронологии». URL: <http://www.pereplet.ru/gorm/fomenko/degoev.htm>.

² См. Постников М.М., Фоменко А.Т. Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории. – М., 1980; Фоменко А.Т. Некоторые статистические закономерности распределения плотности информации в текстах со шкалой // Семиотика и информация. – М., 1980. Вып. 15. С. 99–124; Фоменко А.Т. Методика распознавания дубликатов и некоторые приложения // Доклады АН СССР. 1981. Т. 258. № 6. С. 1326–1330; Fomenko A.T. The jump of the second derivative of the Moon's elongation // Celestial Mechanics and Dynamical Astronomy. 1981. V. 25. № 1. P. 33–40; Фоменко А.Т. Новая эмпирико-статистическая методика упорядочивания тек-

стов и приложения к вопросам датировки // Доклады АН СССР. 1983. Т. 268. № 6. С. 1322–1327; *Фоменко А.Т.* Авторский инвариант русских литературных текстов // Методы количественного анализа текстов нарративных источников. – М., 1983. С. 86–109; *Фоменко А.Т.* Информативные функции и связанные с ними статистические закономерности // Статистика. Вероятность. Экономика. – М., 1985. Т. 49. С. 335–342.

³ *Новиков С.П.* Математики – геростраты истории? (Не погибнет ли российская математика?). URL: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/novikov1.htm>.

⁴ См.: *Постников М.* Величайшая мистификация в истории? // Техника и наука. 1982. № 7; *Фоменко А.Т.* К вопросу о фальсификациях // Техника и наука. 1982. № 11.

⁵ Речь идет о статье: *Постников М.М., Фоменко А.Т.* Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории // Ученые записки Тартуского ун-та. Труды по знаковым системам. XV. Типология культуры, взаимное воздействие культур. – Тарту, 1982. Вып. 576.

⁶ *Лотман Ю.М.* Письма. – М., 1997. С. 644.

⁷ *Новиков С.П.* Математики – геростраты истории? (Не погибнет ли российская математика?). URL: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/novikov1.htm>.

⁸ См.: *Фоменко А.Т.* Информативные функции и связанные с ними статистические закономерности // Статистика. Вероятность. Экономика. – М., 1985. Т. 49. С. 335–342; *Fedorov V.V., Fomenko A.T.* Statistical Estimation of Chronological Nearness of Historical Texts // Journal of Soviet Mathematics. 1986. V. 32. № 6. P. 668–675; *Фоменко А.Т., Морозова Л.Е.* Некоторые вопросы статистической обработки источников с погодным изложением // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. – М., 1986. С. 107–129; *Морозова Л.Е., Фоменко А.Т.* Количественные методы в «макротекстологии» (на примере памятников «смуты» конца XVI – начала XVII в.) // Комплексные методы в изучении исторических процессов. – М., 1987. С. 163–181; *Fomenko A.T.* Empirico-statistical methods in ordering narrative texts // International Statistical Review. 1988. V. 56. № 3. P. 279–301; *Калашиников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Датировка Альмагеста по переменным звёздным конфигурациям // Доклады АН СССР. 1989. Т. 307. № 4. С. 829–832; *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Статистические дубликаты в упорядоченных списках с разбиением // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. – М., 1989. С. 138–148; *Рачев С.Т., Фоменко А.Т.* Функции объемов исторических текстов и принцип амплитудной корреляции // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. – М., 1989. С. 161–180; *Fomenko A.T., Kalashnikov V.V., Nosovsky G.V.* When was Ptolemy's star catalogue in Almagest compiled in reality? Statistical analysis // Acta Applicandae Mathematicae. 1989. V. 17. P. 203–229; *Fomenko A.T.* Mathematical Statistics and Problems of Ancient Chronology. A new Approach // Acta Applicandae Mathematicae. 1989. V. 17. P. 231–256.

⁹ Хронология событий. URL: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/zavcom.htm>.

¹⁰ Цит. по: *Шмидт С.* «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания // Исторические записки. 2003. № 6 (124). С. 342–387.

¹¹ *Голубцова Е.С., Смирин В.М.* О попытке применения «Новых методик статистического анализа» к материалу древней истории // Вестник древней истории. 1982. № 1; *Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А.* История древнего мира и «новые методики» // Вопросы истории. 1982. № 8; *Голубцова Е.С., Завенягин Ю.А.* Еще раз о «новых методиках» и хронологии Древнего мира // Вопросы истории. 1983. № 12; *Вассоевич А.Л.* По поводу статьи М.М. Постникова и «культурно-исторических» публикаций его последователей // Вопросы истории естествознания и техники. 1984. № 2.

¹² *Лотман Ю.М.* Письма. – М., 1997. С. 600.

¹³ *Фоменко А.Т.* Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии (Распознавание и датировка зависимых текстов, статистическая древняя хронология, статистика древних астрономических сообщений). – М., 1990. С. 418.

¹⁴ Ни в коей мере не претендуя на создание библиографии по «новой хронологии», перечислим лишь малую часть опубликованных трудов, чтобы дать читателю возможность самостоятельно оценить как масштаб охватываемых проблем, так и завидную неустанность творчества авторов: *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. (Факты. Статистика. Гипотезы). В 2-х тт. – М., 1995; *они же.* Империя. (Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности). – М., 1996; *они же.* Русь

и Рим. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии. В 5 тт. – М., 1997; *они же*. Русь–Орда на страницах библейских книг. – М., 1998; *они же*. Реконструкция всеобщей истории. Исследования 1999–2000 годов. (Новая хронология). – М., 2000; *они же*. Новая Хронология Египта. Астрономическое датирование памятников Древнего Египта. Исследования 2000–2002 годов. – М., 2002; *они же*. Реконструкция всеобщей истории. Жанна Д'Арк, Самсон и русская история. – М., 2002; *они же*. Библейская Русь. В 4-х тт. – М., 2004; *они же*. Новая хронология Руси. (Русь. Англия. Византия. Рим). В 3-х тт. – М., 2004; *они же*. Империя. (Великое завоевание. Русь–Орда. Османия=Атамания. Европа. Китай. Япония. Этруски. Египет. Скандинавия). В 2-х тт. – М., 2004; *они же*. Старые карты Великой Русской Империи. (Птолемей и Ортелиус в свете новой хронологии). – СПб., 2004; *они же*. Царь Славян. – СПб., 2004; *они же*. Новая хронология Индии. Исследования 2002–2003 годов. – М., 2004; *они же*. Стамбул в свете новой хронологии. – М., 2004; *они же*. Реконструкция. (Реконструкция всеобщей истории. Ханы Новгородцы – Габсбурги. Наследие Великой Империи в истории и культуре Евразии и Америки. В 3-х тт. – М., 2005; *они же*. Начало Ордынской Руси. (После Христа. Троянская война. Основание Рима). – М., 2005; *они же*. Древние Зодиаки Египта и Европы. (Датировки 2003–2004 годов). – М., 2005; *они же*. Крещение Руси. (Язычество и христианство. Крещение Империи. Константин Великий – Дмитрий Донской. Куликовская битва в Библии. Сергий Радонежский – изобретатель огнестрельного оружия. Датировка ковра из Байе). – М., 2006; *они же*. Забытый Иерусалим: (Стамбул в свете новой хронологии): с приложением описания двора султанов из «Скифской истории» А.И. Лызлова. – М., 2007; *они же*. Казаки-арии: из Руси в Индию: Куликовская битва в Махабхарате. «Корабль Дураков» и мятеж реформации. Велесова книга. Новые датировки зодиаков. Ирландские сказания. – М., 2007; *они же*. Потерянные Евангелия: новые сведения об Андронике-Христе. – М., 2008; *они же*. Геракл. «Древний»-греческий миф XVI века: мифы о Геракле являются легендами об Андронике-Христе, записанными в XVI веке. – М., 2009; *они же*. Завоевание Америки Ермаком-Кортесом и мятеж Реформации глазами «древних» греков: новые сведения о Куликовской битве, об Иване Грозном и истории Эсфири, о знаменитом походе атамана-конкистадора Ермака-Кортеса и Великой Смуте в Империи XVI–XVII веков. – М., 2009; *они же*. Пегая орда. История «древнего» Китая. – М., 2009; *они же*. Египетские, русские и итальянские зодиаки: открытия 2005–2008 годов. – М., 2010; *они же*. Калиф. – М., 2010; *они же*. Пророк завоеватель. Уникальное жизнеописание Магомета. Скрижали Моисея. Ярославский метеорит 1421 года. Появление булата. Фазтон. – М., 2010; *они же*. Шахнаме: иранская летопись Великой империи XII–XVII веков. – М., 2010.

¹⁵ Мифы и реальность в истории. Протокол № 4 от 22 апреля 1998 г. заседания Бюро Отделения истории РАН. URL: <http://www.newchrono.net/fomenko/protocol.htm>.

¹⁶ См., например: *Голубцова Е.С., Завенягин Ю.А.* Еще раз о новых методиках и хронологии Древнего мира // Вопросы истории. 1983. № 12; *Ефремов Ю.Н., Павловская Е.Д.* Датировка «Альмагеста» по собственным движениям звезд // Доклады АН СССР. 1987. Т. 294; *Ефремов Ю.Н.* «Альмагест» и новая хронология // Природа. 1991. № 7; *Ефремов Ю.Н., Шевченко М.Ю.* Что намолотили математические жернова. По поводу новой датировки звездного каталога «Альмагеста» // На рубежах познания Вселенной: Историко-астрономические исследования. Т. 24. – М., 1994.

¹⁷ *Драгунский Д.* Был ли Мамай женой Батыея? // Итоги. 14.05.1996; *Ковальджи К.* К вопросу о синтезе Цезарей. «Переворот в хронологии» подозрительно напоминает любовные утехи в чеховской баньке // Независимая газета. 21.12.1996; *Михайлов Н.* Загадка Куликова поля // Литературная Россия. 22.11.1996; *Тучков В.* Иисус Христос, он же Василий // Вечерний клуб. 29.08.1996.

¹⁸ *Володихин Д.М., Елисеева О.И., Олейников Д.И.* История России в мелкий горошек. Сборник. – М., 1998.

¹⁹ К этому времени необходимость ответа на вызов «новой хронологии» ощущалась настолько сильно, что пенсионер Н.А. Ульянов за свой счет издал книгу «Антинаучная сенсация: (О «гипотезах» А.Т. Фоменко и его сподвижников)» (М., 1999), в которой попытался общедоступным языком дать критический разбор фоменковского вторжения в область хронологии средневековой Руси.

²⁰ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Разбор книг «Антифоменко» и «История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко» // «Так оно и оказалось!». Критика «новой хронологии» А.Т. Фоменко (ответ по существу). – М., 2001.

²¹ История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. – М., 2000; «Антифоменко». Сборник русского исторического общества № 3 (151). – М., 2000; История и ан-

тистория. Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. Анализ ответа А.Т. Фоменко. Изд. 2-е, доп. – М., 2001; Ложь «новых хронологий»: Как воюют с христианством А.Т. Фоменко и его единомышленники / Отв. ред. и сост. А.В. Лаушкин. – М., 2001; «Так оно и оказалось!». Критика «новой хронологии» А. Т. Фоменко (ответ по существу): Сборник статей, написанных учеными с исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова – М., 2001; Антифоменковская мозаика. – М., 2001; Антифоменковская мозаика-2. «Новая хронология» – это серьезно? – М., 2001; Антифоменковская мозаика-3. – М., 2002; Антифоменковская мозаика-4. Критика «новой хронологии» в Интернете. – М., 2003; Анти-история, вычисленная математиками: о новой хронологии Фоменко и Носовского / Сост. И.Н. Данилевский, С.О. Шмидт. – М., 2006.

²² Янин В. Зияющие высоты академика А.Т. Фоменко // Родина. 2000. № 4. С. 12–15; *его же*. Был ли Новгород Ярославлем, а Батый – Иваном Калитой // Известия. 11 июня 1998 года.

²³ Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания. – М., 2005.

²⁴ Бегунов Ю.К. Русская история против «новой хронологии». – М., 2001.

²⁵ См. «Так оно и оказалось!». Критика «новой хронологии» А.Т. Фоменко (ответ по существу).

²⁶ «Расписные истины Анатолия Фоменко». Эксклюзивное интервью автора «Новой хронологии». URL: <http://er-portal.ru/about/text.shtml?16/5379,111128>.

²⁷ Там же.

МЕЖДУ КОНКУРЕНЦИЕЙ И ПАТЕРНАЛИЗМОМ: «ГРАНТОВЫЙ» ИСТОРИК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Игорь НАРСКИЙ, Юлия ХМЕЛЕВСКАЯ

...дух науки скорее принадлежит коммерции, поскольку он необходимо индивидуалистичен и не поддается влиянию авторитетов.

Б. Рассел

«Утвердившись в России, грантовая форма распределения ресурсов расколола научный мир на две части и провела незримую границу между двумя способами жизни академического сотрудника и университетского преподавателя. Эти «миры» сосуществуют на кафедрах, в лабораториях, даже в сознании одного человека, но они принципиально несовместимы, как если бы в одном городе действовали одновременно правила правостороннего и левостороннего движения и, дополнительно, фоновое знание (background knowledge) о правилах применения правил. Л. Витгенштейн не справился бы с такой задачей»¹. Метафора, предложенная в 2000 г. Г.С. Батыгиным, в то время заведующим сектором социологии знания Института социологии РАН, главным редактором «Социологического журнала» и экспертом по социологии в ряде научных фондов, как нельзя лучше вводит в проблематику данной статьи. Ее исходный тезис заключается в констатации отсутствия ныне единого сообщества российских историков, которое оказалось расколотым, помимо прочего, параллельным существованием принципиально различных формул финансирования науки.

Возможность курсировать между «административной» и «грантовой» формами воспроизводства знания или принять решение о святости границы между ними и оставаться по одну из ее сторон является серьезным вызовом и для цеха российских историков. О том, как шанс, предоставляемый наличием грантодателей, воздействует на потенциальных и реальных грантополучателей, и пойдет речь ниже. Для ответа на заявленный вопрос материал в предлагаемой статье будет сгруппирован следующим образом. Во-первых, необходимо обозреть современное грантовое пространство в России с «высоты птичьего полета», в самом общем виде определившись, тем самым, с формальными возможностями использовать гранты для исторического исследования в России последних полутора десятилетий. Во-вторых, будет предпринята – неизбежно эскизная – попытка взглянуть на грант по истории «из глубины» фондов, сменив перспективу «сверху» на взгляд «изнутри», глазами фондового идеолога и администратора, составителя аппликационных форм, эксперта, участвующего в отборе заявок, «чиновника», принимающего решение о финансировании. В-третьих, в тексте

будет представлен взгляд «снизу», из перспективы грантополучателя, для определения в первом приближении места и самочувствия «грантового» историка в современной российской ученой среде и, кроме того, импрессионистская зарисовка его коллективного портрета².

«Грантовое пространство»

Начало приобщения современной российской исторической науки к грантовой форме производства и воспроизводства знаний по логике вещей могло – и неизбежно должно было – совпасть с концом СССР. Хотя, по признанию Б. Салтыкова, одного из виднейших современных специалистов в сфере организации и экономики науки, занимавшего в 1991–1996 гг. пост министра науки и технической политики Российской Федерации, идея создания механизма конкурсного отбора лучших научных проектов, возникла гораздо раньше: «Еще в 1986 году мы принесли в ЦК КПСС предложения, оформленные письменно (первый раз – в 1983 году): в них говорилось о необходимости создания государственного научного фонда, с конкурсами, с оценками коллег и т. д. Но в душе мы понимали: научный фонд – это другая идеология, идеология свободы. Не может фонд существовать в условиях идеологии, согласно которой все ресурсы распределяются сверху донизу в административно-командной системе управления»³. Государственная политика в отношении ученых исходила из концепции «чистой науки», согласно которой исследователь не должен беспокоиться о хлебе насущном, предоставляемом из «закромов» социалистического государства в обмен на лояльность и достижения. В рамках такого видения взаимоотношений между наукой и политическим режимом ни о каких грантах, фондах и конкурсах, естественно, не могло быть и речи.

Так и случилось: начало 1990-х годов было отмечено появлением в постсоветском пространстве ряда фондов, с которыми в то время связывались надежды на кардинальное реформирование бывшей советской науки. В 1992 году был создан Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ). В том же году был основан фонд Дж. Сороса, ставивший своей целью культуртрегерскую миссию в Восточной Европе, в том числе в бывшем СССР (до 1997 года фонд Сороса назывался Фонд «Культурная инициатива», с конца 1990-х годов – Институт «Открытое общество»). Двумя годами позже на основе гуманитарной части РФФИ образовался Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ).

Одновременно для ученых, в течение десятилетий пребывавших по восточную сторону от «железного занавеса», открылись небывалые и, как первоначально казалось, неограниченные возможности налаживания разнообразных контактов с мировым научным сообществом, в том числе – контактов прямых, через организационную и финансовую поддержку западными фондами успешных индивидуальных проектов восточно-европейских исследователей. Рядом именитых благотворительных организаций в 1990-е годы были разработаны специальные программы для поддержки гуманитариев из бывших стран социа-

лизма, в первую очередь – бывшего СССР. В их числе фонды Макартуров, Карнеги, Форда, Международного совета по научным обменам (IREX), концерна Фольксваген, фонд Герды Хенкель, программы «Темпус/Тасиз» и другие.

Масштабы участия российских историков в грантовой форме финансирования исследований не поддаются точному определению. Публичная отчетная статистика российских фондов недостаточно прозрачна, западная – не всегда позволяет определить дисциплинарную принадлежность грантополучателя. Тем не менее, степень приобщения бывших советских историков к грантам с некоторыми допущениями можно оценить как довольно скромную. По различным данным, в 1990-е годы РГНФ поддерживал ежегодно от 1 до 2,5 тыс. проектов и от 3 до 15 тыс. ученых⁴, всего за 12 конкурсов (с 1995 по 2007 год) он поддержал около 22,5 тыс. проектов⁵. Примерно 25 % из них стабильно составляли представители исторической науки. Если учесть, что быстро сформировавшийся круг грантополучателей РГНФ в те годы весьма определенно ограничивался московскими, петербургскими и новосибирскими учеными из системы Российской академии наук, то можно с уверенностью констатировать непричастность большинства из приблизительно 40 тыс. историков, оставшихся в наследие от СССР (из них три четверти – бывшие историки КПСС), к грантовой науке.

Западные стипендиальные исследовательские программы, предполагавшие обязательное пребывание ученого в период финансирования его проекта на территории грантодателя, могли в лучшем случае ежегодно охватить лишь несколько десятков российских гуманитариев. В 1990-е годы, по оценке Г.С. Батыгина, поддержкой западных фондов воспользовалось порядка 500–700 социологов⁶. Если учесть чрезвычайную активность в те годы и, в целом, существенно большую, чем у бывших советских историков, подготовленность российских представителей социальных наук к международному сотрудничеству, число отечественных историков-стипендиатов западных фондов должно быть значительно ниже. Среди 23 тыс. иностранцев-стипендиатов одного из самых престижных в Европе грантодателей Фонда Александра фон Гумбольдта едва ли наберется два десятка историков из России.

Пожалуй, самый заметный след в российском опыте работы гуманитариев на грантовые средства оставил Фонд Сороса, первоначальный бюджет которого втрое превышал бюджет РФФИ и вдесятеро – бюджет РГНФ. (В 2003 году накануне закрытия российского представительства фонда его затраты на социальные и культурные программы в России оценивались более чем в 950 миллионов долларов⁷). Оставив в стороне мнимые и реальные «политические» и «прагматические» стороны деятельности этой организации в постсоветском пространстве, все же следует откровенно признать, что она стала для отечественных исследователей, в том числе и историков, первой школой новой идеологии и технологии финансирования. В начале 1993 года, когда РФФИ только начинал свою работу, фонд Сороса уже выпустил подробные методические указания – как заполнять заявки на гранты, составлять отчетность и т. д., позволившие нашим соотечественникам познакомиться с этой новой для них грантовой технологией. Как считает Б. Салтыков, «кроме огромного материального вклада это был отличный тренинг», в результате которого ученые-грантополучатели «поняли, как добы-

ваются деньги в науке»⁸. И, когда появились отечественные русские фонды, многие уже обладали знаниями о новой технологии и процедуре, которые они теперь могли применять для поиска независимых источников финансирования как внутри России, так и за рубежом.

Однако начало XXI столетия ознаменовалось драматическими переменами в грантовом ландшафте российской науки. В 2001 году под государственным давлением российские фонды изменили свои уставы. В результате РФФИ и РГНФ стали федеральными учреждениями (бюджетными организациями), находящимися в ведении правительства. Само понятие «грант» исчезло из их уставных документов, уступив место финансированию отдельной строкой государственного бюджета.

В 2002–2003 годах последовала бесплодная «оборонительная» дискуссия о статусе фондов. Защитники грантовой системы настаивали на следовании таким «классическим» принципам деятельности фондов, как – «вневедомственность, конкурсность, адресность, безвозмездность и безвозвратность финансовой поддержки»⁹. В рамках дискуссии, помимо прочего, предлагалась оставшаяся нереализованной разработка более четких механизмов ротации экспертов, в том числе за счет их привлечения из-за рубежа – во имя объективности экспертизы.

Обвальным для российского грантового пространства оказался 2003 год: Фонд Сороса и несколько крупных государственных ведомств и частных фондов США заявили о сворачивании своих программ по финансированию науки и образования в РФ. Правда, сокращение зарубежных каналов финансирования российской науки сопровождалось попыткой – в соответствии с «патриотическим поворотом» государственной идеологии – привлечь к грантовой поддержке местных ученых средства субъектов Российской Федерации. На основе договоров с теперь уже десятками администраций регионов о софинансировании научных проектов РГНФ стал объявлять региональные исследовательские конкурсы. Количество проектов по истории, финансируемых за счет грантовых средств «государственных» российских фондов, в последние годы растет, и несмотря на некоторое снижение доли финансирования «традиционных» гуманитарных наук (история, филология, философия и др.) в пользу «социальных наук» (психология, педагогика, экономика и др.) история по-прежнему сохраняет лидирующие позиции в конкурсах РГНФ. В 2006 году на эту отрасль знаний приходилось 24 % всех поданных заявок в общероссийском конкурсе и 28 % в региональных¹⁰, всего профинансировано 542 проекта по историческим наукам, из них 337 собственно по истории¹¹. Прибывает ли при этом качество исследований, выигрывающих конкурсы, вопрос другой. На вопрос же о том, позволяет ли участие в региональных грантах исследователю улучшить его материальное положение, можно с уверенностью ограничиться однозначным – отрицательным – ответом.

Очерчивая контуры российского грантового пространства, нельзя не упомянуть о скептическом отношении в современной Российской Федерации к гранту как инструменту развития науки. Характерно заявление министра образования и науки А. Фурсенко, сделанное им в ноябре 2004 года по поводу перспектив формирования российской науки: «Должен быть баланс между поддержкой тех, кто *заслужил* право быть поддержанным, и грантовой поддержкой тех, кто *вы-*

*игрывает конкурсы»*¹². Такая установка, нацеленная на равновесие между «успешными» и «заслуженными», отражает «многоукладность» современной российской науки, в которой «по-советски» организованный «сектор» сохраняет видные позиции. Неудивительно, что она пользуется известной популярностью не только у государственных чиновников, но и в рядах поборников грантовой науки. «Сочетание *грантового* и *базового* финансирования – одно из немногих реальных достижений реформы науки в России», – убежден Е.В. Семенов, активный участник инициативной группы по созданию РГНФ¹³. Из административного «высока» грант чаще всего рассматривается как одно из второстепенных средств развития науки, адресованное «малым» формам – краткосрочным проектам ученых-«одиночек» или «первичных» коллективов (лабораторий, кафедр, исследовательских групп). В рамках такого видения грантовой науки вполне логично, что РГНФ получает примерно 1 % федеральных затрат на науку.

Впрочем, отведение грантовой форме поддержки ученых весьма скромных позиций не мешает видеть героическую миссию спасения российской науки в деятельности российских фондов периода их «догосударственного» существования. Е.В. Семенов, например, характеризует создание и деятельность РГНФ 1990-х годов как «часть многотрудной созидательной работы ответственной части российского научного сообщества в драматичный период 90-х годов». По его мнению, «гранты фондов «удержали» многих ученых на их рабочих местах в самый критический момент, когда очень многие научные работники, потеряв всякие надежды, готовы были покинуть науку и страну», «почти полностью был сохранен социогуманитарный сегмент научного производства, и в этом огромная заслуга РГНФ»¹⁴. В соответствии с такой героико-романтизированной интерпретацией работы фондов грантовая поддержка науки уподобляется «живому роднику», который в связи с изменением научной политики последних лет и огосударствлением фондов «может быть затоптан и превратится в обычную застойную лужу»¹⁵. Однако и более поздние саморепрезентации РГНФ характеризуются не меньшим мессианством с использованием, правда, более обыденных «медицинских» метафор – так, Ю.Л. Воротников, до недавнего времени занимавший пост директора этого фонда, уподобляет его «шприцу с глюкозой или капельнице с питательным раствором, подпитывающим ученых-гуманитариев», и одновременно «градуснику, показывающему, в каком состоянии находятся гуманитарные науки России, и каковы дальнейшие перспективы их развития»¹⁶.

Любопытен контраст между пафосом заявленной выше позиции и оценкой гранта Г.С. Батыгиным – оценкой, по мнению авторов этой статьи, более трезвой: «грантовая форма распределения плохая, но у нее есть одно положительное качество: все остальные формы распределения хуже»¹⁷. Как считает известный социолог, от необратимого распада российской ученой корпорацию спасли не гранты, а именно старая, социалистическая система поддержки науки: «Когда коммунистический режим рухнул, поддержка институтов статусного и административного распределения ресурсов и, соответственно, финансирование нерентабельных предприятий и организаций из государственного бюджета стали гениальным историческим решением, даже если это решение иррационально: в значительной степени фиктивная социально-статусная, номенклатурная струк-

тура, совмещенная с рыночными преобразованиями, сыграла роль надежного социального амортизатора и предотвратила маргинализацию образованных слоев»¹⁸. Впрочем, различия в оценке места грантовой науки в современном ученом сообществе имеют прямое отношение к реалиям работы фондов по финансированию проектов.

«Правила применения правил»: реалии грантовой политики

Казалось бы, назначение научного гранта ясно как божий день: оперативно поддержать оригинальное, перспективное исследование, предоставить (или «гарантировать» – в дословном переводе первоначального значения слова *grant*) его автору относительную материальную и организационную независимость в самый ответственный период реализации научного замысла, в конечном счете – обеспечить свободу творчества. Эти мотивы в том или ином виде артикулируются в официальных декларациях грантодающих организаций.

Однако практика распределения грантового финансирования значительно сложнее официальных заявлений фондов, и далеко не «любой» оригинальный проект может рассчитывать на грантовую поддержку. Западные фонды, как правило, в условиях конкурса ясно определяют круг потенциальных грантополучателей, предъявляя жесткие требования к подателям заявок, касающиеся возрастных и прочих ограничений. В первую очередь поддержка адресуется мобильным, так называемым «молодым» ученым, не достигшим 35-летнего возраста и высших научных степеней, владеющим определенным иностранным языком и готовым на срок от нескольких месяцев до нескольких лет поменять место работы и жительства. В некоторых случаях особо оговаривается, что при прочих равных условиях женщины предпочитают мужчинам, а обитатели провинциальных (или национальных) регионов – жителям столиц: «К участию в конкурсе приглашаются люди, обладающие активной жизненной позицией и академическими способностями, принадлежащие к социальным группам, которые недостаточно представлены в российском высшем образовании, – жители регионов, в том числе малых городов и сел, люди с ограниченными физическими возможностями, беженцы и вынужденные переселенцы и др. На поддержку Программы могут рассчитывать те, чей доступ к высшему образованию затруднен в силу объективных причин: социальных, культурных, исторических, семейных, экономических»¹⁹.

В требованиях к участникам конкурсов, объявляемых российскими фондами, социальные и профессиональные кондиции конкурсантов сформулированы более широко и менее конкретно. Однако практика распределения грантов – как и некоторые оговорки деятельных защитников российской грантовой системы – свидетельствуют о том, что и здесь существуют ограничительные критерии, не имеющие отношения к качеству заявленного проекта. Причем направленность ограничений в российском случае прямо противоположна тем, что практикуются

западными фондами. Предпочтение отдается именитым ученым, живущим в столице и институционально связанным со «знаковыми организациями» – РАН, МГУ и немногими другими. И хотя согласно официальной оценке РГНФ в последние годы доля «традиционно ведущих регионов» стала снижаться, преобладающую часть грантополучателей этого фонда по-прежнему составляют исследователи из Москвы, Петербурга и Новосибирска. Так, в 2006 году доля Москвы составила 45,6 % (в 2000 г. – 51,1 %), Санкт-Петербурга – 8,9 % (в 2000 г. – 12,8 %), Западно-Сибирского региона – 9,0 % (9,5 % в 2000 году), а по количеству заявок-победителей во всероссийских конкурсах РГНФ по-прежнему «бесспорно лидирует Российская академия наук» – в 2006 г. ее доля составила 35,8 % от всех профинансированных проектов²⁰.

«Любой сотрудник (даже младший научный), если он написал толковую заявку на грант, получает его в ходе честного конкурса...», – в этом панегирике в адрес РГНФ самой любопытной представляется невольная обмолвка «даже младший научный». Интересно и то, что молодежь и провинциальные университеты Е.В. Семенов, живописуя заслуги РГНФ перед отечественной наукой, квалифицирует как «ослабленные группы»²¹.

Здесь мы вновь сталкиваемся с живым наследием советской политики в области науки – планово-распределительной системой, иерархической организацией, патримониальными отношениями. А может быть, проблема лежит еще глубже, в культуре поколенческих предпочтений, ясно проявляющихся в ситуации экстремальной угрозы выживанию? Недаром же в западных культурах помощь терпящим бедствие в первую очередь адресуется самым перспективным – детям, в то время как в российской (крестьянской) традиции – пожилым хранителям опыта...

Российская «патерналистская» и бюрократическая традиция громоздит подводные камни не только на стадии определения группы принципиально предпочтительных грантополучателей, но и на этапе экспертизы конкретных заявок. Опытный фондовый эксперт Г.С. Батыгин делится следующими наблюдениями по поводу различий в критериях, предъявляемых к проектам грантозаявителей в зависимости от уровня их «авторитетности»: «Если они (авторы заявок – *И.Н., Ю.Х.*) известны в профессиональном сообществе, партикуляристские критерии экспертизы на их стороне, поскольку качество аппликационной формы не обсуждается – его заменяет вера в авторитет. В моих записях есть следующее статистическое наблюдение: если качество аппликации низкое, а специалист известный, текст аппликации вообще не обсуждается, а если специалист неизвестный, дискуссия ориентирована на формулировки задач исследования и принимается проект, более оснащенный риторически и оформленный по всем правилам бюрократической науки»²².

Наличие «двойного стандарта» в оценке проектов в зависимости от «веса» в научном сообществе подателя заявки оправдывают противники анонимности грантовых конкурсов: «В конкурсе научных замыслов, когда эксперт оценивает не только достоинства проекта самого по себе, но и реальность его выполнения, информация о подателе заявки является полезной и даже необходимой. Она позволяет уменьшить риск финансирования бесплодных или неосуществимых

замыслов. Имя ученого, являющееся его капиталом, в данном случае в какой-то степени влияет на оценки экспертов, но это оправдано, так как опыт, возможности, репутация ученого гарантируют от заведомо ошибочного решения»²³.

В любом случае, ориентируется ли сотрудник фонда, эксперт или податель заявки на оригинальность проекта, делает ли он ставку на известность ученого-грантозаявителя, пытается ли комбинировать различные критерии, ожидания, предъявляемые российским научным сообществом к грантам, чаще всего оказываются неудовлетворенными. «Проблема в том, что распределяются т. н. грантовые деньги в России очень странным образом, даже можно сказать, загадочным до неприличия. Вот и отдача от них соответствующая. А ведь уже все придумано, не надо ничего изобретать»²⁴. Под этим заявлением могло бы подписаться, скорее всего, большинство российских исследователей (и западных грантодателей), в том числе из исторического цеха.

Недовольство грантовым пространством ясно продемонстрировал опрос, который состоялся среди научных работников десяти регионов России летом – осенью 2003 года. Одно из главных нареканий со стороны респондентов состояло в том, что «вокруг фондов сформировались свои, устоявшиеся группы грантополучателей, состоящие преимущественно из московских и петербургских ученых». Участвовавшие в опросе сетовали также, что фонды не могут поддерживать новаторские идеи, так как при отборе проектов руководствуются мнением авторитетного научного сообщества. Согласно опросу фонды характеризовались как «механизм, порождающий новую форму иждивенчества – поскольку требования к предоставлению результатов работ, поддержанных фондами, значительно снизились»²⁵. Чаще всего во время опроса в адрес российских, и зарубежных фондов предъявлялось обвинение в «клановости».

Проведенный опрос совпал по времени со свертыванием рядом зарубежных грантодающих организаций своего присутствия в России или программ, ориентированных на российских ученых. В этой тенденции без труда читается разочарование зарубежных фондов в результатах своей работы в сферах российской науки и образования. В январе 2007 года в полуофициальном аналитическом отчете о деятельности в России крупнейших американских грантовых организаций с 1995 по 2005 год известный специалист по российской истории Стивен Коткин констатировал фактический провал западных усилий по реформированию постсоветского научно-образовательного пространства. Несмотря на огромные финансовые вложения, которые с момента распада Советского Союза оцениваются примерно в миллиард долларов, существенных трансформационных подвижек в сфере социальных наук, по мнению американского эксперта, не произошло.

Не отрицая определенных успехов фонда Форда и других аналогичных структур на ранней стадии их деятельности в России, когда в основном присуждались индивидуальные гранты на научные и образовательные цели, главную причину несостоятельности западных филантропических усилий С. Коткин, как и другие американские эксперты, принявшие участие в обсуждении его доклада, видят в том, что, начиная с 1997 года, грантообразующие организации кардинальным образом изменили свою тактику. Вместо того, чтобы на основе прошедших через западную систему «оценки по качеству» (merit awards) индивиду-

альных грантополучателей шаг за шагом создавать аналогичную систему в России, у них наметилась «тенденция к гигантизму», они переключились на «мега-проекты», нацеленные на институциональные изменения и воздействие на систему в целом²⁶.

Однако надежды на быстрые реформы через финансирование институтов и кафедр не оправдались, поскольку западные грантодатели слишком легко приняли на веру инновативные декларации институциональных лидеров, явно недооценив при этом степень корпоративного интереса, живучесть старых академических элит и, помимо всего прочего, потенциал отечественной бюрократии. Последняя не только включилась в борьбу за свой кусок грантового «пирога» (кому из российских грантополучателей не приходилось при перечислении средств на корпоративные счета сталкиваться с загадочной статьей «накладные расходы»!), но и начала активно встраивать грантовую перспективу в привычные административные процедуры. Ежегодная отчетность с разверсткой грантовых средств на всех работников факультета, кафедры или научного центра, вне зависимости от того, были ли они фактическими получателями или нет, сегодня уже никого не удивляет. А от некоторых коллег из региональных вузов приходилось даже слышать о «планах по грантам», устанавливающих количество проектов, которые сотрудники, особенно со степенями, обязаны за отчетный период отправить в фонды.

В этом административном нажиме, безусловно, есть и позитивная сторона – возможность с помощью традиционного ресурса «расшевелить» пассивную часть сотрудников, однако, велика вероятность и того, что в этой погоне за грантами количественный аспект явно превалирует над качественным. В результате, на практике зачастую оказывается, что «“грантосоискательство” – своеобразный вид спорта, в котором побеждает не обязательно лучший (умнейший), но приспособленный»²⁷. В связи с качественной разнородностью российского научного пространства «приспособленность» к грантовой форме организации науки также может быть разного рода.

С одной стороны, это может быть готовность налаживать связи с сотрудниками и экспертами фондов, играть на клановых интересах и по клановым правилам: «...существуют факты проявления экспертами прямой корысти, борьбы за клановые интересы, – признает один из основателей РГНФ. – Угрозу для грантовой системы представляет именно *эгоизм научных кланов*, часто выдающих себя за научные школы»²⁸. Впрочем, в клановости отечественных фондов некоторые российские науковеды видят явление вполне естественное и даже неизбежное: «Российские фонды – это, конечно, новая веха, новая идеология и технология. Свобода – это идеология фондов. Это огромный шаг вперед по сравнению с тотальной ведомственной схемой распределения ресурсов. Это значит, что каждый может, ни у кого не спрашивая, подать заявку. Он будет оценен своими же коллегами: экспертиза реер geview. Он пройдет конкурс, т. е. соревнование за ресурсы, которые получают только лучшие. Конечно, это теория, потому что в «живых» социальных системах немедленно возникает столкновение интересов, борьба. В итоге возникают научные кланы и справедливость нередко нарушается», – отмечает Б. Салтыков. Единственным же средством от создания устойчи-

вых групп влияния является постоянная ротация кадров, экспертных советов и самих аппаратов фондов²⁹. Однако это средство, широко и достаточно успешно практикуемое на Западе, в России, в силу экономической ситуации и все еще незавершенного формативного периода существования отечественных фондов, видится малореальным. В такой ситуации проверенный метод неформальной «страховки» через «пэров» и фондовые инстанции может оказаться весьма эффективным для получения желанного финансирования.

Другой, более «прозападной» стратегией успеха в борьбе за гранты является ориентация на составление добротной, с формальной точки зрения, заявки. Как известно, гранты чаще получают авторы хороших заявок, а не исследований, хотя первые не всегда неадекватны последним. Однако по сравнению с умением «играть» на патерналистских «струнах» умение написать элегантную заявку в России – дело более молодое и менее распространенное. «Заявка на грант, особенно в гуманитарных науках, где задачи исследования формулируются, как правило, риторически, – новый для российского сообщества литературный жанр, предполагающий умение убедить экспертов в актуальности и оригинальности проекта. Здесь требуется соединить стилистику бюрократического документа (цели, задачи, ресурсы, ожидаемые результаты, новизна, соответствие мировому уровню и т. п.) с изяществом изложения идеи и ее риторическим оснащением. В технических науках этой проблемы, как правило, не знают, а в гуманитарных науках, где маршрут движения в теме заранее не определен, и известно только, о чем мы будем писать, составление заявки на проект – занятие мучительное. Нельзя заранее точно написать, что мы придумаем в будущем году»³⁰.

Разнородность, непрозрачность и противоречивость стратегий успеха на грантовом «поле» современной России создает сложности в определении сути и назначения этой формы поддержки науки: «Что же такое грант? Приз, завоеванный в научной гонке? Денежное довольствие? Фьючерская оплата интеллектуальных услуг? Аналог рыночного кредита?.. А может быть, гранты являют собой как раз такой вид корпоративного распределения ресурсов, с помощью которого “республика ученых” сохраняет иммунитет к внешнему воздействию, создавая независимые институты экспертизы? Впрочем, и внутри “грантового пространства” сохраняется невидимая граница»³¹. Ответы на вопросы, что есть грант и как структурируется грантовое пространство российского ученого сообщества, непосредственно связаны с проблемами самочувствия и поведения нынешнего российского «грантового историка».

Эскиз к портрету современного грантополучателя-историка

Трудно представить себе феномен «грантового» историка в современной России без учета среды, в которой он сформировался и существует. Российский историк, уверенно чувствующий себя в международном грантовом пространстве, владеющий «языком» оформления заявки, способный грамотно рассчитать необхо-

димые расходы на реализацию проекта и дисциплинированно отчитаться о потраченных средствах, не с луны свалился. Он учился, как правило, в (позднее) советском университете, проходил научную социализацию в «смутное время» перестройки и ельцинского десятилетия, застал время скандальных разоблачений прошлого и головокружительно быстрого идеологического «переобувания» современников.

На рубеже 1990-х годов, когда вся отечественная наука оказалась в одночасье без финансовых, организационных и информационных ресурсов, а ее гуманитарный сектор вдруг перестал быть идеологически востребованным, научное сообщество вступило в стадию затяжного кризиса, который сопровождался острыми и риторически наполненными дебатами о «судьбах российской науки». Этот кризис усугублялся также и тем, что само это сообщество (или, по крайней мере, его преобладающая часть) не располагало ни опытом, ни психологической готовностью к борьбе за свое выживание. В такой ситуации, которую современники вполне правомерно воспринимали по принципу «спасайся, кто может» или «кто как может», значительное количество представителей гуманитарного сектора покинуло академическую сферу. Так называемая «утечка мозгов» в основном происходила здесь не во «внешнем» («западном»), столь живо обсуждаемом науковедами и политиками направлении, а в направлении «внутреннем» – миграции в бизнес, политику, госслужбу и – в том числе – в фонды.

Тем, кто все же решил остаться в профессии, вместо привычного упования на государственный патронат, пришлось надеяться только на собственные силы и, соответственно, вести себя менее потребительски и более активно – искать альтернативные источники финансирования, темы, способные привлечь такое финансирование, и готовых к сотрудничеству коллег, как в России, так и за ее пределами. Это, в свою очередь, потребовало более интенсивного освоения информационного пространства и сопутствующих технологий. Как выяснилось, «такая информация доступна, нужно только научиться ее искать, а во-вторых, что эта учеба вполне посильна, хотя трудна и крайне непривычна»³².

Однако внедрение этой «активной» стратегии поведения в российской среде происходило отнюдь не гладко. В связи с этим имеет смысл остановиться на некоторых особенностях отечественной академической и университетской культуры, которые по вполне понятным причинам не вполне рефлексированы российскими наблюдателями, но хорошо заметны иностранцам, имеющим опыт исследовательской и преподавательской работы в России.

Немецкий историк Д. Вульф, работавший в Берлине, Париже, Стэнфорде и с 2001 года преподающий в Воронежском государственном университете, выделил ряд характерных признаков, присущих, по его мнению, современной научно-педагогической культуре в российской провинции³³. В первую очередь, это зависимость от централизованного государства. В итоге преподаватели, подчиняясь учебному почасовому плану, ограничены в свободе предлагать студентам учебные курсы. Отсутствие свободы преподавания порождает и дефицит свободы обучения. Отношения между «учащими» и «учащимися», с точки зрения внешнего наблюдателя, отличает удивительная патриархальность. Студент в российском высшем учебном заведении воспринимается не как взрослый и самостоя-

тельный партнер, а скорее как неразумное дитя, что якобы оправдывает применение в вузе школярских методик зазубривания, воспроизводства того, что было сказано преподавателем, фронтального опроса и пр.

Далее, центральным элементом университетской научной и педагогической культуры в провинциальной России выступает коллектив. Учеба в группе, патронаж кафедры в отношении молодых преподавателей из своих же выпускников, необходимость принадлежать к «научной школе» или ее подобию как гарантия успешной научной карьеры – все это вместо духа соревновательности порождает атмосферу «взаимовыручки», коллегиальности и коллективной ответственности. «Общинность» университетской среды нашла отражение и в языке научного сообщества, доказательством чего является устойчивая и специфически российская традиция использования в научных текстах (статьях, диссертациях, выступлениях на конференциях) местоимений в первом лице и множественном числе («на основе *наших* исследований *мы* пришли к выводу», «*нами* будет рассмотрено» и т. п.), что не поддается искоренению даже среди молодых и самостоятельных исследователей.

Обращает Д. Вульф внимание и на такую черту практикуемой в нестоличных вузах исторической науки, как провинциализм – самодостаточность и самодовольство, преимущественно позитивистский исследовательский подход, игнорирование международной историографии и новейших конструкций в области теории и методологии истории. Эти изъяны чаще всего коренятся в незнании иностранных языков и оправдываются «славянофильским» тезисом о неспособности иностранцев понять российскую историю.

Правда, Д. Вульф отмечает и некоторые преимущества этой университетской культуры, такие как недоступная в западном университете возможность для российского ученого всю жизнь заниматься одной темой и, как следствие этого, основательные и детальные знания состояния архивных источников и фактического материала в рамках избранной исследовательской проблематики. Несмотря на то, что заключения немецкого автора основывались на наблюдениях, сделанных в провинции, некоторые из зафиксированных им черт, в особенности патернализм «старших», инфантилизм и потребительство «молодых» и методологическая неповоротливость вкупе с почиванием на лаврах, на наш взгляд, вполне применимы к характеристике общей ситуации в традиционных академических и образовательных институтах.

Грантовая форма организации и финансирования науки принадлежит к принципиально иной культуре, ориентирующейся на самостоятельность, исследовательскую независимость, мобильность и индивидуальный успех. В работе на грантовые средства востребованы – и интенсивно развиваются – такие качества как установка на риск, умение оперировать деньгами и ориентироваться в потоках информации, лингвистическая компетентность, подразумевающая не только основательное знание, по крайней мере, одного из европейских языков, но и гибкую стилистику текстообразования.

Поэтому приобщение российских историков к международному грантовому пространству первоначально в 1990-е годы сопровождалось серьезными позиционными конфликтами³⁴. Эти конфликты затрагивали прежде всего самих гранто-

пользователей, вынужденных «сидеть на двух стульях» – балансировать между привычной коллективно-патримониальной научно-педагогической культурой и грантовым «индивидуализмом», – если, конечно, у них, как часто (и иногда небезосновательно) подозревали «патриотически» настроенные коллеги, не возникло желания полностью «пересесть» на западный «стул». Дополнительный драматизм ситуации придавали подозрительность и банальная зависть окружения, особенно явные и устойчивые в провинциальных университетах, но не миновавшие вслед за падением «железного занавеса» и столичные академические, и университетские сферы, в связи с чем на «счастливых», облагодетельствованных зарубежными фондами, нередко навешивались ярлыки «записных» историков, выполняющих некий западный «заказ».

К настоящему времени недоверие к получателям западных стипендий не только не прошло, но и, похоже, с недавних пор, напротив, начинает прибывать. Симптоматично, что в прошедшем осенью 2007 года по одному из центральных российских телеканалов документальном фильме «Бархат» стипендиаты западных, прежде всего американских, фондов причислялись к числу активистов организованных на территории бывшего СССР бескровных, «бархатных» революций прозападной ориентации. Критика отечественных неправительственных организаций и отдельных получателей зарубежного финансирования в заявлениях государственных лидеров разного уровня в последнее время превратилась в распространенный мотив, и этот акцент на «происках» западных «вредителей» является одним из самых заметных внешних маркеров «патриотического поворота» в государственной идеологии и политике. Так, губернатор Волгоградской области В.Е. Позгалев в интервью от 29 марта 2007 г. заявил, что «слепо следовать советам всяких фондов – себя не уважать. На днях Президент очень резко отозвался о деятельности неправительственных организаций, которые на деньги правительств других стран вмешиваются во внутренние дела России. Дошло до того, что учителя гордились званием соросовских стипендиатов: их на курсах учили, как идеологически подрывать основы России, платили гроши из фонда Сороса, и они с энтузиазмом промывали мозги детям»³⁵. (Напомним, что последний конкурс учебников на деньги Сороса был проведен еще в 1990-х гг., проведенный же в 2003–2004 г. последний российский конкурс особым успехом не увенчался)³⁶. Выступая в июне 2007 г. на всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук, В.В. Путин отнес часть проблем с методикой и преподаванием новейшей российской истории на счет учебников, написанных авторами, что работают за иностранные гранты и «исполняют польку-бабочку, которую им заказывают»³⁷. Эта позиция нашла логическое завершение в речи Президента на митинге в Лужниках 21 ноября 2007 г.: высказывания российского лидера о тех, «кто “шакалит” у иностранных посольств... и рассчитывает на поддержку иностранных фондов и правительств, а не на поддержку своего собственного народа» были охарактеризованы российскими и международными СМИ как один из самых резких антизападных выпадов за последнее время³⁸.

Сосуществование в рамках одной институциональной группы «преуспевающих» одиночек, вкусивших от пресловутого грантового «пирога», и «прозябаю-

щих» коллег создавало не менее драматичную линию культурного конфликта. Примечательно, что именно конфликты такого рода, по признанию С. Коткина, отчасти сыграли роль фактора, побудившего западные фонды переместить ставку с индивидуальных проектов на институциональные. Как только какой-нибудь фонд поддерживал отдельного ученого, это вызывало негодование и недовольство среди всех его коллег и начальников, подвигая их к прямому лоббированию фондов под предлогом того, что оцененные ими качества индивидуального грантополучателя проявятся намного лучше, если грант получит весь институт³⁹.

Тем не менее именно иностранные фонды, которые в 1990-е годы при объявлении грантовых конкурсов отдавали предпочтение контингенту, занимавшему в российских научных иерархиях самые скромные позиции, содействовали стремительному формированию обозримой, но весьма заметной группы «регулярных» грантополучателей, в том числе и в кругах российских историков. «К 2000 г. прозападный контингент превратился во вполне распознаваемую часть профессионального сообщества. В определенном отношении они являются замкнутой группой и образуют свой круг общения, маркированный внешним видом, стилем письма, в том числе символическим цитированием и профессиональным жаргоном, а также независимым поведением, – определенный хотя бы тем обстоятельством, что их работы публикуются на иностранных языках»⁴⁰.

В ряду социально «осязаемых» признаков этой группы среди историков следует отметить также их относительную молодость⁴¹ (в настоящее время возраст большинства успешных в 1990-е годы пользователей западных грантов в историческом цехе России составляет 40–50 лет) и высокий процент женщин – значительно превышающий их долю в официальных научно-педагогических иерархиях⁴². Явная чужеродность этой группы в российском академическом мире спонтанно компенсировалась солидарностью с единомышленниками-одиночками, вырвавшимися из-под кафедральной опеки и не относящими себя к какой-либо признанной «школе»⁴³. (Авторы данной статьи входят в одно из таких объединений – возникший несколько лет назад «эзотерический» кружок историков со специфическим «внутренним» языком, иногда приводящим окружающих в замешательство; «кочующих» и склонных к разработке экзотических или маргинальных для официальной российской историографии тем⁴⁴.)

Бывшие стипендиаты западных фондов являются и поныне наиболее частыми гостями организуемых на зарубежные средства конференций, семинаров и коллоквиумов. Они считаются – и по праву – наиболее опытными в процедурах успешного оформления грантовых заявок, желанными экспертами и рецензентами проектов, подающихся на международные конкурсы, образуя стабильную группу «профессиональных грантополучателей». Здесь необходимо отметить, что в отличие от отечественных фондов зарубежные грантодающие организации стараются поддерживать контакт со своими «выпускниками», занося их в базы, поощряя их общение друг с другом и вовлекая их в свои новые программы.

Кардинальные перемены доступного российским гуманитариям грантового ландшафта – сокращение западных программ и расширение внутрirosсийских (региональных) – не замедлили сказаться на облике и профиле группы нынешних «грантовых» историков. Можно отметить несколько характерных тенденций,

достаточно явных, хотя о долговременных результатах их развития говорить еще рано. Прежде всего историков-грантополучателей стало в России больше, чем в 1990-е годы.

Получение гранта, кажется, перестало быть сенсацией. Поиск и оформление заявок рутинизировалось, превратившись в своеобразную индустрию со своими «профессионалами», которые, если нужно, способны провести эффективный семинар по теории и практике грантоискательства, а на менее формальном уровне дать квалифицированную, а иногда и достаточно циничную консультацию по поводу приемов работы с разными видами грантодателей и предоставления отчетности.

Сама же грантовая поддержка рассматривается ныне уже не в качестве основного средства существования, а скорее в качестве символического капитала, обладание которым включается в индивидуальные и коллективные отчеты о научной работе как формальный показатель ее успешности. Здесь мы, пожалуй, постепенно начали приближаться к западному понятию «работы на резюме», где наличие в профессиональном *curriculum vitae* успешной «грантовой истории» расценивается как аналог банковской «кредитной истории» и гарантия платежеспособности. Что касается собственно «меркантильной» части, то ни для кого не секрет, что российские фонды предоставляют небольшие деньги, а с изменением цен на жизнь в России и колебанием валютных курсов, западные стипендии, еще совсем недавно воспринимавшиеся как возможность разом решить большие проблемы или осуществить вожделенную мечту, утратили былую привлекательность. Ни квартиру, ни дачу, ни автомобиль на зарубежную грантовую поддержку ныне не приобрести.

Эта перемена таит в себе и плюсы, и минусы. Хорошо, что все большее количество исследователей пробует себя в грантовой сфере, а сами гранты перестают вызывать в России зависть коллег и рассматриваться как средство выживания в буквальном смысле этого слова. Не очень хорошо, что требования к претендентам понизились: ни знание иностранных языков, ни компетентность в международной историографической ситуации, ни методическая изощренность, строго говоря, уже не являются ныне необходимыми условиями победы в конкурсе. Плохо, что с сокращением возможностей участия российских историков в зарубежных программах вновь возникает угроза скатывания к провинциальной автономности и самодостаточности. Скверно, что в условиях огосударствления отечественных фондов в соответствии со старой советской традицией, более важными, чем качество заявки на грант, кажется, вновь становятся формальный статус заявителя, его принадлежность к «научной школе», способность ««найти подход» к экспертам или сотрудникам фонда, «помочь» их женам и детям и вообще «договориться»»⁴⁵.

К одному из самых неприятных последствий массовизации «грантовой науки» в современной России стало учащение случаев плагиата при подготовке заявки и реализации финансируемого исследовательского проекта⁴⁶. Работа по гранту несовместима с исследовательской культурой, ориентированной на пожизненное занятие одной и той же научной темой. Однако желание сформированной в последние годы категории «профессиональных» грантополучателей

новой генерации – непрерывно пересаживаться с гранта на грант и даже одновременно «окучивать» несколько фондов – не совпадает с их возможностями столь часто менять тему научной работы и успешно доводить проекты до завершения. Итог известен: в лучшем случае мы наблюдаем бесчисленные манипуляции с результатами собственных научных исследований, в худшем – чужих.

Однако несмотря на все издержки появление в 1990-е годы шансов на независимую оценку и финансовую поддержку индивидуальных исследовательских проектов по истории сыграло роль подспудной революции в российском научно-педагогическом сообществе историков⁴⁷. Мало того, что это сообщество благодаря зарубежным стипендиям стало более пестрым и «плюралистичным» по исповедуемым теоретическим принципам, методическим подходам и поведенческим стратегиям. Грант стал инструментом создания альтернативных профессиональных карьер, не связанных со статусом в официальных научных иерархиях. Изучая автобиографические нарративы современных социологов, Н.Я. Мазлумянова обратила внимание на то, что «в биографических материалах младшего поколения возникает своеобразная семантика «инициативности» и личных достижений. Отчасти это находит выражение в снижении удельного веса институциональных описаний и повышении удельного веса личных достижений, а также неформальной научной коммуникации. Возникает также специфическая для биографического жанра доминанта авантюристичности в построении жизненной стратегии. Ошибки и неудачи уже не снижают самооценку, а рассматриваются как необходимое звено в серии проб и ошибок. Появляется новый «герой»-авантюрист, «путь в науке» диверсифицируется, и повествование распадается на несколько сюжетных линий, соответствующих сферам проб и ошибок: социология может сочетаться с журналистикой, искусством, литературой, художественным переводом и т. п. По всей вероятности, происходит смена институциональных образцов, регламентирующих биографические повествования: «Я» (как институт) все более преобладает над требованиями «места занятости». Соответственно возникают широкие возможности горизонтальной и вертикальной мобильности в научных карьерах»⁴⁸.

Есть основания полагать, что подобная тенденция наблюдается и в среде российских историков младшего и среднего поколения.

Подведем итоги. Конечно, грантовая поддержка сама по себе не в состоянии обеспечить ни полную свободу творчества, ни здоровую конкуренцию, ни солидарность научного сообщества на основе общей системы ценностей. Однако при всей иллюзорности грантовой «свободы», новая форма финансирования науки, к которой российские историки за последние 10–15 лет имели возможность приобщиться сначала через зарубежные, а затем отечественные фонды, способствовала формированию новых и возвращению к жизни основательно забытых черт профессионального этоса гуманитариев. Его принципиально важными элементами, на наш взгляд, можно считать исследовательскую самостоятельность и независимость, доступ в мировое научное пространство, приобретение навыков научного менеджмента, возможность «естественного отбора» наиболее активных и приспособленных. С появлением фондов, конкурсов, формальных и не-

формальных сообществ выпускников произошло возрождение в той или иной степени реальной научной экспертизы, что особенно важно для гуманитарных дисциплин, в которых этот институт практически полностью деградировал в условиях прежней, командно-административной системы. При этом участие в зарубежных программах явилось своего рода тестом на соответствие международным стандартам, в т. ч. и процедуры научной оценки; и тот факт, что многие выдержали этот «экзамен», представляется достаточным основанием не драматизировать ситуацию с «кризисом исторической науки» в современной России.

Вместе с тем, в связи с огосударствлением и бюрократизацией российских фондов велика опасность новой профанации процедуры экспертизы, когда конкурсная идеология, декларируемая в уставах фондовых организаций, приносится в жертву неформальным патерналистским связям и государственному заказу. Эта тенденция становится еще более удручающей на фоне «русификации» российского грантового пространства, в котором грантовый историк образца 1990-х годов, надо признать, чувствует себя довольно неуютно.

Восемь десятилетий назад, накануне сталинской индустриализации, Б. Рассел, размышляя о будущем науки в свете соревнования СССР и Запада, писал: «...хотя противостояние между Россией и Западом является в своей основе экономическим, можно ожидать, что оно распространится на всю область убеждений. Когда я говорю об убеждениях, я имею в виду догматические мнения по вопросам, в отношении которых истина неизвестна. Конечно, всех бед можно избежать благодаря распространению научного духа или, другими словами, благодаря привычке формировать мнения на основе фактов, а не предубеждений. Но хотя научный метод необходим для индустриализма, дух науки скорее принадлежит коммерции, поскольку он необходимо индивидуалистичен и не поддается влиянию авторитетов»⁴⁹.

Пока что в современной России трудно себе представить как тотальную догматизацию науки, так и торжество расселовской научной свободы. В обозримой перспективе вряд ли возможно полное исчезновение грантовой формы финансирования науки, которая, скорее всего, будет сочетать конкуренцию и патернализм. При этом степень преобладания той или иной тенденции, по-видимому, будет зависеть от того, захочет ли государство терпеть науку, не поддающуюся влиянию авторитетов.

Postscriptum

Эта статья писалась давно, в 2007 г. Затем она по различным причинам долго не могла покинуть редакторский портфель, и, честно говоря, авторы смирились с мыслью, что она в нем и сгинет. Время шло, ее критический запал, как нам казалось, терял злободневность, возникали новые привходящие обстоятельства, требующие учета при формулировании авторских выводов – прежде всего явное усиление государственного внимания к проблемам «фальсификации истории» и наметившуюся в последнее время смену державного гнева на милость в отношении носителей «утекших мозгов» (правда, не из разряда гуманитариев).

Повод еще раз вспомнить о нашем опусе мы неожиданно получили летом 2010 г., когда в составе большой команды рискнули подать заявку в одну из правительственных программ на получение относительно крупного и длительного финансирования под коллективный проект. Решившись потратить на это несколько недель летнего отпуска, мы не предполагали, что львиную долю времени и усилий отнимут не формулирование исследовательской гипотезы, не обоснование концепции и программы исследования, а тщательное соблюдение бюрократической процедуры: приспособление заявочных форм и инструкций, явно «заточенных» под технические заявки, к проекту гуманитарного профиля, сбор и согласование непомерного количества официальных справок и выписок из протоколов и реестров, охота на проректора, по недосмотру не завизировавшего одну из пары дюжин страниц, на которых должен был красоваться его автограф, и прочая канцелярская мелочь, включая традиционную работу шилом и дыроколом и сшивание суровыми нитками отдельных блоков заявочных документов общим объемом в полторы сотни страниц по «установленному образцу».

Этот новый для нас опыт, как нам кажется, с гротескной грубостью подтверждает, по крайней мере, одну из тенденций, осторожно намеченных тремя годами раньше: в условиях мирового финансового кризиса шансы российских ученых-гуманитариев получить зарубежные гранты стремительно сокращаются, в то время как бюрократизация грантового пространства в России набирает обороты, которых мы пару лет назад не могли и предположить, и приобретает формы, достойные пера отечественных сатириков XIX в. Сегодня с большей, чем еще пару лет назад, долей уверенности и основательности можно говорить о том, что соотношение конкуренции и патернализма в жизнедеятельности исторического ученого цеха в современной России вернулось на круги своя. Отныне необходимость выбора между «нашей» и «ненашей» моделями организации науки отпала: увы, выбор прочно обосновался в рамках «нашей», бюрократической, альтернативы.

Для научного сообщества российских историков такой сценарий развития может иметь далеко идущие последствия: «грантоносцы», накопившие за прошедшее двадцатилетие успешный опыт сотрудничества с западной наукой, через 10–20 лет рискуют утратить активные профессиональные позиции, не передав свои наработки следующему поколению, поскольку это наследие, возможно, останется невостребованным. Более привлекательным, за неимением иного, может оказаться опыт успешного историка-бюрократа, владеющего птичьим языком технической заявки, готового безоговорочно следовать изменчивым административным командам, готового холить и лелеять полезные связи в полезных кругах и не ломать себе голову по поводу научной свободы и ответственности. С чем и поздравим друг друга?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Батыгин Г.С. Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России (заметки эксперта) // Науковедение. № 4, 2000. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/jornal/scilog/grantyout.htm>.

² Авторы статьи могут довольно уверенно рассматривать «грантового» историка из перспективы снизу, поскольку сами они на протяжении 1992–2007 годов являлись пользователями грантов следующих фондов: концерна Фольксваген, Фонда А. фон Гумбольдта, Немецкого научно-исследовательского сообщества, фонда Герды Хенкель, Института «Открытое Общество», IREX, РГНФ и других. Большинство тезисов, представленных в статье, являются результатами личных наблюдений и имеют предварительный характер.

³ *Салтыков Б.* Реформирование российской науки: анализ и перспективы. Отечественные Записки. № 7–8 (2002). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=79>.

⁴ Ср.: *Батыгин Г.С.* Невидимая граница... URL: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/journal/scilog/grant-you.htm>, *Семенов Е.В.* Гранты в российской науке: Опыт Российского гуманитарного научного фонда. Sceptic Ratio. Научно-познавательный сайт Олега Акимова. URL: <http://sceptic-ratio.narod.ru/po/pn-1.htm>.

⁵ *Воротников Ю.Л.* Отчет председателя Совета РГНФ члена-корреспондента РАН Ю.Л. Воротникова «Деятельность Российского гуманитарного научного фонда в 2006 году» // Вестник РГНФ. № 2 (2007). С. 40.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Коммерсантъ № 99(2702). 09.06.2003. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=388072>.

⁸ *Салтыков Б.* Реформирование российской науки: анализ и перспективы. Отечественные записки. № 7–8 (2002). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=79>.

⁹ *Дежина И.* Грантовое финансирование российской науки: тенденции и оценки / Экономико-политическая ситуация в России. Декабрь 2003. – М.: ИЭПП, 2003. С. 49–51. URL: <http://www.iet.ru/trend/12-03/15.htm>.

¹⁰ *Воротников Ю.Л.* Гуманитарные науки в современной России: состояние и перспективы развития в оценке РГНФ / Знание. Понимание. Умение. Информационный гуманитарный портал. URL: <http://www.zpu-journal.ru/fundraising/management/articles/Vorotnikov/>

¹¹ *Воротников Ю.Л.* Отчет Председателя Совета РГНФ... С. 46.

¹² Фурсенко предложил альтернативу грантовой системе финансирования науки // Финансовые известия. 15.11.2004. URL: <http://www.finiz.ru/ournews/article889197>.

¹³ *Семенов Е.В.* Гранты в российской науке...

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Воротников Ю.Л.* Гуманитарные науки в современной России...

¹⁷ *Батыгин Г.С.* Невидимая граница...

¹⁸ Там же.

¹⁹ Международная программа стипендий фонда Форда. URL: <http://www.iie.ru/ifp/Contest/Current/8/index.htm>.

²⁰ *Воротников Ю.Л.* Гуманитарные науки в современной России... Отчет председателя Совета РГНФ... С. 48.

²¹ *Семенов Е.В.* Гранты в российской науке...

²² *Батыгин Г.С.* Невидимая граница.

²³ *Семенов Е.В.* Гранты в российской науке... С. 18.

²⁴ *Ильинский П.* Российскую науку нужно не реформировать, а интегрировать / Russian Academy of Sciences. URL: http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=de5a0de4-1dfc-45d1-bad3-93c7d959254c&_Language=en.

²⁵ *Дежина И.* Грантовое финансирование...

²⁶ См.: Lost Opportunity in Russia. URL: <http://www.insidehighered.com/layout/set/print/news/2007/01/31/russia>.

²⁷ *Батыгин Г.С.* Невидимая граница...

²⁸ *Семенов Е.В.* Гранты в российской науке...

²⁹ *Салтыков Б.* Реформирование российской науки: анализ и перспективы. Отечественные записки. № 7–8 (2002). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=79>.

³⁰ *Батыгин Г.С.* Невидимая граница...

³¹ Там же.

³² *Кирский Э.* Параллельные миры // Отечественные записки. Тематический номер «Блеск и нищета российской науки». № 7–8 (2002). URL: <http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=387&numid=8>.

³³ Подробнее см.: *Wulf D.* Wissenschaftskultur in Russland am Beispiel der Geschichtswissenschaften / Zeitschrift für Geschichte. 2004, № 10. S. 886–893.

³⁴ Подробнее о конфликтах, сопровождающих «путешествия» между различными академическими мирами см.: *Нарский И.В.* Путешествие между университетскими мирами, или бремя свободы // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. – М., 2006. С. 138–153.

³⁵ *Позгалев В.Е.* Разрушить русский мир – разрушить Россию. РФ сегодня. № 6 (2007). URL: http://www.russia-today.ru/2007/no_06/06_topic_1.htm.

³⁶ *Шевченко Н.И.* Учебники истории на новый 2003–2004 учебный год. URL: <http://www.2003.pedsovet.alledu.ru/files0/files1/files629/files640/docs/19.htm>.

³⁷ Независимая Газета. 22.06.2007. URL: http://www.ng.ru/politics/2007-06-22/1_rodina.html.

³⁸ Путин обвиняет Запад в стремлении ослабить Россию («The Financial Times», Великобритания) Нейл Бакли (Neil Buckley), 22 ноября 2007. URL: <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/237973.html>.

³⁹ Lost Opportunity in Russia. URL: <http://www.insidehighered.com/layout/set/print/news/2007/01/31/russia>.

⁴⁰ *Батыгин Г.С.* Невидимая граница...

⁴¹ За отсутствием статистически достоверных исследований на эту тему авторам пришлось оперировать собственными наблюдениями и субъективными впечатлениями о социально-культурном профиле «грантовых» историков.

⁴² См. подр. в: *Дежина И.* Влияние грантового финансирования на положение женщин в российской науке // Социологический журнал. 2003, № 12. С. 86–100; *Она же.* Положение женщин-исследователей в российской науке и роль фондов. – М., 2003.

⁴³ Как нам представляется, именно успешные «грантоносцы» 1990-х годов составили инициативное ядро возникших тогда же неформальных объединений историков – центров гендерной, интеллектуальной и прочих новых направлений культурной истории.

⁴⁴ Подробнее об этой группе см. на сайтах Центра культурно-исторических исследований факультета права и финансов ЮУрГУ (www.kulthist.susu.ac.ru) и челябинско-базельского виртуального интернет-семинара по российской истории (www.isem.susu.ac.ru).

⁴⁵ *Батыгин Г.С.* Невидимая граница...

⁴⁶ См., например, случай из нашей практики, описанный в: *Хмелевская Ю.Ю.* Продвинутый плагиат // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 167–169.

⁴⁷ Авторы исходят из убеждения, что историки в России несмотря на внутреннюю разнородность и многообразие линий конфликта составляют научное сообщество, основанное на общности исповедуемых мифов (например, об идеале «чистой науки»), практикуемых ритуалов (признании квалификационных процедур, степеней и званий), языка.

⁴⁸ *Мазлумянова Н.Я.* Жизнь в науке: концептуальная схема и описание биографических материалов российских социологов / Социальные науки в постсоветской России. – М.: Академический проект, 2005. С. 202.

⁴⁹ *Rassel B.* Sceptical Essays, 1928. (Цит. по: *Рассел Б.* Словарь разума, материи, морали. – М., 1996. С. 164).

НРАВЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ К ПАДЕНИЮ И НАДЕЖДЫ НА ВОЗРОЖДЕНИЕ

Борис СОКОЛОВ

Что такое нравы? Согласно определению американского социолога Уильяма Г. Самнера, это принятые и строго предписанные формы поведения в пределах какого-либо общества или общины¹.

На нравах современных российских историков, без сомнения, не лучшим образом сказались те драматические перемены, которые произошли в их положении за последние два десятилетия. Из властителей дум миллионов в эпоху перестройки и гласности они превратились после краха СССР в категорию людей, которым приходилось думать о физическом выживании, поскольку прежняя профессия не могла их прокормить. Советская этика потерпела крах, а «буржуазная» этика вроде знаменитой «протестантской этики» Макса Вебера до сих пор не прижилась ни в российском обществе в целом, ни в сообществе историков в частности.

Открывающийся перед ними выбор оказывается весьма нешироким. Основная масса историков вынуждена опять выполнять социальный заказ государства, фактически возвращаясь к роли пропагандистов, от которой отвыкли за годы перестройки. Только заказ этот стал куда более расплывчатым, особенно за пределами XX века, и Российское государство платит за его выполнение гораздо меньше, чем платило советское. Директора академических учреждений в рыночных условиях стали рассматривать подведомственные учреждения, и прежде всего занимаемые ими здания, как чуть ли не собственность, извлекая из нее доход, прежде всего, путем сдачи в аренду площадей. Руководящие круги институтов стараются участвовать во всех отечественных и зарубежных грантах, получаемых сотрудниками института, что рассматривается как форма своеобразной дани. А сотрудники архивов в свою очередь стремятся заработать на тех фондах, которые находятся в их распоряжении, продавая копии документов зарубежным исследователям и организациям.

Те историки, которые не хотят выполнять социальный заказ, ориентируются по большей части либо на получение зарубежных исследовательских грантов, либо на получение основных доходов в государственных или бизнес-структурах, напрямую не связанных с исторической наукой. История для них становится родом любительского хобби, к которому они применяют, однако, весь свой профессиональный опыт и навыки.

Теперь нравы историков становятся более циничными и более ориентированными на рыночный принцип «ты – мне, я – тебе». Идеалистов, веривших либо

в советский коммунизм, либо в социализм с человеческим лицом, которые еще встречались в заметном количестве в советское время, сейчас остается все меньше.

Социальные корни нравов

В 1990-е годы, с введением рыночной экономики и ослаблением интереса государства к истории, историки, казалось бы, получили право писать, говорить и преподавать практически все, что хочешь (в том числе и заведомую ерунду), но платили за это совсем не щедро (если вообще платили). Наиболее энергичные и талантливые из историков либо эмигрировали, либо подались в бизнес и другие более прибыльные сферы знания (политология, политтехнология, пиар и т. п.), либо, на худой конец, взялись за написание научно-популярных книг по истории преимущественно XX века, имевших примерно до конца 2000-х годов спрос на рынке. Другой прибыльный род «исторического бизнеса» – написание школьных учебников истории, одобряемых Министерством просвещения (ныне Министерством образования и науки) в качестве основных и издаваемых массовыми тиражами. Это дело в значительной мере монополизировало руководство главных исторических институтов и группы близких историков. Всех их можно условно назвать «коммерческими историками», поскольку им удастся использовать свои знания для обеспечения относительно безбедного существования. Некоторые историки небезуспешно вписались в своеобразный государственный заказ на создание трудов по истории России «государственно-патриотического направления». Другая часть историков, гораздо менее многочисленная, смогла получить такой заказ на создание трудов либерально-демократического направления – от некоторых тесно связанных с государством коммерческих структур.

Еще один способ выживания историков – написание работ по заказам сильных мира сего, будь то биографии политиков и бизнесменов или истории фирм и компаний. Этого рода работы, пожалуй, дальше всего отстоят от науки, и здесь историкам приходится порой идти на нравственные компромиссы. В собственно исторической науке в России остались, возможно, лишь немногочисленные фанатики, либо люди, не нашедшие лучшего применения своим знаниям и способностям.

Сегодня часть историков ищет нравственную опору в православии и патриотизме. Представители этого направления убеждены, что «через отнесение к божественному история наполняется и нравственным содержанием, ведь абсолютная и убедительная Красота ведет за руку абсолютное и убедительное Добро»². Другая часть историков остается привержена марксистским догмам. Наименьшая часть российского исторического сообщества исповедует либеральные ценности. Многие историки вообще пытаются абстрагироваться как от идеологии, так и от любого теоретического знания и позиционировать себя в качестве сугубых профессионалов-позитивистов, убеждая себя и других в том, что история не оценивает прошлого, а только устанавливает относящиеся к прошлому факты

и старается объяснить их, хотя бы с позиций здравого смысла. Для большинства историков православие является лишь знаменем, благосклонно принимаемым властью, как когда-то марксизм, под которым пытаются отстоять собственные идеи.

Приверженность православным ценностям во многом обусловлена современной политической конъюнктурой. Как с иронией замечает Александр Баллод, «отечественные научные светила, освобожденные новой демократической властью от бремени марксистско-ленинской присяги, смогли проявить себя главным образом на почве ниспровержения того, что писали раньше они сами или их уважаемые коллеги»³

Что же касается патриотического начала, то оно, в отличие от православия, для большинства российских историков не является чем-то лишь сугубо конъюнктурным, хотя понимание его существенно различается.

В советское время, так или иначе, существовало сообщество историков, объединенных следованием марксистской теории исторического процесса. За пределами этого сообщества оставались только те историки-диссиденты, которые придерживались немарксистских взглядов. При этом большинство историков-диссидентов в то время придерживалось марксистских взглядов, хотя их толкование марксизма не совпадало с официальным. Поэтому их тоже можно было считать членами сообщества советских историков, по крайней мере, на уровне единства парадигмы, несмотря на тот остракизм, которому они подвергались. В постсоветской России возобладал идеологический плюрализм. Единое сообщество историков в России, ранее поддерживавших друг с другом если не личными, то хотя бы научными планами, фактически распалось на ряд групп или микрообществ, объединенных по фактору общности взглядов, выражаемых часто в специальном печатном органе, принадлежности к одной и той же ассоциации, кафедре, институту, а иногда – просто по принципу личного знакомства и приятельских отношений.

Написание диссертаций за других лиц: стыдно или не стыдно?

Нашли продолжение в новой России те явления, противоречащие принципам научной этики, которые были распространены в позднесоветское время. Речь идет, прежде всего, о написании диссертаций и книг вместо других лиц за то или иное вознаграждение. Поменялись только заказчики, вернее, их круг расширился. Раньше основными заказчиками были представители партийной и советской номенклатуры, как правило, среднего звена (за представителей высшей номенклатуры диссертации и книги писал в рамках своих служебных обязанностей полагавшийся им по должности штат референтов, консультантов и помощников, обычно не получавший за свои труды дополнительного вознаграждения). Значительную часть заказчиков составляли руководители академических научных учреждений и университетов. При этом расплачивались с исполнителями либо деньгами и прочими материальными благами вроде квартир, либо карьерным

ростом, в том числе и возможностью самому защитить диссертацию (иногда оба способа оплаты сочетались).

Сегодня среди заказчиков диссертаций и научных книг – не только государственные чиновники, но и крупные бизнесмены, а также топ-менеджеры крупных частных и государственно-частных компаний. При этом круг заказчиков по сравнению с советскими временами расширился на порядок. Соответственно, возросли и соблазны для историков выступить в роли «исторических негров», тем более, что другие способы заработать в своей профессии значительно сузились. Немаловажную роль сыграло то, что в последнее десятилетие негласным правилом стало то, что руководители крупных федеральных структур и чиновники, начиная с определенного уровня, должны непременно обладать степенью хотя бы кандидата наук. То же самое относится и к топ-менеджменту государственных компаний. Таким образом, обладание научной степенью становится необходимым условием карьерного роста уже не только в научной сфере.

Для подобных «дутых» докторов и кандидатов наук из сферы администрации и бизнеса особенно подходят гуманитарные науки, в том числе история. Дело в том, что в естественных науках существуют гораздо более четкие критерии научной новизны, и от «негров» требуется значительно больше усилий для создания заказных диссертаций (порой приходится даже проводить серию оригинальных экспериментов).

В гуманитарных же науках, и особенно в истории, вследствие размытости критериев научности, писать заказные диссертации проще, тем более, что отпадает необходимость иметь экспериментальную базу и осуществлять внедрение результатов диссертации в производство на уровне технологий. Требующиеся же для диссертации по истории архивные документы легко добываются с помощью специально нанятых архивных «негров». К тому же, поскольку сообщество историков более раздробленно на отдельные, мало связанные друг с другом микросообщества, чем не только сообщества естественных наук, но и даже, например, сообщество социологов, то это практически гарантирует, что фальшивые доктора и кандидаты наук не будут разоблачены. Наконец традиционно в советское время степень кандидата исторических наук наряду со степенью кандидата философских наук считалось особенно подходящей для советских и партийных работников, непосредственно не связанных с производством, а выполнявших административно-управленческие функции. Именно по истории и философии проходили основные идеологические дисциплины (история КПСС, диалектический и исторический материализм, научный коммунизм). Не случайно в советское время до 90 % остепененных историков защищались по специальности «История КПСС». Все эти факторы обуславливают устойчивый спрос на заказные диссертации и научные работы по историческим наукам. При этом расплата с исполнителями теперь производится, как правило, деньгами, а не карьерным ростом, поскольку, во-первых, карьера в сфере исторической науки сегодня в значительной мере обесценилась, и, во-вторых, заказчики далеко не всегда обладают возможностями влиять на карьеру исполнителя.

В советское время исполнение подобных диссертационных заказов считалось среди историков чем-то постыдным и тщательно скрывалось от коллег по исто-

рическому цеху. Сегодня же такая работа, хотя и не слишком афишируется, но и не слишком скрывается от коллег. Теперь большинство российских историков считает такой способ заработка вполне законным и морально оправданным в условиях рынка. Такого рода работы, как правило, имеют очень малое отношение к настоящей науке, поскольку выполняются по единому шаблону и без реального стимула к поиску нового.

Наличие подобных заказных диссертаций приводит к тому, что обладатели фальшивых степеней, не имеющие никакого отношения к науке, начинают составлять все более заметную часть среди российских историков и нередко занимают важные административные посты в науке и образовании. Это самым разрушительным образом действует как на нравы, так и на осуществление конкретных исследовательских проектов. Сама научная степень в глазах профессионалов существенно обесценивается, как давно уже обесценились звания академика и члена-корреспондента РАН.

Особую категорию среди заказчиков диссертационных и научных работ занимают крупные бизнесмены, стремящиеся таким образом попасть в систему руководства РАН, академических институтов и крупнейших университетов, чтобы использовать в дальнейшем эти структуры для реализации своих бизнес-целей. Нередко такие люди покупают себе звания академиков и членов-корреспондентов РАН, причем эти факты не очень-то и скрываются и не вызывают протеста.

Научное единомыслие по-постсоветски и борьба за власть в исторической науке

В последние годы все заметнее случаи выживания из научных институтов и университетских кафедр людей, которые придерживаются иных, чем их непосредственное начальство, взглядов на решение тех или иных чисто научных проблем. В советское время подобное инакомыслие тоже не приветствовалось. Однако тогда в составе институтов нередко находились научные сотрудники, которые конфликтовали с дирекцией по конкретным историческим проблемам, а в составе секторов и отделов – несогласные с заведующими сектора или отдела по конкретным проблемам истории.

События, связанные с назначением и утверждением директоров ведущих исторических институтов, наглядно демонстрируют, что нравы в российской исторической науке остались теми же, что были в советской. Историческая среда со вниманием наблюдала и обсуждала в 2008 году кипучие страсти вокруг возможного смещения с поста директора Института российской истории члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова. На голосовании в Институте он получил 90 % голосов, тогда как его оппонент доктор исторических наук А.А. Чернобаев набрал лишь 10 %. Такой результат был вполне предсказуем. Как активных противников своего правления, так и просто своих научных оппонентов, в частности, по «варяжскому вопросу», Сахаров давно уже выжил из Института. Остав-

шихся же он вполне устраивал тем, что не вмешивался в работу подразделений Института, позволял заниматься теми научными темами, которыми люди хотели заниматься. Объяснялся такой либерализм в том числе и тем, что занятие теми или иными проблемами практически не влияло на доходы дирекции, которой необходимо лишь, чтобы сотрудники не совали нос в ее дела. На известном собрании сторонники Сахарова обвиняли Чернобаева в том, что в советское время он занимался историей КПСС и является консерватором в науке, «антипатриотом» и «экстремистом». Соперник Сахарова на выборах 2008 г., действительно, был заместителем руководителя кафедры АОН при ЦК КПСС, а позднее – заведующим редакцией Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Он делал, главным образом, административную, а не научную карьеру, чем, впрочем, не так уж сильно отличался от Сахарова. У последнего, конечно, был ряд трудов по истории Средневековья, в свое время замеченных научной общественностью. Но в его карьере было немало и чисто административных должностей⁴. Сторонники же Чернобаева, в свою очередь, обвиняли Сахарова в консерватизме, покровительстве своим сторонникам и изгнании из Института оппонентов. Академик РАН Ю.А. Поляков жаловался, что «сейчас введена новая система оплаты труда, все зависит от директора, будет ли надбавка к ставке или нет. И каждое критическое выступление может стать причиной увольнения – и такие случаи уже бывали»⁵. Он также поставил в строку Сахарову то, что тот «не просто писал об истории партии, а в 1968–1971 гг. работал в ЦК КПСС инструктором в отделе пропаганды». Таким образом, обвинения в причастности к изучению истории КПСС или к структурам ЦК КПСС превращаются в универсальное средство навешивания ярлыков на оппонентов, независимо от их нынешних позиций.

Противники Сахарова также обвиняли его в диктаторских замашках, в создании в Институте атмосферы страха. Директора Института российской истории обвинили также в том, что, «обладавший некоторой научной известностью в качестве одного из специалистов по внешней политике Древней Руси и экономической истории XVII в., А.Н. Сахаров неожиданно стал специалистом во множестве иных вопросов: истории правления Александра I, дипломатии периода Второй мировой войны, распада СССР и др... Беда была в тяге к монополизации и стремлении к вытеснению историков, обладающих научным весом “по гамбургскому счету”».

Показательно, что еще в конце 1980-х годов Сахаров был вполне правозерным норманистом, если считать таковыми тех, кто признает скандинавским происхождение термина «Русь» и первых русских князей, рассуждал о скандинавско-славянском синтезе в Восточной Европе. Однако в 1990-е годы в угоду «квасному» патриотизму Сахаров стал поддерживать не имеющую научного обоснования теорию о западнославянском происхождении варягов и Руси.

На самом деле, диктатура директора существует сейчас в каждом институте РАН, точно так же, как диктатура ректора в каждом университете, и право директора утверждать размер индивидуальной надбавки, которая является фактически основной частью заработка, является мощным средством борьбы с оппозицией, как чисто научной, так и административной, т. е. пытающейся занять руководящие посты в институте. В советское время, когда ставки ученых были

более или менее фиксированными и не зависели напрямую от дирекции, положение сотрудников было гораздо более защищенным, в том числе и посредством трудового законодательства. Случаи изгнания оппонентов были, но они чаще всего носили чисто идеологическую подоплеку. Например, если человек был причастен к диссидентской деятельности или открыто исповедовал свои немарксистские взгляды, его старались изгнать не только из научных учреждений, но и из науки в целом (не публиковали, не давали выступать на конференциях и т. п.). Однако случаи удаления чисто научных оппонентов были относительно редкими. Сегодня же администраторы от науки не считают зазорным убирать из подведомственных им структур не только политических диссидентов, но и научных оппонентов. И это уже воспринимается как обыденность, которую осуждают лишь те, кто вовлечен в борьбу за власть с соответствующим начальником. Директор же обычно стремится показать, что «ресурсом власти он пользуется в высшей степени эффективно». Вот что сказал один ученый, подвергшийся гонениям: «Мне надо было только “кинуть” своего коллегу, дабы выжить самому. Однако мы уже давно на грани выживания»⁶.

В 2008-м Чернобаев получил поддержку Отделения истории и филологии. Вопреки мнению Института. Сторонники Сахарова назвали такое решение «антидемократическим переворотом»⁷. Противники же, наоборот, полагали эту перемену возвращением к демократии. Однако общее собрание РАН предпочло продлить полномочия Сахарова до конца 2010 года. На такое решение повлияли, вероятно, слухи, что Чернобаев просто переходная фигура, с помощью которой директор Института всеобщей истории РАН академик А.О. Чубарьян хотел бы присоединить к своему Институту всеобщей истории Институт российской истории⁸.

История с Сахаровым продолжилась на исходе 2010 года. На этот раз его соперником был заведующий кафедрой истории Московского педагогического государственного университета, доктор исторических наук, профессор А.А. Данилов, один из соавторов скандального учебника по истории России XX века, где оправдывались сталинские репрессии, отрицался голод в СССР в 30-е годы, а сталинская конституция 1936 года названа «самым прогрессивным и демократичным во всем мире законом».

Кстати сказать, вокруг другого неосталинистского пособия – «книги для учителя» по истории XX века, вышедшей под именем Александра Вячеславовича Филиппова, заместителя директора Национальной лаборатории внешней политики, близкого к администрации президента, где Сталин назван «эффективным менеджером» (учебник Данилова писался на основе этого пособия), разгорелись нешуточные споры, в том числе между членами авторского коллектива, что позволило директору издательства «Просвещение» заявить, что «дискуссия об учебнике истории превратилась в межличностные разборки». Некоторые соавторы Филиппова говорили (после того как вокруг учебника поднялся шум), что очень не хотели, чтобы их имена «ассоциировали с этим позором»⁹. Это говорит, что у части историков сохранилось еще чувство стыда, но пробуждается оно обычно тогда, когда их конъюнктурные и далекие от подлинной науки тезисы получают общественную огласку.

Но вернемся к ситуации в ИРИ РАН к исходу 2010 года. Сахаров заявил, что он снимает свою кандидатуру в пользу Данилова (при рейтинговом голосовании Сахаров получил 84 голоса, а Данилов – 44)¹⁰. Очевидно, расчет здесь был на то, что повторится ситуация 2008 года. Историко-филологическое Отделение РАН проголосует за Данилова, но тот из-за своей одиозности не будет утвержден Президиумом РАН, и полномочия Сахарова опять будут продлены. Учитывая, что в оппозиции к Данилову находилось подавляющее большинство сотрудников ИРИ РАН, такой расчет имел под собой основания. Накануне голосования в Отделении заместитель директора ИРИ РАН В.М. Лавров вместе с сотрудником И.А. Курляндским опубликовал письмо в «Новой газете», где обвинял Данилова в сталинизме и склонности к фальсификациям, в отрицании голодомора и в оппозиции курса президента Д.А. Медведева на модернизацию, а также в том, что он является не историком, а пропагандистом¹¹.

Термин «пропагандист», безусловно, применим к значительному числу российских историков самых разных направлений, и многими он отнюдь не воспринимается как оскорбление. Могу привести пример, как на одной международной конференции один из российских историков, заместитель директора одного крупного музея, публично заявил, что сомнения автора этих строк по поводу официальной цифры советских военных потерь в Великой Отечественной войне имеют свои резоны, но он, как патриот и «государев человек», считает своим нравственным долгом придерживаться официальных цифр, а наука пусть будет сама по себе.

Интересно, что аргументы Лаврова и Курляндского вроде бы были услышаны. Историко-филологическое отделение предпочло выбрать другую кандидатуру – доктора исторических наук, заведующего сектором истории Центрального банка РФ Юрия Александровича Петрова, специалиста по экономической истории, который на голосовании в ИРИ РАН получил лишь 33 голоса. Эта кандидатура в силу своей политической нейтральности была вполне приемлема для утверждения Президиумом РАН, что разрушило бы интригу Сахарова и Лаврова, заинтересованных в сохранении тогдашнего неопределенного «статус-кво» с неутвержденным, но фактически действующим директором института. Поэтому и данное решение Отделения вызвало гневное письмо соратника Сахарова В.М. Лаврова, заместителя директора ИРИ РАН. Он заявил, что «это странное и антидемократическое решение», поскольку «не легитимны выборы директора ИРИ РАН, в которых не участвовал кандидат от самого ИРИ РАН! Ведь это не выборы, а захват института». Лавров предложил провести новые выборы директора в 2011 или 2012 году, а пока назначить исполняющего обязанности директора¹². Очевидно, на этот последний пост претендует как Сахаров, так и сам Лавров.

Характерно, что интриги по борьбе за власть в ведущих исторических институтах проводятся весьма изощренно, и стороны охотно апеллируют к принципам демократии, но только тогда, когда это им выгодно. Эта интрига была замечена историческим сообществом. Историки на форумах размышляют: «Два обращения заместителя директора ИРИ РАН В.М. Лаврова – это лишь случайная эмоциональная импульсивность или всё же продуманная (с реестром запасных вариантов) и согласованная (с кем надо) многоходовка?»¹³ Чуда, на которое так

рассчитывали Сахаров и Лавров, не произошло. Президиум РАН кандидатуру Петрова утвердил. Ссылки на отсутствие у него опыта руководства большими научными коллективами – обычный прием в научной и околонучной среде для дискредитации оппонента – не помогли. Теперь новому директору наверняка предстоит столкнуться с новыми интригами, которые столь же ярко высветят нравы наших историков. Но это уже совсем другая история. Эра Сахарова закончилась.

Когда то или иное учебное пособие или книга, написанные историками, вызывают скандал, который докатывается до самого Кремля, начальники спокойно сдают своих подчиненных, которых прежде поддерживали. Декан истфака МГУ Карпов по поводу двух профессоров, чье учебное пособие подверглось критике за откровенный сталинизм и ксенофобию, заявил, что – это «никому не известные два профессора, мало известные, и собственно говоря, далеко не гении в исторической науке», которым этот «скандал сделал огромную рекламу»¹⁴. В советское время такая откровенная сдача своих подчиненных не была принята.

Государственная борьба с «фальсификациями, наносящими ущерб России», и нравы историков

В мае 2010 года указом президента Д.А. Медведева была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. В ее задачи, в частности, входит «выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России» и «подготовка предложений Президенту Российской Федерации по осуществлению мер, направленных на противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, наносящих ущерб интересам России»¹⁵. Само название комиссии и ее задачи вызвали протесты со стороны ряда видных историков. В частности, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований Государственного университета – Высшей школы экономики – профессор А.В. Полетаев отметил, что эта акция «имеет чисто идеологический характер» и «представляет угрозу для профессионального научного сообщества», потому что «главную опасность представляют различные добровольные и полудобровольные помощники и активисты, которые ловят пожелания начальства на лету и которых на Руси всегда хватало». А доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор СПбГУ византиист С.А. Иванов, резонно заметил, что «сама формулировка названия этой комиссии выглядит довольно странно, поскольку предполагает, что фальсификация истории в интересах России должна всячески приветствоваться. Мне это представляется переводящим сугубо академический разговор в политическую сферу»¹⁶.

В то же время, руководство Отделения истории и филологии РАН восприняло создание комиссии по борьбе с фальсификациями как руководство к действию. Заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук

РАН академик В.А. Тишков, под началом которого находятся все исторические институты РАН, направил подведомственным научно-исследовательским институтам инструктивное письмо с указанием предоставить сведения об основных фальсификациях в их области, ученых, обвиняемых в фальсификациях, наносящих ущерб России, и о способах и конкретных мерах борьбы с ними¹⁷. Тишков потребовал описать «потенциальную опасность данной фальсификации интересам России» и дать предварительные предложения «по мерам научного опровержения фальсификации». Также Тишков попросил своих подчиненных отчитаться о деятельности институтов по «разоблачению фальсификаций и историко-культурных концепций, наносящих ущерб интересам России». Однако даже со стороны руководителей, подчиненных Отделению институтов, последовала далеко не однозначная реакция, да и сам автор письма поспешил от него откреститься¹⁸. Но само по себе это письмо примечательно тем, что стало первой попыткой превратить гуманитарные институты Российской Академии наук в органы борьбы с «фальсификациями» и фактического осуществления цензуры истории.

Такое письмо фактически можно рассматривать как поощрение доношительства среди историков. Показательно, что, когда оно было обнародовано, Тишкову даже стало стыдно признаваться в его авторстве, и он всячески пытался от него откреститься, в том числе в эфире радио «Свобода». Вероятно, он полагал, что письмо, разосланное в нескольких десятках экземпляров, с которым по должности познакомились сотни человек, можно утаить от общественности.

Итальянское общество изучения современной истории (SISSCo) во главе с профессором Андреа Грациози заявило официальный протест по поводу письма Тишкова, выразив возмущение в связи с фактическим введением цензуры в российской исторической науке¹⁹. Ничего вразумительного заместитель академика-секретаря на это письмо не ответил. Письмо Тишкова так и не было отозвано.

Создание комиссии по борьбе с фальсификациями истории, как явствует из ее названия и задач, фактически дает индульгенцию всем фальсификациям, которые могут рассматриваться как фальсификации на благо России, приукрашивающие российское прошлое. А подобное, пусть завуалированное оправдание фальсификаций, самым пагубным образом влияет на нравы российских историков. Передернуть факты для того, чтобы обосновать ту или иную концепцию, многими уже не считается зазорным, и даже уличенные в этом отнюдь не подвергаются бойкоту со стороны коллег-историков.

После массовых межэтнических столкновений в Москве и некоторых других городах в декабре 2010 года педагоги и академики от «единой России» подготовили проект нового образовательного стандарта для старших классов школы. По мнению одного из авторов проекта, гендиректора издательства «Просвещение» А.М. Кондакова, в последнее время школа предоставляла детям лишь знания, а не воспитание, что и привело к «побоищу на Манежной площади». Для предотвращения подобных явлений предлагается «создать современную мифологию», спонсировать книги и фильмы, которые идеализируют Россию и российский народ. Председатель комитета Госдумы по культуре Григорий Ивлиев выразил уверенность, что финансовая поддержка со стороны государства позволит авторам создавать более искренние произведения о любви к Родине²⁰.

Сомнительно, что подобный оплаченный патриотизм будет популярен среди молодежи. Но есть серьезные опасения, что многие историки при нынешнем состоянии нравов польстятся на создание «новой мифологии» русской истории.

Гносеологические корни нынешних нравов российских историков

Следует отметить, что на нравы историков пагубно влияет то обстоятельство, что проблемы выживания как тех историков, которые сделали историю основным источником своего дохода, так и тех, кто фанатично и бескорыстно занимается историей, отнюдь не зависят от поисков научной истины как таковой. Обычно как те, так и другие встраиваются в рамки определенных идеологических концепций, определяемых требованиями рынка печатной продукции или интересами тех политических или бизнес-структур, которые дают заказы историкам. Здесь коренное отличие историков от физиков, математиков, химиков или биологов. Представителям точных наук деньги платят именно за поиски научной истины, пусть даже она имеет сугубо практическое значение. В истории же, как и в других гуманитарных науках, сами по себе научные, т. е. твердо, казалось бы, бесспорно установленные факты решающим образом зависят от их интерпретации, а в интерпретации господствует произвол историков. Даже те из историков, кого мы причисляем к фанатикам, и кто занимается историей только из любви к истории, постоянно испытывают соблазн подогнать факты под собственную концепцию, под свою систему морально-нравственных ценностей. Тут может быть и ностальгия по советскому прошлому, и тоска по утрате империи или, наоборот, сожаление об утрате страной либерально-демократических ценностей, вера в марксизм или в народ-богоносец. Для этой цели идут по пути отбора определенных фактов и игнорирования других. Такому подходу способствует то обстоятельство, что все обобщающие теории исторической науки построены по тому же принципу – отбор некоторых фактов и игнорирование других. Здесь сказывается принципиальная неточность исторической науки как таковой. Поэтому, оказывается, легко оправдать отступления от правил научной этики, особенно по отношению к оппонентам. Последних при необходимости легко изгоняют из подконтрольных научных учреждений посредством реорганизации.

Сегодня как никогда ранее распространенным стало выборочное использование источников и не упоминание тех предшественников, кто автору несимпатичен, причем не только при обращении к политически актуальным сюжетам. Себя обычно позиционируют как настоящих ученых, тогда как оппонентов числят халтурщиками, фальсификаторами, дилетантами или в лучшем случае публицистами, если не чьими-нибудь «наймитами». В адрес же «своих» не допускается, как правило, даже чисто научная критика.

Сегодня группы историков объединяются вокруг печатных изданий и разного рода ассоциаций. Но такими центрами практически никогда не становятся ака-

демические институты. Вспомним, что Томас Кун выделяет пять основных социально-психологических признаков существования научного сообщества: ученый должен интересоваться тем, как решаются проблемы научного познания; но при этом «проблемы, над которыми ученый работает, должны быть более или менее частными проблемами»; предлагаемые им решения «должны быть приемлемы в качестве решения для многих»; он ориентируется не на оценку общества или какой-то выделенной произвольно из него группы, а на мнение и оценку четко определенного сообщества профессиональных ученых-коллег; негласно ученому запрещено «обращаться к главам государств или к широким массам народа по вопросам науки»²¹.

Известный русский религиозный философ и историк-медиевист Лев Карсавин еще в 1923 году утверждал: «Нравы историков свидетельствуют о состоянии истории. А оно ныне характеризуется крайнею специализацией, то есть распадом целостного знания на самодовлеющие дисциплины, утратою идеи человечества. Распад доходит до того, что никто даже не задумывается над согласованием друг с другом разных исторических дисциплин. Историк религии не считает нужным оправдывать свое невежество в области экономической истории: “Это не моя специальность”. Палеограф с презрением смотрит на историков, незнакомых с тайнами его специальности: рано заниматься обобщениями – надо сперва собрать и “тщательно” издать весь материал. Точно возможно беспринципное собиранье материала! Всякая попытка синтетического построения исторического процесса вызывает подозрительные сомнения. Против нее возражают: “Нельзя быть специалистом во всех областях. Синтез – дело популяризатора. В чем же тогда дело историка?”»²². С тех пор специализация историков ушла еще дальше, не говоря уж об информационном взрыве. Синтезировать массу частных исследований на основе единой научной теории универсального уровня, о чем мечтал Карсавин, сегодня уже не представляется возможным. Зато невозможность охватить весь массив источников и литературы даже по сравнительно узким темам открывает широкую возможность для нарушения принципов научной этики: нецитирование неудобных исследователей, произвольный подбор фактов и их прямая фальсификация. В связи с развитием специализации и увеличением потока фактического материала настоящих специалистов по узким темам становится все меньше, а это затрудняет проверку результатов исследований и облегчает жизнь фальсификаторов и представителей паранауки.

Обращением к широким массам или к политикам в подтверждение своего понимания научной истины гуманитарии, и в особенности историки, грешат в наибольшей мере. В нашей стране в этом отношении существуют особенно богатые традиции. В то же время, не оправдалось предположение насчет того, что «потеряв главного хозяина в лице государства, историческая наука имеет шансы приобрести новых покровителей в лице представителей самых разных политических сил и течений»²³. До сих пор основным спонсором историков остается все-таки государство, как через разного рода фонды, так и в качестве заказчика школьных и вузовских учебников.

Обращение к вненаучным арбитрам и авторитетам при разрешении научных споров в случае с историей имеет определенные гносеологические основания.

Критерии истины в исторической науке очень размыты даже по отношению к установлению фактов, не говоря уж об их интерпретации. Представитель естественных наук устанавливает и исследует законы и закономерности. Историк же имеет дело с более или менее уникальными явлениями, которые можно в лучшем случае уложить в рамки каких-то частных закономерностей или теорий среднего уровня, проявляющихся на ограниченном числе явлений, но отнюдь не в рамках глобальных законов, в истории в принципе не существующих. В гуманитарных науках, в том числе в истории, одинаковые причины часто дают разные следствия, а сходные явления порой являются результатом действия различных причин. Поэтому в них нельзя применять точные законы, как в естественных науках. Точные науки имеют дело с формулами, которые всегда однозначны, т. е. одинаково понимаются и применяются разными людьми. Гуманитарные же науки имеют дело с текстами, которые всегда многозначны, т. е. по-разному понимаются и интерпретируются разными людьми. Отсюда проистекает принципиальная неточность истории как науки. Она также не может предсказывать будущее, ибо подобное предсказание лишило бы людей изначально присущей им свободы воли. Поэтому в исторической науке всегда будет присутствовать конкуренция мнений и научных истин, что стирает грань между историей и паранауками, что мы прекрасно поняли на примере успеха альтернативной истории Фоменко и Носовского именно в России.

Объективно в том же направлении действует такой фактор, как информационный бум, все нарастающий с середины XX века. Как отмечают сибирские историки В.П. Корзун, О.В. Кузнецова и Б.А. Осадченко «внутринаучная ситуация приобрела болезненный оттенок в связи с разрушением прежних информационных связей, что в равной степени характерно и для региональной, и для общероссийской ситуации... Вертикальные системы официального библиографического учета и информирования книжной палаты и ИНИОНа все чаще дают сбои. На первый план вышли неформальные горизонтальные связи между научными центрами, коллективами и отдельными учеными. Степень их прочности, а также перспективы существования зависят от случайных обстоятельств. По мнению ведущих специалистов ГПНТБ СО РАН, распавшееся книжно-культурное пространство страны сейчас характеризуется почти полным информационным вакуумом и потерей издаваемых в Сибири книг не только по дороге к Москве, но и в собственном городе и регионе»²⁴.

Такая же судьба постигает не только сибирские, но и подавляющее большинство региональных изданий. С другой стороны, до регионов часто не доходит литература, изданная в Москве и Петербурге. Еще плачевнее обстоит дело с зарубежными изданиями, которые более менее регулярно, но и то в явно недостаточном количестве поступают лишь в библиотеки Москвы и Петербурга. В результате действия всех этих факторов даже по узким проблемам историк уже сегодня не в состоянии охватить весь массив имеющейся литературы и по необходимости вынужден прибегать к выборочному цитированию. Тут открываются большие возможности для того, чтобы, по примеру Карла Линнея, не ссылаться на своих оппонентов и просто на тех авторов, которые тебе не нравятся, чтобы не оставлять их имен в истории и историографии. В этом отношении также

имеются богатые советские традиции. Нельзя было упоминать не только историков-диссидентов и, за редким исключением, историков-эмигрантов, но и иностранных советологов, во всяком случае, в позитивном контексте. Вдобавок к этому старались не цитировать представителей конкурирующих научных школ, или цитировать их так, чтобы выставить оппонента в смешном свете. Настоящими историками официально считались только те из современников, кто хотя бы формально придерживался марксистских воззрений (разумеется, только в том случае, если они не относились к числу «ревизионистов», «троцкистов» или диссидентов). Ныне же официально историком, да и вообще ученым фактически может считаться тот, чья кандидатура одобрена начальством.

Именно этой цели служит максимальная бюрократизация процесса защиты кандидатских и докторских диссертаций, и, в частности, увеличение обязательного числа публикаций в обязательных ВАКовских изданиях до 15 (в случае докторских диссертаций). Практически ВАКовские издания, которых на всех соискателей все равно не хватает, превращаются в кормушку для их руководства и источник коррупции. Официально или неофициально, но все диссертационные статьи публикуются там за деньги. А уж если человек заплатил, то на качество работы, естественно, смотрят сквозь пальцы. Потому-то и проскакивают сквозь дырявый фильтр рецензентов, особенно в гуманитарных науках, разного рода «корчеватели» – машинно сгенерированные бессмысленные тексты. С учетом же того, что и необходимые для защиты докторской монографии, как правило, оплачивает либо сам соискатель, либо его учреждение (не всегда научное), то и здесь на научный уровень диссертационного сочинения порой смотрят сквозь пальцы. Поэтому гораздо легче оказывается защититься человеку, который откровенно покупает степень (и в том числе написанную чужими руками диссертацию – недаром Интернет кишит объявлениями о написании на заказ докторских диссертаций) или тем, кого в доктора наук тянет начальство (оно и необходимые публикации в срок обеспечит), чем человеку, который занимается подлинно научными исследованиями. Тем более, что иностранные публикации в квоту необходимых ВАКовских публикаций не входят. Результат оказывается плачевным для науки. Диссертационные статьи и диссертации в большинстве никто не читает, потому что знают им цену. А процесс развития науки оказывается весьма далек от процесса создания кандидатских и докторских диссертаций. И в исторической науке, изучающей новейшую историю России, этот процесс особенно заметен. Докторские диссертации, отражающие реальные научные достижения, за последние 10–15 лет, можно пересчитать по пальцам.

Существует ли сообщество российских историков

Сегодня, как это ни грустно, фактически не существует исторического сообщества в России. Как отмечает доктор исторических наук С.А. Иванова, резкое сокращение библиографических разделов в российских исторических журналах «свидетельствует о том, что наша наука не составляет сообщества, люди не

ощущают своего профессионального долга – не в том, чтобы похвалить друга или обругать врага, а в том, чтобы просто прочесть работу неизвестного автора и сообщить, что нового эта работа вносит. К сожалению, ощущение совместного поля, которое мы коллегиальными усилиями обрабатываем, отсутствует, и это очень прискорбно»²⁵.

Вопрос о том, относить того или иного автора к настоящим историкам или не относить, решается не санкцией государства, как в советское время, а в рамках того или иного микросообщества историков, причем по большей части на чисто субъективных основаниях. Как подчеркивает российский историк Виктор Феллер, «историк, в отличие от ученого (представляющего естественные, или точные науки. – Б.С.), в своей работе ориентируется прежде всего на мнение общества или им самим выделенных его групп, а затем, лишь во вторую очередь, на мнение своих коллег. В “деле историка” оценка неспециалиста чаще всего не менее важна, чем оценка специалиста, а, учитывая то, что конкретных специалистов всегда лишь ничтожное меньшинство по сравнению с неспециалистами в этой области, то это и определяет приоритет для историка мысли и оценки неспециалистов»²⁶.

Историки кучкуются по собственным тусовкам, игнорируют существование иных групп, при этом каждая из групп убеждена, что только она является носителем исторической истины. И это проявляется гораздо отчетливее, чем в советские времена, хотя бы потому, что тогда не могло быть таких центров объединения, как независимые органы печати и ассоциации. Возможно, здесь отражается общемировой процесс парцеллизации гуманитарных научных сообществ, связанный с осознанием принципиально неустранимой неточности гуманитарных наук и отказом от построения общих теорий. Пожалуй, больше, чем признание среди коллег по профессии, сегодня для историков больше значит признание среди широкой публики, хотя бы потому, что к коллегам из чужих «тусовок», даже являющиеся узкими специалистами в исследуемой теме, отношение более чем скептическое. Но, разумеется, признание среди соратников по тусовке ценится достаточно высоко.

Давно уже и в российском, и в мировом сообществе историков нет каких-либо достижений, равно как и теорий, имеющих действительно всеобщее признание. Те работы, которые высоко оцениваются в одних микросообществах, встречают враждебный прием или равнодушие в других. Но и для самих авторов работ всеобщее признание давно уже не является не только необходимым, но даже желаемым. Наоборот, признание со стороны враждебных группировок считается порой чем-то оскорбительным. В предельном случае достаточным оказывается признание самим автором собственного выдающегося вклада в историческую науку. Мнение других вообще становится для историка безразличным. Он рассуждает примерно так: «Если они не признают моего выдающегося вклада в науку, то тем хуже для них. В ногу с научной истиной шагаю только я, а все остальные – не в ногу». Казалось бы, подобные случаи крайнего солипсизма, которых немало в отечественной исторической науке, как и в мировой науке вообще, причем отнюдь не только исторической, находятся уже на грани клинической психиатрии. Однако даже в истории естественных наук мы знаем случаи,

когда те или иные открытия или теории (например, теория относительности) длительное время не признавались научным сообществом, и в их истинности был долгое время убежден только их автор. Но впоследствии их истинность доказывалась и признавалась безоговорочно. В гуманитарных же науках, и в особенности в исторической, где отсутствуют четкие критерии научной истины, признание или непризнание значимости результата исследований, в виде решения какой-то частной проблемы или создания теории, становится в большей мере следствием межличностных отношений в рамках микросообществ историков и идеологических и методологических противоречий между ними, а не собственно научного дискурса. Против оппонента зачастую используются все дозволенные и недозволенные средства, и все сделанное им заранее объявляется не имеющим никакого отношения к исторической науке.

Другой стороной медали является стремление многих историков получить признание как среди широких масс, так и среди интеллектуалов, не относящихся к сообществу историков. От этого внешнего по отношению к профессии признания в значительной мере зависят не только доходы историков, но и осознание ими собственной значимости, обретения чувства морального удовлетворения собственным трудом. Однако к науке это имеет небольшое отношение.

В. Феллер напоминает нам мысль Дж. Стюарта Милля о том, что мы обычно правы, когда одобряем, и обычно ошибаемся, когда осуждаем то, что нас раздражает. Продолжая эту мысль, российский историк утверждает, что «адекватность нашего суждения определяется пониманием нами объекта суждения, а наше понимание выражается в оценке. Поэтому, если историк заслужил наше искреннее уважение, если его труд вдохновляет нас, то, видимо, он хороший историк, но если наоборот, то нам лучше воздержаться от суждения, ведь очень возможно, что это будет неверная оценка, определенная самим фактом непонимания. Таким образом, если историк популярен и через десять лет после первого признания, если он пользуется уважением в широких элитных кругах, а тем более еще и в народе, а тем более еще и за пределами своей страны, культуры, языка, если он имеет учеников и продолжателей, то, следовательно, он хороший историк. Здесь важно, конечно, знать, что именно пользуется признанием, имеет ли признание явно идеологическую, даже пропагандистскую подоплеку (как признание Маркса или, например, в наше время и в нашей стране Гумилева) или его основа глубже и шире. Вопросов много, но основа есть: это ощущение полета, расширения горизонтов при чтении историописания, и это золотое правило Дж. Стюарта Милля. Так, нелюбимый мною Буркхардт, после “рекомендаций” уважаемого мной Хайдена Уайта, был поневоле признан мною как хороший историк. Что же делать, общение с неприятными авторами как и неприятными людьми тоже расширяет горизонты, конечно, если таких общений не слишком много»²⁷.

Следует признать, что подобное здоровое суждение сегодня разделяет лишь меньшинство российских историков. У большинства же нет привычки дискутировать с оппонентами лицом к лицу, и еще менее оно извлекает какую-либо пользу от суждений людей иных убеждений или иных взглядов на задачи и методологию исторической науки. Не случайно подавляющее большинство орга-

низованных в России конференций по истории, особенно отечественной, как правило, собирают единомышленников, и серьезных дискуссий с оппонентами, равно как и хоть какого-то учета их мнений, там не наблюдается. К носителям иных взглядов большинство историков относится как к «чужим». Эта практика, видимо, представляет наследие советского периода историографии, когда оппоненты часто превращались во врагов народа. Она резко контрастирует с опытом XIX века, когда самые непримиримые враги в историографии, например, те же западники и славянофилы, могли поддерживать очень неплохие личные отношения и вместе посещать светские салоны.

Ограниченные возможности исторического сообщества по охвату всей имеющейся информации даже по узкой проблематике и молчаливое признание им допустимости выборочного цитирования нередко используется недобросовестными историками для того, чтобы обосновать собственные концепции путем произвольной подгонки фактов и мнений. В этом случае факты, не укладывающиеся в заданную схему, и авторы, ее критикующие, просто игнорируются. Подобная практика имеет множество примеров в недавнем советском прошлом. Но и сегодня такая практика молчаливо признается многими сообществами историков, если при этом в число отвергнутых попадают мнения аутсайдеров.

При этом зачастую историки сами убеждают себя в истинности подогнанной таким образом теории и со временем начинают искренне верить в то, что возражения оппонентов несущественны и вызваны личной неприязнью или политической конъюнктурой, а факты, противоречащие теории, – малозначительны или сомнительны.

Замечательный пример «непроизвольного» принятия политической конъюнктуры в истории демонстрирует директор Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьян. В одном и том же интервью он сначала утверждает: «История не должна быть заложницей современной политики. И, наоборот, современная политика не должна быть заложницей истории. К сожалению, в последнее время можно привести очень много фактов, когда история не исходит из современных политических дискуссий. Она используется как средство для решения каких-то сиюминутных политических задач, либо отдельными политическими партиями, либо отдельными деятелями, что только усложняет ситуацию». И тут же демонстрирует сугубо конъюнктурный подход к истории: «У нас в стране существует так называемая проблема правопреемства или продолжателя: Россия является продолжателем и правопреемником Советского Союза. Но совершенно очевидно, что современная Россия не может быть правопреемником, скажем, эпохи ГУЛАГа или каких-то сталинских репрессий, которые были осуждены Россией с самого начала ее существования. Сейчас мы живем в другом государстве, и оно не может нести ответственность за все то, что было 20, 30, 40, 50 лет назад»²⁸.

Здесь совершенно очевидно стремление свести правопреемство исключительно к приятным и полезным вещам вроде постоянного членства в Совете Безопасности ООН или наследования внешнеторговых активов и зарубежной недвижимости Советского Союза. Вещи же неприятные, как, например, необходимость отвечать за советские преступления, в том числе и посредством выплаты достойной компенсации их жертвам, из понятия правопреемства многие рос-

сийские историки и политики хотели бы исключить. Такого рода «готтентотская мораль» используется большинством российских историков как применительно к различным историческим событиям, так и в отношениях друг с другом.

Нередко те или иные отклонения от истины или игнорирование тех или иных сюжетов, фактов или проблем оправдывается моральными, патриотическими или современными политическими соображениями. А по справедливому замечанию А. Балода, «патриотизм и стремление к истине – чувства, которые часто входят в противоречие друг с другом»²⁹ Слишком часто патриотическая и воспитательная функции истории осуществляются либо посредством прямой фальсификации фактов, либо их произвольным отбором, с намеренным игнорированием многих существенных событий. При этом историки стараются убедить себя в том, что отступление от истины диктуется в данном частном случае некими «высшими соображениями», и это частное отступление все равно будто бы не влияет на соответствие общей концепции истине.

Необходимость хартии историков

Беда в том, что усилия тех, кто продолжает заниматься историей как наукой, остаются достаточно разрозненными. Люди, даже работающие по сходной тематике, зачастую не имеют сведений о трудах друг друга. Те перегородки, которые сегодня существуют между различными группами историков, в том числе и морально-нравственного свойства, как представляется, становятся сильнейшим тормозом развития исторической науки. Поэтому, почему бы не подумать сегодня о создании некоей Хартии историков, согласно которой все члены исторического цеха обязались бы соблюдать определенные этические правила:

не шельмовать друг друга с помощью политических или моральных ярлыков, отказаться от практики выборочного цитирования предшественников и современников, допускать на страницы исторических изданий представителей всех точек зрения, лишь бы они удовлетворяли определенным, общим для всех формально-научным правилам, а не только представителей своей группы (то же касается конференций, симпозиумов и т. п.).

Хотелось бы надеяться, что такая хартия поможет минимально необходимому сплочению сообщества историков.

Возможная Хартия историков представляется мне так:

Мы, российские историки, признаем существование в нашей стране сообщества историков, которое руководствуется едиными этическими принципами в подходе к научной деятельности.

Осознанно и добровольно мы принимаем на себя следующие обязательства, касающиеся нашей профессии:

1. Все историки имеют равное право на высказывание своей точки зрения как в печати, так и на форумах историков. Единственное ограничение, которое

накладывается на нас в этом отношении – это недопустимость фальсификации фактов и документов.

2. Ни один из историков не должен выдвигать против своих коллег обвинения политического или морального характера. В научной полемике необходимо руководствоваться только соображениями поиска научной истины.

3. При цитировании работ предшественников и современников не допускаются никакая цензура политического, идеологического или личного свойства.

4. В поисках научной истины историки не должны следовать соображениям политической, этнокультурной, религиозной или идеологической конъюнктуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Самнер У.Г. Народные обычаи: Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики // Рубеж (альманах социальных исследований). 1998. № 12. С. 4–32.

² Феллер В. Введение в историческую антропологию. – М., 2005 (URL: <http://vf.narod.ru/istant/partI/gl3.htm>).

³ Балод А. Восемь ножей в спину науке, которая называется история (URL: <http://www.proza.ru/texts/2005/10/20-220.html>).

⁴ Скандал вокруг Института российской истории: Андрею Сахарову выражено недоверие // Полит.ру, 2008, 17 декабря // URL: <http://www.polit.ru/science/2008/12/16/sakharov.html>.

⁵ «Безнравственно так цепляться за власть». Интервью с академиком Юрием Поляковым о скандале вокруг Института российской истории // Полит.ру, 2009, 14 января // URL: <http://www.polit.ru/science/2009/01/14/polyakov1.html>.

⁶ URL: <http://www.polit.ru/science/2010/03/29/letter.html>.

⁷ Лавров В.М. Антидемократический переворот // Наше время, 2009, 19–25 января, № 112.

⁸ См.: Письмо коллектив а Института российской истории РАН // Наше время, 2009, 19–25 января, № 112.

⁹ Кашин О. «Очень бы не хотела, чтобы мое имя ассоциировали с этим позором». Работа над новым учебником истории окончательно превратилась в склоку // Независимая газета, 2007, 5 июля.

¹⁰ URL: <http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=89916.msg5447819>.

¹¹ Лавров В., Курляндский И. Теперь будет, кому заняться фальсификацией истории! // Новая газета, 2010, 140.

¹² Лавров В.М. Это не выборы, а захват Института // Наше время, 2010, 19 декабря.

¹³ URL: <http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=89916.msg5447819> (форум Миссионерского портала диакона Андрея Кураева).

¹⁴ Голубовский А. О том, как декан истфака своих заслуженных профессоров с потрохами сдал // Эхо Москвы, 2010, 7 сентября.

¹⁵ Положение о Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России // Российская газета, 2009, 20 мая.

¹⁶ «Нужна совместная кропотливая работа ученых, а не чиновные приказы». Создание комиссии по фальсификации истории в комментариях ученых // Полит.ру, 2010, 4 августа.

¹⁷ Текст письма В.А. Тишкова от 23 июня 2006 г. см.: URL: http://gdb.rferl.org/92BD2F83-749F-4B1D-91C8-144DB810E604_mw800_s.jpg.

¹⁸ См. беседу обозревателя Радио «Свобода» Владимира Тольца с Валерием Тишковым «Фальсификации: списки подозреваемых и подозревающих» 1 июля 2009 г.: URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/1766749.html>.

¹⁹ URL: <http://www.associazioneslavisti.it/> Английская версия письма: <http://h-net.msu.edu/cgi-bin/logbrowse.pl?trx=vx&list=H-Russia&month=0907&week=b&msg=7UT7vQRkKt1zcv2/Ed9ppw&user=&pw=>

²⁰ URL: <http://top.rbc.ru/society/16/12/2010/516024.shtml>.

²¹ Кун Т. Структура научных революций. – М., 2003. С. 250.

²² Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб., 1993. С. 219.

²³ Балод А. Восемь ножей в спину науке, которая называется история (URL: <http://www.proza.ru/texts/2005/10/20-220.html>).

²⁴ Корзун В.П., Кузнецова О.В, Осадченко Б.А. Научное сообщество омских историков в интернете библиографического словаря // Вестник Омского университета, 1999, Вып. 4. С. 73. (URL: <http://www.omsu.omskreg.ru/vestnik/articles/y1999-i4/a073/article.html>).

²⁵ Иванов С.А. Наша наука не составляет сообщества... // Русский журнал, 2007, 29 декабря URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Nasha-nauka-ne-sostavlyayet-soobschestva>.

²⁶ Феллер В. Введение в историческую антропологию (URL: <http://vf.narod.ru/istant/partI/gl3.htm>).

²⁷ Там же.

²⁸ Чубарьян А.О. «Заложники» истории. Интервью с Ю. Дмитриенко // URL: <http://www.kreml.org/interview/151550677>.

²⁹ Балод А. Восемь ножей в спину науке, которая называется история (URL: <http://www.proza.ru/texts/2005/10/20-220.html>).

V

Российское
научно-историческое сообщество
в конце XIX – начале XXI вв.:
публикации и исследования
1940-х – 2010-х гг.

Иосиф БЕЛЕНЬКИЙ

Многоаспектная проблематика изучения реальной жизни отечественного научно-исторического сообщества конца XIX – начала XXI вв. – одна из значимых составляющих предмета историографии (истории исторической науки).

Первая попытка целостного рассмотрения многих относящихся к этой теме вопросов применительно к анализу состояния науки о русской истории к концу XIX – самому началу XX вв. была предпринята в незавершенном труде В.С. Иконникова «Опыт русской историографии»¹. В этой книге, органически сопрягающей историографическую аналитику с библиографической кумуляцией, предмет историографии представлен столь многогранно, что можно, по существу, говорить, обращаясь к языку современных представлений, о науковедческом понимании В.С. Иконниковым задач историографического исследования.

В фундаментальных библиографических указателях по историографии, изданных в нашей стране во второй половине XX в.², зарегистрировано множество исследований и публикаций материалов, посвященных институциям исторической науки (научным учреждениям, научным обществам, высшим учебным заведениям, архивам, музеям, научным форумам и т. п.) и межличностным коммуникациям ученых-историков (в тех указателях, где имеются персоналогические разделы).

Пишущему эти строки ничего не известно о каких-либо планах продолжения работы по составлению библиографического свода отечественной историографической литературы, начатого изданиями 1965 и 1980 гг. (Более реальными кажутся перспективы продолжения указателя археологической литературы, содержащего в каждом из вышедших томов обширные историографические разделы).

Горестность отсутствия продолжения указателей, изданных в 1965 и 1980 гг., особо ощутима еще и потому, что в 1970-е – середине 1980-х гг. и тем более в последнее двадцатилетие резко возросла динамика роста историографических публикаций; расширилась их проблематика, а с конца 1980-х гг. начинают стремительно меняться их теоретико-методологические установки. Что же касается интересующей нас проблематики, то именно в этот период возрастает интерес к изучению как институциональных сторон жизни научно-исторического сообщества, так и скрепляющих его коммуникаций и традиций, т. е. именно того, что в конечном счете и конституирует этос отечественной исторической науки³.

Из библиографических работ самого последнего времени хотелось бы назвать справочник М.В. Астахова, изданный Самарским центром аналитической истории и исторической информатики⁴.

Публикации по интересующей нас проблематике регистрируются в ежемесячных библиографических указателях по науковедению и историческим наукам, издаваемых ИНИОН РАН. И, конечно же, информация о них, как и сами тексты, функционируют в Сети. Но это уже тема требующая специального обзора.

Предлагаемые здесь библиографические материалы дают некоторое, разумеется, далеко не полное, представление об историографических исследованиях и публикациях 1940-х – начала 2000-х гг., отражающих бытие отечественного научно-исторического сообщества конца XIX – начала XXI вв. в следующих проекциях:

1. Институты. Коммуникации. Традиции.
2. Научные школы в отечественной исторической науке.
3. Сборники в честь и памяти отечественных ученых-историков.
4. Мемуары, дневники и письма отечественных историков.
5. Биобиблиография ученых-историков.
6. Биографические и биобиблиографические словари историков.

Имена историков и названия институций науки в необходимых случаях выделены курсивом.

I. Институты. Коммуникации. Традиции

1. Историко-научное сообщество, коммуникативные связи, школы, учителя и ученики // Историк на пути к открытому обществу. – Омск, 2002. – С. 107–169.
2. Мамонтова М.А. Современная отечественная историография: Историко-антропол. аспект // История. Культура, общество: Междисциплинар. подходы. – М., 2003. – Ч. II: История. Культурология. – С. 268–312.
3. Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Под ред. Корзун В.П.; Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2005. – 683 с.

Историческая наука: научные центры и коллективы: конец XIX – начало XXI века

4. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922–1991; Ред. кол.: Осипов Ю.С. (председатель) и др. – М.: РОССПЭН, 2000.
- Т. 1: Академия наук в решениях / Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), 1922–1952 / Сост. Есаков В.Д. – 591 с. – Библиогр.: С. 527–558.
5. *Азиатский музей. – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР* / Ред. кол.: Кононов А.Н. и др. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1972. – 595 с.
6. Алексеева Г.Д., Желтова Г.И. Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений (20–30-е гг.) – Ташкент: Фан, 1977. – 136 с.
7. Артизов А.Н. Историографические семинары М.Н. Покровского // История и историки. – М., 1995. – С. 185–198.
8. Басаргина Е.Ю. *Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 245 с. – Библиогр.: С. 148–166.
9. Батунский М.А. Россия и ислам: В 3 т. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. Т. 3: Становление и динамика российского профессионального светского исламоведения. – 256 с.
10. Бориснев С.В. Организация и состояние военно-исторических исследований в СССР // Вопр. истории. – М., 2005. – № 4. – С. 156–165.

11. Брачев В.С. *Петербургская археографическая комиссия (1834–1929 гг.)* – СПб.: Нестор, 1997. – 161 с.
12. Бухерт В.Г. *Московская секция Государственной Академии истории материальной культуры: (1919–1929)* // Археографический ежегодник за 2004 год. – М., 2005. – С. 405–427.
13. Бюллетень *Отделения истории РАН*. – М.: РАН. Отд-ние истории. № 1: 1994–1995. – 318 с.
14. Вылцан М.А., Данилова Л.В. Из истории *Института истории АН СССР* // На фронте истории Гражданской войны: Памяти В.Д. Поликарпова. – М., 2009. – С. 445–495.
15. Добренко Е. Молоко современности и творог истории: нарратив как способ производства социализма // *Вопр. лит.* – М., 2004. – Вып. 2. – С. 25–67. Проект «Истории фабрик и заводов».
16. Досталь М.Ю. *Сектор славяноведения Института истории АН СССР* / Славянский альманах. – М., 2003–2002. – С. 253–290.
17. Егоров А.Д. Ученые России, исследовавшие вопросы отечественной истории в XX в.; статистический аспект // *Клио*. – СПб, 2006. – № 2. – С. 26–33.
18. Жук А.В., Михалева Т.В. *ИКС по записям М.П. Грязнова* // Исторический ежегодник. – Омск, 2000. – С. 86–88.
Группа изучения кочевого скотоводства Ин-та истории материальной культуры в 1930-е гг.
19. Журавлев С.В. Феномен «*Истории фабрик и заводов*»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов / *РАН. Ин-т рос. истории*. – М., 1997. – 215 с. – Библиогр.: С. 182–212.
20. Записки *Института истории материальной культуры РАН* / РАН. Ин-т истории материальной культуры. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
№ 1 / Ред. кол.: Носов Е.Н. (отв. ред.) и др. – 173 с.: ил.
21. Записки *Института истории материальной культуры РАН* / РАН. Ин-т истории материальной культуры. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.
№ 1 / Ред. кол.: Носов Е.Н. (отв. ред.) и др. – 173 с.: ил.
22. Иванова Т.Г. *Рукописный отдел Пушкинского Дома: Ист. очерк*. – СПб.: 2006. – 446 с.: 12 л. ил. – Указ имен: С. 420–445.
23. Игнатенко Т.А. Деятельность *Ученой Комиссии по исследованию истории труда в России: (1921–1925 гг.)* // Проблемы истории общественной мысли и историографии. – М., 1970. – С. 244–253.
24. *Институт Африки: Справочник* / РАН; Отв. ред. Васильев А.М.; Сост. и ред. Проккопенко Л.Я. – М., 2002. – 82 с. – Библиогр.: С. 72–80.
25. *Институт Дальнего Востока, 30 лет: Справочник* / РАН; Ред. кол.: Титаренко М.Л. (отв. ред.) и др.; Сост. Асланов Р.М. – М., 1996. – 256 с.
26. *Институт Дальнего Востока: Годы, люди, труды: Информ.-библиогр. справочник* / Сост.: Журавлева В.М., Ипатов А.С., Попова О.Н. – М.: Памятники ист. мысли, 2006. – 414 с.
27. *Институт истории и археологии: Первое десятилетие* / Отв. ред. Шорин А.Ф. – Екатеринбург; Ин-т истории и археологии УРО РАН, 1998. – 175 с.
28. *Институт истории и археологии Уральского отделения РАН: 20 лет научного поиска* / Гл. ред. Алексеев В.В. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии Ур. отд-ния РАН, 2007. – 226 с.
29. *Институт славяноведения РАН в 2009 г. Планы 2010 г.* / Отв. ред. Узенева Е.С.; Сост. Проскурина М.Б. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2010. – 130 с.

30. *Институт славяноведения* в 2008 г. Планы 2009 г. / Отв. ред. Куренная Н.М.; Сост. Проскурина М.Б. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. – 112 с.
31. *Институт славяноведения и балканистики* – 50 лет / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики; Ред. кол.: Робинсон А.М. (отв. ред.) и др. – М.: Индрик, 1996. – 423 с. – Тр. Ин-та: С. 283–423.
32. *Институт славяноведения*, 1999–2000: Справочник / РАН; Отв. ред. Хореев В.А.; Сост.: Данченко С.И., Чепелевская Т.И. – М., 2001. – 144 с.
33. *Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова* в документах: 1986–2000 / Авт.-сост. Асылгараев Ш.Н.; АН Татарстана. – Казань: Фикер, 2001. – 104 с. – Библиогр.: С. 98–100.
34. Иоффе Г.З. Финал советской историографии: (Как мы не написали последнюю «Историю КПСС») // Отеч. история. – М., 2002. – № 4. – С. 151–168.
35. *История Библиотеки Академии наук СССР: 1714–1964* / Под ред. Филиппова М.С. – М.–Л.: Наука. Ленинград. отд-ние. 1964. – 600 с.
36. Калистратова Т.И. *Институт истории ФОН МГУ-РАНИОН (1921–1929)*. – Ниж. Новгород: Ниж. Новгород, 1992. – 216 с.
37. Колыбель советской антропологии: К 50-летию *НИИ и музея антропологии им. Д.Н. Анучина Моск. гос. ун-та* / Под ред. Якимова В.П. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 129 с.
38. Купайгородская А.П. *Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Первые годы* / Петербургская Академия наук в истории академий мира: К 275-летию Академии наук. – СПб., 1999. – Т. 3. – С. 72–81.
39. Купайгородская А.П. *Недолгая жизнь исторического Научно-исследовательского института в Петроградском университете (1921–1923 гг.)* // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб., 2003. – С. 302–308.
40. Купайгородская А.П. *Регламентация работы историков в ЛОКА* // Русская наука в биографических очерках. – СПб., 2003. – С. 313–321.
41. Левшин Б.В. *Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны* // История и историки: Историогр. ежегодник. 1974. – М., 1978. – С. 312–317.
42. *Люди и идеи: К 50-летию Института Дальнего Востока РАН* / Отв. ред. Островский А.В. – М.: Памятники ист. мысли, 2006. – 384 с.
43. Майдачевский Д.Я. *Метаморфозы дисциплинарной структуры экономической науки: случай «Истории труда», 1920-е гг.* // Ист.-экон. исслед. = Econ. history research. – Иркутск, 2007. – Т. 8, № 3. – С. 49–62.
44. Майдачевский Д.Я. *Ученая Комиссия по исследованию истории труда в России: (1921–1925 гг.): Опыт институционализации экон. истории* // Археографический ежегодник за 2004 год. – М., 2005. – С. 13–29.
45. Майдачевский Д.Я. *Экономическая история в России: первые научные институции, 1920-е годы* // Ист.-экон. исслед. = Econ. history research. – Иркутск, 2005. – Т. 6, № 11–3. – С. 51–66.
46. Масолов В.Г. *ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956*. – М.: Новый хронограф, 2010. – 600 с.
47. *Научно-исследовательская и научно-организационная деятельность Удмуртского института истории, языка и литературы УНЦ УрОРАН, 1998–2002 гг* / РАН. Урал отд-ние. Удм. науч. центр. Удм. ин-т истории, яз. и лит.; Сост. Куликов К.И. и др. – Ижевск, 2003. – 88 с. – Библиогр.: с. 41–87.
48. Неретина С.С. *История с методологией истории* // Вопр. философии. – М., 1990. – № 9. – С. 149–163. М.Я. Гефтер и *Сектор методологии истории Института истории* (Института всеобщей истории АН СССР. (1965–1970 гг.).

49. Панях В.М. Ликвидация *Ленинградского отделения Института истории АН СССР* в 1953 г // Россия в XX веке: Судьбы ист. науки. – М., 1996. – С. 686–696.
50. 50 лет *Археографической комиссии* / РАН. Ин-т славяноведения. Археогр. комис.; Отв. ред.: Шмидт С.О.; Сост.: Мельников А.В. – М.: Наука, 2006. – 56 с. – Библиогр.: С. 5–22.
51. 50 лет *Институту археологии АН УССР* / Отв. ред. Артеменко И.И. – Киев: Наук. думка, 1984. – 139 с.
52. Свешников А.В., Свешникова О.С. *Группа архаического земледелия: забытая страница истории советской науки 1930-х годов* // Диалог со временем. – М., 2010. – Вып. 30. – С. 236–256.
53. Свой путь в науке: Коллективный портрет *ИВГИ* / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед.; Сост.: Автономова Н.С., Шумилова Е.П. – М., 2004. – 143 с. – (Чтения по истории и теории культуры; Вып. 44).
54. Серова Е.А. *Историко-археографический институт Академии наук СССР (1931–1936 гг.)* // История и историки: Историогр. ежегодник. 1976. – М., 1979. – С. 361–378.
55. Соболев В.С. Для будущего России: Деятельность АН по сохранению нац.-культ. и науч. наследия 1890–1930 гг / С.-Петербур. фил. Архива РАН. Петерб. фил. Ин-та истории естествознания и техники. – СПб.: Наука, 1999. – 192 с.
56. Соловей Т.Д. Власть и наука в России: Очерки унив. этнографии в дисциплин. контексте (XIX – нач. XXI вв.). – М., 2004. – 498 с. – Библиогр.: С. 351–359.
57. Токарева З.И. *Институт Африки Академии наук СССР, 1959–1969 гг.* АН СССР. Ин-т Африки. – М., 1969. – 75 с. – Библиогр.: С. 52–75.
58. Формозов А.А. *Академия истории материальной культуры* – центр советской исторической мысли в 1932–1932 гг // Отечественная культура и историческая мысль XIX–XXI вв. – Брянск, 1999. – С. 5–32.
59. Хартанович М.Ф. Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга: XIX в.: Ист. очерки. – СПб: Нестор-История, 2006. – 230 с.
60. Хартанович М.Ф. Ученое сословие России: *Императорская Акад. наук* второй половины XIX в / СПб.: Наука, 1999. – 222 с.
61. Черкасов П.П. *ИМЭМО*. Портрет на фоне эпохи. – М.: Весь мир, 2004. – 572 с.
62. Черных В.А. Археография и власть: (О попытке создать *Государственную археографическую комиссию* в 1944 г.) // Археографический ежегодник за 1991 год. – М., 1999. – С. 137–140.
63. Чумакова Т.В. Академические премии в истории русской науки / Единство гуманитарного знания: Новый синтез. – М., 2007. – С. 362–365.
64. Швейковская Е.Н. К пятидесятилетию симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. – Вологда, 2009. – Кн. 1. – С. 7–20.
65. Ширина Д.А. *Петербургская Академия наук* и Северо-Восток, 1725–1917 гг / Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. изд. фирма, 1994. – 272 с. – Библиогр.: С. 226–262.
66. Щетинина Г.И. Центры изучения истории в дореволюционной Академии наук // История и историки, 1975. – М., 1978. – С. 191–213.

*Исследования по истории науки:
институциональный аспект*

67. Дмитриев А.Н. *Институт истории науки и техники* в 1932–1936 гг. (Ленингр. период) // Вопр. истории естествознания и техники. – М., 2002. – № 1. – С. 3–41.

68. Есаков В.Д. К организации в АН СССР работ по истории техники и естествознания // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. 2004. – М., 2004. – С. 30–55.
69. Есаков В.Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестн. АН. – М., 1997. – Т. 67, № 12. – С. 1129–1139.
70. Есаков В.Д. «Русская наука». 1917 г.: (нереализ. проект) // Крайности истории и крайность историков. – М., 1997. – С. 95–120.
71. Илизаров С.С. Материалы к историографии истории науки и техники: Хроника, 1917–1988 гг / АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. – М.: Наука, 1989. – 295 с. – Библиогр.: С. 259–261.
72. *Институт истории естествознания и техники: Развитие и орг. изуч. истории науки и техники* / Отв. ред. Устинов Н.Д.; Сост.: Илизаров С.С., Лежнева О.А.; АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. – М.: Наука, 1989. – 166 с.
73. Колчинский Э.И. Санкт-Петербургский филиал *Института истории естествознания и техники* им. С.И. Вавилова: попытка науковедческого анализа // Науковедение. – М., 2004. – № 1. – С. 155–178. – Библиогр. с. 178.
74. *Комиссия по истории знаний, 1921–1932 гг.*: Из истории орг. ист.-науч. исслед. в АН: Сб. док / РАН. Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. С.-Петерб. фил., С.-Петерб. фил. Арх.; Сост.: Орел В.М., Смагина Г.И. – СПб.: Наука, 2003. – 765 с.
75. Кривонос Ю.И. «Вопрос об организации института... снят с обсуждения» // Вопр. истории естествознания и техники. – М., 2006. – № 2. – С. 114–127.
76. Кривонос Ю.И. Из истории нашего Института // Вопр. истории естествознания и техники. – М. 1998. – № 2. – С. 173–179.
77. Кривонос Ю.И. *Институт истории науки и техники: тридцатые – громовые, рововые* // Вопр. истории естествознания и техники. – М., 2002. – № 1. – С. 42–73.
78. Кузнецова Н.И. *ИИЕТ* как объект «полевого исследования» и сам по себе // Вопр. истории естествознания и техники. – М., 1995. – № 1. – С. 138–145.
79. Монджили А. Приключения науковедения: случай *Института истории естествознания и техники* // Вопр. истории естествознания и техники. – М., 1995. – № 1. – С. 116–137.
80. Сорокина М.Ю. Ученые и политика: постверсальская Европа и международное научное сотрудничество: (Проект «200-летний юбилей Российской Академии Наук (1925)») // Пути познания истории России: Новые подходы и интерпретации. – М., 2001. – С. 334–381.
81. Тункина И.В. О проекте многотомного издания по истории русской науки // Петербургская Академия наук в истории Академий мира. – СПб., 2000. – Т 1. – С. 182–194.
82. «Я пришел в *ИИЕТ*...» Вспоминают ветераны (Материалы Круглого стола 23 апреля 2008 г.) / Авт.-сост.: Илизаров С.С., Мокрова М.В. – М.: Янус-К, 2008. – 224 с.

Историческое образование.

Историческая наука в высших учебных заведениях: конец XIX – начало XXI в.

83. Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки: (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.) – М.: Мысль, 1968. – 197 с.
84. Калистратова Т.И. Историческая наука в российских университетах (1917–1931 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1993. – 39 с.
85. Краснова Ю.В. Цели университетского исторического образования: взгляды правительства и университетской корпорации (конец XIX – XX века) // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. – Челябинск, 2006. – С. 106–147.

86. Могильнер М. Антропологическая парадигма в России: парадоксы институционализации // Могильнер М. Homo impetii: История физич. антропологии в России: (конец XIX – начало XX в.). – М., 2008. – С. 27–148.
87. Российские университеты XVIII–XX веков в системе исторической науки и исторического образования / Казан. гос. ун-т Ист. фак.; Науч. ред. Чесноков В.И. – Казань, 1994. – 105 с.
- ● ●
88. Аврус А.И. Формирование и деятельность *историко-филологического факультета Саратовского университета: 1917–1919* // Страницы российской истории. – М., 2001. – С. 198–208.
89. Базиянц А.П. *Лазаревский институт* в истории отечественного востоковедения. – М.: Наука, 1973. – 224 с. – Библиогр.: С. 209–218.
90. Божено Л.И. Историческое образование в *Томском государственном педагогическом университете: к 70-летию исторического факультета* / Том. гос. пед. ун-т. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2003. – 135 с. – Библиогр.: С. 125–127.
91. Брачев В.С. Дворниченко А.Ю. *Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004)* / С.-Петерб. гос. ун-т. Ист. фак. – СПб., 2004. – 383 с.
92. Бурмистрова Л.П. Публичные лекции профессоров и преподавателей *Казанского университета XIX в.* – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 160 с.: табл., [5] л. ил. – Алф. указ. имен: С. 152–159. К 200-летию Казан. ун-та.
93. Валеев Р.М. Очерки истории казанского университетского востоковедения (1769–1920-е гг.): Учеб. пособие / Ин-т востоковедения Казан гос. ун-та. – Казань, 2003. – 142 с.
94. Валк С.Н. Историческая наука в *Ленинградском университете за 125 лет* / Комментар. Кагановича Б.С. // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. – СПб.: Наука, 2000. – С. 7–106.
95. В том далеком ИФЛИ (Институт истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского): Воспоминания, документы, письма, стихи и фотографии. – М. 1991. – 512 с.
96. Воробьева Ю.С. *Русская высшая школа общественных наук в Париже* // Исторические записки. – М., 1982. – Т. 107. – С. 332–344. 1901–1906 гг.
97. Воспоминания выпускников *Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета* послевоенных лет / С.-Петерб. гос. ун-т. Вост. фак.; Ред. кол.: Александрова О.И. и др. – СПб., 2005. – 327 с.
98. Гапоненков А.А. *Историко-филологический факультет Саратовского университета*. Из летописи событий 1917–1919 гг. // Изв. Саратов. ун-та Н.С. – Саратов, 2005. – Т. 5. – Вып. 1–2. – С. 8–25.
99. Гапоненков А.А. Обзорение преподавания на *историко-филологическом факультете Саратовского университета* в 1917–1920 гг. // Изв. Саратов. ун-та Н.С., Сер.: Филология. Журналистика. – Саратов, 2005. – Вып. 1/2. – С. 25–33.
100. Голубцов С.А. *Московская Духовная Академия дореволюционного периода: [В 3 т.]* – М.: Мартис, 1999.
Т. 1. Ч. 3: *Московская духовная академия в революционную эпоху: Академия в социальном движении и служении в начале XX века: По материалам архивов, мемуаров и публикаций.* – 255 с.
101. Гутнов Д.А. *Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.)* – М.: РОССПЭН, 2004. – 335 с.

102. Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – 151 с., ил. – Библиогр.: С. 120–121.
103. Дмитриев С.С. Историческая наука в Московском университете в 60–90-х гг. XIX в. // Вестн. Моск. ун-та № 7. Сер. обществ. наук. – М., 1954. – Вып. 3. – С 45–116.
104. Досталь М.Ю. Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок: Избр. очерки / РАН. Ин-т славяноведения. – М.: Спутник+, 2005. – 95 с. – Библиогр.: С. 89–91.
105. Жуковская Т.Н. *Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX–XX веков: науч.-исслед. и пед. традиции // История и филология: проблемы науч. и образоват. интеграции на рубеже тысячелетий.* – Петрозаводск, 2000. – С. 341–349.
106. Зевелев А.И. Наш МИФЛИ // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения акад. РАН Ю.А. Полякова. – М., 2001. – С. 54–64.
107. «И не прервется связь времен...»: (Сборник: К юбилею *ист. фак. (фак. социал. наук) РГПУ им. А.И. Герцена*) / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. Факт. социал. наук; Отв. ред.: Сморгунова В.Ю.; Авт.-сост.: Александрова С.П. и др. – СПб.: Белое и Черное, 1999. – 301 с.
108. Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете / Астафьев В.В., Галиуллина Д.М., Малышева С.Ю., Сальников А.А. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2003. – 179 с. – Библиогр.: с. 170–179.
109. Историки-слависты *Московского университета: К 40-летию кафедры истории южных и западных славян*: Материалы и документы. – М., 1979. – 211 с.
110. Историческая наука в *Московском университете, 1934–1984* / Ред. кол.: Кукушкин Ю.С. (отв. ред.) и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 333 с.
111. Историческая наука в *Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006 гг.)* / Ред. кол.: Молев Е.А. (отв. ред.) и др. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2006. – 272 с. – Библиогр.: С. 262–270.
112. Историческая наука в *Харьковском университете: (К 185-летию ХГУ)* – Харьков: Основа, 1991. – 137 с. (Вест. Харьк. ун-та; № 357).
113. *Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: К 70-летию юбилею Ист. факультета* / Сост. Леонова Л.С.; Под ред. Карпова С.П. – М.: Кн. Дом «Университет», 2004. – 110 с.
114. *Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, 1934–2004: Очерк истории* / С.-Петерб. гос. ун-т. Ист. фак.; Отв. ред.: Дворниченко А.Ю. – СПб., 2004. – 389 с.
115. *История кафедры вспомогательных дисциплин: Сб. документов и материалов / РГГУ. МГИ АИ; Сост.: Простоволосова Л.Н., Румянцева М.Ф.; Вступ. ст. Простоволосовой Л.Н.* – М., 1991. – 390 с. – Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР.
116. Калистратова Т.И. Преподавание и изучение истории в *Московском университете (1917–1931 гг.)*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1984.
117. Козлова Л.А. Институт Красной Профессуры. (1921–1938): историогр. очерк // Социол. журн. – М., 1994. – № 1. – С. 96–112.
118. Кононов А.Н., Иориш И.И. *Ленинградский восточный институт. Страница истории сов. востоковедения.* – М.: Наука, 1977. – 136 с. – Библиогр.: С. 131–135. – Изд. Ленингр. вост. ин-та им. А.С. Енукидзе: с. 123–125.
119. Куликова А.М. Становление университетского востоковедения в Петербурге / АН СССР. Ин-т востоковедения, Ленингр. отд-ние. – М.: Наука, 1982. – 207 с. – Библиогр.: С. 174–193.

120. Мамонтова М.А. Особенности формирования научного сообщества историков ОмГУ (по материалам партийных документов) // Университеты как регионообразующие научно-образованные комплексы. – Омск, 2004. – Ч. 3. – С. 40–45.
121. Матвеева Н.В. Особенности формирования послевоенного поколения советских историков (на примере *Томского государственного университета*) // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. – Омск, 2004. – Ч. 3. – С. 35–40.
122. МГИМО – Университет: Традиции и современность (1944–2004) / Алексеева Т.А., Аникеева Н.Е., Анфилов В.А. и др.; Под общ. ред. Торкунова А.В.; Редкол.: ... Чечевичников А.Л. (сост.); Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т). – М.: Моск. учеб. и картолитография, 2004. – 333 с.: ил., [32] л.
123. Михальченко С. *Историко-филологический факультет Варшавского университета. 1869–1917*: Очерк истории к-ры истории. – Брянск: Изд-во Брянск. Гос. ун-та, 2005. – 104 с.
124. Мошкович Г.Г. *Русская высшая школа общественных наук в Париже* // Тр. Краснодар. пед. ин-та. – 1963. – Вып. 33. – С. 135–169.
125. *Московский государственный ун-т им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет* / Сост. Барсенков А.С.; Под ред. Кукушкина Ю.С. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 60 с.
126. Мухин И.Н. К истории МИФЛИ // «Будущего нет и не может быть без наук...»: Памяти проф. Моск. ун-та М.Г. Седова. – М., 2005. – С. 158–296.
127. На часах возле Крымского моста (1945–1950): Воспоминание выпускников первого послевоенного приема в Ин-т / *Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ*; Ред. кол.: Торкунов А.В. и др. – М., 2000. – 268 с.
128. Наш исторический: Сб., посвящ. 70-летию ист. образования / *Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова. Ист. фак.*; Сост. и отв. ред. Петров Ю.Д. – Якутск, 2004. – 134 с.
129. Неелов М.М., Полканов В.Д. *Кафедра отечественной истории Омского государственного технического университета*: в ритме со временем. – Омск, 2003. – 177 с.
130. Николаев П.Ф., Самосудов В.М. *Исторический факультет Омского государственного педагогического университета (1936–1996 годы)* / Под ред. Худякова В.Н. – Омск, 1996. – 123 с. [8] л.
131. Но какую измерить мерой путь, который мы здесь прошли!: Вспоминают выпускники 1956 г. / *Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России*; Ред. кол.: Торкунов А.В., Сергеев Р.А. – М.: МГИМО Ун-т, 2006. – 327 с.
132. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг. / Вступ. заметка, подгот. текста к публ. Гапоненкова А.А. // Изв. Сарат. ун-та. Т. 5. Новые сер. Сер. филология, журналистика. – Саратов, 2005. – Вып. 1/2. С. 26–33.
133. *Оренбургский государственный педагогический университет: история и современность: Материалы XXX преподават. науч.-практ. конф., 14–15 мая 2009 г.* / Оренб. гос. пед. ун-т. – Оренбург, 2009.
Т. 1.: *Кафедра истории Отечества и социально-политических теорий, кафедры исторического факультета*. – 282 с. – Библиогр. в конце отд. ст.
134. Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. «Мы учим советских людей, а не древних греков»: (Из истории вузов. ист. науки) // *История СССР*. – М., 1989. – № 6. – С. 92–109.
135. Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. *История кафедры вспомогательных исторических дисциплин* / *Моск. гос. Ист.-арх. ин-т*. – М., 1990. – 71 с.
136. *Российский институт истории искусств в мемуарах* / РАН. Рос. ин-т истории искусств; Под общ. ред.: Эпман И.В. – СПб., 2003. – 303 с.

137. Ростовцев Е.А. Испытания патриотизмом: Профессорская коллегия *Петроградского университета* в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. – М., 2009. – Вып. 29. – С. 308–324.
138. Соловей В.Д. Роль *Института красной профессуры* в становлении советской исторической науки и разработке проблем отечественной истории (1921–1938 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук – М., 1987. – 21 с.
139. Соломонов В.А. Из истории *кафедры истории России Саратовского университета* // Историографический ежегодник. – Саратов, 2002. – Вып. 20. – С. 78–99.
140. Стрекопытов С.П., Сенин А.С. *Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций*: Крат. оч. организации и деятельности, 1952–2002 гг. / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ист.-Арх. ин-т Каф. истории гос. учреждений и обществ. организаций. – М.: Спутник+, 2002. – 230 с. – Библиогр.: С. 215–226.
141. Тимофеева Н.Н. *Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ)* – центр идейной подготовки коммунистических и революционных кадров Востока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – 16 с.
142. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историогр. очерки / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2003. – 328 с.
143. *Факультет истории и права БПГУ им. В.М. Щукина* в документах, свидетельствах очевидцев: вчера, сегодня, завтра... / Бийск. гос. ун-т им. В.М. Шукшина. Фак. истории и права; Отв. ред.: Артемьева В.И. – Бийск, 2006. – 158 с.
144. *Факультет теории и истории искусств, 1937–1997* / Рос. акад. художеств, С.-Петербург. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. – СПб., 2002.
Ч. 2 / Сост. и науч. ред. Павлов Г.Н. – 31 с.
145. Хмелевский К.Э. *Восточный институт*: история, структура, направления обучения // Вестн. Восточ. ин-та = Acta Institutionis orientaus. – СПб., 1995. – Т. 1, № 1. – С. 3–11.
146. Хроника РГГУ. События. Факты: 1991–2004, январь, август / Рос.гос. гуманитар. ун-т; Сост.: Тропкина Л.В., Коровкина А.Б. – М., 2004. – 296 с. [8] л. ил.
147. Хронограф / Рос. гос. социал. ун-т; Сост. Вавилов А.П.: Отв. ред. Жуков В.И. – М., 2006. – 329 с.: табл., схем, [17] л. ил. – 15-летию РГСУ посвящ.
148. Шаратов Ю.П. Лицей в Сокольниках. Очерк истории *ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского* (1931–1941). – М., 2003. – 206 с.
- ● ●
149. Белов Е.В., Плотникова С.Г. Факты и оценки: высшее социально-гуманитарное образование в России по материалам социологического исследования // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России. – М., 2003. – С. 540–654.
150. Зверева Г.Я., Репина Л.П. Историческое образование в высшей школе России: состояние и проблемы // Преподавание социально-гуманитарных наук в вузах России: аналитич. доклад. – М., 2003. – С. 486–531.

*Историческая наука в социально-политическом и идеологическом
контексте советской эпохи*

151. *Аппарат ЦК КПСС и культура, 1965–1972*: Документы / Федер. арх. агентство, Рос. гос. арх. новейшей истории; Сост.: Томилина Н.Г. (отв. ред.). ... Таванец С.Д. (отв. сост.) и др. – М.: РОССПЭН, 2009. – 1247 с.
152. Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 дек. 1962. – М.: Наука, 1964. – 518 с.

153. Власть и историческая наука // Отеч. архивы. – М., 1992. – № 3. – С. 62–88; № 4. – С. 43–65; № 5. – С. 31–66.
154. Доклад Э.Н. Бурджалова о состоянии советской исторической науки и работе журнала «Вопросы истории» (19–20 июня 1956 г. Ленинград) / Публ. Городецкого Е.Н. // *Вопр. истории.* – М., 1989. – № 9. – С. 81–96, № 1. – С. 113–138.
155. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 443 с.
156. Историю – в школу: создание первых советских учебников. – М., 2008. – 304 с. (Вестн. Архива Президента Российской Федерации).
157. История и социология [Материалы расш. засед. Секции обществ. наук Президиума АН СССР. 3–6 янв. 1964 г.]. – М.: Наука, 1964. – 339 с.
158. Колеватов Д.М. Поиск идентичности. (К характеристике первой генерации советских историков) // *Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе.* – Сочи, 2005. – Ч. 1. – С. 167–169.
159. Наука и власть: Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов / РАН. Отд-ние философии, социологии, психологии и права, Арх. РАН; Отв. ред. Старушенко Г.Б. – М.: Наука, 2001. – 319 с.
160. *Отдел высших учебных заведений ЦК КПСС, 1953–1966:* Аннот. описи / Рос. гос. архив новейшей истории; Науч. ред.: Прозуменщиков М.Ю.; Отв. сост.: Болотина Э.А. – М.: РОССПЭН, 2009. – 255 с.
161. *Отдел науки ЦК КПСС, 1953–1966:* Аннот. описи / Рос. гос. архив новейшей истории; Науч. ред.: Прозуменщиков М.Ю.; Сост.: Киселев М.Ю. (отв. сост.) и др. – М.: РОССПЭН, 2206. – 399 с.
162. *Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями 1966–1968 гг.* / Предисл. и путь Даниловой Л.В. // *Вопр. истории.* – М., 2007. – № 12. – С. 44–80; 2008. – № 1. – С. 61–95; № 2. – С. 44–83.
163. Первая реакция на критику «культы личности» И.В. Сталина: По итогам выступлений А.М. Панкратовой в Ленинграде в марте 1956 года / Публ. подгот. Новиков А.В. // *Вопр. истории.* – М., 2006. – № 8. – С. 3–21.
164. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о новом составе редколлегии журнала «Вопросы истории». 4 апреля 1949 // Сталин и космополитизм: Документы Агитпрома ЦК КПСС. 1945–1953. – М., 2005. – С. 350–353.
165. Рекомендации Совещания историков в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС 21–22 марта 1973 г. АН СССР. Отд-ние истории. – М., 1974. – 15 с.
166. Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сб. док. и материалов. Ч. 1: 1920–1930-е гг. / Сост. Зеленов М.В. – СПб.: Наука-Питер, 2006. – 496 с.
167. Стенограмма объединенного заседания сектора истории Средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории Средних веков Московского Государственного университета // *Одиссей. Человек в истории.* – М., 2007. – С. 253–340. Публикации предпослана статья А.Н. Горянкова «Опубликуемый рукописи и её судьбе (С. 250–252).
168. Стенограмма Совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. / Публ. Амиантова Ю.Н., Тихоновой З.Н. // *Вопр. истории.* – М., 1996. – № 2. – С. 47–86; № 3. – С. 82–112; № 4. – С. 65–93; № 5/6. – С. 77–106; № 7. – С. 70–87; № 9. – С. 47–77.
- ● ●
169. Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика: (60–80-е гг. XX в.) / РАН. Ин-т рос. истории. – М., 2003. – 248 с.

170. Бабиченко Л. Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» и его последствия // *Вопр. истории КПСС*. – М., 1989. – № 2. – С. 94–108.
171. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъектив. заметки об истории сов. о-ва. – М.: Политиздат, 1992. – 352 с.
172. Брандерберг Д.Л., Дубровский А.М. Итоговый партийный документ. Совещание историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г.: (История создания текста) // *Археографический ежегодник за 1998 г.* – М., 1999. – С. 148–163.
173. Волков А.Б. Ученый-историк в условиях гражданской войны в России: (Опыт проведения трех ретро-интервью) // *Науковедение*. – М., 2003. – № 2. – С. 173–193. Проблема «историк и время» на материале дневников Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, Н.М. Дружинина.
174. Гинцберг Л., Дунаевский В. Письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «*Пролетарская революция*»: причины и последствия // *Проблемы истории и историографии рабочего движения*. – М., 1991. – С. 85–129.
175. Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. – М.: Наука, 2009. – 390 с.
176. Гордон А.В. Власть и революция: Советская историография Великой французской революции. 1918–1941 / Саратов: Науч. кн., 2005. – 245 с.
177. Городецкий Е.Н. Журнал «*Вопросы истории*» в середине 50-х годов // *Вопр. истории*. – М., 1989. – № 9. – С. 69–80.
178. Гуревич А.Я. Грехопадение московских медиевистов: Дискуссия 1949 г. и её последствия // *Одиссей. Человек в истории*. – М., 2007. – С. 341–349.
179. Давидсон А.Б. Историки *Ленинградского университета* в разгар кампании против «низкопоклонства перед Западом» // *Одиссей. Человек в истории*. – М., 2007. – С. 354–355.
180. Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советское общество // *Новое лит. обозрение*. – М., 2007. – № 6 (88). – С. 10–82.
181. Дубровский А.М. Историк и власть: Ист. наука в СССР и концепция истории феода. России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). – Брянск, 2005. – 799 с.
182. Есаков В.Д. О закрытии журнала «*Исторический архив*» в 1962 г. // *Отеч. архивы*. – М., 1992. – № 4. – С.
183. Зеленов М.В. *Аппарат ЦК РКП(б)*, цензура и историческая наука в 1920-е годы. – Н. Новгород, 2000. – Т. XVI. – 540 с.
184. Зеленов М.В. Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е годы // *Отеч. история*. – М., 2000. – № 2. – С. 129–141.
185. Зеленов М.В. *Главлит* и историческая наука 20–30-х гг. // *Вопр. истории*. – М., 1997. – № 3. – С. 21–30.
186. Зеленов М.В. Политика аппарата ЦК РКП(б)-ВКП(б) в области цензуры исторической науки в 1919–1929 годах: Автореф. дис. ... д-ра наук. – Н. Новгород, 2000. – 47 с. – Библиогр.: С. 44–47.
187. Историк и власть // *Мир историка*. – Омск, 2005. – Вып. 1. – С. 75–141.
188. Калистратова Т.И. Политика, опрокинутая в прошлое: (Хроника ист. науки, 1925–1938 гг.) / Рос. акад. упр. Каф. отеч. истории. – М., 1992. – 185 с.
189. Камынин В.Д. Сохранение культурной памяти в историографических трудах: о современном прочтении некоторых дискуссий в советской исторической литературе // *Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии*. – Челябинск, 2004. – С. 126–141.
190. Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2006. – 21 с.

191. Ковальченко И.Д. Роль дискуссии в исторической науке: (Методол. проблемы) // Всемирная история и Восток. – М., 1989. – С. 21–33.
192. Кныш Н.А. *Институт истории Академии наук СССР*: рецепция партийных постановлений и выработка исследовательских стратегий // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательные миссии. – М., 2009. – С. 53–56.
193. Ланской Г.Н. Историки и власть: дискуссии советских историков как историографический источник // Народ и власть: ист. источники и методы исследования. – М., 2003. – С. 244–247.
194. Литвак Б.Г. Портрет субъекта историографии России на стыке эпох // Отечественная история XX века: экономическая, политическая и социальная жизнь, преподавание истории: Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Зиновьевича Дробышева. – М., 2004. – С. 436–443.
195. Матвеева Н.В. Особенности формирования послевоенного поколения советских историков (на примере *Томского государственного университета*) // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. – Омск, 2004. – Ч. 3. – С. 35–40.
196. Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение: (1917 – начало 1930-х годов) / РАН. Ин-т славяноведения. – М.: Индрик, 2004. – 430 с.: табл. – Библиогр. в примеч. Указ имен: С. 416–249. – Рез. англ. Рец.: Алпатов В. Выслушать обе стороны // Отеч. записки. – М., 2005. – № 2 (23). – С. 345–352.
197. 50 лет советской исторической науке. Хроника научной жизни. 147–1967 / Сост.: Алаторцева А.И. Алексеева Г.Д. – М.: Наука, 1971. – 527 с.
198. Рыженко В.Г. Возможности материалов личных архивов для изучения региональных аспектов проблемы «Историк и власть. Сибирь. XX век» (по материалам ГАНО) // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. – Омск, 2004. – Ч. 3. – С. 28–34.
199. Савельев А.В. Номенклатурная борьба вокруг журнала «*Вопросы истории*» в 1954–1957 годах // Отеч. история. – М., 2003. – № 5. – С. 148–162.
200. Серебряный С.Д. Наука и власть в России. Актуальные размышления над современной книгой // Одиссей. Человек в истории. – М., 2007. – С. 356–375. Рец. на кн.: Коганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. – СПб., 2006.
201. Сидорова Л.А. Генерационный подход в изучении истории исторической науки // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России. – Н. Новгород, 2008. – С. 4–7.
202. Сидорова Л.А. Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1990-е годы // История и историки: Историогр. вестн. 2003. – М., 2003. – С. 168–191.
203. Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: Сов. историография первого послесталинского десятилетия / РАН. Ин-т рос. истории. – М.: Памятник ист. мысли, 1997. – 288 с.
204. Сидорова Л.А. Поколение как смена субкультур историков // Мир историка: XX век. – М., 2002. – С. 38–53.
205. Сидорова Л.А. Смена поколений историков и инновационные процессы в отечественной исторической науке в XX веке // Связь веков: Исследования по источникововедению истории России до 1917 года. – М., 2007. – С. 428–442.

206. Сидорова Л.А. Советские историки послевоенного поколения: СобираТЕЛЬный образ и индивидуализирующие черты // История и историки: Историографич. вестн. 2004. – М., 2005. – С. 208–223.
207. Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 2008. – С. 294.
208. Сидорова Л.А. Три поколения советских историков // Отечественная история XX века. – М., 2004. – С. 189–198.
209. Советская историческая наука: Хроника событий, 1968–1970 гг. / Отв. ред. Алексеева Г.Д.; Сост.: Алаторцева А.И., Селиванова С.А. АН СССР. Ин-т истории СССР. – М., 1989. – 176 с.
210. Советская историография / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Под общ. ред. Афанасьева Ю.Н. – М., 1996. – 591 с.
211. Соловей В.Д. Историческая наука и политика в СССР: 20–30-е гг. // Историческое значение НЭПа: Сб. науч. тр. – М., 1990. – С. 149–160.
212. Чечель И.Д. Историографическая ситуация 1985–1991 гг.: проблема самоидентификации профессионального сообщества // Россия в XX веке: проблемы изучения и преподавания. – М., 1999. – С. 135–139.
213. Чечель И.Д. Историческая публицистика 1985–1991 гг. и историческая наука: точки соприкосновения // Новая Россия: социальные и политические мифы. – М., 1999. – С. 34–40.
214. Щербинин А.И. Проблемы исследования дискуссии как формы исторического познания // Материалы конференции молодых ученых по общественным наукам / Том. гос. ун-т. – Томск, 1982. – С. 60–62.

Репрессированная историческая наука

215. *Академическое дело, 1929–1931 гг.*: Документы и материалы следств. дела, сфабриков. ОГПУ / РАН; Ред. кол.: ... Леонов В.П. (отв. ред.) и др. – СПб., 1993. – 1998.
Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова / Изд. подгот.: Захаров В.П. и др. – 1993. – LXXIV, 296 с. – 1993.
Вып. 2: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ред. кол.: Леонов В.П. и др. – 1998. – 746 с. Ч. 1–2.
 216. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопр. истории. – М., 1994. № 4. – С. 106–135.
 217. 1937 год. *Институт красной профессуры*. Выступления Н.М. Лукина, В.В. Маскакова, О.С. Вейланд, Л.И. Рыклина / Предисл., публ. и коммент. Артизова А.И. и Черноуса В.Н. // Отеч. история. – М., 1992. – № 2. – С. 117–146.
 218. «Что вы делаете со мной!». Как подводили под расстрел: Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / Сост., вступ. ст., примеч. Ганелина Р.Ш. – СПб.: Нестор-История, 2006. – 271 с. С. 89–182. Общее собрание сотрудников Ленинградского отделения Института истории АН СССР 21 марта 1937 г.
- ● ●
219. Ананьич Б.В., Панеях В.М. «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки. – М., 1999. – № 2. – С. 338–350.
 220. Ананьич Б.В., Панеях В.М. Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929–1931 гг.» Вып. 1) // In Memento. Ист. сб. памяти Ф.Ф. Перченка. – М., 1995. – С. 87–111.
 221. Ананьич Б.В., Панеях В.М. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 гг. // Рус. ист. журн. – М., 1999. – Т 2, № 3. – С. 93–113.

222. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. – М.: Наследие, 1994. – 285 с. Рец: Панов М.В. // *Вопр. языкознания*. – М., 1996. – № 1. – С. 154–159.
223. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология / РАН. Ин-т востоковедения. – М.: Вост. лит., 2002. – Библиогр.: С. 289–292.
224. Брачев В.С. *Дело историков 1929–1931 гг* – 2-е изд., доп. – СПб.: Нестор, 1998. – 125 с.
1-е изд. – СПб.: 1997, – 113 с.
225. Горяинов А.Н. Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х гг. // *Сов. славяноведение*. – М., 1990. – № 2. – С. 78–89.
226. Колеватов Д.М. Научное общество как социальный фильтр: («Репрессивное давление» в науч. судьбе М.А. Гудошникова и М.К. Азадовского 1940-е гг.) // *Мир историка: Историогр. сб.* – Омск, 2005. – Вып. 1. – С. 121–141.
227. Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси, 1920–1930 годы: По материалам архивов. – М.: Изд-во Акад. горных наук, 2000. – 439 с. – Библиогр.: С. 401–423. Организация исследований. Судьбы историков древнерусского и византийского искусства. Репрессии конца 1920-х – 30-х годов.
228. Матвеева Л.В., Цыганкова Э.Г. *Всеукраинская Академия наук*. Год 1929-й // *Мемогіам: Ист. сб. памяти Ф.Ф. Перченка*. – М.; СПб., 1995. – С. 112–140.
229. Панях В.М. К спорам об «Академическом деле» 1929–1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах // *Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, Новое и Новейшее время*. – Ростов, 2003. – С.
230. Панях В.М. Опыт подготовки издания «Академического дела» 1929–1930 гг. // *Проблемы публикации документов по истории России XX в.* – М., 2001. – С. 208–214.
231. Перчёнок Ф.Ф. *Академия наук на «великом перегоне»* // *Звенья: Ист. альманах*. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 163–235.
232. Перчёнок Ф.Ф. *Дело «Академии наук»* // *Природа*. – М., 1991. – № 4. – С. 96–104.
233. Фомичев С., Лавров А. Дело о «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома» // *In Мемогіам. Сб. памяти Аллоя В.* – СПб.: Париж, 2003. – С. 418–450.
234. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма // *Историогр. очерки*. – М.: Знак, 2004. – 316 с.
235. Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Предисл., послесл. и публ. Ананьича Б.В.; Примеч. Правиловой Е.А. // *In Мемогіам. Ист. сб. памяти Ф.Ф. Перченка*. – М.; СПб., 1995. – С. 19–86.

Историки и Великая Отечественная война

236. В память ушедших и во славу живущих: Письма читателей с фронта. Дневники и письма сотрудников *Публичной библиотеки*, 1941–1945 / Сост. Ц.И. Грин, Г.В. Михеева, Л.А. Шилов; Рос. нац. б-ка. – СПб.: РНБ, 1995. – 274 с.
237. Голоса из мира, которого уже нет: Выпускники *ист. фак. МГУ* 1941 г. в письмах и воспоминаниях / Подгот.: Горелик Р.С. и др.; Сост., введ. тексты Гефтера М.Я. – М., 2004. – 197 с. Изд. 1-е. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 158 с.
238. «Привет с фронта!»: Письма фронтовиков – сотрудников *ИМЭЛ* в Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б), 1941–1945 / Ред. кол.: Белянина Л.И. и др.; Подгот. Дажина И.М.; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М., 1990. – 81 с.
- ● ●
239. Бурдей Г.Д. *Историк и война: 1941–1945*. – Саратов. Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – 261 с.

240. Кондакова Н.И., Куманев Г.А. Ученые-гуманитарии России в годы Великой Отечественной войны: Документы. Материалы. Комментарии. – М.: Светотон, 2004. – 303 с.
241. Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и историческая память: (Научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) // Мир историка. – Омск, 2005. – Вып. 1. – С.

Исторические (и другие социальные и гуманитарные) науки в постсоветскую эпоху; институциональные и социокультурные аспекты

242. Отчет о деятельности Российской Академии наук... / РАН. – М., 1998.
в 1997 году: Важнейшие результаты в области естественных, технических, гуманитарных и общественных наук. – 156 с.
243. Отчет о деятельности Российской Академии наук... / РАН. – М.: Наука, 2000.
в 1999 году: Научно-организационная деятельность. Основные показатели развития РАН.
244. Отчет о деятельности Российской Академии наук... / РАН. – М., 2001.
в 2000 году: Научно-организационная деятельность. Основные показатели развития РАН. – 134 с.
245. Отчет о деятельности Российской Академии наук... / РАН. – М.: [Наука], 2002.
в 2001 году: Научно-организационная деятельность. Основные показатели развития РАН. – 198 с.: ил.
246. Отчет о деятельности Российской Академии наук... / РАН. – М., Наука, 2004.
в 2003 году: Научно-организационная деятельность. Основные показатели развития РАН. – 171 с.: ил.
247. Отчет о деятельности Российской Академии наук... / РАН. – М., 2006.
в 2005 году: Научно-организационная деятельность. Основные показатели развития РАН. – 252 с.
248. Отчет о деятельности Российской Академии наук... / РАН. – М., 2007. (Проект).
в 2006 году: Научно-организационная деятельность. Научно-организационная деятельность. – 256 с.
- ● ●
249. Алеврас Н.Н. Историографические исследования в уральских научных центрах: актуальная проблематика и перспектива коммуникаций историографов в начале XXI века // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. – Екатеринбург, 2007. – Т. 1. С. 30–34.
250. Александров Д. Места знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук // Новое лит. обозрение. – М., 2006. – № 1 (77). – С. 273–284.
251. «Благой фонд, благое дело»: К 10-летию *Рос. гуманитар. науч. фонда* / Ред. кол.: Воротников Ю.Л. (отв. ред.) и др. – М., 2004. – 967 с.
252. Бикбов А.Т. Институциональная и смысловая структура российской государственной научной политики 1990-х гг: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2003. – 28 с.
253. Бердашкевич А.П. Об уточнении понятия «грант» в тексте Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» // Вестн. РФФИ. – М., 2003. – № 2. – С. 14–16.
254. Буланин Д. Коммерция или культура: Двенадцать лет издательству «Дмитрий Буланин» // Буланин Д. Эпилог к истории русской интеллигенции. – СПб., 2005. – С. 127–121.

255. Бутенко А.П. Наука, политика и власть: Воспоминания и раздумья. – М., 2000. – 379 с.
256. Воспроизводство научной элиты в России: роль зарубежных научных фондов: (На прим. *фонда им. А. Гумбольдта*) Рос. независимый ин-т социал. и нац. пробл.; Под ред. Чепуренко А.Ю., Гохберга Л.М. – М., 2005. – 232 с.
257. Гордиенко А.А., Ерёмин С.Н., Плюснин Ю.М. Академическая наука в кризисном обществе: На материалах мониторинга Новосиб. Академгородка / РАН. Сиб. отделение. Ин-т философии и права. Центр социал. адаптации и переподгот. кадров высш. квалификации. – Новосибирск, 1997. – 176 с.
258. Гудков Л. О положении социальных наук в России // Новое лит. обозрение. – М., 2006. – № 1. (77). – С. 314–339.
259. Дежина И. Положение женщин-исследователей в российской науке и роль фондов. – М.: ТЕИС, 2003. – 156 с. – Библиогр.: С. 153–156.
260. Живов В. Наука выживания и выживание науки // Новое лит. обозрение. – М., 2005. – № 4 (74). – С. 25–33.
261. Зверева В. История на ТВ: конструирование прошлого // Отеч. зап. – М., 2004. – № 5 (20). – С. 160–169.
262. «Индрик» – 10 лет. – М.: Индрик, 2003. 230 с.
263. Исследовательские институты: состояние и проблемы / Беседа Куренного В. с Радаевым В. // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. – М., 2006. – С. 35–45.
264. Корзун В.П. Локальные научные сообщества в интеллектуальном ландшафте провинции // Методология региональных исторических исследований. – СПб., 2000. – С. 47–49.
265. Кузнецова О.В. Локальное научное сообщество историков в 90-е годы XX века (на материале города Омска) // Мир историка. – XX века (на материале города Омска) // Мир историка. XX век.
266. Макаров Н.А., Петров А.Е. Историки России и РГНФ в 1995–1999 годах // Отеч. история. – М., 2000. – № 3. – С. 133–150.
267. Нарский И.В. Путешествие между университетскими мирами или Бремя свободы // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. – М., 2006. – С. 138–153.
268. Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: Опыт России и Польши / Гос. ун-т – Высш. шк. экономики, Ин-т гуманит. ист.-теорет. исслед.; Пер с пол. Кузнецова Н.; Отв.в ред.: Аксер Е., Савельева И.М. – М., 2010. – 365 с. – Библиогр.: С. 333–343 и в конце ст.
Из содержания: Савельева И. Присутствие и отсутствие – С. 5–18; Уваров П. Но тут все и кончилось. Россия в роли «Великой историографической державы». – С. 121–137. Каменский А. Современная отечественная историография России и мировая историческая наука: интеграция как бег с препятствиями. – С. 138–154; Серебряный С. Российская индология в мировом контексте. – С. 179
Смирнов И. Россия и Европа: синологические связи во фрагментах и эпизодах. – С. 194–206;
Лещенко П. Мировая, западная, национальная наука: к проблеме соизмеримости. Опыт социологического комментария. – С. 344–365.
269. Новое поколение российских историков в поисках своего лица // Отеч. история. – М., 1997. – № 4. – С. 104–124.
270. Новопашин Ю.С. Академическое обществознание под перекрестным огнем // Славяноведение. – М., 1997. – № 3. – С. 28–38. – Библиогр.: С. 37–38.

271. Поиски альтернативных структур в исторической науке: *АИРО-XX*: издательским программам 5 лет / Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в.; Сост.: Бордюгов Г.А., Ушаков А.И. – М.: АИРО-XX, 1998. – 143 с. – Библиогр. рец. в рос. и зарубеж пресе на издания АИРО-XX: С. 120–125.
272. Полетаев А.В. Общественные и гуманитарные науки в России в 1998–2007 гг. количественные характеристики. – М.: Гос. ун-т – Высш. школа экономики. 2008 (Препринт W P6/2008/07).
273. Пути России: современное пространство: школы, направления, поколения / Под общ. ред. Пугачевой М.Г., Вахштейна В.С. – М.: Универс. кн., 2009. – 552 с.
Из содерж.: Репина Л.С. Интеллектуальная история в современной России: институционал. структуры и исследовательские поля. – С. 81–93;
Гордон А. Историографич. российские проблемы в международном контексте. – С. 225–233; Свешников А., Степанов Б. Академическое сообщество и постсоветская историческая периодика. – С. 243–249.
Хмелевская Ю., Нарский И. «Грантовый» историк в современной России: штрихи к портрету и особенности выживания. – С. 249–262.
274. *Российский гуманитарный научный фонд* и фундаментальная наука в Сибири: Материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию РГНФ / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Ред. кол.: Базаров Б.В. (отв. ред.) и др. – Улан-Удэ, 2004. – 300 с.
275. Рыженко В.Г. «Числосы по России». Состав и интересы локального сообщества историков: от послевоенных лет до современности // Пишем времена и случаи. – Новосибирск, 2008. – С. 186–190.
276. Савельева И.М., Полетаев А.В. Классическое наследие. – М.: Гос. ун-т. – Высш. школа экономики, 2010. – 335 с.: илл. – (Социал. теория). – Библиогр.: С. 297–335.
277. Савельева И.М. Полетаев А.В. Публикации российских авторов в зарубежных журналах в 1993–2008 гг.: количественные показатели и качественные характеристики. – М.: Гос. ун-т. – Высш. школа экономики, 2009 (Препринт WP6/2009/09).
278. Семенов Е.В. Мерцающий свет науки: Миссия Российского гуманитарного научно-го фонда. – М.: РОССПЭН, 2001. – 455 с.
279. Сибириakov И.В. Парадоксы интеллектуального пространства России // Историческое пространство России: инерция и трансформация. – Челябинск, 2003. – С. 31–33.
280. Сойфер В.Н. Интеллектуальная элита и филантропия: Десять лет Соросовской Образоват. программы. – М.: ДДФ Фаундейшн, 2005. – 671 с. – Библиогр.: С. 612–647.
281. Социальные характеристики российского академического сообщества – 2000 г.: Материалы социол. исслед. / РАН. Сиб. отд-ние Ин-т философии и права; Ред. Павлова К.Д. – Новосибирск, 2001. – 400 с.
282. Фабрики мысли и центры публичной политики: Исслед. функция / С.-Петерб. гуманитар.-политол. центр «Стратегия»; Под ред. Горного М.Б. – СПб.: Норма, 2006. – 234 с.
283. «Фабрики мысли» и центры публичной политики: международный и первый российский опыт: С.-Петерб. гос. ун-т. Центр гражд. образования и прав человека, С.-Петерб. гуманитар.-политол. центр «Стратегия»; Под ред. Сунгурова А.Ю. – СПб.: Норма, 2002. – 175 с.
284. Юревич А.В., Цапенко И.П. Наука и политика // Российская наука: «Природой здесь нам суждено». – М., 2003. – С. 305–311.
285. Юревич А.В. Расслоение Российского научного сообщества // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. – М., 2005. – С. 233–243.
286. Юдельсон А.В. Образ исторической науки в современной отечественной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000. – 28 с.

*Ученые-историки: научная аттестация; академическая
и профессорско-преподавательская корпорации.
Конец XIX – начало XXI века*

287. Из научного наследия: Записка о присуждении ученых степеней С.А. Жебелева: [Статья С.А. 1935 г. «Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем»] / Предисл. и примеч. Тункиной И.В. // Очерки истории отечественной археологии. – М., 2002. – Вып. III. – С. 142–194.
288. Бурдей Г.Д., Бородкин Л.И. Защита диссертаций по гражданской истории в 1941–1945 гг. (Источники, проблематика, динамика) // Вспомогательные исторические дисциплины. – СПб., 1993. – Т. XXIV. – С. 83–105.
289. Винер Б.Е., Марков А.Р. Проблемы российской аспирантуры по социальным и гуманитарным наукам // Журн. социол. и социал. антропологии = J. of sociology a. social anthropology. – СПб., 2002. – Т. 5. – № 2. – С. 148–164.
290. Выскуб В.Г. Российская общественно-государственная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. – М.: Логос, 2005. – 254 с.
291. Горошко О.Н. Роль Министерства народного просвещения, Академии наук и университетов российской империи в истории развития института диссертаций (1724–1919): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2002. – 27 с.
292. Иванов А. Ученые степени в российской империи: историки и начала // Alma mater. – М., 2000. – № 1. – С. 43–47.
293. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. – М.: РАН. Ин-т рос. истории, 1994. – 197 с.
294. История ученых степеней в России и Западной Европе (XII–XX вв.): Материалы науч. конф. 14 февр. 1998. – М.: РГГУ. ИАИ, 1998. – 131 с.
295. Ишанова М.В. Статус диссертации в Российской империи и СССР: сравнительно-правовой анализ // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – Тамбов, 2007. – Вып. 1. – С. 95–98. – Библиогр.: С. 97–98.
296. Козлова Л.А. «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социол. журн. = J. of sociology. – М., 2001. – № 2. – С. 145–158. – Библиогр.: С. 158.
297. Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на историко-филологических факультетах университетов Российской империи / Сост., предисл., науч. ред. и посмерт. изд. Якушева А.Н. – 3-е изд., испр. и доп. – Ставрополь: изд-во «Ставропольсервис-школа», 2004. – 320 с.
298. Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи / Сост., предисл., науч. ред. и посмертн. изд. Якушева А.Н. – 3-е изд., испр. и доп. – Ставрополь: изд-во «Ставропольсервис-школа», 2004. – 226 с.
299. Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. – М., 1985. – № 2. – С. 141–153.
300. Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // Ученые степени в России: XVIII в. – 1918 г.: Сб. науч. тр. – М.; Ставрополь, 1996. – Вып. 1. Ч. 1. – С. 6–39. Текст доклада на семинаре в секторе русской культуры Института истории СССР АН СССР в 1983 г.
301. Лаута О.Н. Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университета (нач. XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2000. – 28 с.

302. Напсо М.Б. Порядок присвоения ученых званий в России (СССР) 1804–1995): историко-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003. – 35 с.
 303. Система научной подготовки и аттестации в университетах России и Западной Европы; ист. опыт (XIV–XX вв.): Сб. науч. ст. / Сост., предисл. и общ. ред. Якушева А.Н. – М.: Ассоциация центров и клубов ЮНЕСКО России, 1998. – 203 с.
 304. Сонин А.С. *ВАК СССР* в послевоенные годы: наука, идеология, политика // *Вопросы истории естествознания и техники.* – М., 2004. – № 1. – С. 18–63.
 305. Сухова Н.Ю. Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. – М.: изд-во ПСТГУ, 2009. – 673 с.
 306. Табачников А.В. Диссертации в России до 1917 года // *Книжное знание в отечественной культуре XIII–XX веков.* – М., 1994. – С. 26–57. – Библиогр.: с. 51–57.
 307. Ученые степени в России XVIII в. – 1918 г.: Сб. науч. ст. / Под ред. Иванова А.Е., Шаповалова В.А., Якушева А.Н. – М.; Ставрополь: Ин-т рос. истории РАН; Ставроп. гос. ун-т, 1996. – Вып. 1. Ч. 1–2.
 308. Хохлова Д.А. История научной подготовки и аттестации кадров на историко-филологическом факультете в архивных документах Казанского университета (1804–1918 гг.). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1998. – 23 с. – Библиогр.: С. 22–23.
 309. Юдина В.С. Диссертационный совет по философским специальностям и всеобщей истории // *Вестн. Рос. гос. ун-та.* – Калининград, 2005. – № 3. – С. 92–95.
 310. Якушев А.Н. Организационно-правовой анализ подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в университетах России (1747–1918): История и опыт реализации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 1998. – 35 с.
- ● ●
311. Алеврас Н.Н. Научная карьера в профессиональной деятельности российских историков второй половины XIX – начале XX в. // *Сообщество Петриков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия.* – М., 2009. – С. 85–88.
 312. Александров Д. Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // *Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество Германии. 1840–1933.* – М., 2008. – С. 593–632.
 313. Антощенко А.В., Свешников А.В. Конфликт без скандала: Internet Chat on-line или диалог в одном времени: переписка из двух очень далеких углов // *Мир Клио: Сб. в честь Лорины Петровны Репиной.* – М., 2007. – Т. 2. – С. 114–134.
 314. Антропология академической жизни: Адаптац. процессы и адаптив. стратегии / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Отв. ред. Комарова Г.А. – М., 2008. – 293 с.: илл. – Библиогр. в примеч.
1. Комарова Г.А. 2. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.
 315. Беленький И.Л. Образ историка в русской культуре XIX–XX вв. (предварительные соображения) // *Третьи Зиминские чтения: Историк во времени.* – М., 2000. – С. 14–26.
 316. Борисов В.М., Перченко А.Б. О социально-психологических источниках учения В.И. Вернадского о ноосфере // *Механизмы культуры.* – М., 1990. – С. 231–241.
 317. Боярчинков В.В. Модели социальной идентичности исследователей русских древностей и ученые сообщества в России середины XIX в. // *Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия.* – М., 2009. – С. 9–12.
 318. Бурганова Л.А. Научное сообщество как дискурсивная реальность // *Сообщество историков высшей школы России: научная практика с образовательной миссией.* – М., 2009. – С. 3–5.

319. Вишленкова Е.А. Память об университетских конфликтах и конфликты университетских памятней // *Cogito: Альманах истории идей.* – Ростов н/Д, 2008. – Вып. 3. – С. 114–128.
320. Вишленкова Е. Профессор Казанского университета: проблемы идентичности // *Историк среди историков.* – Казань, 2001. – С. 85–94.
321. Водичев Е.Г. Межличностные и межгрупповые профессиональные коммуникации историков. Опыт прошлого и тенденции последних десятилетий // *Историк на пути к открытому обществу.* – Омск, 2002. – С. 160–162.
322. Горин Д.Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начала XX в. // *Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX веков.* – Брянск, 1996. – С. 42–51.
323. Дмитриев А.Н. Наука как интернациональное предприятие?: (Международное научное сообщество и Первая мировая война) // *Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике, 6–9 декабря 1999 г.: Становление мира как общего дома человечества: динамика, этапы, перспективы (XV–XXI вв.)* – СПб., 2003. – С. 398–402.
324. Дмитриев А.А. Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // *Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности.* – М., 2001. – С. 196–235.
325. Дорофеева С.С. Салоны русских ученых в конце XIX века как неформальная социокультурная практика // *Историческ. знание и интеллектуальная культура.* – М., 2001. – Ч. 2. – С. 226–227.
326. Досталь М.Ю. «Пичетники» на кафедре истории южных и западных славян (1943–1947) // *История и историки: Историогр. вестник, 2006.* – М., 2007. – С. 304–317.
327. Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историографическое наследие и личность историка / Тюм. гос. акад. культуры, искусств и социал. технологий. – Тюмень, 2010. – 263 с.
328. Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX века: общественно-политический облик // *История СССР.* – М., 1990. – № 5. – С. 60–77.
329. Иванов А.Е. Российский ученый корпус в зеркале Первой русской революции: Записка 342 ученых // *Неприкосновен. запас.* – М., 2005. – № 6(44). – С. 82–89.
330. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «второй отечественной войны» // *Вопр. истории естествознания и техники.* – М., 1999. – № 2. – С. 108–127. – Библиогр.: С. 126–127.
331. Корзун В.П. Межличностные коммуникации историков как отражение интеллектуальной напряженности // *Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отеч. историогр. концепций).* – Омск; Екатеринбург, 2000. – С. 60–113.
332. Корзун В.П., Свешников А.В. Мир русского историка: некоторые аспекты профессионального становления русского историка конца XIX – начала XX веков с точки зрения антропологии науки // *Историки в поиске новых смыслов: Сб. науч. ст. и сообщ. участников Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения проф. В.Д. Жигунина, Казань, 7–9 окт. 2003.* – Казань, 2003. – С. 121–135.
333. Корзун В.П. Научное сообщество в исторической науке как исследовательская проблема // *Исторический ежегодник. 2002–2003.* – Омск, 2003. – С. 30–46.
334. Корзун В.П. Научные сообщества как проблема современной историографии // *Историк на пути к открытому обществу.* – Омск, 2002. – С. 111–115.
335. Корзун В.П. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // *Историческое знание и интеллектуальная культура.* – М., 2001. – Ч. 2. – С. 230–233.

336. Корзун В.П., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка: XX век. – М., 2002. – С. 92–138.
337. Костина Т.В. Карьера в университете или сколько лет должно быть профессору?: На материалах казанского университета 1804–1863 годов // Диалог со временем. – М., 2007. – Вып. 20. – С. 262–269.
338. Макарова Е.А. Династии ученых как особая форма научного сообщества: к постановке проблемы // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. – М., 1999. –
339. Мамонтова М.А. Антропологические поиски современной отечественной историографии // Мир историка: Историогр. сб. – Омск, 2005. – Вып. 1. – С. 6–21.
340. Мамонтова М.А. Неформальные способы коммуникации в научном сообществе историков России рубежа XIX–XX веков // Историк на пути к открытому обществу. – Омск, 2002. – С. 126–130.
341. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции «Культура и интеллигенция России: Социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). 25–27 ноября 1998. – Омск, 1998. Т. 1–2.
342. Мир ученого в XX веке: Корпоративные ценности и интеллектуальная среда: Материалы IV Всероссийской научной конференции «Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и центр). XX век. – Омск, 2000. – Т. 1–2.
343. Мягков Г.П. Заграничные командировки как фактор формирования исторической науки в России // Культура исторической памяти. – Петрозаводск, 2002. – С. 115–121.
344. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: Опыт рус. ист. школы. – М.: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – 297 с.
345. Мягков Г.П. Сложилось ли научное сообщество историков в дореволюционной России? (по материалам подготовки к IV Международному историческому конгрессу) // Сообщество историков высшей школы. – С. 29. – Россия: научная практика и образовательная миссия. – М., 2009. – С. 29–32.
346. Нарский И.В. Между университетскими культурами России и Германии: (несколько личных наблюдений) // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. – Челябинск, 2006. – С. 180–197.
347. Никс Н.Н. Московская профессура второй половины XIX – начала XX в. // Социальная история: Ежегодник. – М., 2005–2004. – С. 203–253.
348. Никс Н.Н. Московская профессура второй половины XIX – начала XX вв. Социокультурный аспект: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – 18 с.
349. Носков В.В. Первая мировая война и судьбы «научной» истории в России // Историк и революция: Сб. статей к 70-летию О.Н. Знаменского. – СПб., 1999. – С. 95–116.
350. Панях В. Русские историки после Октября 1917-го: типы политического поведения // Vittorio: Междунар. науч. сб., посвящ. 75-летию Витторио Стради. – М., 2005. – С. 266–287.
351. Полховская Е.Ю. Российские историки в XX веке как элемент отечественной интеллектуальной элиты: к постановке проблемы // Вопросы элитологии. – Астрахань, 2004. – Т. 1. – С. 134–137.
352. Свешников А.В. «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: историогр. сб. – Омск, 2005. – Вып. 1. – С. 231–275.

353. Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем: (история одного профессорского конфликта) // Новое лит. обозрение. – М., 2009. – № 96(2). – С. 42–72.
Л.П. Карсавин и И.М. Граве: 1912–1917 гг.
354. Свешников А.В. О теоретико-методологических проблемах изучения научных конфликтов (структурный функционализм V, феноменология V, экстернализм V, интернационализм) // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. – М., 2009. – С. 77–80.
355. Свешников А.В. Парижские путешествия русских историков начала XX века // Историческое знание и интеллектуальная культура. – М., 2001. – Ч. 2. – С. 233–237.
356. Свешников А.В. Итальянские путешествия в текстах русских историков конца XIX – начала XX в. // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – М., 2004. – Вып. 13. – С. 172–186.
357. Синенко А.А. Практика межпоколенческой коммуникации русских историков конца XIV – начале XX вв. // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. – М., 2009. – С. 12–15.
358. Скворцов А.М. «Вечерние беседы» и их роль в становлении научной школы М.С. Кутурги // Сообщество историков высшей школы России: научные практики и образовательные миссии. – М., 2009. – С. 262–272.
359. Судьбы российских либералов: из истории братства «Приютино»: Сб. док. и материалов: Учеб. пособие / Моск. пед. гос. ун-т; Ред. кол.: Лубков А.В. (отв. ред.) и др.; Подгот. текста и коммент.: Данилин С.А., Лубков А.В. – М.: Прометей, 2007. – 239 с. – Библиогр.: С. 221–222.
360. Сулейманов Н.И. Профессорская корпорация *Казанского университета*: Динамика развития за 200 лет. – Казань: Изд-во Каз. гос. ун-та, 2008. – 101 с.: табл. схем. – Библиогр.: С. 100.
1. Казанский университет – История. 2. Высшее образование – СССР – Кадры
3. Высшее образование – РФ – Кадры.
361. Троицкий Ю.Л. Историографический быт эпохи как проблема // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизации (XVIII–XX вв.): Материалы второй науч. конф. – Омск, 1995. – Т. II. – С. 164–165.
362. Умбрашко К.Б. Идеи научного сообщества XIX века в историческом пространстве XX – начала XXI вв. / Культура и интеллигенция меняющихся регионов России. – Омск, 2006. – Ч. 1. – С. 72–76.
363. Умбрашко К.Б. Poleмики русских историков XIX в. как коммуникативные события // Мир историка: идеалы, традиции, творчество. – Омск, 1999.
364. Умбрашко К.Б. Частная жизнь и «ученые занятия» университетского интеллектуала в первой половине XIX в. // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. – Омск, 2004. – Ч. 3. – С. 19–23.
365. Цыганков Д.А. Попечитель Московского учебного округа П.А. Капнист и университетские конфликты 1880–1890-х гг. // XVII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – М., 2007. – Т. 2. – С. 99–104.
366. Шмелева Л.М. Семья казанских ученых Шестаковых и развитие антиковедения и византиковедения в России (40-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005. – 25 с.
367. Шмидт С.О. Кем был и остался для профессоров их университетский учитель // Образ науки в университетском образовании: Материалы XVII науч. конференции. Москва, 27–29 янв. 2005 г. [РГГУ]. – М., 2005. – С. 33–36.

368. Якушев А.Н. Научная дискуссия по поводу толкования понятия «знаменитый ученый» в России (1864–1864 гг.) // *Право и образование = Law a. education.* – М., 2008. – № 6. – С. 132–140.
369. Яницкий О.Н. Российский университет, профессура студенты в 1910–1915 гг. // *Социол. журн. = J. of sociology.* – № 1. – С. 66–82.

*Институции краеведения и локальной местной, региональной истории:
конец XIX – начало XXI*

370. Алленова В.А. Из истории организации областных археологических съездов в России начала XXI века // *Страницы истории и историографии отечества.* – Встречи, 1999. Вып. 2. – С. 3–16.
371. Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. – Рязань, 2002. – 376 с. – (Новейшая рус. история: исслед. и док.; Т. 3).
372. Алленова В.А., Мизис Ю.А. История тамбовского краеведения: (XIX – 30-е годы XX в.) / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Тамб. обл. краевед. о-во. – Тамбов, 2002. – 438 с.
373. Бердинских В.А. Уездные историки: Рус. провинц. историография. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – 528 с.
374. Захаров В.М., Захарова Т.А. *Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920)* / Волгогр. гос. ун-т Урюп. фил. – Волгоград, 2005. – 184 с. – Библиогр.: С. 158–183.
375. Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // *Археографический ежегодник за 1985 год.* – М., 1987. – С. 85–96.
376. Корзун В.П. Локальные научные сообщества в интеллектуальном ландшафте провинции // *Методология региональных исторических исследований.* – СПб., 2000. – С. 47–49.
377. Корзун В.П. Регионоведческое направление в деятельности исторических кафедр провинциальных университетов России // *Методология региональных исторических исследований.* – СПб., 2000. – С. 35–37.
378. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. – Ниж. Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. – 118 с. – Библиогр.: С. 102–116.
379. Орешина М.А. Из архивного наследия деятелей культуры Русского Севера второй половины XIX – начала XX века. – М.: Русаки, 2006. – 227 с.
380. Орешина М.А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. – М., 2000. – 194 с. – Библиогр.: С. 162–185.
381. Орешина М.А. Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона / *Рос. о-во историков-архивистов.* – М., 2003. – 359 с. – Библиогр.: С. 288–337.
382. Первушкин В.И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука / Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского. – Пенза, 2007. – 211 с. – Библиогр.: С. 179–201.
383. Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // *Археографический ежегодник за 1989 год.* – М., 1990. – С. 187–198.
384. Ремизов А.В. Омское краеведение 1930–1960-х годов: Очерк истории / Ом. гос. ун-т. – Омск: ОмГУ, 1998. Ч. 1–2.

385. *Сибирская советская энциклопедия: проблемы реконструкции издания*: Сб. ст., организационный и метод. док. по итогам выполнения проекта Рос. гуманитар. науч. фонда № 01–01–00352А / ГПНТБ. Ин-т истории СО РАН; Отв. ред. Посадсков А.Л. – Новосибирск, 2003. – 83 с.
386. Проблемы создания региональных энциклопедий: Материалы междунар. науч.-практ. семинара (Санкт-Петербург, 14–16 окт. 2003 г.) Рос. нац. б-ка, Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. Центр биограф. исслед. и др.; Сост.: Раздорский А.И. (отв. сост.), Шилов Д.Н.; Ред.кол.: Шмидт С.О. (пред.) и др. – СПб., 2004. – 487 с. – Библиогр.: С. 382–420.
387. Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы обществ по изучению Москвы и Московского края / Под ред. и с предисл. Шмидта С.О.; АН СССР. Отд-ние истории и др. – М., 1989. – 169 с.
388. Филимонов С.Б. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.) / Под ред. Шмидта С.О.; АН СССР. Отд-ние истории и др. – М., 1991. – 208 с.
389. Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.) / АН СССР. Археогр. комис. Сов. фонд культуры. С предисл. и под ред. Шмидта С.О. – М., 1984. – 178. – Библиогр.: С. 118–167.
390. Флейман Е.А. Историко-краеведческие организации в России (вторая пол. XIX – нач. XX вв.): Учеб. пособие / Костром. гос. технол. ун-т. – Кострома, 2002. – 26 с.
391. Флейман Е.А. Краеведческое движение в Поволжье в 1917–1930 г.: идеи, события, люди / О-во «Знание» России, Костром. обл. организация. – Кострома, 2001. – 192 с.
392. Шведова О.И. Указатель «трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 год. – М., 1958. – С. 377–434 с.
393. Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: Краевед. альманах. – М., 1990. Вып. 1. – С. 11–27.
394. Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. – Тверь, 1992. – 86 с.
395. Щавелев С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов (Курский «филиал») / Кур. гос. мед. ун-т. Каф. философии. – Курск, 2007. – 269 с.

Научно-исторические общества: конец XIX – начало XXI в.

396. Берг Л.С. *Всесоюзное географическое общество за сто лет: 1845–1945*. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 263 с.
397. Бухерт В.Г. Основание *Исторического общества при Московском университете* // Археографический ежегодник за 2000 г. – М., 2001. – С. 195–206.
398. Вовина О.П. Научные общества в истории отечественной этнографии второй половины XVIII – начала XX вв.: Учеб. пособие / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары. – 116 с. – Библиогр.: С. 99–115.
399. Волков В.А. Археологическая деятельность научных обществ Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX веков: Автореф. дис. ... канд. наук; Исторические науки: 07.00.02 / Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2007. – 27 с.
400. *Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: образование, развитие, ликвидация, 1921–1935: Бывшие чл. о-ва во время Большого террора: Материалы междунар. науч. конф. (26–28 окт. 2001 г.)* / Сост.: Леонтьев Я.В., Юнге М. – М.: 2004. – 399 с. – Имен. указ.: С. 381–393.
401. Демидов И.А., Ишутин В.В. *Общество истории и древностей российских при Московском университете* // История историки: Историогр. ежегодник. 1975. – М., 1978. – С. 250–281.

402. Есенгараев Е.Ж. Научные общества и их роль в исторической науке России конца XIX – начала XX веков: (На материалах деятельности ист. о-в при Моск. и Петербург. ун-тах). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991. – 20 с.
403. История исторической науки в СССР: Советский период. Октябрь 1917–1967: Библиография / Редкол.: Нечкина М.В. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1980. – 733 с.
Ч. II: Литература о деятельности научных учреждений и обществ в области истории. – С. 413–643.
404. Из истории *Русского генеалогического общества*: Сб ст. и материалов / Сост. и ред. Рыхляков В.Н. – СПб.: Изд-во ВИРД, 2001. – 108 с.
405. Камардина О.В. *Императорское Русское Историческое общество*: очерк истории и научной деятельности: (1866–1916): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 1999. – 21 с.
406. Клейменова Р.Н. *Общество любителей российской словесности: 1811–1930* / О-во любителей рос. словесности; Отв. ред. Егоров Б.Ф. – М.: Academia, 2002. – 623 с.
407. Кононова Н.Н. *Историческое общество при Петербургском университете* // Очерки по истории Ленинградского университета. – Л., 1968. – Т. 2. – С. 81–89.
408. Наместникова И.А. *Историко-филологическое общество* в Московском университете (1902–1904) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. – М., 1999. – № 5. – С. 75–89.
409. Никитин С.А. *Императорское русское историческое общество* // Вопр. истории. – М., 2001. – № 3. – С. 3–18.
410. Путь в пятнадцать лет: Хроника заседаний *О-ва любителей рос. словесности, 1992–2007* / О-во любителей рос. словесности, Культ. центр «Дом-музей М. Цветаевой»; Отв. ред.: Воротников Ю.Л.; Сост.: Клейменова Р.Н. – М.: Академия, 2008. – 153 с. – Имен. указ.: С. 143–152.
1. Воротников Ю.Л. 2. Клейменова Р.Н.
411. Русские учреждения в Святой Земле и почившие деятели *Императорского православного Палестинского общества, 1882–190 гг.* – М.: Междунар. отношения, 2003. – VIII с.: 57 л. ил. – Репринт. изд. 1907 г.
412. Русский исторический сборник / Ин-т рус. истории. – М.: Евролинц-Киммер. центр, 2004. – (История Руси).
413. Т. 1: 200-летние традиции российских исторических организаций / Под ред. Грицкова В.В. – 373 с. – Библиогр.: С. 187–188, 203–208.
414. *Русское Географическое Общество: 150 лет* / Под общ. ред. Исаченко А.Г. – СПб.; М.: Прогресс-Пангея, 1995. – 350 с.
415. Сидненко Т.И. *Историческое общество при Санкт-Петербургском университете* в конце XIX – начале XX в. // Клио. – СПб., 2003. – № 4(23). – С. 143–1148.
416. Слонимский А.Г. Основание *Исторического общества* при Петербургском университете // Ученые зап. Ист. фак. Тадж. гос. ун-та. – Душанбе, 1975. – Вып. 1. – С. 22–41.
417. Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России: Учеб. пособие / Моск. Гос. ист.-арх. ин-т. – М., 1979. – 81 с. – Библиогр.: С. 78–80.
418. Степанский А.Д. К изучению организации исторической науки в дореволюционной России // Трудн. Моск.гос. ист.-архив. ин-та. – М., 1974. – Т. 30. – С. 96–103.
419. Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 год. – М., 1975. – С. 38–55.
420. Степанский А.Д. Научные общества и съезды России на рубеже XIX–XX вв. и литература вопроса // Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры. – М., 1984. – С. 166–186.
421. A Guide to Russian Learned Societies / Сост. Комарова И.И.; With a preface by Kasines E. – Нью-Йорк: Изд-во Normal Ross Publishary Inc. Normal, 2000. – 883 с.

Архивное и музейное дело: конец XIX – начало XXI в.

422. Институты нашей памяти. Архивы и библиотеки в современной России. – М., 2005. – 656 с. (Новое лит. обозрение. – № 74: спец. вып.).
423. Козлов В.П. Российское архивное дело: Архив.-источниковед. исслед. – М.: РОССПЭН, 1999. – 335 с.
424. Старостин Е.В., Хорхордина Т.И. Архивы и революция. – М.: РГГУ, 2007. – 180 с.
425. Хорхордина Т.И. Корни и крона: Штрихи к портрету Ист.-архив. ин-та (1930–1991) / Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 1997. – 110 с.
426. Хорхордина Т.И. История и архивы. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1994. – 358 с.
427. Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди / М., 2003. – 525 с.
428. Шохин Л.И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – нач. XX в. / Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив древ. актов. – М.: Памятники ст. мысли, 1999. – 523 с.
- ● ●
429. Собор лиц: Сб. ст. / С.-Петерб. гос. ун-т, Гос. Эрмитаж; Ред. кол.: Пиотровский М.Б. (пред.) и др. – СПб., 2006. – 448 с.
430. Историческому музею – 125 лет: Материалы юбил. науч. конф. / Отв. ред. Шкурко А.И., Егоров В.Л. – М., 1998. – 398 с. (Тр. Гос. Ист. музея; Вып. 100).
431. Музеология: Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования и пример. прогр. дисциплин федер. компонента (циклы общепрофессиональных дисциплин и дисциплин специальности) / Рус. гос. гуманит. ун-т, Учеб.-метод. об-ние вузов Рос. Федерации по образованию в области историко-архивоведения; Ред. кол.: Минаев В.В. (отв. ред.) и др. – М., 2002. – 428 с.
432. Очерки истории музейного дела в СССР. – М., 1957. – 1968. – Вып. 1–6 (Тр. НИИ музееведения).
433. Российская музейная энциклопедия / Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН; Ред. кол.: Янин В.Л. (пред.) и др. – М.: Прогресс: РИПОЛ классик, 2005. – 846 с.

Историк в мире научных коммуникаций

434. Беленький И.Л. Ученый-историк в системе научных коммуникаций: Науч.-аналит. обзор. – М.: ИНИОН АН СССР, 1983. – 43 с. – Библиогр.: с. 27–43.
435. Ланской Г.Н. Социологические факторы формирования корпуса историографических источников в СССР // Единство гуманитарного знания: новый синтез / РГГУ. – М., 2007. – С. 197–201.
436. Мамонтова М.А. Рецензии русских историков как «текст-источников» // Историческое знание и интеллектуальная культура. – М., 2001. – Ч. 2. – С. 249–250.
437. Нечкина М.В. Монография: ее место в науке и в издательских планах // Коммунист. – М., 1965. – № 9. – С. 77–83.
438. Свешников А.В., Степанов Б.Е. Исторические альманахи «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем»: поиски моделей научной коммуникации / Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. – М., 2008. – 26 с. – (Препринт; WP6/2008/02 Сер. WP6: Гуманит. исслед.). – Библиогр.: С. 24–26.
439. Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. – М., 1976. – С. 264–274.
440. Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды Моск. Гос. ист.-арх. ин-та. – М., 1965. – Т. 22. – С. 3–49.

441. Алаторцева А.И. Журнал «Историк-марксист», 1926–1941 гг. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
442. Алаторцева А.И. Советская историческая периодика. 1917 – середина 1930-х годов. – М.: Наука, 1989. – 252 с.
443. Гуськов В.А. Исторические альманахи 1980–1990-х годов в системе историко-культурного познания. Состав и проблематика публикаций. Эдиционная техника: Автореф. дис. ... кандидата ист. наук. – М., 1999. – 27 с.
444. Дмитриев С.С. Именословие русских исторических журналов // Рус. лит. – Л., 1967. – № 1. – С. 73–83.
445. Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики: (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории. – М., 1976. – 1975. – С. 272–305.
446. Егоров Б.Ф. О структуре «Ученых записок» // Finitis Duodecum listris: Сб. ст. к 60-летию проф. М.Ю. Лотмана. – Таллин, 1982. – С. 171–174.
447. Емельянов Ю.Н. Историческая проблематика периодических изданий Академии наук: (17255–1917 гг.) // История и историки. – 1975. – М., 1978. – С. 214–236.
448. Зайцев А.Д. Исторический журнал как предмет источниковедческого изучения: (некоторые наблюдения) // Мир источниковедения. – М.: Пенза, 1994. – С. 21–24.
449. Комаренко Н.В. Журнал «Летопись революции». Историогр. очерк. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Киев, 1968. – 20 с.
450. Крылов В.В. Журнал «Пролетарская революция» (1921–1941 гг.) и его роль в становлении и развитии советской археографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 27 с.
451. Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. – Л.: Лениздат, 1990. – 255 с.
452. Потапова Н. Историческая периодика: ситуация языкового выбора // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя. – М., 2003. – 35–49 с.
453. Тютюкин С.В. Десять лет в журнале «Отечественная история». – М.: РОССПЭН, 2005. – 430 с.
454. Шельдешев Э.М. Исторический журнал «Пролетарская революция – орган Истпарта-Института Ленина (1921–1931 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1972. – 19 с.

Международные связи отечественной исторической науки

455. Берендт Л.Д. Участие советских историков в Международном комитете исторических наук (МКИН): (1928 г. – середина 1930-х гг.) // История и историки. 1980. – М., 1984. – С. 254–274.
456. Дудзинская Е.А. Международные научные связи советских историков. – М.: Наука, 1978. – 290 с.
457. Кравченко Е.Л. Участие русских и советских историков в первых международных конгрессах историков (МКИН) // Россия в XX в.: Судьбы исторической науки. – М., 1996. – С. 436–444.
458. Маршакова-Шайкевич И.В. Анализ международных научных журналов в области философских и исторических наук, представленных в базе данных общественных наук SSCI // Вопр. философии. – М., 2007. – № 8. – С. 79–90.
459. Мохначева М. Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога // Советская историография. – М., 1996. – С. 78–122.

460. Проект «Диалог российских и американских историков»: ретроспектива и будущее // Исторический образ Америки. – М., 1994. – С. 36–60.
461. Приймак Н.И. О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. // Вестн. Санкт-Петерб. гос. ун-та. Сер. 2. – История, язык, литературоведение. – СПб., 1998. – Вып. 4. – С. 3–8.
462. Российские историки на международных конгрессах исторических наук (1900–2000 гг.): Ист. обзор / Ин-т всеобщ. истории РАН. Нац. ком. рос. историков; Рук. проекта, предисл.: Тихвинский С.Л.; Сост. Меньшова Н.М. – М., 2005. – 202 с.
463. Русские и советские ученые на международных конгрессах историков // Вопр. истории. – М., 1955. – № 8. – С. 230–233.
464. Слонимский А.Г. Участие российских ученых в международных конгрессах историков / Вопр. истории. – М., 1970. – № 7. – С. 95–108.

2. Научные школы в отечественной исторической науке

Предлагаемый список литературы о научных школах в отечественной исторической науке XIX – начала XXI вв., не претендующий, разумеется, на полноту, имеет смысл предварить некоторыми историографическими наблюдениями и соображениями теоретического характера.

1. Осмысление и историографическое изучение «школ» – как важнейших институций и идейных тотальностей исторической науки и таких близких к ним по своей природе, но все же неоднородных с ними феноменов, чрезвычайно значимых в процессе её развития как «направления»/«течения» исторической науки/исторической мысли – восходит к середине XIX в.⁵ (полемика о «скептической школе» и «норманнизме»⁶).

Историографическому изучению школы, как правило, предшествуют тексты, выражающие её формирующееся самосознание, первоначальную самоидентификацию и наряду с этим характер её восприятия «внешним миром». Полемика⁷ вокруг программных выступлений; плюрализм критических и апологетических мнений и попыток объективированных высказываний – все это как бы удостоверяет уже свершившуюся (или совершающуюся) идентификацию школы в научном сообществе.

Необходимо иметь в виду, что статус позиции современного исследователя «научных школ» в русской исторической науке XIX–XX вв. принципиально отличен от позиции историографов двух предшествующих поколений и, еще более кардинально, от ситуации, в которой находился историк/историограф, изучавший в конце XIX – начале XX вв. историю исторической науки XIX в. и судьбу «школ» и «направлений» в ней (А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милюков, Б.И. Сыромятников и др.). «Они» жили и работали в эпоху «больших» «научных школ»; были их творцами, учениками, последователями и интерпретаторами в пространстве органической связи с прошлым. «Мы» существуем уже в другом простран-

ве, в котором жизненные связи с прошлым уже разорваны. «Мир школ» XIX – середины XX вв. стоит перед нами, историографами, живущими и работающими сегодня, как мир, который надо реконструировать, но с которым уже потеряны, почти разорваны жизненные органические связи. Научно-историческое сообщество, в котором мы существуем, имеет в очень многих отношениях совершенно иной характер. Другими по своему характеру являются и «научные школы», которые сегодня имеют место быть.

Тем не менее, в итоге, сделано уже немало.

Сегодня можно говорить о наличии целого ряда целостных аналитических (в т.ч. монографических) описаний «школ» в XIX – начале XX вв.; реконструкции их «биографии» (генеалогии, морфологии, внешних связей, судеб) – «школ», в традиционных именах которых запечатлены: суть их подхода к изучению русской истории («скептическая», «государственная»/«юридическая» (юридическое направление) и т. д.); органика бытия в пространстве русской науки и русской культуры («московская» – славяноведение, антропология; «петербургская» – востоковедение, византиноведение и т. д.; XX век расширил географию «научных школ»); национальная топика науки («русская» – изучение всеобщей истории)⁸; фундаментальная важность традиций и отношений «учитель-ученик» в научном сообществе⁹; персонологический фактор («школа В.О. Ключевского», «школа П.Г. Виноградова», «школа В.И. Ламанского», «ученики А.С. Лаппо-Данилевского», «ученики С.Ф. Платонова», «школа М.Н. Покровского»¹⁰ и т. п.).

С начала XX в. значимой, но, и как другие составляющие схолярной проблематики во временной метрике её историографического осмысления, подвластной внешним обстоятельствам становится тема взаимоотношений «московской» и «петербургской «школ» в исторической науке.

Традиционная для историографии конца XIX – начала XX вв. и в другом контексте 1940-х – 1970-х гг., трактовка ряда направлений и течений русской социально-политической/общественной мысли (речь, разумеется, идет лишь о «пространствах» их прямой связанности с научно-историческим знанием, выраженной в огромном корпусе текстов¹¹) как «школ» в исторической науке не может иметь однозначной оценки.

Во всяком случае, вспоминая старые дискуссии о соотношении понятий «историческая наука» и «историческая мысль» в определении предмета историографии – в свете современных представлений о формах историзма и исторического знания в России XIX века, их известная схоластичность воспринимается острее, чем в 1960-е гг. – возможно более естественным было бы рассмотрение научно- и философско-исторических содержаний этих направлений/течений, в первую очередь, в систематике изучения истории русской *исторической мысли*.

Подчеркнем, речь идет о систематике объединяющих духовных, идейных/идеологических начал, которые определяли теоретические построения различной степени общности многих русских историков («славянофильство», «западничество», народничество, «консерватизм», «либерализм», «областничество», «национализм» и т. п.).

2. Довольно широкое распространение в историографическом самосознании последнего времени получило понятие «научно-педагогическая школа» (авторы

книги «Школы в науке» предпочитали понятие) научно-образовательная школа»), концептуализирующее некоторые важнейшие смысловые целеполагания «школ» – «наставничество»/«учительство», передачу исследовательского опыта и нового знания, сохранение и трансляцию традиций в научном сообществе. Коммуникативные отношения «учитель – ученики» оказываются основой формирования подобных «школ»¹². Трактовка педагогической установки как доминанты бытия «школы» оказалась сущностно необходимой в историографической рефлексии наших дней, ибо сегодня подавляющее число реально существующих «школ» – школы научно-педагогические.

«Школы», в которых педагогическая/образовательная установка оказывается, вольно или невольно, главенствующей, во многом отличны от «школ» «классического» типа в отечественной исторической науке второй половины XIX–XX вв.; точнее говоря, от их идеального образа (конструкта), который можно реконструировать по их имеющимся описаниям и самоописаниям.

Он предполагает, в частности:

- единство метода и стиля научного мышления;
- выдвижение «сильной» методологической исследовательской программы¹³;
- самосознание своей целостности, защиту её перед «внешним миром»;
- трактовку своего этоса как наиболее полно и отчетливо выражающего представления об этосе научного сообщества в целом, его этических и ценностных оснований;
- реализацию принципов педагогики «школы».

Понятно, что авторитаризм «классических» «школ» – одна из причин их неизбежного со временем распада, неизбежной гибели. Благоприятный вариант: трансформация «научной школы» в «научное направление» при неизмеримо большей открытости «внешнему миру», сохраняющее ядро исследовательской и методологической программ, сформулированных когда-то «школой».

«Научно-педагогические школы» значительно менее жестки в конструировании своих принципов и в реальном их осуществлении, значительно более толерантны к нормам, определяющим повседневную жизнь научно-исторического сообщества. Их огромная заслуга – трансляция знания и воспитание, профессиональное обучение будущего поколения ученых-историков. Приходится признать, что во многих случаях обстоятельства действительности оказываются более властными в те или иные моменты жизненного и научного пути «учеников», чем императивы поведения, утверждаемые их «учителями». «Сильные» программы, как правило, не отрефлексированы в их теоретических построениях не только потому, что новаторских, обладающих взрывной эвристической мощью идей, не так уже много в современной исторической науке (что, несомненно, одно из свидетельств её кризисного состояния), но и потому что «очаги» концептуализаций сегодня в значительно большей степени связаны с другими институциями науки, позволяющими более целеустремленно, но и более функционально прагматически строить индивидуальные исследовательские стратегии.

Не исключено, что «наука» «школ» в недалеком будущем претерпит еще более фундаментальные трансформации¹⁴.

Предложенное Д. Прайсом понятие «незримый колледж» гораздо ближе, чем традиционные представления о «научных (научно-педагогических) школах», к реальности неформальных отношений в современной отечественной исторической науке между историками, в той или иной степени близкими между собой благодаря личным контактам, «месторазвитию» и идейным корням профессионального становления, связке «учитель – ученик», общностью предмета и метода исследования.

В связи с этим имеет смысл обратиться к фундаментальному труду Г.Ю. Любарского «История Зоологического музея МГУ: идеи, люди, структуры», исследующего, в частности, строение и судьбу научных школ в биологии, связанных с музеем. Основоположения его анализа схоларной проблематики имеют, на наш взгляд, общеметодологическую значимость для понимания феномена «научная школа» как такового.

Строй русской науки второй половины XIX – первой половины XX вв. Любарский трактует как «феодалную организацию науки». «Изучать её гораздо сложнее, чем феодализм в истории Европы, – утверждает он, – поскольку организационно этот научный феодализм оформлен очень слабо, и все письменные источники фиксируют происходящее в терминах, “принятых” в данном обществе <...>. Наука была до революции 1917 в значительно меньшей степени связана с государством, чем после этого социального катаклизма. И в этой относительно независимой сфере культуры возникали свои, параллельные государственному, властные отношения, а поскольку феодализм является простейшим саособом организации таких отношений, он и развился в русской науке и многих других национальных научных школах <...>.

История феодальной науки еще не написана, но насколько можно судить, быстрое угасание её случилось в России после войны, во второй половине XX века. В это время наука полностью огосударствилась, то есть возникавшие в частично автономной культурной сфере феодальные отношения были разрушены тем, что вся сфера была переведена под управление аппарата с другой структурой связей <...>. При этом пропадает и дочерний феномен научного феодализма – устойчивая структура научных школ. То, что в официальной истории науки именуется “научными школами” часто обязано именно этому “феодалному” стилю науки»¹⁵.

В истории биологии Любарский находит и иные, «истинные научные школы», бытие которых определяют действительно «интеллектуальные отношения». Их немного, как он считает, но зато они не зависят от режима. В качестве примера он называет школу М.А. Мензбира.

Историк отечественной исторической науки в связи с этим обязательно вспомнит имена А.С. Лаппо-Данилевского, А.А. Шахматова, В.Н. Перетца, Д.М. Петрушевского, А.И. Неусыхина, В.М. Алексеева, И.Ю. Крачковского и ряд других великих имен.

Отметим, что для Любарского «научная школа» – это сообщество, доминантой которого являются масштаб личности (творческий, духовно-этический) её создателя и характер отношений «учитель – ученики», что самой сути его подхода к схоларной проблематики («научная школа» – форма инобития авторита-

ризма). Отвлекаясь от проблемы типологии «школ» (учитывающей то обстоятельство, что в их названиях отражены и другие факторы (основания) существования этих сообществ в науке), нет особого смысла спорить с ним; ибо, в конечном счете, персонологическое начало – основа основ бытия любой научной школы. Вполне возможно, кроме того, что в истории биологии, в языке её, эта основа основ проявляется с наибольшей очевидностью. Спорным в рассуждениях Г.Ю. Любарского для историка исторической науки может представляться другое, а именно его тезис общего характера об определяющем влиянии трансформации пространств властных отношений внутри и вне науки на процесс «угасания научных школ» во второй половине XX в. Во-первых, сам процесс огосударствления науки (в нашем случае, науки исторической) уже в 1920-е гг. обрел невиданное ускорение, а во-вторых, превращенная форма властных отношений никогда не исчезала из жизни научных школ. Сохранялась она, пусть как власть авторитета создателя школы, даже в таких сообществах ученых, которые Любарский понимает как «истинные научные школы».

«О некоторой иллюзорности традиционных представлений о “научных школах”» в современной ситуации пишет и А.И. Алексеев: «Оперировать понятием “школа” в классическом смысле, т. е. обозначая лидера науки и группу его учеников, в настоящее время довольно трудно. Объективность критерия выделения той или иной школы по принципу “кто у кого учился” не кажется нам столь очевидной. В построении интеллектуальных генеалогий в значительной степени присутствует субъективный момент: исследователи, как правило, стремятся подчеркнуть степень влияния, которое оказали на них научные авторитеты. На практике гораздо более реальное влияние на исследователя имеет т. н. “незримый колледж” <...>. Классическая (лидерская) школа должна обладать для своих членов протяжением, которое превышает поле воздействия “незримого колледжа”, что на практике бывает редко»¹⁶

Благодатная роль «научно-педагогических школ» неоспорима. Но не исключено также, что их «произрастание» в действительности исторической науки наших дней – не только органический процесс, но и своего рода реакция самой науки на бесконечные разговоры последних лет о важности «школ», необходимости их историографического изучения и т. д. «Дискурс о школах» не только выполняет задачи их аналитики, но и стал одним из источников распространения «школ»-псевдоморфозов¹⁷.

И все же необходимо очертить и явные лакуны историографического изучения «научных школ» в исторической науке: отсутствие «смысловых биографий» многих из них, анализа их стилистики, описаний и словарей их языка, выявления и описания корпуса текстов каждой из «школ» и литературы, им посвященной. Нужен также и каталог-справочник всех «научных школ» в отечественной исторической науке XIX – начала XXI вв.

Школы (научные и научно-педагогические) и «незримые колледжи» – есть выражение солидарных начал в исторической науке (как и в науке в целом). Их сопряжение с началами индивидуальными – непреложный модус её смыслополагания. Именно им, как и отношениям «ученик – учитель», в их содержательной сути, она обязана всеми своими достижениями в постижении прошлого.

Но необходимо задуматься над подлинным драматизмом взаимоотношений этих начал, в равной степени сказывающимся как на судьбе школ (наиболее институционализированной творческой форме совокупного бытия исторической науки), так и на строе «Трудов и дней» ученых-историков, оказавшихся в их пространстве.

Возможно, что в русской исторической науке XIX–XX вв. в силу многих причин и обстоятельств этот драматизм проявился с особенной силой, историографически еще не осмысленной.

Общие вопросы

1. Забелин И.Е. Современные взгляды и направления в русской истории // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. – М., 1872. – Ч. 1. – С. 301–354.

2. Беленький И.Л. К проблеме наименования школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. – Калинин, 1978. – Ч. II. – С. 64–65.
3. Головачёва У.Е. Об одном аспекте формирования научной школы в исторической науке // Диалог культур и цивилизаций. – Тобольск, 2008. – Ч. 2. – С. 113–118.
4. Гутнов Д.А. О школах в исторической науке // История мысли: Историография. – М., 2002. – С. 65–72.
5. Киреева Р.А. Возникновение проблемы историографических направлений в русской буржуазной науке конца XIX – начале XX в. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. – Калинин, 1978. – Ч. II. – С. 25–31.
6. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. До 1917 г. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
Гл. 4: Дореволюционные историки на подступах к изучению историографических направлений. – С. 131–204.
7. Мельникова О.М. Университетские научные школы и профессиональная социализация ученого // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. – М., 2009. – С. 43–46.
8. Михальченко С.И. О возможности единой концепции школы в исторической науке // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательные миссии. – М., 2009. – С. 5–9.
9. Михальченко С.И. О возможностях междисциплинарного подхода при изучении понятий «школа» и «направление» в исторической науке // Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании. – М., 1996. – С. 421–422.
10. Михальченко С.И. О критериях понятия «школа» в историографии // Исторична наука на пороге XXI столетия: підсумки і перспективи. – Харків, 1995. – С. 53–59.
11. Михальченко С.И. Университетские школы в российской исторической науке второй половины XIX – начала XX в. // Россия в Новое время: историческая традиция и проблема самоидентификации. – М., 1996. – С. 191–192.
12. Михальченко С.И. Школа в исторической науке // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. – Брянск, 2004. – Вып. 3. – С. 195–211.
13. Михальченко С.И. Школа в исторической науке // Историографический сборник. – Саратов, 2004. – Вып. 21. – С. 3–17.

14. Мягков Г.П. Историк в «своей» научной школе: проблема «внутришкольной» коммуникации // Историк на пути к открытому обществу. – Омск, 2002. – С. 115–119.
15. Мягков Г.П. Научная школа в исторической науке как проблема историографического исследования // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. – Калининград, 1991. – С. 8–13.
16. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: Опыт «рус.-ист. школы». – Казань: Изд-во Казан. Гос. Ун-га, 2000. – 297 с.
17. Мягков Г.П. У истоков исследовательских школ в отечественной церковно-исторической науке // Исторический ежегодник 2002. – 203. – Омск, 2003. – С. 68–74.
18. Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении: Материалы науч. Конференции / Отв. ред. Репина Л.П. – М., РАН. Ин-т всеобщ. истории, 2002. – 110 с.
19. Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма: (историогр. очерк). – Казань: Госиздат, 1922. – 204 с.
20. Пичета В.И. Историография // Пичета В.И. Введение в русскую историю: (источники и историография). – М., 1922. – С. 93–202.
История исторической науки XVIII – начала XX в. как история научных школ.
21. Погодин С.Н. Научные школы в исторических науках: К постановке вопроса // Клио. – СПб., 1998. – № 2. – С. 14–20.
22. Репина Л.П., Бобкова М.С. «Невидимый колледж» интеллектуальной истории: опыт формирования междисциплинарных научных сообществ // Историк на пути к открытому обществу. – Омск, 2002. – С. 107–109.
23. Сидорова Л.А. Школы в истории исторической науки России // Отеч. история. – М., 1999. – № 6. – С. 200–203.
12 мая 1999 г. Историографическая среда в Институте российской истории РАН.
24. Соломаха Е.Н. Понятие научного направления, течения и школы в историографическом исследовании 40-х гг. XX века // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России. – Н. Новгород, 2008. – С. 169–174.
25. Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историогр. Очерки. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. – 331 с.
26. Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1917. – 256 с.
27. Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века: Автореф. Дис. ... д-ра ист. наук. – Л., 1978. – 42 с.
28. Цамутали А.Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х годов XIX в. – Л., Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. – 252 с.
29. Шаханов А.Н. К проблеме школ в российской исторической науке // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. – Брянск, 2004. – Вып. 3. – С. 146–194.
30. Шаханов А.Н. Периодизация истории исторической науки в России второй половине XIX – начале XX в. Проблема научных школ // Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX в. – начала XX века: Моск. и Петерб. ун-ты. – М., 2003. – С. 372–414.
31. Шикло А.Е. Современная советская литература по истории отечественной исторической науки эпохи капитализма // История СССР. – М., 1983. – № 5. – С. 106–122.
С. 119: методологические принципы изучения деятельности научно-исторических школ.
32. Шикло А.Е. Современная советская литература по истории отечественной исторической науки эпохи капитализма // История СССР. – М.: 1983. – № 5. – С. 106–122.
С. 119: принципы вычленения течений и направлений.

«Скептическая школа»

33. Иконников В.С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. – Киев, 1871. – 106 с.
 34. Коялович М.О. Скептическая школа // Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. – СПб., 1884. – С. 193–212.
Переизд.: Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. – 4-е изд. – Минск, 1997. – С. 227–245.
 35. Милюков П.Н. Скептическая школа как выражение перехода от критических идей к философским // Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. – М., 1897. – С. 206–226.
Переизд. // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. – М., 2002. – С. 232–252.
 36. Милюков П.Н. Скептическая школа в русской историографии // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. – СПб., 1900. – Полут. 59. – С. 195–196.
Переизд.: Милюков П.Н. Скептическая школа // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. – М., 2002. – 362–366.
-
37. Киреева Р.А. «Скептическая школа» в русской историографической литературе до-октябрьского периода // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М., 1981. – С. 241–251.
 38. Кузьмин А.Г. «Скептическая школа» в русской историографии // Учен. зап. Рязанского пед. ин-та. – Рязань, 1969. – Т. 62. – С. 306–330.
 39. Никитин А.Л. Испытание «Словом...» // Новый мир. – М., 1984. № 5. С. 182–206.
О «скептической школе»: С. 193–194.
 40. Пронштейн А.П. Зарождение нового направления в научном источниковедении в трудах М.Т. Каченовского и его школы // Пронштейн А.П. Источниковедение в России: эпоха феодализма. – Ростов н/Д, 1989. – С. 186–219.
 41. Рубинштейн Н.Л. Скептическая школа в русской историографии. Каченовский// Рубинштейн Н.Л. Русская историография. – М., 1941. – С. 233–241.
 42. Сахаров А.М. «Скептическая школа» // Советская историческая энциклопедия. – М., 1969. – Т. 12. – СПб. – Стб. 952–953.
 43. Сахаров А.М. Скептическая школа. Большая Советская энциклопедия: Изд. 3-е. – М., 1976. – Т. 23. – С. 504.
 44. Умбрашко К.Б. Апологеты-скептики: регрессивные и прогрессивные течения в русской историографии в контексте единства и многообразия // Россия в новое время: единство и многообразие в историческом развитии. – М., 2000. – С. 63–67.
 45. Умбрашко К.Б. Б.-Г. Нибур в творчестве Н.А. Полевого и «скептической школы» // История и историки: Историогр. вестн. – 2003. – М., 2003. – С. 245–263.
 46. Умбрашко К.Б. М.Т. Каченовский и «скептическая школа» в Московском университете // Историк на пути к открытому обществу. – Омск, 2002. – С. 119–123.
 47. Умбрашко К.Б. М.Т. Каченовский и «скептическая школа» об особенностях истории России / РАН. Сиб. Отд-ние. Ин-т истории, Новосиб. гос. пед.ун-т. – Новосибирск, 2001. – 356 с. – Библиогр.: С. 342–347.
 48. Умбрашко К.Б. Русская историография о составе «скептической школы» и скептического направления // Россия в Новое время: поиск формулы национальной истории. – М., 2001. – С 38–41.

49. Умбрашко К.Б. «Скептическая школа» в русской историографии первой половины XIX в.: оформление и персоналии // Клио. – СПб., 2005. – № 2. – С. 49–59.
50. Умбрашко К.Б. «Скептическая школа»: историографические уроки XIX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. – Челябинск, 2006. – С. 128–135.
51. Шевцов В.И. Вопросы русской истории в освещении малоизвестных представителей «скептической школы» // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начала XX века. – Воронеж, 1983. – С. 54–65.
52. Шевцов В.С. Оценка скептической школы в советской историографии // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. – Днепропетровск, 1977, – С. 3–14.
53. Шевцов В.С. «Скептическая» школа М.Т. Каченовского в оценке В.С. Иконникова // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. – Днепропетровск, 1976. – С. 80–88.

Государственная / юридическая школа

54. Пресняков А.Е. С.М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. – М.; Л., 1963. – С. 76–86. Речь 1920 г.

55. Астахов В.И. Государственная школа в буржуазной историографии второй половины XIX века // Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). – Харьков, 1965. – С. 428–447.
56. Дубровский А.М. Государственное направление // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М., 1994. – Т. 1. – С. 614–615.
57. Дубровский А.М. К характеристике государственно-юридического направления в отечественной историографии // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII в: Тез. докл. и сообщ. первых чтений памяти А.А. Зимина. – М., 1990. – Вып. 1. – С. 70–72.
58. Дурновцев В.И. Проблемы истории России и стран Запада в освещении государственной школы: Учеб. пособие по спецкурсу. – М.: МГИАИ, 1984. – 107 с.
59. Ерыгин А.Н. Гегель и государственная школа в русской историографии: (к истории одной старой проблемы) // История, научные поиски и проблемы: Сб. науч. тр., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф. А.П. Пронштейна. – Ростов н/Д, 2000.
60. Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 1998. – 158 с. – Библиогр.: С. 152–157.
61. Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2002. – 47 с.
62. Иллерицкая Н.В. начальный период русской истории в контексте диалога историко-юридического направления второй половины XIX в. // Историографический образ и проблемы интерпретации: Сб. ст. / РГГУ. – М., 1998. – С. 3–15.
63. Иллерицкий В.Е. Государственная школа // Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1960. – Т. II. – С. 103–128.
64. Иллерицкий В.Е. Государственная школа в русской историографии // Иллерицкий В.Е. Русская историография второй половины XIX века. – М., 1957. – С. 66–85.

65. Иллерицкий В.Е. Государственная школа в русской историографии // историография истории и СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1961. – С. 287–304.
То же // Изд. 2-е испр. и доп. – М., 1971. – С. 257–269.
66. Иллерицкий В.Е. О государственной школе в русской историографии // Вопр. истории. – М., 1959. – № 5. – С. 141–159.
67. Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. – М.: О.Г.И., 2004. – 500 с.
68. Китаев В.А. Государственная школа в русской историографии: время переоценки? // Вопр. истории. – М., 1995. – № 3. – С. 161–164.
69. Медушевский А.Н. Гегель и государственная школа русской историографии // Вопр. философии. – М., 1988. № 3. – С. 103–115.
70. Милуков П.Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) // Рус. мысль. – М., 1886. – № 6. – С. 80–92.
Переизд.: Милуков П.Н. Очерки истории исторической науки. – М., 2002. – С. 401–412.
71. Попов А.С. Социологические взгляды представителей «государственной школы» // Социальные науки: история, теория, методология. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 59–73.
72. Прокуденкова О.В. «Государственная школа» в русской историографии: теория и методология // Человек и Вселенная. – СПб., 2004. – № 10. – С. 140–149.
73. Рубинштейн Н.Л. Государственная школа // Большая Советская Энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1972. – Т. 7. – С. 156.
74. Рубинштейн Н.Л. Государственная школа // Советская историческая энциклопедия. – М., 1963. – Т. 4. – Стб., 620–622.
75. Рубинштейн Н.Л. Государственная школа. Кавелин. Чичерин // Рубинштейн Н.Л. Русская историография. – М., 1941. – С. 289–312.
76. Рубинштейн Н.Л. Соловьев // Рубинштейн Н.Л. Русская историография. – М., 1941. – С. 312–342.
77. Рубинштейн Н.Л. Так называемое государственное направление в русской историографии // Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1955. – Т. I. – С. 338–347.
78. Снисарь И.Н. Научная школа К.Д. Кавелина // Власть и наука: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении. – М., 2002 – С. 44–46.
79. Цегоев В.К. Историография истории государства и права России в работах историков государственной школы // Учен. зап. Дюнк. юрид. ин-та. – Ростов н/Д., 2000. – № 17. – С. 203–220.
80. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Учеб. пособие. – М.: Изд-во «Культура», 1993. – 761 с.
Лекции 22 (С. 397–413), 23 (С. 419–433), 32 (С. 564–577), 33 (С. 577–589), 34 (С. 589–602): государственная школа и ее эволюция в конце XIX – начале XX в.
81. Шаханов А.Н. Становление ученого // Соловьев С.М. Первые научные труды. Письма. – М., 1996. – С. 137–216. С. 176–201: С.М. Соловьев и государственная школа русской историографии.

Киевская школа

82. Михальченко С.И. К вопросу о киевской школе отечественных историков // Россия в IX–XX вв. Проблемы истории, историографии и источниковедения. – М., 1999. – С. 284–286.

83. Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии: некоторые итоги изучения // Источниковедение и краеведение в культуре России. – М., 2000. – С. 400–401.
84. Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии: (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Зопольский и их ученики). – М.: Прометей; Брянск: Изд-во БГПУ, 1997. – 228 с.
85. Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (сер. XIX – первая треть XX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1997. – 32 с.
86. Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии: (Шк. зап.-рус. права) – Москва: Прометей; Брянск: Изд-во БГПУ, 1996. – 186 с. – Библиогр.: С. 158–179.
87. Михальченко С.И. Киевская школа: Очерки об историках / Брян. гос. пед. ин-т им. И.Г. Петровского. – Брянск, 1994. – 77 с. – Библиогр.: С. 63–76.
88. Михальченко С.И. Неопубликованные письма ученых школы истории западно-русского права в архивах России и Украины // Археографический ежегодник за 1996 год. – М., 1998. – С. 289–198.
89. Михальченко С.И. Школа профессора университета св. Владимира В.Б. Антоновича // Российские университеты в XVIII–XX вв. – Воронеж, 1998. – Вып. 3. – С. 149–161.

«Школа В.О. Ключевского»

90. Алеврас Н.Н. В.О. Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «Отечественная история») Вестн. Челябин. гос. ун-та. История. – Челябинск, 2007. – Вып. 21. – С. 161–171.
 91. Вернадский Г.В. Ученики В.О. Ключевского // Вернадский Г.В. Русская историография. – М., 1998. – С. 259–276.
 92. Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет: (1876–1926) / Публ. и предисл. Золотарева В.П. // Отеч. история. – М., 1994. – № 2. – С. 136–154. С. 141–142: В.О. Ключевский и его ученики.
 93. Пичета В.И. Введение в русскую историю: (источники и историография). – М.: Гос. изд-во, 1923. – 204 с. С. 151–157: Школа В.О. Ключевского.
- ● ●
94. Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. «Историческая правда» и «домыслы историка». Ключевский и его школа в окуляре критики историков-эмигрантов 20–30-х гг. // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. – Челябинск, 2004. – С. 111–125.
 95. Алеврас Н.Н. Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. – Челябинск, 2006. – С. 117–126. Типы школ; «школа Ключевского», «Государственная школа».
 96. Гришина Н.В. Воспитатель русского общества: место «школы» Ключевского в культурном пространстве России // Культура и интеллигенция России между рубежами веков. – Омск, 2003. – С. 24–27.
 97. Гришина Н.В. Пространственно-временная структура и «школы Ключевского»: к вопросу о границах школы // Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении. – М., 2002. – С. 82–83.
 98. Гришина Н.В. Школа В.О. Ключевского в культурном пространстве дореволюционной России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2004. – 26 с.

99. Гутнов Д.А. Об исторической школе Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. – М., 1993. – № 3. – С. 40–53.
100. Колобков В.А. С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский: (за строкой некролога) // Ключевский: Сб. материалов. – Пенза, 1995. – Вып. 1. – С. 140–148.
101. Корзун В.П. В.О. Ключевский и его ученики // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. – Омск, 2005. – С. 40–59.
102. Михайлова Е.Е. Философия истории В.О. Ключевского и его учеников: Проблема социокультур. развития / Моск. гуманит.-экон. ин-т. – М., 2003. – 102 с. – Библиогр.: С. 95–101.
103. Муравьев В.А. В.О. Ключевский и «новая волна» историков начала XX века // Ключевский: Сб. материалов. – Пенза, 1995. – Сб. 1. – С. 219–224.
104. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. – М.: Наука, 1974. – 638 с. С. 376: «Школа» В.О. Ключевского.
105. Попов А.С. «Боярская Дума Древней Руси» – манифест новой школы в отечественной историографии // Изв. высш. учеб. заведения. Поволжский регион. Гуманит. науки. – Пенза, 2003. – № 5. – С 11–21.
106. Попов А.С. Историко-социологический синтез в работах учеников В.О. Ключевского // Социальные науки: история, теория, методология. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 103–110.
107. Попов А.С. В.О. Ключевский и его «школа»: синтез истории и социологии / Моск. пед. ун-т. – М.: Сигналь, 2001. – 239 с.
108. Попов А.С. «Школа Ключевского»: проблема идентификации // Социальные науки: история, теория, методология. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 4–24.
109. Попов А.С. «Школа Ключевского»: синтез истории и социологии в российской историографии. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Пенза, 2002. – 40 с.
110. Сидненко Т.И. Либеральное направление отечественной историографии в конце XIX – начале XX веков / Гос. поляр. акад. – СПб., 2007. – 380 с. – Библиогр.: С. 359–379.
111. Тихонов В.В. Историк «старой школы»: Научная биография Б.И. Сыромятникова. – Рига, 2008. – 178 с.
С. 57–64; соотношение понятий «школа В.О. Ключевского», «Московская историческая школа». «Школа историков Московского университета».
112. Трибунский П.А. «Школа Ключевского» в оценке П.Н. Милюкова // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. – М., 2006. – Кн. 1. – С. 399–403.
113. Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма: Курс лекций. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1962. – 235 с.
114. Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопр. истории. – М., 1990. – № 10. – С. 45–61.
115. Bonh T. Russische Geschichtswissenschaft von 1880 bis. 1905: Pavel N. Milukov und die Moskauer Schule. – Köln. 1998 – XVIII, 473 S. Рец. А. Медушевский // ВШ, 2000, № 1. – С. 167–168.

*Историческая наука Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинграда):
Идентификация и самоидентификация ученых-историков в контексте
проблемы научных школ*

116. Алексеев А.И. Санкт-петербургская и московская школы в исторической науке о русском средневековье: (опыт размышления) // Региональные школы в русской историографии. – Budapest, 2007. – С. 33–44.

117. Милюков П.Н. Воспоминания. – М.: Современник, 1990. –Т. 1. – 446 с.
С. 161–162: Петербургская и Московская исторические школы.
118. Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства» // Летопись занятий Археогр. комиссии. – Пг., 1920. – Т. 30. – Отд. отд.: Пг., 1920. – 10 с. Петербургская историческая школа.
- ● ●
119. Айвазян М.А. Малоизвестное письмо С.Ф. Платонова к В.О. Ключевскому 1891 г. // Ключевский: Сб. материалов. – Пенза, 1995. – Вып. 1. – С. 6–9.
120. Альшиц Д.Н. Петербургская историческая школа. Ее место и значение в исторической науке, в политике, образовании, культуре // Петербургская историческая школа: Альманах. – СПб., – Первый год выпуска, 2001. – С. 60–81.
121. Ананьич Б.В. О воспоминаниях Н.С. Штакельберг / In Мемогіам. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. – М., СПб., 1995. – С. 71–86.
С. 78–80: «Петербургская историческая школа».
122. Ананьич Б.В. «Петербургская историческая школа»: (1929–1931) // Россия в XX веке: Судьбы ист. науки. – М., 1996. – С. 670–675.
123. Ананьич Б.В., Панеях В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отеч. история. – М., 2000. – № 5. – С. 105–113.
124. Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов: 1887–1941. – СПб.: Науч. книги, 2006. – 376 с.
Гл. 1. § 2: С.Н. Чернов и петербургская историческая школа. – С. 38–84.
125. Бороздин И.Н. К вопросу об ученых разногласиях русских медиевистов 40–50-х годов XIX века // Средние века. – М., 1955.– Вып. V. – С. 345–356.
В частности, полемика со статьей С.Н. Волка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет».
126. Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. – СПб.: Стомма, 2001. – 244 с.
127. Брачев В.С. А.Е. Пресняков. С.Ф. Платонов и петербургская историческая школа // Брачев В.С. Русский историк А.Е. Пресняков: (1870–1929) – СПб., 2002. – С. 72–83.
128. Бухерт В.Г. Основание *Исторического общества* при Московском университете // Археографический ежегодник за 2000 год. – М., 2001. – С. 175–201.
В контексте проблемы «историческая наука в Москве и Петербурге».
129. Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов и «*кружок русских историков*» // Археографический ежегодник за 1999 год. – М., 2000. С. 126–143.
130. Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет / Комментар. Кагановича Б.С. // Валк С.Н. Избранные работы по историографии и источниковедению. – СПб., 2000. – С. 7–106.
Впервые // Труды юбилейной научной сессии / Ленингр. гос. ун-т. Секция ист. наук. – Л., 1948. – С. 3–79.
Формирование и развитие Петербургской исторической школы.
131. Демина Л.И. «Записки» Е.Ф. Шмурло об историках Петербургского университета: (1884–1892) // Археографический ежегодник за 1984 год. – М., 1986. – С. 252–256.
132. Жуковская Т.Н. Точка пути. Некоторые размышления о «петербургской школе» // Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня. – СПб., 1997. – С. 8–14.
133. Зайцев А. «Храните московский быт и русский стиль...» // Куранты. – М., 1987. – Вып. 2. – С. 192–197.
«Русский архив» (Москва) и «Русская старина» (Петербург).
134. Корзун В.П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // Отеч. история. – М., 1999. – № 2. – С. 171–182.

135. Корзун В.П. Научные школы в интерьере «историографического быта» (В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский) // *Материалы Третьей Всероссийской научной конференции «Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.)»* – Омск, 1998. – Т. 1. – С. 2–4.
136. Корзун В.П. Петербургская школа русских историков в конце XIX – начале XX века // *Очерки истории отечественной исторической науки XX века.* – Омск, 2005. – С. 147.
137. Лихачев Д.С. Вместо предисловия // Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия. – СПб., 1999. – С. 8–11.
С. 9–11: Московская и Петербургская исторические школы.
138. Мамонтова М.А. Диалог Москвы и Петербурга в переписке историков. Москва глазами молодых петербуржцев // *Культура и интеллигенция России между рубежами веков.* – Омск, 2003. – С. 31–35.
139. Ольховский Е.Р. История в Петербургском университете в первой половине XIX в. // *Празднование 275 годовщины основания Санкт-Петербургского университета.* – СПб., 2003. – С. 259–291.
140. Панях В.М. Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов // У источника: Сб. ст. в честь чл.-корр. РАН С.Ж. Каштанова. – М., 1997. –Т. 1. – Ч. 2. – С. 440–545.
141. Панях В.М. Яков Соломонович Лурье и Петербургская историческая школа // Панях В.М. *Историографические этюды.* – СПб., 2005. – С. 152–165.
Московская и Петербургская исторические школы.
142. Петербургская историческая школа: Альманах / Под ред. Полторака С.Н. – СПб.: Нестор. Первый год выпуска: Памяти В.А. Ежова. – 2001. – 312 с. Второй год выпуска: Памяти В.И. Старцева. – 2002*.
Третий год выпуска: Памяти А.Я. Лейкина*. – 2005.
143. Полторака С.Н. Петербургская историческая школа: современное состояние // *Социалистический образ науки и технологии: Тез. док. 11 сессии Междунар. школы социологии науки и техники.* – СПб., 1998. – Ч. 1. – С. 29–31.
144. Прения по докладам // Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня. – СПб., 1997. – С. 55–75.
Петербургская историческая школа.
145. Прокуденкова О.В. Влияние московской исторической школы на становление П.Н. Милюкова-культуролога // *Дни Петербургской философии.* – 2007: Материалы круглого стола: «Философия культуры и культурологии: традиции и инновации». – СПб., 2008. – С. 373–388.
146. Против объективизма в исторической науке // *Вопр. истории.* – М., 1948. – № 12. – С. 9–10.
Критика представлений о существовании «петербургской исторической школы».
147. Ростовцев Е.А. Дискурс «петербургской исторической школы» в научной литературе // *Фигуры истории или «общие места» историографии.* – СПб., 2005. – С. 303–341.
148. Ростовцев Е.А. Историческая школа А.С. Лаппо-Данилевского // *Сборник научных трудов, посвященных 190-летию транспортного образования в России.* – СПб., 1999. – С. 314–319.
149. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. – Рязань, 2004. – 348 с. – (Новейшая рос. история: исслед. и документы; Т. 7). – Библиогр.: С. 300–339.

150. Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: Из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIV–XX вв. // Журн. социол. и соц. антропологии. – СПб., 2000. – Т. 3, № 4. – С. 105–121.
151. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1999. – 24 с.
152. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский как представитель Петербургской исторической школы // Петербургские чтения 97. – СПб., 1997. – С. 413–416.
153. Ростовцев Е.А. Методология истории петербургской исторической школы // Петербургские чтения. 98–99. – СПб., 1999. – С. 412–415.
154. Ростовцев Е.А. Направления петербургской исторической школы: (А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов) Гуманитарные исследования: история, теория, практика. – СПб., 20203. – С. 7–8.
155. Ростовцев Е.А. Термин «Петербургская историческая школа» в историографических источниках // Петербургские чтения. 98–99. – СПб., 1999. – С. 415–418.
156. Свердлов М.Б. О «Петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В.С. Брачева. – СПб., 1995*.
157. Сидненко Т.И. Петербургская школа историков: (либеральное направление) // Клио. – СПб., 2002. – № 4. – С. 24–27.
158. Тихонов В.В. Историк «старой школы». Научная биография Б.И. Сыромятникова. – Pisa: Plus-Pisa university press, 2008. – 178 с.
С. 57–64: «Школа В.О. Ключевского» – «Московская школа историков».
159. Трибунский П.А. П.Н. Милюков о петербургской исторической школе // История дореволюционной России: Люди. События. Мысль. – Рязань, 2000. – С. 5–13.
160. Цамутали А.Н. Глава петербургской исторической школы Сергей Федорович Платонов // Историки России: XVIII – начало XX в. – М., 1996. – С. 538–552.
161. Цамутали А.Н. К читателю: (А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа) // Маликов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. – СПб., 2000. – С. 5–8.
162. Цамутали А.Н. Петербургская историческая школа // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. – СПб., 1993. – Ч. 1. – С. 138–142.
163. Цыганков Д.А. Исследовательские традиции московской и петербургской школ историков // История мысли. Русская мыслительная традиция. – М., 2003. – Вып. 3.
164. Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1989 год. – М., 1990. С. 19–26. Московская и петербургская школа.
165. Чирков С.В. Историки петербургской школы о И.Е. Забелине // Археографический ежегодник за 1995 год. – М., 1997. – С. 304–313.
166. Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Моск. и Петерб. ун-ты. – М.: Наука, 2003. – 419 с.
167. Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // Археографический ежегодник за 1992 год. – М., 1994. – С. 39–76.
168. Шмидт С.О. Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург – Москва» // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящен. памяти А.А. Зимина. – М., 1995. – Ч. 2. – С. 673–677.
169. То же // Россия в IX–XX вв.: Проблемы истории, историографии и источниковедения. – М., 1999. – С. 533–537.

*«Новое направление» в изучении социально-экономической истории России
конца XIX – начале XX века*

170. Антощенко А.В. Учитель и ученик: В.И. Герье и П.Г. Виноградов: (К вопр. о Моск. ист. школе) // История идей и воспитание историка: Владимир Иванович Герье. – М., 2008. – С. 105–107.
171. Бовыкин В.И. Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции // История СССР. – М., 1988. – № 5. – С. 67–100.
172. Бугаева С.Я. Перечитывая работы В.В. Адамова // Проблемы истории России: Сб. науч. тр. – Екатеринбург, 1996. – Вып. 1. – С. 37–42.
173. Волобуев П.В. Необъективная критика: (письмо в редакцию) // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. – Статьи. – М., 2000. – С. 87–92.
174. Гаврилов Д.В. «Новое направление» в исторической науке и его поклонники / РАН Урал. отд.-ние. Ин-т истории и археологии. – Екатеринбург, 2005. – 91 с.
175. Галямичев А.Н. К вопросу о роли лидера в становлении научной школы: С.М. Стам и судьбы медиевистики в Саратовском университете // Диалог со временем. – М., 2007. – Вып. 20. – С. 285–298.
176. Гордок А.В. К вопросу о «школах» в отечественной историографии французской революции // Всеобщая история: Современные исследования: Межвуз. сб. науч. тр. – Брянск, 2008. – Вып. 17. – С. 35–51.
177. Дворецкая И.А., Симонова Н.В. Научная школа В.Ф. Семенова: социально-политическая история западноевропейского Средневековья // Научные школы Московского педагогического государственного университета. – М., 2008. – Вып. 1. – С. 271–282.
178. Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. К вопросу о месте «нового направления» в отечественной историографии // Проблемы истории Урала: От традиционного к индустриальному обществу. – Екатеринбург, 1996. – С. 112–115.
179. Зелегова О.И. Два поколения научной школы по новистике Н.И. Кареева: возможности интеграции в трансформирующее общество // Сообщество историков высшей школы России: научные практики и образовательная миссия. – М., 2009. – С. 17–20.
180. Камынин В.Д. Сохранение культурной памяти в историографических трудах: о современном прочтении некоторых дискуссий в советской исторической литературе // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. – Челябинск, 2004. – С. 126–141. С. 133–141. «Новое направление».
181. Марквик Р.П. В. Волобуев и историки «нового направления» // Академик Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. – М., 2000. – С. 495–509.
182. Мельникова Е.А. «Исторический источник неисчерпаем»: К 140-летию школы В.Т. Пашуто // Средние века: Сборник. – М., 2008. – Вып. 69. – С. 9–45.
183. Овчинникова Б.Б., Ольховская Л.В. Владимир Васильевич Адамов – ученый-историк и педагог // Проблемы истории России: Сб. науч. тр. – Екатеринбург, 1996. – Вып. 1. – С. 6–8.
184. Осадченко Б.А. Поиски на гранях марксистской парадигмы. «Новое направление», его основные представители, теоретико-методологические позиции // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. – Омск, 2005. – С. 562–575.
185. Осадченко Б.А. Формирование школы А.Л. Сидорова в изучении социально-экономической истории России конца XIX – начала XX веков // Мир историка: XX век. – М., 2002. – С. 200–218.
186. Погребинская В.А. «Новое направление» как школа российского институционализма // Экон. журн. – М., 2001. – № 1. – С. 164–178.

187. Поликарпов В.В. «Новое направление» – в старом прочтении // *Вопр. истории.* – М., 1989. – № 3. – С. 44–61.
188. Поликарпов В. «Новое направление» 50–30-х гг. – последняя дискуссия советских историков // *Россия: XX век. Кн. 2: Советская историография.* – М., 1996. – С. 349–400.
189. Поликарпов В. О «дискуссиях» минувших лет // *Сов.в культура.* – М., 1987. – 9 июля.
190. Поликарпов В.В. К.Н. Тарновский и «новое направление» в изучении социально-экономической истории России конца XIX – начала XX века // *Константин Николаевич Тарновский и его время.* – СПб., 2002. – С. 45–52.
191. Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. – М.: Наука, 1964. – 244 с.
192. Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х – начала 60-х гг. – М., 1990. – 292 с.
193. Цыганков Д.А. В.И. Герье и московская школа историков во второй половине XIX – начале XX вв. // *Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIV – начало XX вв.)* – М., 2008. – С. 159–233.
194. Шацилло К.Ф. 25 лет книге [Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма] // *Памятные книжные даты.* 1989. – М., 1989. – С. 30–32.
195. Шепелева В.Б. Историографическая судьба «Нового направления» // *Мир историка: XX век.* – М., 2002. – С. 219–257.
196. Шепелева В.Б. «Новое направление» в советской историографии социально-экономической истории России // *Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении.* – М., 2002. – С. 89–91.

Научные школы в отечественной науке в сфере изучения всеобщей истории

197. Алексеев В.В. Уральская школа историков // *Региональные школы русской историографии.* – Budapest, 2007. – С. 12–20.
198. Введенский Р.М. Научная школа А.Г. Кузьмина: «земля» и «власть» в истории России // *Научные школы Московского педагогического государственного университета.* – М., 2008. – Вып. 1. – С. 289–302.
199. Воронин В.Е. Научная школа В.Г. Тюкавкина: социально-экономическая и политическая история России // *Научные школы Московского педагогического государственного университета.* – М., 2008. – Вып. I. – С. 303–317.
200. Золотарев В.П. О «русской школе» новой историографии // XXIV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. – Калинин, 1978. – Ч. 1. – С. 125–126.
201. Золотарев В.П. Отечественные школы новоевропейской истории в меняющемся менталитете России и СССР // *Историческая наука в меняющемся мире.* – Казань, 1993. – Вып. 1. – С. 81–83.
202. Кавказоведческая школа В.Б. Вингоградова: к 15-летию деятельности на Кубани / ... Армав. гос. пед. ун-т; Сост.: Ктиторов С.Н. – М.; Армавир, 2007. – 55 с. – (Материалы науч.-пед. семинара; Вып. 10).
203. Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986. – 14 с.
204. Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. – 137 с.
205. Кирсанова Е.С. Образ создателя научной исторической школы: стереотипы и реальность // *Образ науки в университетском образовании.* – М., 2005. – С. 140–143. В.И. Герье и его ученики.
206. Лаптева Л.П. В.И. Ламанский и его историческая школа // *Российские университеты в XVIII–XX вв.* – Воронеж, 2002. – Вып. 6. – С. 68–83.

207. Леттфорд С.Е. В.Г. Ревуненков против «московской школы»: Дискуссии о яковинской диктатуре // Французский ежегодник: 2002: Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина. – М., 2002. – С. 207–229.
208. Мамонов А.В. П.А. Зайончковский и его Школа в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. – М., 2005. – № 1. – С. 85–93.
209. Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. – 408 с.
210. Могильницкий Б.Г. У истоков социально-экономического направления в русской буржуазно-либеральной медиевистике // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск, 1965. – Вып. 3. – С. 178–252.
211. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: Опыт «рус. ист. шк.». – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2000. – 297 с.
Рец.: Зверева Г.И., Репина Л.П. Научные школы в историческом контексте: новая книга о «русской исторической школе» // Диалог со временем. – М., 2001. – Вып. 6. – С. 364–370.
212. Мягков Г.П. О месте и роли «русской исторической школы» в идейно-политической борьбе в России в начале XX в. // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. – Казань, 1974. – Вып. 3. – С. 71–89.
213. Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: Методол. и идейн.-полит. позиции. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 200 с. – Библиогр.: С. 178–199.
214. Мягков Г.П. «Русская историческая школа» всеобщих историков и ее роль в идейно-политической борьбе в России в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1984. – 22 с
215. Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: рецензия как механизм европейской идентификации российского общества // Россия в Новое время: историческая традиция и проблема самоидентификации. – М., 1995. – С. 31–34.
216. Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. – СПб: Изд-во СПбГТУ, 1997. – 378 с. – Библиогр.: с. 324–377.
217. Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1998. – 37 с.
218. Степанов Б. Время синтеза: Средневековье и современность в работах представителей школы И.М. Гревса // Культура XX: Научно-образоват. альманах. – М., 2001. – С. 235–249.
219. Семенов И.Е. К вопросу о возникновении русской школы новой истории // Учен. зап. Ист. фак-та Киргиз. гос. ун-та. – Фрунзе, 1958. – Вып. 6. – С. 208–219.
220. Тяжельникова В.С. Феномен научной школы В.З. Дробышева // Отечественная история XX века: Социальная, политическая и экономическая жизнь, преподавание истории. Материалы Международной конференции, посвященные 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Зиновьевича Дробышева. – М., 2004. – С. 328–337.
221. Шипилов А.Д. Русская провинциальная историография XIX – начала XX вв. Костромская школа / Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2007. – 543 с.

Некоторые дополнительные материалы

222. Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертышный А.Т. О.А. Васьковский – историк исторической науки // Россия в XX в.: история и историография. – Екатеринбург, 2002. – С. 14–16.
О.А. Васьковский и уральская историографическая школа.

223. Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Уральская историографическая школа // Изв. Урал. гос. ун-та. – Екатеринбург, 2004. – № 29. – С. 67–75.
224. Кашенко С.Г. Применение современных информационных технологий в процессе изучения аграрной истории Северо-Запада России в Ленинградском Санкт-Петербургском университете. Традиции научной школы А.Л. Шапиро // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. История. – СПб., 2005. – Вып. 4. – С. 141–148.
225. Могильницкий Б.Г. Становление томской историографической школы // Томск советский. – Томск, 2003. – С. 172–173.
226. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: Сб. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Историко-архивный ин-т. Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Сост.: Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф.; Под ред. Муравьева В.А. – М., 2001. – 227 с.
227. Троицкий С.М. Николай Владимирович Устюгов как историк Европейского Севера // Россия в XVIII веке. – М., 1982. – С. 86–103. С. 97–98; Школа Н.В. Устюгова.
228. Халявин Н.В. Политическая история Великого Новгорода в трудах историков «школы Фроянова» // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. – Челябинск, 2006. – С. 148–157.

3. Сборники в честь и памяти отечественных ученых-историков

Сборники в честь и памяти отечественных ученых-историков, изданные в нашей стране с 1860-х гг. (именно со столетним юбилеем Н.М. Карамзина связано появление первых фестрифтов)¹⁸ по настоящее время – значимое явление в мире научных коммуникаций, связующих бытие научно-исторического сообщества в его синхронии и диахронии. Этот корпус персонологических текстов уже в том виде, в котором он существовал в 1900-е – 1920-е гг., обладал собственной «памятью жанра». Сегодня общее число вышедших в свет сборников, на нашем предварительном подсчете, значительно превышает тысячу.

Рисуя (в каждом случае субъективно) образ ученого, очерчивая этапы его пути и смысл того, что он сделал в науке, сборники оказываются своеобразным фокусом сложившихся к моменту издания того или иного фестрифта семиотических отношений «Историк в глазах современников и последующих поколений», зеркалом и одновременно медиатором биографического мифа.

Вместе с тем сборники отражают отношения и традиции, существующие в тех локальных «пространствах» исторической науки, в которых они создавались.

Всем этим определяется ценность сборников – в честь и памяти ученых-историков – как комплексных историографических источников.

Наконец само существование этих сборников (как и других их дисциплинарных классов) обусловлено тем, что они принадлежат к миру книжной культуры, являясь одним из видов печатных изданий.

При всей индивидуализированности исторических и историографических представлений общего и конкретного характера, выраженных в отдельных сборниках или в их группах (объединяемых личностью ученого, которому они посвящены, поколенческими генерациями в научно-историческом сообществе, общностью «за» и «против» в предметных и историографических дискуссиях, дисциплинарным строением исторической науки), при всех явных и неявных «спорах» сборников между собой (за которыми стоят не только споры идей, научных школ, направлений, но и личностные /и групповые/ взаимоотношения) – при всем при этом корпус сборников в честь памяти ученых-историков, изданный на протяжении полутора столетий, прочитывается как целостный историографический «метатекст», утверждающий доминанту единства индивидуальных и солидарных начал исторического познания и тех ценностных оснований, которые, при всех обстоятельствах XX столетия, позволили удержать этос исторической науки от самоуничтожения.

Попытаемся предложить программу-максимум изучения сборников:

1. Ученый-историк, которому посвящен сборник. Его место в науке и культуре (формально – статусные и ценностно-смысловые аспекты).

2. Авторский коллектив сборника и его ситуативные взаимоотношения с научно-историческим сообществом и жизнью школ и направлений в исторической науке. Авторы сборника, не принадлежащие к этому сообществу, но связанные с ученым родственными или личными отношениями.

3.1. Мотивировка сборника, связанная со значимыми вехами жизни и деятельности ученого и памятные датами. Инициаторы и редакторы сборника и его «творческая история» от замысла до выхода в свет.

3.2. Сборник и научный форум, проводимый в честь или памяти ученого (предварительная публикация в форме «тезисов докладов и сообщений» и итоговая публикация по материалам форума или ряда форумов «памяти», получивших статус продолжающихся изданий типа «чтения...»; для сборников «в честь» – это различие, как правило, не характерно).

4. Морфология/строение сборников.

4.1. Морфология фештшрифта как книги (с учетом различий между сборником – непериодическим изданием и отдельным выпуском периодического или продолжающегося издания).

4.2. Коммуникативная структура каждого сборника в системе его внутритекстовых отношений и в системе отношений «авторский коллектив/авторы сборника – ученый, которому посвящен сборник, – историографическая традиция – научное сообщество – социально-политический и идеологический контекст данного состояния исторической науки». Его место в корпусе текстов рецепции идей ученого в историографическом процессе.

4.3. Заглавие и подзаголовок сборника (на обложке, титульном листе и контр-титуле). Их типологизированные, повторяющиеся элементы.

4.4. Формы представления имени ученого, которому посвящен сборник (на обложке, титуле, контр-титуле, страницах книги).

4.5. «Формулы посвящения». Их место в структуре книги. Их типологизированные, повторяющиеся элементы и вариативность структур и формул. Их ме-

тафорики и обращение к классическим текстам. Их принципиальные различия в сборниках «в честь» и в сборниках «памяти».

4.6. Портрет/фотопортрет ученого, воспринимаемый научным сообществом как некий фокус его зрительного образа. Другие портреты.

4.7. Язык/языки каждого сборника.

4.8. Содержательное строение сборников.

4.8.1. Сборники «в честь»: «Предисловие» (его варианты; авторы и их подписи); материалы биографического характера (статьи, тексты выступлений на форуме, ему посвященном, биографические документы и т. п.); воспоминания ученого (и их фрагменты); воспоминания об ученом (в т.ч. встречах с ним); статьи о воззрениях ученого и его отдельных работах; научные работы ученого; статьи исследовательского характера по темам, разрабатываемым ученым, и по более широкому кругу проблем; биобиблиографические материалы; иконография других лиц; *Varia*.

4.8.2. Сборники «памяти». Помимо названных выше типов текстов в них могут быть: некролог/некрологи; описание архивных материалов ученого и об ученом; публикации эпистолярных материалов; републикации малоизвестных и труднодоступных работ ученого и публикация его наследия.

Варианты членения сборников обоих типов на разделы и расположение в них названных типов текстов с учетом того обстоятельства, что здесь описан как бы идеальный, наиболее полный состав сборника «в честь» и сборника «памяти». Реальность мира сборников оказывается во многих случаях значительно «беднее» по составу их материалов.

4.9. Фронтальное изучение корпуса фештшрифтов, изданных в процессе эволюции отечественной исторической науки второй половины XIX – начала XXI веков, среди прочего, должно выявить системные закономерности развития этого корпуса в контексте всего многообразия собственно научных факторов и внешних обстоятельств. Некоторые вещи «лежат на поверхности». Другие нуждаются в аналитике.

Так, не нуждается в объяснении тот факт что период с конца XIX по начало 1920-х гг. (ставший одним из наиболее творческих и продуктивных в развитии русской исторической науки и началом её существования в новых условиях) оказался временем подлинного расцвета жанра и обретения им самосознания. Реальность конца 1910-х – начала 1920-х гг. потребовала появления новых «свежих» «памятных» фештшрифтов; что совпало во времени с необходимостью подведения некоторых итогов творческого пути ряда историков старой школы, продолжавших работать на родине. В последующие годы по отношению к ним возобладала совершенно противоположная тенденция. Со второй половины и, особенно с конца 1920-х гг., число сборников «в честь» и «памяти» стремительно снижается; немногие их издания с каждым годом становятся все более исключительным фактом, требующим специального анализа условий и мотивов их появления. За крайне редкими исключениями, в немногочисленном ряду сборников, изданных с конца 1920-х гг. по конец 1930-х доминируют сборники, посвященные «историкам-марксистам» (до середины 1930-х). Особое место занимают два тома, направленные против М.Н. Покровского (1939, 1940 гг.)¹⁹, как

и другие подобные им сочинения, естественно, вообще не имеют никакого отношения к интересующему нас жанру, ибо суть состоит в почти абсолютной деструкции образа ученого и его школы.

Можно предположить, что одним из объективных смыслов резкого возрастания числа изданных в 1960-х – первой половине 1970-х гг. сборников (тенденция к возрождению жанра обозначилась еще в первые послевоенные годы) было то, что этот процесс мог бы стать импульсом – при всей сохраняющейся атомизации научного сообщества, не только в исторической, но и во всех других областях научного знания, – упрочения общих начал самосознания научного сообщества. Именно то, что эти процессы в неопределенном будущем могли стать предпосылкой формирования в научно-историческом сообществе (как и в других научных сообществах) тенденций, противоположных реальности атомизации и сложившемуся стилю руководства академической наукой, могло стать причиной Постановления Президиума АН СССР 1976 г., признавшего нецелесообразность издания сборников «в честь» и ограничившего выпуск сборников «памяти»: через несколько лет постановление фактически утратило свою силу, и число сборников обоих типов опять стало неуклонно возрастать. Трансформация историографической ситуации во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. способствовала новому скачку динамики их издания. Сегодня, можно сказать, происходит новый, небывалый расцвет жанра. Сложившаяся ситуация, непосредственно связанная с процессами, происходящими в меняющемся научно-историческом сообществе, достаточна противоречива и неоднозначна и требует специального углубленного исследования. Мы отметим лишь одно, но немаловажное обстоятельство. «Бум» жанра неизбежно сопровождается развитием его имитационных форм. Появление сборников-псевдоморфозов – одно из следствий несомненной автономизации локальных, частных «пространств» современного научно-исторического сообщества, творящих свою собственную персоналогию (очень часто мифологизированную), и принципиальной невозможности формирования в сообществе в целом общих критериев и оценок «трудов и дней» ученых – наших современников. Немногочисленные исключения, касающиеся фигур, общезначимых в науке и культуре, столь разительны и неповторимы, что все оценки и их характеристики уже успело высказать время.

Однако... «Дом, где разбиваются сердца» остается все же «Домом». И само продолжающееся существование сборников в честь и памяти ученых-историков как институций исторической памяти, несмотря на все изломы судьбы этого жанра и его трансформации (в какие-то периоды граничащие с псевдоморфозом) – еще одно доказательство сохранности фундаментальных оснований этоса исторической науки, противостоящих раздирающим его противоречиям.

4.10. Изложенные соображения в программе-максимум изучения сборников (1.–2.; 3.2.; 4.1.; 4.8.) могут быть использованы для разработки их типологии/систематики. В самой же общей форме имеет смысл говорить, помимо основополагающего различия сборников «в честь» и сборников «памяти»²⁰, о типологии, исходящей из: дисциплинарно-предметной структуры знания; их ситуативных взаимоотношений с форумами, посвященными ученым-историкам; содержательного строения фештифтов и эволюции жанра в пространстве-времени бытия исторической науки и научно-исторического сообщества.

4.11. Самостоятельными проблемами являются их изучение в контексте конкретных историографических ситуаций и в общем контексте процесса рецепции идей того или иного ученого-историка, а также поэкземплярный анализ жизни в науке конкретного сборника²¹.

Целостное изучение корпуса сборников в честь и памяти отечественных ученых-историков – в динамике системных закономерностей (в т.ч. диктуемых внешними обстоятельствами, трансформаций) его эволюции/развития – предполагает междисциплинарный подход, объединяющий возможности историографии, науковедения (в т.ч. семиотики научных коммуникаций), биографики и книговедения. Обязательным условием такого изучения является создание максимально полной библиографии всех сборников, изданных за период их существования, – библиографии аннотированной (в форме воспроизведения оглавления каждого сборника), сопровождаемой общим именованным указателем ученых, которым посвящены «сборники в честь» и «сборники памяти», указателем лиц, принимавших участие в их создании, и хронологическим регистром.

Само же теоретико-историографическое изучение может инициировать еще один тип справочного аппарата: каталог формализованных схем структуры каждого сборника, сопровождаемый указателем типологизированных элементов их наименований и формул посвящения.

* * *

Публикуемый ниже список является предварительным опытом неаннотированной библиографии фestsрифтов, изданных в нашей стране за 1940–2010 гг., – библиографии, далеко не полной по составу, не охватывающей все отделы исторического знания, а представляющий основные тенденции в развитии указанного жанра в этот период.

Сборники памяти ученых XIX – начала XX вв.

1. *И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения*: (Материалы науч. чтений ГИМ. 29–31 окт. 1990 года) / Отв. ред. Яновский А.Д. – М., 1992. (Тр. Гос. ист. музея. Вып. 81). – Ч. 1–2.
2. *Научные чтения к 170-летию И.Е. Забелина* / Гос. ист. музей. – М., 1990. – 52 с.
3. Академик *Василий Михайлович Истрин*: Тез. докл. обл. науч. чтений, посвящ. 125-летию со дня рождения ученого-филолога. 11–12 апр. 1990 г. / Редкол.: Ищенко Д.С. (отв. ред.) и др.; Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова. Филол. фак. – Одесса, 1990. – 109 с.
4. *Венок Карамзину* / Ред.-сост. Шмидт С.О. – М.: Academia, 1993. – 112 с.
5. *Карамзинский сборник* / Ульян. гос. ун-т; Отв. ред. Шаврыгин С.М. – Ульяновск, 1997.
Ч. 1: Биография. Творчество. Традиции. XVIII век. – 1997. – 134 с.
Ч. 2: Восток и Запад в русской культуре. – 1998. – 151 с.
6. *Николай Карамзин: Сб.* / Авт. и сост. Шамшуринов В.А. – М.: Новатор, 1998. – 403 с.
7. *В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии*: Материалы науч. кон. Пенза, 25–26 июня 2001 г. / РАН. Археогр. комис. и др.; Отв. ред. Шмидт С.О. – М.: Наука, 2005. – Кн. 1–2.

8. *В.О. Ключевский и современность*. (Тез. докл. на Всесоюз. науч. чтениях, посвящен. 150-летию со дня рождения выдающегося историка) / Ин-т истории АН СССР, Археогр. комис. АН СССР, Сов. фонд культуры и др.; Ред. кол.: Шмидт С.О. (отв. ред.) и др. – Пенза, 1991. – 173 с.
9. *Ключевский*: Сб. материалов / Археогр. комис. РАН, Департамент культуры Пенз. обл.; Ред. кол.: Шмидт С.О. (отв. ред.) и др. – Пенза, 1995. Вып. 1. 391 с., 1 л. портр. – Библиогр.
10. Русский исторический процесс глазами современных исследователей: Материалы межвуз. науч. конф. «Ключевские чтения – 2007»: Сб. науч. тр. / Редкол.: Воронин В.Е. (отв. ред.) и др. – М.: МПГУ, 2007. – 381 с.
11. *Академик М.К. Любавский* и Московский университет / Отв. ред.: Дегтярев А.Я., Сидоров А.В. – М.: Парад, 2005. – 278 с.: портр., ил. – Библиогр.: С. 223–234; Список тр. М.К. Любавского: С. 235–241.
12. *Академик М.К. Любавский* и его наследие / под ред. Дегтярева А.Я. – М.: Парад, 2010. – 104 с.
13. Историческая наука и методология истории XX века: К 140-летию со дня рождения академика *А.С. Лаппо-Данишевского* / Отв. ред. Малинов А.В. – СПб.: Изд-во «Сев. Звезда», 2003. – 415 с.
14. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции «Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.) 25–27 ноября 1998 г.». К 100-летию со дня выхода в свет *Очерков по истории русской культуры П.Н. Миллюкова*.
15. *Платоновские чтения*: Материалы Всерос. конф. молодых историков, г. Самара, 3–9 дек. 1997 года / Самар. гос. ун-т, С.-Петербур. фил. Ин-та рос. истории РАН – Самара: Самар. ун-т, 1998. Вып. 1 / Под ред. Савельева П.И. – 163 с.
16. *Платоновские чтения*: Материалы Всерос. конф. молодых историков г. Самара, 2–3 дек. 1998 г. / Самар. гос. ун-т, С.-Петербур. фил. Ин-та рос. истории РАН. – Самара: Самар. ун-т, 1999. – Вып. 2–4.
17. *Платоновские чтения*: Материалы Всерос. конф. молодых историков, г. Самара, 3–4 дек. 1999 г. / Самар. гос. ун-т, С.-Петербур. фил. Ин-та рос. истории РАН; Ред. кол.: Кабытов П.С. (отв. ред.) и др. – Самара: Самар. ун-т, 1999. – 175 с.
18. *Платоновские чтения*: Материалы X Всерос. конф. молодых историков, г. Самара, 3–4 дек. 2004 г. / Самар. гос. ун-т, С.-Петербур. ин-т истории РАН; Ред. кол.: Кабытов П.С. (отв. ред.) и др. – Самара: Универс-груп, 2005. – 176 с.
19. *Платоновские чтения* / Самар. гос. ун-т, С.-Петербур. ин-т истории РАН. – Самара: Универс-груп, 2004.
20. *Платоновские чтения*: XIV Всерос. конф. молодых историков (Самара, 14–15 нояб. 2008 г.): Материалы и докл. / Самар. гос. ун-т; Редкол.: Кабытов П.С. (отв. ред.) и др. – Самара: Самар. ун-т, 2008. – 224 с.
Материалы IX Всероссийской конференции молодых историков, г. Самара, 5–6 декабря 2003 года / Ред. кол.: Кабытов П.С. (отв. ред.) – 195 с.
21. *Памяти А.С. Пругавина*. Человек Читающий: Homo legens – 2 / Рос. ин-т культурологии М-ва культуры РФ и др.; Отв.ред. Бирюков Б.В., Бутенко И.А. – М., 2000. – 182 с.
22. Научная и общественная деятельность *П.П. Семеновай-Тян-Шанского* и развитие современной России: (К 170-летию со дня рождения) / Воронеж. гос. ун-т, Воронеж. отд. рус. геогр. о-ва; Науч. ред.: Поросенков Ю.В., Федотов В.И. – Воронеж, 1997. – 169 с.

23. Летописи и хроники / Ред. кол.: Рыбаков Б.А. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1981. 1980 г.: В.Н. Татищев и изучение русского летописания. – 256 с.
24. *Седьмые Татищевские чтения: В.Н. Татищев и культ. наследие Урала в ист. динамике*: Докл. и сообщения, Екатеринбург, 17–18 апр. 2008 г. / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т истории и археологии и др.; Отв. ред. Постников С.П. – Екатеринбург, 2008. – 581 с. – Библиогр. в примеч.
1. Постников С.П. 2. Татищевские чтения (7; Екатеринбург; 2008). 3. Институт истории и археологии. Екатеринбург.
25. *Татищевские чтения*: Материалы Всерос. науч. конф., 10–11 окт. 2002 г. / Ин-т рос. истории АН РФ, Тольят. гос. ун-т и др.; Отв.ред. Лившиц А.Э. – Тольятти, 2002. – 318 с.
26. *В.Н. Татищев и проблемы государственно-административного управления в России*: Материалы Междунар. науч.-конф., 5–7 окт. 2006 г. / Ред. кол.: Ишин В.В. (гл. ред) и др. – Астрахань: Астрах. ун-т, 2006. – 303 с.
27. *Чичеринские чтения*: Материалы межрегион. науч. конф. (окт. 2001 г.) / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Социол. о-во им. М.М. Ковалевского; Отв. ред. Кокорев А.С. – Тамбов, 2001. – 66 с.
28. *Духовное наследие Б.Н. Чичерина и современность*: К 175-летию со дня рождения Б.Н. Чичерина: Материалы межрегион. науч. конф., 9–11 дек. 2003 г. / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Отв. ред. Кокорев А.С. – Тамбов, 2003. – 103 с.
29. *Государство и общество в творчестве Б.Н. Чичерина и современность*: Материалы междунар. науч. конф., 18–19 мая 2006 г.: Пятые Чичеринские чтения / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Отв. ред.: Кокорев А.С. – Тамбов, 2006. – 132 с.
30. *Чичеринские чтения*: Идеология и нац. интересы в системе внешнеполит. координат XIX–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф., 12–13 окт. 2007 г. / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, дом-музей Г.В. Чичерина; Отв. ред.: Айрапетов А.Г., Романов В.В. – Тамбов, 2008. – 291 с. – Библиогр. в примеч.
1. Айрапетов А.Г.
31. *А.А. Шахматов: 1864–1920*: Сб. ст. и материалов / Под ред. Обнорского С.П. – М., Л.: Изд-во АН СССР. – 475 с.
32. *«Истории России» А.П. Щапова и история России*: Первые Щаповские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 10 окт. 2001 г. / Иркут. гос. ун-т; Ред. кол.: Маджаров А.С. (гл. ред.) и др. – Иркутск: Оттиск, 2001. – 217 с.: ил. – (История ист. мысли). – Библиогр.: С. 141–152 и примеч.
33. *Сословное (народное) представительство и самоуправление в России XVI – начала XXI века: Третьи Щаповские чтения*: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 7 окт. 2003 г. / Ред. кол.: Маджаров А.С. (гл. ред.) и др. – Иркутск: Оттиск, 2003. – 318 с.: табл.

Сборники в честь и памяти ученых XX – начала XXI вв.

34. *Проблемы истории России*: Сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького НПИП «Волот». – Екатеринбург: НПИП «Волот», 1996.
Вып. 1: От традиционного к индустриальному обществу / Ред. кол.: Шашков А.Т. (отв. ред.) и др. – 183 с. – Хронол. список тр. В.В. Адамова. – С. 175–179. *Памяти В.В. Адамова.*
35. *Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90-летию со дня рожд. В.А. Адамова*: Сб. науч. ст. / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького; Ред. кол.: ... Попов Н.Н. (отв. ред.) и др. – Екатеринбург, 2004. – 290 с.

36. *Воспоминания о М.К. Азадовском* / Сост., предисл., примеч. Ярневского И.З.; Науч. ред. Трушкин В.П. – Иркутск: Изд-во иркут. ун-та, 1996. – 209 с.
37. Российское государство в XIV–XVII вв.: *Сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева* / РАН. ин-т рос. истории. С.-Петерб. фил.; Ред. кол.: ... Павлов А.П. (отв. ред.) и др. – СПб., 2002. – 616 с. – Библиогр.: С. 604–613.
38. Исследования по истории средневековой Руси / *К 80-летию Ю.Г. Алексеева*. С.-Петербург. гос. ун-т. Ист. фак.; Ред. кол.: Дворниченко А.Ю. (отв. ред.) и др.; – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. – 496 с.
39. Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология / Рос. нац. б-ка; Науч. ред. Крушельницкая Е.В. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 253 с.
Памяти А.А. Амосова.
40. В поисках теории российской цивилизации: Памяти А.С. Ахиезера / Сост. Давыдов А.П. – М.: Новый хронограф, 2009. – 399 с.
41. Российский цивилизационный космос: (К 70-летию А.С. Ахиезера). – М.: Эйдос, 1999.
42. Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: *Сб. ст. в честь Б.В. Ананьича* / Ред. кол.: Панех В.И. (отв. ред.) и др. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 322 с.
43. Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва, 3–5 февр. 197 г.: Конф. посвящена памяти А.И. Андреева и В.К. Яцунского / Рос. гос. гуманит. ун-т. Ред.кол.: Медушевская О.М. (отв. ред.) и др. – М., 1997. – 335 с.
44. Россия сельская, XIX – начало XX века: *Сб. ст. посвящен памяти... А.М. Анфимова (1916–1995)* / РАН. Ин-т рос. истории; Отв. ред. Корелин А.П. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.
45. *Анциферовские чтения*: Материалы и тез. конф. 120–22 дек. 1989) / Сост.: Добкин А.И., Кобак А.В. – Л.: Ленингр. отд-ние Сов. фонда культуры, 1989. – 190 с.
46. Власть и общество в России в прошлом и настоящем: *Сб. ст. по материалам науч. чтений, посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Д.С. Бабурина*. 22–23 сент. 1999 г. Ред. кол.: Матросов В.Л. (пред.) и др. – М.: МПГУ, 2000. – 493 с.
47. Многоликая история: *К 70-летию Т.В. Батаевой*: Сб. ст. / Рос. ун-т дружбы народов; Отв. ред.: Бекмаханова Н.Е., Мосейкина М.Н. – М.: Изд-во Рос.ун-та дружбы народов, 1997. – 318 с.
48. Вопросы географии: Сб. 20. Историческая география СССР: *Сб. посвящается памяти С.В. Бахрушина* / Отв. ред. Яцунский В.К. – М.: Изд-во геогр. лит., 1950. – 356 с.
49. Проблемы социально-экономической истории феодальной России: *К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР С.В. Бахрушина* / Ред. кол.: Данилова Л.В., Индова Е.И., Курмачева М.Д. и др. – М.: Наука, 1984. – 284 с.
50. Проблемы экономической и социальной истории: общероссийский и региональный аспекты (XIX–XX вв.): *Сб. науч. работ к 50-летию М.А. Безнина* / Волог. гос. пед. ун-т; Редкол.: Димони Т.М. (гл. ред.) и др. – Вологда: Русь. 2004. – 199 с. – Список науч. тр. М.А. Безнина: С. 188–197.
51. Историки размышляют: Сб. ст. / МГУ им. М.В. Ломоносова; Ред. кол.: Сурин А.В. (пред.) и др. – М.: Унив. гуманит. лицей, 1999. – 287 с. *Памяти Е.Э. Бейлиной*.
52. Историческая география России. XII – начало XX в. *Сб. ст. к 70-летию проф. Л.Г. Бескровного* / Ред. кол.: А.Л. Нарочницкий (отв. ред.) и др. / М.: Наука, 1975. – 347 с. – Библиогр. тр. Л.Г. Бескровного: С. 15–20.
53. Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков / Ред. кол. В.И. Шунков (отв. ред.) и др.). – М.: Наука, 1969. – 445 с. с табл. – Библиогр. трудов Л.Г. Бескровного: С. 433–442. *В честь Л.Г. Бескровного*.

54. Россия на рубеже XIX–XX веков: *Материалы науч. чтений памяти проф. В.И. Бовыкина*, Москва, 20 янв. 1999 г. / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. фак., РАН. Ин-т рос. истории; Под ред. Голикова А.Г., Корелина А.П. – М.: РОССПЭН, 1999. – 351 с.
55. Россия и мир: *Сб. ст.: Памяти проф. Валерия Ивановича Бовыкина* / Ред. кол. ... Сорокин А.К. (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 2001. – 424 с.:
56. Россия в XIX–XX веках: *Материалы II науч. чтений памяти проф. В.И. Бовыкина*, Москва / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. фак., РАН. Ин-т рос. истории; Отв. ред.: Голиков А.Г., Корелин А.П. – М.: РОССПЭН, 2002. – 383 с.
57. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / РАН. Ин-т рос. истории. – М., 2000.
Вып. 1: *Памяти Ю.С. Борисова* / Ред. кол.: Голубев А.В. (отв. ред.) и др. – 365 с.
58. Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): *Сб. ст. памяти В.И. Буганова* / РАН. Ин-т рос. истории; Ред. кол.: Рогожин Н.М. (отв. ред.) и др. – М., 2001. – 299 с.
59. Историографический сборник. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.
Вып. 18: *К 80-летию профессора Григория Давидовича Бурдея* / Отв. ред. Порох И.В. – 249 с.
60. Исследования по отечественному источниковедению: *Сб. ст., посвящ. 75-летию проф. С.Н. Валка* / Ред. кол.: Носов Н.И. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1964. – 519 с.
61. Освободительное движение в России. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.
Вып. 3: *Посвящается профессору Сигизмунду Натановичу Валку к восьмидесятилетию* – 114 с.
62. Освободительное движение в России. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975.
Вып. 5: *Памяти профессора Сигизмунда Натановича Валка* / Отв. ред. Пугачев В.В. – 148 с.
63. История и генеалогия *С.Б. Веселовский* и проблемы ист.-генеал. исследований: Сб. Ред. кол.: Н.И. Павленко (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1977. – 288 с.
64. Интеллигенция, провинция, Отечество: Проблемы истории, культуры, политики / Ред. кол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. – 521 с. *Посвящается В.С. Волкову и Ю.С. Борисову.*
65. Задавая вопросы прошлому...: *К 75-летию проф. О.В. Волобуева* / Ред. кол.: Захаров В.Н. и др. – М.: Гуманитарий, 2006. – 467 с.
66. 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: От новых источников к новому осмыслению: *Памяти П.В. Волобуева посвящается* / ... РАН. Ин-т рос. истории и др.; Ред. кол.: Тютюкин С.В. (отв. ред.) и др. – М., 1998. – 510 с. – Список науч. трудов П.В. Волобуева: С. 483–508.
67. Ученый. Педагог. Человек: *Кн. памяти А.И. Володина* / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации; Редкол.: Володина Е.В. и др.; Отв. ред.: Москвичев Л.Н. – М., 2006. – 362 с. – Список печат. работ А.И. Володина: С. 335–357.
68. Россия в XIX–XX вв.: *Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина* / Под ред. Фурсенко А.А. – СПб: Дмитрий Буланин, 1998. – 389 с.
69. Вместо мемуаров: *Памяти М.Я. Геллера: воспоминания. Интервью. Несобранные статьи* / Сост.: Геллер Л., Зеленко Н. – М.: МИК, 2000. – 351 с.: ил. – Библиогр.: С. 330–332.
70. Строительство Советского государства: *К 70-летию Э.Б. Генкиной* / Ред. кол.: Поляков Ю.А. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1977. – 306 с.
71. Аутсайдер – человек вопроса: [*Памяти М.Я. Гефтера*] – М., 1996. – [т.] 1–2. (Век XX и мир. – М., 1996. – № 1–2).

72. Проблем истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв.: *Материалы конф., посвящ. памяти А.А. Говоркова* / Том. гос. ун-т; Ред. кол.: Жеравина А.Н. и др. – Томск, 2003. – 301 с.
73. Торговля и предпринимательство в феодальной России: *К юбилею проф. рус. истории Нины Борисовны Голиковой* / Ред. кол.: Тимошина Л.А. (отв. ред.), Тихонюк И.А. – М.: Археогр. центр, 1994. – 305 с.
74. Великий Октябрь: История, историография, источниковедение / Ред. кол.: Поляков Ю.А. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1988. – 311 с. *В честь 70-летия Е.Н. Горюцкого.*
75. Государственные учреждения России. XVI–XVIII вв.: [Памяти А.Д. Горского] / Под ред. Голиковой Н.Б. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 192 с.
76. Академику *Борису Дмитриевичу Грекову ко дню его семидесятилетия* / Ред. кол.: Волгин В.П. и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 375 с.
77. Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика *Б.Д. Грекова* / Ред. кол.: Пашуто В.Т. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1982. – 264 с.
78. Крестьяноведение: Теория. История. Современность. – М.: Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2006. – 429 с. *Памяти В.П. Данилова.*
79. От Древней Руси до современной России: *Сб. науч. ст. в честь 60-летия А.Я. Дегтярева* / С.-Петерб. гос. ун-т; Отв. ред.: Бороноев А.О. и др. – СПб.: Рус. коллекции, 2006. – 589 с., Библиогр. указ. тр. А.Я. Дегтярева: С. 547–585.
80. Историк и историография: *Материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова*, 5–6 окт. 1999 г., Саратов / Ред. кол.: Мезин С.А. / Отв. ред.) и др. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-т, 1999. – 247 с. – [Библиография]. – С. 17–20.
81. Книга и литература: Сб. науч. ст. / Отв. ред.: Алексеев В.Н., Одинаков В.Т., Панин А.Т. – Новосибирск: Новосиб. ун-т; Отд. ред. кн. и рукописей ГПИТБ СО РАН. – 276 с. *Посвящается Е.И. Дергачевой-Скоп.*
82. *Лев Александрович Дмитриев*: Библиогр., творч. путь, воспоминания, дневники, письма. – СПб.: Буланин, 1995. – 139 с.
83. In memoriam: Ист. сб. *памяти А.И. Добкина* / Сост.: Аллой В.Е., Притыкина Т.Б. – СПб.: Феникс; Париж: Atheneum, 2000. – 692 с.
84. Политические процессы, институты и идеология в России: Сб. ст. к юбилею *проф. В.А. Должикова* / Алт. гос. ун-т; Отв. ред.: Дашковский П.К., Щеглов С.Г. – Барнаул, 2008. – 311 с.: портр. – Список основных науч. и учеб.-метод. работ проф. В.А. Должикова: С. 300–303.
85. Отечественная история XX века: Экон., полит. и социал. жизнь, преподавание в вузе: *Материалы Междунар. конф., посвящ. 70-летию В.З. Дробижеева* / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. фак. Центр теорет. пробл. ист. науки; Ред. кол.: Пивовар Е.И. (отв. ред.) и др. – М., 2004. – 472 с.
86. Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: *Сборник статей к 75-летию академика Н.М. Дружинина* / Ред. кол.: Яцунский В.К. (Отв. ред.) и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 434 с.
87. Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве: *К 80-летию академика Н.М. Дружинина* / Ред. кол.: Сказкин С.Д. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1965. – 457 с.
88. Освободительное движение в России. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1971. Вып. 1: *Посвящается академику Николаю Михайловичу Дружинину к восьмидесятилетиямию.* – 136 с.

89. Проблемы социально-экономической истории России: *К 85-летию со дня рождения академика Н.М. Дружинина* / Ред. кол.: Иванов Л.М. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1971. – 372 с.
90. Из истории экономической и общественной жизни России: *Сб. ст. К 90-летию академика Н.М. Дружинина* / Ред. кол.: Черепнин Л.В. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1976. – 288 с.
91. Освободительное движение в России. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1971. Вып. 6: *Посвящается академику Николаю Михайловичу Дружинину к девяностолетию* / Отв. ред. Пугачев В.В. – 132 с.
92. Социально-экономическое развитие России: *Сб. ст. К 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина* / Отв. ред. Тихвинский С.Л. – М.: Наука, 1986. – 268 с.
93. Возвышенный корабль: *Виктор Дмитриевич Дувакин в воспоминаниях*. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. – 319 с.
94. *Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995)* / Ин-т славяноведения и балканистики РАН; Отв. ред. Робинсон М.А. – М., 1996. – 94 с.
95. Славянский вопрос: веки истории: *Светлой памяти В.А. Дьякова посвящается* / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики; Ред. кол.: ... Досталь М.Ю. (отв. ред.) – М., 1997. – 211 с.
96. Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: *Сб. ст. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева* / Ред. кол. Цамутали А.Н. (отв. ред.) и др. – СПб.: Алетейя, 1999. – 574 с.
97. На пути к революционным потрясениям: Из истории России второй половины XIX – XX века: *Материалы конф. памяти В.С. Дякина*. – СПб.; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. – 496 с.
98. В кругу учеников, коллег, друзей: *К 70-летию И.П. Ермолаева* / Отв. ред. Усманов М.А.; Сост.: Шишкин В.И., Амерханова Э.И. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 186 с.
99. Государственные учреждения и общественные организации СССР: Пробл., факты, исслед. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Коржихиной Т.П.; Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – М., 1991. – 120 с. *Памяти Н.П. Ерошкина*.
100. Государственные институты России: прошлое и настоящее: *Материалы межвуз. науч. конф. памяти Ерошкина Н.П., 19–20 дек. 1995 г.* / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Сост. Архипова Т.Г., Бахтурина А.Ю. – М., 1996. – 81 с.
101. Российская государственность XX века: *Материалы межвуз. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Н.П. Ерошкина*. 16 дек. 2001 г. – М.: РГГУ, 2001. – 222 с.
102. Государственные учреждения России XX–XXI вв. Традиции и новации: *Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти Н.П. Ерошкина*. Москва, 30 янв. 2008 г. / РГГУ. ИАИ. – М., 2008. – 296 с.
103. Биография как вид исторического исследования: *Сб. науч. тр.: Посвящается памяти Н.В. Ефременкова* / Ред. кол.: Серегина И.С. (отв. ред.) и др. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. – 180 с.
104. Вереница литер / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Ред. кол.: ... Молдован А.М. (отв. ред.) и др. – М.: Яз. слав. культуры, 2006. – 623 с. – (Studia philologica). *К 60-летию В.М. Живова*.
105. *Памяти Геннадии Григорьевича Загвоздкина* – ученого, историка человека / Сост. Загвоздкина Д.Г., Загвоздкина Т.Б. – СПб.: Нестор, 2008. – 193 с.
106. Проблемы политической и экономической истории России: *Сб. ст.: К 60-летию проф. В.В. Журавлева*; Ред. кол.: ... Шелохаев В.В. (отв. ред.). – М.: РОССПЭН, 1998. – 351 с. – Избр. труды В.В. Журавлева: С. 338–349.

107. П.А. Зайончковский, 1904–1983 гг.: Ст., публикации и воспоминания о нём / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. факт.; Редкол.: ... Кукушкин Ю.С. (пред.). – М.: РОССПЭН, 1988. – 463 с.: [9] л. ил. – Библиогр.: С. 453–454. Алф. указ. тр. П.А. Зайончковского: С. 455–561.
108. *Петр Андреевич Зайончковский*: Сб. ст. и воспоминаний к столетию историка / Сост.: Захарова И.Г., Мироненко С.В., Эммонс Г. – М.: РОССПЭН, 2008. – 879 с.
109. Гражданин, солдат, ученый: Воспоминания и исслед. / РАН. Отд-ние ист.-филол. наук и др.; Сост.: Троиц И.Г. и др. – М.: Собрание, 2007. – 447 с. – *Памяти А.И. Зевелева*.
110. Историография сталинизма / Под ред. Симония Н.А. – М.: РОССПЭН. – 480 с. *Александрю Израилевича Зевелеву посвящается*.
111. Опыты по источниковедению Древнерусская книжность: Сб. в честь Зиборова В.К. / С.-Петербург. гос. ун-т. Ист. фак. – СПб.: Наука, 1997. – 146 с.
112. Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. *Перв. чтения, посвящ. памяти А.А. Зимина* / РАН. Ин-т истории СССР, моск. гос. ист.-арх. ин-т; Отв. ред.: Афанасьев Ю.Н., Новосельцев А.П. – М., 1990. – I–II. – 324 с.
113. Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. *вторых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина* / РАН. Ин-т рос. истории. РГГУ; Ред. кол.: Афанасьев Ю.Н. (отв. ред.), Каштанов С.М., Сахаров А.Н. и др. – М.: РГГУ, 1995. – Ч. 1–2.
114. Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения: Сб. ст. и докл. *Вторых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина* / Редкол.: Афанасьев Ю.Н., Казаков Р.Б. Манатова Е.П. – М.: Информац.-изд. агентство «Рус. мир», 1999. – 560 с.
115. Историк во времени: *Третьи Зиминские чтения*. Докл. и сообщ. науч. конф. / РГГУ РАН. Ин-т истории и др.; Сост.: Антонова Е.А., Данилевский И.Н. Казаков Р.Б. и др. Вступ. ст. Афанасьева Ю.Н. – М., 2000. – 208 с.
116. Россия на путях централизации: Сб. ст. / Ред. кол.: Пашуто В.Т. (отв. ред.), Лихачев В.С., Янин В.Л. и др. – М.: Наука, 1982. – 296 с. *Памяти А.А. Зимина*.
117. Традиции исторической мысли: Материалы науч. семинара памяти проф. В.И. Злобина / Ист. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. Науч. семинар; Редкол.: Наумова Г.Р. (отв. ред.) и др. – М., 2009–2010. – Вып. 1–2.
118. Рабочие и российское общество: Вторая половина XIX – нач. XX в. Сб.ст. и материалы, посвященный памяти О.Н. Знаменского / Ред. кол.: Потолов С.И. (отв. ред.) и др. – СПб.: Глаголь, 1994. – 275 с.
119. Историк и революция: Сб. ст.: *К 70-летию со дня рождения О.Н. Знаменского* / Ред. кол.: Смирнов Н.Н. (отв. ред.) и др. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 241 с.
120. Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности: *Памяти проф. Леонида Михайловича Иванова посвящается* / Урал. гос.ун-т. ин-т истории СССР АН СССР; Отв. ред. Адамов В.В. – Свердловск, 1972. – 376 с.
121. Интеллектуальная культура современной историографии: *Памяти Владимира Евгеньевича Иллерицкого* / РГГУ; Отв. ред. Логунов А.А. – М., 2006. – 246 с.
122. *Борис Самуилович Итенберг*: Науч. деятельность / РАН. Ин-т рос. истории. – М., 2002. – 58 с.
123. Народ и власть: Ист. источники и методы исследования / Ред. кол.: Муравьев В.А. (отв. ред.) и др.; РГГУ. ИАИ. – М., 2004. – 402 с. – *Памяти Владимира Васильевича Кабанова*.
124. Культура в истории России: прошлое и современность: Материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию П.И. Кабанова (1920–1991), г. Курск, 19–21 апр.

- 2000 г. / Курс. гос. пед. ун-т; Отв. ред.: Постников Н.А., Селифонова Т.Н. – Курск, 2001. – 319 с.
125. Историческая география России: Новые подходы / РАН. Ин-т рос. истории; Ред. кол.: Водарский Я.Е. и др. – М., 2004. – 210 с. *Сб. ст., посвящ. 70-летию В.М. Кабузана.*
126. Абсолютизм в России: (XVII–XVIII вв.): Сб. ст. к семидесятилетию со дня рождения и сорокопятилетию науч. деятельности *Б.Б. Кафенгауза.* – М.: Наука, 1964. – 519 с.
127. Россия и проблемы европейской истории: средневековье, новое и новейшее время: *Сб. ст. в честь чл.-кор. РАН Сергея Михайловича Каушанова* / Гос. музей-заповедник «Рост. кремль»; Ред. кол.: ... Шмидт С.О. (пред.). – М., 2003. – 363 с. (Сообщ. Рост. музея; Вып. 13).
128. У источника. Вып. 1.: *Сборник статей в честь члена-корреспондента Российской Академии наук Сергея Михайловича Каушанова* / Отв. ред. Шмидт С.О. – М.: Изд-во МПУ «Сигнал», 1997. – Ч. 1–2.
129. Ad fontem = У источника: Сб. ст. в честь С.М. Каштанова / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Ред. кол.: Шмидт С.О. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 2005. – 495 с.
130. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: *Сб. науч. ст. к 30-летию начала науч.-пед. деятельности... А.В. Квакина* / Ред. кол.: Емельянов Ю.Н. и др.; – М.: Изд. дом «Ветераны спецслужб»; Науч. журн. «Экономика Право Политика Безопасность», 2005. – 304 с. – Спис. науч. и науч.-метод. тр. д-ра ист. наук, проф. А.В. Квакина: С. 293–304.
131. Советская культура: История и современность. сб.ст. / Редкол.: Пиотровский Г.Б. (отв. ред.) и др.; АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т истории СССР, Науч. совет «История соц. и ком. стр-ва в СССР». – М.: Наука, 1983. – 431 с. *В честь М.П. Кима.*
132. Советская культура: 70 лет развития: *К 80-летию акад. М.П. Кима* / Отв. ред. Пиотровский Б.Б.; АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1987. – 399 с.
133. Россия в XVIII–XX веках: страницы истории. – М.: Кн. дом ун-та, 2000. – 256 с. *К пятидесятилетию науч. и педагог. деятельности Н.С. Киняпиной.*
134. Русско-японская война 1904–1905: Взгляд через столетие: Междунар. ист. сб. / Под ред. Айрапетяна О.Р. – М.: Три квадрата, 2004. – Памяти профессора *Нины Степановны Киняпиной (1920–2003).*
135. Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии: *Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. Ю.И. Кирьянова* / Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова; Ред. кол.: Белов А.М. (отв. ред.) и др. – Кострома, 2003. – Ч. 1–2.
136. Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI–XVIII веков: *Памяти профессора В.Б. Кобринна*: Сб. науч. тр. / Под ред. Севастьяновой А.Л. – Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1992. – 192 с.
137. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти *В.Б. Кобринна* / РГГУ; Ред. кол.: Муравьев В.А. (отв. ред.) и др. – М., 1992. – 220 с.
138. Исторические записки / РАН. Отд-ние истории. – М.: Наука, 1999. 2(120): *Памяти академика И.Д. Ковальченко* / Отв. ред. Севастьянов Г.Н. – 352 с.
139. *Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко*, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2–3 дек. 1996 г./ МГУ им. Ломоносова. Ист. фак., РАН. Отд-ние истории; Отв. ред.: Карпов С.П. и др. – М., 1997. – 320 с. – Список опубл. работ И.Д. Ковальченко, список докл. и выступлений И.Д. Ковальченко на конф., симпоз., «круглых столах»: С. 255–317.
140. Проблемы источниковедения и историографии: *Материалы II науч. чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко*, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 30 нояб. – 1 дек. 1998 г. /

- МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. фак., РАН. Отд-ние истории; Отв. ред. Карпов С.П. – М.: РОССПЭН, 2000. – 431 с.
141. Общественное движение в пореформенной России: Сб ст.: К 80-летию со дня рождения *Б.П. Козьмина* / Ред. кол.: Иванов Л.М. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1965. – 382 с.
 142. Освободительное движение в России. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. Вып. 13: Царизм, освободительное движение и культура России: *Посвящается Борису Павловичу Козьмину. К 100-летию со дня рождения* / Отв. ред. Троицкий Н.А. – 169 с.
 143. Революционеры и либералы России: *Сборник статей, посвященных 100-летию со дня рождения Б.П. Козьмина* / РАН. Ин-т рос. истории; Отв. ред. Итенберг Б.С. – М., 1990. – 334 с.
 144. *Сборник статей в честь 60-летия И.В. Кондакова*. Об истории русской культуры / Сост. и ред.: Баранов А.С., Болотина Д.И., Мартынов А.В. – М. [РГГУ], 2007. – 292 с.
 145. Мир историка: идеалы, традиции, творчество: *К 50-летию канд. ист. наук, доц. В.П. Корзун*: Межвуз. сб. науч. тр. / Ом. гос. ун-т; Редкол.: ... Рыженко В.Г. (отв. ред.) и др. – Омск: Курьер, 1999. – 319 с. Список науч. и учеб.-метод. тр. канд. ист. наук В.П. Корзун: С. 12–20.
 146. Мир историка: историографический сборник / Под ред. Бычкова С.П., Свешникова А.В., Якуба А.В. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2008. – Вып. 4. – 560 с. *К юбилеям В.П. Корзун и В.Г. Рыженко*.
 147. *Александр Ильич Копанев*: Сб. ст. и воспоминаний / Ред. кол.: ... Ирошников М.П., Шмидт С.О. (отв. ред.) и др.; Б-ка РАН и др. – СПб., 1992. – 215 с.
 148. Гражданская война в России: События, мнения, оценки: *Памяти Ю.И. Кораблева* / Науч. ред. Ивницкий Н.А.; Предисл. Урилова И.Х.; – М.: Раритет, 2002. – 695 с.
 149. *Чтения памяти профессора Т.П. Коржихиной*. Российская государственность: опыт и перспективы изучения. – М.: РГГУ, 1993. – 131 с.
 150. Рыцарь русской истории культуры: *Воспоминания об А.З. Крейне (1920–2000)*: К 85-летию со дня рождения / Сост.: Парнес-Крейн З.Н. – М., 2005. – 203 с.: ил.
 151. Проблемы политической истории России: *Сб. ст. к 70-летию заслуж. проф. МГУ Кувшинова В.А.* / МГУ им. М.В. Ломоносова. ин-т гос. упр. и социал. исслед. – М.: Университетский гуманитар. лицей, 2000. – 260 с. – Сп. науч. тр. ... Кувшинова В.А.: С. 234–258.
 152. Записки Отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина; Отв. ред. Соловьева Н.Н. – М.: Книга, 1977. – Вып. 38. – 264 с. *К 70-летию И.М. Кудрявцева*.
 153. Судьбы России в современной историографии: Сб. памяти *А.Г. Кузьмина*. – М., 2006.
 154. Научное наследие А.Г. Кузьмина и отечественная история / Отв. ред. Акульшин П.В., Севастьянова А.А.; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2009. – 303 с.
 155. *Николай Красавченко и его университеты* / Отв. ред. Борликов Г.М. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2006. – 272 с.
 156. Российское государство и общество, XX век: *К 70-летию Юрия Степановича Кучушкина* / Ред. кол.: Байбаков С.А. и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 559 с.
 157. Неисчерпаемость источника: *К 70-летию В.А. Кучкина* / Ред. кол.: Флоря Б.Н. (отв. ред.) и др. – М.: Памятники ист. мысли, 2005. – 352 с.
 158. «Честному и грозному Ивану Васильевичу»: *К 70-летию И.В. Левочкина*: Сб. ст. / Ред. кол.: Добродомов И.Г. и др. – М.: РФК-имидж лаб., 2004. – 67 с.
 159. Из истории русской интеллигенции: *Сб. материалов и ст. к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской* / С.-Петербург. ин-т истории РАН, С.-Петербург. науч. о-во

- историков и архивистов; Отв. ред. Ганелин Р.Ш. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 551 с. – Список опубл. науч. тр. В.Р. Лейкиной-Свирской: С. 520–530.
160. Сталин. Сталинизм. Советское общество: Сб. статей. / РАН. Ин-т рос. истории. – М., 2000. – 369 с. *К 70-летию В.С. Лельчука.*
161. Политические партии России: Страницы истории: *К 70-летию Лиры Степановны Леоновой* – д-ра ист. наук, заслуж. проф. МГУ / Ред. кол.: Ерофеев Н.Д. и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 349 с.
162. Историк среди историков: Сб. воспоминаний и ст.: [Об А.Л. Литвине] / Ред. кол.: Каштанов С. и др. – Казань, 2001. – 346 с. – Часть текста на англ. – из библиогр. науч. тр. А.Л. Литвина: С. 342–346.
163. Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Междунар. *Лихачевские науч. чтения*, 14–15 мая 2009 г. / РАН, Рос. акад. образования и др.; Науч. ред.: Запесоцкий А.С. – СПб., 2009. – 549 с.
164. Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. Ред. кол.: ... Базанов В.Г. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1976. – 460 с. – Спис. печ. тр. акад. Д.С. Лихачева за 1966–1975 гг.. С. 432–453. *К 70-летию Д.С. Лихачева.*
165. Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник / Ред. кол.: Лихачев Д.С. (пред.) и др.; АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. – Л.: Наука, 1983. – 1981. – 511 с. *К 75-летию Д.С. Лихачева.*
166. Проблемы изучения культурного наследия / Отв. ред. Степанов Г.В. – М.: Наука, 1985. – 398 с. *К 80-летию Д.С. Лихачева.*
167. Исследования по древней и новой литературе / Отв. ред. Дмитриев Л.А. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 466 с. *К 80-летию Д.С. Лихачева.*
168. Труды Отдела древнерусской литературы / РАН. ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Ред. кол.: Алексеев А.А., Белоброва О.А., Буланин Д.М. и др. – Л.: Дмитрий Буланин, 1996. – 863 с. *К 90-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.*
169. Ученые зап. Тарт. гос. ун-та. – Вып. 411: Тр.по знаковым системам VIII: *К 70-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева* / Отв. ред. Минц З.Г. – Тарту, 1997. – 168 с.
170. Русское подвижничество / Сост. Князевская Т.Б. – М.: Наука. – 572 с. *Посвящается 90-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева.*
171. *Дмитрий Лихачев и его эпоха*: воспоминания, эссе, док., фотографии / Сост. Водолазкин Е.Г. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Logos, 2006. – 401 с.
172. Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: *К 100-летию академика Д.С. Лихачева*: Материалы науч. сессии. Москва. 20 дек. 2006 г. / Отв. ред. Деревянко А.П. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2006. – 118 с.
173. Труды Отдела древнерусской литературы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Отв. ред. Творогов О.В. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – LIV: *Памяти Д.С. Лихачева.* – 755 с.
174. Экология культуры и языка: проблемы и перспективы: *Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Д.С. Лихачева*: Сб. науч. докл. и ст. / Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; Ред. кол.: Булатов В.Н. (отв. ред.) и др. – Архангельск, 2006. – 430 с.
175. *Quinquagenario. Сборник статей молодых филологов к 50-летию профессора Ю.М. Лотмана* / Отв. ред. Мальц А. – Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1972. – 252 с.
176. Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли / Ред. колл.: Пугачев В.В. (отв. ред.) и др. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. Вып. 6: *К 65-летию Юрия Михайловича Лотмана.* – 203 с.
177. *Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана* / Тартуский ун-т. Каф. русс. лит.; Отв. ред. Мальц А. – Тарту: Тартуский ун-т., 1992. – 567 с. – Спис. трудов Ю.М. Лотмана: С. 515–565.

178. *В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана* / Отв. ред. Пермяков Е. – Тарту: Эйдос, 1992. – 230 с.
179. *Finitis duodecim listris. Сборник статей к 60-летию профессора Ю.М. Лотмана* / Отв. ред. Исаков С.Г. – Таллин: Эасти раамат, 1982. – 176 с.
180. *Ю.Н. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа.* – М.: Гнозис, 1994. – 547 с.
181. *Лотмановский сборник* / Тартус. ун-т. каф. рус. лит., Каф. семиотики и др.; Ред.-сост. Пермяков Е.В. – М.: ИЦ-Гарант, 1995. – 734 с.
182. *Лотмановские чтения. К 75-летию Юрия Михайловича Лотмана.* – Саратов: Изд. центр Саратов. гос. экон. акад., 1998. – 75 с.
183. *Лотмановский сборник* / Тарт. гос. ун. каф. рус. лит. и др. – М.: ОГИ; Изд-во РГГУ, 1997. 2/ Сост. Пермяков Е.В. – 862 с.
184. *Лотмановский сборник* / Тартус. ун-т. Каф. рус. лит. Каф. семиотики и др. – М.: ОГИ, 2004. 3/ Редкол.: Киселева Л.Н. и др. – 1006 с.
185. *Юрий Михайлович Лотман: Сб. ст.* / Под ред. Кантора В.К. – М.: РОССПЭН, 2009.
186. *Архив русской истории: Сб. Рос. Гос. Архива древ. актов.* – М.: Древлехранилище, 2002.
Вып. 7: *Светлой памяти Михаила Петровича Лукичева* посвящается. – 376 с.
187. *Памяти Лукичева: Сб. ст. по истории и источниковедению* / Ред.-сост. Эскин Ю.М. – М.: Древлехранилище, 2006. – 816 с.
188. *In memoriam: Сборник памяти Я.С. Лурье* / Ботвинник Н.М., Ванеева Е.И. – СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. – 429 с.
189. *Проблемы истории феодальной России: Сб. ст. к 60-летию проф. В.В. Мавродина* / Отв. ред. Шапиро А.Л. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 271 с. – Спис. науч. тр. Мавродина: С. 257–267.
190. *Из истории феодальной России: Ст. и очерки: К 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина* / Ред. кол.: Дегтярев А.Я., Ежов В.А., Петрова В.А. и др. – М.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 198 с. – Спис. науч. тр. Мавродина В.В. (1971–1976): С. 190–194.
191. *Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии: К 75-летию со дня рождения проф. В.А. Мавродина* / Ред. кол.: Дегтярев А.Я., Дубов И.В., Ежов В.А. и др. – Л.: Ленингр. ун-т, 1983. – 212 с. – Спис. науч. тр. Мавродина В.В. (1977–1980): С. 210–211.
192. *Проблемы экономической истории и теории: Межвуз. науч. сб.* / Ред. кол.: ... Динес В.А. (отв. ред.) и др. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987.
Вып. 2. Ч. 3. – 207 с. – *Посвящается памяти Владимира Васильевича Мавродина.*
193. *Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома: Основателю древлехранилища Пушкинского дома Владимиру Ивановичу Малышеву в честь шестидесятилетия* / Отв. ред. Панченко А.М. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – 423 с.
194. *Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского дома: Сб. науч. тр.* / Отв. ред. Панченко А.М. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. – 348 с. *Памяти В.И. Малышева.*
195. *Памяти Ю.Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания* / Сост: Серебрякова Н.О., Жуковская Т.Н. – СПб.: Серебряный век: Контрфорс, 2000. – 797 с.
196. *Единство гуманитарного знания: новый синтез: Материалы XIX междунар. науч. конф. Москва, 25–27 янв. 2007 г.* / Рос. гос. гуманит. ун-т. Ист.-арх. ин-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин; Ред. кол.: ... Румянцева М.Ф. (отв. ред.) и др. – М., 2007. – 398 с. *К юбилею О.М. Медушевской.*

197. Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тез докл. и сообщ. XI Междунар. науч. конф. Москва. 30 марта – 1 февр. 2003 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ист.-арх. ин-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин; Ред.кол. Румянцева М.Ф – М., 2003. – 373 с. *В честь Ольги Михайловны Медушевской.*
198. Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX Междунар. науч. конф. Москва. 31 янв. – 2 февр. 2008 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ист.-арх. ин-т. Каф. источниковедения и вспом. ист. дисциплин. – М., 2008. – Ч. 1–2. *Памяти О.М. Медушевской.*
199. Русская историческая филология: Пробл. и перспективы: Докл. Всерос. науч. конф. памяти Н.А. Мещерского, Петрозаводск, 18–20 окт. 2000 г. / Карел. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Савельева Л.В. – Петрозаводск: Периодика, 2001. – 430 с.
200. Россия в средние века и новое время: Сб. ст. к 70-летию чл.-кор. РАН Л.В. Милова / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. фак., Ин-т рос. истории РАН; Ред. кол.: ... Кучкин В.А. (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 1999. – 350 с. – Сп. печ. тр. Милова Л.В.: С. 29–44.
201. Особенности российского исторического процесса: Сб. ст. памяти акад. Л.В. Милова (к 80-летию со дня рождения) / Редкол.: Горский А.А. (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 2009. – 382 с.
202. Октябрь и гражданская война в СССР: Сб. ст. к 70-летию академика И.И. Минца. – М.: Наука, 1966. – 526 с.
203. Исторический опыт Великого Октября: К 80-летию акад. И.И. Минца / Редкол.: Поспелов П.Н. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1975. – 423 с.
204. Исторический опыт Великого Октября: К 90-летию академика И.И. Минца / Отв. ред. Тихвинский С.Л. – М.: Наука, 1986. – 400 с.
205. К истории русских революций: События, мнения, оценки: Памяти И.И. Минца / РАН. Отд-ние ист.-филол. наук и др.: Ред. совет.: ... Урилов И.Х. (отв. ред.) и др.; Предисл. Полякова Ю.А. – М.: Собрание, 2007. – 742 с.
206. Книга в России: Из истории духов. просвещения: Сб. науч. тр.: Светлой памяти д-ра филол. наук Г.Н. Моисеевой посвящается этот сб. / Б-ка РАН; Редкол.: ... Савельева Е.А. (отв. ред.). – СПб., 1993. – 188 с. – Хронол. спис. тр. Г.Н. Моисеевой: С. 175–187.
207. Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход: Тез. докл. междунар. науч.-теорет. конф., 20–22 сент. 2000 г. / Редкол.: Меметов В.С. (отв. ред.) и др. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. – 384 с. – Посвящается 60-летнему юбилею проф., д-ра ист. наук В.В. Москвина.
208. Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность / Сборник. Ред. кол.: Гафуров Б.Г. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1977. – 326 с. *В честь А.А. Нарочницкого.*
209. Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX век: К столетию акад. Нарочницкого А.Л. – М.: Наука, 2007. – 359 с.
210. Летописи и хроники: Сб. ст.: 1973 г.: *Посвящен памяти Арсения Николаевича Насонова* / Ред. кол.: Рыбаков Б.А. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1974. – 375 с.
211. Крайности истории и крайности историков: Сб. ст.: *К 60-летию проф. А.П. Ненарокова* / Рос. независимый ин-т социал. и нац. пробл.; Редкол.: ... Ушаков А.И. (отв. сост.) и др. – М., 1997. – 279 с. – Из библиогр. науч. тр. А.И. Ненарокова.
212. Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки: АН СССР. Отд-ние истории, Ин-т истории СССР; [Ред. кол.: Е.М. Жуков (отв. ред.) и др.]. –

- М.: Наука, 1981. – 344 с. – Печ. тр. акад. М.В. Нечкиной (1976–1980 гг.) и лит. о ней. – С. 291–294. *В честь М.В. Нечкиной.*
213. Проблемы истории общественного движения и историография. *К 70-летию акад. М.В. Нечкиной* / Ред. кол.: Алпатов М.А. и др. – М.: Наука, 1971. – 472 с. – Печ. тр. М.В. Нечкиной: С. 26–46.
214. Проблемы истории общественной мысли и историографии: *К 75-летию акад. М.В. Нечкиной* / Ред. кол.: Л.В. Черепнин (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1976. – 387 с. – Печ. труды акад. М.В. Нечкиной за 1970–1975 гг. и лит. об. акад. М.В. Нечкиной за 1961–1974 гг.
215. История и историки 2001. Историографический вестник: *К 100-летию академика М.В. Нечкиной* / Отв. ред. Сахаров А.Н. – М.: Наука, 2001. – 338 с.
216. Славяне и Россия. *К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина* / Ред. кол.: Ю.В. Бромлей (отв. ред.) и др. – М., Наука, 1972. – 308 с. – Спис. тр. С.А. Никитина / Сост. В.И. Коротковой: С. 297–305.
217. Из истории университетского славяноведения в СССР: *Сб. ст. и материалов к 80-летию С.А. Никитина* / Ред. кол.: Москаленко А.Е. (отв. ред.) и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 222 с.
218. Балканские исследования / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики. – М., 1992. Вып. 14. *Путь ученого: К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина.* (Материалы междунар. науч. конф. «Россия и славяне. XVIII в. – 1918 г.» Москва, 25–27 июня 1991 г.) / Отв. ред. Чуркина И.В. – Спис. тр. проф. С.А. Никитина: С. 96–110. Тр. о С.А. Никитине: С. 111–112.
219. Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: *Сб. ст. к 70-летию А.А. Новосельского* / Вступ. ст. и отв. ред. Устюгова Н.В. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 366 с.
220. Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: Сб. ст., посвящ. памяти А.А. Новосельского / Ред. кол.: Павленко Н.И. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1975. – 345 с.
221. Древнейшие государства Восточной Европы / РАН. Ин-т всеобщ. истории, Ин-т рос. истории. – М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. 1998 г.: *Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева* / Отв. ред. Калинина Т.М. – 494 с.: ил. – Спис. тр. чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева: С. 478–488.
222. Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли: Межвуз. науч. сб. / Ред. кол.: Пугачев В.В. (отв. ред.) и др. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. Вып. 5. Ч. 2.: *Посвящается памяти Юлиана Григорьевича Оксмана* – 1989. – 215 с.
223. Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX–XX веков / Отв. ред. Сладкевич Н.Г. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. – 198 с. Памяти проф. С.Б. Окуня.
224. *Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня* в Михайловском замке / Под ред. Жуковской Т.Н. и Марголиса А.Д. – СПб., 1997. – 130 с.
225. История глазами историков: *Межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 70-летию ... проф. Е.Р. Ольховского* / С.-Петерб. гос. аграр. ун-т; Науч. ред. и сост.: Тишкин Г.А. – СПб.; Пушкин, 2002. – 388 с.
226. И время и место: Ист.-филол. сб. к шестидесятилетию А.Л. Осповата / Сост.: Врон Р. и др.; Ред.: Лейбов Р., Немзер А. – М.: Новое изд-во, 2008. – 639 с. – (Новые материалы и исслед. по истории рус. культуры. – Вып. 5). – Материалы к библиогр. А.Л. Осповата: С. 625–639.

227. Политическая история России: *Памяти В.Д. Павлова* / МГУ им. М.В. Ломоносова. Фак. гос. упр. Каф. полит. истории. – М.: Спутник+, 2007. – 274 с.
228. Из истории рабочего класса и революционного движения: *Памяти академика Анны Михайловны Панкратовой* / Ред. кол.: Нечкина М.В. (отв. ред.) и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 795 с.
229. *Историк и время, 20–50-е годы XX века: А.М. Панкратова* / РАН. Ин-т рос. истории, МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. фак.; Ред. кол.: Кукушкин Ю.С. (отв. ред.) и др. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов: Мосгорархив, 2000. – 360 с. – Библиогр.: С. 339–340.
230. Внешняя политика Древней Руси: Юбил. чтения, посвящ. 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР *Владимира Терентьевича Паушто*. Москва, 19–22 апр. 1988 г. Тез. докл. / Ред. кол.: Новосельцев А.П. (отв. ред.) и др.; АН СССР. Ин-т истории СССР. – М., 1988. – 128 с.
231. Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. / Ред. кол.: ...Черепнин Л.В. (отв. ред.) и др.; АН СССР. Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1978. – 367 с. *К юбилею В.Т. Паушто*.
232. Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР *В.Т. Паушто*, Москва, 15–17 апр. 1998 г.: Материалы конф. / РАН. Ин-т всеобщ. истории, Ин-т рос. истории; Ред. кол.: Мельникова Е.А. (отв. ред.) и др. – М., 1998. – 144 с.
233. Восточная Европа в исторической ретроспективе: *К 80-летию В.Т. Паушто* / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Под ред. Джаксон Т.Н., Мельниковой Е.А. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 307 с.
234. Восточная Европа в древности и средневековье: Пробл. источниковедения: *XVII чтения памяти В.Т. Паушто; IV чтения памяти А.А. Зимина*, Москва, 19–22 апр. 2005 г.: Тез. докл. Отв. ред. Мельникова Е.А., Румянцева М.Ф. / РАН. Ин-т всеобщ. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2005. – 172 с.
235. In memoriam: *Ист. сб. памяти Ф.Ф. Перченка* / Сост.: Добкин А.И., Сорокина М.Ю. – М.: Феникс; СПб.; Atheneumб 1995. – 452 с. – Библиогр. работ Ф.Ф. Перченка: С. 431–433.
236. Михаил Александрович Бакунин: Личность и творчество: (К 190-летию со дня рождения) / Ин-т экономики РАН, Комис. по увековечиванию творч. наследия П.А. Кропоткина. – М., 2005.
Вып. 3: Памяти *Натальи Михайловны Пирумовой* посвящается / Отв. ред. Фигуровская Н.К. – 371 с.
237. В едином историческом пространстве: Сб. науч. ст. к шестидесятилетию чл.-корр. РАН, д-ра ист. наук, проф. *Е.И. Пивовара*. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2009. – 529 с.
238. Славяне в эпоху феодализма: *К столетию акад. Пичеты В.И.* / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики; Ред. кол.: Черепнин Л.В. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1978. – 343 с.
239. Академик *В.И. Пичета*: Страницы жизни / Науч. ред.: Чепко В.В., Мельцер Д.Б. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1981. – 126 с.
240. Омские исторические чтения, посвященные *памяти доцента кафедры дореволюционной отечественной истории ОмГУ Александра Ермолаевича Плотникова*: Сб. воспоминаний, ст., тез. выступлений / Ом. гос. ун-т; Науч. ред.: Толочко А.П. и др. – Омск, 2003. – 251 с.
241. Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма: *К 60-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Н.Н. Покровского* / Отв. ред. Лихачев Д.С. – Новосибирск. Сиб. отд-ние, 1990. – 397 с. (Археография и источниковедение Сибири).

242. На фронте истории Гражданской войны: *Памяти В.Д. Поликарпова* / РАН. Отд-ние ист.-филол. наук. Ин-т всеобщ. истории. – М.: Собрание, 2009. – 495 с. – Библиогр. тр. проф. В.Д. Поликарпова: С. 9–25.
243. Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.: Сб. науч. тр.: *К семидесятилетию Н.Н. Покровского* / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т истории; Отв. ред. Ромодановская Е.К. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 619 с. – Спис. печ. работ Н.Н. Покровского: С. 610–613. Лит. о Н.Н. Покровском: С. 613.
244. Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова / РАН. Отд-ние истории. Ин-т рос. истории; Ред. кол.: Севостьянов Г.Н. (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 2001. – 336 с.
245. Освободительное движение в России. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. Вып. 15: Три поколения борцов за свободу: *Посвящается Игорю Васильевичу Пороху к 70-летию со дня рождения* / Отв. ред. Троицкий Н.А. – 176 с.
246. Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. Вып. 19: *Памяти Игоря Васильевича Пороха* / Ред. кол.: отв. ред. Мезин С.А. (отв. ред.) и др. – 224 с.
247. Николаевская Россия: Власть и общество: *Материалы круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рождения И.В. Пороха*. Саратов, 26–27 апр. 2002 / Саратов. гос. ун-т; Санкт-Петербургский ин-т истории РАН. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2004. – 300 с.
248. Купечество в России XV – первая половина XIX века: Сб. ст. в честь проф. А.А. Преображенского / РАН. Ин-т рос. истории; Ред. кол.: Семенова А.В. (отв. ред.) и др. – М., 1997. – 330 с. – Библиогр. науч. тр. ... А.А. Преображенского: С. 31–56.
249. Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России: Материалы конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. А.А. Преображенского, Москва, нояб. 2005 г. / РАН. Ин-т рос. истории; Редкол.: Семенова А.В. (отв. ред.) и др. – М., 2010. – 308 с.
250. Связь веков: Исслед. по источниковедению истории России до 1917 г. / РАН. Ин-т рос. истории; Ред. кол. Семенова А.В. (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 2007. – 446 с. *Памяти проф. А.И. Преображенского*.
251. Ученые записки. Сер. ист. наук: *Памяти профессора Михаила Дмитриевича Приселькова* / Ленингр. гос. ун-т; Ред. Смирнов И.И. – Л.: ЛГУ, 1941. – Вып. 10. – 187 с.
252. Проблемы жанров в русской литературе: Сб. науч. тр. / Сост.: Ревякин А.И. (гл. ред.) и др. – М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1980. – 188 с. – Спис. печ. работ д-ра филол. наук, проф. Н.И. Прокофьева: С. 6–13. *Посвящен Н.И. Прокофьеву*.
253. Освободительное движение в России. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2006. Вып. 21. – 260 с. *К 80-летию В.В. Пугачева*.
254. Путь в историю, пути в истории...: *Памяти Я.Б. Рабиновича посвящается*: Сб. ст. и воспоминаний / Перм. гос. ун-т; Ред. кол.: Калинина Т.А. и др. – Пермь, 2002. – 205 с. – Хронол. указ. тр. ... Я.Б. Рабиновича: С. 196–203.
255. Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР: Сб. ст. / Том. гос. ун-т; Ред.кол.: Минц И.И. (отв. ред.) и др. – Томск, 1975. – 401 с. *Посвящается 70-летию И.М. Разгона*.
256. Из истории революций в России (первая четверть XX в.): *Материалы Всерос. симпозиума, посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, лауреата Гос. премии, д-ра ист. наук, проф. И.М. Разгона*. Томск, 13–15 апр. 1995 г. / Том. гос. ун-т и др.; Редкол.: Боженко Л.И. (отв. ред.) и др. – Томск, 1996.

257. Конспект времени: *Труды и дни Александра Ратнера* / Предисл. Шикмана А.П. – М.: Новое лит. обозрение, 2007. – 760 с.
258. Исследования по социально-политической истории России: *Сб. ст. памяти Б.Н. Романова* / Ред. кол.: Носов Н.Е. (отв. ред.) и др. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. – 398 с.
259. Проблемы социально-экономической истории России: *К 100-летию со дня рождения Б.А. Романова*. Ред.кол.: Фурсенко А.А. (отв. ред.) и др.; АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние. – СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1991. – 302 с.
260. Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т филологии; Отв. ред.: Покровский Н.Н., Силантьев И.В. – Новосибирск: Наука, 2008. – 672 с.: ил., 1 л. портр. – Список тр. Е.К. Ромодановской: С. 647–663. [Посвящается Е.К. Ромодановской].
261. Россия и мировая цивилизация: *К 70-летию чл.-кор. РАН А.Н. Сахарова* / РАН. Ин-т рос. истории; Ред. кол.: Боханов А.Н. и др. – М., 2000. – 671 с.
262. География и хозяйство. Вып. 3: Центрографический метод в экономической географии / Отв. ред. Лавров С.Б., Родман Б.Б. – Л.: Геогр. общ-во СССР, 1989. – 150 с. (География и хозяйство. Вып. 3). *Памяти Е.Е. Святловского*.
263. «Будущего нет и не может быть без наук...». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 727 с. *Памяти М.Г. Седова*.
264. Россия в XX веке: Сб. ст. к юбилею проф. Семенниковой Л.И. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; Ф-т гос. управления. – М., 2003.
265. Средневековая Русь: Сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения проф. Р.Г. Скрынникова / Санкт-Петербург. гос. ун-т; Сост.: Лобачев С.В., Лавров А.С. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1995. – 176 с. – Сп. печат. тр. проф. Р.Г. Скрынникова: С. 166–174.
266. Россия XV–XVIII столетий: Сб. науч. ст. / Волгогр. гос. ун-т; Сост. и ред. Тюменцев И.О.; Ред. кол.: Иншаков О.В. (пред.) и др. – Юбил. изд. – Волгоград; СПб., 2001. – 289 с. *70-летию со дня рожд. проф. Р.Г. Скрынникова посвящается*.
267. Крестьянство и классовая борьба с феодальной Россией: *Сб. ст. памяти Ивана Ивановича Смирнова* / Ред. кол.: Носов Н.Е. (отв. ред.) и др. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1967. – 456 с.
268. Проблемы новейшей истории России: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Г.Л. Соболева / С.-Петерб. гос. ун-т. ист. фак. Респ. гуманитар. ин-т; Ред. кол.: Ходяков М.В. (отв. ред.). – СПб., 2005. – 499 с.
269. Преподавание и историческая наука: Сб. науч. тр., посвящ. юбилею П.И. Соболевой / МГУ им. М.В. Ломоносова. Фак. гос. упр. Каф. полит. истории. – М.: Полиграф сервис, 2005. – 431 с.
270. Государство, общество, архивы в истории России / Ред. кол.: Дворниченко А.Ю. (отв. ред.) и др. – СПб.: Лики России, 2009. – 213 с. – К 60-летию Соколова А.Р.
271. *Леонид Михайлович Спириин*. Памяти историка, друга, коллеги / Науч. ред. Литвин А.Л. – Казань: Казанск. гос. ун-т, 2007. – 174 с. Из содерж.: Литвин А.Л. Леонид Михайлович Спириин. С. 4–8; Лейкин А.Л., Подбатов П.А. Учителя и наставники. С. 50–67; Шелихаев Н.В. Штрихи к портрету Л.М. Спирина. С. 162–163.
272. Старцевские чтения – 2006: Сб. воспоминаний и науч. ст. / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена; Ред.-сост.: Гальперина Б.Д., Николаев А.Б. – СПб., 2007. – 261 с., 1 л. портр. – Библиогр.: С. 253–257. *К 75-летию проф. В.И. Старцева*.
273. Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: *Чтения, посвящ. памяти А.Л. Станиславского*: Тез. докл. и сообщ. Москва, 27 янв. – 1 февр. 1991 / Моск. гос. ист.-арх. ин-та; Ред. кол.: Муравьев В.А. (отв. ред.) и др. – М., 1991. – 280 с.

274. Исследования по консерватизму: Сб. / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1996.
Вып. 3. Консерватизм и либерализм: созвучия и диссонансы: (К 125-летию со дня рождения *П.Б. Струве*). Материалы междунар. науч. конф., Пермь, 24–26 мая 1995 г. / Сост. и науч. ред. Рахшмир П.Ю. – 201 с.
275. *Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время*: Историография. Воспоминания. Исследования / РАН. Ин-т рос. истории. С.-Петербург. фил.; Отв. ред. Цымутали А.Н.; Сост.: Дубенцов Б.Б. и др. – СПб: Блиц, 2002. – 199 с.
276. «Цепь непрерывного преданья...»: *Сб. памяти А.Г. Тартаковского* / Сост.: Мильчина В.А., Юрганов А.Л.; Отв. ред. Юрганов А.Л. – М., 2004. – 361 с.
277. Археографический ежегодник за 1962 год: (*К 70-летию академика М.Н. Тихомирова*). – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 499 с.
278. Из истории межславянских культурных связей: *К семидесятилетию акад. Михаила Николаевича Тихомирова*. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 296 с.
279. Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: *Сб. ст. памяти М.Н. Тихомирова* / Ред. кол.: Шунков В.И. (отв. ред.) и др. – М.: Изд-во Вост. лит., 1963. – 484 с.
280. Новое о прошлом нашей страны: *Памяти акад. М.Н. Тихомирова* / Ред. кол.: Александров В.А., Белявский М.Т., Бем Ю.О. и др. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит. – М., 1967. – 392 с.
281. *Тихомировские чтения 1970 года* / АН СССР. Отд-ние истории Археогр. комис. / Отв. ред. Дмидт С.О. – М.: Наука, 1970. – 198 с.
282. Российская реальность конца XVI – первой половины XIX в.: Экономика, общество, строй, культура: *Сб. ст. к 80-летию Ю.А. Тихонова* / РАН. Ин-т рос. истории; Ред. кол.: Рогожин Н.М. (отв. ред.) и др. – М., 2007. – 354 с.: табл. – Список науч. тр. Ю.А. Тихонова: С. 337–353.
283. Летописи и хроники / Ред. коллегия: Рыбаков Б.А. (отв. ред.) и др. – М., Наука, 1976. – 1976 г.: М.Н. Тихомиров и летописеведение. – 360 с. с ил.
284. Страницы российской истории: *К 60-летию со дня рождения профессора Г.А. Тишкина* / Под ред. Бороноева А.О., Ольховского Е.Р. – М.: Парад, 2002. – 559 с.
285. Российское общество и власть в прошлом и настоящем: *Сб. памяти В.Г. Тюкавкина*. – М., 2004.
286. Историографический сборник: Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994.
Вып. 16. *Посвящен Николаю Алексеевичу Троицкому* / Ред. кол.: ... Порох И.В. (отв. ред.) и др. – 168 с. – Сп. науч. тр. Н.А. Троицкого: С. 21–32.
287. Русь – Литва – Беларусь: Пробл. нац. самосознания в историографии и культурологии: *По материалам междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Н.Н. Улащика* (Москва; 31 янв. 1996 г.) / Ред. кол.: Кавко А.К. (отв. ред.). – М.: Наследие, 1997. – 287 с.
288. Вопросы аграрной истории Европейского Севера / Комис. по истории сел. хоз-ва и крестьянства СССР Ин-та истории СССР АН СССР и др. – Вологда, 1970.
Вып. 3: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вып. 3. – 608 с. *Памяти Н.В. Устюгова*.
289. Города феодальной России: *Сб. ст. памяти Н.В. Устюгова* / Ред. кол.: Шунков В.И. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1966. – 563 с.
290. Последняя война императорской России: *Сб. ст.* / Под ред. Айрапетяна О.Р. – М.: Три квадрата, 2002. – 264 с. *Памяти Ивана Антоновича Федосова*.
291. *Florigequim: К 60-летию Б.Н. Флори* / Сост. Турилов А.А. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 478 с. – тр. Б.Н. Флори: С. 16–28.
292. Средневековая и новая Россия: *Сб. науч. ст. К 60-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова* / С.-Петербург. гос. ун-т и др.; Ред.кол.: ... Воробьев В.М. (отв. ред.). ...

- Дворниченко А.Ю. (отв. ред.) и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 821 с. – Спис. науч. тр. И.Я. Фроянова (1965–1995): С. 27–36.
293. Исследования по русской истории и культуре: *Сб. ст. к 70-летию проф. И.Я. Фроянова* / С.-Петерб. гос. ун-т и др.; Отв. ред. Алексеев Ю.Г. и др. – М.: Парад, 2006. – 573 с. – Спис. науч. тр. И.Я. Фроянова: С. 559–571.
294. *Памяти профессора К.Ф. Фукса* / Сост. и ред. Гарзавина А.В.; Издатель Диц В.Г. – Казань, 1996. – 71 с. – Библиогр. тр. К.Ф. Фукса и лит. о нём: С. 63–66.
295. От Древней Руси к России нового времени: *Сб. ст.: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич* / РАН. Отд-ние ист.-филол. наук; Сост. Юрасов А.В.; Ред. кол.: Янин В.Л. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 2003. – 516 с. – Часть текста на нем., пол. яз. – Спис. печ. тр. А.Л. Хорошкевич: С. 25–50.
296. Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. *Сб. ст. к 75-летию А.Н. Цамутали* / Отв. ред. Ганелин Р.Ш. – СПб.: Нестор-история, 2006. – 610 с.
297. Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе: *Сб. ст., посвящ. Льву Владимировичу Черепнину* / Ред. кол.: Пашуто В.Т. (отв. ред.) и др. – М., 1972. – 439 с.
298. Общество и государство феодальной России: *Сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Л.В. Черепнина* / Отв. ред. В.Т. Пашуто. – М.: Наука, 1975. – 351 с. – Библиогр.: С. 344–347.
299. Русское централизованное государство. Образование и эволюция XV–XVIII в.: *Чтения, посвящ. памяти акад. Льва Владимировича Черепнина*: Тез. докл. и сообщ. Москва, 26–28 ноябр. 1980 г. / АН СССР, Ин-т истории СССР. МГУ, Ист фак.; Ред. кол.: Пашуто В.Т. (отв. ред.) и др. – М., 1980. – 125 с.
300. Общество, государство, право России и других стран Европы: Норма и действительность: *Чтения, посвящ. памяти акад. С.Д. Сказкина и Л.В. Черепнина*. Тез. докл. и сообщ. Москва, 25–27 окт. 1983 г. / АН СССР. Ин-т истории СССР. Ин-т всеобщ. истории, Ист. фак. МГУ / Ред. кол.: Удальцова З.В., Пашуто В.Т. (отв. ред.) и др. – М., 1983. – 121 с.
301. Феодализм в России: *Юбил. чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения акад. Л.В. Черепнина*. Тез. докл. и сообщ., Москва, 30 окт. – 1 нояб. 1985 г. / Ред.кол.: Преображенский А.А. (отв. ред.) и др.; АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т истории СССР и др. – М., 1985. – 228 с.
302. Феодализм в России: *Сб. ст. и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л.В. Черепнина* / Отв. ред. Янин В.Л.; АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1987. – 326 с., Спис. науч. работ Л.В. Черепнина и лит. о нем за 1982–1986 гг.: С. 321–323.
303. Сословия и государственная власть в России: XV – сер. XIX вв.: *Междунар. конф. – Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина*. Тез. докл. Москва, 13–16 июня 1994 г. / РАН. Ин-т рос. истории и др.; Ред. кол.: Карлов Н.В., Янин В.Л. (отв. ред.) и др. – М., 1994. – Ч. 1–2.
304. Общество, государство, верховная власть в России в средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии: (X–XVIII столетия): *Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Л.В. Черепнина*: Москва, 30 ноябр. – 2 дек. 2005 г. / Ред. кол.: Каштанов С.М., Мельникова Е.А. Назаров В.Д. (отв. ред.) и др. – М., 2005. – 306 с. – Препринт.
305. Сословия, институт и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: *Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина* / Отв. ред. Янин В.Л., Назаров В.Д. – М.: Языки славян. культуры, 2010. – 991 с.
306. Освободительное движение в России. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989.

- Вып. 12: Вопросы истории освободительного движения в России XIX века. *Посвящается 100-летию со дня рождения Сергея Николаевича Чернова (1887–1942)* / Отв. ред. Троицкий Н.А. – 164 с.
307. Российские университеты в XVIII–XX веках: Сб. науч. ст. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009. – Вып. 10. – 238 с.
Сборник посвящается семидесятилетию со дня рождения *В.И. Чеснокова* (1939–2000).
308. Российские университеты в XVIII–XX веках: Сб. науч. ст. / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2002.
Вып. 6 / Ред. кол.: Искра Л.М. (отв. ред.) и др. – 208 с. *Посвящ. памяти В.И. Чеснокова*.
309. Россия XVII века и мир: *К 80-летию доктора исторических наук, профессора Елены Викторовны Чистяковой*: Юбил. сб. / Сост. Соловьев Е.А., Дунаевский П.В. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 460 с.
310. Массовые источники отечественной истории: Материалы X Всерос. конф. «Писцовые кн. и др. массовые источники XVI–XX вв.: Пробл. изуч. и издания», *посвящ. 90-летию А.Л. Шапиро*, Архангельск, 25–26 июня 1998 г. / ... Помор. гос. н-т им. М.В. Ломоносова; Редкол.: Куратов А.А. (гл.ред.) и др. – Архангельск, 1999. – 309 с.: ил.
311. Новгородский исторический сборник / РАН. Ин-т рос. истории. С.-Петербург. фил. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
6(16) / Ред. кол.: ... Янин В.Л. (отв. ред.). – 364 с., Спис. тр. И.П. Шаскольского: С. 346–360. *Памяти И.П. Шаскольского*.
312. Призвание историка: Пробл. духовной и полит. истории России: Сб. ст.: *К 60-летию проф. В.В. Шелохаева* / Ассоц. «Рос. полит. энцикл», Рос. независимый ин-т социал. и нац. пробл; Ред. кол.: ... Журавлев В.В. (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 2001. – 399 с., Избр. тр. В.В. Шелохаева: С. 379–395.
313. Россия в XX веке: Сб. ст. к *70-летию со дня рождения В.А. Шишкина* / РАН. С.-Петербург. ин-т истории; Под ред. Ковальчука В.М. – СПб., 2005. – 403 с.
314. Мир источниковедения: (Сб. в честь *С.О. Шмидта*) / Рос. гос. гуманит. ун-т. Пенз. обл. администрация. Департамент культуры; Ред. кол.: Зайцев А.Д. и др. – М., Пенза, 1995. – 495 с.
315. Источниковедение и краеведение в культуре России: К 50-летию служения *С.О. Шмидта*. Ист.-архив. ин-ту / Рос. гос. гуманит. ун-т; Ред. кол.: ... Козлов В.Ф. (отв. ред.) и др. – М., 2000. – 519 с.
316. Первые Всероссийские краеведческие чтения: история и перспективы развития краеведения и Москововедения (Москва, 15–17 апреля 2007). *Посвящается 85-летию со дня рождения Сигурда Оттовича Шмидта*. – М.: АНО ИЦ «Москововедение»; ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009. – 652 с.
317. Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV Междунар. науч. конф. 18–19 апр. 2002. *В честь Сигурда Оттовича Шмидта* / Рос. гос. гуманит. ун-т. Ист.-арх. ин-т; Археографическая комис. РАН; Отв. ред. Муравьев В.А. – М., 2002. – 549 с.
318. Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода: *Посвящается памяти Виктора Ивановича Шункова* / Ред. кол.: Окладников А.П. (Отв. ред.) и др. – Новосибирск: Наука, Сиб. Отд-ние, 1971. – 216 с.
319. Русское население Поморья и Сибири: (Период феодализма: Сб. ст. *памяти чл.-кор. АН СССР В.И. Шункова*) / Ред. кол.: Окладников А.П. (пред.) и др. – М.: Наука, 1973. – 447 с.

320. *Серафим Владимирович Юшков*: К 60-летию со дня рождения и 35-летию науч.-педагог. и обществ. деятельности. – М.: Всесоюз. ин-т юрид. наук, 1948. – 8 с.
321. Актуальные проблемы историко-правовой науки: Межвуз. науч. сб. / Ред. кол.: ... Виленский Б.В. (отв. ред.) и др. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. Вып. 3: История государственных учреждений, правовых институтов и политических воззрений. – 160 с. – *Посвящается С.В. Юшкову*, к 100-летию со дня рождения.
322. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР / Комис. по истории сел. хоз-ва и крестьянства СССР Ин-та истории СССР АН СССР. – М., 1962. Сб. 5: *К 70-летию д-ра ист. наук Виктора Корнельевича Яцунского*. – М., – 499 с.
323. Вопросы географии Сб. 83. Историческая география России. *Посвящается светлой памяти В.К. Яцунского* / Отв. ред.: Рыбаков Б.А., Никитин Н.П., Водарский Я.Б.

*Исследователи региональной, локальной и местной истории.
Краеведы*

324. История России: на перекрестке мнений: *Материалы I межвуз. ист. чтений, посвящ. памяти акад. Б.С. Абалихина*, 15–16 мая 1995 г. / Волгогр. гос. пед. ун-т; Ред. кол.: Болотова Е.Ю. (отв. ред.) и др. – Волгоград: Изд-во Волгогр. пед. ун-та «Перемена», 1997. – 161 с.
325. История России: на перекрестке мнений: Сб. науч. ст. по итогам межрегион. ист. чтений, посвящ. памяти проф. *Б.С. Абалихина*, Волгоград, 2–3 марта 2006 г. / Волгогр. гос. пед. ун-т, Редкол.: Болотова Е.Ю. (отв. ред.) и др. – Волгоград: Перемена, 2007. – 339 с.
326. История России: На перекрестке мнений: *Материалы I межвуз. ист. чтений, посвящ. памяти проф. Б.С. Абалихина*, Волгоград, 20 нояб. 1998 г. / Волгогр. гос. пед. ун-т; Науч. ред. Буланов Н.А. – Волгоград: Перемена, 2001. – 215 с.
327. Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв.: (К 60-летию проф. *В.П. Андреева*) Том. гос. архит.-строит. ун-т; Науч. ред. Куперт Ю.В., Фадеев К.В. – Томск, 2007. – 210 с.
328. Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника / Раздор. этногр. музей-заповедник. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. Вып. 1: *К 80-летию Л.Т. Агаркова* / Сост. и отв. в ред. Пономарев А.В. – 271 с.
329. Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы IX Всерос. науч. конф. посвящ. 85-летию проф. *А.В. Бакунина*, 8–9 окт. 2009 г.: В 2 т. / РАН. Урал. отд-ние. ин-т истории и археологии. Урал. гос. техн. ун-т (УПИ) им. первого президента России Б.Н. Ельцина / Редкол.: Гаврилов Д.В. (гл. ред.) и др. – Екатеринбург: Автограф, 2009.
330. *А.В. Бакунин в воспоминаниях и документах* / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т истории и археологии; Редкол.: Алексеев В.В. и др.; Сост.: Корнилов Г.Е. – Екатеринбург: АМБ, 2004. – 331 с.
331. Проблемы новейшей истории и этнографии Мордовского края: *Тр. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти В.А. Балашова*, 9 янв. 2002 г. / Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева, Ист.-социол. ин-т. Каф. новейшей истории народов России; Ред. кол.: Абрамов В.К. (отв. ред.) и др. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2003. – 208 С. 1, [4] л. ил.
332. Проблемы истории Сибири (XVIII–XX века): Межвуз. сб. науч. тр.: (*К 75-летию д-ра ист. наук, проф. Б.Б. Батуева*) / Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств; Ред. кол. ... Курас Л.В. (отв. ред.) и др. – Улан-Удэ, 2000. – 152 с. – Библиогр.: С. 143–148.

333. Мыслитель, ученый, общественный деятель: Сб. науч. тр.: *К 90-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. Г.П. Башарина* / Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова; Сост. Горохов С.Н.; Ред. кол.: Горохов С.Н. (отв. ред.) и др. – М., 2003. – 222 с.
334. Уральские *Бирюковские чтения* / Совет Урал. Бирюковских чтений; Науч. ред. Загребин С.С. – Челябинск, 2003–2008. – Вып. 1–5.
335. Мир славян Северного Кавказа / Куб. казачий хор.; Центр слав. исслед. Куб. гос. ун-та. – Краснодар, 2009.
Вып. 5: *К 60-летию проф. Н.И. Бондаря*: Науч.-метод. материалы / Науч. ред., сост., Матвеев О.В. – 327 с.: ил. нот. – Список основных науч. тр. проф. Н.И. Бондаря: С. 18–41.
336. Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. – СПб., 2004.
Вып. 9: Воспоминания о Л.Н. Беловой / Сост.: Яковлева М.Д., Карусева И.М. – 87 с.
337. Борисовский сборник / ... Иван. гос. текстил. акад. и др. – Иваново: Референт, 2009.
Вып. 1 / Отв. ред. Возиллов В.В. – 351 с.: табл.
Памяти В.А. Борисова (1809–1862) ивановского краеведа.
338. Актуальные вопросы истории Сибири: Шестые научные чтения памяти проф. *А.П. Бородавкина*, 5–6 окт. 2007 г.: Сб. науч. тр.: / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2007. – Ч. 1–2.
339. Актуальные вопросы истории Сибири: *Вторые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина*, 6–7 октября 1999 г.: Материалы конф. / Алтайский гос. ун-т; Под ред.: Кирюшина Ю.Ф., Скубневского В.А. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 420 с.
340. Вопросы истории и литературы: Сб. ст. *Посвящается 75-летию д-ра ист. наук, проф. Ом. гос. пед. ун-та Бударина Михаила Ефимовича* / Ом. гос. пед. ун-т; Ред. кол.: ... Самосудов В.М. (отв. ред.) – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. – 92 с. – Библиогр.: С. 85–91.
341. Социально-экономическое и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: Материалы IV науч.-практ. конф., посвящ. памяти *А.В. Ваганова*, 3–4 апр. 2008 г. / Тар. ист.-краевед. музей; Ред.-сост. Алферов С.А. – Тара, 2009. – 303 с.
342. Проблемы сохранения исторического наследия Тарского Прииртышья: *Материалы ист.-краевед. конф., посвящ. памяти А.В. Ваганова*: Ваган. чтения, 26–27 марта 2002 / ... Тат. ист.-краевед. музей; Отв. ред. Любашенко А.И. – Тара, 2002. – 170 с.
343. *Г.Е. Верецагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья*: Сб. ст. / РАН. Урал. отд-ние. Удм. ин-т истории, яз. и лит.; Сост. Ванюшев В.М., Зыкина Т.С.; Отв. ред. Ванюшев В.М. – Ижевск, 2004. – 326 с.
344. Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: История и современность: *Материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Г.Е. Верецагина* / Глаз. гос. пед. ин-т им. В.Г. Короленко; Ред. кол.: Волкова Л.А. (отв. ред.) и др. – Глазов, 2001. – 166 с.
345. Памяти *И.Н. Гамуева*. Сб. науч. ст. и воспоминаний / Ред. Бауло А.В. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 248 с.
346. *Материалы Вторых краеведческих чтений памяти В.И. Гаретовского*: 28 февр. – 1 марта 2006 г. / О-во исследователей истории Ряз. края им. В.И. Гаретовского и др.; Ред. кол.: Горбунов Б.В. (отв. ред.) и др. – Рязань: Политех, 2006. – 160 с.
347. Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии: *Посвящается памяти проф., д-ра ист. наук В.К. Гарданова* / Отв. ред. Дзамихов К.Ф.; Кабард.-Балк. НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров КБССР. – Нальчик, 1992. – 184 с.
348. Актуальные проблемы исторического краеведения в Сибири: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию старейшего историка и краеведа *Хака-*

- сии А.Н. Гладышевского, 18–19 дек. 2008 г. г. Абакан / Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова; Редкол.: Чеботарева И.А. (пред.). – Абакан, 2008. – 258 с.: Хронол. указ. тр. А.Н. Гладышевского: С. 23–32.
349. Как молния в ночи...: *К. Герд. Жизнь Творчество. Эпоха* / Союз писателей Удм. Респ., Ком. по делам национальностей при Правительстве Удм. Респ.; Сост. и лит. обраб. Богомоловова З.А. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 751 с.
350. *М. Грушевский* – историк, общественный и политический деятель, человек: Материалы Междунар. науч. конф., 24 нояб. 2004 г. / Фил. Моск. гос. открытого пед. ун-та им. М.А. Шолохова в г. Уфе и др.; Редкол.: Бабенко В.Я. (отв. ред.) и др. – Уфа, 2005. – 89 с. – Часть текста укр.
351. Служение истории: Сб. ст. – Чебоксары, 2008.
Вып. 2 / Редкол.: Иванов А.Г. (отв. ред.) и др. – 314 с. *К юбилею В.Д. Дмитриева.*
352. *В.Н. Добровольский* в истории русской национальной культуры: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения В.Н. Добровольского / ... Смол. гос. ун-т; Редкол.: Ильин В.В. (отв. ред.) и др. – Смоленск: Свиток, 2007. – 252 с.
353. Сибирь на этапе становления индустриального общества в России: (XIX – XX вв.): *Материалы междунар. науч. конф. к 75-летию чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина* / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т истории; Отв. ред. Ламин В.А. – Новосибирск, 2002. – 272 с.
354. *Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич* / Науч. ред. – Прибыльский Ю.П.; Сост. Загороднюк Н.И. – М.: Галарт, 1995. – 193 с. – Библиогр. указ. тр. А.А. Дунина-Горкавича: С. 189–192.
355. Россия, Северный Кавказ, Европа: проблемы истории общества и государства / Федер. агентство по образованию, Пятиг. гос. лингв. ун-т; Под общ. ред. Ермакова В.П. – Пятигорск, 2005. – 332 с. – *Посвящ. 50-летию со дня рождения В.П. Ермакова.*
356. *Наследие М.Ф. Жиганова* и перспективы исторических исследований в Мордовии / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия; Отв. ред. – Юрченков В.А. – Саранск, 2006.
357. *Зырянские чтения*: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «V Зырянские чтения», Курган, 12–14 дек. 2007 г. / ... Кург. гос. ун-т и др.; Редкол.: Менщиков В.В. и др. – Курган, 2007. – 209 с.
358. Прежде всего историк: *О М.А. Ильине* – историке, архивисте, краеведе, руководителе арх. службы Твер. обл. (1919–1999) / Арх. отд. Твер. обл., Твер. отд-ние Рос. о-ва историков-архивистов; Ред. кол.: Сорина Л.М. и др. – Тверь, 2003. – 258 с. – Библиогр.: С. 238–255.
359. Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сб. ст. к 60-летию *В.Х. Кажарова* / Ин-т гуманитар. исслед. Правительства АБР и КБНЦ РАН; Отв. ред.: Бгажноков Б.Х. – Нальчик, 2009. – 359 с.
360. Материалы III региональной архивоведческой конференции, посвященной памяти *В.А. Казакова* и 85-летию государственного общественно-политического архива Нижегородской области / Ком. по делам архивов Нижегородской обл., Гос. обществ.-полит. архив Нижегород. обл.; Редкол.: Арефьев А.П. и др. – Н. Новгород, 2007. – 91 с.
361. Культура российской провинции: Сб. науч. ст. *памяти М.Г. Казанцевой* / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т истории и археологии; Отв. ред. Манькова И.Л. – Екатеринбург, 2005. – 250 с.
362. Сибирь в истории России: (*К 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко*): Кемер. гос. ун-т Каф. отеч. истории, Ин-т экологии человека; Отв. ред. Волчек В.А., Адаменко А.М. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 334 с.
363. *Наши Капцугович* / Сост.: Гаузова Т.А.; Редкол.: Гаузова Т.А. (пред.) и др. – Пермь: Кн. мир, 2006. – 230 с.

364. Вопросы археологии и этнографии Чувашии: *Материалы чтений, посвящ. памяти В.Ф. Каховского* / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; Ред.: Прохорова В.А., Матвеев Г.Б. – Чебоксары, 2000. – 231 с.
365. Европейский Север в судьбе России. XX век: (*К 80-летию проф. А.А. Киселева*): Сб. науч. ст. / Мурман. гос. пед. ун-т; Ред. кол.: Воронин А.В. (науч. ред.) и др. – Мурманск, 2006. – 190 с.
366. Общество в контексте экономической и социальной истории: *Сб. науч. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения А.В. Клеянкина* / Ист.-социол. ин-т Морд. гос. ун-та им. Н.П. Огарева. Каф. экон. истории и информ. технологий; Отв. ред. Арсентьев Н.М. – Саранск: Красн. Окт., 2001. – 416 с.: схем.
367. Россия – крестьянская страна: *Сб. науч. ст., посвящ. памяти проф. А.В. Клеянкина* / Морд. гос. ун-т Ист.-социол. ин-т Каф. экон. истории и информ. технологий; Отв. ред. Арсентьев Н.М. – Саранск: Крас. Октябрь, 2005. – 352 с.
368. *Материалы научных чтений памяти Петра Андреевича Колесникова* / Волог. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Камкин А.В. – Вологда: Русь, 2000. – 268 с.
369. Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории XIX вв., Вологда, 3–4 окт. 2002 г. *Науч. чтения, посвящ. памяти Петра Андреевича Колесникова* (к 95-летию со дня рождения) / Волог. гос. пед. ун-т др.; Ред. кол.: Черкасова М.С. (отв. ред.) и др. – Вологда: Русь, 2003. – 224 с.
370. Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера: *Межвуз. сб. науч. тр., посвящен П.А. Колесникова* / Вологод. гос. пед. ин-т и др.; Ред. кол.: Камкин А.В. (отв. ред.) и др. – Вологда, 1992. – 207 с.
371. Проблемы исторического краеведения: (*К 90-летию проф. Д.В. Кочура*) / Ставроп. гос. ун-т; Отв. ред. Суханова Н.И. – Ставрополь, 2008. – 78 с.: портр. I. Суханова Н.И.
372. Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций: *Пятые Крушиановские чтения*, 2006 г.: В 2 т. / РАН. Дальневост. отд.-ние. ин- истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. – Владивосток: Дальнаука, 2008. Т. 1 / Редкол.: Галямова Л.И. (отв. ред.) и др. – 483 с.: ил.
373. Этнос. Общество. Цивилизация: *II Кузеевские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Р.Г. Кузеева*, Уфа, 17–19 апр. 2009 г. / РАН. Отд.-ние ист.-филол. наук. Ин-т этнол. исслед. Уфим. науч. центра РАН; Под ред. Юнусовой А.Б. – Уфа, 2009. – 454 с.
374. Этнос. Общество. Цивилизация: *Кузеевские чтения: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровол. вхождения Башкирии в состав России и 30-летию Музея археологии и этнографии ЦЭИ УНЦ РАН* / РАН. Уфим. науч. центр Центр этнол. исслед.; Отв. ред. Юнусова А.Б. – Уфа, 2006. – 281 с.
375. Из истории аграрных отношений Яцвашии и Среднего Поволжья в XIX–XX веках: Сб. ст. к *90-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. И.Д. Кузнецова* / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Ком. Чуваш. Респ. по делам архивов; Ред. кол.: ... Николаев Г.А. (отв. ред.) и др. – Чебоксары, 1996. – 79 с., ил. – Спис. осн. тр. проф. И.Д. Кузнецова по аграр. истории Чувашии: С. 77–78.
376. Материалы IV Нижегородской архивоведческой конференции (*Чтения памяти Н.И. Куприяновой*), 31 октября – 1 ноября 2007 г. / Ком. по делам архивов Нижегород. обл. Центр. архив Нижегород. обл.; Редкол.: Арефьев А.П. и др. – Н. Новгород, 2008. – 231 с.
377. *И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии, 30–40-х годов XX века: Сб. ст. Всерос. науч. конф. историков* (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.) /

- Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; Гл. ред.: Кураков Л.П. – М., 2006. – 623 с. – Списание. печат. работ И.Д. Кузнецова: С. 607–614.
378. *Историк В.И. Лебедев* / Ред. кол.: Гошуляк В.В. (отв. ред.) и др.; Пенз. гос. пед.ун-т им. В.Г. Белинского. – Пенза, 2000. – 122 с.
379. Курские тетради: Курск и куряне глазами ученых / Кур. гос. ун-т и др. – Курск, 2004.
Тетр. 5: *К 100-летию со дня рождения Ю.А. Липкина (1904–1983)* / Отв. ред. Хроленко А.Т. – 72 с. Ч. 1–2.
380. *Василий Константинович Магницкий* – исследователь культуры и быта чувашей / Ред. кол.: ... Фокин П.П. (отв. ред.); НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1989. – 104 с. – Списание. опубл. работ В.К. Магницкого: С. 98–104.
381. История Оренбургская: наследие и современность: Первые регион. ист.-краевед. чтения *памяти проф. П.Е. Матвиевского*, 3 марта 2006 г. / Оренб. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Хисамутдинова Р.Р. – Оренбург, 2006.
382. Исследования и исследователи Юго-Востока России (XIX–XX вв.): Вторые регион. ист.-краевед. чтения памяти проф. *П.Е. Матвиевского*, 28–29 февр. 2008 г. Сб. ст. / Оренб. гос. пед. ун-т; Ред. кол.: Хисамутдинова Р.Р. (отв. ред.) и др. – Оренбург, 2008. – 252 с.: табл.
383. СССР во Второй мировой войне: Третьи Всерос. ист.-краевед. чтения памяти проф. *П.Е. Матвиевского*. Оренбург, 26–27 марта 2010 г.: Сб. ст. / Оренб. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Хисамутдинова Р.Р. – Оренбург, 2010. – 307 с.
384. Историка и история в меняющемся мире: *Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Е.И. Медведева* / Самар. гос. ун-т Самар. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Кабытов П.С. – Самара, 2003. – 263 с.
385. Вопросы истории и краеведения: *Посвящается памяти... Лидии Алексеевны Медведевской* (к 70-летию со дня рождения) / Кур. гос. пед.ин-т. Каф. истории России. Отв. ред и сост.: Друговская А.Ю. и др. – Курск, 1994. – 133 с.
386. Морозовские чтения: Материалы II и III Науч.-практ. конф., посвящ. библиографу, археографу и краеведу *Г.М. Морозовой*, 19–20 апр. 2005 г., 25–26 апр. 2007 г. / Калуж. обл. науч. б-ка им. В.Г. Белинского; Сост.: Никишина Т.В.; Ред.: Шакина О.А. и др. – Калуга: Полиграф-Информ, 2007. – 228 с.
387. Материальная культура башкир и народов Урало-Поволжья: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. *М.Г. Муллагулова* / АН Респ. Башкортостан. Отд.-ние социал. и гуманитар. наук, РАН. Уфим. науч. центр, Центр этнол. исслед.; Ред. кол.: Галиева Ф.Г. (отв. ред.) и др. – Уфа: Гилем, 2008. – 345 с.
388. Древние и средневековые цивилизации и варварский мир: *Посвящ. 80-летию со дня рождения В.П. Невской* / Ставроп. гос. ун-т; Ред. кол.: Кудрявцев А.А. (отв. ред.) и др. – Ставрополь, 1999. – 241 с.
389. *Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского*: Материалы конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. ученого / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; Ред. Прохорова В.А., Матвеев Г.Б. – Чебоксары, 2002. – 306 с.
390. Государство и общество Сибири XVII–XX веков: Сб. науч. тр. / Сиб. отд.-ние РАН. Ин-т истории; Отв. ред. Шиловский М.В. – Новосибирск, 2008. – 223 с. К 60-летию *Г.А. Ноздрина*.
391. Река судьбы: *Жизнь и творчество М. Петрова*: Воспоминания, статьи, речи, письма / Сост. и подгот. текста Богомоловой З.А. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 463 с.
392. Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. ст. К 50-летию со дня рождения проф. *А.В. Ремнева* / Под ред. Суворовой Н.С. – Омск: Изд-во Ом. ГУ, 2005. – 600 с.

393. Зауралье в панораме веков: К 65-летию В.В. Пундани / Ред. кол.: Черноухов А.В. и др. – Курган: Курган. гос. ун-т, 2005. – 178 с.
394. Локальные культурно-исторические исследования: Теория и практика: К 50-летию канд. ист. наук, доцента В.Г. Рыженко / Ом. гос. ун-т; Под ред. Корзун В.П. – Омск, 1998. – 207 с.
395. Сибирь на перекрестье мировых религий: *Материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти М.И. Рижского* / Новосибир. гос. ун-т МО РФ. Гуманит. фак. и др.; Отв. ред. Деревянко А.П. – Новосибирск, 2002. – 259 с.
396. Традиционная культура Востока Азии / Амур. гос. ун-т и др. – Благовещенск, 2008. Вып. 5. *Памяти профессора Б.С. Сапунова (1936–2006)* / Отв. ред.: Болотин Д.П., Забияко А.П. – 308 с.
397. Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции: *Чтения памяти А.Я. Садовского* / Ком. по делам архивов Нижегород. обл.; Ред. кол.: Арефьев А.П. и др. – Н. Новгород, 2006. – 213 с.
398. Памяти Селифонтова: Сб. докл. Перв. Селифонтовских чтений / Ред. кол.: Соболева Л.А., Куколевская О.С., Рогов И.В. – Кострома: Костром. гос. объединен историко-архитектур. музей-заповедник. 2000. – 319 с. *Памяти Н.Н. Селифонтова*.
399. История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве: (К юбилею проф. Е.И. Соловьевой): Материалы регион. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 15–16 апр. 2004 г.) / Новосиб. гос. пед. ун-т; Ред. кол.: ... Зверев В.А. (отв. ред.) и др. – Новосибирск, 2004. – 347 с.
400. *Исследования П.Д. Степанова* и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова / Ист.-социол. ин-т Морд. гос. ун-та им. Н.П. Огарева; Ред. кол.: Арсентьев Н.М. (отв. ред.) и др. – Саранск: Тип. «Красн. Октябрь», 1998. – 274 с.
401. *Материалы первой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину*: Ульяновск, 2 окт. 2003 г. / Гос. ист.-мемор. заповедник «Родина В.И. Ленина»; Ред. кол.: Зубов А.Н. и др. – Ульяновск, 2004. – 223 с.
402. *Материалы Третьей научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину*, Ульяновск 2005 год / Гос. ист.-мемор. заповедник «Родина В.И. Ленина»; Ред. кол.: Зубов А.Н. и др. – Ульяновск, 2006. – 215 с.
403. *Чтения, посвященные 100-летию Ф.Г. Тараканова*: Сб. докл. и сообщ. / Нац. музей Респ. Коми; Сост. Котылева И.Н. и др. – Сыктывкар, 2000. – 123 с.
404. Азиатская Россия во второй половине XIX – начала XX в.: проблемы региональной истории: Сб. науч. ст., посвящ. 60-летию проф., доктора ист. наук А.П. Толочко / Под ред. Сорокина Ю.А. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – 340 с.
405. Исторический ежегодник / Ом. гос. ун-т. – Омск, 1997. 1997. Специальный вып.: Общественное движение в Сибири в начале XX века: *Посвящается 50-летию зав. Каф. дорев. отеч. истории Ом. гос. ун-та акад. Акад. гуманитар. наук, проф. д-ра ист. наук А.П. Толочко* / Под ред. Ремнева А.В., Якуба А.В. – 142 с.
406. Исторический ежегодник / Ом. гос. ун-т. – Омск, 2001. Спец. вып.: *Посвящается 60-летию профессора Н.А. Томилова* / Ред. кол.: Бережнова М.Л. (отв. ред.) и др. – 259 с.
407. Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России: *Науч. чтения к 70-летию акад. Е.С. Троицкого*, 24 апр. 1998 г. / Отв. ред. Черноус В.В. – 2-е изд. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1999. – 44 с.
408. *Н.И. Троицкий* и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. ст.: / Гос. воен.-ист. и природ. музей-заповедник «Куликово поле»; Отв. ред. Наумов А.Н. – Тула: ИНФРА, 2002.

409. Проблемы исторического регионоведения: Сб. науч. тр. / С.-Петерб. гос. ун-т. Ист. фак. Каф. ист. регионоведения. – СПб.: Скифия-принт, 2009.
410. *IV Ушаковские чтения*: Сб. науч. ст. / Мурман. гос. пед. ун-т и др.; Редкол.: ... Федоров П.В. (отв. ред.). – Мурманск, 2007. – 278 с.
Вып. 2: *К 70-летию профессора В.И. Хрисанфова* / Отв. ред. Кривошеев Ю.В. – 538 с.: табл., портр. 1 л. портр. – Библиогр. в конце отд. ст. Список науч. тр. В.И. Хрисанфова: С. 9–18.
411. Башкироведение: *Сб. ст. к 75-летию со дня рождения акад. АН РБ Г.Б. Хусаинова* / РАН. Уфим. науч. центр. Ин-т истории, яз. и лит., АН Респ. Башкортостан. Отд-ние гуманитар. наук; Ред. кол.: ... Надергулов М.Х. (отв.ред.) и др. – Уфа: Гилем, 2004. – 539 с
412. Проблемы истории и исторического познания / Ред. Зиновьев В.П. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 276 с. *К шестидесятилетию заведующего проблемной лаборатории археологии и этнографии ТГУ Э.И. Черняка.*
413. Иркутский историко-экономический ежегодник; Ред. кол.: Левченко В.М. (гл. ред.), Цыкунов Г.А. (отв. ред.) и др. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999.
1999: *Материалы чтений, посвященных памяти В.Н. Шерстобоева 25–26 марта 1999 года.* – 261 с.
414. Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: Сб. биогр. очерков / Отв. ред. Кириллов А.К. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 296 с. *К 60-летию М.В. Шиловского.*
415. Иркутский историко-экономический ежегодник / Ред. кол.: Левченко В.М. (гл. ред.) Цыкунов Г.А. (отв. ред.) и др. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000.
2000: *Материалы чтений, посвященных памяти В.Н. Шерстобоева 30–31 марта 2000 года.* – 287 с.
416. Актуальные проблемы истории Вятско-Камского региона: К 110-летию со дня рожд. *А.В. Эммаусского*; Материалы регион. науч. конф. / Вят. гос. гуманитар. ун-т. Ист. фак.; Редкол.: ... Судовиков М.С. (отв. ред.) и др. – Киров, 2008. – 147 с.
417. *И.Я. Яковлев* – просветитель народов Поволжья и Приуралья / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; Науч. ред. Клементьев В.Н. – Чебоксары, 2009. – 326 с.
1993: *Материалы научной конференции, посвященной 110-летию Ростовского музея-заповедника и 150-летию со дня рождения И.А. Шлякова.* – 191 с.
418. Актуальные проблемы истории Вятско-Камского края: *К 105-летию со дня рождения А.В. Эммаусского*; Материалы регион. науч. конф. / Вят. гос. гуманитар. ун-т. Ист. фак.; Ред. кол.: ... Судовиков М.В. (отв. ред.) и др. – Киров, 2003. – 129 с.
419. *Первые Яхонтовские чтения*: Материалы науч.-практ. конф., Рязань, 21–22 дек. 2000 г. / Ряз. ист.-архит. музей-заповедник и др.; Ред. кол.: Крошина Т.В. (науч. ред.) и др. – Рязань, 2001. – 248 с.
420. *Вторые Яхонтовские чтения*: Материалы науч.-практ. конф., Рязань, 23–25 окт. 2002 г. / Ряз. ист.-архит. музей-заповедник; Отв. ред. Ерошина Т.В. – Рязань, 2003. – 310 с.
421. *Третьи Яхонтовские чтения*: Материалы науч.-практ. конф., Рязань, 12–15 окт. 2004 г. / ... Ряз. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Ерошина Т.В. – Рязань, 2005. – 585 с.: ил. – Библиогр. в конце ст. *Посвящен 150-летию С.Д. Яхонтова* и 120-летию Ряз. музея-заповедника.
422. *Четвертые Яхонтовские чтения*: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., Рязань, 24–27 окт. 2006 г. / Ряз. ист.-архит. музей-заповедник и др.; Редкол.: ... Кусова И.Г. (отв. ред.) и др. – Рязань, 2008. – 686 с.

*ИСТОРИКИ, ИЗУЧАЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ*

Историки античности

423. Работа памяти: Сб. ст. студентов и выпускников РГГУ / Сост.: Матусова Е.Д., Розенблом О.М. – М.: РГГУ, 2008. – 393 с. Памяти магистрантки Русской антропологической школы РГГУ Юлии Вольфман и аспирантки Института филологии РГГУ Елизаветы Безносовой.
424. История и культура античного мира / Отв. ред. Кобылина М.М. / – М.: Наука, 1977. – 231 с. *В честь В.Д. Блаватского.*
425. Syssitia [Сисситии]: Памяти Юрия Викторовича Андреева: Сб. ст. / Гос. Эрмитаж. Ин-т истории материал. культуры РАН; Отв. ред.: Зуев В.Ю.; СПб.: Алетейа, 2000. – 469 с.: ил.
426. История и культура древнего мира: *Рос.-болг. сб. ст. и учеб. материалов в честь Т.В. Блаватской* / Ин-т всеобщ. истории РАН, Софийский ун-т «Климент Охридский»; Отв. ред. Яйленко В.П. – М., 1996. – 223 с. – Часть текста англ.
427. Античное наследие в истории европейской цивилизации. Тезисы межвуз. круглого стола. Москва, 29 октября 2007 г. / РГГУ, ИАИ. – М., 2008. – С. 63. Памяти преподавателя *А.А. Борзунова.*
428. *EGCHARISTEPION*: Антиковедческо-историогр. сб. памяти *Я.В. Доманского* (1928–2004) / С.-Петербург. фил. Арх. РАН, Музей истории С.-Петерб. гос. ун-та; Редкол.: ... Тункина И.В. (отв. ред.). – СПб.: Нестор-История, 2007. – 404 с.: ил., 1 л. портр.
429. Мпḗтḗs charin: Межвуз. сб.: *К 100-летию со дня рождения проф. А.И. Доватура* / Отв. ред. Откупщиков Ю.В. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 238 с.
430. Мпḗта: *Сб. науч. тр., посвящ. памяти проф. В.Д. Жигунина* / Каз. гос. ун-т; Ред. кол.: ... Габелко О.Л. (отв. ред.). – Казань, 2002. – 542 с.
431. ΜΟΥΣΕΙΟΝ: *Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия*: Сб. ст. / Ред. кол.: Дуров В.С. (отв. ред.) и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 354 с. – Спис. науч. тр. А.И. Зайцева: С. 8–16.
432. Норция / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж: Номос, 2007. Вып. 5 / Ред. кол.: Коротких Л.М. (отв. ред.) и др. – 177 с. *Памяти А.И. Немировского.*
433. Античность и современность: *К 80-летию Ф.А. Петровского* / Ред. кол.: Грабарь-Пассек М.Е., Гаспаров М.Л., Кузнецова Т.И. – М.: Наука, 1972. – 504 с.
434. Художественная культура и археология античного мира: *Сб. памяти Б.В. Фармаковского* / Ред. кол.: Сокольский Н.И., Брашинский И.Б., Горбунова К.С. и др. – М.: Наука, 1976. – 240 с.
435. История: мир прошлого в современном освещении: Сб. науч. ст. к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / С.-Петербург. гос. ун-т. Ист. фак.: Под ред. Дворниченко А.Ю. – СПб., 2008. – 615 с., 1 л. портр. – Список науч. тр. Э.Д. Фролова (1956–2007): С. 8–32.
436. Античный мир: Пробл. истории и культуры: Сб. науч. ст. / Под ред. Фроянова И.Я. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. – 458 с. *К 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова.*
437. Проблемы античной истории: Сб. науч. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т; Под ред. Дворниченко А.Ю. – СПб., 2003. – 379 с. – Спис. науч. тр. Э.Д. Фролова: С. 8–29. *К 70-летию со дня рожд. проф. Э.Д. Фролова.*
438. Историки в поиске новых смыслов: *Сб. науч. ст. и сообщ. участников Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана и 60-летию со дня*

рождения проф. В.Д. Жигунина, Казань, 7–9 окт. 2003 г. / Ред. кол.: Мягков Г.П. (отв. ред.), Чиглинцев Е.А. (отв. ред.) и др. – Казань: Новое знание, 2003. – 410 с.

Медиевисты

439. Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения: (Исследования и тексты): *Сб. науч. тр. памяти К.Д. Авдеевой* / Ред. кол.: Кривушин И.В. (отв. ред.) и др. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. – 282 с. – Сп. науч. тр. К.Д. Авдеевой: С. 278–281.
440. Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного историка XVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского, 15–17 апр. 2009 г. / Нижегород. гос. пед. ун-т, Нижегород. отд-ние о-ва интеллектуал. истории ИВИ РАН; Редкол.: ... Хазина А.В. (отв. ред.). – Н. Новгород, 2009. – 311 с.
441. *XII Чтения памяти профессора Сергея Ивановича Архангельского*: Материалы междунар. конф. / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, Нижегород. гос. пед. ун-т; Ред. кол.: ... Молев Е.А. (отв. ред.) и др. – Н. Новгород, 2001.
442. Чтение памяти М.А. Барга / Под ред. Бобковой М.Л. – М.: ИВИ РАН, 2006.
443. Право в средневековом мире. 2007: Сб. ст. / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Под ред. Варьяш И.И., Поповой Г.А. – М., 2007. – 293 с. *Памяти О.И. Варьяш.*
444. Проблемы исторического познания: Материалы междунар. конф. Москва. 19–21 мая 1991 г. / Отв. ред. Севастьянов Г.В. – М.: Наука, 1999. – 300 с. *Памяти М.А. Барга.*
445. Homo Historicus: *К 80-летию со дня рождения Бессмертного Ю.Л.* / Отв. ред. Чубарьян А.О.; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М., 2003. – Кн. 1–2.
446. Феодалный крестьянин в Восточной и Северной Европе: Сб. ст. / Сост. Какх Ю., Тарвел Э.; АН СССР. Ин-т истории. – Таллин: АН ЭССР, 1983. – 171 с. – Текст на рус., англ. и нем. яз. *Памяти А. Вассара.*
447. Одиссей: человек в истории. 2007: История как игра метафор: Метафоры, истории, общества и политики / Гл. ред. Гуревич А.Л. – М.: Наука, 2007. – 508 с.
От редакции: Этот номер мы посвящаем памяти А.Я. Гуревича и публикуем здесь его последние работы.
448. Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. – М., 1946. Т. XXXVII. Ист. фак. Вып. 3. – 240 с. *Памяти Н.П. Грацианского.*
449. Другие Средние века: *К 75-летию А.Я. Гуревича* / Ред. кол.: Скворцов Л.В. (отв. ред.) и др. – М.; СПб.: Univ. кн., 1999. – 463 с. – Библиогр. науч. тр. А.Я. Гуревича: С. 430–461.
450. Из истории социальных конфликтов и народных движений в средневековой Европе: [*Памяти Е.В. Гутновой*]: Сб. ст. / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Ред. кол.: Мильская Л.Т. и др. – М., 2001.
451. Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сб. ст. / Ред. кол.: Могильницкий Б.Г. (отв. ред.) и др. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. Вып. 18. – 176 с. *Посвящается 70-летию со дня рождения А.И. Данилова.*
452. Средневековая Европа: Пробл. идеологии и политики: *К 70-летию д-ра ист. наук, проф. И.А. Дворецкой*: Сб. ст. / Сост.: Сидоров А.И., Тимофеев М.А. – М., 2000. 160 с.
453. Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. – Л., 1948. – Т. 68: *Сборник памяти А.Е. Кудрявцева.*
454. Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки: *Памяти А.Д. и В.С. Люблинских* / Под ред. Киселевой Л.И. – СПб: Дмитрий Буланин, 2001. – 314 с.

455. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Лебедевой Г.Е. – СПб., 2003. – Вып. 4. – 247 с. *Памяти А.Д. Люблинской.*
456. Норна у источника Судьбы: *Сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой* / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Ред. кол.: Джаксон Т.Н. (отв. ред.) и др. – М.: Индрик, 2001. – 479 с. – Часть текста на англ. – Спис. науч. тр. Е.А. Мельниковой: С. 456–470.
457. Средние века: сб. Вып. II. *Посвящается памяти академика Д.М. Петрушевского* / Отв. ред. Косминский Е.А. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, – 414 с. – Указ. тр и важнейших дат науч. деятельности: С. 405–414.
458. Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма: *Памяти Д.М. Петрушевского и А.И. Неусыхина; Сб.ст.* / РАН. Ин-т всеобщ. истории. Науч. совет «общие закономерности и особенности всемирно-истор. процесса»; Ред. кол.: Мильская Л.Т. (отв. ред.) и др. – М., 1995. – 295 с.
459. Исторический ежегодник / Ом. гос. ун-т. – Омск, 2001.
Спец. вып.: *Посвящается 60-летию ... Г.К. Садретдинова* / Ред. кол.: ... Свешников А.В., Якуб А.В. (отв. ред.) – 184 с.
460. *Яков Давидович Серовайский. Жизненный путь и труды ученого: К 90-летию со дня рождения* / Отв.в ред. и сост. Серовайская Ю.Я. – Караганда, 2001. – 203 с.: ил. – Полный спис. тр. Я.Д. Серовайского: С. 96–120.
461. Европа в Средние века: экономика, политика, культура: Сб. ст. / Ред. кол.: Удальцова Э.В. (отв. ред.) и др.: *К 80-летию акад. С.Д. Сказкина.* – М.: Наука, 1972. – 446 с.
462. Средневековый город. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 1974.
Вып. 2: *Памяти С.Д. Сказкина.* – 209 с.
463. Средневековый город: Межвуз.науч. сб. – Саратов: Науч. кн., 1998.
Вып. 13: Вопросы экономической, социальной политической идейной истории города XII–XVI вв.: *Посвящается 85-летию проф. С.М. Стама.* – 215 с.
464. Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения / Отв. ред. Чиколіни Л.С. – М.: Наука, 1988. – 248 с. *Памяти З.В. Удальцовой.*
465. Кельто-Славика II: Материалы второго коллоквиума Международного общества «Кельто-Славика» (Москва, МГУ им. М.в. Ломоносова 14–17 сент. 2008 / Ред. кол.: Мак-Махуна И. / Отв. ред. – М.: МАК С.-Пресс, 2009. – 236 с.
Памяти С.В. Шкунаева.
466. Искусство власти: *Сб. в честь Н.А. Хачатурян* / Под ред. Дмитриевой О.В. – СПб.: Алетейя, 2007. – 506 с.

Византивисты

467. *Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения* / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Отв. ред. Чекалова А.А. – СПб.: Алетейя, 2003. – 620 с. – Библиогр.: С. 451–617.
468. *Albo dies notanda lapillo: коллеги и ученики.* – Г.Е. Лебедевой / Отв. ред. Якубский В.А. – СПб.: Алетейя, 2005. – 264 с.
469. *ГЕННАДИОС: К 70-летию акад. Г.Г. Литаврина* / РАН Ин-т славяноведения; Отв. ред. Флоря Б.Н. – М.: Индрик, 1999. – 303 с.
470. Славяне и их соседи / РАН. Ин-т славяноведения. – М.: Наука, 2001.
Вып. 10: Славяне и кочевой мир: *К 75-летию акад. Г.Г. Литаврина* / Отв.в ред. Флоря Б.Н. – 304 с.
471. *ANTIDORON: К 75-летию акад. РАН Г.Г. Литаврина* / РАН. ин-т всеобщ. истории; Отв. ред. Чичуров И.С. – СПб.: Алетейя, 2003. – 143 с. – Библиогр.: С. 140–142.

472. *Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П. Соколова*: Материалы межвуз. конф. 10–11 окт. 1997. – Нижний Новгород: Нижегород гос. ун-т, 1998. – 253 с.
473. *Античная древность и Средние века*. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1973. Вып. 10: *К 80-летию проф. М.Я. Сизюмова* / Отв. ред. Сметанин В.А. – 322 с.
474. *Московия. Проблемы византийской и новогреческой филологии* / МГУ им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. Каф. византийск. и новогреч. филологии; Ред. кол.: ... Яламас Д.А. (отв.ред.). – М.: Индрик, 2001. 1. – 567 с. – Текст на рус., фр., греч. яз. Рез. на рус. и англ. яз.: *К 60-летию Б.Л. Фонкича*. Сп. науч. тр. Б.Л. Фонкича: С. 23–37.
475. *Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время: (Памяти В.П. Шушарина)* / РАН. Ин-т славяноведения; Ред. кол.: ... Стыкалин А.С. (отв. ред.) и др. – М., 2004. – 342 с.: с карт.

Историки Нового и Новейшего времени

476. *Памяти профессора А.В. Адо*: Совр. исслед. о фр. революции конца XVIII века / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. фак; Под ред. Смирнова В.П., Бовыкина Д.Ю. – М., 2003. – 285 с.
477. *Historia – magistra vitae: (Межвуз. сб. к 60-летию А.А. Аникеева)* / Ставроп. гос. ун-т; Ред. кол.: Остриков П.И. (пред.) и др. – Ставрополь, 2002. – 229 с.
478. *Памяти С.С. Бантке*: (Из истории рев. движения в Бессарабии) / Ред. кол.: Минц И.И. (отв. ред.) и др. – Кишинев: Картя молдовеняска, 1970. – 253 с. – Сп. науч. тр. С.С. Бантке: С. 241–244.
479. *Всеобщая история: современные исследования*: Межвуз. сб. науч. тр. – Брянск: Брянск. гос. ун-т, 2008. – Вып. 17. – 233 с. К шестидесятилетию С.Ф. Блуменау.
480. *Человек – Культура – История: В честь 70-летия Л.М. Баткина* / Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т высш. гуманит. исслед.; Ред. кол.: Андреев М.Л. и др. – М., 2002. – 393 с.
481. *Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций* / Под ред. Журавлевой В.И., Курилы И.И. – Волгоград: Изд-во Вол. ГУ, 2009. – 408 с. – *Посвящается памяти Николая Николаевича Болховитинова*.
482. *От Средних веков к Возрождению: Сб. в честь проф. Л.М. Брагиной*. – СПб.: Алетейя, 2003. – 367 с. – Библиогр.: С. 9–18.
483. *Русское открытие Америки: Сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Николая Николаевича Болховитинова*. – М.: РОССПЭН, 2002. – 496 с.
484. *Международные отношения в Новое и Новейшее время: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. К.Б. Виноградова*, Санкт-Петербург, дек. 2004 г. // С.-Петерб. гос. ун-т, 2005. – 420 с.
485. *Политическое насилие в исторической памяти Германии и России: сб. науч. ист.* – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – 736 с. *Посвящается памяти Ю.В. Галактионова*.
486. *История социалистических учений: Памяти акад. В.П. Волгина* / Отв. ред. Поршнев Б.Ф. – М.: Наука, 1964. – 491 с.
487. *История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье* / РАН. Ин-т всеобщ. истории. О-во интеллектуал. истории. Под ред. Репиной Л.П. – М., 2008. – 351 с.
488. *Мир историка: Владимир Иванович Герье*: Материалы науч. конф., Москва, 18–19 мая 2007 г. / РАН. Ин-т всеобщ. истории и др. – М., 2007. – 132 с.
489. *Война и мир в истории Европы: Сб. науч. ст. памяти проф. Е.П. Глушанина* / Алт. гос. ун-т; Редкол.: Чернышов Ю.Г. (отв. ред.) и др. – Барнаул, 2007. – 142 с.

490. Проблемы новой и новейшей истории. Ред. кол.: Адо А.В. и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 283 с. с портр. Библиогр. тр. И.С. Галкина и лит. о нем.: С. 5–12. *К 70-летию И.С. Галкина.*
491. *Тимофей Николаевич Грановский*: Сб. ст. / Под общ. ред. Вержбицкого В.Г. – М.: Гос. ист. музей, 1970. – 79 с.
492. *Тимофей Николаевич Грановский*: идея всеобщей истории РАН. Ин-т всеобщ. истории. О-во интеллектуал. истории; Ред. кол.: ... Репина Л.П. (отв. ред.). – М., 2006. – 281 с.
493. Проблемы всеобщей истории и историографии: Сб. науч. публ. памяти проф. *В.В. Гусева* / Воронеж. гос. ун-т; Редкол.: Титов В.Т. и др. – Воронеж, 2008. – 219 с.
494. Исторические этюды о Французской революции: Памяти *В.В. Далина*: (К 95-летию со дня рождения) / Ин-т всеобщ. истории РАН; Ред. кол.: Чудинов А.В. / Отв. ред. и др. – М., 1998. – 322 с.
495. Методологические проблемы исторического познания. – Омск: изд-во Ом ГПУ, 2006. – 136 с. Памяти *О.Г. Дуки.*
496. Германия и Россия в судьбе историка: Сб. ст., посвящ. 90-летию *Я.С. Дробкина* / РАН. Ин-т всеобщ. истории и др.; сост.: Корчагина М.Б., Гелицын В.Л.; Редкол.: ... Ищенко В.В. (отв. ред.) и др. – М.: Собрание, 2008. – 399 с.: порт. – Библиогр.: С. 379–396.
497. Французский ежегодник / Ин-т всеобщ. истории РАН и др. – М.: УРСС, 2002. 2002: Историки Франции: *К 100-летию В.М. Далина (1902–1985)* / Гл. ред. Чудинов А.В. – 273 с.
498. Россия и Британия: Сб. ст. / РАН. Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. британских исслед.; Отв. ред. Трухановский В.Г. – М.: Наука, 2000. Вып. 2: *Чтения памяти Н.А. Ерофеева.* – 187 с.
499. Проблемы истории и этнографии Америки: *Сб., посвящ. памяти чл.-кор. АН СССР А.В. Ефимова* / Ред. кол.: Бромлей Ю.В. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1979. – 279 с. – Спс. осн. тр. А.В. Ефимова: С. 275–276.
500. Проблемы истории и историографии рабочего движения: Сборник. *К 70-летию со дня рождения М.А. Заборова* / Подгот. Кухарчук Д.В. и др.; Отв. ред.: Кухарчук Д.В., Меликян О.Н.; АН СССР. Ин-т пробл. рабочего движения и сравн. политологии. – М., 1991. – 203 с.
501. Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели / Рос. гос. гуманит. ун-т и др. – М.; Ставрополь, 2007. Вып. 3 / Отв. ред.: Шаповалов В.А. – 200 с. Памяти *Т.М. Исламова.*
502. Средняя Европа // Проблемы международных и межнациональных отношений. XIX–XX вв.: *Памяти Т.М. Исламова* / Отв. ред. Стыкалин А.С. – СПб.: Алетейя, 2009. – 543 с.
503. Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв.: *Памяти Т.М. Исламова.* – СПб.: Алетейя, 2009. – 544 с.
504. *Николай Иноземцев: личность и время: Воспоминания* / Сост. и отв. ред.: Максимова М.М. – М.: Экономистъ, 2004. – 429 с. – Хронол. указ. тр.: С. 379–401.
505. Центральная Европа в новое и новейшее время: (*Сб. к 70-летию Т.М. Исламова*) / РАН. Ин-т славяноведения; Отв. ред. Стыкалин А.С. – М., 1998. – 231 с.
506. Первые *Петербургские Кареевские чтения* по новейшей истории. – СПб, 1996. – 164 с.
507. Вторые *Петербургские Кареевские чтения* по новистике. Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.) – СПб, 1999.

508. Третьи *Петербуржские Кареевские чтения* по новистике, 6–9 декабря 1999 г. Становление мира как «Общего дома» человечества: динамика, этапы, перспективы (XVI–XXI вв.) / Под ред. Комисаровой. – СПб., 2003. – 640 с.
509. *Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель*: Материалы I Всерос. науч.-теорет. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева, Сыктывкар, 5–6 дек. 2000 г. / Сыктывк. гос. ун-т; Ред. кол.: ... Золотарев В.П. (отв. ред.) и др. – Сыктывкар, 2002. – 221 с.
510. Феномены истории: *К 70-летию В.Л. Керова*: Сб. ст. / Рос. ун-т дружбы народов; Ред. кол.: Козьменко В.М. (отв. ред.) и др. – М.: Мир Отечества, 1996. – 205 с.
511. Феномены истории 2005: *К 80-летию со дня рождения и 45-летию работы в Рос. ун-те дружбы народов В.Л. Керова*: Сб. ст. / Рос. ун-т дружбы народов; Отв. ред.: Кирабаев Н.С., Козьменко В.М. – М., 2005. – 328 с.
512. Рабочий класс и идеологическая борьба в эпоху империализма: Межвуз. сб. науч. тр. / Ред. кол.: Алпагова Г.М. и др. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1978. – 136 с. *В честь 60-летия Л.Е. Кертмана*.
513. Мир личности: *Творч. портр. проф. Л.Е. Кертмана* / Подгот. Васильева Н.Е. и др. – Пермь: Кн. изд-во, 1991. – 166 с. – Сп. науч. тр., профессора, д-ра ист. наук Л.Е. Кертмана, лит. о жизни и трудах проф. Л.Е. Кертмана: С. 158–165.
514. *Максим Ковалевский и современная общественная мысль*: К 150-летию со дня рожд. М.М. Ковалевского: Тезисы докл. науч. конф., 20–21 сент. 2001 г. / С.-Петербург. гос. ун-т. Факт социологии, Социол. о-во им. М.М. Ковалевского; Ред. кол.: Бороноев А.О. и др. – СПб., 2001. – 100 с.
515. Многоликая Европа: Пути развития: *Сб. ст. памяти Н.А. Ковальской* / Отв. ред. Каргалова М.В.: Интердиалект, 2002. – 420 с.
516. История и историография зарубежного мира в лицах: Межвуз. сб. науч. ст. / Самар. гос. ун-т. Каф. зарубеж. истории; Ред. кол.: Кутявин В.В. (отв. ред.) и др. – Самара: Самар. ун-т, 1998.
Вып. 3: *К 70-летию профессора Б.Д. Козенко*. – 220 с.
517. Историческая мысль в современную эпоху: *Материалы 2 межвуз. ист. чтений, посвящ. памяти проф. Козюченко В.А.*, Волгоград, 2–4 апр. 1996 г. / Волгогр. гос. пед. ун-т; Под ред. Блосфельд Е.Г. – Волгоград: Перемена, 1997. – 176 с.
518. Проблемы истории, филологии, культуры / РАН. Ин-т археологии, Магнитог. гос. ун-т; Ред. кол. Абрамзон М.Г. (отв. ред.) и др. – М.: Магнитогорск: Изд-во Магнитог. гос. ун-та, 2002.
Вып. 7: *В честь 70-летия С.Д. Крыжицкого*. – 615 с.
519. Русско-французские культурные связи в эпохи Просвещения: Материалы и исследования / Отв. ред. Карп С.Я. – М.: РГГУ, 20001. – 381 с. *Памяти Г.С. Кучеренко*.
520. Политическая история и историография: От античности до современности; Сб. науч. ст. / Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск, 2000.
Вып. III: *Посвящается памяти проф. И.И. Кяйвярйнена*. – 298 с.
521. Европа в Новое и Новейшее время: *Сб. ст. памяти акад. Н.М. Лукина* / Ред. кол.: Сказкин С.Д. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1966. – 685 с.
522. Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI–XX вв. *Сб. ст. к 80-летию И.М. Майского* / Ред.-сост. Альтман В.В. – М.: Наука, 1964. – 560 с.
523. Проблемы британской истории / Ред. кол. Ерофеев Н.А. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1974. 1974: *Посвящается 90-летию акад. И.М. Майского*. 267 с. – Библиогр.: С. 259–265.
524. Из истории Европы в новое и новейшее время: *К 100-летию со дня рождения акад. И.М. Майского* / Отв. ред. Самсонов А.М. – М.: Наука, 1984. – 316 с. – Тр. И.М. Майского: С. 294–314.

525. Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.
Вып. 25: *70 лет д-ру ист. наук Б.Г. Могильницкому* / Ред. кол.: Николаева Н.Ю. (отв. ред.) и др. – 220 с.
526. Отрешившийся от страха: *Памяти А.М. Некрича*: Воспоминания, ст., документы / Ред. кол.: Альперович М.С., Наджафовых Д.Д., Чубарьян А.О. – М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 1996. – 214 с.
527. Диалог культур – культура диалога: *К 70-летию Нины Сергеевны Павловой*. – М.: РГГУ, 2002. – 421 с.
528. Постигание идеала: Из истории миротворчества и интеллигенции: *Сб. памяти Т.А. Павловой* / Ин-т всеобщ. истории РАН; Ред.: Сдвижков Д.А., Хайнц Д. – М., 2005. – 176 с.
529. Международные отношения в исследовательских практиках и преподавании всеобщей истории: *Памяти проф. ИАИ Т.Г. Панченковой*. – М.: РГГУ, 2006. – 93 с.
530. История социалистических учений. Сб. ст.: *Памяти Б.Ф. Поршневой* / Ред. кол. ... Кучеренко Г.С. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1976. – 389 с.
531. Исследования по новой и новейшей истории: *Сб. ст., посвящ. 60-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. В.Г. Ревуненкова* / Отв. ред. Фураев В.К.; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1972. – 189 с. – Библиогр.: С. 184–189.
532. Великая Французская революция, империя Наполеона и Европа: *Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. В.Г. Ревуненкова*, Санкт-Петербург, окт. 2005 / С.-Петерб. гос. ун-т. Ист. фак. Каф. истории и новейшего времени; Ред. кол.: Ушаков В.А. (отв. ред.) и др. – СПб., 2006. – 320 с.
533. Личность – Идея – Текст в культуре Средневековья и Возрождения: *Сб. науч. тр. в честь 60-летия Н.В. Ревякиной* / Иван. гос. ун-т; Под ред. Кривушина И.В., Кривушиной Е.С. – Иваново, 2001. – 239 с. – Библиогр.: С. 229–239.
534. Мир Клио: *Сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной*. – М.: ИРИ РАН, 2007.
Т. 1 / Под общ. ред. Суприянович А.Г. – 472 с. – Сп. тр. Л.П. Репиной. – С. 35–53.
Т. 2 / Под ред. Воробьевой. – 458 с.
535. Империализм и борьба рабочего класса: *Сб. ст. памяти акад. Ф.А. Ротштейна* / Отв. ред. Волгин В.П. – М.: Изд-во АН СССР. 1960. – 506 с.
536. История и культура: Актуал. пробл.: *Сб. ст. в честь 70-летия проф. Ю.К. Руденко* / С.-Петерб. гос. ун-т. Ист. фак. Каф. западноевроп. и рус. культуры; Ред. кол.: Березкин А.В. и др. – СПб.: Наука, 2005. – 343 с. – Сп. науч. тр. Ю.К. Руденко: С. 331–338.
537. Из истории общественных движений и международных отношений: *Сб. ст. в память Е.В. Тарле* / Ред. кол.: Манфред А.М. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1957. – 736 с.
538. Ученые записки Московского государственного педагогического Института им. В.И. Ленина. – М., 1966.
Т. 249: Некоторые проблемы классовой борьбы в период капитализма: *Памяти Е.В. Тарле*. – 170 с.
539. Проблемы истории международных отношений: *Сб. ст. памяти акад. Е.В. Тарле* / Ред. кол.: Рутенбург В.И. (отв. ред.) и др. – Л.: Наука, Ленингр. от-ние, 1972. – 427 с.
540. Белорусская германистика: актуальные научные проблемы и этапы развития: К 100-летию основателя науч. шк. сов. белорус. германистики *Г.М. Трухнова*: Материалы Респ. науч.-теорет. конф., г. Минск, 2 дек. 2008 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. Каф. новой и новейшей истории; Редкол.: ... Космач Г.А. (отв. ред.) и др. – Минск, 2008. – 163 с.: ил. – Библиогр. в конце ст.
541. Историографический сборник. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977.

- Вып. 6: *Посвящается 100-летию со дня рождения акад. Е.В. Тарле*; отв. ред. Пугачев В.В. – 184 с.
542. Россия и Британия: Сб. ст. / РАН. Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. брит. исслед. – М.: Наука, 2002.
Вып. 3: В мире английской истории: *Памяти В.Г. Трухановского* / Отв. ред. Давидсон А.Б. – 407 с.
543. Проблемы истории международных отношений и историографии всеобщей истории: *Сб. ст. памяти В.К. Фураева* / Рос. гос. пед.ун-т им. А.И. Герцена; Отв. ред. Носков В.В. – СПб., 2002. – 270 с. – Спис. опубл. работ В.К. Фураева: С. 249–264.
544. Проблемы всемирной истории: Сб. ст. в честь А.А. Фурсенко / Отв. ред. Ананьич Б.В. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 412 с.
545. Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений: *Сб. ст. памяти акад. Владимира Михайловича Хвостова* / Ред. кол.: ... А.З. Манфред (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1976. – 399 с.
546. Историческая наука на рубеже веков / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Отв. ред. Фурсенко А.А. – М.: Наука, 2001. – 352 с. *К 70-летию А.О. Чубарьяна*.
547. Америка и мир: история и современность: *Сб. ст. в честь 70-летия проф. Б.А. Ширяева* / С.-Петербург. гос. ун-т. Фак. междунар. отношений; Ред. кол.: Акимов Ю.Г. (отв. ред.) и др. – СПб., 2006. – 305 с.
548. Общественная мысль в контексте истории культуры / *Сб. в честь А.Э. Штекли* / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Ред. кол.: ...Кудрявцев О.Ф. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 2004. – 423 с. – Тр. А.Э. Штекли: С. 415–420.
549. Америка: Слово, образ, судьба: Межвуз. сб. науч. тр., посвящ. памяти *В.И. Яценко*. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. – 290 с.
550. Вопросы всеобщей истории и историографии: *Сб. науч. ст. памяти проф. А.В. Эдакова* / Новосиб. гос. пед.ун-т; Ред. кол.: Умбрашко К.Б. (отв. ред.) и др. – Новосибирск, 2006. – 289 с.

Славяноведы

551. *О.М. Бодянский* и проблемы славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого) // Отв. ред. Никифоров К.В. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. – 240 с.
552. *Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина* / Ред. кол.: Бороздина П.А. и др. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. – 407 с. – Библиогр.: С. 395–403.
553. *Ю.И. Венелин в болгарском Возрождении*: Сб. ст. / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики; Отв. ред. Венедиктов Г.К. – М., 1998. – 205 с. – Иштугин В.В. Юрий Иванович Венелин (1802–1839): Биобиблиогр. указ. лит. за 1828–1994 гг.: С. 148–204.
554. Славянские народы: Общность истории и культуры: *К 70-летию чл.-кор. РАН В.К. Волкова* / Отв. ред. Носов Б.В. – М.: Индрик, 2000. – 488 с.
555. *Studia Slavica – Polonica: (К 90-летию И.И. Костюшко)*: Сб. ст. / Отв. ред. Никифоров К.В. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. – 448 с.
556. Историческая полоника, XX век: Работы победителей Первого открытого конкурса студ. и аспирант. работ «Актуал. наука» («СССР и Польша в мировой политике: XX век») *памяти О.Н. Кена* / Отд. культуры и науки Генер. консульства Респ. Польша в Санкт-Петербурге, С.-Петербург. ин-т истории РАН; Сост.: Кен В.Д.; Науч. ред.: Исаев С.А., Рупасов А.И. – СПб., 2009. – 119 с.
557. Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета: *Материалы науч. чтений, посвящ. 80-летию со дня рождения И.А. Воронкова*

- (1923–1983) / Моск. гос. ун-т. Ист. фак. Каф. истории юж. и зап. славян; Отв. ред. Матвеев Г.Ф. – М.: Мосгорархив, 2001. – 271 с.
558. Югославянская история в новое и новейшее время: *Материалы науч. чтений, посвящ. 80-летию со дня рождения В.Г. Карасева* (1922–1991) / МГУ им. М.В. Ломоносова. Каф. истории юж. и зап. славян. Ист. факт.; Отв. ред.: Матвеев Г.Ф., Кузьмичева Л.В. – М.: Мосгорархив., 2002. – 305 с. – Библиогр.: С. 285–295.
559. Славяне и немцы: Сред. века – раннее Новое время: *Сб. тез. 16 конф. памяти В.Д. Королюка* / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики; Ред. кол.: Литаврин Г.Г. (отв. ред. серии), Заборовский Л.В. (отв. ред. сб.) и др. – М., 1997. – 166 с.
560. Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков: *К 60-летию проф. Моск. ун-та Г.Ф. Матвеева* / Моск. гос. ун-т. Ист. фак. Каф. истории юж. и зап. славян; отв. ред. Ненашева З.С. – М., 2003. – 521 с.
561. Вопросы истории славян: Сб. науч. тр. – Воронеж, 1999.
Вып. 14: *Памяти Анатолия Евсеевича Москаленко* (1909–1984). – 214 с.
562. Русь и южные славяне: *Сб. ст. к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина* (1894–1987) / Сост. и отв. ред. Загребин В.М. – СПб.: Алетей и др., 1998. – 474 с.
563. Славяне и их соседи / РАН. Ин-т славяноведения. – М.: Индрик, 2008.
Вып. 12: Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в Средние века / Отв. ред.: Литаврин Г.Г. – 415 с.: ил., [8] л. ил. – К 70-летию Б.Н. Флори.
564. Х.Х. Хайретдинов: Исследования и материалы, посвящ. 65-летию со дня рождения Х.Х. Хайретдинова / Отв. ред. Матвеев Г.Ф.; МГУ. Ист. фак-т. Каф. истории южных и западных славян. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. – 475 с.
565. *Studia polonica: К 70-летию В.А. Хорева* / РАН. Ин-т славяноведения; Редкол.: Волков В.К. (отв. ред.) и др. – М.: Индрик, 2002. – 455 с. – Библиогр. тр. В.А. Хорева; С. 9–23.
566. *Prospice sed respice: Пробл. славяноведения и медиевистики: Сб. науч. ст. в честь 85-летию проф. В.А. Якубского* / С.-Петербург. гос. ун-т. Ист. фак.; Ред. кол.: Дворниченко А.Ю. (отв. ред.) и др. – СПб., 2009. – 437 с. [5] б л. ил.
567. *Зденек Неedly – выдающийся общественный деятель и ученый* / Под ред. Прасолова С.И. – М.: Наука, 1964. – 272 с.
568. *П.А. Ровинский (1831–1916) и его время: Межвузж темат. сб. науч. тр.* / Редкол.: Фрейденберг М.М. (отв. ред.) и др.: Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1988. – 137 с. – Библиогр.: С. 114–135.

Востоковеды. Африканисты

569. Древний Восток и античный мир: *Сб. ст., посвящ. проф. В.И. Авдиеву* / Под ред. Кузищина В.И. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 255 с. – Спис. печ. работ проф. В.И. Авдиева: – С. 244–252.
570. Литература и культура Китая. Сб. ст. *К 90-летию со дня рождения академика В.М. Алексеева*. – М., «Наука». Глав. ред. вост. лит., 1972. – 360 с.
571. *Alaica: Сб. науч. тр. рос. востоковедов, подгот. к 70-летнему юбилею проф. Л.Б. Алаева* / РАН. Ин-т востоковедения; Отв. ред. Непомнин О.Е. – М.: Вост. лит., 2004. – 455 с.
572. Малайско-индонезийские исследования / О-во «Нусантара». – М.: Ключ-С., 2008.
Вып. 18: Сборник посвящен 40-летию Общества «Нусантара» и 30-летию выпуска «Малайско-индонезийских исследований» Н.Ф. Алиевой / Ред. кол.: Алиева Н.Ф. (науч. ред.) и др. – 311 с.: табл. – Часть текста на англ. яз.
573. Традиционная культура Китая: *Сб. ст. к 100-летию со дня рождения акад. В.М. Алексеева* / Ред. кол.: Эйдлин Л.З. (отв. ред.) и др.; АН СССР. Ин-т востокове-

- дения. – М.: Наука, 1983. – 208 с. – Аннот. библиогр. тр. акад. В.М. Алексеева и лит. о нем (продолж. и доп.): С. 176–193.
574. Среднеазиатский этнографический сборник / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2001.
Вып. 4: *Памяти Владимира Николаевича Басилова* / Отв. ред. Бушков В.И. – 246 с.
575. Ислам в истории народов Востока: (Сб. статей) / Отв. ред. Смилянская И.М.; Кямилев С.Х.; АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1981. – 197 с. *Памяти Е.А. Беляева.*
576. Научная и духовно-миссионерская деятельность *Н.Я. Бичурина*: история и современное значение: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 230-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина (Чебоксары, 18–20 окт. 2007 г.) Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; Ред.-сост. Григорьев В.С. – Чебоксары, 2009. – 353 с.: табл. 8 л. ил. – Часть текста парал. на рус. и кит. яз.
577. Неизменность и новизна художественного мира: *Памяти Е.А. Бертельса*: Сб. ст. / РАН. Ин-т востоковедения; Отв. ред. Пригарина Н.И. – М., 1991. – 291 с.
578. Общество и государство в Китае: XXXVI науч. конф.: *К 70-летию А.А. Бокщанина* / РАН. Ин-т востоковедения; Сост. и отв. ред. Блюмхен С.И. – М.: Вост. лит. РАН, 2006. – 320 с.
579. *Scripta Gregoriana: Сб. в честь семидесятилетия акад. Г.М. Бонгард-Левина* / РАН. Отд-ние ист.-филол. наук; Отв. ред. Тихвинский С.Л. – М.: Вост. лит., 2003. – 526 с. – Библиогр.: С. 509–522.
580. *Mongolica: Памяти акад. Б.Я. Владимирцова, 1884–1931* / Ред. кол.: Кононов А.Н. и др.; АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1986. – 301 с.
581. Проблемы истории языков и культуры народов Индии: Сб. ст. *Памяти В.С. Воробьева-Десятовского* / Отв. ред. Зограф Г.А. и Топоров В.Н. – М.: Наука, 1974. – 268 с. – Библиогр. В.С. Воробьева-Десятовского: С. 8–11.
582. *Вяткин М.П.: Ученый. Человек. Учитель: К столетию со дня рождения* / Под ред. Потолова С.И. – СПб.: Нестор, 1996. – 120 с.
583. В масштабе века: *Сб. воспоминаний о Б.Г. Гафурове – ученом, политике, гражданине* / Посольство Респ. Таджикистан в Рос. Федерации; Сост. Лебедев М.С. – М., 1999. – 185 с.
584. Б.Г. Гафуров: диалог культур и цивилизаций. – В.Г. Gafurov: dialogue of cultures and civilizations: Сб докл. участников Междунар. конф., посвящ. 90-летию Б.Г. Гафурова, 28–29 июля 1999 г., Нью-Дели / ...Ин-т востоковедения РАН; Сост.: Гафурова Н.Б., Лебедев М.С. – М., 2000. – 250 с. – Текст на рус. и англ. яз.
585. Японская мозаика: Сб. ст. памяти проф. *В.Н. Горегляда* / Отв. ред. и сост.: Кабанов А.М., Маранджян К.Г.; Ин-т вост. рукописей РАН. – СПб.: Гиперион, 2009. – 207 с.
586. Древность: историческое знание и специфика источника / РАН. Отд-ние ист.-филол. наук. Ин-т востоковедения. – М., 2009.
Вып. 4: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти *Э.А. Грантовского* и *Д.С. Раевского*, 14–16 дек. 2009 г. / Отв. ред.: Балахванцев А.С. – 139 с.
587. Древний Египет: Сб. ст.: *Памяти Владимира Семеновича Голенищева*, великого рус. египтолога / Ред. кол.: Струве В.В., Авдиев В.И., Коростовцев М.А. и др. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 273 с.
588. *Donum Paulum. Studia Poetica et Orientalia: К 80-летию П.А. Гринцера* / Ред. сост. Лидова Н.Р.; ИМЛИ им. А.М. Горького. – М.: Наука, 2008. – 517 с.
Вступ. ст. «Павел Александрович Гринцер» (С. 3–15).
589. *Губеровские чтения* / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Ключ-С, 2009.

- Вып. 1: Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность / Отв. ред. Бектимирова Н.Н.; Редкол.: Кравченко А.Е. и др. – 361 с.: ил. – Библиогр. в примеч.
590. Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: *Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 70-летию со дня рождения А.Д. Грача*, дек. 1998 г. / Ист. факт. СПбГУ. Каф. археологии и др.; Ред. кол.: Савинов Д.Г. (отв. ред.) и др. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – 304 с.
591. Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии: *Сб. ст. памяти акад. А.А. Губера* / Отв. ред. Гафуров Б.Г. – М.: Наука, 1972. – 311 с. – Библиогр. осн. тр. акад. А.А. Губера: С. 294–310.
592. Малайско-индонезийские исследования: *Сб. ст. памяти акад. А.А. Губера* / Ред. кол.: Пак М.Н. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1977. 250 с.
593. Советская историография Юго-Восточной Азии / Отв. ред. Гафуров Б.Г. – М.: Наука, 1977. – 254 с. *Памяти А.А. Губера*.
594. *Академик А.А. Губер: историк и личность: К 100-летию со дня рождения: Воспоминания, речи, статьи* / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки; Отв. ред. и сост. сб. Деопик Д.В. – М.: Муравей, 2004. – 206 с. – Библиогр. осн. работ А.А. Губера, лит. об А.А. Губере: с. 190–206.
595. Евроцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте: *Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию А.Б. Давидсона* / Ин-т всеобщ. истории РАН. Ин-т стран Азии и Африки при МГУ; Ред. кол.: Балезин А.С. (отв. ред.) и др. – М., 2000. – 227 с.
596. Общество и государство в Китае: Спец. вып.: *К 80-летию Л.П. Делюсина* / РАН. Ин-т востоковедения; Отв. ред. Дикарев А.Д. – М.: Вост. лит., 2004. – 160 с. – Осн. тр. Л.П. Делюсина: С. 157–160.
597. Три четверти века: *Д.В. Деопику – друзья и ученики*: Сб. ст. / Под ред. Бектимировой Н.Н. – М.: Памятники ист. мысли, 2007. – 525 с.
598. *Олег Константинович Дрейер* / Сост. Дрейер Э.А. – М.: Наука: Вост. лит., 1998. – 231 с.
599. Переднеазиатский сборник. – М.: Наука, Гл. ред. вост лит. III: История и филология стран Древнего Востока / Отв. ред. Дандамаев М.А., Лившиц В.А. – 1979. – 280 с. *В честь И.М. Дьяконова*.
600. Indologica: Сб. статей памяти *Т.Я. Елизаренковой* / Рос. гос. гуманит. ун-т; Сост.: Куликов Л., Русанов М. – М., 2008. – Кн. 1. – 528 с. (Orientalia et Classica Tr. Ин-та восточ. культур и античности. – Вып. XX).
601. История и языки Древнего Востока: *Памяти И.М. Дьяконова*. – СПб.: Петербург, востоковедение, 2002. – 416 с.
602. Эдубба вечна и постоянна: *Материалы конф., посвящ. 90-летию со дня рождения И.М. Дьяконова* / Гос. Эрмитаж; Сост.: Дандамаева М.М. и др. – СПб., 2005. – 266 с.
603. Ближний и Средний Восток / Под ред. Фомина А.И. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 187 с. *Памяти Б.Н. Заходера*.
604. *Мирза Казем-Бек* и отечественное востоковедение: Докл. и сообщения науч. конф. / Казан. гос. ун-т и др.; Ред. кол.: Закиев М.З., Валеев Р.М. (отв. ред.) и др. – Казань, 2001. – 322 с. – Текст парал. рус., тат.
605. *Научное наследие Н.Ф. Катанова* и современное востоковедение: *Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рожд. Н.Ф. Катанова*, 22–24 мая 2002 г., г. Абакан / Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, Хакас, НИИ яз., лит. и истории; Отв. ред.: Балачина Н.П. – Абакан, 2003. – 272 с.

606. *П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение: (К 100-летию со дня смерти)*. Материалы конф. / Отв. ред. и сост. Хохлов А.Н.; АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1979.
607. *Монголовед О.М. Ковалевский; биография и наследие (1801–1878)*. Отв. ред.: Кульганек И.В.; Ин-т востоковедения РАН (С.-Петербург. фил.) и др. – Казань; Алма-лит, 2004. – 286 с.
608. *Turcologica: К 70-летию акад. А.Н. Кононова* / Отв. ред. Кляшторный С.Г. Л.: Наука, 1976. – 364 с.
609. *Turcologica: К восьмидесятилетию акад. А.Н. Кононова* / Отв. ред.: Кляшторный С.Г. и др.; АН СССР. От-ние лит. и яз. и др. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – 302 с. л. портр.
610. Историко-филологические исследования: *Сб. ст. к семидесятилетию акад. Н.И. Конрада*. Гл. ред. Храпченко М.Б. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1967. – 511 с.
611. Историко-филологические исследования: *Сб. ст. памяти акад. Н.И. Конрада* / Ред. кол.: Б.Г. Гафуров и др.-М.: Наука, 1974. – 456 с.
612. Проблемы истории и теории мировой культуры. *Сб. ст. памяти акад. Н.И. Конрада* / Отв. ред. Пиотровский Б.В.. – М.: Наука, 1974. – 183 с.
613. Страны и народы Востока / Под общ. ред. Ольдерогге Д.А. – М.: Наука, 1976. Вып. XVIII: География. Этнография. История: *Памяти А.В. Королева* / Отв. ред. Вальская Б.А. – 299 с.
614. Древний Восток. Сб. 1 / Отв. ред. Кацнельсон И.С.: *К 70-летию акад. М.А. Коростовцова*. – М.: Наука, 1975.
615. Ancient Egypt and Kush: *In memoriam М.А. Korostovtsev* / Russ. acad. of sciences. Institute of oriental studies, National orientlists association; Отв. ред. Кормышева Э.Е. – Moscow: Nauka, 1993. – 456 p.
616. Востоковеды о международных проблемах Востока: (Посвящается памяти проф. *И.А. Латышева*) / РАН. Ин-т востоковедения, Вост. ун-т; Редкол.: Хазанов А.М. (отв. ред.) и др. – М., 2007. – 314 с. – Список тр. И.А. Латышева: С. 311–314.
617. Индия: Общество, власть, реформы: *Памяти Г.Г. Котовского* / РАН. Ин-т востоковедения; Отв. ред.: Ванина Е.Ю., Кашин В.П. – М.: Вост. лит. РАН, 2003. – 327 с. – Библиогр.: С. 316–326.
618. Проблемы арабской культуры: *Памяти акад. И.Ю. Крачковского* / Ред. кол.: Смилянская И.М. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, ред. вост. лит., 1987. – 389 с.
619. Восточный социум / РАН. ин-т востоковедения; Отв. ред.: Ланда Р.Г., Цветков Н.Н. – М., 2007. – 236 с. *Памяти А.И. Левковского*.
620. Переднеазиатский сборник / АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1986. Вып. 4. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока / Отв. ред. Дьяконов И.М. – 249 с. *В честь В.А. Лифшица*.
621. Тюркологический сборник / Ред. кол.: Кононов А.Н. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1978. 1975: *Памяти С.Е. Малова посвящается*. – 279 с. – Хронол. перечень тр. С.Е. Малова и лит. о нем: С. 262–276.
622. История и культура древнего и раннехристианского Египта: *Материалы науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения М.Э. Матье и М.А. Коростовцева*, 13–15 дек. 2000 г. / РАН. Ин-т востоковедения, Центр египтолог. исслед.; Отв. ред. Шеркова Т.А. – М.: ИВ РАН, 2001. – 223 с.
623. *Turcia et Ottomanica: Сб ст. в честь 70-летия М.С. Мейера* / Сост., отв. ред. Зайцев И.В., Орешникова С.Ф. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 2006. – 349 с.
624. *Meueriana* / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки. – М., 2006. Т. 1: *Сборник статей, посвященный 70-летию М.С. Мейера* / Отв. ред.: Ацамба Ф.М. – 271 с.

625. Тюркологический сборник / Ред. кол.: А.Н. Кононов (отв. ред.) и др. / М.: Наука, 1973.
1972: *Памяти П.М. Мелиоранского посвящается*. – 412 с. с ил., 3 л. ил. Список трудов П.М. Мелиоранского и лит. о нем / Сост. Н.А. Дулина: с. 396–400.
626. От Стамбула до Москвы: *Сб. ст. в честь 100-летия А.Ф. Миллера* / МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки; Сост. Мейер М.С., Орешкова С.Ф. – М.: Муравей, 2003. – 365 с. – Библиогр.: С. 355–365.
627. *Иван Павлович Минаев*: Сб. ст. / Отв. ред. Котовский Г.Г. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1967. – 136 с.
628. Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам, древняя Аравия: Сб. ст., посвящ. 60-летию *В.В. Наумкина* / РАН. Ин-т востоковедения и др.; Сост.: Седов А.В., Смилянская И.М. – М., 2005. – 411 с.: ил. – Библиогр.: С. 40–63.
629. Mongolica: Сб. ст. / РАН. С.-Петербург. фил. Ин-та востоковедения. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 2007.
7. *Посвящается 100-летию со дня рождения Д. Нацагдорджа* (монг. Д. Нацагдорж), Сост.: Кульганек И.В. – 140 с.
630. Республика Шри Ланка: История и современность. Отв. ред. Котовский Г.Г. – М.: Наука, 1977. – 208 с. *Памяти И.П. Минаева*.
631. Восток – Россия – Запад: Ист. и культурол. исслед.: *К 70-летию акад. Владимира Степановича Мясникова* / РАН ... Ин-т Дал. Востока и др.; Ред. кол.: Тихвинский С.Л. (отв. ред.) и др. – М.: Памятники ист. мысли, 2001. – 779 с.
632. *Сергей Федорович Ольденбург*: Сб. ст. / Отв. ред. Скрыбин Г.К., Примаков Е.М. – М.: Наука, 1986. – 160 с.
633. Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология / *К 70-летию чл.-кор. АН СССР Ольдерогге Д.А.* / Ред. кол.: Бромлей Ю.В. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1973. – 445 с. – Спис. тр. Д.А. Ольдерогге: С. 11–23.
634. Ethnologica Africana: *Памяти Д.А. Ольдерогге*; Сб.ст. / РАН. Ин-т Африки, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого; Отв. ред. Кочакова Н.Б.; Ред. кол.: Вознесенская Ю.А. и др. – М.: Муравей, 2002. – 379 с.
635. *Д.А. Ольдерогге и современная российская африканистика*: Материалы науч. конф. «Африка: о-ва, культуры, языки» (г. Санкт-Петербург, 7–9 окт. 2003 г.) / РАН. Науч. совет по пробл. Африки. Ин-т Африки. Центр цивилизац. и регион. исслед. и др.; Отв. ред.: Саватеев А.Д., Следзевский И.В. – М., 2005. – 320 с.
636. Исследования по истории культуры народов Востока: *Сб. ст. в честь акад. И.А. Орбели* / Ред. кол.: Струве В.В. (предисл. и др.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 526 с.
637. Искусство Востока и античности: Сб. ст. / Отв. ред. Коростовцев М.А. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1977. – 166 с. *Памяти В.В. Павлова* Востоковедные историко-экономические чтения: *Памяти В.И. Павлова* / Ин-т стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т востоковедения РАН; Отв. ред.: Мейер М.С., Петров А.М. – М., 1993. – 212 с. – Спис. основн. тр. В.И. Павлова: С. 205–211.
638. Восток: история и культура / РАН. Ин-т востоковедения. С.-Петербург. фил.; Под ред. Петросяна И.Е. и др. – СПб.: Наука, 2000. – 296 с. *Профессору Ю.А. Петросяну к 70-летию со дня рождения*.
639. Краткие сообщения Института народов Азии. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит. 86: История и филология Ближнего Востока. Семитология. Отв. ред. Струве В.В. Старкова, Лундин А.Г. – 1965. – 222 с. *К 70-летию Н.В. Пигулевской*.
640. Культура Востока: Древность и ран. средневековье. Сб. ст. / Науч. ред. Луконин В.Г.; Гос. Эрмитаж. Отд. Востока. – Л.: Аврора, 1978. – 240 с. *В честь Б.В. Пиотровского*.

641. Древний Восток и мировая культура: Сб. ст. / Отв. ред. Дьяконов И.М.; – М.: Наука, 1981. – 181 с. *К 70-летию Б.В. Пиотровского.*
642. Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения / Ред. кол.: Бромлей Ю.В. отв. ред.) и др. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. – 383 с. *К 75-летию Б.В. Пиотровского.*
643. Древний Восток: этнокультурные связи / Отв. ред.: Бонгард-Левин Г.М., Ардзинта В.Г. – М.: Наука, Гл.ред. вост. лит., 1988. – 341 с. *К 80-летию Б.В. Пиотровского.*
644. Мировая культура: Традиции и современность / Сост. Князевская Т.Б.; Отв. ред. Бромлей Ю.В.; АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1991. – 340 с. *Памяти Б.В. Пиотровского.*
645. Материалы и исследование по археологии Евразии: *Сборник: Посвящен 90-летию со дня рождения Б.В. Пиотровского* / Гос. Эрмитаж; Науч. ред. Доманский Я.В. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. – 169 с.
646. Сообщения Государственного Эрмитажа. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. 62 / Ред. кол.: ... Вилинбахов Г.В. (пред.) и др. – 263 с. *К 60-летию М.Б. Пиотровского.*
647. Эллинистические штудии в Эрмитаже: *Сб. ст. К 60-летию М.Б. Пиотровского* / Гос. Эрмитаж; Науч. ред.: Ходза Е.Н. – СПб., 2004. – 195 с.
648. *Scripta Yemenica: Исслед. по Юж. Аравии: Сб. науч. ст. в честь 60-летия М.Б. Пиотровского* / РАН. Ин-т востоковедения; Сост. и отв. ред.: Седов А.В. – М.: Вост. лит., 2004. – 343 с.
649. *Mongolica: Сб. ст. / РАН. С.-Петерб. фил. Ин-та востоковедения. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2003.*
6: *Посвящается 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева* / Отв. ред. Кляшторный С.Г. – 157 с.
650. Проблемы восточной филологии / Ред. кол.: Алиханова Ю.М. и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 263 с. – Сп. тр. *Л.Д. Позднеевой*: С. 18–25.
651. Востокведный сборник: *Сб. посвящен памяти В.В. Посувалюка* / Ин-т изуч. Израйля и Ближ. Востока; Отв. ред.: Исаев В.А., Филоник А.О. – М., 1999. – 271 с.
652. *Радловский сборник: Науч. исслед. и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г.* / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); Отв. ред. Чистов Ю.К., Рубцова М.А. – СПб., 2008. – 485 с.
653. *Радловский сборник: Науч. исслед. и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г.* / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); Отв. ред.: Чистов Ю.К., Рубцова М.А. – СПб., 2009. – 300 с.: ил. – Библиогр. в конце ст.
654. Рахмат-наме: Сб. ст. к 70-летию *Р.Р. Рахимова* / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); Отв. ред. Резван М.Е. – СПб., 2008. – 487 с.: ил. – Библиогр. *Р.Р. Рахимова*: С. 474–481.
655. Африканский этнографический сборник / Отв. ред. Ольдерогге Д.А. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – II: 256 с. *Памяти И.И. Потехина.*
656. Тюркологический сборник / Ред. кол.: Кононов А.Н. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1972.
1971: *Докл. Тюркол. конференции, посвящ. памяти В.В. Радлова.* – 290 с.
657. Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока: *Сб. ст. памяти И.М. Рейснера* / Отв. ред. Котовский Г.Г. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1972. – 298 с.
658. Страницы истории и историографии Индии и Афганистана: *К столетию со дня рождения И.М. Рейснера* / РАН. Ин-т востоковедения; Ред. кол.: Рыбаков Р.Б. (отв. ред.) и др. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. – 367 с.
659. *Ю.Н. Рерих: Материалы юбилейной конференции* / Ред. кол.: Алехин А.Д. и др. – М.: Междунар. центр Рерихов, 1994. – 95 с.

660. Краткие сообщения Института народов Азии. – М.: Изд. вост. лит. LVII: *Сборник памяти Ю.Н. Рериха* / Отв. ред. Дьяков А.М. – 1961. – 154 с.
661. В Индию духа...: сб. ст., посвящ. 70-летию *Р.Б. Рыбакова* / РАН. Ин-т востоковедения; Сост.: Зайцев И.В. и др. – М.: Вост. лит., 2008. – 542 с., 1 л. портр. – Избр. библиогр. работ Р.Б. Рыбакова: С. 7–8.
662. *Памяти академика В.Р. Розена*: Ст. и материалы к сорокалетию со дня его смерти: (1905–1948) / Под ред. Крачковского И.Ю. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1947. – 136 с.
663. Культура Египта и стран Средиземноморья в древности и средневековье: Сб. ст., посвящ. памяти *Т.Н. Савельевой* / Отв. ред. Шеркова Т.А. – М.: ЦЕИ РАН, 2009. – 495 с.: ил. – Список осн. науч. работ Т.Н. Савельевой: С. 29–31.
664. Парфянский выстрел: [*О Ростовцеве М.И.*] / РАН. Ин-т всеобщ. истории и др.; Под общ. ред. Бонгард-Левина Г.М., Литвиненко Ю.Н. – М.: РОССПЭН, 2003. – 759 с. – Материалы к биобиблиографии М.И. Ростовцева: С. 721–727.
665. Тюркологический сборник / Ред. кол.: Кононов А.Н. (отв. ред.) и др. / М.: Наука, 1978.
1974. [*Сборник, посвященный памяти А.Н. Самойловича*]. – 304 с. – Спис. тр. Самойловича А.Н. (с указанием рец. на них) и лит. о нем. С. 263–292.
666. *Памяти Александра Александровича Семенова*: Сб. ст. по истории, археологии, этнографии и искусству Сред. Азии / Ред. кол.: Искандеров Б.И. (председатель) и др.; АН ТаджССР. Ин-т истории им. А. Дониша. – Душанбе: Дониш, 1980. – 359 с.
667. Восток – Запад – Россия: Сб. ст. / Сост.: Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 431 с. – Библиогр.: С. 420–429. *В честь Н.А. Симония*.
668. Художественные памятники и проблемы культуры Востока / Гос. Эрмитаж. – Л.: Искусство, 1985. – 210 с. *Памяти Я.И. Смирнова*.
669. *Андрей Евгеньевич Снесарев*: (Жизнь и научная деятельность) / Ред. кол.: Балабушевич В.В., Котовский Г.Г. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1973. – 160 с. – Спис. тр. А.Е. Снесарева и лит. о нем.: С. 145–158.
670. Первый профессиональный японовед России: Опыт латв.-рос.-яп. исслед. жизни и деятельности *Е.Г. Спальвина* / Дальневост. гос. ун-т. Вост. ин-т; Сост., отв. ред. Дыбовский А.С. – Владивосток, 2007. – 187 с.
671. Долг и судьба: Первый командующий Сев.-Кавк. воен. округом *генерал А.Е. Снесарев* / Авт.-сост.: Полякова В.А.; Под общ. ред. Усика Б.Г. – Волгоград: Издатель, 2006. – 142 с.
672. *В.Г. Солодовников*: Сборник биобиблиогр. материалов (1952–1976 гг.) о науч., дипломат. и обществ. деятельности: К 80-летию со дня рождения / РАН. Ин-т Африки. – М., 2000. – XI, 166 с. – На обл.: В.Г. Солодовников. Творч. путь в африканистику и дипломатию.
673. Проблемы древней и средневековой истории и культуры Центральной Азии: *Посвящается 75-летию академика РАЕН Б.Я. Ставиского* / Ред.-сост.: Майтдинова Г.М., Якубов Ю.А.; Ин-т истории, археологии и этнографии АНРТ и др. – Душанбе, 2001. – 196 с.
674. На семи языках Индостана: *Памяти А.С. Сухачева*. – М., 2002.
675. Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии: Сб. ст. / Отв. ред. Жуковская Н.Л., АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1980. – 207 с. *Памяти Г.Г. Стратоновича*.
676. Древний мир. *Академику Василию Васильевичу Струве*: Сб. ст. / Ред. кол.: Пигулевская Н.В., Каллистов Д.П., Кацнельсон Н.В. и др. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 655 с.

677. Средневековый восток: История, культура, источниковедение / Ред. кол.: Гирс Г.Ф. (пред. и др.); АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1980. – 319 с. *Памяти А.С. Тверитиновой.*
678. Китай в диалоге цивилизаций: *К 70-летию акад. М.Л. Титаренко* / РАН. Ин-т Дальнего Востока; Ред. кол.: Тихвинский С.Л. (гл. ред.) и др. – М.: Памятники ист. мысли, 2004. – 835 с.
679. Всемирная история и Восток: Сб. ст. / Отв. ред. Пиотровский Б.В.; АН СССР. (Отделение истории). – М.: Наука, 1989. – 288 с. – Сп. тр. Тихвинского С.Л.: С. 247–287. *В честь С.Л. Тихвинского.*
680. Востоковедение и мировая культура: Сб. ст.: *К 80-летию С.Л. Тихвинского* / Ред. кол.: Титаренко М.Л., Мясников В.С., Ипатова А.С. – М.: Памятники ист. мысли, 1998. – 415 с.
681. Труды по культурной антропологии: *Памяти Г.А. Ткаченко* / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ин-т вост. культур и др.; Сост. Глебкин В.В. – М.: Вост. лит.: Муравей, 2002. – 423 с. Публ. Г.А. Ткаченко: С. 79–80.
682. Язык, культура и общество: Сб. науч. ст. и учебно-метод. материалов [*Памяти Ткаченко Г.А.*] / Сост. Христофорова О.Б., Дыбо А.В.; РГГУ. – М., 2001. – 428 с.
683. Конфликты на стыках цивилизации в начале XXI века: (*К 75-летию акад. РАЕН А.М. Хазанова*) / Отв. ред. Шарипов Х.З.-М.: Ин-т востоковедения РАН. – М., 2007. – 240 с.
684. Древний Восток. – М.: Наука, гл. ред. вост. лит.
Сб. 2: *Памяти акад-ка Бориса Александровича Тураева* / Отв. ред. Кацнельсон И.С. – 1980. – 216 с.
685. *Гомбжаб Цыбиков* – выдающийся ученый и путешественник: сб. науч. ст. / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2008. – Вып. 1–2.
686. Восхваление: *Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается...* / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки; Отв. ред. – Мейер М.С.; Науч. ред., сост. – Кузнецов В.А. – М.: Ключ-С, 2008. – 498 с. Основные науч. тр. И.М. Фильштинского: С. 39–43.
687. Изучение китайской литературы в СССР: Сб. ст. *к шестидесятилетию чл.-кор. АН СССР Н.П. Федоренко* / Ред. кол.: ... Л.З. Эйшлин (пред.) / М.: Наука, 1973.
688. «У времени в плену». *Памяти Сергея Сергеевича Цельникера*: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Стеблова И.В. – М.: Вост. лит.» РАН, 2000. – 439 с.
689. Россия – Восток – Запад. – М.: Наследие, 1998. – 421 с. *В честь Е.П. Чельшова.*
690. Индия и мир: Сб. ст. *памяти А.И. Чичерова* / Ин-т востоковедения РАН, Ин-т стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова; Отв. ред.: Мейер М.С., Петров А.М. – М.: Муравей-Гайд, 2000. – 275 с. – Сп. науч. тр. д-ра ист. наук А.И. Чичерова: С. 263–273.
691. Востоковеды – востоковеду: Сб. *на юбилей Г.К. Широкова* / ин-т стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т востоковедения РАН; Отв. ред. Мейер М.С. и др. – М.: Муравей, 2000. – 302 с. – Сп. тр. Г.К. Широкова: С. 278–299.
692. *Глегию Широкову: я хотел бы с тобой поговорить*: Сб. ст. / Ин-т востоковедения РАН; Отв. ред. и сост.: Сопленков С.В., Петров А.М. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2006. – 267 с.
693. Страны и народы Востока / Под общ. ред. Ольдерогге Д.А. – М.: Наука, 1982. Вып. 23: Дальний Восток: (Истории, этнографии, культура) / Отв. ред. Петров В.В., Фишман О.Л. – 295 с. *Памяти В.М. Штейна.*
694. Индийская культура и буддизм: Сб. ст. *памяти акад. Ф.И. Щербатского* / Отв. ред.: Конрад Н.И., Бонгард-Левин Г.М.

Археологи

695. Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: *Сб. памяти М.П. Абрамовой* / РАН. ин-т археологии. Отд. скифо-сармат. археологии; Отв. ред.: Козенкова В.И., Малашев В.Ю. – М., 2007. – 529 с.: ил., 1 л. портр. – (Материалы и исслед. по археологии России; № 8).
696. Историческая археология: *Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина* / МГУ им. М.В. Ломоносова; Ред. кол.: ... Янин В.Л. (отв. ред.). – М.: Памятники ист. мысли, 1998. – 396 с.
697. Вперед... в прошлое: *К 70-летию Ж.В. Андреевой* / РАН. Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока; Отв. ред.: Вострцов Ю.Е., Клюев Н.А. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 294 с. – Библиогр.: С. 291–293.
698. Новгородские археологические чтения: *Материалы науч. конф., посвященной 60-летию археол. изуч. Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгород. археол. экспедиции А.В. Арциховского*, Новгород, 28 сент. – 2 окт. 1992 г. / Новгород. гос. объедин. музей-заповедник и др.; Под ред. Янина В.Л., Гайдукова П.Г. – Новгород, 1994. – 219 с.
699. Археологический сборник: *Посвящается памяти М.И. Артамонова* / Под ред. Пиротровского Б.В. – Л.: Аврора, 1977. – 134 с.
700. История и культура древних и средневековых обществ: *Сб. науч. ст., посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова* / С.-Петербург. гос. ун-т; Ред. кол.: Фроянов И.Я. и др. – СПб., 1998. – 246 с.
701. Древности Юга России: *Памяти А.Г. Атавина* / РАН. Ин-т археологии; Отв. ред. Афанасьев Г.Е. – М.: Таус, 2008. – 554 с. – Список печ. работ А.Г. Атавина: С. 25–26.
702. Санкт-Петербургский университет. – СПб., 1998. – № 27: *К 100-летию Михаила Илларионовича Артамонова*.
703. Проблемы современной археологии: *Сб. памяти В.А. Башилова* / РАН. Ин-т археологии; Отв. ред. Мошкова М.Г. – М.: ТАУС, 2008. – 347 с. (Материалы и исслед. по археологии России; 10).
704. *Материалы и исследования по археологии Евразии: К 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова* / Науч. ред. Алексеев А.Ю. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. – 225 с. (Археол. сб.; Вып. 34).
705. *Московская Русь: Пробл. археологии и истории архитектуры* / Ин-т археологии РАН, Гос. ин-т искусствознания; Сост.: Баталов А.Л., Кренке Н.А.; Редкол.: Баталов А.Л. и др. – М., 2008. – 575 с.: ил. [8] л. ил. – *К 60-летию Л.А. Беляева*. Библиогр. в конце ст.
706. *Памятники древнейшей истории Евразии: Сб.ст.* / Отв. ред. Кожин Н.М. – М.: Наука, 1975. – 272 с. – Сп. печ. работ Бадера О.Н.: С. 14–26. *Памяти О.Н. Бадера*.
707. *Памятники средневековой культуры. Открытия и версии: Сб.ст. к 75-летию В.Д. Белецкого* / ...РАН. Ин-т истории матер. культуры; Отв. ред.: Кирпичников А.Н., Овсянников О.В. – СПб.: Art-Contact, 1994. – 271 с.
708. *Археология Южной Сибири* / Кемер. гос. ун-т. Каф. археологии. – Кемерово, 2005. Вып. 23: *Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения В.В. Боброва* / Ред.кол.: ... Китова Л.Ю. (отв. ред.) и др. – 152 с.
709. *Первобытная археология – поиски и находки: Сб. науч. тр.* / Ред. кол.: Артеменко И.И. (отв. ред.) и др.: АН УССР. Ин-т археологии. – Киев: Наук. думка, 1980. – 261 с. *Посвящается С.Н. Бибикову*.

710. Поздние скифы Крыма: *Сборник ... посвящ. памяти Н.А. Богдановой* / Отв. ред. Гущина И.И., Журавлев Д.В. – М., 2001. – 281 с.: ил. – Тр. Гос. ист. музея; Вып. 118. – Сп. тр. Богдановой Н.А.: С. 6.
711. А.В.: *Сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова* / С.-Петерб. гос. ун-т НИИ комплекс. социал. исслед. Лаб. археологии, ист. социологии и культ. наследия; Науч. ред. Хаврин С.В. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. – 189 с.
712. Первая абхазская международная археологическая конференция: *Посвящ. памяти Ю.Н. Воронова: Древ. культуры Кавк. Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культ. наследия: Материалы конф.* / Абхаз. гос. ун-т и др.; Редкол.: ... Бжания В.В. (отв. ред.) и др. – Сухум, 2006. – 444 с.
713. *Культура Древней Руси: Посвящается 40-летию науч. деятельности Николая Николаевича Воронина* / Под ред. Монгайта А.Л. – М.: Наука, 1966. – 327 с. – Сп. раб. Н.Н. Воронина: С. 13–20.
714. *Средневековая Русь* / Ред. кол.: Лихачев Д.С. (предс.) и др. – М.: Наука, 1976. – 366 с. *Памяти Николая Николаевича Воронина.*
715. *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы науч. конф.: 75 лет во дня рождения В.Ф. Генинга* / Удмурт. гос. ун-т. Ин-т истории и культуры народов Приуралья; Ред. кол.: Голдина Р.Д. (гл. ред.) и др. – Ижевск, 2000. – 439 с.
716. *Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию Удм. археол. экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга* / РАН. Урал. отд-ние. Удм. ин-т истории, яз. и лит.; Отв. ред. и сост.: Иванова М.Г. – Ижевск, 2004. – 343 с.
717. *Археологический сборник: К столетию со дня рождения В.А. Городцова (1860–1960)* / Под ред. Левашевой. – М.: Сов. Россия, 1960. – 187 с. (Тр. Гос. ист. музея. – Вып. 37).
718. VII исторические чтения памяти *Михаила Петровича Грязнова*: сб. науч. тр. / Отв. ред.: Татауров С.Ф., Толпекко И.В. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2008. – 395 с.
719. Чтения, посвященные *100-летию деятельности Василия Васильевича Городцова* в Государственном Историческом музее: Тез. конф. / Ин-т археологии РАН и др.; Ред. кол.: Шишлина Н.И. (отв. ред.) и др. – М., 2003. Ч. 1–2.
720. *Тропю тысячелетий: сб. науч. тр., посвящ. юбилею М.А. Дэвлет* / Сиб. ассоц исследователей первобытного искусства; Под ред. Савинова Д.Г., Советовой О.С. – Кемерово, 2008. – 188 с.: ил. [8] л. цв. ил. – (Труды САИПИ; Вып. 4).
721. *Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.: (Проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии): Тез. докл. междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова* / РАН. Ин-т археологии; Отв. ред. Яблонский Л.Т. – М., 1999. – 146 с.
722. *Степи Евразии в древности и Средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова* / Гос. Эрмитаж, РАН. Ин-т истории материал. культуры. – СПб., 2002. Кн. 1 / Ред. кол.: Отв. науч. ред. Пиотровский Ю.Ю. – 284 с. – Сп. опубл. работ М.П. Грязнова: С. 10–17.
723. *Традиционная культура Востока Азии* / Амур. гос. ун-т и др.; Отв. ред.: Болотин Д.П., Забияко А.П. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. Вып. 4: *Посвящается 60-летию академика Ан. П. Деревянко.* – 377 с.
724. *Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке: Замятнинский сб.* / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб.: Наука, 2008. Вып. 1 / Отв. ред.: Хлопачев Г.А. – 221 с.: ил.

725. АВ ОВО: проблемы генезиса культуры: *Сб. ст., посвящ. памяти Л.А. Дрябиной* / Тюм. гос. ун-т; Ред. кол.: Еманов А.Г. (отв. ред.) и др. – Тюмень, 2005. – 165 с.
726. Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена (1896–1964) / Гос. Эрмитаж и др.; Ред. кол.: Вилинбахов Г.В. и др. – СПб., 1996. – 164 с.
727. Культура средневековой Руси: *посвящается 70-летию М.К. Каргера* / Отв. ред.: Кирпичников А.Н., Раппопорт П.А. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – 215 с.
728. Теория и практика археологических исследований / Алт. гос. ун-т. Каф. археологии, этнографии и источниковедения. – Барнаул, 2005.
Вып. 1: *Сборник научных трудов, посвященный 60-летию Ю.Ф. Кирюшина* / Ред. кол.: Кирюшин Ю.Ф. и др. – 162 с.
729. Археолог: детектив и мыслитель: *Сб. ст., посвящ. 77-летию Л.С. Клейна* / С.-Петербург. гос. ун-т и др.; Отв. ред.: Вишняцкий Л.Б. – СПб., 2004. – 501 с.
730. Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти Б.А. Колчина. – СПб.: Ин-т истории матер. культуры. 1994. – 200 с.
731. Кавказ и Восточная Европа в древности: *Посвящ. памяти Е.И. Крупнова* / Отв. ред. Мунчаев Р.М. и Марковин В.И. – М.: Наука, 1973. – 264 с. – Спис. печ. работ Е.И. Крупнова: С. 8–18.
732. Древности Дагестана: *Памяти видного сов. кавказоведа, лауреата Ленинской премии, проф. Крупнова Е.И.* / Отв. ред. В.Г. Котович. Даг. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы – Махачкала, 1974. – 327 с.
733. Северный Кавказ в древности и в Средние века: *Сб. ст.* / Отв. ред. Марковин В.И.; АН СССР. Ин-т археологии. – М.: Наука, 1980. – 272 с. *Памяти Е.И. Крупнова.*
734. Древности Востока: *Сб. к 80-летию проф. Л.Р. Кызласова* / Отв. ред.: Кызласов И.Л. – М., 2004. – 167 с.
735. Судьба ученого: *К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина*: Сб. материалов / Гос. Эрмитаж; Ред. кол.: Пиотровский М.Б. и др.; Сост. и науч. ред.: Горбунова Н.Г. и др. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. – 280 с. – Спис. науч. тр. Б.А. Латынина и статей о нем: С. 14–17.
736. Археологическое изучение Центральной России: Тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка, г. Липецк, 13–16 ноябр. 2006 г. / Лип. гос. пед. ун-т и др.; Ред. кол.: Бессуднов А.Н. (отв. ред.), Ивашов М.В. – Липецк, 2006. – 400 с.
737. Древние цивилизации Евразии: История и культура: *Материалы Междунар. науч. конф., посвящен. 75-летию д.чл. АН Таджикистана, акад. РАЕН, д-ра ист. наук, проф. Б.А. Литвинского* (Москва, 14–16 окт. 1998 г.) / РАН. Ин-т востоковедения; Отв. ред. Седов А.В. – М.: Вост. лит., 2001. – 464 с.
738. Эрмитажные чтения 1995–1999 годов: *Памяти В.Г. Луконина (21.I.1932–10.XI.1984)* / Гос. Эрмитаж; Ред. кол.: Пиотровский М.Б. и др.; – СПб., 2000. – 246 с.
739. Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье: *Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Н.А. Мажитова* / Башк. гос. ун-т; Ред. кол.: Кульшариллов М.М. (отв. ред.) и др. – Уфа, 2004. – 253 с.
740. Рыцарь сибирской археологии: *Сб., посвящ. памяти В.И. Матюшенко* / Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. Ом. фил. Объед. ин-та ИАЭТ СО РАН; Редкол.: ... Тихонов С.С. (отв. ред.) и др. – Омск, 2007. – 303 с.
741. Археология Южной Сибири: *Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения А.И. Мартынова* / Кемер. гос. ун-т и др.; Отв. ред.: Бобров В.В., Русакова И.Д. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии, 2003. – 147 с.

742. Исторический ежегодник / Ом гос. ун-т. – Омск, 2000.
Спец. вып.: Посвящается 70-летию В.И. Матюшенко / Под ред. Толпеко И.В., Якуба А.В. – 216 с.
743. Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: *Седьмые чтения памяти А. Мачинской. Старая Ладога*, 21–23 дек. 2002. г.: Сб. ст. / Науч. ред. Мачинский Д.А. – СПб.: Нестор-История, 2003. – 302 с.
744. Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э.: Межвуз. сб. науч. тр. / Ред. кол.: Пряхин А.Д. (отв. ред.) и др. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. – 144 с. *Памяти А.Н. Москаленко*.
745. Исследования по археологии и истории Урала: Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т; Ред. кол.: ... Чагин Г.Н. (гл.ред.). – Пермь, 1998. – 300 с. – Хронол. указ. науч. тр. д-ра ист. наук проф. В.А. Оборина: С. 11–25. Лит. о жизни и тр. В.А. Оборина: С. 25–26. *Посвящ. памяти В.А. Оборина*.
746. Nota Bene: Сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т. Каф. археологии и этнографии. Лаб. гуманитар. исслед. – Новосибирск, 2007. – (Археол. заметки).
Вып. 1: Случайная находка / Под ред. Митько О.А. – 141 с. *К 100-летию А.П. Окладникова*.
747. Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: К 70-летию Т.М. Потемкиной: Сб. ст. / Кург. гос. ун-т; Отв. ред. Вохменцев М.П. – Курган, 2007. – 185 с. – Список опубли. науч. работ Потемкиной Т.М.: С. 26–29.
748. Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: (Материалы междунар. симпозиума): Сборник: *Посвящен 90-летию А.П. Окладникова* / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии, Рос. гуманитар. науч. фонд; Отв. ред. Деревянко А.П. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 1–2.
749. Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: *Материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции РАН Владивосток*, 11–25 сент. 2003 г. / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-тархеологии и этнографии. Дальневост. гос. ун-т; Отв. ред. Деревянко А.П. – Новосибирск, 2003. – 478 с.
750. Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: *Сб. ст. к 70-летию А.Х. Пишеничнюка* / РАН. Ин-т истории, рус. яз. и лит. Н.-и. центр «Наследие»; Отв. ред. Обыденнова Г.Т., Савельев Н.С. – Уфа: Гилем, 2006. – 256 с.
751. *Международная конференция, посвященная столетию со дня рождения В.И. Равдоникса*. – СПб.: Ин-т истории матер. культуры, 1994. – 116 с.
752. Информационные технологии в гуманитарных исследованиях: Сб. тр. / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии и др. – Новосибирск, 2004.
Вып. 7: [*Посвящается юбилею В.А. Ранова*] / Отв. ред. Холушкин Ю.П. – 102 с.
753. Проблемы изучения древнерусского зодчества: (По материалам архит.-археол. чтений, *посвящ. памяти П.А. Раппопорта*, 15–19 янв. 1990 г.) / Гос. Эрмитаж, Ин-т истории матер. культуры РАН. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 202 С. 1.
754. *С.И. Руденко и башкиры* / РАН. Уфим. науч. центр. Ин-т истории, яз. и лит., АН Респ. Башкортостан. Отд-ние гуманитар. наук; Отв. ред.: Юсупов Р.М., Мурзабулатов М.В. – Уфа: Гилем, 1998. – 190 с.
755. Жизненный путь, творчество, научное наследие *Сергея Ивановича Руденко* и деятельность его коллег: Сб. науч. ст. / Алт. гос. ун-т. Ист. фак. Каф. археологии, этнографии и источниковедения, РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии. Лаб. археологии и этнографии Юж. Сибири; Отв. ред. Тишкин А.А. – Барнаул, 2004. – 147 с. – Список науч. тр. С.И. Руденко: С. 94–104.

756. Славяне и Русь: *К шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова* / Отв. ред. Крупнов Е.И. – М.: Наука, 1968. – 471 с.
757. Древняя Русь и славяне / АН СССР. Ин-т археологии; Отв. ред. Николаева Т.В. – М.: Наука, 1978. – 447 с. *К 70-летию Б.А. Рыбакова.*
758. Летописи и хроники: Сб ст. / Отв. ред. Буганов В.И. – М.: Наука, 1984. 1984: *К 75-летию со дня рождения Б.А. Рыбакова.* – 238 с.
759. Древности славян и Русь / Отв. ред. Тимощук Б.А. – М.: Наука, 1988. – 287 с. *К 80-летию Б.А. Рыбакова.*
760. Культура славян и Русь: Сб.: *Посвящен 90-летию со дня рождения акад. Б.А. Рыбакова* / РАН. Науч. совет по истории мировой культуры; Ред. кол.: Кукушкин Ю.С. и др. – М.: Наука, 1998. – 541 с.
761. Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга / РАН. Ин-т археологии; Отв. ред.: Макаров Н.А., Чернецов А.В. – М.: Наука, 2005. – 326 с. *Памяти Б.А. Рыбакова.*
762. Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. акад. В.В. Седова: Материалы 54 заседания (15–17 апр. 2008 г.) / Ин-т археологии РАН и др.; Ред. кол.: ... Лабутина И.К. (отв. ред.) и др. – Псков, 2009. – 462 с.
763. Евразия сквозь века: Сб. науч. трудов, посвящ. 60-летию со дня рожд. Д.Г. Савинова / С.-Петербург. гос. ун-т. Ист. фак., Ин-т истории материальной культуры РАН; Отв. ред.: Фроянов И.Я. – СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2001. – 249 с.
764. Научный семинар, посвященный памяти академика В.В. Седова / РАН. Ин-т археологии и др. – Псков, 2006. – 354 с.
765. Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. Козенкова В.И. и др.; АН СССР. Ин-т археологии. – М.: Наука, 1978. – 258 с. *Памяти А.П. Смирнова.*
766. История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. чл.-кор. АН СССР, проф. А.А. Спицына, Санкт-Петербург, 26–30 нояб. 2008 г. / С.-Петербург. гос. ун-т. Музей истории ун-та и др.; Под ред. Носова Е.Н., Тихонова И.Л. – СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. – 398 с.
767. Донские древности / Ред. совет: Горбенко А.А. (председатель) и др.; Азов. краевед. музей. – Азов, 1997.
Вып. 5: Сарматы и Скифия: Сб. науч. докл. III междунар. конф. «Пробл. сармат. археологии и истории»: *Светлой памяти К.Ф. Смирнова посвящается* / Отв. ред. Максименко В.Е. – 177 с.
768. Археология Северной Осетии: сб. науч. тр. / Сев.-Осет. ин-т гуманитар. и социол. исследований им. В.И. Абаева. Владикавк. науч. центра РАН и Правительства Респ. Сев. Осетия; Отв. ред. Туселлагов А.А. Владикавказ, 2007. – Ч. 1–2. *Памяти В.Х. Тменова.*
769. *Уваровские чтения...* / Муром. ист.-худож. музей. – Муром., 2006.
6: Граница и пограничье в истории и культуре, Муром, 16–18 мая 2005 г. / Под ред. Смирнова Ю.М. – 544 с.: ил. Уваровы 2. Археология в России 3. РФ – История – Сборники.
771. Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: Археология, этнография, устная история / Алт. гос. пед. акад. Лаб. ист. краеведения. – Барнаул, 2009.
Вып. 6: Материалы VI региональной научно-практической конференции памяти проф. А.П. Уманского, 19–21 ноября 2009 г. / Редкол.: Демин М.А. и др. – 183 с.: ил. – Библиогр. в конце отд.
772. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Междунар. конф., посвящ. памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова, 30 сент. –

- 3 окт. 2008 г. / УРАН. Ин-т археологии, Азов. ист.-археол. и палеонтол. музей-заповедник; Отв. ред. Горбенко А.А.; Науч. ред. Яблонский Л.Т. – Азов, 2009. – 527 с.: ил. – (Донские древности. Вып. 10).
773. Невский археолого-историографический сборник: *К 75-летию канд. ист. наук А.А. Формозова* / С.-Пб. гос. ун-та; Ред. кол.: Столяр А.Д. (отв. ред.) и др. – СПб., 2003. – 459 с.
774. Архитектурно-археологический семинар: Материалы заседания *памяти Ю.П. Спегальского* (1909–1969), 2 марта 2001 г. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. – 72 с.
775. In situ: *К 85-летию проф. А.Д. Столяра* / С.-Петербург. гос. ун-т; Ред. кол.: Никонова А.А. (отв. ред.) и др. – СПб., 2006. – 608 с.
776. Аланы: история и культура: [*Памяти С.П. Таболова*] / Сев.-Осет. ин-т гуманитар. исслед.; Ред. кол.: ... Тменов В.Х. (сост. и отв. ред.) и др. – Владикавказ, 1995. – 439 с.
777. Новейшие археологические исследования в России: Сб., ст.: *К 100-летию со дня рождения В.И. Цалкина* / РАН. Ин-т археологии РАН; Отв. ред. Антипина Е.Е., Черных Е.Н. – М.: Яз. слав. культуры, 2003. – 223 с.
778. Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии: *Памяти В.Н. Чернецова*: Сб. ст. / РАН. Ин-т археологии; Отв. ред. Косарев М.Ф. – М.: Таус, 2006. – 325 с.
779. История и археология Дальнего Востока: *К 70-летию Э.В. Шавкунова* / Дальневост. гос. ун-т. Ин-т истории, археологии и этнографии ДВО РАН; Отв. ред. Крадин Н.Н. и др. – Владивосток, 2000. – 214 с.
780. Нижневолжский археологический вестник / Нижневолж. НИИ археологии при Волгогр. гос. ун-те. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. Вып. 1: *Памяти В.П. Шилова* / Ред. кол.: ... Скрипкин А.С. (отв. ред.) – 135 с.: с ил. – Неполный список. опубл. работ В.П. Шилова: С. 6–8.
781. История и культура древнерусского города: Сб. ст. / Ред. кол.: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.) и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 272 с. *Посвящается шестидесятилетию Янина В.Л.*
782. Великий Новгород в истории средневековой Европы: *К 70-летию В.Л. Янина* / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. фак.; Ред. кол.: Гиппиус А.А. и др. – М.: Рус. словари, 1999. – 466 с.
783. Проблемы истории России – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2000. Вып. 3: *Новобродская Русь: ист. пространство и культ. наследие: К 70-летию акад. РАН В.Л. Янина и 20-летию работы отряда УРГУ в составе Новгородской археологической экспедиции.* – 419 с.

Этнографы

784. Великий Новгород и Средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию акад. *В.Л. Янина* / РАН. Ин-т археологии; Редкол.: Макаров Н.А. (отв. ред.) и др. – М.: Памятники ист. мысли, 2009. – 699 с.: ил.[9] л. цв. ил. – Библиогр. в конце отд. ст. Список осн. тр. В.Л. Янина: С. 9–14.
785. Проблемы истории и культуры / Гл. ред. Мельник А.Г. – Ростов: Ростово-Ярослав. архитектурно-худож. музей-заповедник, 1993. – 198 с. *Памяти Ф.И. Буслаева.*
786. Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: *Сб. в честь Ю.В. Арутюняна* / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Отв. ред. Губогло М.Н. – М.: Наука, 2004. – 406 с.
787. Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. к 60-летию *Александра Федоровича Белоусова* / С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, Европ. ун-т в Санкт-Петербурге; Ред. кол.: Байбурин А.К. и др. – СПб., 2006. – 361 с.: ил. – Хронол. список тр. А.Ф. Белоусова: С. 344–358.

788. *Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы* / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Отв. ред. Козлов С.Я. – М.: Наука, 2003. – 332 с.
789. *Памяти И.Н. Гемуева: Сб. науч. ст. и воспоминаний* / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии; Отв. ред. Бауло А.В. – Новосибирск, 2007. – 223 с.: ил. [8] л. ил. – Список науч. тр. И.Н. Гемуева: С. 215–220.
790. *Материалы Гумилевских чтений 1995–96 гг.* / ... Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова; Науч. ред. Борисов А.А. – Якутск, 1999. – 166 с.
791. *Учение Л.Н. Гумилева и современность: Материалы междунар. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева, проводимой в рамках программы: 300-летие Санкт-Петербурга / С.-Петербурб. гос. ун-т; Ред. кол.: Вербицкая Л.А. (отв. ред.) и др. – СПб., 2002. – Т. 1–2.*
792. *Вспоминания Л.Н. Гумилева: Вспоминания. Публикация. Исследования* / Мемор. музей-квартира Л.Н. Гумилева. Фил. музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме; Ред. кол.: Скатов Н.Н. (пред.) и др. – СПб.: Росток, 2003. – 368 с.
793. *Живя в чужих словах: Вспоминания о Л.Н. Гумилеве* / Мемор. музей-квартира Л.Н. Гумилева. Фил. музея А. Ахматовой в Фонтанном Доме; Сост., вступ. ст., коммент. Вороновича В. и Козыревой М.Г. – СПб.: Росток, 2006. – 623 с. [8] л. ил.
794. *Проблемы славянской этнографии: (К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д.К. Зеленина)* / Отв. ред.: Байбурун А.К., Чистов К.В. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. – 240 с.
795. *Судьбы традиционной культуры: Сб. ст. и материалов памяти Л. Ивлевой* / М-во культуры Рос. Федерации, РАН. Рос. ин-т истории искусств; Ред.-сост. Кен В.Д. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 363 с.
796. *Развитие цивилизации в Новом Свете: Сб. ст. по материалам Кнорозовских чтений* / РГГУ; Отв. ред. Логунов А.П. – М., 2000. – 192 с.
797. *Этнологические исследования: Сб. ст. к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова* / Сост. Дубова Н.А. – М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2004. – 464 с.
798. *Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. К 60-летию Александра Федоровича Белоусова* / Ред. кол.: Байбурун А.К., Головин В.В., Душечкина Е.В., Левинтон Г.Л. – СПб.: СПб ГУКИ, 2006. – 364 с.
799. *Этнография, история, культура стран южных морей: Маклаевские чтения 1995–1997 гг.* (РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); Отв. ред. Ревуненкова Е.В., Бутинов Н.А. – СПб., 1997. – 246 с.
800. *Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина: (Материалы междунар. науч. конф. 31 окт. – 2 нояб. 1991 г. Южно-Сахалинск)* / Сахалин. обл. краевед. музей; Под ред. Латышева В.М., Ищенко М.И. – Южно-Сахалинск, 1992.
801. *Степной край Евразии: Ист.-культ. взаимодействия и современность: Тез. докл. и сообщений IV Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Г.Н. Потанина и Ч.Ч. Валижанова* / Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского и др.; Ред. кол. ... Толочко А.П. (отв. ред.) – Омск, 2005. – 289 с.
802. *Шаманский дар: К 80-летию д-ра ист. наук Анны Васильевны Смоляк* / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Отв. ред. Харитоновна В.И. – М., 2000. – 339 с.: портр. – Спис. осн. тр. А.В. Смоляк: С. 7–15.
803. *Этнография народов Западной Сибири: К юбилею д-ра ист. наук, проф. З.П. Соколовой* / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Ред. кол.: Функ Д.А., Зенько А.П. (отв. ред.) и др. – М., 2000. – 326 с.
804. *Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти С.А. Токарева* / РАН. Ин-т востоковедения; Сост. Петрухин В.Я. – М.: Вост. лит., 1994. – 276 с.

805. Благодарим судьбу за встречу с ним: (О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке) / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Отв. ред.-сост.: Козлов С.Я., Пучков П.И. – М., 1995. – 313 с.
806. От... и до... Юбилейный альманах в честь Е.В. Душечкиной и А.Ф. Белоусова. – СПб.: Бельведер, 2006. – 235 с.
807. Миф-Фольклор-Литература: Памяти И.В. Зырянова: Литвуз. сб. ст. по материалам науч. семинара (25–26 февр. 2008 г., г. Пермь) / Под ред. Петровой Н.А., Тунеевой Л.В. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. – 291 с.
808. Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию канд. ист. наук А.А. Формозова / С.-Пб. гос. ун-т; Ред. кол.: Столяр А.Д. (отв. ред.) и др. – СПб., 2003. – 459 с.
809. Народы и культуры Дальнего Востока: взгляд из XXI века: Докл. междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рожд. Л.Я. Штернберга (г. Южно-Сахалинск, 9–11 окт. 2001 г.) / Сахал. обл. краевед. музей, Ин-т наследия Бронислава Пилсудского; Отв. ред. Роон Т.П., Прокофьев М.М. – Южно-Сахалинск: Сахал. кн. изд-во, 2003. – 255 с.
810. Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР: (III Широкого-ровские чтения): Материалы Междунар. науч. конф. / Дальневост. Межрегион. Ин-т Обществ. наук: Редкол.: ... Кузнецов А.М. (отв. ред.) и др. – Владивосток, 2008. – 343 с.: схем. – (Науч. докл. / МИОН).

Антропологи

811. Доисторический человек: Биолог. и социал. аспекты: Шк. антропол. знаний В.В. Бунака (к 150-летию палеоантропологии) / Васильев С.В., Зубов А.А., Герасимова М.М. и др.; Отв. ред. Васильев С.В.; РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., 2006. – 204 с. – Библиогр.: С. 186–203.
812. Северная Евразия в антропогене: Человек, палеотехнологии, неозкология, этнология и антропология: Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию М.М. Герасимова / Иркут. гос. ун-т. Каф. археологии, этнологии, истории древ. мира и др.; Отв. ред.: Медведев Г.И. – Иркутск, 2007. – Т. 1–2.
813. Горизонты антропологии = Horizons of anthropology: Тр. Междунар. науч. конф. памяти акад. В.П. Алексеева, Москва, Салтыковка, 20–22 сент. 1994 г. / РАН. Ин-т археологии, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Ред. кол.: Алексеева Т.И. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 2003. – 587 с.
814. Антропологическая реконструкция и проблемы полеэтнографии: Сб. памяти М.М. Герасимова / Отв. ред. Лебединская Г.В., Рабинович М.Г. – М.: Наука, 1973. – 191 с. – Библиогр. М.М. Герасимова: С. 153–164.
815. Проблемы этнической антропологии и морфологии человека / Отв. ред. Гохман И.И. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – 191 с. Памяти В.В. Гинзбурга.
816. Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Членова Н.Л. – М.: Наука, 1977. – 188 с. Памяти Г.Ф. Дебеца.
817. Мифология хантов: Материалы науч.-практ. семинара, посвящ. 50-летию кандидата ист. наук Т.А. Молдановой, 21–25 мая 2007 г., г. Ханты-Мансийск / ... Обско-угор. ин-т прикл. исслед. и разработок; Сост. Нестерова С.Н. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – 104 с.
818. Пермьяковский сборник / Ред.-сост. Мазур Н. – М.: Новое изд-во, 2010.
Ч. 1 – 138 с.
Ч. 2. – 680 с.
Памяти Е.В. Пермякова (1961–2007).

819. Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / Отв. ред. Алексеев В.П., Гурвич И.С. – М.: Наука, 1968. – 271 с. *Памяти М.Г. Левина.*
820. *Яков Яковлевич Рогинский: человек и ученый* / Отв. ред. Чтецов В.П. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 144 с.
821. Научный альманах Кафедры антропологии / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2004. Вып. 2: Науч. ред. Чтецов В.П. – 195 с. – *Посвящается памяти Елены Николаевны Хрисанфовой.*

*Исследователи в сфере вспомогательных (специальных)
исторических дисциплин*

822. Нумизматический сборник / Гос. Эрмитаж. – СПб., 2003.
2003: *Памяти Алексея Андреевича Быкова (1896–1977)* / Ред. кол. ... Потин В.М. (науч. ред.) и др. – 261 с.
817. Нумизматика и эмигрантика: Сб. науч. тр. / Гос. музей изобр. искусств им. А.С. Пушкина. Ин-т археологии РАН. – М.: Вост. лит., 2005.
Вып. 17: Ред: Кошеленко Г.А., Смирнова Н.М. – 256 с. *Памяти Ю. Виноградова.*
818. *Материалы, заседания, посвященного юбилею М.А. Добровольской.* – СПб.: изд. Гос. Эрмитаж, 2003. – 72 с.
819. Вспомогательные исторические дисциплины: спец. функции и гуманитар. перспектива: *В честь Елены Ивановны Каменцевой* / Ред. кол.: Муравьев В.А. (отв. ред.) и др. – М.: РГГУ, 2001. – 212 с.
820. Вспомогательные исторические дисциплины: классич. наследие и новые направления: *Памяти Елены Ивановны Каменцевой* / Ред. кол.: Муравьев В.А. (отв. ред.) и др.; – М.: РГГУ, 2006. – 457 с.
821. Нумизматический сборник. *Посвящается памяти Д.Г. Капанадзе* / Отв. ред. В.А. Левкинадзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1977. – 159 с.
822. Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. ст. / РАН. Отд-ние истории. Археогр. комис. С.-Петербур. отд-ние; Ред. кол.: ... Шишкин В.А. (отв. ред.) и др. – СПб.: Буланин, 1998.
26: *К 60-летию со дня смерти акад. Н.П. Лихачева.* – 367 с.
823. Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин: *К 140-летию акад. Н.П. Лихачева (1862–1936) и 100-летию Дома Н.П. Лихачева* в Санкт-Петербурге: Тез. докл. конф., С.-Петербург, 3–5 дек. 2002 / С.-Петербур. ин-т истории РАН и др.; Отв. ред.: Фурсенко А.А., Плешков В.Н. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 111 с.
824. Ежегодник Государственного исторического музея: М., Сов. Россия, 1970. – 1965–1966. – 247 с. *Памяти нумизмата Н.Д. Мец.*
825. Нумизматический сборник, 1998: *К 80-летию В.М. Потина* / Гос. Эрмитаж; Ред. кол.: Вилинбахов Г.В. (отв. ред.) и др. – СПб., 1998. – 368 с.
826. Хранитель. Исследователь. Учитель: *К 85-летию В.М. Потина: Сб. науч. ст.* / Гос. Эрмитаж; Ред. кол. ... Слепова Т.И. (отв. ред.) и др. – СПб., 2005. – 186 с.
827. Актуальные вопросы истории бумаги и бумажного производства: *К 40-летию со дня выхода в свет книги З.В. Участкиной «Из истории рос. бум. мануфактур и их водяных знаков»*; Материалы и сообщ. первых науч. чтений / С.-Петербур. гос. техн. ун-т растит. полимеров; Ред. кол.: Балаченкова А.П. (отв. ред.) и др. – СПб.: Ист. иллюстрация, 2003. – 98 с.
828. Историко-географический сборник: Ист. география. Ист. картография. История географии. История картографии. Топонимика / ... Куб. гос. ун-т. – Краснодар: Картика, 2007.

- Вып. 1 / Авт. идеи, сост. и науч. ред. Авраменко А.М. – 491 с.: ил. К 90-летию Б.Г. Галковского.
829. Новое в византийской сфрагистике: *Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею В.С. Шандровского*: Тез. докл. / Гос. Эрмитаж; Сост. Степанова Е.В. – СПб., 2002. – 33 с.
830. Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII Междунар. науч. конф. 28–30 января 2010 г. / Редкол.: Румянцева М.Ф. (Отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, ИАИ, Каф. источниковедения и вспомогат. ист. дисциплины. – М., РГГУ, 2010. – 434 с. К 90-летию со дня рождения *Елены Ивановны Каменцевой*. К 90-летию со дня рождения *Ирины Александровны Мироновой*.
831. Известия Русского Генеалогического общества / Ред. кол.: Сахаров И.В. (гл. ред.) и др. – СПб., 2004. – Вып. 14. – 124 с. – Список печатных трудов А.В. Краско: С. 101–106. К юбилею вице-президента РГО *А.В. Краско*.
832. *Надежда Федоровна Трутнева* – москвовед, музейный работник, человек... / Сост.: Козлов В.Ф., Трутнев Д.П. – М.: Моск. учеб.: Москвоведение, 2008. – 159 с.: Список науч. публ. Н.Ф. Трутневой: С. 155–157.
- 833.

4. Мемуары, дневники и письма отечественных историков

Предлагаемый библиографический список учитывает вышедшие отдельными изданиями дневники, мемуары и переписку отечественных ученых-историков, а также наиболее значимые их публикации, помещенные в журналах. В отношении эпистолярных материалов это касается только публикации их комплексов.

Публикации отдельных писем или их групп, помещенных в различных журналах, продолжающихся изданиях и сборниках, в этот список не вошли.

«Автотексты» – мемуары («записные книжки») и неофициальная переписка историков (как и других ученых гуманитариев) выражают их внутренний мир, их авторефлексию и экзистенцию. Коммуникативная природа этих текстов различна.

Самое общее, что их объединяет, это:

1) Сложнейшая диалектика саморефлексии, самоописания²² и обращения к Другому (к Миру, к тому, что выше всего; к времени /прошлому, настоящему и будущему/; к ближним и дальним; к ценностям, определявшим «труды и дни» ученого).

2) Значимость как историографических источников, без которых невозможно изучение биографии историка и чрезвычайно важных для исследования историографического процесса во всем многообразии его институциональных, идейных и предметных содержаний. Препарирование этих текстов – одна из составляющих возникновения и существования биографических мифов, сопровождающих имя и образ ученого-историка.

3) Их роль в анализе творческой истории научных трудов историка.

4) Тексты – ценнейшие свидетельства времени, к которому принадлежит ученый.

Мемуары (воспоминания) историков (как и вообще мемуары) с большим трудом поддаются разбиению на жанровые формы. Исходя из их смысловых установок, содержания и коммуникативной структуры, можно говорить о: жизнеописаниях (в идеале стремящихся к хронографическому описанию историком своего жизненного пути в целом или его фрагментов); текстах, сосредоточенных на смысловой аналитике этого пути и подведению каких-то жизненных и научных итогов на каком-то этапе времени (в идеале – духовный самоотчет; один из примеров – «Испытание временем. Мысли к 45-летию научной работы И.Ю. Крачковского»); воспоминаниях об учителях, коллегах, учениках современниках; текстах фрагментарного жизнеописания сквозь призму описания времени, в котором жил и трудился ученый, значимых событиях в жизни исторической науки этого времени. Дар слова далеко не всегда присущ ученым-историкам. Естественно, что это отражается и в созданных ими мемуарах. А ведь именно благодаря ему возможно раскрытие «Я» историка через описание внеположного ему мира и описание этого мира через аналитику собственного «Я».

Очень немногие тексты из корпуса отечественной историографической мемуаристики в силу многих обстоятельств (и прежде всего ввиду обособленности этого корпуса от художественного слова) смогли выразить драматичность экзистенциального опыта их авторов; очень немногие тексты, по своей смысловой установке, были для мемуаристов своего рода «охранной грамотой», во всяком случае из изданных и известных исторической науке. Что же касается «поисков утраченного времени», то обращение к мемуарному жанру с такой установкой даже для историков-художников означало в конечном итоге деструкцию профессиональной сферы их занятий. Доминанта персонализма в его абсолютных формах принципиально невозможна для большинства сфер исторического знания²³.

Если автобиографии, создаваемые для нужд институций, к которым принадлежат ученые-историки, по своему смысловому целеполаганию в корне отличаются от мемуаров (относительная или более полная свобода литературной формы; принципиально различные временные метрики процесса создания этих текстов), то автобиографические интервью по своей форме и сути обнаруживают известную родственность воспоминаниям.

Автобиографиями именуется и тексты, рождаемые не по требованию институций, а в силу внутренней необходимости для их авторов. Это уже прямые предшественники собственно воспоминаний.

Дневники и записные книжки ученых-историков – тексты, не предполагаемые их создателями для публикации и потому с наибольшей откровенностью отражающие внутренний мир их создателей. Чрезвычайно значимы они и как материалы для реконструкции их будущими биографами жизненного пути историков и творческой истории их научных трудов. Вместе с тем они фиксируют «прочтение» авторами этих текстов современной им действительности, данной в опыте повседневности. Сама действительность в этом случае оказывается своеобразным сложнейшим «историческим источником». Её «прочтение» может быть записью непосредственного восприятия; но может явиться и подлинно герменевтическим актом.

В историческом источниковедении, литературоведении, текстологии эпистолярия в конце XIX–XX вв. становится предметом теоретических штудий: см. работы А.В. Брикнера, В.С. Иконникова (неопубликованный пока еще III том его «Опыта русской историографии»), С.С. Дмитриева, В.С. Нечаевой, Р.В. Овчинникова, З.Д. Ясман, Н.И. Бегуновой, П.Е. Бухаркина, Л.И. Вольперт, С.И. Гиндина, Л.П. Гроссмана, Е.Е. Дмитриевой, Е.Г. Елиной, Т.П. Зориной, Г.В. Краснова, Р.М. Лазарчука, И.А. Паперно, В.В. Перхина, Н.Л. Степанова и др.

Ограничимся, однако, только приведением размышлений на эту тему С.Н. Дурылина (1926 г.) в его изданных только в наши дни исповедальных записях «В своем углу»: «Как хорошо, что литературоведы не придумали еще пока никакой науки о письмах [Здесь Дурылин не совсем точен: в источниковедении с конца XIX в. и в литературоведении 1920-х уже были заложены основы их теоретического изучения – *И.Б.*]. Но как, и без этой науки, ясны пишущие письма – по письмам: неумный Пушкин, отшучивающийся от самого себя Вл. Соловьев, страстно-мыслительный Леонтьев, бесцветно-провинциальный Короленко – как они ясны по тону и духу своих писем. И тот, кто богаче и разностороннее духовно, тот богаче прежде всего в письмах»²⁴.

1. Булыгина Т.А. Дневники историка как источник интеллектуальной истории // Образ науки в университетском образовании. – М., 2005. – С. 85–88. Дневники С.С. Дмитриева.
2. Демина Л.И. Воспоминания русских историков в дореволюционной историографии // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. – М., 1980. – С. 110–114.
3. Демина Л.И. Воспоминания русских историков XIX – начала XX в. как историографический источник // Сов. архивы. – М., 1982. – № 1. – С. 18–22.
4. Демина Л.И. Проблемы отечественной историографии в мемуаристике русских историков XIX – начала XX в.: Учеб. пособие / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – М., 1990. – 80 с.
5. Мамонтова М.А. «Я – историк»: мотивы написания автобиографии // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. – Челябинск, 2006. – С. 59–63.
6. Приймак Н.И. Россия начала XX века в мемуарах историков // Плехановские чтения. – V-е: Исторические судьбы России. – СПб., 1999. – С. 59–62.
7. Кожевин В.Л. Историк – очевидец событий: «ситуация пограничья» // Мир историка XX века. – М., 2002. – С. 69–92. 1917 г.: Ученые-историки – свидетели событий и мемуаристы.
8. Михальченко С.И. Письма историков киевской школы как исторический источник / Брян. гос. ун-т им. И.Г. Петровского, НИИ фундам. и приклад. исслед. Центр славяноведения. – Брянск, 2009. – 188 с.
9. Переписка славистов как исторический источник: Сб. науч. ст. / Твер. гос. ун-т; Редкол.: Воробьева И.Г. (отв. ред.) и др. – Тверь, 1995. – 144 с.
10. Сальников А. Автобиография или автобиоисториография?: Зарубежные историки о прошлом и о себе // Историк среди историков. – Казань 2001. – С. 278–288.
11. Критский Ю.М. Эпистолярное наследие историков как историографический источник: (середина XIX в. – 1917 г.) // История и историки: Историогр. ежегодник. 1973. – М., 1975. – С. 85–127.

12. Историки России о времени и о себе. – М., 1996–1998. – Вып. 1–2 (Архивно-информац. бюл. Архивно-информац. агентства; Сост. и отв. ред. Чернобаев А.А. Вып. 14–15).
13. Учителя учителей; Очерки и воспоминания / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Центр визуал. антропологии и эгоистории; Отв. ред. Пивовар Е.И. – М., 2009. – 245 с.: портр. – Библиогр.: С. 229–234. Имен. указ.: С. 238–242.

Историки России

14. Аксакова Т.А. (*Аквакова-Сиверс Т.А.*) Семейная хроника. – М.: Территория, 2005. Кн. 1–2.
Тоже: *Аксакова--Сиверс Т.А.* Семейная хроника. – М.: Индрик, 2006. – 742с.
15. *Авторханов А.Г.* О себе и времени: Мемуары. – М.: ДИКА-М, 2003. – 734 с.
16. *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. Добкина А.И. – М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992. – 512 с.
17. *Андреев И.Е.* То, что вспомнится. Из семейных воспоминаний Николая Ефимовича Андреева: (1908–1982). – Таллинн: Авенариус, 1996. Т. 1–2.
Тоже: СПб: Дмитрий Булавин, 2008. – 640 с.
18. *Арбатов Г.А.* Детство. Отрочество. Война: Автобиогр. на фоне ист. событий. – М.: Собрание, 2007. – 151 с. [20] л. ил.
19. *Бахрушин С.В.* Из воспоминаний / Подгот. Дубровского А.М. // Проблемы социальной истории Европы: от античности до Нового времени. – Брянск, 1995. – С. 141–171.
20. Воспоминания *С.В. Бахрушина* о Московском Художественном театре / Публ. и предисл. Дубровского А.М. // Археографический ежегодник за 1977 год. – М., 1997. – С. 556–561.
21. *Бестужев-Лада И.В.* Свожу счеты с жизнью: Записки футуролога о прошедшем и приходящем. – М.: Алгоритм, 2004. – 1151 с., 1 л. портр.
22. *Боровой С.Я.* Воспоминания / Вступ. ст. Соколянского М.; Сост.: Кельнер В., Коренева Е.; Примеч. и коммент. Кельнера В. – М.; Иерусалим; Еврейский ун-т в Москве; desharim, 1993. – 384 с.
23. *Васенко П.Г.* Мелочи прошлого быта. – СПб., 2004. – 123 с.
24. *С.Б. Веселовский* в письмах, мемуарах, дневниках / Предисл. и публ. Дубровского А.М. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. – Брянск, 2004. – Вып. 3. – С. 215–242.
25. *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 гг. / Вступ. ст. Юрганова А.Л., Макарова А.Т. // Вопр. истории. – М. 2000. – № 2,3,6,8,9,10,11,12; 2001. – № 2.
26. Из старых тетрадей: *Веселовский С.Б.* Страницы из дневника, 1917–1923; *Веселовский В.С.* Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и гражданской войны. – М.: АИРО-XX, 2004. – 94 с.: портр.
27. [*Веселовский С.Б.*] Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Сост.: Дубинская Л.Г., Дубровский А.М. – М.: Древлехранилище, 2001. – 528 с.
28. *Веселовский С.Б.* Разгром Московского Университета в 1919–20-х гг. // Моск. журн. – М., 1996. – № 12. – С. 20–25.
29. *Виноградов В.А.* Мой XX век: Воспоминания. – М.: Калан, 2003. – 414 с. [17] л. ил. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2005. – 405 с., 25 л. илл.
30. *Ганелин Р.Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х гг. – СПб.: Нестор-История, 2004. – 214 с., 1 л. портр.
2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Нестор-История, 2006. – 408 с.

31. *Генкина Э.Б.* Воспоминания об ИКП / Вступ. ст. и публ. Ивановой Л.В. // История и историки: Историогр. ежегодник. 1981. – М., 1985. – С. 257–272.
32. *Герье В.И.* Детство. Учение до получения кафедры / Предисл. Шаханова А.Н. // История и историки: – М., 1990. – С. 416–439.
33. *Гимпельсон Е.Г.* Полвека служения исторической науке // Отеч. история. – М., 2001. – № 4. – С. 140–143.
34. *Голобуцкий В.А.* Страницы из моих воспоминаний // История СССР. – М., 1966. – № 3. – С. 115–129.
35. *Готье Ю.В.* Мои заметки. – М.: Терра, 1997. – 592 с.
36. *Гроссман Ю.* Пережитое и передуманное. – N.Y.: Слово. Word, 1995. – 258 с.
37. *Гуковский А.И.* Как я стал историком // История СССР. – М., 1965. – № 6. – С. 76–99.
38. *Дейч Г.М.* Воспоминания советского историка. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 244 с. [1] л. ил.
39. Из дневников *Сергея Сергеевича Дмитриева* / Публ. Эймонтовой Р.Г. // Отеч. история. – М., 1993. – № 3,4,5,6; 2000. – № 1,2,3,6; № 2001. – № 1.
40. *Дружинин Н.М.* В Саратове в 1905 г. (Воспоминание) // Вопр. истории КПСС. – М., 1979. – № 10, – С. 99–110.
41. *Дружинин Н.М.* Воспоминания из мысли историка // История СССР. – М., 1961. – № 6. – С. 134–165.
42. *Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1979. – 167 с., 1 л. портр.
43. Дневник *Николая Михайловича Дружинина* / Публ., вступ. ст., примеч. Дружининой Е.Н. // Вопр. истории. – М., 1995. – № 9, 10, 11, 12; 1996. – № 1, 2, 3, 4, 9; 1997. – № 1, 3, 4, 6, 7, 10.
44. *Дружинин Н.М.* Избранные труды: Воспоминания, мысли, опыт историка / Отв. ред. Дмитриев С.С. – М.: Наука, 1990. – 511 с., ил., 1 л. портр.
45. *Дружинин Н.М.* Работа в Военном Комиссариате Москвы и ее области в 1919–1921 гг. – М., 1979. – 16 с. (ротопринт).
46. *Дружинин Н.М.* Эвакуация из Москвы в 1941–1943 гг. (Воспоминания) // История СССР. – М., 1981. – № 5. – С. 110–114.
47. *Дубнов С.М.* Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени / Вступ. ст. и коммент. Кельнера В.Е. – СПб.: Петерб. востоковедение, 1998. – 672 с.
48. Мемуары *В.А. Дьякова* / Предисл. и публ. Горизонтова Л. // Археографический ежегодник за 1975 год. – М., 1997. – С. 263–280.
49. Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка / Подгот.: Парфёнов В.Н. и др.; Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, Гос. арх. Саратов. обл. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. – 563 с.: портр., [14] л. ил.
50. *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки / Подгот. текста, предисл., коммент. Караполова Н.А. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. – 384 с.
51. *Закс А.Б.* Как я защищала диссертацию и пыталась ее опубликовать // Вопр. истории. – М., 1989. – № 6. – С. 164–167.
52. *Закс А.Б.* Факультет общественных наук МГУ (1921–1924) // Археографический ежегодник за 1993 год. – М., 1995. – С. 197–301.
53. *Закс А.Б.* Эта долгая, долгая жизнь: Воспоминания. – М., 2000. – Ч. 1–2. Мемуары музейведа.
54. *Заозерская Е.И.* Мой путь в науку // История СССР. – М., 1964. – № 3. – С. 139–149.
55. *Зевелев А.И.* Я – историк и этим горжусь. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Раритет, 2002. – 174 с. – Библиогр.: С. 163–165.

56. *Зольников Д.М.* Времена и нравы: (От гражданской войны до наших дней глазами участника событий и ученого-историка). – Новосибирск, 2000.
57. *Зырянов П.Н.* Дневниковые записи (1968–2007) // Долг и судьба историка: Сб. ст. памяти доктора ист. наук П.Н. Зырянова. – М., 2008. – С. 336–435.
58. *Иоффе Г.З.* Было время...: Воспоминания. – Иерусалим: Филобиблон, 2009.
59. *Иоффе Г.З.* Зарисовки памяти // Отеч. история. – М., 1999. – № 4. – С. 129–145.
60. «Красивых песен об этих днях не будет»: Дневниковые записи историка *Г.З. Иоффе*. 1990–1993-х гг. / Публ. Чернобаева А.Л. // Ист. архив. – М., 2008. – № 5. – С. 160–187; № 6. – С. 83–153.
61. Историки послевоенного поколения о времени и о себе: Интервью *В.И. Матюшенко, Б.Г. Мозильницкого, В.Л. Соскина* / Вступ.ст., разработка бланш-интервью, проведение интервью, коммент. Н.В. Кефнер // Мир истории: Историогр. сб. – Омск, 2006. – Вып. 2. – С. 377–429.
62. *Кабанов П.И.* Страницы из жизни педагога-историка // История СССР. – М., 1969. – № 6. – С. 141–145.
63. *Кабытов П.С.* Записки историка. – Самара: Офорт, 2006. – Ч. 1–3.
64. *Кафенгауз Б.Б.* Моя работа над диссертациями // История СССР. – М., 1962. – № 3. – С. 106–115.
65. *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914 / Вступ. ст. и коммент. Вандалковской М.Г. – М.: Искусство, 1997. – 396 с.: портр.
66. *Киселев А.Ф.* Кафедра. Профессорские розы. – М.: Логос, 2006. – 351 с., [4] л. ил. – Библиогр. в конце ст.
67. *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции // Русское прошлое. – СПб., 1991. – № 2.; 1993 – № 4; 1994. – № 5.
68. *Князев Г.А.* Дни великих испытаний; Дневники 1941–1945. – СПб.: Наука, 2009. – 1220 с.
69. *Ковалевский П.Е.* Дневники. 1918–1922 / Подгот текста, предисл. и примеч. Копаневой П.В. – СПб.: Европ. дом, 2001. – Т. 1. – 574 с.
70. «На мою долю выпал счастливый лотерейный билет»: Отрывки из воспоминаний *Е.С. Коц* // Ист. арх. – М., 1998. – N 2. – С. 207–221; 1993. – № 3. – С. 75–106.
71. *Кузьмина Л.И.* Записки архивиста. – СПб.: ООО «Изд-во «Росток», 2008. – 152 с.
72. *Кушева Е.Н., Романов Б.А.* Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов / С.-Петербург. ин-т истории РАН, Архив РАН; Сост. Панеях В.М.; Редкол.: Ананьич Б.В. и др. – СПб.: Лики России, 2010. – 479 с.: портр. – Имен. указ.: С. 475–479.
73. *Левыкин К.Г.* Памятью сердца в минувшее... – М.: Знак, 2004. – 581 с.
74. *Лейберов И.П.* Жизнь дается только раз... – СПб.: Нестор, 2000. – 261 с.
75. *Литвак Б.Г.* Американско-канадский дневник. – М., 1998. – 286 с. – Список печатных тр. Литвака Б.Г.: С. 274–283.
76. *Лихачев Д.С.* избранное: Воспоминания. – 2-е изд., перераб. – СПб.: Logos, 1997. – 605 с.
1-е изд.: СПб: Logos, 1995. – 517 с.
77. *Маньков А.Г.* Дневники тридцатых годов. – СПб., 2001.
78. *Маньков А.Г.* Из дневника рядового человека (1933–1934 гг.) // Звезда. – СПб., 1994. – № 5. – С. 134–183.
79. *Мейерович М.Г.* У меня появилась мечта... – Ярославль: Александр Рутман, 2004. – 274 с.
80. *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники / Сост., примеч. и подгот. текста Емельянова Ю.Н. – М.: Индрик, 2003. – 527 с., 1 л. портр.

81. Мерцалов А.Н. Историк о предках и о себе: (Пять поколений Левашевых в XIX–XX вв. Штрихи к портретам). – М., 2001. – 258 с. – Библиогр.: С. 239–245.
82. Миллюков П.Н. Воспоминания / Сост. и вступ. ст. Вандалковской М.Г.; коммент. Шаханова А.Н. – М.: Современник, 1990. – Т. 1–2.
83. Миллюков П.Н. Воспоминания (1859–1917) / Предисл. Думова Н.Г.; Под ред. Карповича М.М., Элькина Б.И. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
84. Минц И.И. «Из памяти выплыли воспоминания...»: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары акад. И.И. Минца / Сост., авт. коммент.: Телицын В.Л. – М.: Собрание, 2007. – 598 с.
85. Нарский И. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историо-графический роман). – Челябинск, 2008. – 516 с.
Рец.: Кукулин И. Фотографическое печенье «Мадлен» // Новое лит. обозрение. – М., 2008. – № 92. – С. 211–224; Секиринский С. История историка. Создание мемуаров как культурная миссия // НГ/ – Ex libris. – 2008. – 30 сент. – С. 6.
86. Ненароков А.П. В поисках жанра: Записки архивиста с документами, комментариями и посвящениями. – М.: Новый хронограф, 2009.
Кн. 1: Вдаль к началу. – 288 с.
Кн. 2: Свеча в доме. – 358 с.
87. Дневники академика М.В. Нечкиной / Публ. Курапаевой Е.Р., Копылова С.В. // Вопр. истории. – М., 2004. – № 10, 11, 12; 2005 – № 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; 2006. – № 5, 6, 7, 8.
88. [Нечкина М.В.] Дневники М.В. Нечкиной: Казань и Казанский университет: (1917–1924) / Вступ. ст., коммент. Бикштаевой А.Н. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 108 с.
89. «...Когда я буду “великим” человеком... очень пригодятся мои тетради...»: (Из личных дневников акад. М.В. Нечкиной) / Публ. подгот. Куропанова Е.Р. // Отеч. арх. – М., 1997. – № 5. – С. 53–92; № 6. – С. 47–92.
90. Нифонтов А.С. Из опыта научной работы историка // История СССР. – М., 1963. – № 2. – С. 118–140.
91. Орлик И.И. Моя военная юность: 60-летию Вел. Победы посвящ. – М.: Наука, 2005. – 110 с.
92. Орлик И.И. Наш курс. Истфак МГУ в 1947–1952 гг. // Новая и новейшая история. – М., 2002. – № 6. – С. 123–140.
93. Павленко Н.И. Буду жить. – М.: Алгоритм, 2000. – 254 с.
94. Петровская И.Ф. В конце пути. – СПб.: Петрополис, 2009. – 408 с.
95. Из дневника С.А. Пионтовского / Публ. и предисл. (С. 419–432). Литвина А.; Коммент. Герасимова И. // Ab Imperio. – Казань, 2002. – № 3. – С. 433–488.
96. Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело: 1929–1931 гг. – СПб., 1993. – Вып. 1. – С. 256–288.
97. Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2 т. / РАН. Ин-т славяноведения. Археогр. комис. – М.: Наука, 2003.
Т. 1.: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / Отв. ред. Шмидт С.О.; Сост.: Бухерт В.Г., Мельникова А.В. – 368 с., [3] л. портр.
98. Письма русских историков: (С.Ф. Платонов, П.Н. Миллюков) / Ом. гос. ун-т; Под ред. Корун В.П. – Омск, 2003. – 305 с.: портр. – Библиогр. в примеч. Указ.: С. 297–304.
99. Плимак Е.Г. На войне и после войны: Записки ветерана. – М.: Весь мир, 2005. – 197 с.
100. Полетика Н.П. Виденное и пережитое: (Из воспоминаний). – Иерусалим, 1990.

101. Поляков Ю.А. Путь познания истории // Отеч. история. – М., 1996. – № 6. – С. 140–152.
102. Пономарев А.Н. Москва глазами очевидца. 1930–2005 гг.: Воспоминания. – М.: Изд-во Главархива Москвы, 2005. – 408 с.
103. Пресняков А.Е. Письма и дневники, 1889–1927 / Подгот. Жуковской Т.Н. и др.; Рук. и отв. ред.: Цамутали А.Н. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 967 с., 1 л. портр.
104. Пушкирев Л.Н. По дорогам войны: Воспоминания фольклориста-фронтовика / РАН. Ин-т рос. истории. – М., 1995. – 310 с.
105. Пушкирев С.Г. Воспоминания историка: 1905–1943. – М.: Посев, 1999. – 111 с.
106. Пыпин А.Н. Мои заметки / Вступ. ст. Озерецкой А.С.; Подгот. текста Мурениной Г.П. – Саратов: Изд-во Сарат.ун-та, 1996. – 331 с.
107. Ратнер А.В. Дневник. Письма / Публ. и примеч. Шикмана А.П. // Конспект времени: Труды и дни Александра Ратнера. – М., 2007. – С. 17–232.
108. Рожкова М.К. Мой опыт работы с историческими источниками // История СССР. – М., 1962. – № 6. – С. 88–114.
109. Розанов Н.П. Воспоминания старого москвича. – М.: Рус. миръ, 2004. – 431 с.
110. Рубинштейн Н.Л. О путях исторического исследования // История СССР. – М., 1962. – № 6. – С. 88–114.
111. Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911): Сост., вступ. ст. и коммент. С.П. Щавелева / Курс. гос. мед. ун-т Федер. агентства по здравоохранению и социал. развитию. Каф. философии. – Курск, 2007. – 506 с.
112. Сидоров А.Л. Институт Красной профессуры // Мир историка. – Омск, 2005. – Вып. 1. – С. 363–408. Воспоминания.
113. Сидоров А.Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // История СССР. – М., 1962. – № 3. – С. 118–138.
114. Таубе М.А. «Зарницы»: Воспоминания о трагич. судьбе предреволюцион. России: (1900–1917) / Коммент.: Волхонский М.А., Гайда Ф.А. – М.: РОССПЭН, 2007. – 272 с.
115. Тютюкин С.В. Десять лет в журнале «Отечественная история». – М.: Собрание, 2005. – 430 с. – Основные науч. тр. С.В. Тютюкина: С. 421–430.
116. Федосюк Ю.А. Короткие встречи с великими: Воспоминания. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 181 с.
117. Письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову. 1915–1922 г. / вступ. ст., публ. и комментарий Андреевой Т.В., Соломонова В.А. // Деятели русской науки XIX–XX вв. – СПб., 2008. – Вып. 4. – С. 526–578.
118. Хейфец М.Р. Избранное. Т. 1: Место и время. – Харьков, 2000.
119. Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох: 1972–1991 годы. – М.: РОССПЭН, 2008. – 1047 с.
120. Чичерин Б.Н. Воспоминания Б.Н. Чичерина. Земство и Московская дума. – Тамбов: Север, 2007. – 383 с. – Репр. воспр. изд.: 1934. Библиогр. в примеч.
121. [Чичерин Б.Н.] Воспоминания Б.Н. Чичерина // Российский архив: история отечества в свидетельствах и документах XIX–XX вв. – М., 1999. – Т. IX. – С. 89–175.
122. [Чичерин Б.Н.] Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина / Сост., общ. ред. и предисл. Чернова С.Л. – М., 1991. – 254 с.
123. Шаховский Д.И. Письма к И.М. Гревсу / Публ. и коммент. Златопольской А.А. // Философский век. – СПб., 2004. – 26. – С. 146–254.
124. Шелохаев В.В. Прощание с прошлым. – М.: РОССПЭН, 1998. – 303 с. – Список избр. науч. тр.: С. 278–302.
125. Шелохаев В.В. Самостояние. – М.: РОССПЭН, 2010. 272 с.

126. [Шереметев С.Д.] Мемуары графа С.Д. Шереметева / Сост., подгот. текста и примеч. Шохина Л.И. – М.: Индрик, 2001. – 735 с.
127. [Шереметев С.Д.] Мемуары графа С.Д. Шереметева / Подгот. текста и примеч. Шохина Л.И. – М.: Индрик, 2004–2005. Т. 1–3.
128. *Щербань Н.В.* От романтизма к реализму: (Воспоминания и раздумья о послевоен. поколении) // Отеч. история, М., 2007. – № 2. – С. 180–195.
129. *Эйдельман Ю.* Дневники Натана Эйдельмана / Сост. и коммент. Мадер Ю. – М.: Материк, 2003. – 495 с.
130. *Янжул И.И.* Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. / Гос. публ. ист. б-ка России. – М., 2006. – 432 с.

Исследователи проблем всеобщей истории

131. *Алексеев В.М.* Как я изучал и изучаю Китай // Алексеев В.М. Наука о Востоке. – М., 1982. – С. 266–345.
132. *Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950)* // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. – М., 2008. – Вып. 3. – С. 359–430.
133. *Альперович М.С.* Историк в тоталитарном обществе: (профессионально-биограф. заметки) // Одиссей: человек в истории. 1997. – М., 1998. – С. 251–274.
134. *Антонова К.А.* Мы, востоковеды // Восток=Oriens. – М., 1991. – № 1, 3; № 2. – № 2, 4, 5. 2000. – № 4.
135. *Антонова К.А.* Мы, востоковеды // Восток. – М., 1991. – № 1. – С. 140–154; № 3. – С. 105–115; 1992. – № 2. – С. 140–152; № 4. – С. 124–136; № 5. – С. 131–147; 2000. – № 4. – С. 116–131.
136. *Арбатов Г.А.* Детство. Отрочество. Война: Автобиограф. на фоне ист. событий. – М.: Собрание, 2007. – 151 с., [20] л. ил.
137. *Арбатов Г.А.* Моя эпоха в лицах и событиях: Автобиограф. на фоне ист. событий. – М.: Собрание, 2008. – 207 с.
138. *Арбатов Г.А.* Человек Системы: наблюдения и размышления очевидца ее распада. – М.: ВАГРИУС, 2002. – 460 с.
139. *Медведев И.П.* *Переписка В.Н. Бенешевича с В.Д. Бонч-Бруевичем* // Всеобщая история и история культуры: Петерб. историографии.-СПб., 2008. – С. 83–124.
140. *Бессмертный Ю.Л.* Пути медиависта в СССР / Предисл. и публик. О.Ю. Бессмертного // Французский ежегодник 2002. – М., 2002. – С. 247–271.
141. *Болдырев А.Н.* Осадная записка: Блокадный дневник / Подгот.: Гарбузов В.С., Стеблин-Каменский И.М. – СПб., 1998.
142. *Алексеев В.М.* Как я изучал и изучаю Китай // Алексеев В.М. Наука о Востоке. – М., 1982. – С. 266–345.
143. *Арбатов Г.А.* Человек Системы: Наблюдения и размышления очевидца её распада. – М.: ВАГРИУС, 2002. – 460 с.
144. *Биск И.Я.* Мой XX век: Записки историка. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. – 446 с.:
145. *Блинкова М.* Время было такое. – Тель-Авив, 1998. Ин-т истории (всеобщей истории) АН СССР в 1960-е гг.
146. *Бодянский О.М.* Дневник, 1852–1857. – М.: Рус. миръ: Жизнь и мысль, 2006. – 335 с.: ил. – (Большая Моск. б-ка).
147. *Болдырев А.Н.* Осадная записка: Блокадный дневник / подгот. Гарбузов В.С., Стеблин-Каменский И.М. – Сиб., 1998.
148. *Владимир Григорьевич Борухович* в воспоминаниях и письмах / Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского; Сост. текста, вступ. ст. Парфёнова В.Н. – Саратов: Изд-во

- Сарат. ун-та, 2009. – 223 с.: портр. – (Сер. мемуаров «О времени и о себе»). – Библиогр. в примеч.
1. Парфёнова В.Н. 2. Сер. мемуаров «О времени и о себе».
 149. Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого / РАН. Ин-т философии. – М., 2000. – 206 с.
 150. Вяткин М.П. Страницы жизни и работы / Под ред. Потолова С.И. – 2-е изд. – СПб., 2007.
 151. Галенович Ю.М. Заметки китаеведа. – М.: Муравей, 2002. – 327 с. – Перечень работ Ю.М. Галеновича: С. 326–327.
 152. Галкин И.С. Записки ректора Московского университета: Воспоминания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 208 с.: ил.
 153. Галкин И.С. Тропами моей жизни // Новая и новейшая история. – М., 1998. – № 5. – С. 111–132.
 154. Герье В.И. Детство. Учение до получения кафедры / Предисл. Шаханова А.Н. // История и историк: М., 1990. – С. 416–439.
 155. Гинцберг Л.И. О друзьях-товарищах и о себе... // Вопр. истории. – М., 2006. – № 12. – С. 138–146.
 156. Глазов Ю.Я. Тесные врата: возрождение русской интеллигенции. – Лондон, 1973.
 157. История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исслед. и коммент. Бонгард-Левина Г.М., Котрелева Н.В., Ляпустиной Е.В. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
 158. Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса: (1860–1941) / Автор-сост. Вахрамеева О.Б. – СПб.: СПб филиал Архива РАН, 2004. – 327 с. – Библиогр. список тр. Гревса И.М. – С. 358–360.
 159. Гуревич А.Я. История историка. – М.: РОССПЭН, 2004. – 284 с.
 160. Давидсон А. Я вас люблю: страницы жизни. – М.: МИК, 2008. – 336 с.
 161. Далин С.А. Китайские мемуары: 1921–1927. – М.: Наука, 1975. – 359 с.
 162. Гуткова Е.В. Пережитое. – М., 2001. – 464 с.
 Рец: Сванидзе А. Несколько слов об исторической памяти в связи с автобиографией историка // Средние века. – М., 2002. – Вып. 63. – С. 358–361; Гуревич А.Я. Историк среди руин: Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // Там же. – С. 363–393; Мильская Л.Т. Воспоминания Е.В. Гутковой и их достоверность // Там же. – С. 394–401;
 Мильская Л.Т. Заметки на полях (по поводу статьи о мемуарах Е.В. Гутновой) // Средние века. – М., 2004. – Вып. 65. – С. 214–228;
 Гуревич А.Я. О присвоении прошлого. Открытое письмо Л.Т. Мильской // Средние века. – М., 2004. – Вып. 66. – С. 408–414.
 163. Доронченков А.И. Памятные встречи и события: обученных-болгаристах и не только о них / Центр. ин-т повышения квалификации руководящих работников и специалистов про. образования М-ва общ. и проф. образования Рос. Федерации. Каф. гуманитар. дисциплин. – СПб., 1997. – 43 с. – Библиогр.: С. 41–43.
 164. Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. – СПб: Европ. Дом и др., 1995. – 767 с., портр.
 165. Иноземцев Н.Н. Цена победы в той самой войне: Фронтовой дневник. – М.: Наука, 1995. – 318 с.
 166. К истории славяноведения: (Из личного архива проф. И.И. Костюшко): Сб. док-тов / Сост. Костюшко И.И. Отв. ред. – Шемякин А.Л. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. – 231 с.
 167. Казанин М.И. Избранное / Отв. ред. Мясников В.С.; РАН. Ин-т всеобщей истории. Центр «Восток – Запад». – М.: Памятники ист. мысли, 2009. – 430 с.

168. *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. Золотарева В.П. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 382 с.
169. *Клейн Л.С.* Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. – СПб.: Нестор – История, 2010. – 730 с.
170. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания / Предисл. Хайловой Н.Б.; Сост. и коммент. Воробьева Ю.С., Гиоева Т.С. Арх. РАН, Центр. ист. арх. г. Москвы. – М.: РОССПЭН, 2005. – 783 с.
171. *Козлов П.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926. – СПб.: Ницца, 2003. – 1039 с. (Науч. наследство. Т. 30).
172. *Комолова Н.П.* Моя Италия: (Взгляд рос. историка): 1959–1996 гг. – М., 2007. – 304 с.
173. *Кончаловский Д.П.* Воспоминания и письма: (от гуманизма к Христу). – Paris: Librairie des Cina Continents, 1971. – 348 с.
174. *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма / Отв. ред.: Алпатов В.М., Клибанов А.И.; Сост.: Сорокина М.Ю., Тамашишвили А.О.; Архив РАН. – М.: РОССПЭН, 1996. – 543. Часть текста на англ. яз.
175. *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. Над арабскими рукописями. – 469 с.
176. *Крачковский И.Ю.* Испытание временем. Мысли к 45-летию научной работы / Публ. Долининой Н. // Петербургское востоковедение. – СПб., 1996. – Вып. 6. – С. 564–596.
177. *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. Мои воспоминания о книгах и людях. – Изд. 4-е. – М.: Наука, 1965. – 232 с.
178. *Крымский А.Е.* Письма из Ливана: (1896–1898) / Сост.: Визирь Н.П., Смилянская И.М. – М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1975.
179. *Луцицкая М.В.* Мемуары / Ин-т всеобщ. истории РАН, Ин-т укр. археологии АН Украины. – М., 2003. – 196 с. – Библиогр.: С. 173–195.
180. *Маркин А.* Дневник. 2002–2006. – Тверь: KOLONNA. Publications. Митин журнал, 2006. – 392.
181. *Мирский Г.И.* Жизнь в трех эпохах. – М.: Лет. сад, 2001. – 367 с.
182. *Некрич А.* Отрешившись от страха: Воспоминания историка. – Л., 1979.
183. *Оболенская С.В.* «О времени и о себе»: Воспоминания историка // Одиссей: Человек в истории. – М., 1995. – С. 221–245.
184. *Переписка В.Р. Розена и С. Фольденбурга (1887–1907)* // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. – М., 2004. – Вып. II. – С. 201–399.
185. *Петросян Ю.А.* Встречи и расставания: Зап. востоковеда. – СПб.: Наука, 2002. – 252 с.
186. *Пиотровский Б.Б.* Страницы моей жизни. – СПб.: Наука, 1995. – 288 с.
187. *Пискорский В.К.* История моего профессорства в Нежине: 1899–1905 / Предисл. Москаленко А.Е. // История и историки: Историогр. ежегодник. 1979. – М., 1982. – С. 366–393.
188. Письма *П.Г. Виноградова к В.И. Герье* из Германии (1875–1876 гг.) / Публ. и коммент. Антошенко А.В. // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. – М., 2008. – С. 118–151.
189. *Примаков Е.М.* Минное поле политики. – 3-е изд. – М.: Мол. гвардия, 2007. – 362 с.
190. *Рабинович М.Б.* воспоминания долгой жизни. – СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга и др., 1996. – 367 с., портр.
191. *Юрий Николаевич Рерих: Письма* / Сост. Михайлова Н.Г. – М.: Междунар. центр Рерихов: Мастер-банк, 2002. Т. 1: 1919–1935. – 351 с. [29] л. ил. Т. 2: 1936–1960. – 399 с., портр.

192. *Семпер-Соколова Н.Е.* Портреты и пейзажи: Частные воспоминания о XX веке. – М., 2007. – 447 с.
193. *Сергеенко М.С.* Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете / Вступ. ст., публ. и коммент. Андреевой Т.В. // Деятели русской культуры XIX–XX вв. – СПб., 2001. – Вып. 2. – С. 280–303.
194. *Слѣзкин Л.Ю.* До войны и на войне. – М.: Парад, 2009. – 518 с.
195. *Старкова К.Б.* Воспоминания о прожитом: жизнь и работа семитолога-гебраиста в СССР / Под ред. Вихновича В.М. – СПб.: Европ. дом, 2006. – 357 с.
196. *Стам С.М.* Моя жизнь, учителя, друзья и наука / Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2009. – 359 с.: ил., [5] л. ил. – (О времени и о себе). – Спикок науч. тр. д-ра ист. наук проф. С.М. Стама: С. 350–358.
197. Судьба, учителя, Италия: Мемуары историков / Предисл. и ред. Сванидзе А.А. – М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2009. – 296 с. (Прилож. к журн. «Средние века». Вып. 4). *Ролова А.Д.* Италия в душе, в уме и наяву. Мои профессора. – С. 16–29. Мои профессора. – С. 30–48; *Стам С.М.* Моя жизнь, учитель, мои друзья и наука (Итальянские фрагменты). – С. 49–110; *Горфункель А.Х.* Моя школа, мои университеты. – С. 111–288.
198. *Тартаковский Б.Г.* Из дневников военных лет / Публ.: Тартаковский А.Б., Тартаковский С.Б.; предисл. Галкина А. – М.: АИРО-XX, 2006. – 272 с.
199. *Тартаковский Б.Г.* Все это было...: Воспоминания об исчезающем поколении. Предисл. Дабкина Я.С. – М.: АИРО-XX, 2005. – 446 с.
200. *Тихвинский С.Л.* Возвращение к воротам небесного спокойствия / РАН. Ин-т Дал. Востока. – М.: Памятники ист. мысли, 2002. – 387 с. [32] л. ил. – Рез. англ. Основные труды автора: С. 377.
201. *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения: В 5 кн. – М.: Наука, 2006. Кн. 5: Воспоминания дипломата и заметки историка: Автор о себе, своих коллегах-историках и дипломатах. – 452 с.
202. Во главе Императорской Академии художеств: Граф *И.И. Толстой* и его корреспонденты. 1889–1898 / РАН. С.-Петербург. ин-т истории; Отв. ред. Генелин Р.Ш.; Подгот. Крупской И.И. и др. – М.: Индрик, 2009. – 939 с.
203. *Толстой И.И.* Дневник, 1906–1916 / Публ. Л.И. Толстой. – СПб: Фонд регион. развития С.-Петербурга и др., 1997. – XIII, 729 с., портр.
204. [*Толстой И.И.*] Мемуары графа И.И. Толстого / подгот. текста Толстой Л.И.; Коммент.: Гапелин Р.Ш., Иванов А.Е. – М.: Индрик, 2002. – 464 с.
205. *Пастернак Б.Л.* Переписка с *Ольгой Фрейденберг* / Сост. и коммент. Пастернака Е.Б., Пастернак Е.В.; Под ред. и с предисл. Моссмана Э. – N.Y.; L.: H.a.K. Wollff Book; Harcourt, Brace, 1981. – VII. – 397 с.
206. Пожизненная привязанность / Сост., вступ. примеч. Пастернака Е.Б., Пастернак Е.В. – М.: АРТ-ФЛЕКС, 2000. – 416 с. Переписка *О.М. Фрейденберг* с *Б.Л. Пастернаком: 1910–1954 г.*
207. *Фильштинский И.М.* Мы шагаем под конвоем: Рассказы из лагер. жизни. – Н. Новгород: Деком, 2005. – 353 с.
208. *Чельшев Е.П.* Времен связующая нить. Статьи. воспоминания. – М.: Наука, 1998. – 793 с.
209. *Шаститко П.М.* Песочные часы // Восток.=oriens. – М., 1997. – № 2,4,5; 1998. – № 1, 3, 4.
210. *Шумовский Т.А.* Воспоминания арабиста. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 172 с.
211. *Шумовский Т.А.* У моря арабистики. По страницам памяти и неизд. документов. – М.: Наука, 1975. – 344 с.

212. *Шумовский Т.А.* Свет с Востока / С.-Петербург. ун-т. Вост. фак. – СПб., 2006. – 350 с.
213. *Шуцкой Ю.* Жизнеописание // Пробл. Дальнего Востока. – М., 1989. – № 4. – С. 148–165.
214. *Ярхо В.* Внутри и вне Садового кольца: воспоминания обыкновенного заведующего кафедрой. – М.: Лабиринт, 2003.

Филологи

217. *Беем А.Л., Средневский В.И.* Переписка. 1911–1936 / Сост., подгот. текста, введ., коммент., имен. указ. Бубениковой М. и Горяинова А.П. – Бр...., 2005. – 183 с.
218. *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. ред. Топоров В.Н.; РАН. ин-т славяноведения, МГУ им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. – М., 2002. – 374 с.
219. *Буртин Ю.Г.* Исповедь шестидесятника. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 639 с. – Библиогр.: С. 630–639.
220. *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. – СПб.: Искусство – СПб., 2002. – 767 с.: портр. – Библиогр.: С. 746–750.
221. *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки: Новое собрание. – М.: Захаров, 1999. – 463 с.
222. *Егоров Б.Ф.* Воспоминания. – СПб.: Нестор-История, 2004. – 471 с. [19] л. ил.
223. *Житомирская С.В.* Просто жизнь. – М.: РОССПЭН, 2008. – 600 с.
224. Из далеких двадцатых годов двадцатого века (Исповед. переписка фольклристов *Б.М. и Ю.М. Соколовых*) / РАН ИМЛИ; Подгот. текстов, вступ. ст., коммент. Бахтиной В.А. – М., 2010. – 815 с.
225. *Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века: Мемуар. кн. – М.: Захаров, 2006. – 842 с.
226. *Лотман Ю.М.* Письма. 1940–1993 / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Егорова Б.Ф. – М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1997. – 798 с.
227. *Лотман Ю., Успенский Б.* Переписка, 1964–1993. / Сост. Хельберг О. – М.: Новое лит. обозрение, 2008. – 498 с.
228. *Назарова Л.Н.* Воспоминания о Пушкинском Доме / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 507 с.: Библиогр.: С. 483–499.
229. *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Воспоминания // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические. В 2-х т. – М., 1939. – Т. 2. – С. 306–486 с. Впервые: – Пг, 1923.
230. *Перцов П.П.* Литературные воспоминания, 1890–1902 гг. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Лаврова А.В. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 491 с.
231. *Прохоров Г.М.* Крестообразность времени или Пушкинский Дом и около. – СПб., 2002. – 160 с.
232. *Пуришев Б.И.* Воспоминания старого москвича. – М.: Флинта; Наука, 1998. – 120 с.
233. *Рейсер С.А.* Воспоминания. Письма. Статьи (К 100-летию со дня рождения) – Сиб. гос. ун-т культуры и искусства. – СПб., 2006. – 224 с.
234. *Тимофеев Л.И., Поспелов Г.Н.* Устные мемуары / Науч. б-ка МГУ – Собрание фотодокументов им. В.Д. Дувакина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 222 с.
235. *Эткинд Е.Г.* Записки незаговорщика. Барселонская проза. – СПб.: Акад. проект, 2001. – 495 с.

Историки искусства

236. *Аллатов М.С.* Воспоминания: Творч. судьба. Семейн. хроника. Годы учения. Города и страны. Люди искусства.-М.: Искусство, 1994. – 256 с., портр.
237. *Балаева С.Н.* Записки хранителя Гатчинского дворца, 1924–1956: Дневники. Статьи. – СПб.: Искусство россии, 2005. – 646 с.: ил.

238. *Бахрушин Ю.А.* Воспоминания / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Сочинской Н.И. – М.: Худож. лит., 1994. – 702 с.
239. *Бенуа А.Н.* Дневник, 1916–1918 годов. – М.: Захаров, 2006. – 766 с.
240. *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания: В 5-ти кн. / изд. подгот.: Александрова Н.И. и др.; Отв. ред. Лихачев Д.С.; АН СССР. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1990. – (Лит. памятники).
Кн. 1,2,3. – 711 с.
Кн. 4,5. – 743 с.
241. *Бенуа А.Н.* Мой дневник: 1916–1917–1918. – М.: Рус. путь, 2003. – 701 с., [8] л. ил.
242. *Вагнер Г.К.* Из глубины взываю... (De profundis) / Сост. Марелло Т.В. – М.: Круг, 2004. – 272 с.
243. *Ванслов В.В.* Отзвуки минувшего: Искусство и жизнь в пришедшем веке / Рос. акад. художеств. НИИ теории и истории изобраз. искусств. – М.: Знание, 2004. – 223 с.
244. *Ванслов В.В.* Парад планет: семь юбилеев моей жизни / РАН. НИИ теории и истории изобрз. искусств. – М., 2003. – 204 с. – Библиогр.: с- 148–195.
245. *Ванслов В.В.* Под сенью муз: Воспоминания и этюды. – М.: Памятники ист. мысли, 2007. – 423 с. – Библиогр.: С. 385–423.
246. *Ванслов В.В.* Портреты-воспоминания. – М.: Знание, 2004. – 206 с.
247. *Волконский С.М.* Мои воспоминания: В 2 т. – М.: Захаров, 2004.
Т. 1: Лавры. Странствия. Разговоры. – 533 с.
Т. 2: Родина, Быт и бытие. – 559 с.
248. *Врангель Н.Н.* Дни скорби: Дневник 1914–1915 гг. / Публ., сост., коммент. Мурашева А.А. – СПб.: Нева: Лет. сад, 2001. – 319 с.
249. Хранитель / Гос. Эрмитаж. – СПб., 2006.
Кн. 2: *В.М. Глинка:* Воспоминания, архивы, письма / Авт.-сост.: Глинка М.С.; Ред.: Кукушкина Г.П. – 415 с.
250. *Голлербах Э.* Встречи и впечатления / Сост., подгот. текстов и примеч. Голлербаха Е. – СПб.: ИНАП-РЕСС, 1998. – 568 с.
251. *Грабарь И.Э.* Моя жизнь: Автомонография; Этюды о художниках / Сост., вступ. ст. и коммент. Володарского В.М. – М.: Республика, 2001. – 495 с.
252. *Грабарь И.* Письма: 1891–1917 / Сост.: Андреева Л.В., Каждан Т.П. – М.: Наука, 1974. – 472 с.
253. *Грабарь И.* Письма: 1917–1941 / Сост.: Евсина Н.А., Каждан Т.П. – М.: Наука, 1977. – 424 с.
254. *Грабарь И.* Письма: 1941–1960 / Сост.: Евсина Н.А., Каждан Т.П. – М.: Наука, 1983. – 367 с.
255. *Дурылин С.Н.* В своем углу: Из старых тетр. / вступ. ст. Померанцевой Г.Е.; сост. и примеч. Любушкиной Е.И. – М.: Моск. рабочий, 1991. – 335 с.
256. *Зубов В.П.* Страдные годы России. – М.: Индрик, 2004. – 319 с. [16] к/ bk/ – (Deus conservat omnia). – Библиогр.: С. 259–277.
257. *Кондаков Н.П.* Воспоминания и думы / Сост., подгот. текста и примеч. Кызласовой И.Л.; Редкол.: Вздорнов Г.И. и др. – М.: Индрик, 2002. – 415 с.: портр. – Библиогр. трудов Н.П. Кондакова: С. 359–377.
258. *Олеуфьев Ю.А.* Из недавнего прошлого одной усадьбы: Буецкий дом, каким мы оставили его 5-го марта 1917 года / Публ. Вздорнова Г.И. – М.: Индрик, 2009. – 352 с.
259. *Пунин Н.Н.* Мир светел любовью: Дневники. Письма / Сост., предисл., примеч. и коммент. Зыкова Л.А. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. – 397 с.
260. *Раков Л.* В капле воды / Публ. и вступ. ст. А. Раковой // Звезда. – СПб., 2004, № 1. – С. 94–107.

261. *Эттингер П.Д.* Из переписки / Сост.: Демская А.А., Семенова Н.Ю. // Эттингер П.Д. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников. – М., 1989. – С. 62–263.

Археологи. Этнографы

262. *Азадовский М.К., Оксман Ю.Г.* Переписка, 1944–1954 / Подгот. Азадовский К.М. – М.: Новое лит. обозрение, 1998. – 410 с.
263. *Арутюнян С.* О прошлом и настоящем.–М.: Республика, Современник. – 2009. – 399 с.
264. *Богатрев Петр Григорьевич.* Документы. Воспоминания. Статьи / Сост. и отв. ред. Солнцева Л.П. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 366 с.
265. *Богданов В.В.* Этнография в истории моей жизни / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., 1989. – 184 с.
266. *Богданов В.В.* Музейная этнография (Главы из кн.: «Этнография в истории моей жизни» / Публ. Пипец Р.С. / РАН. Ин-т этнологии и антропологии. – М., 1993. – 60 с.
267. *Буслаев Ф.И.* Мои досуги: Воспоминания. Статьи. Размышления / Сост., примеч. Прокопова Т.Ф.; Вступ. ст. Анисова Л.М. – М.: Рус. кн., 2003. – 606 с.: 1 л. портр.
268. *Гаген-Торн Н.И.* Memoria. – М.: Возвращение, 1994. – 415 с.
269. *Кабо В.Р.* Дорога в Австралию: Воспоминания. – М.: Вост. лит., 2008. – 296 с.
270. *Кияшко В.Я.* Полвека археологии и кое-что еще... / Азов. ист.-археол. и палеонтол. музей-заповедник. – Азов, 2007. – 399 с. [16] л. ил.
271. *Мелетинский Е.М.* Избранные статьи. Воспоминания / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 1998. – 575 с.
272. *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Наука, 1996.
Т. 5: Письма. Документы и материалы / Сост.: Анфертьева А.Н. и др.; Отв. ред. Путилов Б.Н., Тумаркин Д.Д. – 824 с. – Изд. соч. Н.Н. Миклухо-Маклая: С. 805–806.
273. *Рабинович М.Г.* Записки советского интеллектуала. – М.: Новое лит. обозрение, 2005. – 391 с.
274. Семь лет я непрерывно борюсь за существование. Письма *В.П. Левашева* к Л.А. Евтюховой / Публ. и коммент. О.С. Свешниковой // Мир историка: Историогр. сб. – Омск, 2006. – Вып. 2. – С. 472–483.
275. *Уварова П.С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни / Подгот. к публ. Бастрковой М. и Заковоротной А.
276. *Уварова П.С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни / Подгот. к публ. Стрижовой Н. – М.: ГИМ, 2005. – 336 (Тр. ГИМ. – Вып. 144).
277. *Харузина В.Н.* Прошлое: Воспоминания дет. и отроческих лет / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Керимовой М.М., Наумовой О.Б. – М.: Новое лит. обозрение, 1999. – 558 с.
278. *Чистов К.В.* Забывать и стыдиться нечего... / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб., 2006. – 240 с. [8] л. ил. – (Kunstkamera Petropolitana).

Историки науки

279. *Вернадский В.И.* Дневники, 1917–1921 / Отв. ред.: Сытник К.М., Левшин Б.В.; – Киев: Наук. думка, 1994–1997.
Октябрь 1917 – январь 1920 / Сост. Сорокина М.Ю. и др. – 1994. – 271 с., [9] л. ил.
Январь 1920 – март 1921 / Сост. Киржаев С.Н. и др. – 1997. – 327 с., [11] л. ил.
280. *Вернадский В.И.* Дневники. Март 1921 – август 1925 / Отв. ред. Волков В.П. – М.: Наука, 1998. – 214 с.: 1 л. портр.

281. *Вернадский В.И.* Дневники. 1926–1934 / Сост. Волков В.П. – М.: Наука, 2001. – 456 с. [8] л. ил.
282. *Вернадский В.И.* Дневники. 1935–1941 / Отв. ред. Волков В.И. – М.: Наука, 2006.
Кн. 1: 1935–1938. – 444 с.
Кн. 2: 1939–1941. – 295 с.

5. Биобиблиография ученых-историков

Историки России

1. *Виктор Тихонович Анисков.* Биобиблиогр. изд.: Юбил. вып. / Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова; Сост. Рутковский М.А., Бухарин Л.А. – Ярославль, 2008. – 181 с.: портр., факс.
2. *Юрий Николаевич Афанасьев:* Библиогр. указ. / Вступ. ст. Логунова А.П.; Сост. Гульчинский В.И. – М.: РГГУ, 1998. – 75 с.
3. *Н.Н. Батулин* – революционер, историк, публицист: (1877–1927): Библиогр. указ. / Сост.: Ртищев Ю.И., Демидов Р.Т., Широкова В.Г. – Воронеж: Центр-Чернозем. кн. изд-во, 1969. – 63 с.
4. *Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич* / Вступ. ст. Петровского Г.И.; Сост.: Нестерова Н.М., Сурикова К.Б. – М.: Изд-во АН СССР. – 122 с. (Материалы для биобиблиографии ученых СССР. Сер. История; Вып. 5).
5. *Геннадий Аркадьевич Бордюгов:* Биобиблиогр. указ. / Ассоц. исслед. рос. о-ва XX века «АИРО-XX»; Сост. Небезин В.А., Ушаков А.И.; Авт. послесл. Молодяков В.Э. – М.: АИРО-XX, 2004. – 94 с.
6. *Виктор Иванович Буганов:* Библиогр. указ.: Археографич. центр. / Предисл. Лукичева М.П. – М., 1993. – 77 с.
7. *Агдас Хусаинович Бурганов:* Биобиблиогр. указ. / Вступ. ст. Бухараева В.М., Королева В.С., Водолазова Г.Г., Сост. Доманова С.А. – М.: РГГУ, 2001. – 59 с.
8. Серов Д.О. *П.Г. Васенко:* Материалы к биобиблиографии (1899–1929) // Герменевтика древне-русской литературы. – М., 1992. – Вып. 2. – С.
9. *Гаврилов Дмитрий Васильевич:* Библиогр. указ.: К 80-летию со дня рождения / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т истории и археологии; Отв. ред. Побережников И.В. – Екатеринбург, 2007. – 41 с., 1 л. портр.
10. *Сергей Николаевич Введенский* (1867–1940): К 130-летию со дня рождения: Биобиблиогр. указ. / Воронеж. гос. ун-т. Науч. б-ка и др.; Сост. и авт. вступ. ст.: Акиншин А.Н., Федосова Н.М. – Воронеж, 1997. – 79 с. [9] л.
11. *Владимир Алексеевич Виноградов* / Вступ. ст. Иноземцева Н.Н.; Сост. Горячева Р.И. – М.: Наука, 1982. – 63 с. (Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. экономика; Вып. 12).
12. *Владимир Алексеевич Виноградов* / Вступ. ст. Фурсенко А.А., Пивоварова; Сост.: Горячева Р.И., Тихомирова Г.М. – Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 2006. – 129 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. Экономика; Вып. 16).
13. Асафова Н.М. *Юрий Владимирович Готье.* – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1941. – 27 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 1).

14. *Борис Дмитриевич Греков* / Вступ. ст. Пичеты В.И.; Сост. Петров В.А. – М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1947. – 32 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 2).
15. *Николай Михайлович Дружинин*: (1886–1980) / Вступ. ст. Киняпиной Н.С.; Сост.: Горячева Р.И., Ансерова Н.М. – М.: Наука, 1987. – 101 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 16).
16. Библиография научных, научно- и учебно-методических работ доктора исторических наук, профессора *Дударева Сергея Леонидовича* (2001–2006 гг.) / Междунар. акад. информатизации и др.; Сост.: Великая Н.Н., Басов И.И. – Армавир, 2006. – 38 с.
17. *Владимир Дмитриевич Есаков*: Биобиблиогр. указ / Предисл. Ненарокова; Сост.: Бордюгов Г.А., Левина Е.С. – М.: АИРО-XXI, 2007. – 108 с.
18. *Иван Егорович Забелин*: Библиогр. указ. / АН СССР и др.; Сост. Бойкова О.Ф. – М., 1988. – 73 с.
19. *Петр Андреевич Зайончковский*: К 70-летию со дня рождения: Биобиблиография / МГУ; Сост.: Стрелкова А.С., Филимонова И.И. – М., 1974. – 36 с.
20. Мельничук Г.А. *Николай Степанович Зелов*: К 50-летию творчес. деятельности: Биобиблиогр. указ. – М.: Энцикл. рос. деревень, 2003. – 63 с.
21. *Александр Александрович Зимин*: Библиогр. указ. / РГГУ; Вступ. ст. Каштанова С.М.; Сост. Гульчинский В.И. – М., 2000. – 192 с.
22. Ситдигов А.Г., Старостин П.Н. *Николай Филиппович Калинин*, 1988–1959. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 24 с.
23. *Елена Ивановна Каменцева*: Биобиблиогр. указ. / Вступ. ст. Муравьева В.А.; Сост.: Простоволосова Л.Н., Пчелов Е.В. – М.: РГГУ, 2006. – 58 с.
24. Зегжда Н.А. Список научных печатных работ *Ивана Сергеевича Книжник-Ветрова*. – Л., 1960. – 39 с.
25. *Владимир Борисович Кобрин*: Биобиблиогр. указ. / Вступ. ст. Юрганова А.Л.; Сост.: Козаков Р.Б., Простоволосова Л.Н. – М.: РГГУ, 1999. – 54 с.
26. *Иван Дмитриевич Ковальченко* (1923–1995): К 75-летию со дня рождения / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. фак.; Под ред. Голикова А.Г.; Сост. Абрамова Н.Г. и др. – М., 1998. – 63 с.
27. *Козлов В.П.*: Библиогр. указ. / Сост.: Буякевич Т.С., Гараненкова Э.Л. – М.: РОССПЭН, 2004. – 48 с. Изд. 2-е. – М.: РОССПЭН, 2009. – 67 с.
28. Мухамадеев А.И. *Дмитрий Александрович Корсаков*, 1843–1919. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 26 с.
29. Памяти *Семена Семеновича Ланды*, 1926–1990: Каталог кн. выставки, посвящ. годовщине со дня смерти / БАН СССР; Сост. Лыткина О.Ю. – Л., 1991. – 28 с.
30. Слово об ученом и его трудах: *Лейберов Игорь Павлович*: Библиогр. указ. тр. и рец. на них / С.-Петербург. гуманит. ун-т профсоюзов. – СПб.: Нестор, 1998. – 77 с.
31. *Дмитрий Сергеевич Лихачев* / Вступ. ст. Адриановой-Перетц и Салминой М.А.; Сост.: Салмина М.А., Финашина Г.Н. – Изд-во 3-е, доп. – М.: Наука, 1989. – 304 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 11).
32. Простоволосова Л.Н. *Н.П. Лихачев*: судьба и книги: Библиогр. указ. / Гос. Эрмитаж. С.-Петербург. ин-т истории РАН и др. – 2-е изд., доп. – СПб., 2002. – 57 с.
33. *Эльгена Васильевна Молодякова*: К 70-летию со дня рождения. Биобиблиогр. указ. / Сост. Бордюгов Г.А., Куланов А.Е. – М.: АИРО-XXI, 2007. – 55 с.: ил., 1 л. портр. – указ.: С. 43–52.
1. Бордюгов Г.А.
34. Каменцева Е.И. Наумов О.Н. *В.К. Лукомский*: Жизнь и деятельность: Библиогр. указ. – М.: РГГУ, 1994. – 72 с.

35. *Сергей Павлович Луппов*: Биобиблиогр. указ. / Сост.: Зайцева А.А., Никифоровская Н.А., Хотеев П.И. – Л.: БАН СССР, 1985. – 30 с.
36. *Петр Иванович Лященко*. 1876–1955: Библиогр. указ. / Вступ. ст. Вирныка Д.Ф.; Сост.: Киктенко Т.П., Скокан Е.И. – Киев: Изд-во АН УССР, 1961. – 63 с. (Ученые УССР).
37. *Юрий Давидович Марголис*: Библиогр. указ. тр. / С.-Петербург. гос. ун-т. и др.; Сост.: Жуковская Т.Н. и др. – СПб., 1995. – 45 с.
38. *Владимир Степанович Мясников* / Вступ. ст. Тихвинского С.Л.; Сост.: Журавлева В.П., Ипатова А.С., Тихомирова Г.М. – М.: Наука, 2003. – 117 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. История; Вып. 24).
39. *Леонид Васильевич Милов*: К 70-летию со дня рождения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 31 с.
40. *Борису Георгиевичу Могильницкому 75 лет* [Библиогр. указ.] / Предисл. Кирсановой Б. – [Томск], 2004. – 40 с.
41. *Алексей Леонтьевич Нарочницкий* / Вступ. Тихвинского С.Л., Пиотровского Б.Б., Дубинского А.М.; Сост.: Араловец Н.А.; Крайнева Н.Я., Пронина П.В. – М.: Наука, 1988. – 107 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 18).
42. *Владимир Александрович Невежин*: Биобиблиогр. указ. / Сост.: Давидян С.Г., Щербина С.П. – М.: АИРО-XX, 2004. – 48 с.
43. *Милица Васильевна Нечкина*: (1901–1985) / Вступ. ст. Вандакловской М.Г. и Дунаевского В.А.; Сост.: Эймонтова Р.Г. и др. – М.: Наука, 1987. – 133 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 17).
44. *Евгений Иванович Овсянкин*: Биобиблиогр. указ. / Арханг. обл. науч. б-ка им. Н.А. Добролюбова и др.; Сост. Петрова И.А.; Ред.: Тропичева Е.И. – 3-е изд., доп. – Архангельск, 2007. – 83 с.
45. Библиография трудов профессора *Н.И. Павленко* / Гос. публ. ист. б-ка РСФСР. – М., 1987. – 15 с.
46. *Виктор Моисеевич Панях*: (К пятидесятилетию науч. деятельности): Биобиблиогр. указ. тр., 1952–2002 / С.-Петерб. ин-т истории РАН; Вступ. ст. Бовиной-Лебедевой В.Г. Сост. Ропаква Е.Н. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 43 с.
47. *Александр Михайлович Панченко*, 1937–2002 / Сост. и авт. вступ. ст. Николаев С.И. – М.: Наука, 2007. – 94 с. (Материалы к биобиблиогр. ученых. Лит. и яз.; Вып. 32).
48. *Владимир Иванович Пичета*: Биобиблиогр. указ. / Сост.: Дукор Е.Я. – Минск: Изд-во БГУ, 1978. – 112 с.
49. Библиография опубликованных произведений академика *М.Н. Покровского* / Сост. Говорков А.А. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – 139 с.
50. Библиография произведений академика *М.Н. Покровского* / Сост. Говорков А.А. – М., 1993. – 96 с. (Архивно-информац. бюл. Прилож к журн. «Ист. архив». 1993. – № 7).
51. Стариков Н.В. *М.Н. Покровский* – выдающийся деятель советской культуры и просвещения: (К 100-летию со дня рождения): Материалы к научной биобиблиографии / Акад. пед. наук СССР. Гос. науч. б-ка по нар. образованию им. К.Д. Ушинского. – М., 1968. – 61 с.
52. *Постников Алексей Владимирович*: Материалы к биобиблиографии / Авт.-сост.: Жидкова А.А., Илизаров С.С.; Вступит. ст. Мясникова В.С. – М.: «Янус-К», 2009. – 88 с.
53. Возвращенная публицистика: Указ. публ. *Н.А. Рожкова* в сиб. период. изд. 1910–1917 гг. / Байк. гос. ун-т экономики и права. Б-ка. Науч.-библиогр. отд.; Авт.-сост. Борисова Т.А. – Иркутск, 2003. – 87 с.

54. *Евгений Константинович Розов*: Библиогр. указ. / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; Сост.: Семина Н.А.; Вступ. ст. Андреева В.Ф.; Науч. ред.: Корешкова Т.А. – Велик. Новгород, 2008. – 33 с.: портр. – (Сер.: Ученые ун-та / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого).
55. *Рушанин Владимир Яковлевич*: Биобиблиогр. указ. / Челяб. гос. акад. культуры и искусства; Сост. Губанова Г.А. и др. – Челябинск, 2007. – 207 с. [18] л.ил. – (Акад. культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).
56. *Александр Михайлович Самсонов* / Вступ. ст. Комкова Г.Д.; Сост.: Епифанова А.П., Шутько Л.В. – М.: Наука, 1970. – 54 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР; Вып. 11).
57. *Симонов Р.А.*: Материалы к биобиблиографии / Авт.-сост.: Самарин А.Ю. – М.: «Янус-К», 2009. – 91 с.
58. *Александр Лазаревич Станиславский*: Биобиблиогр. указа. / Вступ. ст. Каменского А.Б., Беленького И.Л. – М.: РГГУ, 1999. – 39 с.
59. Смирнов Я.Е. *Андрей Александрович Титов* (1844–1911). – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. – 279 с. Библиография трудов А.А. Титова, предваряемая очерком его жизни и научной деятельности.
60. *Михаил Николаевич Тихомиров* / Вступ. ст. Шункова В.А.; Сост. Горячева Р.И. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 72 с.
61. *Михаил Николаевич Тихомиров* (1893–1965): Биобиблиогр. указ. / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Отд-ние истории РАН. Археогр. комисс.; Сост. Тамм И.Е. Науч. ред. Шмидт С.О. – М.: РГГУ, 1996. – 112 с.
62. *Григорий Алексеевич Тишкин*: Библиогр. указ. тр. и цитирующей лит. / Санкт-Петербург. гос. акад. культуры. Сост. Шехурина Л.Д. – СПб., 1994. – 41 с.
63. *Толстиков Виталий Семенович*: Биобиблиогр. указ. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; Сост.: Моковая Т.Н. и др. – Челябинск, 2007. – 75 с. [15] л. ил. – (Акад. культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).
64. *Александр Александрович Фурсенко* / Вступ. ст. Ананьича Б.В., Гапелина Р.Ш., Паняха В.М., Плешкова В.П.; Сост. Плешков В.П. – М.: Наука, 2005. – 82 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. История; Вып. 26).
65. *Алексей Николаевич Цамутали*: (К 70-летию со дня рождения): Биобиблиогр. указ. тр., 1962. – 2001 / Сост.: Першина Л.И., Тутова А.Ф. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – 41 с.
66. *Лев Владимирович Черепнин*: (1905–1977) / Вступ. ст. Назарова В.Д.; Сост.: Бебих И.Г., Горячева Р.И. – М.: Наука, 1983. – 109 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 14).
67. *Вадим Алексеевич Черных*: 80: Биобиблиография / Предисл. Степанского А.Д. – М.: Археогр. комис. РАН, 2007. – 35 с.
68. *Алексей Александрович Шахматов*: (1864–1920): Кат. кн. выставки / Сост.: Капустя В.И., Лыткина О.Ю. – Л.: Б-ка АН СССР, 1990. – 54 с.
69. *Шиловский Михаил Викторович*: Библиогр. науч. тр. / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т истории; Сост. и отв. ред. Ноздрин Г.А. – Новосибирск, 2007. – 70 с., [2] л. цв. ил. – Указ.: С. 64–69.
70. *Валерий Александрович Шишкин*: (К 70-летию со дня рождения): Библиогр. указ. тр., 1959–2001 / Сост. Панченко Е.З. – СПб.: Европейский дом, 2001. – 38 с.
71. *Шмидт Сигурд Оттович*: Библиогр. указ. / Моск. гос. ист.-арх. ин-т; Предисл. акад. Лихачева Д.С.; Сост. Шохин Л.И.; – М., 1987. – 92 с.
72. *Сигурд Оттович Шмидт*: Биобиблиогр. указ. / РАН. Археогр. комис. Рос. гос. гуманитар. ун-т и др.; Вступ. ст. Каштанова С.М.; Сост. Мельников А.В. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 196 с.

73. Юрьева Н.В., *С.Я. Штрайх*: Кн. и ст. 1903–1946: Биобиблиогр. спис. – М., 1946. – 48 с.
74. *Виктор Иванович Шунков* / Вступ. ст. Шмидта С.О. Сост. Кузьменко Р.И. – М.: Наука, 1971. – 63 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 10).

*Исследователи проблем региональной, локальной
и местной истории. Краеведы.*

75. Остапенко В.С. Историк-краевед *А.М. Аббасов*: (Биобиблиогр. указ.) / Воронеж. отд-ние Рос. Фонда культуры, Воронеж. отд-ние ВООПИК. – Воронеж, 1994. – 44 с.
76. *Абрамовский Андрей Петрович*: К 80-летию со дня рождения / Челябин. гос. ун-т Сост.: Гончаров Г.А., Кобзов В.С. – Челябинск 2004. – 44 с.
77. *Цатур Павлович Агаян* / Вступ. ст. Барсеяна Х.Р.; Сост. Бабаджанян Р.А. – Ереван: Изд-во АН Арм ССР, 1976. – 106 с.
78. *Александр Николаевич Акинъшин*: Указ. лит. (1981–2005) / Вступ. ст. Ласунского О.Г.; Сост.: Ласунский О.Г., Калинина О.Б. – Воронеж: Изд. дом Алейниковых, 2006. – 152 с.
79. *Афанасьев В.Ф.* Заслуженный деятель науки Якутской АССР профессор *Г.П. Башарин*: (Биобиблиогр. указ.) – Якутск: Кн. изд-во, 1967. – 28 с.
80. *Николай Бердзенишвили*: (1894–1965): Библиография / Сост.: Баркави М.И., Долидзе Э.Г. – Тбилиси: Мецниереба, 1981. – 158 с.
81. Член-корреспондент РАН *Горюшкин Леонид Михайлович*: Библиография науч. тр. / Сост.: Ноздрин Г.А., Горюшкина И.А. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 100 с.
82. *Семен Николаевич Горохов*: Биобиблиогр. указ. / Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова; Сост. Сивцева В.С. – Якутск, 2000. – 36 с.
83. Гоглашвили В.Г., Долидзе Э.Г. *Иване Джавахишвили*: (1876–1940): Библиография. – Тбилиси: Мецниереба, 1976. – 141 с.
84. *Симоне Джанашиа*: (1900–1947): Библиография / Сост.: Баркава М.И., Долидзе Э.Г. – Тбилиси: Мецниереба, 1976. – 155 с.
85. Академик Академии наук Латвийской ССР *А.А. Дризул*: Биобиблиогр. указ. / Сост. Коцере В.Я. – Рига: Зинатне, 1980. – 131 с. (Ученые Сов. Латвии).
86. *Загребин Сергей Сергеевич*: Науч.-вспомогательный библиогр. указ. / Челябин. гос. пед. ун-т и др.; Сост.: Соколовская О.В., Ремизова С.С. – Челябинск, 2004. – 94 с.
87. *Захаров Владимир Александрович* (1946 г.р.) Междунар. акад. наук и др.; Под ред. Виноградова В.Б. – Армавир; М., 2002. – 28 с.
88. *Юрий Спиридонович Зобов*: Библиогр. указ. / Сост. и авт. вступ. ст. Злобин Ю.П. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1999. – 38 с.
89. *Б.И. Искандаров* – ученый-патриот, педагог, общественный деятель: (К 70-летию со дня рождения) / Сост. Балуева Л.А. – Душанбе: Дониш, 1982. – 101 с.
90. *Канн Александр Сергеевич*: историк-нордист: (Автобиогр. с библиогр.): Сборник / Ред. Репневский А.В. – Архангельск, 2008. – 71 с.
91. *Николай Иванович Кареев*. Биобиблиографический указатель (1869–2007) / Сост. Филимонов В.А. – Казань: изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 224 с.
92. Шакаре З.Я. Академик *Я.П. Крастынь*: Библиография. – Рига: Зинатне, 1965. – 77 с. (Ученые Сов. Латвии).
93. *Кузеев Раиль Гумерович*: Библиогр. указ. / Центр этнол. исслед. УНЦ РАН и др.; Сост.: Мамаева З.А. – 4-е изд., испр. и доп. – Уфа: Информреклама, 2004. – 59 с.
94. Власян Е.С., Бабаджанян Р.А. *Яков Амазаслович Манандян*. – Ереван: АН Арм. ССР, 1959. – 81 с.

95. *Тарас Максимович Михайлов*: Библиогр. указ.: К 70-летию ученого / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии; Сост. Бураева О.В. – Улан-Удэ, 1999. – 34 с.
96. *Борис Иванович Мухачев*: Библиогр. указ. тр.: К 60-летию ученого / АН СССР. Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток, 1991. – 38 с.
97. *Евгений Иванович Овсянкин*: Библиогр. указ. лит. / Арханг. обл. науч. б-ка им. Н.А. Добролюбова и др. Вступ. ст. Булатов В.Н.; Сост.: Тропичева Е.И., Петрова И.А.; 2-е изд., доп. – Архангельск, 2002. – 63 с.
98. *Михаил Николаевич Петров*: Библиогр. указ. / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; Сост.: Дронова Т.Ю. – Вел. Новгород, 2007. – 43 с.
99. *Петрухин Владимир Яковлевич*: биобиблиогр. указ. / Рос. гос. гуманитар. ун-т; сост.: Простоволосова Л.Н., Савельева И.В. при участии Дерновой А.В.; Вступит. ст. Чернецова А.В. – М., 2010. – 84 с. (Ученые РГГУ).
100. *Евгений Дмитриевич Петряев*: Указ. лит. / Киров. обл. б-ка им. А.И. Герцена; Сост.: Шумихин В.Г., Войтинская Н.Н. – Киров, 1973. – 101 с.
101. *Георгий Арсентьевич Порхунов*: Библиографический указатель. К 65-летию со дня рожд. и к 30-летию науч.-пед. деятельности / Ом. гос. пед. ун-т. Каф. полит. истории. Инф.-библиогр. отд. б-ки; Сост.: Сажина М.М., Тикунова В.И. – Омск, 2004. – 30 с.
102. *Израиль Менделеевич Разгон*: Биобиблиогр. указ. / Науч. б-ка Том. гос. ун-та; Вступ. ст. Голишевой Л.А.; Сост.: Голишева Л.А., Ерохина Г.С., Половцева И.Ф. – Томск, 1985. – 39 с.
103. *Федот Григорьевич Сафронов*. Заслуженный деятель науки Якутской АССР и РСФСР, доктор исторических наук, профессор: (Биобиблиогр. указ.) РАН. Сиб. отд-ние. Якут. науч. центр; Сост. Иванов В.Ф. – Якутск, 1993. – 30 с.
104. Труды *М.А. Сергеева*: (Библиогр. указ.) / Камчат. обл. Краевед. музей. – Петропавловск-Камчатский, 1973. – 32 с.
105. *Сперанский Андрей Владимирович*. К 50-летию со дня рождения: Библиогр. указ. / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т истории и археологии; Отв. ред. Алексеев В.В. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.
106. Биобиблиографический указатель трудов профессора *Тармаханова Ефрема Егоровича* / Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств; Сост. Курас Л.В. и др. – Улан-Удэ, 1997. – 22 с.
107. *Шекшеев Александр Петрович*: Биобиблиогр. справ. / Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова. Науч. б-ка; Сост.: Дороганова А.В., Ивандаева М.И.; Под ред. Ивандаевой М.И. – Абакан, 1997. – 49 с.
108. *Щербаков Николай Николаевич*: К 60-летию со дня рождения / Иркут. гос. ун-т; Науч. ред. Иванов А.А. – Иркутск, 1997. – 17 с.

Историки, изучающие проблемы всеобщей истории

109. *Василий Михайлович Алексеев*: (1881–1951) / Вступ. ст. Тихвинского С.М.; Сост.: Бебих И.Г., Сакоян О.Е. – М.: Наука, 1991. – 96 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 19).
110. Умняков И.И. Аннотированная библиография трудов академика *В.В. Бартольда*; Туманович Н.Н. Описание архива академика В.В. Бартольда. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1976. – 476 с.

111. *Николай Николаевич Болховитинов* / Вступ. ст. Бурина С.Н.; Сост.: Шутько Л.В. и др.; – М.: Наука, 2002. – 96 с. – РАН. Материалы к биобиблиогр. ученых. Ист. науки; Вып. 22).
112. Афонюшкин В.А., Горяинов А.Н., Романова И.И. *Илья Николаевич Бороздин*: Библиография. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1959. – 28 с.
113. *Иосиф Самуилович Брагинский* / Вступ. ст. Раджабова С.А.; Сост.: Милибанд С.Д., Шарипова М.Ф. – Душанбе: Дониш; 1986. – 124 с. (Материалы к биобиблиографии ученых Таджикистана. Вып. 30).
114. *Васильев Алексей Михайлович*: Библиогр. указ. тр.: К 60-летию директора Ин-та Африки РАН / РАН. Ин-т Африки; Сост. Елисеева С.А. (при участии Гамкрелидзе Н.Г.). – М., 1999. – 29 с.
115. *Вячеслав Петрович Волгин* / Вступ. ст. Ротштейн Ф.А.; Сост.: Асафова Н.М. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 47 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 4).
116. *Бободжан Гафурович Гафуров* / Вступ. ст. Брагинского И.С.; Сост. Шевченко З.М. – Душанбе: Дониш, 1969. – 93 с. (Материалы к биобиблиографии ученых Таджикистана. Вып. 13).
117. Библиография печатных работ члена-корреспондента АН СССР профессора *В.А. Гордлевского*: (К 70-летию со дня рождения). – М., 1946.– 52 с.
118. *Александр Хаимович Горфункель*: (К 60-летию со дня рождения и 40-летию науч. деятельности: Библиогр. указ. / Ленингр. орг. Добровол. об-ва любителей кн. РСФСР; Сост. Николаев Н.И. – Л., 1968. – 26 с.
119. Востоковед *Владимир Александрович Гурко-Кряжсин*: (1887–1931): Биобиблиогр. указ. / РАН. ИНИОН. Фундам. б-ка. Отд. библиогр. обслуж. в Архиве РАН; Сост.: Гурко-Кряжина Е.В. – М., 2003. – 118 с.
120. *Николай Севастьянович Державин* / Вступ. ст. Беркова П.Н.; Сост. Асафова Н.М. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 72 с. (Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 1).
121. *Сергей Борисович Кан*: (1896–1960): Биобиблиогр. указ. / Гос. публ. ист. б-ка России; Сост. Кан А.С., – М., 1993. – 31 с.
122. *Георгий Степанович Кнабе*: Библиогр. указ. / Сост.: Воронцова Т.В.; Простоволова Л.Н.; Вступ. ст. Басовской Н.И.; РГГУ. – М., 2007. – 72 с.
123. *Андрей Николаевич Кононов* / Вступ. ст. Иванов С.Н.; Сост.: Векилов А.П., Жукова Л.М. – М.: Наука, 1980. – 64 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 13).
124. *Николай Иосифович Конрад*: (1891–1970) / Вступ. ст. Боронина И.А.; Сост. Кузьменко. – М.: Наука, 1994. – 81 с. (Материалы к библиографии ученых. Сер. лит. и яз.; Вып. 20).
125. *Игнатий Юлианович Крачковский* / Сост. Винников И.Н. – М.: Л.: Изд-во АН СССР. – 178 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. 1949).
126. *А.Е. Кудрявцев*: (1880–1941): Библиогр. указ. / Вступ. ст. и сост. Андреевской Е.А., Трухина А.Л. – Л.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 1991. – 52 с.
127. *Леонид Аркадьевич Лелеков*: Материалы к биобиблиографии / Гос. НИИР; Сост. Ставинский Б.Я. – М., 1995. – 18 с.
128. *Борис Владимирович Лунин* / Вступ. ст. Алимова Д.А., Иванова Л.С.; Сост.: Белюсова Ж.А. и др. – Ташкент: Фан, 1986. – 55 с. (Материалы к библиографии ученых Узбекистана).
129. Академик Академии наук Туркменской ССР *Михаил Евгеньевич Массон*: (Биобиблиогр. материалы / АН ТССР. ЮТАКЭ; Сост. Овезов Д.М. – Ашхабад, 1970. – 59 с.

130. К 80-летию археолога-историка *Михаила Евгеньевича Массона*: Доп. к библиогр. его работ за 1970–1977 гг. Ташкент, 1977) / Об-во охраны памятников истории и культуры Узбекистана. – 24 с.
131. Власян Е.С., Манасерян А.С., Бартикян М.А. *Иосиф Абгарович Орбели*. – Ереван: АН Арм. ССР, 1957. – 97 с.
132. *Борис Борисович Пиотровский* / Вступ. ст. Вассоевич А.Л.; Сост.: Калашникова Л.А., Вассоевич А.Л. – М.: Наука, 1990. – 91 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 19).
133. *Борис Васильевич Пиотровский* / Вступ. ст. Ванцяна Э.Н.; Сост.: Кузьменко Р.И., Махрова И.А. – М.: Наука, 1985. – 175 с.
134. *Григорий Николаевич Севостьянов* / Вступ. ст. Чубарьяна А.А.; Сост.: Рябчикова Ю.А. – М.: Наука, 2005. – 63 с. (Материалы к биобиблиогр. ученых. История; Вып. 30).
135. *Сергей Данилович Сказкин* / Вступ. ст. Гутновой Е.В.; Сост. Горячева Р.И. – М., 1967. – 85 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории. – Вып. 8).
136. *В.Г. Солодовников*: Сборник биобиблиогр. материалов (1952–1976 гг.) о науч., дипломат. и обществ. деятельности: К 80-летию со дня рождения / РАН. Ин-т Африки. – М., 2000. – XI, 166 с.
137. *Борис Яковлевич Ставиский*: Биобиблиогр. указ. / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Гос. науч.-исслед. ин-т реставрации; Сост. Гульчинский В.И. – М.: РГГУ, 1997. – 91 с.
138. *Борис Яковлевич Ставиский*: Биобиблиогр. указ. / Гос. науч.-исслед. ин-т реставрации; Сост. Гульчинский В.И. – М., 2001. – 98 с.
139. Академик *В.В. Струве*: Библиогр. справка / Сост. Милибанд С.Д. – М.: Изд-во вост. лит., 1959. – 26 с.
140. *Сергей Леонидович Тихвинский* / Вступ. ст. Мясникова В.С. и др.; Сост. Журавлева В.П. и др. – М.: Наука, 2000. – 181 с. – (Материалы к биобиблиогр. ученых. Сер. истории; Вып. 21).
141. *Александр Ильич Тюменев* / Вступ. ст. Амусина И.Д.; Сост. Асафова Н.М. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 38 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 7).
142. *Мирэн Михайлович Фрейденберг*: Биобиблиография / Калинин. гос. ун-т; Сост.: Вецель Е.В., Макарова Е.А. – Калинин, 1989. – 36 с.
143. *Яцимирский Александр Иванович*: (Биобиблиогр. справочник) / Сост. Матковски А.А. – Кишинев: Штиница, 1979. – 111 с.
144. *Китель А.С. Александр Иванович Яцимирский*: Биобиблиография / АН Молдав. ССР. Центр. науч. б-ка. – Кишинев, 1967. – 40 с.

Археологи. Антропологи. Этнографы

145. *Валерий Павлович Алексеев*: (1929–1991) / Вступ. ст. Алексеевой Т.И., Арутюнова С.А.; Сост.: Калашникова Л.А., Махрова И.А. – М.: Наука, 2002. – 142 с. (Материалы к библиографии ученых. История; Вып. 23).
146. *Артемий Владимирович Арищовский* / Вступ. ст. Янина В.Л.; Сост. Епифанова А.П. – М.: Наука, 1973. – 65 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. История. Вып. 12).
147. *Валерий Иванович Гуляев*: Указ. основных науч. тр. / Воронеж. гос. пед. ун-т, Воронеж. гос. ун-т; Сост. и авт. вступ. ст.: Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 1999. – 15 с.

148. Академик *Анатолий Пантелеевич Деревянко*: Библиография / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии; Отв. ред. Молодин В.И.; Сост. Шахматова Н.М. – Новосибирск, 2002. – 271 с.
149. *Ростислав Васильевич Кинжалов*: К 75-летию со дня рождения / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); Отв. ред. Мильников А.С., Таксами Ч.М. – СПб., 1996. – 16 с.
150. *Алексей Павлович Окладников* / Вступ. ст. Васильевского Р.С.; Библиогр. сост. Фишашиной Г.Н. и Ворошиловой Н.Г. – М.: Наука, 1981. – 181 с. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. истории. – Вып. 13).
151. Профессор *Анатолий Дмитриевич Пряхин*: Библиография / Воронеж. гос. ун-т; Сост.: Моисеев А.В. – Воронеж, 2004. – 136 с.
152. *Сергей Иванович Руденко*: Библиогр. указ.: К 100-летию со дня рождения / Башкир. филиал АН СССР. Ин-т истории яз. и лит.; Сост. Сунцова В.М. – Уфа, 1986. – 26 с.
153. *Борис Александрович Рыбаков* / Вступ. ст. Плетневой С.А. и Николаевой Т.В.; Сост.: Горячева Р.И., Зарецкая И.М., Серова Г.Т. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1978. – 94 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 12).
154. *Валентин Васильевич Седов* / Вступ. ст. Макарова Н.А.; Сост.: Родинкова В.Е. – М.: Наука, 2004. – 143 с. – (Материалы к биобиблиогр. ученых. Ист. науки; Вып. 28).
155. *Петр Николаевич Третьяков*: (1909–1976) / Вступ. ст. Горюнова Е.А.; Сост. Бибих И.Г. – М.: Наука, 1983. – 63 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истории; Вып. 15).
156. *Валентин Лаврентьевич Янин*: Биобиблиогр. указ. / Ин-т археологии РАН, Новгород. гос. объедин. музей-заповедник; Сост. Гайдуков П.Г. – Новгород, 1997. – 94 с.
157. *Валентин Лаврентьевич Янин* / Вступ. ст. Гайдукова П.С., Макарова Н.А.; Сост. Гайдуков П.Г. – М.: Наука, 2004. – 216 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. Сер. Ист. науки; Вып. 25).

6. Биографические и биобиблиографические словари историков

Словари общего характера

1. Кауфман И.М. Русские биографические и биобиблиографические словари. – М.: Госкультпросветиздат, 1955. – 751 с.
-
2. Академия наук СССР. Персональный состав. Действит. члены, члены-корреспонденты, почетные члены, иностр. члены / Отв. ред. Скрябин Г.К. Сост.: Левшин Б.В., Малькевич Б.А., Михайлова Н.Г., Староверова И.П. – М.: Наука, 1974.
Кн. 1–2.
 3. Вознесенский И. [Перчёнок Ф.Ф.] Имена и судьбы // память: Ист. сборник. – Нью-Йорк, 1978. – Вып. 1. – С. 353–410.
 4. Вознесенский И. [Перчёнок Ф.Ф.] Материалы к истории Академии наук // Память. – Париж, 1981. – Т. 4. – С. 459–466.
 5. Московская энциклопедия. Т. 1: Лица Москвы. – М.: Изд. центр «Московедение», 2007–2010. – Кн. 1–3.

6. Перчёнок Ф.Ф. К истории Академии наук. Снова имена и судьбы: Список репрессированных членов АН // *In Memoriam*. – М.; СПб., 1995. – С. 141–210.
 7. Перчёнок Ф.Ф. Список членов АН СССР, подвергавшихся репрессиям // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. – М., 1995. – С. 236–252.
 8. Российская Академия Наук. Персональный состав / Авт.-сост. Левшин Б.В. и др. – М.: Наука, 1999. Кн. 1–3.
 9. Русские писатели: 1700–1917: Биограф. словарь. – М.: Изд-во БСЭ (БРЭ), 1989–2007. – Т. 1–5.
- ● ●
10. Анненкова Э.А. *Императорское училище правоведения* / С.-Петербург. ин-т правоведения им. принца П.Г. Ольденбургского. – СПб: Росток, 2006. – 383 с.
 11. Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей *Казанского университета*, 1905–1917 / Сост.: Мишина Е.М. и др. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. – 80 с.
 12. Биографический словарь: Профессора и Преподаватели *Пермского государственного педагогического университета*: Справочник / Сост. Ветлугина Е.В.; Гл. ред.: Капцугович И.С. – Пермь, 2001. – 415 с.
 13. Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII – XX веков: Гуманит. и обществ. науки. – М.: Янус-К: Моск. учеб., 2006. – 299 с. – Библиогр.: С. 292–294.
 14. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России: (1647–1917) / Отв. ред. и автор предисл. Томсинов В.А. – М.: Зерцало, 2005. – 847 с. Первое изд.: – М.: изд-во АН СССР, 1958. – 493 с.
 15. *Императорский Московский университет*. 1755–1917: Энциклопед. словарь. – М.: РОССПЭН, 2010. – 894 С.
 16. *Казанский университет*, 1804–2004: Биобиблиогр. словарь. – Казань, 2002. Т. 1: 1804–1904 / Гл. ред. Вульфсон Г.Н. – 807 с.
 17. Книга Памяти *Ленинградского – Санкт-Петербургского университета*, 1941–1945 / С.-Петербург. гос. ун-т Ист фак.; Ред. кол.: Вербицкая Л.А. и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1945–2000.
 18. Кобеко Д.Ф. *Императорский Царскосельский лицей*: Наставники и питомцы, 1811–1843. – М.: Кучково поле, 2008. – 447 с.
 19. Краковский К.П. Нить времени: (Биограф. преподавателей *юрид. фак. Варшавского – Донского – Ростовского ун-та*) / Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 378 с.: портр. – Библиогр.: С. 353–375.
 20. Кто есть кто в *РГГУ*: Краткий биограф. справочник. – М.: РГГУ, 1993. – 298 с.
 21. Кто есть кто в *РГГУ*: Краткий биограф. справочник. – М.: РГГУ, 1997. – 228 с.
 22. Кто есть кто в *РГГУ*: Краткий биограф. справочник. – М.: РГГУ, 2002. – 374 с.
 23. Мухин И.Н. К истории *МИФЛИ* // «Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова) – М., 2005. – С. 158–297.
 24. Портретная Галерея. Президенты *Вольного экономического общества России* / Ред. совет: Попов Г.Х. (гл. ред.) и др. – М.; СПб., 2005. – 153 с.: (Науч. тр. Вольного экон. о-ва России; Т. 53).
 25. Преподаватели *Карельского государственного педагогического университета*, 1931–2001: Биограф. словарь / Карел. гос. пед. ун-т; Сост. и отв. ред. Предтеченская Н.В.; Ред. кол.: Бритвихин А.Н. и др. – Петрозаводск, 2001. – 300 с.

26. Профессора *Московского университета*, 1755–2004: Биограф. словарь: В 2 т. / Авт.-сост.: Рябухин А.Г., Брянцева Г.В.; Редсовет: Садовничий В.А. (пред.) и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – (Архив Моск. ун-та).
Т. 1: А – Л. – 812 с.
Т. 2: М – Я. – 764 с.
Рец.: Михайлов Г.К. // *Вопр. истории естествознания и техники*. – М., 2006. – № 2. – С. 153–162.
27. Профессора *Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена* в XX веке: Биограф. справочник / Сост. Колосова Е.М. и др.; Под ред. Бордовского Г.А., Козырева В.А. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – 391 с.: – Библиогр.: С. 380–389.
28. Профессора *Санкт-Петербургского государственного университета*: Биобиблиогр. словарь / Ред. кол.: Вербицкая Л.А. и др.; Сост. Тишкин Г.А. – СПб., 2004. – XVI, 740 с.
29. Профессора *Томского университета*: Биографический словарь / Отв. ред. Фоминых С.Ф. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – Т. 1–2.
Список выпускников Кафедры (Отделения) истории искусств Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (1947–2000 гг.) // *Пунинские чтения–2000*. – СПб., 2000. – С. 222–299.
30. Сухарев Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья: В 2 кн. – М.: Рос. фонд культуры и др., 2002.
Кн.1: Именной список русского научного зарубежья. – 606 с.
31. Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. В 2 т. – М.: Зерцало, 2007.
Т. 2: [Правоведы 2-й пол. XIX – 1-й пол. XX вв.] – 602 с.
32. Томсинов В.А. Энциклопедия русской юридической мысли: Российские правоведы XVIII – начала XX века // *Зерцало*. – М., 1997.
Вып. 1. – С. 32–100;
Вып. 2. – С. 5–62;
Вып. 3. – С. 3–47;
1999. – Вып. 4. – С. 5–38.
33. Усманова Д.М. Профессора и выпускники *Казанского университета* в Думе и Государственном совете России, 1906–1917: Биограф. очерки. – Казнь, 2002. – 138 с. – Библиогр.: С. 130–137.
34. Ученые *Южно-Уральского государственного университета* / Сост.: Тулинский С.В. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1998. – 296 с.: портр.
35. *Филологический факультет Московского университета*: Энцикл. словарь / МГУ им. М.В. Ломоносова. Филол. фак.; Гл. ред. Ремнева М.Л.; Науч. ред.: Бархударова Е.Л., Гудков В.П. – М., 2005. – 407 с.
36. *Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета*: Справочник / С.-Петербург. гос. ун-т; Сост.: Лутовинова И.С.; отв. ред. Андреев В.Д. – СПб., 1995. – 134 с.

Исследователи истории России и проблем всеобщей истории

37. Алпатов В.М. Мартиролог востоковедной лингвистики // *Вестн. АН*. – М., 1990. – № 12. – С. 310–319.
38. Аникеев А.А., Егорова Н.И. *Историки России. Кто есть кто в учении всеобщей истории*: Библиогр. словарь. – Ставрополь: изд-во Ст. ГУ, 2004. – 204 с.

39. Биобиблиграфический словарь Г.Г. Гульбина / Предисл. Французова С.Л. «Полузабытый востоковед-мусульманин и его словарь» (С. 471–449) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. – М., 2008.
40. Биобиблиграфический словарь отечественных тюркологов: Дооктябр. период / Под ред. и с введ. Кононова А.Н.; Сост.: Гузеев В.Г., Дулина Н.А., Кононов А.Н. – М.: Наука, 1974. – 342 С. 2-е изд., перераб. – М.: Наука, 1989. – 299 с.
41. Васильков Я.В. Востоковеды *Публичной библиотеки* – жертвы репрессии // Восточный сборник. – СПб., 1993. – Вып. 5. – С. 231–245.
42. Васильков Я.В., Гришина А.М., Перчёнок Ф.Ф. Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессии в 20–50-ые годы // Народы Азии и Африки. – М., 1990. – 3 4. – С. 114–125; № 5. – С. 96–105.
43. Востоковеды Москвы и Санкт-Петербурга: Основные направления совр. исслед. Востоковед. науч. центры. Персоналии / РАН. Ин-т востоковедения; Ред. кол.: Алпатов В.М. (отв. ред.) и др. – М., 2000. – 291 с. – Биобиблиогр.: С. 76–289.
44. Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Отв. ред.: Тишков В.А., Тумаркин Д.Д.; Сост.: Тумаркин Д.Д. – М.: Наука, 2004. – 716 с.
45. Выпускники МГИМО МИД СССР, 1961–1966 гг. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России; Авт. и рук. проекта Курбатов Б.Г.; Сост.: Комисарова Ю.В. и др. – М.: МГИМО-Университет, 2005. – 149 с.
46. Голубцов С.А. *Московская Духовная академия* дореволюционного периода. – М.: Мартис, 1999.
Т. 2, ч. 4: *Московская духовная академия* в начале XX века (1901–1919): Профессура и сотрудники: Основные биографические сведения: По материалам архивов, публикации и офиц. изд. – 124 с. – Библиогр.: С. 120.
47. Деятели отечественной библиографии (1917–1929): Справочник. В 4 ч. / Рос. гос. б-ка. Сектор истории кн., библиодел и библиогр., Рос. гос. гуманитар. ун-т. Б-ка; Сост.: Гульчинский В.И., Фокеев В.А. – М., 1994.
Ч. 1. А–М.
48. Дойков Ю.В. Самые знаменитые историки России. – М.: Вече, 2004. – 381 с.
49. Древняя Греция и Древний Рим: Библиогр. указ. изданий, вышедших в СССР: (1895–1959 гг.) / Сост. Воронков А.И. – М.: Изд-во АН СССР. С. 384–401; 474–476: Personalia. – 1961. – 523 с.
50. Илизаров С.С. Формирование в России сообщества историков науки и техники: *Сотрудники ИИЕТ* 1993 г.: Биобиблиогр. словарь. – М.: Наука, 1993. – 189 с.
51. *Институт археологии: история и современность*: Сб. науч. биографий / РАН. Ин-т археологии; Под ред. Гуляева В.И. – М., 2000. – 271 с.
52. *Институт археологии* сегодня: Сб. науч. биогр. / РАН. Ин-т археологии; Под ред. Кашкина А.В. – М., 2000. – 248 с.
53. Исследователи африканских проблем в СССР / Ред. кол.: Кремень К.С. и др. / АН СССР. Ин-т Африки. – М., 1970. – 163 с.
54. Историки Курского края: Биогр. словарь / Курс. гос. мед. ун-т; Сост. и отв. ред.: Щавелёв С.П. – 2-е изд., испр. и доп. – Курск, 2009. – 464 с. – Библиогр.: С. 442–462.
55. Историки *Московского городского педагогического университета*: Биогр. сб.: К 10-летию МГПУ (юбил. изд.): 1995. – 2005 / Моск. гор. пед. ун-т; Ред. кол.: Рябов В.В. (рук.) и др. – М., 2005. – 100 с.
56. Историки России: Биографии / Сост., отв. ред. Чернобаев А.А. – М.: РОССПЭН, 2001. – 911 с.: 16 л. портр. – Библиогр.: С. 876–880.

57. Историки России, XVIII – начало XX века / РАН. Ин-т рос. истории; Отв. ред. Сахаров М.Н. – М.: Скрипторий, 1996. – 687 с.
58. *Исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета (1931–2005): Ист.-биограф. очерки* / Воронеж. гос. пед. ун-т; Авт. и рук. проекта Иванова Г.П.; Сост.: Габелко Е.И. и др. – Воронеж, 2005. – 157 с.
59. История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период: Библиография / Отв. ред. Нечкина М.В. – М.: Наука, 1965. – 703 с.
С. 193–620: Литература об отдельных историках.
60. История Средних веков: Биобиблиогр. указ. лит., изд. в СССР.
Т. 1: 1918–1957 / Под ред. Симона К.Р., Нерсесовой Э.А. – М.; Изд-во МГУ. 1968. – 520 с.
С. 51–83: Personalia.
61. Каталог личных архивных фондов отечественных историков / РАН. Археограф. комис. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
Вып. 1: XVIII век / Сост.: Афиани В.Ю. и др.; Отв. ред. Шмидт С.О. – 365 с.
62. Каталог личных архивных фондов отечественных историков / РАН. Археогр. комис. – М.: Эдиториал УРСС, 2007.
Вып. 2: Первая половина XIX века / Сост.: Медведева Т.В., Мироненко М.П.; Отв. ред. Шмидт С.О. – 719 с.
63. *Кафедра отечественной истории и политологии ИГУ за 50 лет: люди, судьбы, книги.* – Биобиблиогр. словарь / Редкол.: Зуляр Ю.А. и др. – Иркутск, 2008. – 303 с.
64. *Кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена: биографический словарь (1934–2007)* / Каф. рус. истории. Факт. социал. наук. Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена (Герцен. ун-т); Авт.-сост.: Николаев А.Б.; Под ред. Алексеевой И.В. – СПб., 2007. – 67 с.
65. Книга Памяти: О сотрудниках *Ин-та Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б)*, погибших в боях за Родину, 1941–1945 / Ин-т теории и истории социализма ЦК КПСС; Сост.: Белянина Л.И., Дажина И.М. – М., 1991. – 211 с.
66. Кто есть кто в кавказоведении: Биобиблиогр. словарь-справочник / Центр яз. и культур. Сев. Евразии им. кн. Н.С. Трубецкого; Сост. Алексеев М.Е. – М.: 2000. – 193 с.
67. Куликова А.М. Российское востоковедение XIX века в лицах / СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. – 191 с.
68. Лаптева Л.П. Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества её представителей: Справочник / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики. – М., 1997. – 131 с.
69. Люди и судьбы: Биобиблиогр. словарь востоковедов – жертв политических репрессий в советский период (1917–1991) / Сост.: Васильков Я.В. и Сорокина М.Ю. – СПб., 2003. – 496 с.
Рец.: Тамашишвили А.О. // Бюллетень РАН. Общ-во востоковедов. – СПб., 2004. – 10. – С. 236–251.
70. Мартиролог исследователей древнерусской литературы // Вестн. РАН. – М., 1924. – № 2. – С. 147–148.
71. Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. – М.: Наука. – 733 с.
72. Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. – М.: Наука, 1995.
Т. 1–2.
73. Милибанд С.Д. Дополнения и исправления к «Биобиблиографическому словарю отечественных востоковедов // Восток=Oriens. – М., 1997. – № 3, 5, 6; 1998. – № 3, 6.

74. Научные сотрудники *Пушкинского Дома*: 1905–2005: Материалы к справочнику // Пушкинский дом: Материалы к истории: 1905–2005. – СПб., 2005. – С. 387–532.
75. Новая история: Указ. лит. изд. в СССР на рус. яз. 1917–1940.
Ч. 1: Общий отдел. Первый период новой истории. 1640–1870 гг. // Под ред. Адо А.В., Мейера М.С. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 358 с.
С. 16–24: Personalia.
76. Поликарпов Василий Дмитриевич. Начальный этап гражданской войны: (История изуч.). – М.: Наука, 1980. – 371 с. Включены биографические справки об историках гражданской войны.
77. Почетные члены *Московского университета* и научных обществ при нем. 1804–2004: Биогр. словарь. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 880 с.
78. Предварительный список для «Каталоги личных архивных фондов отечественных историков». Отв. ред. Шмидт С.О. – М.: Археогр. комис. АН СССР. 1984. – 148 с.
79. Преподаватели факультета международных отношений *Санкт-Петербургского университета*: Библиогр. справочник / Сост. Бурков В.Г. – СПб. ун-т, 2006. – 134 с.
80. Профессора *исторического факультета Казанского университета* (1939–1999): Биобиблиогр. словарь / Науч. б-ка им. Н.И. Лобачевского Каз. гос. ун-та; Ред. кол.: Вульфсон Г.Н. (отв. ред.) и др. – Казань, 1999. – 79 с.: портр.
81. Птенцы гнезда *МГИМО'ва*: (Пятьдесят лет спустя): 1949–1999. Второй выпуск Института / Ред. кол.: Торкунов А.В. (отв. ред.) и др. – М., 1999.
Т. 1: Историки-международники. – 244 с.
82. Ратнер А.В. Историки русского освободительного движения / Предисл., публ. и доп. Рейтблата // Конспект времени: Труды и дни Александра Ратнера. – М., 2007. – С. 345–682.
83. Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Тумаркин Д.Д. – М.: Вост. лит., 1999. – 2003. – Вып. 1–2.
84. Российские монголоеды (XVIII – начало XX вв.) / Сост. и отв. ред. Чимитдорожиев Ш.Б. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1997. – 163 с.
85. Русские военные востоковеды до 1917 год: Биобиблиогр. словари / Авт.-сост.: Басханов М.К. – М.: Вост. лит., 2005. – 294 с.
86. Рыхляков В.Н. Петербуржцы – авторы работ по генеалогии и истории семей: Биобиблиогр. справочник. – СПб: Акционер и К., 2003. – 279 с.
87. Русские церковные деятели – члены *Академии наук*: Ист.-биогр. исслед. – СПб.: ЛАНС, 1995. – 288 с., портр. – Библиогр.: С. 270–288.
88. Сидельников С.И. и Чернявский Г.И. Историки-слависты: Биобиблиогр. справочник / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. Харьк. гос. ун-т. – Харьков, 1969. – 109 с.
89. Славина Т.А. Исследователи русского зодчества: Рус. ист.-архит.наука XVI – нач. XX в. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 192 с.
90. Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиогр. словарь / Под ред. Дьякова В.А. – М.: Наука, 1979. – 430 с.
91. Славяноведение в СССР: изучение южных и западных славян: Библиогр. словарь. – N.Y., Norman Ross Publishing Inc., 1993. – 528 с.
92. Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв.: Справ. пособие / Под общ. ред. Трубочева О.Н. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 336 с.: портр. – Библиогр.: С. 333–335.
93. Советские латиноамериканисты: Справочник / Подгот.: Коломийцева С.А.; Отв. ред. Дико Н.С.; АН СССР. Ин-т Латин. Америки. – М., 1971. – 106 с.
94. Справочник персоналий / Сост.: Черноус В.В., Романова И.Е. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1999. – 199 с.

95. Сорокина М.Ю. Снова востоковеды... Материалы для биобиблиографического словаря «российское научное зарубежье» // Диаспора: Новые материалы. – СПб., Париж, 2005. – Т. VII. – С. 619–680.
96. Сотрудники *Российской государственной библиотеки*: Биобиблиогр. словарь: Моск. публич. и Румянцев-музей. 1862–1917 / Сост. Коваль Л.М., Теплицкая А.В.; Науч. ред. Фокеев В.А. – М.: Пашков дом, 2003. – 222 с.
97. Сотрудники *Российской национальной библиотеки* – деятели науки и культуры: Биограф. словарь / Рос. нац. б-ка; Ред. кол.: Шилов Л.А. (гл. ред.). – СПб.: изд-во Рос. нац. б-ки, 1995. – 2003.
Т. 1: Императорская Публичная библиотека, 1795–1917. – 1995. – 688 с.
Т. 2: Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде, 1918–1930. – 1999. – 704 с.
Т. 3: Российская Публичная библиотека в Ленинграде – Государственная Публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1931–1945. – 2003. – 720 с.
98. Список трудов сотрудников *Отдела рукописей российской национальной библиотеки*, 1990–2004 / Рос. нац. б-ка; Сост.: Зубкова Н.А., Павлова Е.С.; Ред.: Котломанова С.Н. – СПб., 2005. – 92 с.
99. Хранители: Материалы XI Царскосел. науч. конф. / Гос. музей-заповедник «Царское Село»; Ред.: Таллерчик Т.М. – СПб., 2005. – 497 с.
100. Чернобаев А.А. Историки России XX века: Биобиблиогр. словарь. – Саратов: Саратов. гос. соц-экон. ун-т; СПб.: Нестор, 2005–2009. – Т. 1–3.
101. «Числось по России»: профессора и преподаватели *кафедры отечественной истории НГПУ*: Библиогр. справочник / Авт.-сост.: Зверев В.В. Зверева К.Е., Кослякова Е.И. – Новосибирск. Новосиб. гос.-пед. ун-т, 2007. – 160 с.
102. Шведова О.И. Историки СССР: Указ. печ. списков их трудов / Под ред. Кобленца И.Н. – М.: Всесоюз. кн. палата, 1941. – 152 с.
103. Энциклопедический словарь *Московского университета: 1755–2005*. – М.: РОС-СПЭН, 2004.
Исторический факультет / Под общ. ред. Карпова С.П. – 543 с.

*Исследователи проблем региональной, локальной и местной истории.
Российские краеведы*

104. Аблажей Н.Н. *Сибирское областничество* в эмиграции. – Новосибирск: Изд-во Инта археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 302 с.: – Библиогр.: С. 265–278. – Биографический указатель: С. 211–241.
105. Абрамов И.С. О биографическом словаре русских краеведов // *Отечество*. – М., 1996. – С. 295–298.
Впервые: Краеведение. – М., 1926. – № 1. – С. 41–44.
106. Белобородов В.К., Пуртова Т.В. *Ученые и краеведы Югры*: Биобиблиогр. словарь / Ханты-Мансийская окружная б-ка. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – 350 с.
107. Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) *Рязанской губернии* / Сост.: Добролюбов И.В., Яхонтов С.Д.; Предисл. Гаврилова И.Н. – Репр. изд. – Рязань, 1995. – 10, 352 с.
108. Боте В.С. Краеведы и краеведческие организации *Челябинска* (до 1941 г.): Справ. пособие / Центр ист.-культ. наследие г. Челябинска. – Челябинск, 1995. – 185 с.
109. Деятели *крымско-татарской культуры*: (1921–1944): Биобиблиогр. словарь / Гл. ред. и сост. Урсу Д.П. – Симферополь, 1999. – 240 с.
110. Зобов Ю.С. Историки и исследователи *Оренбургского края*: Ист.-биограф. очерки. – Оренбург: Оренб. ун-т, 2007. – 427 с.

111. Иващенко Л.Я. Современное российские просветители и исследователи *дальневосточных народностей Севера*: Докум.-биограф. очерки. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 154 с.: портр.
112. Исследователи *Алтайского края XVIII – начала XX века*: Биобиблиогр. словарь / Сост. Борцова М.Л. – Барнаул, 2000. – 280 с.
113. Исследователи *Чувашского края*: Биобиблиогр. указ. / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова; Сост.: Николаева Э.Г., Никитина Н.Д. – Чебоксары, 2002. – 256 с. – Библиогр.: С. 226–228.
114. Исследователи этнографии и археологии *Чувашии*: Биобиблиогр. словарь / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; Науч. ред.: Фокин П.П., Матвеев Г.Б. – Чебоксары, 2004, 20204. – 318 с.
115. Историки и краеведы *Москвы*: Некрополь. Биобиблиогр. справ. / Афанасьев М.Д., Вознесенская Т.И., Гагагова Л.С. и др.; Ред. – сост. Иванова Л.В.; – М.: Мосгорархив, 1996. – 222 с.
116. *Историки Урала, XVIII – XX вв.* Гл. ред. Алексеев В.В. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 451 с.: портр.
117. Камбалов Н.А., Сергеев А.Д. *Первооткрыватели и исследователи Алтай*. Барнаул: [Алт. кн. изд.], 1968. – 72 с.
118. Коган Е.И. Краеведческие и библиографические словари местных деятелей и материалы к ним // *Методические материалы в помощь библиотекам, работающим над составлением библиографии второй степени*. – Л., 1971. – Вып. 19. – С. 29–61; Вып. 20. – С. 20–71.
Она же. Список краеведческих библиографических материалов (1968–1975) // Там же. – 1976. – Вып. 29. – С. 78–88.
119. Колесникова М.Е. *Ставропольские краеведы*: Биобиблиогр. очерки / Ставроп. гос. ун-т и др. – Ставрополь, 2004. – 115 с.
120. Корзун В.П., Кузнецова О.В., Осадченко Б.А. Современная историческая наука *Западной Сибири* в лицах: Историки Омска: Биобиблиогр. словарь. – Омск, 199. – 299 с.
121. Краеведы *Москвы* / Сост. Иванова Л.В., Шмидт С.О. – М., 1991. – 1997.
Вып. 1. – Моск. раб., 1991. – 288 с.
Вып. 2. – Кн. сад, 1995. – 303 с.
Вып. 3. – Кн. сад, 1997. – 463 с.
122. Краеведы и краеведческие организации *Перми*: Биобиблиогр. справочник / Сост.: Быстрых Т.И., Шилов А.В. – Пермь: Курсив, 2000. – 360 с.
123. Краеведы России: (Материалы для б-к) / Сост. Попенов М.И.; Ред. Крестина Е.Л.; АН СССР. Гос. публ. ист. б-ка. – М., 1991. – 32 с.
124. Краеведческие записки / Орл. краевед. музей. – Орел: Внешние воды, 2005.
Вып. 4: *Орловские краеведы* / Еремин В.П. – 447 с.: портр.
125. Кто есть кто: Справочник о *краеведах и держателях коллекций Кир. обл.* / Сост. Кропачева Л.А.; Ред. Мамаев М.А. – Киров, 1998–1999. – Вып. 1–2.
126. *Московеды*: Справ. о краеведах, о-вах и науч. учреждениях / Сост. Никольская Т.Н.; Отв. ред. Козлов В.Ф. – М.: Мосгорархив, 1996. – 176 с.
127. Николаев В.А. Библиографы *Сибири и Дальнего Востока*. Биобиблиогр. словарь / Отв. ред. Яновский Н.Н. – Новосибирск, Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – 174 с.
128. Общественный совет краеведов – *Воронежское историко-культурное общество*, 1971–1996: Справочно-библиогр. материалы / Воронеж. обл. науч. универс. б-ка им. А.С. Никитина: Сост. Акинъшин А.Н.; Под ред. Ласунского О.Г. – Воронеж, 1996. – 34 с.
129. Огрызко В.В. *Североведы* России: Материалы к биограф. словарю. – М.: Лит. Россия, 2007. – 558 с.

130. *Орловские краеведы*: Биобиблиогр. справочник / Сост. Еремин В.П. и др.; Отв. ред. Сидоров В.Г.; Орл. отд-ние Рос. фонда культуры и др. – Орел: Изд-во Орл. гос. телерадиовещат. компании, 1993. – 75 с.
131. Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы *старого Забайкалья*. – Чита: Кн. изд-во 1954. – 260 с.
132. Петряев Е.Д. Краеведы и литераторы *Забайкалья*. Биобиблиографический указатель. Дореволюционный период. Изд. 2-е. испр. и доп. – Чита: Челябинск. обл., отд-ние Всерос. о-ва охр. памятников истории и культуры. 1981. – 127 с.
133. Провинциальная наука: научные сообщества Ио их судьбы в *Западной Сибири* конца XIX – первой трети XX века: научно-вспомогательные материалы для биобиблиографического словаря / Ом. гос. ун-т; Ред. кол.: Корзун В.П., Рыженко В.Г. (отв. редакторы) и др. – Омск, 1997. – 39 с.
134. Сергеев Т.С. *Историки Чувашии* – доктора наук. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2020. – 170 с.
135. Сидоров В. *Исследователи края бакирского*. – Век XVIII. – Уфа, 1997. – 272 с.
136. Сорокажердьеv В.В. *Исследователи Кольского полуострова*: Указ. лит. – Мурманск: Кн. изд-во, 1979. – 104 с.
137. Стародубцев Г.Ю., Щавелев С.П. *Историки Курского края* / Кур. гос. обл. музей археологии, Кур. гос. пед. ун-т. – Курск, 1998. – 121 с. – Библиогр.: с. 111–114.
138. *Ученые-североведы*: Сб. био-библиогр. очерков / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена; Сост.: Артемьев Н.М.; Ред. кол.: Петров А.А. (отв. ред.) и др. – СПб., 2001. – 211 с.
139. *Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук, 1930–2005* / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; Авт.-сост.: Матвеев Г.Б.; Науч. ред.: Фокин П.П. – Чебоксары, 2005. – 190 с.: портр.
140. Хисамутдинов А.А. Три столетия изучения *Дальнего Востока*: (Материалы к биобиблиографии исследователей). Вып. 1: (1639–1939). – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 665 с.
141. *Югорские краеведы*: Материалы к биобиблиогр. словарю / Сост.: Белобородов В.К., Пуртова Т.В. – Шадринск: И-сеть, 1995. – 134 с.
142. Яновский Н.Н. Материалы к словарю «*Русские писатели Сибири XX века*»: Биобиблиогр. сведения. – Новосибирск: Новосиб. обл. писат. орг. союза писателей России: Горница, 1997. – 190 с.
143. *Ярославские краеведы*: Библиогр. указ., аннот. / Алексеев В.П., Яросл. ист.-архит. музей-заповедник. – Ярославль, 1988. – 1989. – Ч. 1–2.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. – Киев, 1891 – Т. 1 (кн. 1–2) – 1908 – Т. 2 (кн. 1–2).

² Наиболее ценны в этом плане: *История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период*. Библиография. – М., 1965; *История исторической науки в СССР: Советский период (октябрь 1917–1967 гг.)*. Библиография. – М., 1980; *Русская археологическая литература: Библиогр. указ. 1900–1917*. – СПб., 2003; *Советская археологическая литература*. – М.; Л., 1965–1989. [Т. 1–8]. См. также: *История СССР: Аннот. указ. библиогр. пособий, опубли. на рус. яз. с начала XIX в. по 1982 г.* – М., 1983–1985. – ч. 1. – [3].

³ Проблема этоса отечественной исторической науки в последние годы начинает изучаться не только как предметность собственно историографических исследований, но и под углом зрения социологии знания. См., в частности: *Орлова И.Б.* Введение в социологию исторического знания. – М., 2009; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом как проблема социологии знания //

Новое лит. обозрение. – М., 2001. – № 52(6). – С. 5–28; *Беленький И.Л.* Отечественная историческая наука XIX–XX вв. как проблема социологии знания // *Ad Fortem: У источника.* – М., 2005. – С. 435–444.

⁴ *Астахов М.В.* Методология исторической науки: Ист.-библиогр. исследование отеч. лит. 80-х – 90-х гг. XX в. В 3 т. Т. 1: Библиография. Историография. Общая и специальная методология исторической науки. – Самара, 2006. См. также: *Беленький И.Л.*, Историческая наука в социально-политическом и идеологическом контексте советской и постсоветской эпох; исследования и публикации второй половины 1980-х – 2005 гг.): материалы к библиографии // *Россия и соврем. мир.* – М., 2005. – № 4. – С. 236–254; 2006. – № 1. – С. 231–239; 2007. – № 2. – С. 239–248.

⁵ См.: *Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до конца 1917 г. – М., 1983. – С. 132–204; *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: Опыт «русской исторической школы». – Казань, 2000. – С. 7–108. Наукведческая аналитика концепта «научная школа», осуществленная еще в 1970-е гг. в коллективном труде «Школы в науке» (М., 1977. – 523 с.), очерчивает, среди прочего, и сложнейшую диалектику взаимоотношений понятий «научная школа» и «научное направление». Выполненная на материале истории физико-математических наук, биологии, химии, физиологии (и психологии), она полностью сохраняет сегодня свою общенаучную теоретическую значимость и для анализа схолярной проблематики в гуманитарной сфере, в частности, в исторической науке. За одним исключением: по обстоятельствам времени за пределами книги остались многие существенные аспекты исследования идеолого-политического и социокультурного контекста темы.

⁶ Из бытующих в науке определенных статусов «норманизма» – «школа», «теория», «концепция», «направление» – наиболее точным по сути вещей, думается, является последнее.

⁷ Вопрос о том, когда, на каком этапе жизни научной школы идейная полемика становится «борьбой идей и людей» очень сложный. Ответ на него требует очень многих исследовательских усилий и не может быть дан в форме изолированного изучения генеалогии и судеб одной конкретной научной школы.

⁸ К этому перечислению необходимо добавить имена, связывающие «научные школы» с их *alma mater* (учебными и научными учреждениями). Это перечисление имен и их бытийных оснований дает определенный материал для возможной в будущем разработке принципов типологии научно-исторических школ; очень многое в методологическом плане можно будет почерпнуть в «Школах в науке», в частности, в ценнейшем предметном указателе к этой книге, составленной В.Б. Гасиловым. Среди прочего, в ней очень важно проведенное С.Д. Хайтуном историко-стадиальное различие «классических», «дисциплинарных» и «проблемных» научных школ (*Хайтун С.Д.* Об историческом развитии понятия научной школы // *Школы в науке.* – С. 275–285). Из новейших работ см.: *Белозеров О.П.* Научные школы в социокультурном контексте: от идеальной модели к реальному объекту // *Вопр. истории естествознания и техники.* – М., 2009. – № 4. – С. 21–57.

Высказывается и такое суждение: «Существуют и неявные национальные школы без манифестов, деклараций, сообществ и журналов – например, национальная школа политической истории России, все проблемное поле со времени Николая Михайловича Карамзина формировалось вокруг особой роли русского государства и идеи государственности» (*Савельева И., Полетаев А.* Классическое наследие. – М., 2010. – С. 189).

⁹ Пласт текстов, описывающих конкретику этих отношений, остался за пределами предлагаемого библиографического списка.

¹⁰ Употребление этой формулы в литературе (в историографической критике и в попытках объективированного описания историографического процесса в последние годы), как правило, в кавычках и без указания инициалов Покровского, лишь подчеркивает её двусмысленность в контексте сложившегося положения вещей: отрицательное отношение к концепции М.Н. Покровского с середины 1930-х по 1961 г., значительно смягчившееся в последующие годы, вновь резко обострилось в целом с конца 1980-х гг. (но уже по совершенно иным причинам). Формула «т. н. «школа Покровского», также перешедшая в современный историографический дискурс из языка советской исторической науки и советской историографии, еще более явно выражает представления о невозможности признания за кругом идейно и институционально близких к Покровскому историков-марксистов статуса реальной «научной школы».

¹¹ Учет этих текстов – задача самостоятельного библиографического указателя.

¹² Высказывания на эту тему, вероятно, составили бы целую антологию. Обращается внимание и на несомненную мифологизацию этих отношений (См.: *Ломако О.М.* Учитель – ученик: мифология отношений // Человек. История. Культура. – Саратов, 2008. – № 8. – С. 25–29).

Совершенно иной смысл проблеме придает буддистская установка «Когда ученик готов – приходит учитель».

Но... Рассмотрение отношений «учитель-ученик» и феномена «научных школ» под углом зрения трактовки «школ» (посвятительных институтов) и «учителя» (транслятора сокровенного знания в эзотерических традициях крайне любопытно, но требует величайшей осторожности – так как речь идет о принципиально различных сущностях и принципиально различных языках их понимания. Смирение и подчинение «учителю», обязательное в традициях, обладающих подлинностью, «бесконечность» пути трансформации и саморазвития личности, проходимого «учеником», противоречит самому духу науки Новейшего времени, сопрягающей рациональные начала и социальность науки с «методологическим анархизмом» и принципом интеллектуальной свободы ученого.

Не случайно одной из важнейших причин деструкции, казалось бы, прочных отношений между «учителем» и его «учениками» и саморазрушения сложившихся «научных школ» рано или поздно оказывается проявление авторитаризма «учителя» («создателя научной школы») или хотя бы предположение о нем.

Тожe следует сказать и о возможных аналогиях между содружествами ученых и студийными коллективами, формирующимися вокруг великих преобразователей театра в XX веке.

¹³ Современные «школы» очень редко выдвигают подобные программы. Среди немногих исключений – «новое направление» «в изучении истории России конца XIX – начала XX вв., заявившее о себе в 1960-е гг. Но, с другой стороны, оно уже не может быть названо «современным» в формальном понимании этого слова.

¹⁴ Тридцать лет тому назад выдающийся отечественный биолог, академик А.А. Баев, писал: «...В современную эпоху научные школы – не самая... оптимальная организационная форма; хотя с некоторой вероятностью они, может быть, и будут возникать» (*Баев А.А.* О научных школах // Школы в науке. – С. 504).

¹⁵ *Любарский Г.Ю.* История Зоологического музея МГУ: Идеи, люди, структуры. – М., 2009. – С. 41–42.

¹⁶ *Алексеев А.И.* Санкт-Петербургская и московская школы в исторической науке о русском средневековье (опыт размышления) // Региональные школы русской историографии. – Budapest, 2007. – С. 39.

¹⁷ Понятно, что не дискурс о «школах» рождает мифы о «школах», линиях их судьбы; биографические мифы об ученых-историках (создателях «школ», их учениках и последователях и всех тех, кто существовал в пространстве их отношений с «внешним миром».

¹⁸ См.: *Афиани В.Ю.* Жизнь жанра: (о юбилейных и мемориальных сборниках статей) // В мире источниковедения. – М.; Пенза, 1994. – С. 217.

¹⁹ Как психологический парадокс, трагический по своему глубинному смыслу, можно характеризовать тот факт, что М.В. Нечкина, принимавшая активное участие в создании антипокроковского двухтомника, в 1933 высказала свое отрицательное мнение по поводу предложения Интернационального Комитета исторических знаний об участии советских историков в составлении библиографии сборников в честь отдельных историков (см.: *Дневники академика М.В. Нечкиной* // Вопр. истории. – М., 2005. – № 1. – С. 148. Прим. 3.1.

²⁰ Известны случаи, когда сборник, готовящийся «в честь», логикой печальных обстоятельств становился сборником «памяти».

²¹ Желательно также исследование способов описания сборников в каталогах библиотек и в библиографических указателях, форм цитирования и упоминания их в научной литературе.

²² Следует иметь в виду, что элементы самоописания присутствуют во всех профессиональных текстах историка, т. е. во всех его научных трудах. Тема эта – традиционная для истории текста и проблемы автора – получила сегодня право на существование и в отечественных работах по историографической персонологии (см., например, статью Ю. Троицкого в журнале «Дискурс» (М., 2007. – № 14(15).

²³ В этом контексте особо должна быть отмечена книга И. Нарского «Фотокарточка на память».

²⁴ *Дурьлин С.Н.* В своем углу. – М., 2006. – С. 253.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абаев В.И. – 181, 440
Абалихин Б.С. – 413
Аббасов А.М. – 464
Аблажей Н.Н. – 474
Абрамзон М.Г. – 425
Абрамов В.К. – 413
Абрамов И.С. – 474
Абрамова М.П. – 436
Абрамова Н.Г. – 461
Абрамовский А.П. – 464
Авдеева К.Д. – 421
Авдиев В.И. – 40, 428, 429
Авдусин Д.А. – 436
Авербух Р.А. – 25
Аветисян Г.А. – 81, 111
Авраменко А.М. – 445
Аврех А.Я. – 45, 51
Аврус А.И. – 349
Автономова Н.С. – 347
Авторханов А.Г. – 448
Агабабян В.С. – 226
Агарков Л.Т. – 413
Агаян Ц.П. – 464
Агеева О.Г. – 222, 223, 226
Агуреев С.А. – 228
Адаменко А.М. – 415
Адамов В.В. – 51, 386, 395, 400
Аденауэр К. – 232
Аджа М. – 283, 291, 292, 295
Адо А.В. – 423, 424, 473
Адоратский В.В. – 20, 24
Адрианова-Перетц – 461
Азадовский К.М. – 459
Азадовский М.К. – 357, 396, 459
Айвазян М.А. – 383
Айрапетов А.Г. – 395
Айрапетян О.Р. – 401, 410
Аквакова-Сиверс Т.А. – 448
Акимов О. – 319
Акимов Ю.Г. – 427
Акинышин А.Н. – 460
Акиньшин А.Н. – 464, 475
Аксер Е. – 359
Акульшин П.В. – 224, 402
Алаев Л.Б. – 428
Алагорцева А.И. – 355, 356, 370
Алеврас Н.Н. – 358, 362, 381
Александр I – 222, 226, 326
Александр II – 147
Александров В.А. – 410
Александров Д. – 9, 13, 235, 253, 358, 362
Александрова Н.И. – 458
Александрова О.И. – 349
Александрова С.П. – 350
Алексеев А.А. – 403
Алексеев А.И. – 375, 382, 478
Алексеев А.Ю. – 436
Алексеев В.В. – 345, 387, 413, 465, 475
Алексеев В.М. – 28, 374, 428, 429, 453, 465
Алексеев В.М. – 453
Алексеев В.Н. – 398
Алексеев В.П. – 443, 444, 467, 476
Алексеев М.Е. – 472
Алексеев Ю.Г. – 396, 411
Алексеева Г.Д. – 96, 111, 113, 344, 353, 355, 356
Алексеева Е.В. – 225, 226
Алексеева И.В. – 472
Алексеева Т.А. – 351
Алексеева Т.И. – 443, 467
Алехин А.Д. – 433
Алиева Н.Ф. – 428
Алимов Д.А. – 466
Алиханова Ю.М. – 433
Алленова В.А. – 366
Аллой В. – 357, 398
Алпатов В. – 355, 357, 455, 470, 471
Алпатов М.А. – 406
Алпатов М.С. – 457
Алпатова Г.М. – 425
Алферов С.А. – 414
Альмов С. – 232, 233
Альперович М.С. – 45, 426, 453
Альтман В.В. – 425
Альшиц Д.Н. – 383
Амерханова Э.И. – 399
Амиантов Ю.Н. – 53, 353
Амлинский В. – 99, 117
Аммосов М.К. – 351, 414, 442, 464
Амосов А.И. – 225, 396
Амусин И.Д. – 467
Ананьев Д.А. – 224
Ананьич Б.В. – 246, 356, 357, 383, 396, 427, 450, 463
Андреев А.А. – 32
Андреев А.И. – 28, 396

- Андреев А.Ю. – 222, 226
 Андреев В.А. – 39
 Андреев В.Д. – 470
 Андреев В.П. – 413
 Андреев В.Ф. – 463
 Андреев Д. – 255
 Андреев И.Е. – 448
 Андреев М.Л. – 423
 Андреев Ю.В. – 420
 Андреева Ж.В. – 436
 Андреева Л.В. – 458
 Андреева Т.В. – 383, 452, 456
 Андреевская Е.А. – 466
 Андропов Ю.В. – 52, 286
 Аникеев А.А. – 174, 423, 470
 Аникеева Н.Е. – 351
 Анисимов Е. – 109, 112
 Анисков В.Т. – 460
 Анисов Л.М. – 459
 Анкерсмит Ф.Р. – 184, 189
 Анненкова Э.А. – 469
 Аннинский Л. – 102, 220
 Ансерова Н.М. – 461
 Антилов Г.А. – 102
 Антипин Л.Н. – 113
 Антипина Е.Е. – 441
 Антонова Е.А. – 400
 Антонова К.А. – 453
 Антонович В.Б. – 381
 Антошенко А.В. – 455
 Антощенко А.В. – 362, 386
 Анучин Д.Н. – 346
 Анфертьева А.Н. – 459
 Анфилов В.А. – 351
 Анфимов А.М. – 45, 396
 Анциферов Н.П. – 448
 Аракчеев В.А. – 228
 Араловец Н.А. – 462
 Арапов Д.Ю. – 225
 Арбатов Г.А. – 448, 453
 Аргутинский-Долгорукий А.И. – 109
 Арефьев А.П. – 415, 416, 418
 Арицховский А.В. – 467
 Арсентьев Н.М. – 416, 418
 Арсеньев А.С. – 43
 Артамонов М.И. – 436
 Артеменко И.И. – 347, 436
 Артемьев Н.М. – 476
 Артемьева В.И. – 352
 Артизов А.И. – 356
 Артизов А.Н. – 344
 Артог Ф. – 216, 251
 Аргюхов С.А. – 226
 Арутюнов С.А. – 467
 Арутюнян С. – 459
 Арутюнян Ю.В. – 441
 Архангельский С.И. – 421
 Архипова А.С. – 232
 Архипова Т.Г. – 399
 Арциховский А.В. – 25, 436
 Арьев А. – 118
 Асафова Н.М. – 460, 466, 467
 Асланов Р.М. – 345
 Астафьев В.В. – 350
 Астахов В.И. – 379
 Астахов М.В. – 343, 477
 Асылгараев Ш.Н. – 346
 Атавин А.Г. – 436
 Афанасьев В.Ф. – 464
 Афанасьев М.Д. – 475
 Афанасьев Ю.А. – 61, 62, 67, 86–88, 94, 99, 101–103, 106, 109, 268, 356, 400
 Афанасьев Ю.Н. – 61–64, 67, 78, 79, 86–88, 94, 110, 111, 114, 115, 118, 266–268, 270, 275, 356, 400, 436, 460
 Афиани В.Ю. – 472, 478
 Афонюшкин В.А. – 466
 Ахиезер А.С. – 396
 Ахматова А.А. – 442
 Ацамба Ф.М. – 431
 Ашнин Ф.Д. – 357
- ## Б
- Бабаджанян Р.А. – 464
 Бабашкин В.В. – 110
 Бабенко В.Я. – 415
 Бабиченко Л. – 354
 Бабкин М.А. – 223, 224, 227
 Бабурин Д.С. – 396
 Бадер О.Н. – 436
 Бадя Л.В. – 52
 Баев А.А. – 478
 Базаров Б.В. – 360
 Базаров В.А. – 22
 Базилевич К.В. – 31
 Базиянц А.П. – 349
 Байбаков С.А. – 402
 Байбурун А.К. – 441, 442
 Бакли Н. – 320
 Бакунин А.В. – 413
 Бакунин М.А. – 407
 Балабушевич В.В. – 434
 Балаева С.Н. – 457
 Балахванцев А.С. – 429
 Балаченкова А.П. – 444
 Балачина Н.П. – 430
 Балашов А.Д. – 224
 Балашов В.А. – 103, 105, 413
 Балезин А.С. – 430

- Балод А. – 338–340
Балуева Л.А. – 464
Бантке С.С. – 423
Баранов А.С. – 402
Барг М.А. – 61, 94, 102, 421
Бард依依依 Ю.П. – 229
Баркава М.И. – 464
Баркави М.И. – 464
Барсегян Х.Р. – 464
Барсенков А.С. – 54, 190, 351
Бартикий М.А. – 467
Баргольд В.В. – 465
Бархударова Е.Л. – 470
Басаргина Е.Ю. – 344
Басилов В.Н. – 429
Баскакова В.А. – 99, 101
Басов И.И. – 461
Бастракова М. – 459
Басханов М.К. – 473
Батаева Т.В. – 396
Баталов А.Л. – 436
Батенина В.С. – 105
Баткин Л.М. – 61, 67, 94, 423
Батуев Б.Б. – 413
Батунский М.А. – 344
Батурин Н.Н. – 460
Бату-хан – 182
Батыгин Г.С. – 13, 301, 303, 305, 307, 318–320
Бауло А.В. – 414, 442
Бауман К.Я. – 30
Бахрушин С.В. – 28, 31, 396, 448
Бахрушин Ю.А. – 458
Бахтина В.А. – 457
Бахтурина А.Ю. – 399
Бачинин А.Н. – 113
Башарин Г.П. – 414, 464
Бгажноков Б.Х. – 415
Бибих И.Г. – 463, 465, 468
Беглов И.И. – 39
Бегунов Ю.К. – 294, 300
Бегунова Н.И. – 447
Беем А.Л. – 457
Безнин М.А. – 230, 396
Безносова Е. – 420
Бейлина Е.Э. – 396
Бекмаханова Н.Е. – 396
Бектимирова Н.Н. – 430
Беленький И.Л. – 362, 369, 376, 463, 477
Белецкий В.Д. – 436
Белобородов В.К. – 474, 476
Белоброва О.А. – 403
Белов А.М. – 401
Белов Е.В. – 352
Белова Л.Н. – 414
Белозеров О.П. – 477
Белоусов А.Ф. – 441–443
Белоусова Ж.А. – 466
Белявский М.Т. – 410
Беляев Е.А. – 429
Беляев Л.А. – 436
Белянина Л.И. – 357, 472
Бем Ю.О. – 410
Бенешевич В.Н. – 28, 453
Бенуа А.Н. – 458
Беньямин В. – 216
Берг Л.С. – 367
Бердашкевич А.П. – 358
Бердзенишвили Н. – 464
Бердинских В.А. – 366
Бережнова М.Л. – 418
Березкин А.В. – 426
Березуцкий В.Д. – 467
Берелович А. – 12, 14, 254
Берендт Л.Д. – 370
Берк П. – 216
Беркли Дж. – 218
Берков П.Н. – 466
Бернштейн С.Б. – 457
Бертельс Е.А. – 429
Бескровный Л.Г. – 396
Бессмертный О.Ю. – 453
Бессмертный Ю.Л. – 206, 219, 248, 421, 453
Бессуднов А.Н. – 438
Бестужев И.В. – 43, 45, 46
Бестужев-Лада И.В. – 78, 109, 448
Бжания В.В. – 437
Бзаров Р.С. – 189
Бибиков С.Н. – 436
Бикбов А.Т. – 358
Бикташева А.Н. – 222, 224
Бикштаева А.Н. – 451
Бирюков Б.В. – 394
Бирюков Ю. – 233
Биск И.Я. – 453
Бичурин Н.Я. – 429
Блаватская Т.В. – 420
Блаватский В.Д. – 25, 420
Блиева З.М. – 225
Блинкова М. – 453
Блок А. – 261
Блуменау С.Ф. – 423
Блюмхен С.И. – 429
Бобкова М.Л. – 421
Бобкова М.С. – 12, 377
Бобров В.В. – 436, 438
Бовина-Лебедева В.Г. – 462
Бовыкин В.И. – 51, 63, 111, 386, 397
Бовыкин Д.Ю. – 423
Богатрев П.Г. – 459

- Богданов А.А. – 22
 Богданов А.П. – 227
 Богданов В.В. – 459
 Богданов К. – 232
 Богданов К.А. – 255
 Богданова Н.А. – 255, 437
 Богомолова З.А. – 415, 417
 Богословский М.М. – 22, 23, 27
 Бодер Р. – 228
 Бодянский О.М. – 427, 453
 Боженко Л.И. – 349, 408
 Бойкова О.Ф. – 461
 Бойцов М.А. – 95
 Бокарев Ю.П. – 226, 227
 Бокщанин А.А. – 429
 Болдырев А.Н. – 453
 Болотин Д.П. – 418, 437
 Болотина Д.И. – 402
 Болотина Э.А. – 353
 Болотова Е.Ю. – 413
 Болтански Л. – 256
 Болховитинов Н.Н. – 111, 423, 466
 Бон Т. – 206, 207, 227
 Бонгард-Левин Г.М. – 289, 290, 429, 433–435, 454
 Бондарев Ю. – 116
 Бондарь Н.И. – 414
 Бонч-Бруевич В.Д. – 453, 460
 Бордовский Г.А. – 470
 Бордюгов Г.А. – 53, 61, 65, 94, 96, 100, 102, 103, 105, 106, 108, 112, 116, 188, 189, 255, 263, 280, 354, 360, 460, 461
 Борзунов А.А. – 420
 Борисенок Ю.А. – 225, 226
 Бориснев С.В. – 344
 Борисов А.А. – 442
 Борисов В.А. – 414
 Борисов В.М. – 362
 Борисов М. – 276
 Борисов Ю.С. – 61, 397
 Борисова Л.В. – 225, 397, 414
 Борисова Т.А. – 462
 Борисьяк А.А. – 29
 Борлакова З.М. – 225
 Борликов Г.М. – 402
 Боровой С.Я. – 448
 Бородавкин А.П. – 414
 Бородкин Л.И. – 361
 Бороздин И.Н. – 383, 427, 466
 Бороздина П.А. – 427
 Боронин И.А. – 466
 Бороноев А.О. – 398, 410, 425
 Борухович В. – 453
 Борцова М.Л. – 475
 Ботвинник Н.М. – 404
 Боте В.С. – 474
 Бофф Д. – 100
 Боханов А.Н. – 269, 409
 Бочаров Л.И. – 283
 Бочкарёв А.А. – 280
 Боярченко В.В. – 229
 Боярчиков В.В. – 362
 Брагина Л.М. – 423
 Брагинская Н.В. – 255, 257
 Брагинский И.С. – 466
 Брандербург Д.Л. – 354
 Брачев В.С. – 345, 349, 357, 383, 385
 Брашинский И.Б. – 420
 Брежнев Л.И. – 51, 128, 274
 Брежнева С.Н. – 226, 227
 Брикнер А.В. – 447
 Бритвихин А.Н. – 469
 Бромлей Ю.В. – 285, 406, 424, 432, 433, 442
 Брубейкер Р. – 246
 Брянцева Г.В. – 470
 Бубеникова М. – 457
 Бубнов А.С. – 31
 Бугаева С.Я. – 386
 Буганов В.И. – 397, 440, 460
 Бударин М.Е. – 414
 Будницкий О. – 220
 Буланин Д. – 358, 387, 396–398, 400, 403, 412, 421, 427, 439, 442, 444, 449, 452, 457, 459, 462
 Буланов Н.А. – 413
 Булатов В.Н. – 403, 465
 Булгарин Ф.В. – 218
 Булдаков В.П. – 76, 77, 103, 108–112, 116, 118, 233
 Булле О. – 233
 Бульгина Т.А. – 447
 Бунак В.В. – 443
 Бунин И.А. – 265, 448
 Бураева О.В. – 465
 Бурганов А.Х. – 61, 103, 108, 109, 118, 460
 Бурганова Л.А. – 362
 Бурдей Г.Д. – 12, 53, 357, 361, 397
 Бурджалов Э.Н. – 41, 353
 Бурдые П. – 8, 11, 13, 209, 214, 216, 228, 255
 Бурин С.Н. – 466
 Бурков В.Г. – 473
 Буркхардт Я. – 336
 Бурлацкий Ф. – 105
 Бурмистрова Л.П. – 349
 Буров В.Г. – 454
 Буртин Ю.Г. – 457
 Буртин Ю.Н. – 270
 Буслаев Ф.И. – 441, 459
 Бутвило А.И. – 229
 Бутенко А.П. – 51, 54, 359

Бутенко И.А. – 394
Бутинов Н.А. – 442
Бутова Р.Б. – 229
Бухараев В.М. – 53, 103, 109, 112, 118, 186,
188, 189, 460
Бухарин Л.А. – 460
Бухарин Н.И. – 27, 105, 112, 117, 263–265,
279
Бухаркин П.Е. – 447
Бухерт В.Г. – 345, 367, 383, 451
Бушков А. – 283
Бушков В.И. – 295, 429
Бушуева Т.С. – 230
Буякевич Т.С. – 461
Быков А.А. – 444
Быстрова И.В. – 222, 226
Быстрых Т.И. – 475
Бычков С.П. – 402

В

Короленко В.Г. – 414
Вавилов А.П. – 352
Вавилов С.И. – 29, 348
Ваганов А.В. – 414
Ваганов Ф.М. – 56
Вагнер Г.К. – 458
Вайнштейн О.Л. – 37
Вайскопф М. – 232
Ваксберг А. – 117
Валеев Р.М. – 349, 430
Валижанов Ч.Ч. – 442
Валк С.Н. – 349, 383, 397
Вальская Б.А. – 431
Валянский С.И. – 283
Вандалковская М.Г. – 56, 100, 113, 450, 451,
462
Вансева Е.И. – 404
Ванина Е.Ю. – 431
Ванслов В.В. – 458
Ванцян Э.Н. – 467
Ванюшев В.М. – 414
Варенцова Л.Ю. – 227
Варшавчик М.А. – 111
Варьяш И.И. – 421
Васенко П.Г. – 448, 460
Васецкий Н.А. – 264
Васильев А.М. – 345, 466
Васильев Л. – 108, 111
Васильев С.В. – 443
Васильева Н.Е. – 425
Васильева С.И. – 230
Васильевский Р.С. – 468
Васильков Я.В. – 471, 472
Васнецов В.М. – 184
Вассар Памяти А. – 421
Вассоевич А.Л. – 298, 467
Васьковский О.А. – 388
Ватник Н.С. – 111
Вахрамеева О.Б. – 454
Вахштейн В.С. – 360
Введенский Р.М. – 387
Введенский С.Н. – 460
Вдовин А.И. – 190
Вебер Б.Г. – 25
Вебер М. – 206, 210, 321
Вейланд О.С. – 356
Вейн П. – 216
Векилов А.П. – 466
Великая Н.Н. – 53, 148, 223, 299, 461
Вельфлин Г. – 210
Венедиктов Г.К. – 427
Венедиктова Т. – 255
Венелин Ю.И. – 427
Вербицкая Л.А. – 442, 469, 470
Вербицкая О.М. – 230
Верещагин Г.Е. – 414
Вержбицкий В.Г. – 424
Веригин С.Г. – 230
Вернадский В.И. – 13, 29, 459, 460
Вернадский Г.В. – 181, 381
Веселовский В.С. – 448
Веселовский С.Б. – 354, 397, 448
Ветлугина Е.В. – 469
Вецель Е.В. – 467
Вздорнов Г.И. – 458
Визирь Н.П. – 455
Виленский Б.В. – 413
Вилинбахов Г.В. – 433, 438, 444
Вингоградов В.Б. – 387
Винер Б.Е. – 361
Виницкий И. – 232
Винников И.Н. – 466
Виноградов А.В. – 437
Виноградов В.А. – 448, 460
Виноградов В.Б. – 464
Виноградов В.В. – 399
Виноградов И.М. – 29, 38
Виноградов К.Б. – 423
Виноградов П.Г. – 19, 372, 386, 455
Виноградов Ю. – 444
Виппер Р.Ю. – 38
Вирнык Д.Ф. – 462
Вирт Л. – 206
Витгенштейн Л. – 301
Вигте С.Ю. – 222, 225
Вихнович В.М. – 456
Виховайнен Т. – 230
Вишленкова Е.А. – 363
Вишняцкий Л.Б. – 438

Владимирцов Б.Я. – 28, 429
 Власов А.А. – 269, 278
 Власян Е.С. – 464, 467
 Вовина О.П. – 367
 Водарский Я.Б. – 413
 Водарский Я.Е. – 401
 Водичев Е.Г. – 13, 363
 Водолазкин Е.Г. – 403
 Водолазов Г.Г. – 460
 Воейков Е.В. – 225
 Вознесенская Т.И. – 475
 Вознесенская Ю.А. – 432
 Вознесенский И. – 468
 Войтинская Н.Н. – 465
 Волгин В.П. – 20, 23–25, 28, 398, 423, 426, 466
 Волин М.С. – 45
 Волков А.Б. – 354
 Волков В.А. – 367, 469
 Волков В.И. – 460
 Волков В.К. – 427, 428
 Волков В.П. – 459, 460
 Волков В.С. – 397
 Волков И.М. – 39
 Волков С. – 99, 106, 108, 397, 427
 Волков С.В. – 269
 Волкова Л.А. – 414
 Волкова Т.И. – 229
 Волкогонов Д. – 61, 67, 68, 80, 103–105, 109, 111, 113, 115, 263, 264, 267, 280
 Волконский С.М. – 458
 Волобуев О.В. – 397
 Волобуев П.В. – 27, 31, 41, 51–53, 61, 63, 103, 105, 106, 109–113, 263, 386, 397
 Володарский В.М. – 458
 Володин А.И. – 397
 Володин А.Ю. – 225
 Володина Е.В. – 397
 Володихин Д.М. – 291, 299
 Волхонский М.А. – 452
 Волчек В.А. – 415
 Вольперт Л.И. – 447
 Вольфман Ю. – 420
 Воробей А.П. – 224
 Воробьев А.А. – 229
 Воробьев В.М. – 410
 Воробьева И.Г. – 447
 Воробьева Ю.С. – 349, 426, 455
 Воробьев-Десятковский В.С. – 429
 Воронин А.В. – 230, 416, 437
 Воронин В.Е. – 387, 394
 Воронин Н.Н. – 437
 Воронков А.И. – 471
 Воронков И.А. – 427
 Воронкова С.В. – 112, 190

Воронов Ю.Н. – 437
 Воронович В. – 442
 Воронцова Т.В. – 466
 Воротников Ю.Л. – 305, 319, 358, 368
 Ворошилова Н.Г. – 468
 Вострецов Ю.Е. – 436
 Voxменцев М.П. – 439
 Врангель Н.Н. – 458
 Вроон Р. – 406
 Вульф Д. – 232, 311, 312
 Вульфсон Г.Н. – 469, 473
 Вучетич Е.В. – 44
 Вылцан М.А. – 345
 Выскуб В.Г. – 361
 Вышинский А.Я. – 41, 117
 Вязьмитинов И.П. – 75, 108
 Вяткин М.П. – 429, 454

Г

Габдрафиков И. – 189
 Габелко Е.И. – 472
 Габелко О.Л. – 420
 Габович М. – 255
 Гаврилов Д.В. – 386, 413, 460
 Гаврилов И.Н. – 474
 Гаврилов Н.Ю. – 223
 Гаген-Торн Н.И. – 459
 Гайда Ф.А. – 229, 452
 Гайдуков П.Г. – 468
 Гайдукова П.Г. – 436
 Гайдукова П.С. – 468
 Галактионов Ю.В. – 423
 Галенович Ю.М. – 454
 Галиева Ф.Г. – 417
 Галиулина Д.М. – 350
 Галич А. – 44
 Галкин А. – 456
 Галкин И.С. – 424, 454
 Галковский Б.Г. – 445
 Галлямов С. – 189
 Галлямова Л.И. – 416
 Галузо П.Г. – 51
 Гальперина Б.Д. – 409
 Галямичев А.Н. – 386
 Гамкредлидзе Н.Г. – 466
 Гамуев И.Н. – 414
 Ганелин Р.Ш. – 246, 356, 397, 403, 411, 448
 Гапелин Р.Ш. – 456, 463
 Гапоненков А.А. – 349, 351
 Гараненкова Э.Л. – 461
 Гарбузов В.С. – 453
 Гарданов В.К. – 414
 Гаретовский В.И. – 414
 Гарскова И.М. – 231

- Гасилов В.Б. – 477
Гаспаров М.Л. – 420
Гаспринский И.-Б. – 233
Гатагова Л.С. – 256, 475
Гаузова Т.А. – 415
Гафуров Б.Г. – 429–431, 466
Гафурова Н.Б. – 429
Гегель Г. – 379, 380
Гелицын В.Л. – 424
Геллер Л. – 397
Геллер М.Я. – 397
Гемуев И.Н. – 442
Генелин Р.Ш. – 456
Генинг В.Ф. – 437
Генис В.Л. – 226, 227
Генкина Э.Б. – 39, 45, 397, 449
Герасимов И. – 246, 256, 443, 451
Герасимов М.М. – 443
Герасимова М.М. – 443
Герд К. – 415
Герцен А.И. – 350, 409, 421, 427, 465, 466, 470, 472, 476
Герье В.И. – 20, 386, 387, 423, 449, 454, 455
Гетманский А.Э. – 225
Гейфтер М.Я. – 43, 44, 51, 61, 63–65, 94, 102, 116, 346, 357, 397
Гидденс Э. – 209, 214, 228
Гимпельсон Е.Г. – 111, 224, 449
Гиндин И.Ф. – 44, 51, 222, 447
Гиндин С.И. – 447
Гинзбург В.В. – 443
Гинзбург Г. – 216
Гинзбург К. – 254
Гинзбург Л.Я. – 457
Гинцберг Л. – 354, 454
Гиоев Т.С. – 455
Гиппиус А.А. – 441
Гирс Г.Ф. – 435
Гирц К. – 216
Гитлер А. – 109, 227, 269, 275, 278
Гладышевский А.Н. – 415
Глазов Ю.Я. – 454
Глебкин В.В. – 435
Глебов С. – 242, 255, 256
Глебов С.В. – 242, 246
Глинка В.М. – 458
Глинка М.С. – 458
Глушанин Е.П. – 423
Говорков А.А. – 398, 462
Говоров И.В. – 224
Гогилашвили В.Г. – 464
Гоголь Н.В. – 219
Годунова К. – 227
Голдин Р.Д. – 437
Голенищев В.С. – 429
Голиков А.Г. – 397, 461
Голикова Н.Б. – 398
Голишева Л.А. – 465
Голлербах Е. – 458
Голлербах Э. – 458
Голобуцкий В.А. – 449
Головачёва У.Е. – 376
Головин В.В. – 442
Голубев А.В. – 228, 230, 397
Голубовский А. – 339
Голубцов С.А. – 349, 471
Голубцова Е.С. – 298, 299
Гомбрих Э. – 216
Гончаров Г.А. – 464
Горбачев М.С. – 109, 116, 118, 262, 274, 279, 286
Горбенко А.А. – 440, 441
Горбунов Б.В. – 414
Горбунов Н.П. – 18, 30
Горбунова К.С. – 420
Горбунова Н.Г. – 438
Гордиенко А.А. – 359
Гордлевский В.А. – 466
Гордок А.В. – 386
Гордон А.В. – 354, 360
Горегляд В.Н. – 429
Горелик Р.С. – 357
Горелова В.Н. – 107
Горизонтов Л. – 449
Горин Д.Г. – 363
Горин П.О. – 26
Горный М.Б. – 360
Городецкий Е.Н. – 39, 45, 61, 111, 353, 354, 398
Городецкий М.Л. – 295
Городцов В.А. – 20, 25, 437
Городцов В.В. – 437
Горохов С.Н. – 414, 464
Горошко О.Н. – 361
Горский А.А. – 405
Горский А.Д. – 398
Горский Д.П. – 107
Горфункель А.Х. – 456, 466
Горюнов Е.А. – 468
Горюшкин Л.М. – 415, 464
Горюшкина И.А. – 464
Горяинов А.Н. – 357, 457, 466
Горяинов М.М. – 223, 457
Горянков А.Н. – 353
Горянов – 38
Горячева Р.И. – 460, 461, 463, 467, 468
Готье Т. – 231
Готье Ю.В. – 28, 186, 354, 449, 460
Гофф Ж., Ле – 254
Гохберг Л.М. – 359

Гохман И.И. – 443
 Гошуляк В.В. – 417
 Грабарь В.Э. – 469
 Грабарь И.Э. – 458
 Грабарь-Пассек М.Е. – 420
 Граве И.М. – 365
 Гракина Э.И. – 53
 Граков Б.Н. – 437
 Грановский Т.Н. – 424
 Грантовский Э.А. – 429
 Грацианский Н.П. – 421
 Грациози А. – 330
 Грач А.Д. – 430
 Гревс И.М. – 388, 452, 454
 Греков Б.Д. – 33, 39, 398, 461
 Греч Н.И. – 218
 Григорьев А. – 98
 Григорьев В.С. – 429
 Грин Ц.И. – 357
 Гринцер П.А. – 429
 Гришина А.М. – 471
 Гришина Н.В. – 381
 Гришкина М.В. – 230
 Гроссман Ю. – 449
 Грунт А.Я. – 43
 Грушевский М. – 28, 415
 Грушин Б. – 92
 Грэхэм Л.Р. – 13
 Грязнов М.П. – 345, 437
 Губанова Г.А. – 463
 Губер А.А. – 45, 430
 Губкин И.М. – 27
 Губогло М.Н. – 441
 Гудков В.П. – 470
 Гудков Л. – 14, 244, 254, 255, 359
 Гудошников М.А. – 357
 Гузеев В.Г. – 471
 Гузенкова Т. – 118
 Гуковский А.И. – 449
 Гулыга А.В. – 107, 109
 Гульбин Г.Г. – 471
 Гульчинский В.И. – 460, 461, 467, 471
 Гуляев В.И. – 467, 471
 Гумбольдт А. – 226, 303, 319, 359
 Гумилев Л.Н. – 13, 336, 442
 Гурвич И.С. – 444
 Гуревич А.Л. – 421
 Гуревич А.Я. – 61, 94, 103, 218, 231, 238–
 240, 254, 354, 421, 454
 Гурко-Кряжин В.А. – 466
 Гурко-Кряжина Е.В. – 466
 Гусарова М.Н. – 229
 Гусев В.В. – 424
 Гусев В.К. – 111
 Гусев К.В. – 104, 107

Гусев С.С. – 107
 Гуссерль Э. – 210
 Гуськов В.А. – 370
 Гуткова Е.В. – 454
 Гутмэн М. – 111
 Гутнов Д.А. – 349, 376, 382
 Гутнов Ф.Х. – 189
 Гутнова Е.В. – 421, 454, 467
 Гучков А.И. – 48
 Гущина И.И. – 437
 Гюнтер Х. – 232

Д

Давидсон А.Б. – 354, 427, 430, 454
 Давидян С.Г. – 462
 Давыдов А.П. – 396
 Дажина И.М. – 357, 472
 Далин В.В. – 424
 Далин В.М. – 44, 388, 424
 Далин С.А. – 454
 Дандамаев М.А. – 430
 Дандамаева М.М. – 430
 Данилевский И.Н. – 113, 256, 289, 300, 400
 Данилин П.В. – 273, 274, 276
 Данилов А.А. – 276, 280, 327, 328
 Данилов А.И. – 421
 Данилов В.И. – 99
 Данилов В.П. – 44–48, 51, 61, 104, 223, 398
 Данилов П.П. – 223
 Данилова А.А. – 276
 Данилова Л.В. – 345, 353, 396
 Данченко С.И. – 346
 Данэм В. – 9
 Дарнтон Р. – 216
 Дафермос М. – 116
 Дашичев В.И. – 263
 Дашкова Т. – 257
 Дашковский П.К. – 398
 Двойлацкий Ш.М. – 24
 Дворецкая И.А. – 386, 421
 Дворниченко А.Ю. – 349, 350, 396, 409, 411,
 420, 428
 Дебец Г.Ф. – 443
 Деборин А.М. – 27, 37
 Деборин Г.А. – 48
 Дегоев В.В. – 281, 297
 Дегтярев А.Я. – 394, 398, 404
 Дедков Н.И. – 104, 105, 280
 Дежина И. – 319, 320, 359
 Дейч Г.М. – 449
 Делюсин Л.П. – 430
 Демидов И.А. – 367
 Демидов П.Г. – 460
 Демидов Р.Т. – 460

- Демин М.А. – 440
Демина Л.И. – 383, 447
Демичев П.Н. – 47
Демская А.А. – 459
Деникин А.И. – 21
Деопик Д.В. – 430
Дербов Л.А. – 350, 398
Дергачова-Скоп Е.И. – 398
Деревянко А.П. – 403, 418, 437, 439, 468
Державин Г.Р. – 366, 395
Державин Н.С. – 466
Джавахишвили И. – 464
Джагалов Р. – 232
Джаксон Т.Н. – 407, 422
Джанашиа С. – 464
Дик Е.К. – 228
Дикарев А.Д. – 430
Дико Н.С. – 473
Димони Т.М. – 230, 231, 396
Динеева О.В. – 225
Динес В.А. – 174, 404
Дмидт С.О. – 410
Дмитриев А.А. – 363
Дмитриев А.Н. – 12, 219, 255, 347, 354, 363, 415, 447, 449
Дмитриев В.Д. – 415
Дмитриев Л.А. – 398, 403
Дмитриев С.С. – 350, 370, 447, 449
Дмитриева Е. – 219
Дмитриева Е.Е. – 447
Дмитриева О.В. – 422
Дмитриенко А.А. – 224
Дмитриенко Ю. – 340
Добкин А.И. – 396, 398, 407, 448
Добрено Е. – 210, 231, 232, 345
Добровольская М.А. – 444
Добровольский В.Н. – 415
Добродомов И.Г. – 402
Добрлюбов И.В. – 474
Добрлюбов Н.А. – 462, 465
Доброноженко Г.Ф. – 228
Доватур А.И. – 420
Довнар-Зопольский М.В. – 381
Дойков Ю.В. – 471
Дойчер И. – 100
Должиков В.А. – 398
Долидзе Э.Г. – 464
Долинина Н. – 455
Доманова С.А. – 460
Доманский Я.В. – 420, 433
Дониш А. – 434
Дороганова А.В. – 465
Доронченков А.И. – 454
Дорофеева С.С. – 363
Дорохов А.М. – 103
Дорошенко Н.М. – 107
Досталь М.Ю. – 345, 350, 363, 399
Достоевский Ф.М. – 344, 438, 442
Драбкин Я.С. – 43–45, 101, 111, 424, 456
Драгунский Д. – 299
Дрейер О.К. – 430
Дрейер Э.А. – 430
Дризул А.А. – 464
Дробижев В.З. – 111, 398
Дробышев В.З. – 355, 388
Дронова Т.Ю. – 465
Друговская А.Ю. – 417
Дружинин Н.М. – 33, 39, 354, 398, 399, 449, 461
Дружинина Е.Н. – 449
Дрябина Л.А. – 438
Дубенцов Б.Б. – 410
Дубин Б. – 14, 244, 251, 254, 255, 257
Дубинская Л.Г. – 448
Дубинский А.М. – 462
Дубов И.В. – 404
Дубова Н.А. – 442
Дубровский А.М. – 354, 379, 448
Дубровский С.М. – 44
Дувакин В.Д. – 399, 457
Дударев С.Л. – 461
Дудзинская Е.А. – 370
Дука О.Г. – 424
Дукор Е.Я. – 462
Дулина Н.А. – 432, 471
Думов Н.Г. – 451
Дунаевский В. – 354, 462
Дунаевский В.А. – 111, 462
Дунаевский П.В. – 412
Дунин-Горкавич А.А. – 415
Дурновцев В.И. – 113, 379
Дуров В.С. – 420
Дурылин С.Н. – 447, 458, 478
Душечкина Е.В. – 442, 443
Дыбо А.В. – 435
Дыбовский А.С. – 434
Дьяков А.М. – 434
Дьяков В.А. – 399, 449, 473
Дьяконов И.М. – 430, 431, 433, 454
Дэвис Р. – 116
Дэвлет М.А. – 437
Дюма А. – 292
Дякин В.С. – 399
- ## Е
- Евсина Н.А. – 458
Евстигнеев В. – 118
Евтушенко Е.А. – 102, 107
Евтюхова Л.А. – 459

Егоров А.Д. – 345
 Егоров Б.Ф. – 368, 370, 457
 Егоров В.К. – 101, 112, 457
 Егоров В.Л. – 369
 Егоров Д.Н. – 28
 Егорова Н.И. – 470
 Егорова Н.И.. – 174
 Ежов В.А. – 384, 404
 Екатерина II – 222, 226
 Елеонская А.С. – 105
 Елизавета I – 226
 Елизаров В. – 231
 Елина Е.Г. – 447
 Елисеева Н.В. – 118
 Елисеева О.И. – 291, 299
 Елисеева С.А. – 466
 Ельцин Б.Н. – 154, 197, 267, 270, 272, 274, 279, 413
 Еманов А.Г. – 438
 Емельянов Ю.В. – 105, 112, 450
 Емельянов Ю.Н. – 370, 401, 450
 Емченко Е.Б. – 56, 100
 Енукидзе А.С. – 350
 Епифанова А.П. – 463, 467
 Еремин В.П. – 475, 476
 Ерёмин С.Н. – 359
 Ермаков В.П. – 415
 Ермолаев В.А. – 449
 Ермолаев И.П. – 399
 Ермолов И.Г. – 230
 Ерофеев Н.А. – 45, 424, 425
 Ерофеев Н.Д. – 403
 Ерохин Г.С. – 465
 Ерошина Т.В. – 419
 Ерошкин Н.П. – 399
 Ерусалимский А.С. – 25
 Ершов В.Н. – 224
 Ерыгин А.Н. – 379
 Есаков В.Д. – 52–54, 263, 344, 348, 354, 461
 Есенгараев Е.Ж. – 368
 Ефимов А.В. – 25, 424
 Ефимов Н.Н. – 283
 Ефимова В.В. – 229, 424
 Ефременков Н.В. – 399
 Ефремов Ю.Н. – 291, 299

Ж

Жабинский А.М. – 283
 Жагар В.С. – 101
 Жагар Л.А. – 111
 Жданов А.А. – 30, 33, 34, 37
 Жданов Ю.А. – 37, 353
 Жебелев С.А. – 27, 361
 Желтова Г.И. – 344

Жеравина А.Н. – 398
 Жеребцов И.Л. – 226
 Живов В. – 231, 359, 399
 Жиганов М.Ф. – 415
 Жигунин В.Д. – 363, 420, 421
 Жидкова А.А. – 462
 Житомирская С.В. – 457
 Жогов П.Г. – 46
 Жук А.В. – 345
 Жук С.И. – 232
 Жуков В.И. – 352
 Жуков Е.М. – 40, 405
 Жуков Е.Н. – 108
 Жукова Л.М. – 466
 Жуковская Н.Л. – 434
 Жуковская Т.Н. – 350, 383, 404, 406, 452, 462
 Жуковский В.А. – 218, 232
 Жупикова Е.Ф. – 225
 Журавлев В.В. – 71, 96, 104, 105, 107, 108, 110–112, 116, 399, 412
 Журавлев Д.В. – 437
 Журавлев Е.В. – 230
 Журавлев П.С. – 229
 Журавлев С.В. – 71, 104, 345, 399
 Журавлева В.В. – 104
 Журавлева В.И. – 423
 Журавлева В.П. – 462, 467
 Журавлева И.М. – 345

З

Забелин И.Е. – 376, 385, 393, 449, 461
 Забияко А.П. – 418, 437
 Заболотный Е.Б. – 103, 114, 363, 386, 388
 Заборов М.А. – 424
 Заборовский Л.В. – 428
 Завенягин Ю.А. – 285, 286, 291, 298, 299
 Завенягина Е.А. – 285
 Загвоздкин Г.Г. – 399
 Загвоздкина Д.Г. – 399
 Загвоздкина Т.Б. – 399
 Загороднюк Н.И. – 415
 Загребин В.М. – 428
 Загребин С.С. – 414, 464
 Зайончковский П.А. – 388, 400, 461
 Зайцев А.Д. – 370, 383, 412
 Зайцев А.И. – 420
 Зайцев И.В. – 431, 434
 Зайцева А.А. – 462
 Закиев М.З. – 430
 Заковоротная А. – 459
 Закс А.Б. – 449
 Заозерская Е.И. – 449
 Запесоцкий А.С. – 403
 Зарецкая И.М. – 468

Захаров В.М. – 366
Захаров В.Н. – 397
Захаров В.П. – 356, 458, 464
Захарова И.Г. – 400
Захарова Л.Г. – 226
Захарова Т.А. – 366
Заходер Б.Н. – 430
Зверев В.А. – 110, 418
Зверев В.В. – 474
Зверева В. – 359
Зверева Г.И. – 253, 258, 388
Зверева Г.Я. – 352
Зверева К.Е. – 474
Здравомыслов А.Г. – 106
Здравомыслова Е. – 232
Зевелев А.И. – 101, 350, 400, 449
Зегжда Н.А. – 461
Зеленин Д.К. – 442
Зеленин И.Е. – 45, 223
Зеленко Н. – 397
Зеленов М.В. – 353, 354
Зелов Н.С. – 461
Земцов Б.Н. – 229
Зенкин С. – 231, 254, 255
Зенько А.П. – 442
Зепегова О.И. – 386
Зиборов В.К. – 400
Зимин А.А. – 379, 385, 400, 407, 461
Зимин В.Д. – 114
Зиновьев В.П. – 264, 419
Златопольская А.А. – 452
Злобин В.И. – 400
Злобин Ю.П. – 464
Злоказов Г.И. – 111
Знаменский О.Н. – 111, 400
Зобов Ю.С. – 464, 474
Зограф Г.А. – 429
Золотарев В.П. – 381, 387, 425, 455
Зольников Д.М. – 450
Зорин А. – 232
Зорин А.Л. – 243, 255
Зорин В.Ю. – 225
Зорина Т.П. – 447
Зубкова Е.Ю. – 96, 107, 223, 226, 230
Зубкова Н.А. – 474
Зубов А.А. – 443
Зубов А.Н. – 418
Зубов В.П. – 458
Зубок Л.И. – 37
Зув В.Ю. – 420
Зуляр Ю.А. – 472
Зутис Я.Я. – 25
Зыбковец В.Ф. – 45
Зыкина Т.С. – 414
Зыков Л.А. – 458

Зырянов И.В. – 443
Зырянов П.Н. – 450

И

Ибрагимов Г. – 346
Иван Грозный – 109
Ивандаева М.И. – 465
Иванов А. – 361, 363
Иванов А.А. – 465
Иванов А.Г. – 415
Иванов А.Е. – 52, 233, 362, 400, 454, 456, 466
Иванов А.М. – 105
Иванов В. – 454
Иванов В.А. – 224
Иванов В.М. – 99
Иванов В.Ф. – 465
Иванов Л.М. – 51, 399, 400, 402
Иванов Л.С. – 466
Иванов С.А. – 329, 340
Иванова Г.П. – 472
Иванова Л.В. – 52, 348, 449, 475
Иванова М.Г. – 437
Иванова Н. – 76, 108
Иванова Н.Л. – 182
Иванова С.А. – 334
Иванова С.Н. – 466
Иванова Т.Г. – 345
Иванович Я.А. – 467
Ивашов М.В. – 438
Иващенко Л.Я. – 475
Ивлева Л. – 442
Ивлиев Г. – 330
Ивницкий Н.А. – 402
Игнатенко Т.А. – 345
Иголкин А.А. – 223
Игорь Святославич – 184
Игрицкий Ю.М. – 45
Иессен А.А. – 438
Измайлов Н.В. – 28
Изюмов А.Ф. – 24
Иконников В.С. – 343, 378, 379, 447, 476
Илизаров С.С. – 348, 462, 471
Илларионова Т.С. – 223
Иллерицкая Н.В. – 379
Иллерицкий В.Е. – 379, 380, 400
Ильин В.В. – 415
Ильин М.А. – 415
Ильинский П. – 319
Индова Е.И. – 396
Иноземцев Н. – 424, 454, 460
Иншаков О.В. – 409
Ионов И.Н. – 109
Иорданский В. – 118
Иориш И.И. – 350

Иоффе Г.З. – 101, 105, 107, 111, 346, 450
 Ипатов А.С. – 345, 435, 462
 Ирошников М.П. – 402
 Исаев В.А. – 433
 Исаев С.А. – 427
 Исаков С.Г. – 404
 Исаченко А.Г. – 368
 Искандаров Б.И. – 464
 Искандеров Б.И. – 434
 Искендеров А.А. – 102, 116
 Исламов Т.М. – 424
 Истомина Э.Г. – 228
 Истрин В.М. – 393
 Исхаков Д.М. – 183, 184, 189
 Итенберг Б.С. – 224, 400, 402
 Ишанова М.В. – 361
 Ишин В.В. – 395
 Ишутин В.В. – 367, 427
 Ищенко В.В. – 424
 Ищенко Д.С. – 393
 Ищенко М.И. – 442

К

Кабанов А.М. – 429
 Кабанов В.В. – 400
 Кабанов П.И. – 450
 Кабо В.Р. – 459
 Кабузан В.М. – 401
 Кабытов П.С. – 394, 417, 450
 Кавелин К.Д. – 380
 Каганович Б.С. – 349, 383, 387
 Кажаров В.Х. – 415
 Каждан А. – 422
 Каждан Т.П. – 458
 Казаков Р.Б. – 228, 389, 400, 415
 Казанин М.И. – 454
 Казанцева М.Г. – 415
 Казем-Бек М. – 430
 Калашников В.В. – 298
 Калашникова Л.А. – 467
 Калинин М.И. – 29
 Калинин Н.Ф. – 461
 Калинина О.Б. – 464
 Калинина Т.А. – 408
 Калинина Т.М. – 406
 Калистратова Т.И. – 346, 348, 350, 354
 Каллистов Д.П. – 434
 Калугин Д. – 231
 Калюжный Д.В. – 283
 Камардина О.В. – 368
 Камбалов Н.А. – 475
 Каменев Л.Б. – 232, 264
 Каменский А. – 359, 463
 Каменский А.Б. – 254, 257, 453, 463

Каменцева Е.И. – 444, 445, 461
 Камкин А.В. – 227, 416
 Каммари М.Д. – 39
 Камынин В.Д. – 103, 114, 354, 363, 386, 388, 389
 Кан А.С. – 466
 Кан С.Б. – 466
 Канн А.С. – 464
 Кантемиров Г.И. – 111
 Кантор В.К. – 404
 Капанадзе Д.Г. – 444
 Капеллер А. – 225, 246
 Капица М.С. – 181
 Каплан С. – 111
 Каплуновский А.П. – 246
 Капнист П.А. – 365
 Капто А.С. – 103, 106
 Капуста В.И. – 463
 Капустин М.П. – 109, 117
 Капцугович И.С. – 415, 469
 Каради В. – 233
 Карамзин Н.М. – 231, 385, 389, 393, 477
 Карасев В.Г. – 428
 Каргалов В.В. – 101
 Каргалова М.В. – 425
 Каргаполов Н.А. – 449
 Каргер М.К. – 438
 Кардаш И.Г. – 109
 Кареев Н.И. – 381, 385, 388, 425, 455, 464
 Карелин А.П. – 228
 Карелин Е.Г. – 229
 Карнеги Э. – 268, 303
 Карп П. – 108
 Карп С.Я. – 425
 Карпенко З.Г. – 415
 Карпинский А.П. – 29
 Карпов В.П. – 223
 Карпов С.П. – 106, 329, 350, 401, 402, 474
 Карпович М.М. – 451
 Карр Э. – 100
 Карсавин Л.П. – 332, 340, 365
 Карусева И.М. – 414
 Карякин Ю. – 108, 117, 266
 Касьяненко В.И. – 56, 58, 100, 101, 111
 Катанов Н.Ф. – 430, 465
 Кауфман И.М. – 468
 Кафаров П.И. – 431
 Кафенгауз Б.Б. – 401, 450
 Хахк Ю. – 421
 Каховский В.Ф. – 416
 Кацнельсон И.С. – 431, 435
 Кацнельсон Н.В. – 434
 Кашин В.Н. – 356
 Кашин В.П. – 431
 Кашин О. – 339, 356

- Кашкин А.В. – 471
Каштанов С.Ж. – 384, 403
Каштанов С.М. – 400, 401, 411, 461, 463
Кашченко С.Г. – 389
Квакин А.В. – 104, 107, 401
Келле В.Ж. – 102, 111
Кельнер В. – 448, 449
Кен В.Д. – 427, 442
Кен О.Н. – 427
Кеннан Дж. – 190
Керенский А.Ф. – 109
Керимова М.М. – 459
Керов В.Л. – 425
Кертман Л.Е. – 425
Кефнер Н.В. – 12, 42, 54, 354, 450
Кизеветтер А.А. – 24, 450
Кизиветтер А.А. – 186
Киктенко Т.П. – 462
Ким М.П. – 37, 45, 46, 56, 401
Ким Ф.Ч. – 44
Кинжалов Р.В. – 468
Киняпина Н.С. – 401, 461
Кирабаев Н.С. – 425
Киреева Р.А. – 376, 378, 380, 477
Киржаев С.Н. – 459
Кириллов А.К. – 225, 419
Киров С.М. – 30, 33, 164, 221
Кирпичников А.Н. – 436, 438
Кирпотин В.Я. – 457
Кирсанов Р.Г. – 231
Кирсанова Б. – 462
Кирсанова Е.С. – 387
Кирский Э. – 320
Кирьянов Ю.И. – 401
Кирюшин Ю.Ф. – 414, 438
Киселев А.А. – 416
Киселев Л.Н. – 404
Киселев М.Ю. – 353, 450
Киселев С.В. – 25
Киселева Е.Л. – 229, 404, 416, 421
Киселева Л.И. – 421
Кистяковский В.А. – 29
Китаев В.А. – 380
Китель А.С. – 467
Китова Л.Ю. – 436
Кияшко В.Я. – 459
Клейменова Р.Н. – 368
Клейменова Р.Н. – 368
Клейн Л.С. – 438, 455
Клементьев В.Н. – 419
Клемм В., фон – 225, 227
Клеянкин А.В. – 416
Клибанов А.И. – 455
Климов А.Я. – 73, 74, 107
Клинге М. – 230
Клокачев А.Ф. – 229
Клюев Н.А. – 436
Клюева Н.Г. – 35, 36
Ключевский В.О. – 33, 110, 372, 381–385, 393, 394
Клямкин И. – 107, 117, 266
Кляцкин С.М. – 46
Кляшторный С.Г. – 431, 433
Кнабе Г.С. – 466
Книжник-Ветров И.С. – 461
Кнорин В.Г. – 26, 31
Кныш Н.А. – 355
Князев Г.А. – 450
Князевская Т.Б. – 403, 433
Кобак А.В. – 396
Кобеко Д.Ф. – 469
Кобзев А.В. – 225
Кобзов В.С. – 464
Кобленец И.Н. – 474
Кобрин В.Б. – 104, 105, 113, 116, 401, 461
Кобрин К. – 256
Кобылина М.М. – 420
Ковалева-Жемчугова П. – 226
Ковалевский А.И. – 39
Ковалевский М.М. – 388, 395, 425, 455
Ковалевский О.М. – 431
Ковалевский П.Е. – 450
Коваленко Д.А. – 46
Коваль Л.М. – 474
Коваль М.В. – 225
Ковальджи К. – 299
Ковальзон М.Я. – 102
Ковальская Н.А. – 425
Ковальченко И.Д. – 71, 82, 101, 106, 107, 111, 112, 209, 237, 238, 355, 401, 461
Ковальчук В.М. – 412
Коган Е.И. – 475
Коган П.С. – 25
Коганович Б.С. – 355
Кожевин В.Л. – 447
Кожевников А.Б. – 10, 14
Коженевска-Берцинска И. – 106
Кожин Н.М. – 436
Козаков Р.Б. – 461
Козеллек Р. – 216
Козенко Б.Д. – 425
Козенкова В.И. – 436, 440
Козлов В.А. – 61, 65, 94, 100, 102, 103, 105, 106, 108, 112, 116, 118, 263, 354, 442
Козлов В.И. – 442
Козлов В.П. – 369, 461
Козлов В.Ф. – 412, 445, 475
Козлов П. – 455
Козлов С. – 233, 255, 442
Козлов С.А. – 225

- Козлов С.Л. – 243
 Козлов С.Я. – 442, 443
 Козлов Ф.Р. – 42
 Козлова Л.А. – 350, 361
 Козырев В.А. – 470
 Козырева М.Г. – 442
 Козьменко В.М. – 425
 Козьмин Б.П. – 402
 Козюченко В.А. – 425
 Кокка Ю. – 254
 Кокорев А.С. – 395
 Колеватов Д.М. – 53, 353, 357, 358
 Колесников П.А. – 416
 Колесникова А.Г. – 226
 Колесникова М.Е. – 475
 Колобков В.А. – 382
 Колодникова Л.П. – 228
 Коломийцев С.А. – 473
 Колосова Е.М. – 470
 Колчин Б.А. – 438
 Колчинский Э.И. – 348
 Кольцов Н. – 52
 Комаренко Н.В. – 370
 Комарова Г.А. – 362
 Комарова И.И. – 366, 368
 Комнин В.В. – 111
 Комолова Н.П. – 455
 Кон И.С. – 254
 Конасов В.Б. – 224, 228
 Кондаков А.М. – 330
 Кондаков И.В. – 402
 Кондаков Н.П. – 458
 Кондакова Н.И. – 358, 458
 Кондрашов Д.Л. – 105
 Конев А.Ю. – 225
 Коник А.А. – 224
 Кононов А.Н. – 344, 350, 429, 431–434, 466, 471
 Кононова Н.Н. – 368
 Конрад Н.И. – 431, 435, 455, 466
 Константинов С.В. – 269, 280
 Кончаловский Д.П. – 455
 Копанев А.И. – 402
 Копанева П.В. – 450
 Копосов Н. – 12, 237, 254
 Копылов С.В. – 451
 Кораблев Н.А. – 229, 402
 Кораблев Памяти Ю.И. – 402
 Кораблев Ю.И. – 101, 111
 Корелин А.П. – 396, 397
 Коренева Е. – 448
 Корешкова Т.А. – 463
 Коржихина Т.П. – 52, 399, 402
 Корзун В.П. – 12, 53, 333, 340, 344, 358, 359, 363, 364, 366, 382–384, 402, 418, 475, 476
 Кормышева Э.Е. – 431
 Корнев В.В. – 111
 Корнилов Г.Е. – 413
 Корнилов Л.Г. – 278
 Корнишина Н.Г. – 107
 Коровкина А.Б. – 352
 Королев А.А. – 104
 Королев А.В. – 431
 Королев В.С. – 460
 Короленко В.Г. – 447
 Королук В.Д. – 428
 Коростовцев М.А. – 429, 431, 432
 Коростовцев М.А. – 431
 Коротких Л.М. – 420
 Короткова В.И. – 406
 Корсаков Д.А. – 461
 Корун В.П. – 451
 Корчагина М.Б. – 424
 Косарев М.Ф. – 441
 Кослякова Е.И. – 474
 Космач Г.А. – 426
 Косминский Е.А. – 38, 422
 Космодемьянская З. – 223
 Костина Т.В. – 364
 Кострикова Е.Г. – 228
 Кострюков А.А. – 224
 Костырченко Г.В. – 225
 Костюшко И.И. – 427, 454
 Коткин С. – 314
 Котломанова С.Н. – 474
 Котович В.Г. – 438
 Котовский Г.Г. – 431–434
 Котрелев Н.В. – 454
 Котылева И.Н. – 418
 Коц Е.С. – 450
 Коцере В.Я. – 464
 Кочакова Н.Б. – 432
 Кочур Д.В. – 416
 Кошеленко Г.А. – 298, 444
 Коэн С. – 100, 264
 Коялович М.О. – 378
 Кравченко А.Е. – 430
 Кравченко Е.Л. – 370
 Крадин Н.Н. – 441
 Крайнева Н.Я. – 462
 Краковский К.П. – 469
 Красавченко Н. – 402
 Краско А.В. – 445
 Краснов Г.В. – 447
 Краснов П.Н. – 278
 Краснова Ю.В. – 348
 Крастьнь Я.П. – 464
 Крачковский И.Ю. – 27, 374, 431, 434, 446, 453, 455, 466
 Крейн А.З. – 402

- Кремень К.С. – 471
 Кренке Н.А. – 436
 Крестина Е.Л. – 475
 Кржижановский Г.М. – 27, 28
 Кривоносов Ю.И. – 348
 Криворогов В. – 108, 117
 Кривошеев Ю.В. – 419
 Кривушин И.В. – 421, 426
 Кривушина Е.С. – 426
 Кринко Е. – 232
 Критский Ю.М. – 447
 Кричевский Г.Г. – 361
 Кропачев С.А. – 229
 Кропачева Л.А. – 475
 Кропоткин П.А. – 407
 Крошина Т.В. – 419
 Крупин Т.Д. – 63
 Крупнов Е.И. – 181, 438, 440
 Крупская И.И. – 456
 Крушельницкая Е.В. – 396
 Крыжицкий С.Д. – 425
 Крылов В.В. – 370
 Крымский А.Е. – 455
 Ктиторов С.Н. – 387
 Кувшинов В.А. – 111, 402
 Кудрявцев А.А. – 417
 Кудрявцев А.Е. – 421, 466
 Кудрявцев В.Н. – 58, 101
 Кудрявцев И.М. – 38, 112, 402
 Кудрявцев О.Ф. – 427
 Кузеев Р.Г. – 416, 464
 Кузицин В.И. – 104, 106, 428
 Кузнецов А.М. – 443
 Кузнецов В.А. – 435
 Кузнецов Д.В. – 286
 Кузнецов И.Д. – 416, 417
 Кузнецов Н. – 359
 Кузнецова Д.В. – 286
 Кузнецова Н.И. – 348
 Кузнецова О.В. – 12, 333, 340, 359, 475
 Кузнецова Т.И. – 420
 Кузовков Д.В. – 25
 Кузьменко – 466
 Кузьменко Р.И. – 464, 467
 Кузьмин А.Г. – 378, 387, 402
 Кузьмина Л.И. – 450
 Кузьминых А.Л. – 230
 Кузьмичева Л.В. – 428
 Куколевская О.С. – 418
 Кукулин И. – 255, 451
 Кукушкин Ю.С. – 56, 350, 351, 400, 402, 407, 440
 Кукушкина Г.П. – 458
 Куланов А.Е. – 461
 Кулешов С.В. – 61, 103, 106
 Кулешова Н.Ю. – 223
 Куликов К.И. – 346, 430
 Куликов С.В. – 229
 Куликова А.М. – 350, 472
 Куликова Г.Б. – 226
 Куликова М.В. – 469
 Кульбакин В.Д. – 46
 Кульганек И.В. – 431, 432
 Кульшариллов М.М. – 438
 Куманев В.А. – 59, 101, 104
 Куманев Г.А. – 358
 Кун Т. – 8, 13, 234, 253, 332, 340
 Купайгородская А.П. – 346
 Куперт Ю.В. – 413
 Куперштох Н.А. – 13
 Куприянов А.И. – 224, 255
 Куприянова Н.И. – 416
 Кураев А. – 339
 Кураков Л.П. – 417
 Курапаева Е.Р. – 451
 Курас Л.В. – 413, 465
 Куратов А.А. – 412
 Курбатов Б.Г. – 471
 Куренная Н.М. – 346
 Куренной В. – 359
 Курила И.И. – 423
 Курилла И.И. – 253
 Курляндский И. – 229
 Курляндский И.А. – 229, 279, 280, 328, 339
 Курмачева М.Д. – 396
 Курнаков Н.С. – 29
 Куропанова Е.Р. – 451
 Курчатов И.В. – 285
 Кусова И.Г. – 419
 Куторга М.С. – 365
 Кутявин В.В. – 425
 Кухарчук Д.В. – 424
 Кухенбух Л. – 231
 Кучеренко Г.С. – 425, 426
 Кучкин В.А. – 402, 405
 Кушева Е.Н. – 450
 Кызласов И.Л. – 438
 Кызласов Л.Р. – 438
 Кызласова И.Л. – 357, 458
 Кяйвярайнен И.И. – 425
 Кямилев С.Х. – 429
- ## Л
- Лабутина И.К. – 226, 440
 Лаврычев В.Я. – 51
 Лавров А. – 357, 409, 457
 Лавров В. – 279, 280
 Лавров В.М. – 279, 280, 328, 329, 339, 457
 Лавров П.А. – 27
 Лавров С.Б. – 409

- Лавровский В.М. – 25
 Лазарчук Р.М. – 447
 Лайдинен Э.П. – 230
 Ламанский В.И. – 387
 Ламин В.А. – 415
 Лан В. – 37
 Ланда Р.Г. – 226, 233, 431
 Ланда С.С. – 461
 Ланской Г.Н. – 355, 369
 Лапин Ф. – 296
 Лаппо-Данилевский А.С. – 17–19, 210, 371, 372, 374, 384, 385, 394
 Лаптева Л.П. – 387, 472
 Ласунский О.Г. – 464, 475
 Латынин Б.А. – 438
 Латышев В.М. – 442
 Латышев И.А. – 431
 Лаута О.Н. – 361
 Лаушкин А.В. – 300
 Лахтеенмяки М. – 231
 Лацис О. – 107, 117
 Лебедев В.И. – 417
 Лебедев М.С. – 429
 Лебедева Г.Е. – 422
 Лебедева Н.М. – 182, 189
 Лебединская Г.В. – 443
 Левашев В.П. – 459
 Левашов Н.В. – 283
 Левенок В.П. – 438
 Леви Дж. – 216
 Левин А. – 13
 Левин М.Г. – 289, 290, 444
 Левина Е.С. – 461
 Левинсон А.Г. – 254
 Левинсон К. – 218, 231, 232
 Левинтон Г.Л. – 442
 Левковский А.И. – 431
 Левочкин И.В. – 402
 Левченко В.М. – 419
 Левшин Б.В. – 346, 459, 468, 469
 Левыкин К.Г. – 450
 Легкий Д.М. – 223
 Лежнева О.А. – 348
 Лейберов И.П. – 450, 461
 Лейбов Р. – 406
 Лейкин А.Л. – 409
 Лейкин А.Я. – 384
 Лейкина-Свирская В.Р. – 402, 403
 Леквинадзе В.А. – 444
 Лелеков Л.А. – 466
 Лельчук В.С. – 61, 403
 Лемке М.К. – 23
 Ленин В.И. – 23, 26, 39, 49, 51, 104, 105, 109, 113, 115, 173, 263–265, 280, 402, 407, 408, 418, 421, 426, 472
 Леонов В.П. – 356
 Леонова Л.С. – 350, 403
 Леонтьев К.Н. – 447
 Леонтьев Я.В. – 367
 Лесгафт П.Ф. – 283
 Леттфорд С.Е. – 388
 Лещенко П. – 359
 Лившиц А.Э. – 395
 Лившиц В.А. – 430
 Лидова Н.Р. – 429
 Лизунов П.В. – 231
 Линков Я.И. – 45
 Липкинг Ю.А. – 417
 Лисовой Н.Н. – 222, 225, 226
 Лисовский П.А. – 45
 Литаврин Г.Г. – 422, 428
 Литвак Б.Г. – 355, 450
 Литвин А.Л. – 403, 409, 451
 Литвиненко Ю.Н. – 434
 Литвинский Б.А. – 438
 Лифшиц В.А. – 431
 Лихачев В.С. – 400
 Лихачев Д.С. – 384, 403, 407, 437, 450, 458, 461, 463
 Лихачев Н.П. – 27, 28, 444, 461
 Лобанова И.В. – 224
 Лобачев С.В. – 409
 Лобачевский Н.И. – 350, 421, 473
 Лобзнев И.Н. – 225
 Логинов В.С. – 108, 469
 Логунов А.А. – 400
 Логунов А.П. – 61, 101, 102, 106, 115, 442, 460
 Лозбенев И.Н. – 230
 Ломако О.М. – 478
 Ломоносов М.В. – 256, 282, 300, 350, 351, 396–398, 400–403, 405, 407, 409, 412, 422, 423, 428–432, 435, 436, 441, 444, 457, 461, 470
 Лотман М.Ю. – 238, 370, 403, 404, 457
 Лотман Ю. – 457
 Лотман Ю.М. – 285, 287, 298
 Лошиц Ю.В. – 75, 108
 Лубков А.В. – 365
 Лубский А.В. – 107
 Лукин Н.М. – 24, 26, 27, 356, 425
 Лукичев М.П. – 404, 460
 Лукомский В.К. – 461
 Луконин В.Г. – 432, 438
 Луначарский А.В. – 25, 28
 Лундин А.Г. – 432
 Лунин Б.В. – 466
 Луппов С.П. – 462
 Лурье С. – 107
 Лурье Ф.М. – 370

Лурье Я.С. – 384, 404
 Лутовинова И.С. – 470
 Лучицкая М.В. – 455
 Лучицкий И.В. – 388
 Лызлов А.И. – 299
 Лыткина О.Ю. – 461, 463
 Любавский М.К. – 28, 394
 Любарский Г.Ю. – 374, 375, 478
 Любашенко А.И. – 414
 Люблинская А.Д. – 421, 422
 Люблинский В.С. – 421
 Любутин К.Н. – 102
 Любушкина Е.И. – 458
 Ляпунов Б.М. – 27
 Ляпустина Е.В. – 454
 Лященко П.И. – 462

М

Мавродин В.В. – 404
 Магальдес М., де – 232
 Магницкий В.К. – 417
 Магомадов М. – 233
 Мадер Ю. – 453
 Маджаров А.С. – 395
 Мажитов Н.А. – 438
 Мазлумянова Н.Я. – 316, 320
 Мазур Н. – 443
 Мазырин А.В. – 229
 Майдачевский Д.Я. – 346
 Майоров Н.Н. – 100
 Майофис М. – 232
 Майский И.М. – 425
 Майтдинова Г.М. – 434
 Макарихин В.П. – 366
 Макаров А.Т. – 448
 Макаров Н.А. – 359, 440, 441, 468
 Макарова Е.А. – 364
 Макаровв Е.А. – 467
 Мак-Махуна И. – 422
 Максакова Л.В. – 12
 Максименко В.Е. – 440
 Максимов А. – 109
 Максимова Л.А. – 231
 Максимова М.М. – 424
 Малашев В.Ю. – 436
 Маленков Г.М. – 32, 33, 37
 Маликов А.В. – 385
 Малинов А.В. – 394
 Малинова О.Ю. – 190
 Малов С.Е. – 431
 Мальшев В.И. – 404
 Мальшева С.Ю. – 350
 Малькевич Б.А. – 468
 Мальков В.Л. – 43, 44

Мальтс А. – 403
 Мальцев Г.И. – 226
 Мамаев М.А. – 475
 Мамаева З.А. – 464
 Мамонов А.В. – 388
 Мамонов В.Ф. – 103, 104
 Мамонтова М.А. – 12, 344, 351, 364, 369, 384, 447
 Манаев Г.Г. – 229
 Манандян Я.А. – 464
 Манасерян А.С. – 467
 Манатова Е.П. – 400
 Манфред А.З. – 25, 427
 Манфред А.М. – 426
 Маньков А.Г. – 450
 Манькова И.Л. – 415
 Маранджян К.Г. – 429
 Марголис А.Д. – 406
 Марголис Ю.Д. – 404, 462
 Марелло Т.В. – 458
 Марквик Р.П. – 386
 Маркин А. – 455
 Марков А.Р. – 361
 Марковин В.И. – 438
 Маркс К. – 23, 26, 107, 206, 336
 Мартынов А.В. – 402
 Мартынов А.И. – 438
 Мархлевский Ю. – 24
 Маршакова-Шайкевич И.В. – 370
 Маршалл Дж. К. – 227
 Марягин Л. – 264
 Маскаков В.В. – 356
 Маслов Н. – 108
 Маслов Н.Н. – 61
 Маслов П.П. – 28
 Маслова И.И. – 224
 Масловам И.И. – 224
 Масолов В.Г. – 346
 Массон М.Е. – 466, 467
 Матвеев Г.Б. – 416, 417, 475, 476
 Матвеев Г.Ф. – 428
 Матвеев О.В. – 414
 Матвеева Л.В. – 357
 Матвеева Н.В. – 351, 355
 Матвиевский П.Е. – 417
 Матковски А.А. – 467
 Матросов В.Л. – 396
 Матусова Е.Д. – 420
 Матъе М.Э. – 431
 Матюшенко В.И. – 438, 439, 450
 Махрова И.А. – 467
 Мачинская А. – 439
 Мачинский Д.А. – 439
 Машкин Н.А. – 25
 Медведев Г.И. – 443

- Медведев Д.А. – 279, 328, 329
Медведев Е.И. – 417
Медведев И.П. – 453
Медведев Р.А. – 61, 103, 263
Медведева Т.В. – 472
Медведская Л.А. – 417
Медушевская О.М. – 204, 210, 228, 396, 404, 405
Медушевский А.Н. – 202–204, 208–210, 227, 228, 380, 382
Межуев В. – 110
Мезин С.А. – 398, 408
Мейер М.С. – 431, 432, 435, 473
Мейерович М.Г. – 450
Мелетинский Е.М. – 459
Меликян О.Н. – 424
Мелиоранский П.М. – 432
Мельгунов С.П. – 450
Мельник А.Г. – 441
Мельников А.В. – 347, 463
Мельников Е.А. – 386
Мельников М.В. – 225, 386
Мельникова А.В. – 451
Мельникова Е.А. – 407, 411, 422
Мельникова Л.В. – 229
Мельникова О.М. – 376
Мельниченко М.А. – 230
Мельничук Г.А. – 461
Мельтюхов М.И. – 227
Мельцер Д.Б. – 407
Меметов В.С. – 397, 405
Мендес В.К. – 232
Меншиков В.В. – 415
Меньшова Н.М. – 371
Мерцалов А.Н. – 75, 78, 104–106, 108, 111, 263, 265, 267, 280, 451
Мерцалова Л. – 104
Мессали Хадж А. – 226
Мец Н.Д. – 444
Мечников И.И. – 393
Мещеряков А.Н. – 232
Мизиано К.Ф. – 45
Мизис Ю.А. – 366
Миклухо-Маклай Н.Н. – 190, 362, 429, 434, 441–443, 459, 471
Милибанд С.Д. – 466, 467, 472
Миллер А. – 181, 207, 228, 432
Миллер А.Ф. – 206, 207, 432
Миллер В. – 103
Миллер В.И. – 104, 111, 113
Миллер В.Ф. – 181
Миль Дж.Ст. – 336
Милов Л.В. – 190, 294, 405, 462
Мильская Л.Т. – 421, 422, 454
Мильчина В.А. – 410
Милюков П.Н. – 188, 371, 378, 380, 382–385, 394, 451
Милютин Д.А. – 226
Минаев В.В. – 369
Минаев И.П. – 432
Минаев Л.М. – 103
Минаева Т.С. – 231, 432
Минаков А.С. – 224
Минаков А.Ю. – 224
Миндлин А.Б. – 225
Минц З.Г. – 403
Минц И.И. – 37–39, 44, 111, 262, 405, 408, 423, 451
Мирзоев Г.Р. – 226
Мироненко М.П. – 472
Мироненко С.В. – 400
Миронов Б.Н. – 210, 223, 228, 248, 254
Миронова И.А. – 445
Мирский Г.И. – 455
Мирясов А.В. – 225
Митрохин Н. – 233
Митько О.А. – 439
Михайлов Б.Я. – 46
Михайлов Г.К. – 470
Михайлов Н. – 299
Михайлов Н.Г. – 455
Михайлов Н.И. – 47
Михайлов Т.М. – 465
Михайлова Е.Е. – 382
Михайлова Н.Г. – 468
Михайлова Ю.Л. – 225
Михалева Т.В. – 345
Михальченко С. – 351, 376, 380, 381, 447
Михеев В.И. – 224
Михеева Г.В. – 357
Михина Е.М. – 240, 254
Мишина Е.М. – 469
Мищенко А.С. – 284
Могильнер М. – 242, 246, 349
Могильнер М.Б. – 255, 256
Могильницкий Б.Г. – 61, 94, 106, 115, 388, 389, 421, 426, 450, 462
Моисеев А.В. – 468
Моисеева Г.Н. – 405
Мокрова М.В. – 348
Молданова Т.А. – 443
Молдован А.М. – 399
Молев Е.А. – 350, 421
Молодин В.И. – 468
Молодяков В.Э. – 460
Молодякова Э.В. – 461
Молотов В.М. – 152, 171, 269, 271
Монгайт А.Л. – 437
Монджили А. – 348
Морозов Н.А. – 190, 283, 287

Морозова Г.М. – 284, 417
 Морозова Л.Е. – 190, 298
 Мосейкина М.Н. – 231, 396
 Мосина – 38
 Москаленко А.Е. – 406, 428, 455
 Москаленко А.Н. – 439
 Москвин В.В. – 405
 Москвичев Л.Н. – 397
 Мосман Э. – 456
 Мост Г.У. – 232
 Мохначева М. – 370
 Мочалов В.Д. – 45, 46
 Мошин В.А. – 428
 Мошина Т.А. – 229, 428
 Мошкова М.Г. – 436
 Мошкович Г.Г. – 351
 Мулдашев Э.Р. – 283
 Муллагулов М.Г. – 417
 Мунчаев Р.М. – 438
 Муравьев В.А. – 111, 114, 382, 389, 400, 401,
 409, 412, 444, 461
 Муравьев Н.П. – 224
 Мурашев А.А. – 458
 Мурашов С.И. – 100
 Муренина Г.П. – 452
 Мурзабулатов М.В. – 439
 Мустафина Г.М. – 190
 Мухамедеев А.И. – 461
 Мухаметдинов Р.Ф. – 225
 Мухачев Б.И. – 465
 Мухин И.Н. – 351, 469
 Мухин М.Ю. – 223
 Мухина Г.З. – 111
 Мучи Ф. – 104
 Мыльников А.С. – 468
 Мягков Г.П. – 112, 364, 377, 388, 421, 477
 Мясников В.С. – 294, 432, 435, 454, 462, 467

Н

Надеждина В.А. – 223
 Надергулов М.Х. – 419
 Наджафохов Д.Д. – 426
 Надсон Г.А. – 29
 Назаретян А.П. – 110
 Назаров В.Д. – 411, 463
 Назарова Л.Н. – 457
 Найда С.Ф. – 39
 Наместникова И.А. – 368
 Напалков А.Д. – 224
 Напсо М.Б. – 362
 Нардова В.А. – 223, 224
 Нарочницкий А.А. – 405
 Нарочницкий А.Л. – 462
 Нарочницкий А.П. – 47, 52

Нарский И.В. – 195, 223, 320, 359, 360, 364,
 451, 478
 Насилов Д.М. – 357
 Насонов А.Н. – 405
 Насонова Л.И. – 107
 Наумкин В.В. – 432
 Наумов А.Н. – 418
 Наумов В. – 111
 Наумов О.Н. – 461
 Наумова Г.Р. – 400
 Наумова О.Б. – 459
 Нацагдордж Д. – 432
 Невезин В.А. – 224, 460, 462
 Невская В.П. – 417
 Неедлы З. – 428
 Неелов М.М. – 351
 Неклюдов С.Ю. – 232
 Некрасов Н.А. – 388, 401
 Некрич А.М. – 45, 48, 59, 426, 455
 Немзер А. – 406
 Немирович-Данченко В.И. – 41
 Немировский А.И. – 420
 Ненароков А.П. – 52, 405, 451, 461
 Ненашева З.С. – 428
 Непомнин О.Е. – 428
 Неретина С.С. – 54, 346
 Нерсесов Ю. – 276
 Нерсесова Э.А. – 472
 Нестерова Н.М. – 460
 Нестерова С.Н. – 443
 Неусыхин А.И. – 25, 374, 422
 Нечаева В.С. – 447
 Нечкина М.В. – 47, 54, 83, 100, 113, 201, 227,
 368, 369, 377, 382, 406, 407, 451, 462,
 472, 478
 Никитин А.Л. – 378
 Никитин А.С. – 475
 Никитин Н.И. – 225, 406, 475
 Никитин Н.П. – 413
 Никитин С.А. – 25, 368, 406
 Никитина Н.Д. – 475
 Никифовская Н.А. – 462
 Никифоров Е.А. – 104
 Никифоров К.В. – 427
 Никишин Е.М. – 284
 Никишина Т.В. – 417
 Николаев А.Б. – 409, 472
 Николаев В.А. – 475
 Николаев Г.А. – 416
 Николаев Н.И. – 466
 Николаев П.Ф. – 351
 Николаев С.И. – 462
 Николаева Н.Ю. – 426
 Николаева Т.В. – 440, 468
 Николаева Э.Г. – 475

Николай II – 28, 35, 229
 Никольская Т.Н. – 475
 Никольский Н.В. – 417
 Никонова А.А. – 441
 Никс Н.Н. – 364
 Нильсен Й.-П. – 230
 Нитобург Э.Л. – 226
 Нифонтов А.С. – 451
 Нифонтов И.С. – 25
 Новиков А.В. – 353
 Новиков М.В. – 230
 Новиков Н.И. – 218
 Новиков С.П. – 285, 298
 Новопашин Ю.С. – 227, 359
 Новоселов Д.С. – 224
 Новосельский А.А. – 406
 Новосельцев А.П. – 400, 406, 407
 Новохатко О.В. – 224
 Ноздрин Г.А. – 417, 463, 464
 Носков В.В. – 364, 427
 Носов А.В. – 100, 440
 Носов Б.В. – 427
 Носов Е.Н. – 345, 440
 Носов Н.Е. – 409
 Носов Н.И. – 397
 Носовский Г.В. – 281, 283, 288–296, 298–300, 333
 Нурутдинов Ф.Г.-Х. – 189

О

Обнорский С.П. – 395
 Оболенская С.В. – 455
 Оборин В.А. – 439
 Обручев В.А. – 29
 Обыденнова Г.Т. – 439
 Овсянкин Е.И. – 462, 465
 Овсянников О.В. – 436
 Овсяннико-Куликовский Д.Н. – 457
 Овчинников В.Г. – 56
 Овчинников Р.В. – 447
 Овчинникова Б.Б. – 386
 Огарев Н.П. – 413, 416, 418
 Огрызко В.В. – 475
 Одинаков В.Т. – 398
 Озерецкая А.С. – 452
 Окладников А.П. – 412, 439, 468
 Оксман Ю.Г. – 406, 459
 Окунь С.Б. – 383, 384, 406
 Олейников Д. – 291
 Олейников Д.И. – 299
 Олеуфьев Ю.А. – 458
 Ольденбург С.Ф. – 28, 355, 432
 Ольдерогге Д.А. – 431–433, 435
 Ольховская Л.В. – 386

Ольховский Е.Р. – 384, 406, 410
 Орбели И.А. – 432, 467
 Орел В.М. – 348
 Орешина М.А. – 366
 Орешкова С.Ф. – 432
 Орешникова С.Ф. – 431
 Орлеханов Г.Л. – 229
 Орлик И.И. – 451
 Орлов И.Б. – 100, 118
 Орлова Г. – 232
 Орлова И.Б. – 476
 Осадченко Б.А. – 333, 340, 386, 475
 Осипов Ю.С. – 289, 344
 Оскоцкий В.Д. – 111
 Осповат А.Л. – 406
 Остапенко В.С. – 464
 Осташко Т.Н. – 53
 Остриков П.И. – 423
 Островский А.В. – 346
 Откупщиков Ю.В. – 420
 Отто А. – 228
 Охотников А. – 226
 Охотников А.И. – 47

П

Павленко Н.И. – 397, 406, 451, 462
 Павлидис М. – 116
 Павлов А.П. – 22, 396
 Павлов В.В. – 432
 Павлов В.Д. – 407
 Павлов В.И. – 432
 Павлов Г.Н. – 352
 Павлова Е.С. – 474
 Павлова И.В. – 118
 Павлова К.Д. – 360
 Павлова Н.С. – 426
 Павлова Т.А. – 426
 Павлович М.П. – 20
 Павловская Е.Д. – 291, 299
 Пак М.Н. – 430
 Панех В.И. – 396
 Панях В.М. – 347, 356, 357, 364, 383, 384, 450, 462, 463
 Панин А.Т. – 398
 Панин Д. – 118
 Панкрат Т.В. – 229
 Панкратова А.М. – 31, 33, 39, 41, 52, 183, 353, 407
 Панов М.В. – 357
 Панченко А.М. – 404, 462
 Панченко Е.З. – 463
 Панченкова Т.Г. – 426
 Паперно И.А. – 231, 447
 Парамонова М.Ю. – 99, 256

- Парето В. – 217
Паррот Г.Ф. – 226
Парфёнов В.Н. – 449, 453
Парфёнова В.Н. – 454
Пастернак Б.Л. – 264, 456
Пастернак Е.Б. – 456
Пастернак Е.В. – 456
Пастернк Б.Л. – 118
Пателитис Д. – 116
Пашков А.М. – 226, 228, 474
Пашуто В.Т. – 45, 386, 398, 400, 407, 411
Первушкин В.И. – 366
Пересыпкин И.Т. – 223
Перетц В.Н. – 374
Пермяков Е. – 404, 443
Перхин В.В. – 447
Перцов П.П. – 457
Перченюк А.Б. – 362
Перченюк Ф.Ф. – 356, 357, 383, 407, 468, 469, 471
Першина Л.И. – 463
Пессоа Ф. – 232
Петр I – 109, 164, 222, 226
Петров А.А. – 476
Петров А.Е. – 359
Петров А.М. – 432, 435
Петров В.А. – 461
Петров В.В. – 435
Петров И.Ф. – 51
Петров М. – 417
Петров М.Н. – 465
Петров Ю.А. – 328, 329
Петров Ю.Д. – 351
Петрова В.А. – 404
Петрова И.А. – 462, 465
Петрова Н.А. – 443
Петрова Ф.А. – 223
Петровская И.Ф. – 451
Петровский И.Г. – 381, 447, 460
Петровский М.Н. – 25
Петровский Ф.А. – 420
Петросян И.Е. – 432
Петросян Ю.А. – 432, 455
Петрухин В.Я. – 442, 465
Петрушевский Д.М. – 25, 28, 38, 39, 374, 422
Петряев Е.Д. – 465, 476
Печенкин А.А. – 14
Пивовар Е.И. – 398, 407, 448
Пивоваров Ю.С. – 110, 460
Пигулевская Н.В. – 432, 434
Пикуль В. – 99, 112
Пилсудский Б.О. – 442, 443
Пионтковский С.А. – 451
Пиотровский Б.Б. – 401, 433, 455, 462, 467
Пиотровский Б.В. – 431–433, 435, 436, 467
Пиотровский Г.Б. – 401
Пиотровский М.Б. – 369, 433, 438
Пиотровский Ю.Ю. – 437
Пипец Р.С. – 459
Пирумова Н.М. – 407
Писарькова Л.Ф. – 366
Пискорский В.К. – 455
Пихоя Р.Г. – 53
Пичета В.И. – 20, 28, 377, 381, 407, 461, 462
Платонов С.Ф. – 27, 28, 186, 188, 356, 372, 382–385, 451, 452
Платт К. – 232
Плетнева С.А. – 468
Плешков В.Н. – 444, 463
Плимак Е.Г. – 44, 45, 101, 111, 118, 451
Плотников А.Е. – 407
Плотников Н. – 231, 407
Плотникова С.Г. – 352
Плюснин Ю.М. – 359
Победоносцев К.П. – 226
Побережников И.В. – 460
Погодин М.П. – 83, 113
Погодин С.Н. – 377, 385, 388
Погребинская В.А. – 386
Подбатов П.А. – 409
Пожарская С.П. – 227
Позгалев В.Е. – 313, 320
Позднеев А.М. – 433
Позднеева Л.Д. – 433
Покровский М.М. – 28
Покровский М.Н. – 20–22, 24–27, 31, 183, 190, 261, 344, 372, 391, 407, 408, 462, 477
Покровский Н.Н. – 407–409
Полетаев А.В. – 111, 253–256, 258, 329, 360, 476, 477
Полетаев В.Е. – 108
Полетика Н.П. – 451
Поликарпов В.В. – 102, 109, 114, 345, 387, 408
Поликарпов В.Д. – 61, 102, 111, 118, 345, 408, 473
Полканов В.Д. – 351
Половцев И.Ф. – 465
Полторацк С.Н. – 384
Полунов А.Ю. – 226
Полховская Е.Ю. – 364
Поляков Ю.А. – 37, 41, 46–48, 53, 54, 84–90, 96, 103–106, 108–116, 265, 326, 339, 350, 397, 398, 405, 408, 452
Полякова В.А. – 434
Поляни М. – 13
Померанцева Г.Е. – 458
Пономарев А.В. – 413
Пономарев А.Н. – 452
Пономарев Б.Н. – 41, 42, 262, 265

- Пономарев Е.Р. – 232
 Пономарев Л.Н. – 76, 77, 108, 109
 Попенов М.И. – 475
 Попов А.С. – 380, 382
 Попов А.Ю. – 223
 Попов Г.Х. – 117, 266, 469
 Попов Н.Н. – 395
 Попова Г.А. – 421
 Попова О.Н. – 345
 Попова Т. – 13
 Поросенков Ю.В. – 394
 Порох И.В. – 397, 408, 410
 Порхунов Г.А. – 465
 Поршнев Б.Ф. – 25, 43, 254, 423, 426
 Посадсков А.Л. – 367
 Посохов С.И. – 223
 Поспелов Г.Н. – 457
 Поспелов П.Н. – 31, 52, 405
 Постников А.В. – 462
 Постников М.М. – 284–287, 297, 298
 Постников Н.А. – 401
 Постников С.П. – 395
 Посувалюк В.В. – 433
 Потанин Г.Н. – 442
 Потапова Н. – 370
 Потемкин В.П. – 32
 Потемкина Т.М. – 439
 Потехин И.И. – 433
 Потин В.М. – 444
 Потолов С.И. – 400, 429, 454
 Правилова Е.А. – 357
 Прайс Д. де Солла – 8
 Прасолов С.И. – 428
 Предтеченская Н.В. – 469
 Предтеченский А.В. – 384
 Преображенский А.А. – 408, 411
 Пресняков А.Е. – 20, 379, 383, 452
 Прибыльский Ю.П. – 415
 Пригарина Н.И. – 429
 Приймак Н.И. – 371, 447
 Примаков Е.М. – 432, 455
 Приселков М.Д. – 408
 Притыкина Т.Б. – 398
 Прицкер Д.П. – 106
 Прозуменщиков М.Ю. – 353
 Прокопенко Л.Я. – 345
 Прокопов Т.Ф. – 459
 Прокофьев М.М. – 443
 Прокофьев Н.И. – 408
 Прокуденкова О.В. – 380, 384
 Пронин А.А. – 231
 Пронина П.В. – 462
 Пронштейн А.П. – 378, 379
 Проскурин О.А. – 243
 Проскурина М.Б. – 345, 346
 Проскурякова М.Е. – 229
 Простоволосова Л.Н. – 350, 351, 461, 465, 466
 Проханов А.А. – 277
 Прохоров Г.М. – 457
 Прохорова В.А. – 416, 417
 Прошунин Н.Ф. – 103
 Пругавин А.С. – 394
 Прядеин В.С. – 103, 118
 Пряжин А.Д. – 439, 468
 Пугачев В.В. – 397, 399, 403, 406, 408, 427
 Пугачев Е. – 31
 Пугачева М.Г. – 360
 Пукшанский Б.Я. – 107
 Пулькин М.В. – 230
 Пумпянский А. – 118
 Пундани В.В. – 418
 Пунин Н.Н. – 458
 Пуришев Б.И. – 457
 Пуртова Т.В. – 474, 476
 Путилов Б.Н. – 459
 Путин В.В. – 201, 226, 271, 272, 274, 279, 313, 320
 Пучков П.И. – 443
 Пушкарев И.М. – 225
 Пушкарев Л.Н. – 226, 230, 452
 Пушкарев С.Г. – 452
 Пушкин А.С. – 73, 218, 232, 444, 447
 Пушкин Л.С. – 107
 Пчелов Е.В. – 461
 Пшеничнюк А.Х. – 439
 Пыпин А.Н. – 452
- ## Р
- Рабинович А. – 100
 Рабинович В. – 108
 Рабинович М.Б. – 455
 Рабинович М.Г. – 443, 459
 Рабинович Я.Б. – 408
 Радаев В. – 359
 Раджабов С.А. – 466
 Радзинский Э.С. – 291, 292
 Радищев А.Н. – 44
 Радлов В.В. – 433
 Раевский Д.С. – 429
 Разгон И.М. – 37, 39, 408, 465
 Разин С. – 31
 Ракитов А.И. – 107
 Раков Л. – 458
 Ракова А. – 458
 Раку М. – 232
 Ранов В.А. – 439
 Рапопорт С.С. – 13, 14
 Рапопорт П.А. – 438, 439

- Распопович Р. – 228
 Рассел Б. – 301, 317, 320
 Растяпин В.М. – 45
 Ратнер А. – 409, 452, 473
 Рахимов Р.Р. – 433
 Рахматуллин М.А. – 190, 202–204, 220, 227
 Рахшмир П.Ю. – 410
 Рачев С.Т. – 298
 Рашковский Е.Б. – 434
 Ревуненков В.Г. – 388, 426
 Ревуненкова Е.В. – 442
 Ревякин А.И. – 408
 Ревякина Н.В. – 426
 Резван М.Е. – 433
 Резвых П.Ф. – 231
 Рейсер С.А. – 457
 Рейснер И.М. – 433
 Рейснер М.А. – 21
 Рейтблат – 473
 Рейфман И. – 232
 Ремизов А.В. – 366
 Ремизов С.С. – 464
 Ремнев А.В. – 246, 417, 418
 Ремнева М.Л. – 470
 Реншоу Л. – 232
 Репин И.Е. – 352
 Репина Л.П. – 249, 250, 253, 257, 352, 362,
 377, 388, 423, 424, 426
 Репина Л.С. – 360
 Репневский А.В. – 464
 Репников А.В. – 229
 Рерих Ю.Н. – 433, 434, 455
 Ржеуцкий В. – 232
 Ржешевский О.А. – 256
 Риббентроп И., фон – 152, 269, 271
 Рижский М.И. – 418
 Рингер Ф. – 9, 13, 362
 Рихтер А.А. – 29
 Робеспьер М. – 44
 Робинсон А.М. – 346
 Робинсон М. – 53
 Робинсон М.А. – 355, 399
 Ровинский П.А. – 428
 Рогинский В.В. – 230
 Рогинский Я.Я. – 444
 Рогов И.В. – 418
 Роговин В.З. – 105
 Рогожин Н.М. – 397, 410
 Родзаевский К.В. – 278
 Родинкова В.Е. – 468
 Родионов О.А. – 174
 Родоман Б.Б. – 409
 Рождественский С.В. – 28
 Рожкова М.К. – 25, 452
 Рожкова Н.А. – 462
 Розанов М.Н. – 27
 Розанов Н.П. – 452
 Розен В.Р. – 434, 455
 Розенблюм О.М. – 420
 Розов Е.К. – 463
 Ролова А.Д. – 456
 Романенко С. – 118, 232
 Романов Б.А. – 384, 409, 450
 Романов Б.Н. – 409
 Романов В.В. – 395
 Романова И.Е. – 473
 Романова И.И. – 466
 Романовский В.К. – 227
 Ромодановская Е.К. – 408, 409
 Роон Т.П. – 443
 Роскин Г.И. – 35, 36
 Росс К. – 233
 Ростовцев Е.А. – 352, 384, 385
 Ростовцев М.И. – 434
 Ротшейн Ф.А. – 466
 Ротштейн Ф.А. – 22, 25, 426
 Ртищев Ю.И. – 460
 Рубинштейн Н.Л. – 37, 38, 378, 380, 452
 Рубцов Б.К. – 39
 Рубцова М.А. – 433
 Руденко С.И. – 439, 468
 Руденко Ю.К. – 426
 Ружицкая И.В. – 229
 Румянцева М.Ф. – 107, 228, 350, 389, 404,
 405, 407, 445
 Рупасов А.И. – 427
 Русакова И.Д. – 438
 Рутенбург В.И. – 426
 Руткевич А.М. – 12
 Рутковский М.А. – 460
 Рыбаков Б.А. – 99, 101, 113, 285, 395, 405,
 410, 413, 440, 468
 Рыбаков М.В. – 54
 Рыбаков Р.Б. – 433, 434
 Рыженко В.Г. – 355, 360, 364, 402, 418, 476
 Рыжковский В. – 232
 Рыклин Л.И. – 356
 Рыков А.И. – 28
 Рыхляков В.Н. – 368, 473
 Рюзен Й. – 253
 Рябухин А.Г. – 470
 Рябчикова Ю.А. – 467
 Рязанов Д.Б. – 27
- С**
 Сабенникова И.В. – 231
 Саблин В.А. – 231
 Сабров М. – 232
 Сабуров Е.В. – 255

- Саватеев А.Д. – 432
 Савельев А.В. – 355, 360
 Савельев Н.С. – 439
 Савельев П.И. – 394
 Савельева Е.А. – 405
 Савельева И. – 477
 Савельева И.В. – 465
 Савельева И.М. – 111, 240, 241, 253, 254, 256–258, 359, 360, 476
 Савельева Л.В. – 405
 Савельева Т.Н. – 434
 Савин – 38
 Савинов Д.Г. – 430, 437, 440
 Савченко В.Н. – 222, 225
 Садовничий В.А. – 470
 Садовский А.Я. – 418
 Садретдинов Г.К. – 422
 Сажина М.М. – 465
 Сакоян О.Е. – 465
 Сакулин П.Н. – 28
 Салазар А. – 232
 Салехов Н.И. – 46
 Салмина М.А. – 461
 Салтыков Б. – 302, 303, 309, 319
 Салтыков-Щедрин М.Е. – 474
 Сальников А.А. – 350, 447
 Самарин А.Ю. – 463
 Самнер У.Г. – 321, 339
 Самойлович А.Н. – 434
 Самоквасов Д.Я. – 452
 Саморуков Н.И. – 46
 Самосудов В.М. – 351, 414
 Самсонов А.М. – 48, 56, 57, 101, 463
 Самутина Н. – 258
 Сапон В.П. – 229
 Сапронова М.А. – 228
 Сапунов Б.С. – 418
 Сафронов Ф.Г. – 465
 Сахаров А.Д. – 269
 Сахаров А.М. – 378, 406
 Сахаров А.Н. – 56, 100, 103, 104, 113, 190, 213, 227, 228, 230, 236, 253, 275, 325–329, 339, 400, 409
 Сахаров И.В. – 445
 Сахаров М.Н. – 472
 Свак Д. – 210, 227, 229
 Сванидзе А. – 454, 456
 Свердлов М.Б. – 385
 Свердлов Я.М. – 22
 Свешников А.В. – 232, 253, 254, 256, 347, 360, 362–365, 369, 402, 422
 Свешникова О.С. – 347, 459
 Свиридова Т.А. – 229
 Святловский Е.Е. – 409
 Сдвижков Д.А. – 426
 Севастьянов Г.В. – 421
 Севастьянова А.А. – 402
 Севастьянова А.Л. – 401
 Севостьянов Г.Н. – 401, 408, 467
 Седов А.В. – 432, 433, 438
 Седов В.В. – 440, 468
 Седов М.Г. – 351, 409, 469
 Секиринский С.С. – 202, 207, 219, 221, 223, 228, 231, 233, 258, 451
 Селиванова С.А. – 356
 Селифонова Т.Н. – 401
 Селифонтов Н.Н. – 418
 Семеновко-Басин И.В. – 229
 Семенникова Л.И. – 111, 409
 Семенов А. – 256
 Семенов А.А. – 434
 Семенов А.М. – 242, 246, 255
 Семенов В.Ф. – 386
 Семенов Г.М. – 278
 Семенов Д.Г. – 38, 230, 255, 386, 394, 434
 Семенов Е.В. – 38, 305, 307, 319, 360
 Семенов И.Е. – 388
 Семенова А.В. – 408
 Семенова Н.Ю. – 459
 Семенов-Тянь-Шанский П.П. – 394
 Семиряга М.И. – 263
 Семпер-Соколова Н.Е. – 456
 Сен Д.В. – 230
 Сенин А.С. – 352
 Сениявская Е.С. – 223
 Сениявский А.С. – 223
 Сергеев А.Д. – 475
 Сергеев М.А. – 465
 Сергеев Р.А. – 351
 Сергеев Т.С. – 476
 Сергеенко М.С. – 456
 Серебренников Б.А. – 261
 Серебрякова Н.О. – 404
 Серебряный С.Д. – 355, 359
 Серегина И.С. – 399
 Серов Д.О. – 460
 Серова Е.А. – 347, 468
 Серовайская Ю.Я. – 422
 Серовайский Я.Д. – 422
 Сибиряков И.В. – 360
 Сивцева В.С. – 464
 Сидельников С.И. – 473
 Сидненко Т.И. – 368, 382, 385
 Сидоренко Н.С. – 224
 Сидоров А.А. – 25
 Сидоров А.В. – 394
 Сидоров А.И. – 421
 Сидоров А.Л. – 37, 39, 63, 386, 452
 Сидоров В. – 476
 Сидоров В.Г. – 476

- Сидорова Л.А. – 12, 43, 54, 355, 356, 377
Сизоненко А.И. – 226, 228
Сизюмов М.Я. – 423
Сиит Д. – 232
Силантьев И.В. – 409
Симон К.Р. – 472
Симония Н.А. – 400, 434
Симонов Р.А. – 463
Симонова Н.В. – 386
Синенко А.А. – 365
Синицын А.М. – 46
Синицын Ф.Л. – 227, 229
Синицын Ф.Н. – 227, 230
Синицына К.Р. – 190
Синюк А.Т. – 467
Сироткин В. – 61, 67, 78, 109
Сироткин В.Г. – 103, 109, 110
Ситдииков А.Г. – 461
Сказкин С.Д. – 398, 411, 422, 425, 467
Скатов Н.Н. – 442
Скворцов А.М. – 355
Скворцов Л.В. – 421
Скворцов-Степанов И.И. – 25
Скиннер К. – 216
Скокан Е.И. – 462
Скорик А.П. – 230
Скрипкин А.С. – 441
Скрынников Р.Г. – 409
Скрябин Г.К. – 432, 468
Скубневский В.А. – 414
Славин Б. – 116
Славина Т.А. – 473
Сладкевич Н.Г. – 406
Следзевский И.В. – 432
Слёзкин Л.Ю. – 456
Слепова Т.И. – 444
Слонимский А.Г. – 368, 371
Случ С.З. – 227, 230
Смагина Г.И. – 348
Сметанин В.А. – 423
Смилянская И.М. – 429, 431, 432, 455
Смирин М.В. – 298
Смирин М.М. – 25
Смирнов А.Н. – 25
Смирнов А.П. – 440
Смирнов В.П. – 423
Смирнов И. – 359, 384, 408
Смирнов И.И. – 409
Смирнов И.С. – 45
Смирнов К.Ф. – 440
Смирнов Н.Н. – 400
Смирнов П.П. – 38
Смирнов С.В. – 473
Смирнов Ю.М. – 440
Смирнов Ю.Н. – 227
Смирнов Я.Е. – 463
Смирнов Я.И. – 434
Смирнова М.И. – 38, 104, 409, 423, 434, 440
Смирнова Н.М. – 444
Смирнова С.К. – 226
Смирнова Т.М. – 226
Смоленский Н.И. – 106, 115, 116
Смоляк А.В. – 442
Сморгунова В.Ю. – 350
Снегов А.В. – 44
Снесарев А.Е. – 434
Снисарь И.Н. – 380
Соболев В.С. – 347
Соболев Г.Л. – 51, 111, 409
Соболев П.Н. – 46, 51
Соболева Л.А. – 418
Соболева Н.А. – 226
Соболева П.И. – 100, 409
Советова О.С. – 437
Совокин А. – 104
Согрин В.В. – 56, 61, 80, 100, 103, 104, 111, 114, 227
Сойфер В.Н. – 360
Соколов А.К. – 225
Соколов А.Р. – 224
Соколов Б.В. – 276, 280
Соколов Е.Н. – 231
Соколов Н.П. – 423
Соколова З.П. – 442
Соколовская О.В. – 464
Сокольский Н.И. – 420
Соколянский М. – 448
Солнцев Л.П. – 459
Солнцев С.И. – 28
Соловей В.Д. – 352, 356
Соловей Т.Д. – 347
Соловьев А.М. – 63
Соловьев В.С. – 447
Соловьев Е.А. – 412
Соловьев К.А. – 229
Соловьев С.М. – 288, 379, 380
Соловьев Э.Ю. – 108
Соловьев Ю.Б. – 399
Соловьев Я.В. – 224
Соловьёва Е.И. – 418
Соловьёва Н.Н. – 402
Солодовников В.Г. – 434, 467
Соломаха Е.Н. – 377
Соломещ И.М. – 230
Соломонов В.А. – 352, 383, 452
Сон Ж.Г. – 230
Сонин А.С. – 362
Сопленков С.В. – 435
Сорина Л.М. – 415
Сорокажердьеv В.В. – 476

- Сорокин А.К. – 397
 Сорокин Ю.А. – 418
 Сорокина М.Ю. – 13, 348, 407, 455, 459, 472, 474
 Сорос Дж. – 268, 302–304, 313
 Соскин В.Л. – 102, 450
 Соснина О. – 232
 Сочинская Н.И. – 458
 Сошкин Е. – 232
 Спальвин Е.Г. – 434
 Спегальский Ю.П. – 441
 Сперанский А.В. – 465
 Сперанский М.Н. – 27
 Спирин Л.М. – 409
 Спицын А.А. – 440
 Средневский В.И. – 457
 Ссорин-Чайков Н. – 232
 Ставинский Б.Я. – 466
 Ставиский Б.Я. – 434, 467
 Сталин И.В. – 26, 27, 30, 31, 33–35, 37, 39–42, 45, 46, 48, 51, 53, 67, 68, 79, 101, 104, 105, 108, 109, 117, 127, 128, 171, 179, 198, 224, 227, 229, 262, 267, 269, 270, 274, 275, 279, 280, 327, 353, 354, 403
 Стам С.М. – 386, 422, 456
 Станиславский А.Л. – 351, 409, 463
 Станиславский К.С. – 41
 Стариков Н.В. – 462
 Старкова К.Б. – 456
 Староверова И.П. – 468
 Стародубцев Г.Ю. – 476
 Старостин Е.В. – 369
 Старостин П.Н. – 461
 Старостин С.И. – 230
 Старушенко Г.Б. – 353
 Старцев В.И. – 111, 118, 263, 270, 384, 409
 Стеблин-Каменский И.М. – 453
 Стеблова И.В. – 435
 Стеклов В.А. – 284
 Степанов Б. – 360, 369, 388
 Степанов Б.Е. – 25, 253–257
 Степанов Г.В. – 403
 Степанов З.В. – 254
 Степанов Н.Л. – 447
 Степанов П.Д. – 418
 Степанова Е. – 233, 257, 418, 447
 Степанова Е.В. – 445
 Степанский А.Д. – 12, 368, 463
 Степин В.С. – 99
 Столыпин П.А. – 279
 Столяр А.Д. – 441, 443
 Стратонович Г.Г. – 434
 Страхов Ю.А. – 225
 Стрекопытов С.П. – 352
 Стрелкова А.С. – 461
 Стреляный А. – 55, 99
 Стрижова Н. – 459
 Строганов С.Г. – 229
 Струве В.В. – 40, 429, 432, 434, 467
 Струве П.Б. – 410
 Стыкалин А.С. – 423, 424
 Суворова В. – 276
 Суворова Н.С. – 417
 Судовиков М.С. – 419
 Сулаев И.Х. – 222, 225
 Сулейманов Н.И. – 365
 Сунгуров А.Ю. – 360
 Сунцова В.М. – 468
 Суприянович А.Г. – 99, 250, 257, 426
 Супрун М.Н. – 231
 Сураг С.П. – 46
 Сурикова К.Б. – 460
 Сурин А.В. – 396
 Сурков В.Ю. – 274
 Суслов М.А. – 35, 39
 Сулова Е.Д. – 227
 Суханова Н.И. – 416
 Сухарев Ю.Н. – 470
 Сухачев А.С. – 434
 Сухова Н.Ю. – 362
 Сымонович Ч.Э. – 223
 Сыромятников Б.И. – 371, 382, 385
 Сытин С.Л. – 418
 Сытник К.М. – 459
 Сэпман И.В. – 351
- Т**
 Табачников А.В. – 362
 Таболов С.П. – 441
 Таванец С.Д. – 352
 Тагиров И.Р. – 187, 190
 Таймасов Р.С. – 226
 Такала И.Р. – 230
 Такер Р. – 105
 Таксами Ч.М. – 468
 Таллерчик Т.М. – 474
 Тамашишвили А.О. – 455, 472
 Тамм И.Е. – 463
 Тараканов Ф.Г. – 418
 Тарвел Э. – 421
 Тарле Е.В. – 27, 28, 33, 356, 387, 426, 427
 Тармаханов Е.Е. – 465
 Тарновский К.Н. – 45, 51, 63, 387, 410
 Тартаковский А.Б. – 456
 Тартаковский А.Г. – 410
 Тартаковский Б.Г. – 456
 Тартаковский С.Б. – 456
 Татауров С.Ф. – 437
 Татищев В.Н. – 395

- Таубе М.А. – 452
 Твардовская В.А. – 224
 Твардовский А.Т. – 44
 Тверитинова А.С. – 435
 Тевено Л. – 216, 256
 Телицын В.Л. – 451
 Тельпуховский Б.С. – 48
 Теплицкая А.В. – 474
 Тертышный А.Т. – 388
 Тикиджян Р.Г. – 230
 Тикунова В.И. – 465
 Тилли Ч. – 254
 Тимофеев Д.В. – 228
 Тимофеев Л.И. – 457
 Тимофеев М.А. – 421
 Тимофеева Н.Н. – 352
 Тимошечкина Е.М. – 230
 Тимошина Л.А. – 398
 Тимошук Б.А. – 440
 Титаренко М.Л. – 345, 435
 Титов А.А. – 463
 Титов В.Т. – 424
 Тихвинский С.Л. – 56, 59, 60, 100, 101, 371,
 399, 405, 429, 432, 435, 456, 462, 465, 467
 Тихомиров М.Н. – 35, 39, 410, 463
 Тихомирова Г.М. – 460, 462
 Тихонов А.К. – 225
 Тихонов В.В. – 382, 385
 Тихонов И.Л. – 352, 440
 Тихонов С.С. – 438
 Тихонов Ю.А. – 410
 Тихонова З.Н. – 53, 353, 410, 440
 Тихонюк И.А. – 398
 Тишкин А.А. – 439
 Тишкин Г.А. – 406, 410, 463, 470
 Тишков В.А. – 7, 13, 330, 339, 471
 Ткаченко Г.А. – 435
 Тменов В.Х. – 440, 441
 Токарев С.А. – 25, 442, 443
 Токарева З.И. – 347
 Толочко А.П. – 407, 418, 442
 Толпеко И.В. – 437, 439
 Толстая Л.И. – 456
 Толстов С.П. – 40
 Толстой И.И. – 456
 Толстой Л.Н. – 229, 456
 Тольц В. – 339
 Томилина Н.Г. – 352
 Томилов Н.А. – 418
 Томсинов В.А. – 469, 470
 Топоров В.Н. – 429, 457
 Торкунов А.В. – 351, 473
 Трапезников С.П. – 43, 47, 97
 Трельч Э. – 188
 Трепавлов В.В. – 222, 225
 Третьяков П.Н. – 468
 Трибунский П.А. – 382, 385
 Троиц И.Г. – 400
 Троицкий Е.С. – 418
 Троицкий Н.А. – 402, 408, 410, 412
 Троицкий Н.И. – 418
 Троицкий С.М. – 389
 Троицкий Ю. – 103, 410, 418, 478
 Троицкий Ю.Л. – 67, 365
 Тропичева Е.И. – 462, 465
 Тропкина Л.В. – 352
 Трофимов А.В. – 54, 104
 Трофимов Ж.А. – 104, 105, 113, 115
 Троцкий Л.Д. – 265
 Трубачев О.Н. – 473
 Трубецкой Н.С. – 472
 Трутнев Д.П. – 445
 Трутнева Н.Ф. – 445
 Трухановский В.Г. – 424, 427
 Трухин А.Л. – 466
 Трухнов Г.М. – 426
 Трушкин В.П. – 396
 Тулинский С.В. – 470
 Туманова А.С. – 224
 Туманович Н.Н. – 465
 Тумаркин Д.Д. – 459, 471, 473
 Тунеева Л.В. – 443
 Тункина И.В. – 348, 361, 420
 Тураев Б.А. – 27, 435
 Турилов А.А. – 410
 Туселлагов А.А. – 440
 Тутова А.Ф. – 463
 Тучков В. – 299
 Тюкавкин В.Г. – 387, 410
 Тюменев А.И. – 467
 Тюменцев И.О. – 409
 Тютюкин С.В. – 104, 110, 204, 223, 226, 370,
 397, 452
 Тяжельникова В.С. – 388
- ## У
- Уайт Х. – 336
 Уваров П. – 218, 231, 359
 Уваров П.Ю. – 255, 256, 258
 Уваров С.С. – 218, 229
 Уварова П.С. – 459
 Удальцов А.Д. – 20, 22, 24, 25, 39
 Удальцова З.В. – 411, 422
 Удальцова Э.В. – 422
 Узенева Е.С. – 345
 Улащик Н.Н. – 410
 Ульяновкин Н.А. – 299
 Ульянов М. – 117, 367, 475
 Ульянова Г.Н. – 224

Уманский А.П. – 440
 Умбрашко К.Б. – 365, 378, 379, 427
 Умняков И.И. – 465
 Упадышев Н.В. – 226
 Урилов И.Х. – 402, 405
 Урсу Д.П. – 474
 Усик Б.Г. – 434
 Усков Н.Ф. – 99
 Усманов Н.В. – 226, 399
 Усманова Д.М. – 470
 Успенский Б. – 38, 285, 287, 457
 Устрялов Н.В. – 227
 Устюгов Н.В. – 389, 406, 410
 Утченко С.Л. – 45
 Участкина З.В. – 444
 Ушаков А.И. – 360, 405, 460
 Ушаков В.А. – 426
 Ушинский К.Д. – 462

Ф

Фадеев К.В. – 413
 Фадин А. – 108
 Фармаковский Б.В. – 420
 Федоренко Н.П. – 435
 Федоров П.В. – 419
 Федоров-Давыдов Г.А. – 440, 441
 Федосеев П.Н. – 56, 59, 100, 101, 262
 Федосов И.А. – 410
 Федосова Н.М. – 460
 Федосюк Ю.А. – 452
 Федотов В.И. – 394
 Феллер В. – 336, 339, 340
 Фельдман М.А. – 230
 Феоктистова Т. – 116
 Феофанов Ю. – 117
 Феретти М. – 101, 104
 Ферсман А.Е. – 29
 Фигуровская Н.К. – 407
 Филимонов В.А. – 464
 Филимонов С.Б. – 367
 Филимонова И.И. – 461
 Филиппов А.В. – 273–276, 280, 327
 Филиппов М.С. – 346
 Филоник А.О. – 433
 Фильштинский И.М. – 435, 456
 Финашина Г.Н. – 461, 468
 Финкель С. – 52
 Фирсов Ф.И. – 263
 Фитцпатрик Ш. – 111
 Фишман О.Л. – 435
 Флейман Е.А. – 367
 Флоря Б.Н. – 402, 410, 422, 428
 Фокеев В.А. – 471, 474
 Фокин П.П. – 417, 475, 476

Фольденбург С. – 455
 Фоменко А.Т. – 113, 236, 252, 276, 281–300, 333
 Фомин А.И. – 430
 Фоминых С.Ф. – 470
 Фомичев С. – 357
 Фонвизин Д.И. – 218
 Фонкич Б.Л. – 423
 Формозов А.А. – 347, 357, 441, 443
 Фохт А.В. – 31
 Франк С.Л. – 24
 Франко Ф. – 13, 227
 Францев В.А. – 27
 Французов С.Л. – 471
 Фрейденберг М.М. – 428, 467
 Фрейденберг О.М. – 456
 Фрейденберг Н.П. – 25
 Фридлянд Г.С. – 26
 Фриче В.М. – 25, 27
 Фролов Э.Д. – 420
 Фролова И.Т. – 263
 Фролова М.М. – 229, 420
 Фроянов И.Я. – 389, 410, 411, 420, 436, 440
 Фрумкина Р.М. – 255
 Фукс К.Ф. – 411
 Функ Д.А. – 442
 Фураев В.К. – 426, 427
 Фурсенко А.А. – 112, 118, 274, 304, 319, 397, 409, 427, 444, 460, 463
 Фурсов А.И. – 110
 Фюре Ф. – 277

Х

Хабарова М.В. – 53
 Хабермас Ю. – 209, 214, 228
 Хабутдинов А.Ю. – 183, 184, 187, 189, 190
 Хаврин С.В. – 437
 Хаген М., фон – 104, 225, 246
 Хазанов А.М. – 431, 435
 Хазина А.В. – 421
 Хайлова Н.Б. – 455
 Хайнц Д. – 426
 Хайретдинов Х.Х. – 428
 Хайтун С.Д. – 477
 Хакимов Р. – 190
 Хакимов Р.С. – 184, 187, 189
 Халявин Н.В. – 389
 Хамичев С. – 189
 Хандожко Р.И. – 100
 Хапаева Д. – 244, 255
 Хапаева Д.Р. – 244
 Харитоновна В.И. – 442
 Хартанович М.Ф. – 12, 347
 Харузина В.Н. – 459

Хачатурян Н.А. – 422
 Хвостов В.М. – 25, 39, 46, 47, 427
 Хейфец М.Р. – 452
 Хельберт О. – 457
 Хенкель Г. – 303, 319
 Хиряков А. – 233
 Хисамутдинов А.А. – 476
 Хисамутдинова Р.Р. – 417
 Хлевнюк О.В. – 106, 224
 Хлопачев Г.А. – 437
 Хлопова И.Г. – 46
 Хлынина Т.П. – 225
 Хмелевская Ю. – 360
 Хмелевская Ю.Ю. – 320
 Хмелевский К.А. – 111
 Хмелевский К.Э. – 352
 Хмелевский С.К. – 111
 Хобсбаум Э. – 214, 254
 Ховин В. – 261, 280
 Ходаковский Н.И. – 283
 Ходза Е.Н. – 433
 Ходяков М.В. – 409
 Холмогоров Е. – 280
 Холюшкин Ю.П. – 439
 Хорев В.А. – 428
 Хореев В.А. – 346
 Хорос В.Г. – 103, 434
 Хорошкевич А.Л. – 411
 Хорхордина Т.И. – 369
 Хотеев П.И. – 462
 Хохлов А.Н. – 431
 Хохлова Д.А. – 362
 Храбров В.А. – 285
 Храпченко М.Б. – 431
 Хрисанфов В.И. – 419
 Хрисанфова Е.Н. – 444
 Христофоров В.С. – 229
 Христофорова О.Б. – 435
 Хроленко А.Т. – 417
 Хромов С.С. – 43, 56, 60, 100, 101
 Хрох М. – 246
 Хрущев Н.С. – 41, 43, 53, 274, 279
 Худобородов А.Л. – 104
 Худяков В.Н. – 351
 Хусаинов Г.Б. – 419

Ц

Цадаса Г. – 438
 Цалкин В.И. – 441
 Цамутали А.Н. – 377, 385, 399, 411, 452, 463
 Цапенко И.П. – 360
 Цветков Н.Н. – 431
 Цегоев В.К. – 380
 Цельникер С.С. – 435

Цимбаев К.Н. – 224, 228
 Ципко А.С. – 73, 107, 108, 118, 266
 Циткин А. – 171
 Цицерон М.Т. – 191
 Цыбиков Г. – 435
 Цыганков Д.А. – 13, 365, 385, 387
 Цыкунов Г.А. – 419
 Цымутали А.Н. – 410
 Цыпина Е.А. – 389
 Цысь В.В. – 225

Ч

Чагин Г.Н. – 439
 Чачух И.М. – 283
 Чашихин У.В. – 113
 Чвикалов А.И. – 229
 Чеботарева В.Г. – 226
 Чеботарева И.А. – 415
 Чекалова А.А. – 422
 Чельшев Е.П. – 435, 456
 Чепелевская Т.И. – 346
 Чепко В.В. – 407
 Чепуренко А.Ю. – 359
 Черепнин Л.В. – 25, 399, 406, 407, 411, 463
 Черкасов П.П. – 347
 Черкасова М.С. – 416
 Черненко К.У. – 286
 Чернецов А.В. – 440, 465
 Чернецов В.Н. – 441
 Чернобаев А.А. – 174, 325–327, 448, 471, 474
 Чернобаев А.Л. – 450
 Чернов К.С. – 229
 Чернов Л.Н. – 43
 Чернов С.Л. – 452
 Чернов С.Н. – 383, 412, 452
 Черноус В.В. – 418, 473
 Черноус В.Н. – 356
 Черноухов А.В. – 418
 Черных В.А. – 347, 463
 Черных Е.Н. – 441
 Чернышевский Н.Г. – 44, 352, 367, 449, 453, 456
 Чернышов И.Ю. – 283
 Чернышов Ю.Г. – 423
 Чернявский Г.И. – 473
 Черняев А. – 452
 Черняев В.Ю. – 102, 109, 111
 Черняк Э.И. – 419
 Чернякова И. – 206, 207, 227
 Чернякова И.А. – 230
 Чертков В.Г. – 229
 Чесноков В.И. – 349, 412
 Четвертков Н.В. – 229
 Чечевишников А.Л. – 351

- Чечель И.Д. – 103, 107, 111, 116, 356
 Чжан Найхэ – 227
 Чибиров Л.А. – 181, 189
 Чиглинцев Е.А. – 421
 Чиколини Л.С. – 422
 Чимитдорожиев Ш.Б. – 473
 Чирков С.В. – 385
 Чистов К.В. – 442, 459
 Чистов Ю.К. – 433
 Чистякова Е.В. – 412
 Чичерин Б.Н. – 380, 395, 452
 Чичеров А.И. – 435
 Чичуров И.С. – 422
 Членова Н.Л. – 443
 Чтецов В.П. – 444
 Чубарьян А.О. – 275, 327, 337, 340, 421, 426, 427, 467
 Чугаев Д.А. – 37
 Чудинов А.В. – 424
 Чудинов В.А. – 283
 Чумаков Г.В. – 230
 Чумакова Т.В. – 347
 Чуркина И.В. – 406
- ### Ш
- Шабаяев Ю.П. – 224, 226
 Шавкунов Э.В. – 441
 Шаврыгин С.М. – 393
 Шайтанов И. – 255
 Шакаре З.Я. – 464
 Шакина О.А. – 417
 Шамшурин В.А. – 393
 Шандровский В.С. – 445
 Шапиро А.Л. – 380, 382, 389, 404, 412
 Шаповалов В.А. – 362, 424
 Шараров Г.В. – 51
 Шараров Ю.П. – 352
 Шарафутдинов Д.Р. – 190
 Шарипов Х.З.-М. – 435
 Шарипова М.Ф. – 466
 Шаскольский И.П. – 412
 Шаститко П.М. – 456
 Шатров М.Ф. – 111
 Шаттенберг С. – 232
 Шаханов А.Н. – 377, 380, 385, 449, 451, 454
 Шахматов А.А. – 374, 395, 463
 Шахматова Н.М. – 468
 Шаховский Д.И. – 452
 Шацилло К.Ф. – 51, 61, 63, 78, 111, 387
 Шашков А.Т. – 395
 Шведова О.И. – 367, 474
 Швейковская Е.Н. – 225, 347
 Шевцов В.И. – 379
 Шевченко В.А. – 228
 Шевченко З.М. – 466
 Шевченко М.Ю. – 299
 Шевченко Н.И. – 320
 Шевченко Т.И. – 229
 Шейнис В.Л. – 229
 Шекспир В. – 232
 Шекшеев А.П. – 230, 465
 Шеллинг Ф. – 231
 Шелохаев В.В. – 110, 111, 399, 412, 452
 Шельдешев Э.М. – 370
 Шемякин А.Л. – 454
 Шепелева В.Б. – 387
 Шепилов Д.Т. – 37
 Шереметев Н. – 226, 232
 Шереметев С.Д. – 453
 Шеркова Т.А. – 431, 434
 Шерстобоев В.Н. – 419
 Шестаков А.В. – 26, 31
 Шехурина Л.Д. – 463
 Шикло А.Е. – 377
 Шикман А.П. – 409, 452
 Шилз Э. – 13
 Шиллер Ф. – 232
 Шилов А.В. – 475
 Шилов В.П. – 441
 Шилов Д.Н. – 367
 Шилов Л.А. – 357, 474
 Шиловский М.В. – 417, 419, 463
 Шинкаренко В.В. – 76, 77, 108, 109
 Шинкарук В. – 101
 Шипилов А.Д. – 388
 Шириков Л.В. – 100
 Ширина Д.А. – 347
 Широков Г.К. – 435
 Широкова В.Г. – 460
 Ширяев Б.А. – 427
 Шишкин В.А. – 106, 412, 444
 Шишкин В.И. – 399, 463
 Шишлина Н.И. – 437
 Шкунаев С.В. – 422
 Шкурко А.И. – 369
 Шкуро А.Г. – 278
 Шлоссер Ф.К. – 44
 Шляков И.А. – 419
 Шмаков В.С. – 111
 Шмелев Г.И. – 224
 Шмелев Н. – 108
 Шмелева Л.М. – 365
 Шмид У. – 232
 Шмидт С. – 294, 298, 300, 367, 412, 464
 Шмидт С.О. – 45, 294, 347, 365, 367, 369, 385, 393, 394, 401, 402, 412, 451, 463, 464, 472, 473, 475
 Шолохов М.А. – 415
 Шорин А.Ф. – 345

Шофман А.С. – 363, 420
 Шохин Л.И. – 369, 453, 463
 Шпёрхазе – 232
 Шпотов Б.М. – 226
 Штакельберг Н.С. – 357, 383
 Штейн В.М. – 435
 Штекли А.Э. – 427
 Штернберг Л.Я. – 443
 Штернберг П.К. – 284
 Штрайх С.Я. – 464
 Штрахов А.И. – 46
 Шукшин В.М. – 352
 Шульгин В.В. – 48, 229
 Шумилова Е.П. – 347
 Шумихин В.Г. – 465
 Шумовский Т.А. – 456, 457
 Шунков В.И. – 25, 410, 412, 463, 464
 Шустов С.Г. – 229
 Шутько Л.В. – 463, 466
 Шуцкой Ю. – 457
 Шушарин В.П. – 423

Щ

Щавелев С.П. – 367, 452, 476
 Щавелёв С.П. – 471
 Щапов А.П. – 395
 Щапов Я.Н. – 45
 Щеглов С.Г. – 398
 Щедрина Т.Г. – 232, 474
 Щедровицкий П.Г. – 99
 Щекочихин Ю. – 102
 Щербаков А.С. – 32
 Щербаков Н.Н. – 465
 Щербань Н.В. – 453
 Щербатский Ф.И. – 19, 27, 435
 Щербина С.П. – 462
 Щербинин А.И. – 356
 Щетинина Г.И. – 347
 Щукин В.М. – 352

Э

Эдаков А.В. – 427
 Эйдельман Н. – 453
 Эйдельман Ю. – 453
 Эйдлин Л.З. – 428, 435
 Эйзенштейн С.М. – 35
 Эйзенштейн С.С. – 76
 Эймонтова Р.Г. – 449, 462
 Эко У. – 216
 Элиас Н. – 209, 214
 Элькин Б.И. – 451
 Эмар М. – 113
 Эмерсон К. – 255
 Эммаусский А.В. – 419

Эммонс Г. – 400
 Эммонс Т. – 382
 Энгельс Ф. – 23, 26, 33, 206
 Эпштейн А.Д. – 233
 Эскин Ю.М. – 404
 Эткинд А.М. – 243, 244
 Эткинд Е.Г. – 457
 Эттингер П.Д. – 459

Ю

Юдельсон А.В. – 360
 Юдина В.С. – 362
 Юнге М. – 367
 Юнусова А.Б. – 416
 Юрасов А.В. – 411
 Юрганов А.Л. – 248, 256, 410, 448, 461
 Юревич А.В. – 360
 Юрий М.Ф. – 111
 Юрченко В.А. – 103, 105, 225, 415
 Юрчик В.И. – 102
 Юрьева Н.В. – 464
 Юсупов Р.М. – 439
 Юшков С.В. – 413

Я

Яблонский Л.Т. – 437, 441
 Яйленко В.П. – 420
 Якимов В.П. – 346
 Якир П.И. – 44
 Яковенко И.Г. – 103
 Яковлев А.И. – 28, 33
 Яковлев А.Н. – 78, 106, 109, 116, 118, 265
 Яковлев И.Я. – 419
 Яковлева А.Н. – 263, 265–267
 Яковлева В.Н. – 52
 Яковлева М.Д. – 414
 Яковлевич Р.В. – 463
 Якуб А.В. – 402, 418, 422, 439
 Якубов Ю.А. – 434
 Якубовская С.И. – 44, 45
 Якубский В.А. – 422, 428
 Якунин В.Н. – 224
 Якушев А.Н. – 361, 362, 366
 Яламас Д.А. – 423
 Ялен Д. – 233
 Ямпольский М. – 217, 219, 231, 235, 253
 Янжул И.И. – 453
 Янин В. – 294, 300, 436, 441, 467
 Янин В.Л. – 113, 294, 300, 369, 400, 411, 412, 436, 441, 467, 468
 Яницкий О.Н. – 366
 Яновский А.Д. – 393
 Яновский Н.Н. – 475, 476
 Ярневский И.З. – 396
 Ярославский Е.М. – 31

Ярхо В. – 457
Ясинский В.И. – 24
Ясман Э.Д. – 447
Яхонтов С.Д. – 419, 474
Яценко В.И. – 427
Яцунский В.К. – 396, 398, 413
Яшин С.В. – 230
Яшин Я.Г. – 112

B

Bonh T. – 382
Bonjean Ch.M. – 253
Breckman W. – 222
Buckley N. – 320

D

David R. – 253
Davies R.W. – 116
Dunham V. – 13

F

Fedorov V.V. – 298
Fomenko A.T. – 297, 298

G

Gafurov B.G. – 429
Gibbons M. – 253

H

Husband W.B. – 104

I

Iggers G.G. – 103

K

Kalashnikov V.V. – 298
Kasines E. – 368
Keep J. – 104

Korostovtsev M.A. – 431
Krementsov N. – 53

L

Limoges C. – 253
Lindholm-Romantschuk Y. – 253

M

Milukov P.N. – 382

N

Nosovsky G.V. – 298
Nowotny H. – 253

O

O'Hmori S. – 107

P

Price D.J. de Sola – 13

R

Rassel B. – 320

S

Schwartzman S. – 253
Scott P. – 253
Sherlok T. – 104
Strayer R. – 100

T

Trow M. – 253
Tucker R. – 105

W

Weiss M. – 253
Whitley R. – 253
Wulf D. – 320

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беленький Иосиф Львович, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, автор известных библиографических указателей, справочников и статей.

Бордюгов Геннадий Аркадьевич, кандидат исторических наук, профессор МГЛУ, Руководитель Международного Совета АИРО-XXI.

Дедков Никита Игоревич, кандидат исторических наук, зам. зав. кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Есаков Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Люкшин Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета.

Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, доктор философии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, приглашенный профессор университета Такусёку (Токио).

Нарский Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета. пяти монографий.

Потапова Наталья Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Свешников Антон Вадимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Соколов Борис Вадимович, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, член Русского ПЕН-Центра.

Степанов Борис Евгеньевич, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ-ВШЭ.

Хмелевская Юлия Юрьевна, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета.

Чечель Ирина Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории новейшего времени ИАИ РГГУ, Руководитель образовательных программ Фонда эффективной политики.

Щербина Сергей Петрович, социолог, арт-директор АИРО-XXI.

Издания АИРО в 2001–2011 гг.

2001

- Стивен Коэн.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Ленарт Самуэльсон.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. («АИРО – Первая публикация»).
- А.П. Ненароков.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». («АИРО – Монография»).
- И. Ротарь.* Под зелёным знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 12).
- Новые концепции российских учебников по истории / Сост. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 13).
- Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей – к 60-летию профессора Харуки Вада / Под редакцией Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита.
- Magister vitae.* К 80-летию Л.И. Мильграма / Составители М.Я. Шнейдер, Г.А. Бордюгов.
- Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации.
- Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей / Под редакцией И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой.
- С.В. Константинов, А.И. Ушаков.* История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.
- А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.* Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Фёдору Крюкову.
- В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. П.Н. Краснов, Ф.Д. Крюков, И.А. Родионов / Составители А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.

2002

- Анна Гейфман.* В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Беттина Зибер.* «Русская идея» обязывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 14).
- Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.
- Промышленность Урала в XIX–XX веках. Сборник научных трудов / Под редакцией В.П. Чернобровина.
- Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова.
- Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.
- Б.И. Чехонин.* Как богатеют, не воруя (по странам и континентам).

Synopsis operandi профессора Аймермахера /Составитель А.И. Ушаков.

С.Б. Веселовский. Подмосковье в древности. Три очерка.

Фёдорю Крюкову, певцу Тихого Дона.

Вадим Смиренский. Разбор сюжетов.

2003

Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет / Составители Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков.

Марк Юнге. Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущёва до Горбачёва. («АИРО – Первая публикация в России»).

И.А. Гордеева. «Забывшие люди». История российского коммунитарного движения. («АИРО – Первая монография»).

Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова.

In Memoriam. Г.М. Адиебеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов / Составители Г.А. Бордюгов и А.И. Ушаков.

Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.

Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.

Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 /Составитель В.Э. Молодяков. («АИРО – Первая публикация в России»).

Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.

Застольные речи Сталина. Документы и материалы /Сост., введение, коммент. В.А. Неvejeина.

2004

Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.

Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.

Из старых тетрадей. *С.Б. Веселовский.* Страницы из Дневника. 1917–1923. *В.С. Веселовский.* Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.

Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.

Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.

Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.

Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.

Василий Молодяков. Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.

Ю. Сигов. Многоликая Малайзия.

А.А. Куренных. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. («АИРО – Монография»).

Россия: удачи минувшего века / Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сборник статей.

Марк Юнге, Рольф Биннер. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. («АИРО – Первая публикация в России»).

2005

- Никита Дедков.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. («АИРО – Первая монография»).
- Жанат Кундакбаева.* «Знаком милости Е. И. В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. («АИРО – Монография»).
- В.Д. Соловей.* Русская история: новое прочтение. («АИРО – Монография»).
- С.И. Валянский.* Теория информации и образование. Об условиях выживания России. («АИРО – Монография»).
- П.Б. Уваров.* Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. («АИРО – Монография»).
- 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. («АИРО – Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН)) / Под редакцией Г.А. Бордюгова и Е.А. Котелевца, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Лотара Майера.
- Б.Г. Тартаковский.* Всё это было... Воспоминания об исчезающем поколении. («АИРО – Первая публикация»).
- Б.Г. Тартаковский.* Из дневников военных лет. («АИРО – Первая публикация»).
- Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. Серия «АИРО – Первая публикация». Публ. В.Э. Молодякова / Под редакцией Г.А. Бордюгова.
- Норман Неймарк.* Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Стивен Коэн.* Можно ли было реформировать Советскую систему. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.)
- Александр Зиновьев, Герман Кант, Бернхард Кьяри, Борис Соколов, Андрей Турков.* Великая война: трудный путь к правде. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 17, совм. с журналом «Свободная мысль–XXI»).
- Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта. Сб. докладов. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 18, совм. с Центром «Запад–Восток», Кассельский университет).
- Дмитрий Андреев, Геннадий Бордюгов.* Пространство памяти: Великая Победа и власть. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19).
- Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) / Под редакцией Г. Бордюгова и В. Молодякова.
- Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.
- Жанат Кундакбаева.* Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения.
- Владимир Самарин.* Страсти по «Тихому Дону». Заметки на полях романа.
- Борис Соколов.* Моя книга о Владимире Сорокине.
- 60-летие Второй мировой и Великой Отечественной войн: победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (сентябрь, 2005). Совм. с Фондом Фридриха Науманна.
- Ст. Б. Веселовский.* Из истории Московского государства в XVII веке. Три статьи / Сост. А.Г. Макаров и С.Э. Макарова.
- Рой Медведев.* Социализм в России?
- Япония 2004–2005. Ежегодник.

2006

- Дмитрий Люкшин.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).
- А.Г. Ложкин.* Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).

- Ф.Г. Куначёва. Религиозные воззрения абазин (с древнейших времён до наших дней). («АИРО – Первая монография»).
- В.Э. Молодяков. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).
- Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой / Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).
- Молодёжь и политика. Материалы семинара (сентябрь 2005) / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 17.
- Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18.
- Э. Саблина. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. («АИРО – Монография»).
- Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов / Под редакцией и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Неймарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).
- Малороссия. Новороссия. Крым. Исторический и этнографический очерк. Сост. А.Г. Макаров и С.А. Макаров.
- Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Нормана Неймарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.
- Портрет современного японского общества.
- В.Э. Молодяков. Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).
- Н.А. Четырина. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).
- П. Павленко. Либерально-демократическая партия в политической системе Японии. 1955–2001.
- Павел Гвоздев. Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации.
- Япония. Ежегодник. 2006.
- Сергей Валянский. Хронотроника и эволюция социальных систем. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 20).
- В тени «Тихого Дона». Фёдор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

- Я.В. Леонтьев. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).
- Стивен Коэн. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?
- Ирина Каргина. Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.
- А.Г. Тепляков. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).
- Р.А. Гоголев. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).
- И.А. Алексеева. История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).
- В.И. Колесов. Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).
- Фридрих Фирсов. Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).

С.И. Валянский. Язык мой – враг мой.

Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина / Предисловие А.П. Ненарокова.

Ельгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, А.Е. Куланов.

Япония открытая миру. Коллективная монография.

В.Г. Воловников. О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).

В.Д. Соловей. Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).

Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.

С.Ф. Платонов. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.

Александр Рабинович. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).

Николай Андреев. Первые стихи.

Владимир Путин. Рано подводить итоги.

Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер.

Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова. (совместно с ТПП РФ).

2008

Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).

Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.

Константинов С.В. «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.

Леонид Козлов. В диалоге с прошлым.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Козна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.

Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.

Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.

Е.В. Суровцева. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).

А.А. Куреншиев. Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).

Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера.

Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).

Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.

Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.

Роберт Эдельман. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.

А.Г. Тепляков. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

2009

В. Волков, С. Соколов. Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).

Н.В. Кравчук. История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).

В.А. Рябинин. Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».

А.П. Ненароков. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).

А.П. Ненароков. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).

Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.

В.Н. Томлин. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).

Н.И. Бурнашева. В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).

Эрик Кулевиц. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).

Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*

Ф.Д. Крюков. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя.

Возвращаясь на улицу Юности.

Л.А. Боева. «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).

Б.В. Соколов. Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).

Япония 2009. Ежегодник.

Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.

А.К. Конопацкий. Прошлое великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.

Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

Пётр Баратов. «И с Москвой золотоглавой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).

- Венков А.В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО–XXI, 2010 г. – 884 стр.
- Кравчук Н.В. История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII – XV вв. – М.: «АИРО–XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).
- Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 284 с.
- Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2010. – 320 с.
- Ю.М. Коликов. Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 432 с.
- Виктор Кригер. Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 104 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Н.К. Веселовская. Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940 – 1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО–XXI, 2010. – 184 с.
- Г.А. Бордюгов. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Посадский А. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО–XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.
- Цыганок А.Д. Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина. Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО–XXI. 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО–XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XXI, 2010. – 372 с.
- Носович А.Л. Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В. Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б. Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО–XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО–XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО–XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).

- Стивен Коэн.* Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

2011

- И.Б. Белова.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.
- Стивен Коэн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.
- А.А. Куренышев.* Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 118 с.
- Е.В. Суrowцева.* Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 164 с.
- Г.А. Бордюгов.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- З.С. Бочарова.* Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
- Стивен Коэн.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.
- Б.В. Соколов.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ РОССИИ:
20 ЛЕТ ПЕРЕМЕН

Под редакцией Геннадия Бордюгова

ISBN 591022168-X

9 78 5910 2216 84

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 05.09.2011
Формат 70×100/16. Усл. изд. л. 64,0
Тираж 1000 экз. Зак.